

РЕАЛЬНАЯ
ПОЛИТИКА

В. Н. Барышников

ФИНСКАЯ ВОЙНА

СССР

ФИНЛЯНДИЯ

Хельсинки

Ханко

Ленинград

ИНСТИТУТ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ИНИЦИАТИВ

В. Н. Барышников

ФИНСКАЯ ВОЙНА

 КУЧКОВО ПОЛЕ
издательство

Москва
2023

УДК 94(100-87)
ББК 63.3(0)6
Б26

Рецензенты:

С. Г. Веригин, доктор исторических наук,
профессор Петрозаводского государственного университета
Р. А. Соколов, доктор исторических наук,
профессор РГПУ им. А. И. Герцена

Барышников, Владимир Николаевич

Б26 Финская война. — М.: Издательство «Кучково поле», 2023. — 448 с.:
32 л. ил. — (Реальная политика).

ISBN 978-5-907171-89-3

В монографии на основе российских и зарубежных источников рассматриваются ключевые события, касающиеся причин начала и хода Советско-финляндской войны 1939–1940 гг. Наряду с рассмотрением боевых действий в работе особое место занимает исследование проблем политического противостояния по «финляндскому вопросу» СССР и стран Запада перед войной, а также значение военной, экономической и политической поддержки, которую Финляндия получала в 1939–1940 гг. со стороны Великобритании, Франции, Швеции, США и Германии.

Книга рассчитана как на историков, так и на широкий круг читателей, интересующихся историей Второй мировой войны и советско-финляндскими отношениями.

УДК 94(100-87)
ББК 63.3(0)6

SBN 978-5-907171-89-3

- © Барышников В. Н., текст, иллюстрации, 2023
- © АНО «Институт нешнеполитических исследований и инициатив», название серии, 2023
- © ООО «Издательство «Кучково поле», издание, оригинал-макет, художественное оформление, 2023

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ

С новой монографией «Финская война» профессора Владимира Николаевича Барышникова мы продолжаем исследовать сложные политические процессы кануна Великой Отечественной войны: ранее этому были посвящены коллективные труды «Мюнхен 1938. Падение в бездну Второй мировой» в 2018 г.¹ и «Антигитлеровская коалиция — 1939: Формула провала» в 2019 г.². Заведующий кафедрой истории Нового и новейшего времени Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, доктор исторических наук В. Н. Барышников — признанный в России и за рубежом специалист по истории советско-финляндских отношений.

Параллельно новая книга развивает тему отношений с нашим северным соседом Финляндией. Финляндская республика впервые в своей истории была признана в качестве независимой решением молодой Советской России в декабре 1917 г., а в годы «холодной войны» построила конструктивные добрососедские отношения с СССР. Россию и Финляндию связывала фигура маршала Маннергейма, и в монографии «Маннергейм и Советский Союз» (2021)³ профессор Барышников дал исчерпывающий ответ на вопросы о его роли в истории двух государств. Этот ответ воздвиг непреодолимые препятствия на пути прославления в современной России царского генерала, ставшего союзником Третьего рейха и замкнувшего кольцо блокады Ленинграда. Ни одно государство в мире не воевало столько с нашей страной в XX в., сколько Финляндия при Маннергейме, — трижды, подчёркивал автор.

¹ Мюнхен-1938: Падение в бездну Второй мировой: сб. ст. / под общ. ред. В. Ю. Крашенинниковой; отв. редактор О. Г. Назаров. М.: Издательство «Кучково поле», 2018. — (Реальная политика).

² Антигитлеровская коалиция — 1939: Формула провала: сб. ст. / под общ. ред. В. Ю. Крашенинниковой; отв. редактор О. Г. Назаров. М.: Издательство «Кучково поле», 2019. — (Реальная политика).

³ *Барышников В. Н.* Маннергейм и Советский Союз. М.: Издательство «Кучково поле», 2021. — (Реальная политика).

Название «Финская война» сложилось изначально в Советском Союзе, а в Финляндии эта война, длившаяся три с половиной месяца с 30 ноября 1939 по 12 марта 1940 г., была именована «зимняя» — такое название и внедрилось в мировую историографию, отмечает профессор Барышников. При этом официальное название звучит так: Советско-финляндская война 1939–1940 гг. (именно «финляндская»), согласно Большой советской и Большой российской энциклопедиям.

Кто и зачем готовил эту войну? Отмечая интенсификацию контактов Финляндии с Третьим рейхом в 1937–1938 гг., автор пишет, что «политика Германии в Балтийском регионе явно провоцировала СССР на ответные действия. Рейх осуществлял свою политику исключительно вызывающе. Не замечать демонстрируемые им военные интересы было просто невозможно». Финляндия тем временем «продавала» западному миру образ себя как «стражника Европы», «рыцаря на передовых рубежах защиты Запада и Европы против Азии и Востока». Автор цитирует известного финского государственного и политического деятеля того времени К. О. Фрича, по его мнению, психология финнов отражала их принадлежность к «западному миру», и эта принадлежность выражалась отрицательным отношением к СССР. Напомним, в то время граница Финляндии проходила всего в 32 километрах от центра Ленинграда. Репино, часть Курортного района сегодняшнего Санкт-Петербурга, было уже за границей.

Почему потребовалась новая книга о далекой войне, в истории которой, казалось бы, не осталось особых тайн? Это лишь поверхностное впечатление. Трехмесячный конфликт по-прежнему остается «в тени» последующей Великой Отечественной войны и участия в ней Финляндии на стороне Третьего рейха — в финской историографии это «война-продолжение», с целью показать взаимосвязь с «зимней войной». В советское время о «финской войне» говорили мало — и, вероятно, обоснованно: зачем было портить позитивные отношения с Финляндией. Хотя зарубежные историки продолжали выпускать свои работы на эту тему. Только со второй половины 1980-х гг. в СССР появились первые научные труды, посвященные этому сложному периоду советско-финляндских отношений¹. Основным трудом о политической истории конфликта 1939–1940 гг. по-прежнему является двухтомник

¹ См.: Барышников Н. И., Барышников В. Н. Финляндия во второй мировой войне. Л., 1985; Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г. Финляндия во второй мировой войне. Л., 1989; Семиряга М. И. Советско-финляндская война (к 50-летию окончания). М., 1990.

отечественных и финских авторов, выпущенный Институтом всеобщей истории РАН в 1998 г.¹

Главное внимание исследователей обычно уделяется военным аспектам, однако советско-финский переговорный процесс, проходивший в начале скрытно, и события кануна войны требуют дополнительного внимания. Что же касается военных проблем, пишет В. Н. Барышников, до сих пор не до конца понятно, почему, взяв курс на силовое разрешение советско-финляндского конфликта, СССР, обладая несравненно большими военными возможностями, чем Финляндия, вначале не смог выполнить поставленные военные задачи. Почему «финская война» стала для СССР достаточно кровопролитной и затянулась на три с половиной месяца? Наконец, какими мотивами руководствовалось финское руководство, подписывая достаточно жесткий с точки зрения Финляндии мирный договор? Многие ключевые архивные материалы в России и в Финляндии долгое время не были полностью рассекречены, поэтому, формулируя вопросы, автор намечает «дорожную карту» дальнейших исследований.

Три войны против СССР за четверть века подвели часть руководства Финляндии к осознанию, что только взаимопонимание с СССР и доверие двух народов может стать прочной гарантией мирного развития для Финляндии. В сентябре 1944 г. Финляндия вышла из войны против СССР, в апреле 1948 г. подписала Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи с Советским Союзом, обязуясь соблюдать нейтралитет и признать особые стратегические интересы СССР: так сформировалась «линия Паасикиви — Кекконена», по именам двух послевоенных президентов Финляндии. Тогда финское правительство старалось запрещать созданные на Западе антисоветские фильмы, из библиотек изымались антисоветские книги. Оппоненты такой политической линии даже ввели термин «финляндизация» для описания дружественных отношений капиталистической страны с СССР. Причём У. К. Кекконен в конце 1970-х гг., отвечая на это, четко говорил: «Мы, финны, не нуждаемся ни в оценках, ни в сочувственном “понимании”... Неужели действительно так трудно понять, что Финляндия самостоятельно приняла свое главное решение о политике безопасности? Неужели трудно поверить, что самостоятельная политика финского народа, именно им самим и без принуждения избранная линия соответствует интересам Финляндии»².

¹ Зимняя война 1939–1940: в 2 кн. / отв. ред.: О. А. Ржешевский, О. Вехвилайнен. М., 1998.

² Цит. по: *Комиссаров Ю.* «Линия Паасикиви-Кекконена»: История, современность, перспективы. М., 1985.

Однако в последние десятилетия такое представление и понимание «восточной политики» в Хельсинки постепенно стиралось. Участвуя в интервенциях НАТО, войдя в силы быстрого реагирования, затем в экспедиционные силы НАТО, Финляндия постепенно теряла свой прежний нейтральный статус, хотя экономические и общественные связи с Россией оставались активными. После старта специальной военной операции России на Украине 24 февраля 2022 г. большая часть российско-финских связей была прервана. В мае 2022 г. Финляндия вместе с Швецией подала заявку на вступление в НАТО, и 4 апреля 2023 г. страна стала 31-м членом Североатлантического альянса. В результате протяжённость границы РФ со странами — членами НАТО удвоилась, Балтийское море стало практически морем НАТО (с небольшими российскими участками побережья вокруг Санкт-Петербурга и Калининграда), Арктический совет усилился ещё одним членом альянса. В дополнение, весной 2023 г. Финляндия и США начали готовить двусторонний договор о военном сотрудничестве, который может позволит ВС США беспрепятственно использовать финскую территорию и военные базы для подготовки военнослужащих и хранения военных материалов и оборудования.

Для России это означает дополнительное военное давление вдоль северной границы и расширение спектра угроз в важнейшем для будущего Арктическом регионе. Но станет ли безопасностью Финляндии надёжнее от этого? Опубликованная нами ранее книга подполковника Турмуда Хейера из Академии вооружённых сил Норвегии¹, страны-члена НАТО, даёт однозначный отрицательный ответ. Наоборот, вступление Финляндии в НАТО будет способствовать милитаризации страны, за которую придётся платить финскому народу, вдобавок к повышению цен на энергоносители и инфляцию.

Кажется, что уроки истории сегодня никого не усвоил. В действительности, история учит только тех, кто хочет научиться. Есть ли таковые сегодня? Текущий 2023 год принесёт ответы на эти вопросы, чреватые самыми тяжёлыми последствиями для всех участников.

*Вероника Крашенинникова,
генеральный директор
Института внешнеполитических исследований и инициатив,
член Российского исторического общества*

¹ *Хейер Т.* Норвегия между США и Россией / Пер. с норв. А. С. Евсеевой, предисловие В. Ю. Крашенинниковой. — М.: Издательство «Кучково поле», 2020. — (Реальная политика).

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Финская война» — народное название войны СССР против Финляндии 1939—1940 гг., которое получило в то время распространение среди населения Советского Союза. Это название наиболее полно отражало отношение к советско-финляндской войне в СССР. Действительно, для граждан Советского Союза Финляндия в то время имела образ крайне враждебного советскому народу государства.

Что же касается Финляндии, то там утвердилось иное наименование — «зимняя война». Причем это название в Финляндии быстро стало официальным и распространилось на весь остальной мир, поскольку незамедлительно было внедрено в мировую историографию, что само по себе оказалось весьма показательным. И дело было даже не только в том, что война в основном велась в зимний период. Очевидным являлся и тот факт, что большая часть мировой общественности явно поддерживала финскую сторону в этом конфликте. Финляндия, несомненно, воспринималась как государство, целиком входящее в Западный мир, страна, защищающая не только свою собственную независимость, но и все западные ценности.

Действительно, известный финский поэт Ууно Кайлас в первые годы после провозглашения независимости Финляндии постарался особо отразить значение своего государства для Западного мира. В своих стихах он аллегорически представил свою страну в собирательном образе некоего средневекового рыцаря, который, испытывая «горькое и дерзкое удовольствие», находился на передовых рубежах защиты Запада и Европы от Азии и Востока. Поэт от лица населения восклицает: «Ее [Европу. — *В. Б.*] я, стражник [финский народ. — *В. Б.*], защищаю!» Это утверждение было

также замечено финскими государственными и политическими деятелями¹.

В целом с данным поэтическим «образом финского народа» можно, вероятно, отчасти согласиться. Вся история Финляндии первой половины XX в. в представлении значительной части населения была объективно окрашена проявлением ярко выраженных антироссийских настроений. Здесь явно обнаруживалось стремление безоговорочно выполнять «благородную роль» некоего «защитника», находящегося в авангарде Запада, у восточных границ всей европейской цивилизации. Как по этому поводу отмечал известный финский государственный и политический деятель того времени К. О. Фрич, психология финнов отражала их принадлежность к Западному миру, что проявилось в отрицательном отношении к СССР. «Позиция Финляндии по отношению к восточному соседу» базировалась на понимании того, что страна жила «бок о бок с большевистской диктатурой и со всеми теми непонятными для западных стран, чуждыми, да и совершенно незнакомыми силами и стремлениями, которые существовали в этом государстве»².

Причем все самое позитивное, что могло остаться за более чем столетний период пребывания Великого княжества Финляндского в составе Российской империи, за всего лишь 10–20 лет его независимого государственного развития испарилось. Как заметил, обращаясь к своим личным представлениям, будущий президент Финляндии Ю. К. Паасикиви, «у меня нет никаких предрассудков в отношении Советского Союза и против русских, в России я жил в молодости и знаю российскую классическую литературу и культуру»³. Но далее он прямо подчеркнул: «...100-летнее общение не оставило нам иного впечатления, как многое укоренившееся из области кулинарии: блины, икра, борщи-супы и некоторая другая редкая пища. Напротив, мы удалялись от России десятилетиями и десятилетиями. Ибо в ней был уже совсем другой мир, который для нас неприемлем»⁴.

¹ См.: *Кекконен У. К.* Финляндия и Советский Союз. Речи, статьи, интервью 1952–1975. М., 1975. С. 77; *Вихавайнен Т.* Столетия соседства. Размышление о финско-русской границе. СПб., 2017. С. 12.

² *Frietsch C. O.* Suomen kohtalonvuodet. Hels., 1945. S. 23–24.

³ *Paasikivi J. K.* Toimintani Moskovassa ja Suomessa 1939–42. Os. II. Hels., 1958. S. 191.

⁴ *Ibidem.*

Но Финляндия не просто «удалялась от России». Она еще и активно с ней боролась. В первой половине XX в. Финляндия больше, чем любое другое государство мира, смогла с невероятным ожесточением неоднократно повоевать с Советской Россией. По итогам этих войн она трижды — в 1920, в 1940 и в 1947 гг. подписывала мирные договоры. Таким образом, объективно во всех своих войнах финны оказывались на самых передних рубежах западной цивилизации, представляя себя в качестве неких особых защитников «западных ценностей», а свою страну — в виде своеобразного «северного плацдарма» конфронтации с СССР.

Подводя итог этого исторического периода, можно сказать, что во всех финских войнах Финляндия не добилась того результата, на который, вероятно, рассчитывала. «Мужественно защищая» свою независимость и одновременно отстаивая «западные ценности», финны неизменно оказывались в конце концов один на один с Советской Россией и никакой весомой помощи и поддержки от Запада реально не получали.

Не получили они действенной поддержки, когда участвовали против Советской России в так называемых племенных походах 1918—1920 гг. «Великая Финляндия», которая должна была сложиться после присоединения части российской территории и о которой финны тогда мечтали, так и не получилась.

Еще более драматично стали разворачиваться сюжеты, связанные с Советско-финляндской войной 1939—1940 гг. Тогда Запад как морально, так и финансово поддержал Финляндию. С Запада в страну активно устремился поток вооружения. Туда же направлялись для участия в войне против СССР и «добровольцы». Единственное, что не было сделано, — это отправка в Финляндию «сочувствующими» помощь регулярных войск. Эти войска, несмотря на систематические обещания, исходящие от Парижа и Лондона, так и не прибыли...

Но кульминации противостояние Финляндии с СССР, конечно, достигло в 1941 г. В это время финское руководство, рассчитывая на всю мощь и силу нацистской Германии в образе «крестоносца», впервые в своей истории начало самую кровопролитную коалиционную войну на стороне Запада против СССР. Причем здесь речь шла уже не просто о захвате значительной части территории Советского Союза, а о полном разгроме соседнего государства.

Войну совместно с нацистской Германией против СССР в Финляндии посчитали продолжением «зимней войны». Но и она закон-

чилась очередным поражением и подписанием нового мирного договора. Этот договор окончательно подвел черту под тремя войнами. Таким образом закончилась целая эпоха жесткого противостояния двух государств. Образ Финляндии, олицетворяющий «защитника передовых рубежей» Запада, тоже сильно поблек. С этого момента в финском руководстве начали приходить к осознанию, что результатом всей предшествующей эпохи стало то, что теперь «мы находимся, — как заявил Ю. К. Паасикиви, — на дне оврага, куда забросили нас события»¹.

Тем не менее вряд ли исключительно ход событий «забросил» Финляндию «на дно оврага». Это был во многом собственный выбор финского правительства, и теперь, в конце Второй мировой войны, финской элите нужно было сделать соответствующие выводы в своих отношениях с СССР. Иными словами, для Финляндии тогда наступил такой исторический этап, на котором следовало определить, насколько оправданным являлось ее участие в непрерывных войнах против Советского Союза. И вывод оказался вполне адекватным. В Хельсинки начали осознавать, что только взаимопонимание с СССР и доверие двух народов может стать для Финляндии гарантией прочного мирного развития. Таким образом, исторический выбор в отношениях Восток — Запад, сделанный по итогам трех войн, был сделан на основе серьезного переосмысления финским руководством ценностного значения всего предыдущего исторического периода. Прежний их опыт оказался хорошим наглядным примером малой эффективности проводимой до этого политики.

Но тем не менее роль Финляндии в качестве «стражника», который должен был защитить Запад от Советского Союза в 1920—1940-е гг., конечно, наиболее ярко и убедительно начала проявляться именно в «финскую войну». Сегодня, несомненно, важно дать предельно объективную оценку тому, насколько неизбежным было военное столкновение в 1939 г. Финляндии с Красной армией и как вообще эта война могла коррелироваться с отношениями Запад — Восток и уже начавшейся Второй мировой войной.

При этом когда историки пишут о начале Второй мировой войны, то нередко используют в названии своих работ такое поня-

¹ Линия Паасикиви. Статьи и речи Юхо Кусты Паасикиви 1944—1956. М., 1958.

тие, как «тайна»¹. И это не случайно. Канун мировой трагедии действительно окутан определенной пеленой интриг, хитросплетений и скрытых от постороннего взгляда тайн, которыми обильно была покрыта целая серия секретных переговоров, ведущихся тогда государствами. Это касалось не только «главных» западных государств и Советского Союза, но и относилось к «малым странам», которые в стремительно развивающемся потоке событий тоже судорожно пытались определить свою позицию. Советско-финляндские отношения в данном случае могут служить соответствующим примером того, как развивались подобные контакты, переросшие затем в войну.

В целом 1939 г. являлся в переговорном процессе двух этих стран, несомненно, тем самым рубежом, за которым стала уже проглядывать возможная война. Серия секретных многомесячных, вялотекущих переговоров, продолжавшихся более полутора лет, заканчивалась. Более того, в конце 1939 г. переговоры приобрели вполне официальный характер встреч на самом высоком уровне. Советское руководство тогда четко взяло курс на безотлагательное решение проблемы военной безопасности, касающейся жизненно важных центров на северо-западе СССР. Финалом этого переговорного процесса в конечном итоге было решение развернуть боевые действия против Финляндии.

Однако это решение принималось уже в условиях Второй мировой войны. В результате начавшаяся тогда «финская война» оказалась уникальным явлением. Она проходила во временных рамках общей мировой трагедии, но ни СССР, ни Финляндия при этом в общеевропейской войне официально еще не участвовали. Тем не менее определенные тенденции по втягиванию этих государств в большую войну наблюдались.

Уникальность событий, связанных с «финской войной», не могла остаться без внимания историков. О ней уже написано немало. И кажется, что здесь не осталось особых тайн. Однако при внимательном изучении этой войны становится понятным, что в историографическом плане все выглядит далеко не так просто...

¹ См.: *Семиряга М. И.* Тайны сталинской дипломатии 1939–1941. М., 1992; *Сиполс В.* Тайны дипломатические. Канун Великой Отечественной войны. 1939–1941. М., 1997; *Соколов Б. В.* Тайны финской войны. М., 2000; *Раткин С.* Тайны Второй мировой войны. Минск, 1995; и др.

Характерной особенностью складывавшейся в нашей стране историографической традиции являлось то, что на протяжении более чем трех десятков лет, с 1950 по 1980 г., об этой войне говорили очень немного. По подсчетам российского историка П. В. Петрова, с 1946 по 1990 г. было опубликовано всего три работы, которые он отнес к исследованиям и очеркам, касающимся истории «зимней войны»¹. Действительно, в Советском Союзе «финская война» была просто «забыта». Но уже к этому «застойному» времени были достигнуты определенные научно-исследовательские результаты и сложились определенные историографические подходы к изучению истории этой войны.

Дело в том, что сразу после окончания «финской войны» в СССР срочно постарались из видимых ее итогов сделать соответствующие выводы. Было очевидно, что победа Советскому Союзу досталась нелегко. Поэтому потребовалось, во-первых, объяснить достаточно скромный для мощи вооруженных сил СССР результат и, во-вторых, постараться сделать соответствующие выводы, извлечь уроки из допущенных в ходе войны просчетов и неудач.

В таком направлении сразу же после окончания боевых действий стали работать советские военные исследователи, а также публицисты. Объективно уже тогда наметилось два подхода в освещении войны. Один из них предполагал, что адресатом появлявшихся публикаций будет выступать самый широкий круг советской общественности. Здесь явно видно стремление представить эту войну как «проявление исключительного подвига», который совершила Красная армия. Что, кстати, не вызывает до сих пор большого сомнения. Второй же подход выражался в изложении событий «финской войны» в критическом ключе. Данные исследования предназначались для весьма ограниченного круга лиц и представляли собой взвешенный, во многом уже исторический анализ произошедших событий. Здесь явно просматривалось стремление понять причину, почему первоначальный план ведения войны с Финляндией не удался и какие следует извлечь военные уроки на будущее.

Что касается первого подхода или направления в освещении этой войны, то для него было характерно появление большого

¹ *Петров П. В.* Зимняя война 1939–1940 гг. Библиография 1939–2011. Jyväskylä, 2013. С. 155.

количества литературы, выходившей массовыми тиражами. В ней отражались сложности проведения боевых действий в Финляндии, а также описывалось проявление мужества советскими воинами. Однако материал излагался в большинстве своем неконкретно и носил чисто пропагандистский характер. Поэтому такого рода издания, где описывались успехи в тех или иных боях, требовали весьма критического подхода и необходимых уточнений. Объективно, эта литература имела преимущественно «воспитательное» предназначение¹.

Что же касается второго направления в подходе к изложению войны, то оно носило противоположный характер и созданные в его рамках труды можно в полной мере относить к военно-научным исследованиям.

Причем создание объективной картины прошедшей войны являлось определенной целью советского руководства. Сразу с ее окончанием, 11 июля 1940 г., нарком обороны С. К. Тимошенко отдал распоряжение о подготовке серьезного военно-исторического издания, посвященного «финской войне». Для этого была создана специальная комиссия. Военные историки должны были в весьма сжатые сроки — до весны 1942 г., то есть за полтора года, — подготовить фундаментальный труд, в котором требовалось детально проанализировать и изложить все события Советско-финляндской войны².

В октябре 1940 г. был уже составлен подробный проект такого издания. Он впечатлял своим охватом рассматриваемой проблемы. В нем должны были быть изучены как военное планирование до конца ноября 1939 г., так и собственно весь ход военных действий, причем по всем стратегическим направлениям и с охватом всех родов войск³. Предполагалось написать семь томов. Всего же это произведение должно было состоять из девяти книг⁴.

¹ См.: Бои в Финляндии. Воспоминания участников. Ч. 1–2. М., 1941; Бои на Карельском перешейке. М., 1941 и др. (основной перечень этих работ содержится в книге: Советско-финляндская война 1939–1940. Т. II. СПб., 2003. С. 382–509).

² Российский государственный архив Военно-Морского Флота (далее — РГА ВМФ). Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 227. Л. 3. Приказ НКО № 200 от 11 июля 1940 г.

³ Подробно см.: Советско-финляндская война 1939–1950. Т. II. С. 375–379.

⁴ РГА ВМФ. Ф. Р-1529. Оп. 2. Д. 642. Л. 1–50. План труда «Советско-финляндская война 1939–1940 гг.», октябрь 1940.

Что касается реализации самой идеи столь обширного замысла, то по понятным причинам, связанным с началом Великой Отечественной войны, в полном объеме этот проект так и не удалось осуществить. Реально был опубликован лишь единственный 7-й том этого многотомного издания. Он посвящался изучению и анализу действий советских военно-морских сил и был подготовлен в намеченные сроки. В 1942 г. рукопись «Советско-финляндская война 1939—1940 гг. на море» была представлена. Ее оригинальный машинописный вариант сейчас хранится в Российском государственном архиве Военно-Морского Флота¹.

В целом рукопись явилась по-своему потрясающим произведением, аналогов которому в нашей стране после этого долгое время просто не было. Причем показательно, что не было и подобного по своему охвату изложения материала боевых действий в период «зимней войны» на море и в Финляндии². Однако вплоть до 2000-х гг. эта колоссальная работа не имела широкого распространения, поскольку в 1945—1946 гг. она была издана под грифом секретности и целиком относилась к работам, имеющим также гриф «для служебного пользования». Более того, она была выпущена ограниченным тиражом³. Лишь только в 2002 г. данный труд был вновь заслуженно переиздан и получил в результате широкое научное распространение⁴.

В чем была примечательность данного исследования? Прежде всего в нем сделана попытка без особых приукрашиваний, подробно дать анализ подготовки и боевой деятельности флота в период Советско-финляндской войны 1939—1940 гг. Из работы видно, что флот собственно к войне с Финляндией совершенно не готовился. Так, в частности, это акцентируется в указанном труде: «Основная линия боевой подготовки была направлена в сторону подготовки к войне с противником, имеющим крупный флот, к войне же с Финляндией конкретно не готовились». Далее же подчеркивается: «Этим объяс-

¹ Там же. Д. 48, 57, 59. Советско-финляндская война 1939—1940 гг. на море.

² Наиболее полное специальное издание, касающееся данных сюжетов (Suomen laivasto 1918—1968. Osa 1, Hels., 1968), является лишь частично похожим по характеру на данное издание.

³ Советско-финляндская война 1939—1940 гг. на море. Ч. 1. Кн. 1—3. М.; Л., 1945—1946.

⁴ Советско-финляндская война 1939—1940 гг. Боевые действия на море. СПб., 2002.

няется отсутствие разработанных и проверенных планов»¹. Современные исследования и материалы подтверждают данный вывод².

Более того, в рассматриваемом произведении в приложении приводится весь комплекс документов, касающихся планирования военных действий на море против Финляндии. Они сконцентрированы в конце соответствующих томов труда, и среди этих документов полностью воспроизведены все основные приказы и планы советского военно-морского командования в ноябре 1939 г.³ Из проводимого основного материала, а также из приложений становятся ясными основные задачи, ставившиеся ранее перед флотом. Конкретно отмечается, что Военному совету флота была отдана директива на подготовку операции лишь 3 ноября 1939 г., а уже 5 ноября ВС КБФ составил общий план боевых действий. Сам же план операции был утвержден ВС ЛВО 22 ноября, а 23 ноября ВС КБФ уже флоту поставил боевую задачу. Как отмечается в работе, «план боевых действий Краснознаменного Балтийского Флота на случай войны с Финляндией был составлен в период с 3 по 25 ноября»⁴, что наглядно демонстрирует, каким образом, собственно, шла подготовка к войне непосредственно с Финляндией.

В целом проделанная военно-морскими исследователями обобщающая работа до сих пор имеет весьма важное научное значение. Не умаляя роли проведенного исследования, стоит добавить, что до наших дней также дошли некоторые другие наработки советских военных историков и исследователей, реализовывавших задуманный НК обороны масштабный проект подготовки истории Советско-финляндской войны.

О проделанной работе, в частности, свидетельствуют материалы, касающиеся деятельности в годы войны советских медиков. Планировалось, в частности, «осветить практически все направления деятельности военно-санитарной службы в ходе прошедшей войны»⁵.

¹ РГА ВМФ. Ф. Р-1529. Оп. 1. Д. 48. Л. 119. Советско-финляндская война 1939–1940 на море.

² См.: Россия и Финляндия в XX веке. К 80-летию независимости Финляндской Республики. СПб.; Vaduz; Liechtenstein, 1997. С. 100–115.

³ Советско-финляндская война 1939–1940 гг. на море. Ч. 1. Кн. 3. С. 147–152.

⁴ РГА ВМФ. Ф. Р-1529. Оп. 1. Д. 57. Л. 170. Советско-финляндская война 1939–1940 на море.

⁵ Журавлев Д. А. Советская медицина в 1939–1940 гг. // Петров П. В. Зимняя война 1939–1940 гг. Библиография 1939–2011. С. 376.

Но сейчас сохранился лишь определенный комплекс собранных по этой теме документов, который большей частью находится в архиве Военно-медицинского музея в Санкт-Петербурге¹.

Следы проделанной работы можно также обнаружить в третьем томе «Истории отечественной артиллерии» (кн. 8). Этот том был издан в 1964 г., и здесь есть целая обширная глава «Артиллерия в советско-финляндской войне (1939–1940 гг.)»². Представленный в ней материал по своему характеру и структуре явно указывает на то, что при его написании использовались наработки II тома так и неизданного труда о Советско-финляндской войне³.

Однако сделанный сразу же после окончания «финской войны» очень серьезный шаг в ее военно-исторической разработке оказался практически единственным, поскольку он не был подкреплен соответствующими исследованиями как военного, так и политического характера последующего периода. Более того, исследовательские работы, которые в конце 1940-х гг. стали появляться в форме диссертаций и которые касались сюжетов «финской войны», также являлись сугубо военно-историческими. Они тоже были «секретными», а их результаты представлялись лишь для «служебного пользования». Все это, естественно, не давало возможности широкого освещения в научном плане проблем «финской войны», а также их активного изучения. Аспект «секретности» к тому же сужал возможности доступа широких научных кругов к полученным в ходе исследования результатам.

Более того, обстановка складывавшихся после окончания Второй мировой войны дружественных советско-финляндских отношений и стремления СССР в этих условиях не «ворошить» весьма негативные страницы прошлого приводила к тому, что тогда вообще считалось «нецелесообразным» углубляться в тему «финской войны». В результате фактически начался новый историографический этап изучения «финской войны». Он объективно продолжался вплоть до конца 1980-х гг. В этот период также сохранилась прежняя тенденция, при которой в научных работах, касающихся отношений Финляндии и СССР в XX в., практически

¹ Там же. С. 377.

² История отечественной артиллерии. Т. III. Кн. 8. М.; Л., 1964. С. 536–667.

³ РГА ВМФ. Ф. Р-1529. Оп. 2. Д. 642. Л. 1–50. План труда «Советско-финляндская война 1939–1940 гг.», октябрь 1940. Л. 25.

не затрагивались политические вопросы, связанные с событиями «зимней войны». Что же касается военных сюжетов, то они освещались, но весьма скупо.

Отличительной особенностью этого этапа явилось то, что стали появляться отдельные мемуарные работы, в которых непосредственно затрагивалась военная сторона рассматриваемой проблемы. Прежде всего выделялись воспоминания таких известных советских военачальников, как К. А. Мерецков, Н. Н. Воронов и А. М. Василевский¹. Причем эти авторы явно стремились уйти от подробного рассмотрения вопросов, связанных с подготовкой к нападению СССР на Финляндию. Более того, в их мемуарах даже допускались утверждения, что война началась с того, что «финские отряды в ряде мест начали переходить границу, вклиниваясь на нашу территорию», при этом «части Красной армии приступили к отпору антисоветским действиям», в результате «советско-финляндская война стала фактом». Такое утверждение оставил в своей работе командующий Ленинградским округом того времени К. А. Мерецков² — человек, который сам лично занимался разработкой непосредственного плана начала боевых действий советских войск против Финляндии. Очевидным при этом являлось то, что подобные утверждения перекочевали в данные мемуарные работы из бытовавших в то время пропагандистских установок, сложившихся в Советском Союзе еще в период «финской войны».

Эта же тенденция наблюдалась и в научно-исследовательской литературе, где в обобщенном виде рассматривались либо события Второй мировой войны, либо затрагивались сюжеты советско-финляндских отношений в целом. Причем характерной особенностью становилась тенденция к планомерному сокращению разделов, относящихся к Советско-финляндской войне. Наиболее полно эта война освещалась в научной литературе в период хрущевской «оттепели». В частности, весьма подробно была освещена война в много-томном издании по истории Великой Отечественной войны, а также в фундаментальных исследованиях, касающихся истории войск Ленинградского военного округа или же истории отечественной

¹ Мерецков К. А. На службе народу. М., 1968; *он же*. Укрепление северо-западных границ СССР // Вопросы истории. 1968. № 9; Воронов Н. Н. На службе военной. М., 1963; Василевский А. М. Дело всей жизни. М., 1975.

² Мерецков К. А. На службе народу. С. 182.

артиллерии¹. Авторы разделов, в которых рассматривались сюжеты, связанные с «финской войной», обычно пользовались документами военных архивов, и в этих материалах было отражено применение наработок, которые были созданы еще в послевоенный период, когда готовилось многотомное издание, целиком посвященное Советско-финляндской войне. Но теперь к введенному в научный оборот новому архивному материалу добавлялась классификация этой войны, которую все чаще стали определять как «военный конфликт».

Постепенно информации об этой войне появлялось все меньше. Во многом это было связано с общим стремлением в СССР не затрагивать аспекты истории, невыгодные для репутации Советского государства, а с другой стороны, наблюдалось фактически полное отсутствие доступа к неиспользованным ранее наиболее важным отечественным архивным документам. В результате сведения, которые появлялись в научных изданиях, носили лишь уточняющий характер. Причем сугубо в сфере частных общеполитических или военных вопросов и в весьма обобщенном виде. Нередко они также основывались скорее на западной научно-исследовательской литературе, хотя и сами эти заимствованные данные носили скорее выборочный характер². Изложение строилось четко на представлениях, которые создавались официальной пропагандой предшествующего периода, где явно прослеживалась мысль, что война началась в ответ на «провокационные действия» Финляндии. Причем финское правительство, как тогда утверждалось, само фактически объявило 30 ноября Советскому Союзу войну. В результате «войскам Ленинградского военного округа был отдан приказ дать решительный отпор финляндской военщине и отбросить противника от Ленинграда»³.

¹ Вооруженный конфликт с Финляндией и его мирное урегулирование // История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. Т. I. М., 1963. С. 258–278; В суровых зимних боях // Ордена Ленина Ленинградский военный округ. Исторический очерк. Л., 1968. С. 145–168; Артиллерия в советско-финляндской войне (1939–1940 гг.) // История отечественной артиллерии. С. 536–667.

² Укрепление северо-западных границ. Военный конфликт с Финляндией // История Второй мировой войны. Т. 3. М., 1974. С. 358–365; *Бартеньев Т., Комиссаров Ю.* Тридцать лет добрососедства. М., 1976. С. 36–42; *Похлебкин В. В.* СССР — Финляндия. М., 1975. С. 286–300.

³ Советско-финляндская война 1939–1940 // Советская военная энциклопедия. Т. 7. М., 1979. С. 418–420.

И хотя в конце 1970-х гг. появилось первое критическое отношение к ряду выдвигавшихся ранее советских трактовок событий, особенно касавшихся определения этой войны как «конфликта»¹, тем не менее подход к рассмотрению Советско-финляндской войны сохранялся прежним и о ней стремились вообще не упоминать, тогда как на Западе и особенно, конечно, в Финляндии об этой войне писали много², и в отечественной истории проявлялось в этом отношении явное отставание. Неслучайно поэтому уже в начале 1980-х гг. на одном из научных симпозиумов историков СССР и Финляндии с советской стороны был решительно поставлен вопрос о необходимости серьезного изучения данной проблемы отечественными исследователями³. Однако тогда это был лишь призыв повернуться лицом к весьма важной теме. Но изменений фактически не происходило. И подобная ситуация сохранялась вплоть до конца 1980-х гг. Лишь только с этого времени объективно в отечественной историографии начался новый этап изучения «финской войны».

Безусловно, начало нового этапа было связано с осуществлением так называемых перестройки, гласности, формированием «нового мышления» и т. д. Открытие доступа к секретным советским документам позволило отечественным исследователям уже по-новому взглянуть на происходившие в 1939–1940 гг. события. И главным вопросом тогда стал, кто начал Советско-финляндскую войну и почему, собственно, эта война произошла. Первым, кто в то время обратил внимание на эти сюжеты, был московский историк, доктор исторических наук М. И. Семиряга. В своей статье «Незнаменитая война», опубликованной в 1989 г. в журнале «Огонек», он привлек интерес широкой научной общественности к проблемам, связанным с этой войной⁴. В этой статье он четко показал, что именно сталинское руководство несет ответственность за начало этой тяжелой и весьма трудной для страны войны. Однако при этом следует учитывать, что автор статьи не являлся специалистом в области советско-финляндских отношений, поэтому ряд его суждений, а также

¹ См.: *Барышников Н. И.* На защите Ленинграда. Обеспечение безопасности и оборона города с севера в годы Второй мировой войны. Л., 1978.

² См., например: *Talvisodan historia. Osa I–IV.* Porvoo; Hels.; Juva, 1977–1979.

³ См.: *Historiallinen Aikakauskirja.* 1982. № 1. S. 52–53.

⁴ *Семиряга М. И.* «Незнаменитая война» // *Огонек.* 1989. № 22. Затем более подробно «финская война» было освещена в работе: *Семиряга М. И.* Советско-финляндская война (к 50-летию окончания). М., 1990.

приводимых фактов оказались крайне легковесными. Естественно, что его выступление в популярном периодическом издании пока еще не могло полностью изменить сложившуюся в СССР традицию в освещении войны.

Тем не менее 1989 г. оказался переломным в отношении оценок отечественных исследователей начавшейся в 1939 г. войны. Дело в том, что тогда прошли сразу две советско-финляндские встречи историков, рассмотревших такую острую для обеих стран проблему. Первое обсуждение ее состоялось в Москве, а второе — в Тампере. Там касались всего нового и важного о «финской войне», что требовало определения четких позиций исследователей. И в этом смысле уже начали возникать и определенные перспективы. В СССР появились тогда первые работы монографического характера, в которых в той или иной степени затрагивались сюжеты, касающиеся участия Финляндии во Второй мировой войне, и четко было показано, что именно в Москве приняли решение разорвать все ранее подписанные с Финляндией соглашения и, перейдя границу, «разгромить и уничтожить финляндскую армию и флот»¹.

Но что особенно показательно, на читателя буквально обрушилось колоссальное количество статей, опубликованных в различных периодических изданиях, посвященных «финской войне»². Такого страна ранее не знала, может быть, со времен этой самой войны. Однако всплеск научного интереса к сюжетам «финской войны» создал по сути своей промежуточный, переходный этап, где только началось новое серьезное ее изучение, попытки пересмотра прежних устоявшихся концепций, а также вообще был поставлен вопрос о необходимости исследования этой «незнаменитой войны».

¹ Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г. Финляндия во Второй мировой войне. Л., 1989. С. 77.

² См.: Барышников Н. И. Советско-финляндская война 1939–1940 гг. // Новая и новейшая история. 1989. № 4; Куйттинен К. Была ли «Зимняя война» неизбежной? // За рубежом. 1989. № 48; Лаке Л. Зимняя война // Политика. 1989. № 1; Медведев Р. А. Дипломатические и военные просчеты Сталина в 1939–1941 гг. // Новая и новейшая история. 1989. № 4; Носков А. Незнаменитая война // Красная звезда. 1989. 30 нояб.; Орлов А. Можно ли было избежать конфликта? // Родина. 1989. № 8; Петров В. Была такая война // Аргументы и факты. 1988. № 39; Семиряга М. И. На той войне незнаменитой // Выборгский коммунист. 1989. 29, 30 нояб.; Хяйкиё М. Миф об одиночестве // За рубежом. 1989. № 48; Чудаков А. Реквием карельских болот // Комсомольская правда. 1989. 12, 14 нояб.; Якобсон М. «Зимняя война»: взгляд из Финляндии // Родина. 1989. № 8; и др.

Это был непродолжительный период. Дело в том, что в СССР, а затем и в новой России уже начали издавать ранее секретные документы как общеполитического, так и военного характера, а также ранее неопубликованные воспоминания видных государственных деятелей СССР¹. Кроме того, впервые появилась возможность для отечественных исследователей работать с фондами ранее закрытых для историков из СССР архивов Финляндии. Это позволило выработать более взвешенные представления о событиях «зимней войны». В результате в самом начале 1990-х гг. в отечественной историографии объективно обозначился новый период в исследовании событий «финской войны». Этот этап характеризовался возросшим интересом у отечественных исследователей к детализации событий войны, а также возникло несколько направлений в ее изучении, стали прослеживаться различные научные или не совсем научные подходы к оценке происшедшего.

С начала 1990-х гг., наряду со сложившимися ранее взглядами на эту войну появились также диаметрально противоположные оценки, фактически заимствованные из чисто пропагандистских штампов и определений, сохранявшихся в финской историографии. Сами же эти «новые» книги не отличались высокой ценностью с научной точки зрения. Они по содержанию являлись преимущественно политизированно-публицистическими. В них было заметно стремление поддержать определенные представления, утвердив-

¹ Зимняя война (документы о советско-финляндских отношениях 1939–1940 годов) // *Международная жизнь*. 1989. № 8, 12; Правительство Куусинена: эпизод советско-финляндской войны 1939–1940 годов // *Вестник Министерства иностранных дел СССР*. 1989. № 22; *Коллонтай А.* «Семь выстрелов» зимой 1939 года // *Международная жизнь*. 1989. № 12; Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева // *Вопросы истории*. 1990. № 7; Советско-финляндская война // *Военно-исторический журнал*. 1990. № 1; Вокруг пакта о ненападении (документы о советско-германских отношениях 1939 года) // *Международная жизнь*. 1989. № 9; Акт о приемке Наркомата Оборона Союза ССР тов. Тимошенко С. К. от тов. Ворошилова К. Е. // *Известия ЦК КПСС*. 1990. № 1; Год кризиса 1938–1939. Т. 1–2. М., 1990; Роковые годы, 1939–1940: События в Прибалтийских государствах и Финляндии на основе советских документов и материалов. Таллинн, 1990; Документы внешней политики СССР. Т. XXII. Кн. 1–2; Т. XXIII. Кн. 1. М., 1992, 1995; «Не представляли себе... всех трудностей, связанных с этой войной». Доклад наркома обороны СССР К. Е. Ворошилова об итогах советско-финляндской войны 1939–1940 гг. // *Военно-исторический журнал*. 1993. № 4–6; Уроки войны с Финляндией. Неопубликованный доклад наркома обороны СССР К. Е. Ворошилова на пленуме ЦК ВКП (б) 28 марта 1940 г. // *Новая и новейшая история*. 1993. № 4.

шиеся ранее в финской историографии. В результате по этой весьма слабо изученной до тех пор в СССР теме появились работы, в которых с претензией на сенсационность стали выдаваться нередко не до конца проверенные сведения, рассчитанные на то, чтобы ошеломить и ввести в заблуждение читателя¹. Тем не менее, конечно, возникла необходимость должного критического разбора подобного рода сочинений на основе аналитического подхода к документальным источникам и объективной оценки фактов.

При всем этом наблюдалось желание профессиональных российских исследователей критически подойти к ранее сделанным ими оценкам и внести поправки в прежние концепции как причин, так и характера Советско-финляндской войны. В какой-то мере происходившее в отечественной историографии получило отражение в 1995 г. на страницах журнала «Родина», 12-й номер которого был целиком посвящен «финской войне». В нем были опубликованы статьи российских и финских исследователей. Тогда же в Москве в редакции этого журнала состоялась оживленная дискуссия историков двух стран «за круглым столом».

Попыткой выработать совместную концепцию, в которой сочетались бы как отечественные представления о «зимней войне», так и финские взгляды, стало появление в конце 1990-х гг. на финском и русском языках совместной книги «Зимняя война 1939–1940. Политическая история»². Эту работу весьма высоко оценили как в России, так и в Финляндии³. Она стала фактически единственным и уникальным в своем роде произведением, где нашли отражения новые разработки российских историков.

В результате отечественная историография вышла на этап новых поисков и научного осмысления темы. При все при этом в современных условиях исследовательской работы явно начала наблюдаться

¹ *Степаков В.* Майнила, или История семи выстрелов // Россия. 1991. 2–8. окт.; *Раткин С.* Тайны Второй мировой войны. Минск, 1995; *Козлов А. И.* Советско-финляндская война 1939–1940 гг.: Взгляд с «той» стороны. Рига, 1997; *Степаков В. Н.* Легенды и мифы советско-финляндской войны // Вопросы истории. 1997. № 3; Советско-финляндская война 1939–1940 гг. Минск, 1999; *Соколов Б. В.* Тайны финской войны; и др.

² *Yksin suurvaltaa vastassa. Talvisodan poliittinen historia.* Jyväskylä, 1997; Зимняя война 1939–1940. Кн. 1: Политическая история. М., 1998.

³ *Севостьянов Г. Н.* Правда о Зимней войне // Новая и новейшая история. 1999. № 1; *Jutikkala E.* Yerivihollisuudesta yhteisymmärrykseen // Kanava. 1998. № 1.

своеобразная тенденция углубиться в рассмотрение лишь отдельных сторон Советско-финляндской войны. В частности, возник уже устойчивый интерес к изучению скорее военных, нежели политических аспектов «финской войны»¹. Очевидно, во многом это было связано с продолжающимся активным введением в научный оборот из советских фондохранилищ новых архивных документов. В частности, уже XXI в. были изданы фундаментальные сборники документов, которые очень хорошо представляют определенные этапы боевых действий советских войск, а также деятельность советской военной разведки и контрразведки².

В результате, опираясь на уже изданные или находящиеся в архивах военные документы, было опубликовано достаточно большое количество исследовательских работ, отражающих прежде всего проблемы, связанные с наступлением советских войск³ либо с деятельностью отдельных родов войск, принимавших участие в проводимых Красной армией операциях⁴.

¹ См.: *Петров П. В.* Зимняя война 1939–1940 гг. Библиография 1939–2011. С. 289–232.

² Тайны и уроки зимней войны 1939–1940. По документам рассекреченных архивов. СПб., 2000; «Зимняя война»: работа над ошибками (апрель — май 1940 г.). Материалы комиссий Главного военного совета Красной Армии по обобщению опыта финской кампании. М., 2004; Военная разведка информирует. Документы Разведуправления Красной армии. Январь 1939 — июнь 1941 г. М., 2008; Зимняя война. 1939–1940 гг. в рассекреченных документах Центрального архива ФСБ России и архивов Финляндии. М., 2009; Зимняя война 1939–1940 гг. в документах НКВД. СПб., 2010; Приказываю решительно прекратить представление таких разведсводок... Разведывательные сводки 5-го Управления НКО СССР за период советско-финляндской войны. М., 2018.

³ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. II. М., 2012; Советско-финляндская война 1939–1940. Т. 1–2; *Иринчеев Б.* Штурм Линии Маннергейма. Оболганная победа Сталина. М., 2015; *он же.* Забытый фронт Сталина. М., 2008; *Раунио А., Килин Ю.* Сражения зимней войны. Петрозаводск, 2014; *Сейдин И. И.* Линия Маннергейма и Красная Армия. СПб., 2012; *Веригин С. Г.* Карелия в годы военных испытаний: Политическое и социально-экономическое положение Советской Карелии в период Второй мировой войны 1939–1945 гг. Петрозаводск, 2009; и др.

⁴ *Будко А. А.* Военная медицина СССР и Финляндии в советско-финляндской (зимней) войне 1939–1940 гг. СПб., 2005; *Булгаков Д. В.* Тыл Красной армии в советско-финляндской войне (1939–1940). М., 2008; *Петров П.* Балтийский флот. Финский гамбит. М., 2005; *он же.* «Зимняя война». Балтика 1939–1940. Хельсинки, 2008; *он же.* Краснознаменный Балтийский флот накануне Великой Отечественной войны: 1935 — весна 1941 гг. М., 2016 и др.

Тем не менее далеко не все стороны «финской войны» были равнозначно освещены. Более того, остаются не введенными в широкий научный оборот определенные документы, хранящиеся как в российских, так и зарубежных фондохранилищах. Их существование позволяет надеяться на возможность для исследователей еще глубже вникнуть в сложные процессы того времени, досконально выяснить причины «финской войны» и понять произошедшие затем перемены в осуществлении ее участниками внешнеполитической линии.

Например, показательно, что после окончания «финской войны» Ю. К. Паасикиви назвал ее войной министра иностранных дел того периода — Э. Эркко¹. Сейчас это кажется достаточно удивительным, поскольку в современных представлениях отечественной и зарубежной общественности глубоко утвердилось мнение, что на самом деле Советско-финляндская война является прежде всего «войной И. В. Сталина». Однако столь экстравагантное утверждение, выдвинутое весьма авторитетным и известным государственным деятелем Финляндии, который накануне этой войны сам лично вел со Сталиным переговоры в Москве, требует все же внимательного отношения научного сообщества к данному заявлению.

Несомненно, важной является задача более внимательно рассмотреть достаточно скрытную предысторию предвоенного советско-финского переговорного процесса. Именно он явился в конечном итоге фоном, на котором, собственно, происходило обострение отношений между двумя государствами, а затем вспыхнула и проходила сама война. Внимательное изучение хитросплетений мировой политики по «финляндскому вопросу», вне всякого сомнения, необходимо. Это нужно потому, что до сих пор требуется прояснить те или иные скрытые для исследователей мотивы, которые легли в основу принимаемых как в Москве, так и в Хельсинки решений.

Не менее любопытной является и реакция на советско-финляндские отношения ведущих государств Запада. Более того, очевидно, что позиции СССР и Финляндии по тому или иному вопросу явно сочетались с общеевропейской обстановкой, где «главные державы

¹ *Brotherus H.* Eljas Erkko, legenda jo eläessään. Porvoo; Hels., 1973. S. 131; *Kleemola P.* Helsingin Sanomat sananvapauden monopoli. Hels., 1981. S. 26; *Pakaslahti A.* Talvisodan poliittinen näytelmä. Porvoo, 1970. S. 203.

Европы», бесспорно, стремились учитывать общий характер развития контактов двух соседних государств и влиять на него.

Особенно рельефно данная тенденция стала проявлять себя непосредственно в канун начала Второй мировой войны, летом 1939 г. Тогда отношения с Финляндией активно обсуждались на англо-франко-советских переговорах в Москве, а затем учитывались в германо-советском договоре о ненападении, а точнее в секретном приложении к этому договору, подписанному 23 августа 1939 г. Все произошедшие тогда события оказались ключевыми с точки зрения принятия советским руководством соответствующих решений.

Что же касается Финляндии, то, судя по дипломатическим документам, ее правительство, естественно, зорко следило за изменяющейся обстановкой в Европе и стремилось выработать собственный подход в отношении возникшего тогда крайне запутанного клубка противоречий, который обозначился в 1939 г. в ходе переговоров ведущих европейских держав.

Но не менее важным в раскрытии событий, приведших к началу войны, является выяснение определенных нюансов в этапах советско-финляндской дипломатической борьбы, которая тоже, бесспорно, оказывала воздействие на принятие важных государственных решений. В этом плане для советско-финляндского переговорного процесса 1938–1939 гг. определяющими стали тайные встречи в Хельсинки с финским руководством сначала сотрудника НКВД Б. А. Рыбкина, а затем опытного советского дипломата Б. Е. Штейна. В дальнейшем именно от итогов этих негласных консультаций, встреч и переговоров представителей СССР и Финляндии зависела позиция советского руководства в отношении финской стороны. Очевидно, что на основе двухсторонних архивных источников, хранящихся в Хельсинки и Москве, есть возможность проанализировать то, как эти переговоры развивались и какие задачи в них непосредственно преследовали СССР и Финляндия.

При этом для более четкого выяснения специфики финской политической линии на официальных советско-финляндских переговорах, прошедших в Советском Союзе в канун «зимней войны» в октябре — ноябре 1939 г., стала переписка и записи телефонных разговоров между финским представительством в Москве и МИД, а также распоряжения, поступавшие финской делегации в качестве директивных указаний. Столь серьезный пласт документальных материалов сейчас тоже стал доступным для отечественных исследо-

вателей. Причем значительная часть этих крайне важных материалов ранее имела строго секретный характер. Однако весь комплекс указанных документов, хранящихся теперь в фондах архива Министерства иностранных дел Финляндии, до сих пор должным образом не введен в научный оборот. Хотя они представляют несомненный интерес и многое могут раскрыть с точки зрения уточнения политики Финляндии того времени.

Также до сих пор не до конца понятно, почему, взяв курс на силовое разрешение возникшего советско-финляндского конфликта, СССР вначале не смог добиться реализации стоящих перед Красной армией военных задач. Здесь возникает явное противоречие или даже загадка, поскольку для Советского Союза, решившего начать войну со страной, которая не являлась мощным в военном отношении государством, «финская война» стала достаточно кровопролитной и затянулась на три с половиной месяца. Почему так произошло?

Аргументированный ответ на этот вопрос могли дать в первую очередь не дипломатические, а военные документы. Безусловно, что они наиболее ясно и правдиво проливают свет на то, как стороны готовились к возможному вооруженному конфликту и какие здесь возникали реальные проблемы. В этом отношении уже секретная переписка советского руководства, а точнее Генштаба Красной армии, с командованием Ленинградского военного округа осенью 1939 г. является весьма важным, уникальным источником по изучению процесса непосредственной подготовки Советским Союзом войны с Финляндией. Основной пласт материалов, относящихся к данным документам, сейчас хранится в Российском государственном военном архиве. Он включает распоряжения, которые направлялись из Москвы в Ленинград, а также рапорты, поступающие в Генштаб от командования Ленинградским военным округом. Отдельным важным источником также являются записи телеграфных переговоров и шифрограммы, которые оперативно отражали состояние дел, связанных с оценкой военной подготовки в СССР к боевым действиям против Финляндии.

Тем не менее до сих пор многие события, которые предшествовали началу Второй мировой войны и непосредственно касавшиеся советско-финляндских отношений, а также «зимней войны», рассматриваются в публицистике или в ряде научно-исследовательских работ достаточно упрощенно. В частности, можно встретить утвер-

ждение, что советское руководство вообще не имело намерения достигнуть с Финляндией договоренности и «создавало лишь иллюзию» стремления к взаимоприемлемым решениям. Что в Москве осенью 1939 г. «просто» затягивали переговоры¹ с тем, чтобы «еще лучше» подготовиться к войне. Такие утверждения требуют соответствующего документального подтверждения. Однако большой комплекс документов, хранящихся в фондах как российских, так и зарубежных архивов, изучение которых может дать более или менее объективный ответ на этот вопрос, до сих пор полностью не введен в научный оборот.

Не все ясно также с событиями самой «финской войны». Здесь наибольшее внимание уделяется исследованию хода боевых действий. Однако не менее важна и внешнеполитическая обстановка, в которой происходили события на фронте. Используя сохранившуюся сейчас дипломатическую переписку, можно более четко представить, насколько Запад был готов оказывать Финляндии помощь или все же мог оставить ее одну в борьбе против всей военной мощи СССР². Наконец, почему эта война закончилась спустя 105 дней боевых действий и какими мотивами руководствовалось финское правительство, подписывая достаточно жесткий с точки зрения Финляндии мирный договор. В условиях, когда уже можно ознакомиться со стенограммами протоколов заседаний внешнеполитической комиссии правительства Финляндии за 1939–1940 гг., многое в этом смысле становится понятным. Из этого весьма интересного источника четко видна эволюция взглядов представителей финского руководства на протяжении всей войны. Копии протоколов, выполненных в машинописном варианте и охватывающих период с 5 декабря 1939 г. и до конца войны, сохранились, в частности, в Национальном архиве Финляндии (Kansallisarkisto) в документах секретаря премьер-министра страны А. Е. Тудеера³. Кроме того, в архиве Министерства иностранных дел Финляндии (Ulkoasiainministeriön arkisto) они также отложились в фонде документов министра иностранных дел периода войны В. Таннера и в мате-

¹ *Rautkallio N.* Kansakunnan syllisyys. Talvisotaan 1939–1940. Hels., 2002. S. 25, 67, 78.

² *Yksin suurvaltaa vastassa.* Talvisodan poliittinen historia.

³ Kansallisarkisto (далее — КА). А. Е. Тудеерин kokoelma. Pöytäkirjoja valtioneuvoston ja sen valiokuntien istunnoista 5.12.1939–21.3.1940.

риалах, связанных с судом над виновниками войны, состоявшимся в Хельсинки в 1945–1946 гг.¹

Благодаря этим весьма важным документам созданы условия для того, чтобы четко восстановить динамику рассмотрения вопроса о выходе Финляндии из войны в одном из высших руководящих органов страны. Эти документы позволяют разобраться в представлениях отдельных ведущих деятелей правительства Финляндии того времени и составить весьма четкую картину самого хода решения вопроса о завершении войны в финском руководстве.

В целом большой пласт архивных материалов, который еще до конца не введен в научный оборот, дает возможность несколько по-новому взглянуть на причины и на ход «финской войны» 1939–1940 гг. Это также предполагает продолжение соответствующей творческой работы, которая позволит еще ближе подойти к научному осмыслению определенных исторических событий, долгое время являвшихся скрытыми для исследования.

¹ Ulkoasiainministeriön arkisto (далее — УМ). 109. В 6. Tanerin kokoelma; 110. G 12.

Часть I

**ПОЛИТИКА СССР
В ОТНОШЕНИИ ФИНЛЯНДИИ
в 1937–1939 гг.
И СТРАНЫ ЗАПАДА**

ГЛАВА I

СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В КАНУН ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

От официальных встреч к секретным переговорам

1939 год оказался крайне сложным в политическом отношении для Европы. В его начале все радужные надежды «демократических стран Запада», выстраивающих свою политику на возможности договориться с Германией, объективно рухнули. Уже в марте Мюнхенское соглашение о разделе Чехословакии, которое рассматривалось в Лондоне и Париже как гарантия будущего мирного урегулирования в Европе, оказалось нарушено. Германия полностью подчинила себе соседнюю страну, нарушив таким образом все те договоренности, которые рейх имел с Великобританией и Францией.

Иными словами, Мюнхенское соглашение просуществовало менее полугода. В этой связи известный английский политический и государственный деятель У. Черчилль записал в своих мемуарах, что «нет никакой заслуги в том, чтобы оттянуть войну на год, если через год война будет гораздо тяжелей и ее трудно будет выиграть»¹. И действительно, столь стремительное развитие событий требовало от всех, кто понимал грядущую неизбежность возникновения мировой войны, самых решительных действий. Иллюзиям возможности договориться с Гитлером теперь пришел конец. День начала Второй мировой войны стремительно приближался, и объективно этот процесс было уже не остановить².

Безусловно, изменения, которые произошли в Европе, не могли не затронуть и советско-финляндские отношения. Дыхание приближаю-

¹ Churchill W. S. The Second World War. Vol. I. London, 1948. P. 251.

² См.: Антигитлеровская коалиция — 1939. Формула провала. М., 2019.

шейся мировой войны, конечно, доходило и до Севера и, естественно, вызывало явное беспокойство. Тогда в Москве уже существовало устойчивое мнение, что Финляндия после развязывания мировой войны и начала боевых действий немецких войск против СССР может стать возможным союзником Германии¹. Причем, по оценке советской военной разведки, Балтийский регион представлялся в данном случае «наиболее вероятным плацдармом для нападения германского фашизма на Советский Союз»².

На самом деле до 1939 г. еще трудно было предположить, что вермахт сможет выйти широким фронтом ко всем западным границам СССР. Зона Балтийского моря, напротив, казалась тогда наиболее возможной для оперативного развертывания немецких войск. В Генеральном штабе Красной армии предполагали, что Германия сможет в самом начале войны перебросить против СССР в Финляндию до двух своих дивизий, которые непосредственно должны будут атаковать советские позиции³.

В результате при разработке командованием Красной армии перспективного оперативного плана уже к 1937 г. выдвигались конкретные задачи, предусматривавшие нанесение поражения финской армии в случае войны на ряде направлений. Речь шла о возможности наступательных действий на Карельском перешейке, в Карелии и Заполярье. Причем имелась в виду возможность переноса боевых действий собственно на территорию Финляндии⁴. Но в любом случае

¹ Действительно, у финского военного руководства уже с 1927 г. существовал оперативный план (WK-27), основанный на возможности ведения наступательных действий против советских войск на Карельском перешейке и в южной Карелии. Этот план был основан на предположении, что Красная армия не сможет быстро сконцентрироваться для отражения готовящегося удара с Запада финских войск (См.: Talvisodan historia. Osa I. S. 81).

² РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 352. Л. 15, 16–17. Записка о составе, численности, мобилизации и развертывании морских сил вероятных противников на Балтийском театре, 31.5.1937.

³ Там же.

⁴ Российский государственный военный архив (далее — РГВА). Ф. 37977. Оп. 1. Д. 722. Л. 405. Доклад о действиях Красной армии против белофиннов.

Развертывание для ведения боевых действий главных сил Красной армии, по оперативным планам за период с 1932 по 1937 г., на северо-западе против основных противников (финляндский театр военных действий считался второстепенным) предполагало:

• *План 1932 г.* (мобрасп. № 11 [мобилизационное распределение. — В. Б.]); задача — обеспечить прочное удержание района Ленинград. Всего назначить на

учитывалось, что война, в которой будет предположительно участвовать Финляндия в качестве союзника Германии, станет весьма сложным испытанием для советских вооруженных сил¹. Однако основной зоной боевых действий на северо-западе считалось в СССР южное побережье Финского залива, где Германия предположительно могла бы сосредоточить втрое больше войск, чем в Финляндии².

Весной 1938 г. начальник Генерального штаба Красной армии уже подготовил соответствующие предложения. Они касались плана стратегического развертывания советских войск в случае начала войны на западном направлении. Эти предложения в ноябре были утверждены. По принятому тогда плану главным и основным противником СССР однозначно рассматривалась Германия. Причем в отношении финских войск, а также войск Прибалтийских государств указывалось,

Северо-Западный фронт 20 стрелковых дивизий (на Карельский перешеек — 3, в Карелию — 1 и 1 стрелковая бригада), на эстонско-латвийский участок — 16 стрелковых дивизий.

- *План 1933 г.* (мобрасп. № 15); задача — оборонять Ленинградский промышленный район и территорию АК ССР [Автономной Карельской ССР. — В. Б.], прикрывая северные границы СССР. Всего назначить на Северо-Западный фронт 21 стрелковую дивизию (Карельский перешеек — 4, Карелия — 2 стрелковые бригады, на эстонско-латвийский участок — 17 стрелковых дивизий).

- *План 1934 г.* (уточнить мобрасп. № 15); те же задачи и силы.

- *План 1935 г.* (мобрасп. № 6); задача — прочно удерживать Карельский укрепленный район, территорию АК ССР и Мурманского края. Из 10 стрелковых дивизий выделить: на Карельском перешейке — 5; в Карелии — 1 стрелковая дивизия и 1 стрелковая бригада; на эстонско-латвийском участке — 4 стрелковые дивизии.

- *План 1936 г.*: ставится активная задача по разгрому противника на Карельском перешейке и по овладению укрепрайоном. Всего на Северо-Западный фронт назначить 15 стрелковых дивизий. Для выполнения военных задач против Финляндии на Карельском перешейке — 5 стрелковых дивизий и 2 танковые бригады, в Карелию — 2 стрелковые дивизии. На эстонско-латвийский участок — 8 стрелковых дивизий.

- *План 1937 г.*: ставится активная задача на Карельском перешейке по решительному поражению финской армии в Мурманском районе и АК ССР. Ставятся задачи по овладению районами Печенга, Каяни, Нурмес, Сердоболь. Из 16 стрелковых дивизий: на Карельском перешейке — 8 стрелковых дивизий, 2 танковые бригады, 3 артиллерийских полка РКК; в Карелии — 2 стрелковые дивизии и 1 горнострелковая дивизия, на эстонско-латвийский участок — 5 стрелковых дивизий.

¹ РГВА. Ф. 37977. Оп. 4. Д. 74. Л. 1. Донесение начальника Генерального штаба А. И. Егорова НКО К. Е. Ворошилову. 15.5.1936; РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 354. Л. 1. План операции КБФ. 20.4.1937.

² РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 352. Л. 16. Записка о составе... 31.5.1937.

что они «могут быть использованы Германией для концентрического удара на Ленинград»¹. В стратегическом же развертывании советских войск на северо-западе предполагалось лишь «обеспечить в первую очередь прочную оборону Ленинграда». Основным театром военных действий считалось сугубо западное направление².

Однако очевидно, что для советского руководства было важно решить проблему безопасности своих северо-западных рубежей отнюдь не только военными средствами. Оптимальным считалась задача поиска по этому вопросу со своими соседями соответствующих договоренностей. Это касалось и Финляндии, с которой у СССР была самая большая по протяженности граница на западе.

Что собой представляли идеи «договоренностей» с Финляндией и существовали ли реальные условия для их реализации? Ответ на вопрос был дан в ходе дальнейшего развития советско-финляндских отношений.

Но прежде всего следует учитывать, что «политическая» концепция СССР в отношении Финляндии начала вырабатываться уже на рубеже 1933–1934 гг. Причем ее создание было обусловлено появлением ряда значимых обстоятельств, непосредственно повлиявших на политику СССР в долгосрочном периоде.

Прежде всего это было очевидное военно-политическое усиление Советского Союза. Именно в это время начался процесс, в ходе которого «из региональной державы Советский Союз стремительно вырос в европейскую и мировую»³. Более того, в Москве четко стали переходить к инициативной внешней политике, которая, в частности, была направлена на заключение соглашений о взаимной помощи с рядом европейских государств. Причем всех западных соседей Москва стремилась, как считают некоторые исследователи, превратить в «западный барьер», ограждающий СССР от главного очага европейского конфликта⁴.

С другой стороны, приход в январе 1933 г. к власти в Германии нацистов тоже поменял общеполитический ландшафт в Европе. Для СССР, да и для нового руководства Германии трудно было сохранять

¹ *Захаров М. В.* Генеральный штаб в предвоенные годы. М., 1989. С. 128.

² Там же. С. 131, 133.

³ *Кен О. Н., Рупасов А. И.* Политбюро ЦК ВКП (б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920-х — 1930-е гг.): Проблемы. Документы. Опыт комментария. Ч. I. Декабрь 1928 — июнь 1934 г. СПб., 2000. С. 108.

⁴ Там же. С. 107–108.

прежнюю конфигурацию советско-германских отношений. Более того, Москва стала постепенно рассматривать Третий рейх в качестве будущего противника СССР. В результате с начала 1935 г. Германию в советском военном руководстве откровенно видели одним из наиболее вероятных военных противников¹. Но самым важным с точки зрения изменения политики Москвы стало то, что Финляндию начали рассматривать в качестве военного союзника Германии. В результате в противовес политике Третьего рейха на Балтике в советском руководстве с рубежа 1933—1934 гг. была поставлена задача не допустить включения Финляндии в лагерь потенциальных врагов СССР. В конечном итоге эта задача трансформировалась в идею превращения Финляндии в ярко выраженного военно-политического союзника СССР. Подобный подход в том или ином виде просуществовал весь последующий отрезок времени, завершившись лишь в 1948 г. подписанием с Финляндией Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи.

Таким образом, имея соответствующие цели, Москва с середины 1930-х гг. начала с Хельсинки переговорный процесс. Он изначально выражался в стремлении подключить Финляндию к многостороннему региональному соглашению — «Восточному пакту», а затем трансформировался в идею подписания двухстороннего военно-политического договора².

Однако сейчас существует устойчивое представление, что именно с этого времени в СССР возникла идея о необходимости военного захвата территории Финляндии. Это утверждение основывается на переговорах в июне 1935 г. советского посланника в Хельсинки Э. А. Асмуса с премьер-министром Финляндии Т. Кивимяки. Тогда, по некоторым сведениям, советский дипломат заявил, что «в случае возникновения военного конфликта в континентальной Европе Советский Союз, возможно, будет вынужден занять некоторые части территории Финляндии»³.

¹ См.: РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 260. Л. 1. Директива народного комиссара обороны о разработке плана операции на 1935 г., 9.3.1935.

² См.: Кен О. Н., Рупасов А. И. Политбюро ЦК ВКП (б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920—1930-х гг.): Проблемы. Документы. Опыт комментария. С. 105—106; Барышников В. Н. От прохладного мира к зимней войне. Восточная политика Финляндии в 1930-е годы. СПб., 1997. С. 153—168.

³ Eric Assmus // Wikipedia, the free encyclopedia. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Eric_Assmus (дата обращения: 26.12.2022).

В мемуарах Кивимяки, которые появились спустя 30 лет после этой встречи, впервые четко было изложено, что он тогда мог услышать. Бывший премьер-министр написал: «В 1935 году, после того как между Германией и Англией было заключено морское соглашение, посланник Советского Союза Асмус посетил меня и официально заявил, что в случае возникновения войны между Советским Союзом и Германией Советский Союз захватит Финляндию, и это произойдет в течение шести дней»¹.

Такое изложение существа беседы в последующий период неизменно стало повторяться в зарубежных и прежде всего финских изданиях. И это было далеко не случайно. В Финляндии в 1920–1930-е гг. четко сложилось представление, что, находясь на передовых рубежах Запада, эта страна неизменно должна испытывать нарастающее давление и угрозу своей безопасности с Востока. Причем любые военно-политические договоренности западных держав на Балтике будут ставить Финляндию в конфронтационную позицию к Советскому Союзу. Таким образом, состоявшаяся беседа Асмуса с Кивимяки летом 1935 г. легко укладывалась в данные представления, а «угроза с Востока», учитывая «интересы Запада», вовсе не была лишена основания. Да и свое геополитическое положение на границах СССР в Финляндии очень хорошо понимали. Здесь видели, что «Красная армия не останется уже индифферентной в ожидании у Раяйоки [финское название реки Сестра на границе с СССР на Карельском перешейке. — В. Б.] нападения на Советский Союз через Финляндию»². В результате при таком жестком подходе трудно было представить возможность каких-либо договоренностей.

Но насколько соответствовало действительности то, о чем написал в своих воспоминаниях Т. М. Кивимяки?

Изучавший данный вопрос профессор К. Корхонен в своей очень обстоятельной книге «Неудачная политика безопасности» прямо записал: «В архиве министерства [иностраннных дел. — В. Б.] сохранилась рукопись, которая, возможно, позднее была составлена Хакцелем [министр иностранных дел в правительстве Т. Кивимяки. — В. Б.], имеющая гриф “особо секретно” и объясняющая содержание особых действий Асмуса»³. Однако этой констатации, подтверждаю-

¹ *Kivimäki T. M.* Suomalaisen poliitikon muistelmat. Porvoo, 1965. S. 93.

² *Hietanen S.* Suomi hakee paikkaansa // Kansakunta sodassa. 1 osa: Sodasta sotaan. Hels., 1989. S. 26.

³ *Korhonen K.* Turvallisuuden pettäessä. Suomi neuvostodiplomatiassa Tartosta talvisotaan. Osa II. 1933–1939. Hels., 1971. S. 124.

шей реальность обсуждения Кивимяки с Асмусом темы возможной «оккупации Финляндии», все же явно недостаточно.

Более того, вопрос об объективности содержащегося в мемуарах Т. Кивимяки утверждения весьма аргументированно стал оспаривать другой известный финский историк, профессор Ю. Суоми. Он в своей книге «Предпосылки к зимней войне», являвшейся фактически его диссертацией, прямо указал: «Основываясь на некоторых обстоятельствах, можно все же заключить, что припоминаемая Кивимяки беседа извращена, и я вижу в ней лишь прежде всего приблизительное содержание заявления, которое сделал Асмус»¹. Таким образом, и здесь прямых доказательств финский историк привести так и не смог. Ю. Суоми лишь ограничился косвенными подтверждениями своего предположения, которые им были почерпнуты из немецких источников².

Ответ на вопрос о правдоподобности содержащихся в воспоминаниях Кивимяки сведений, касающихся его разговора с Асмусом, могут дать только советские документальные источники³. Здесь же содержится наиболее важный для исследования документ. Это, собственно, задание, которое 11 июня 1935 г. было дано заместителем наркома иностранных дел Б. С. Стомоняковым посланнику Э. А. Асмусу. Причем, что очень важно, оно относилось сразу к двум предстоящим Асмусу встречам. Советский дипломат должен был, как свидетельствуют источники, встретиться как с премьером Т. Кивимяки, так и с министром иностранных дел А. Хакцелем. Цели этих двух бесед были абсолютно одинаковыми. Они заключались в том, чтобы переговорить с лицами, отвечающими за реализацию внешней политики, и заострить внимание на проявившихся тогда тенденциях к ухудшению отношений двух государств.

¹ *Suomi J.* Talvisodan tausta. Neuvostoliitto Suomen ulkopoliitikassa 1937–1937. Osa 1. Holstista Erkkoon. Hels., 1989. S. 22–23.

² Ю. Суоми здесь обращается к той информации, которую имел по данному вопросу германский посланник В. Блюхер (см.: *Suomi J.* Talvisodan tausta. Neuvostoliitto Suomen ulkopoliitikassa 1937–1937. S. 23). При этом финский историк, опираясь на те же самые данные, считает, что, возможно, мысли, которые приписывают Э. Асмусу, в реальности высказывал советский военный атташе в Хельсинки полковник П. И. Иванов.

³ Финский историк К. Корхонен вообще подчеркнул, что «мы не знаем, что Асмус докладывал наркоминделу или что точно содержали полученные указания» (*Korhonen K.* Turvallisuuden pettäessä. Suomi neuvostodiplomatiassa Tartosta talvisotaan. S. 124).

Конкретно Э. А. Асмусу поручалось в разговоре с Т. Кивимяки «перечислить все проявления антисоветской политики нынешнего финляндского правительства, а также факты антисоветской кампании и указать, что они привлекают к себе всеобщее внимание у нас и вызывают требования с разных сторон к Советскому правительству сделать из этого практические выводы»¹. Казалось бы, именно вот за этим и должны были последовать соответствующие угрозы, о которых затем «вспоминал» Кивимяки.

Однако Э. А. Асмусу в соответствии с заданием Москвы нужно было лишь сказать о возможных осложнениях в советско-финляндских «хозяйственных» связях, а также о вероятных ответных действиях в «контр-кампании в советской печати»². При этом абсолютно то же самое он должен был сказать и А. Хакцелю. Единственное отличие, которое можно было заметить в указаниях к двум этим беседам, состояло в том, что Кивимяки следовало сообщить: «В Москве ожидали улучшения отношений при Хакселе [так в документе. — В. Б.], ввиду его прошлой работы в СССР [он был финским посланником в Москве. — В. Б.] и тем более удивлены тем, что в действительности имеет место». Хакцелю же нужно было заявить, что «в Москве обратили внимание на ухудшение отношений с Финляндией, особенно при теперешнем кабинете»³. В результате смысл обоих бесед должен был быть абсолютно одинаковым. Следовательно, в СССР перед Асмусом никоим образом не ставилась задача рассуждать о намерениях Советского Союза «захватить часть территории Финляндии».

В этом отношении показательно, что смысл беседы Асмуса с министром иностранных дел Хакцелем, содержание которой хорошо известно в Финляндии, полностью повторяет то задание, которое получил полпред⁴. Более того, очень важно, что отсутствует какой-либо намек на фразу о «захвате Финляндии» и в опубликованной части телеграфного отчета Асмуса, который он 17 июня направил после переговоров в Москву. В нем советский посланник прежде всего сообщает о выполнении данного ему поручения и пересказывает два совершенно одинаковых разговора сначала с А. Хакцелем (12 июня), а затем с Т. Кивимяки (15 июня). При этом в отчете он должен был

¹ Документы внешней политики СССР. Т. XVIII. М., 1973. С. 389.

² Там же.

³ Там же. С. 389–390.

⁴ *Korhonen K. Turvallisuuden pettäessä. Suomi neuvostodiplomatiassa Tartosta talvisotaan. S. 123.*

выделить самое главное, то, что от него, собственно, и хотели узнать в Москве. Асмус телеграфировал и сами ответы финских государственных деятелей на поставленные тогда вопросы.

Что касается встречи с Т. Кивимяки, то в телеграфном отчете конкретно отмечалось, что финский премьер-министр «стремился доказать, что “ничего не произошло”». И, как это подчеркнул советский посланник, пытался «свести наше недовольство к мелким фактам». Далее в докладе указывалось, что Кивимяки все же «признал кампанию в прессе» и «обещал воздействовать на близкую ему часть» финских журналистов¹. Таким образом, в опубликованной части телеграфного отчета о переговорах никоим образом не воспроизводилась фраза, которую Т. Кивимяки якобы услышал от Э. Асмуса 15 июня.

Более того, в установках, которые направлялись летом 1935 г. советскому полпреду из Москвы, тоже не прослеживаются какие-либо рекомендации, предполагавшие поспешные, а также жесткие заявления со стороны советского представителя². Если на самом деле Э. Асмуса не уполномочили на достаточно высоком правительственном уровне делать жесткие и весьма ответственные заявления, которые тем не менее Т. Кивимяки все-таки «услышал», то непонятной становится реакция финского премьера. Он должен был по крайней мере, если это действительно его взволновало, постараться сразу же у самого полпреда или на более высоком уровне прояснить советскую позицию. Однако этого не произошло. Более того, со стороны Финляндии не было вообще никаких официальных заявлений по столь серьезному вопросу.

Наоборот, как утверждает известный финский историк М. Якобсон, «заявление Асмуса держалось, естественно, в тайне, но в тех узких кругах, которые об этом знали, оно оказало сильное воздействие»³. Таким образом, Кивимяки не придавал общегосударственного значения «угрозе», высказанной ему Асмусом. Он проинформировал об «услышанном» лишь «доверительно» и в виде «записки для памяти», адресованной только близким к правительству высокопоставленным финским военным и государственным деятелям⁴. Однако ни Кивимяки,

¹ Документы внешней политики СССР. Т. XVIII. С. 642.

² См.: Там же. С. 454.

³ *Jakobson M.* Paasikivi Tukholmassa. J. K. Paasikiven toiminta Suomen lähettiläänä Tukholmassa 1936–39. Helsingi; Keuruu, 1978. S. 15.

⁴ *Korhonen K.* Turvallisuuden pettäessä. Suomi neuvostodiplomatiassa Tartosta talvisotaan. S. 124; *Jakobson M.* Paasikivi Tukholmassa. J. K. Paasikiven toiminta Suomen

ни его коллеги по правительству никаких официальных дипломатических шагов в отношении СССР в ответ на «заявление» Э. Асмуса не сделали. И в результате возникает вопрос: зачем тогда вообще премьер-министру понадобилось говорить о «высказывании» Э. Асмуса, если он отнесся к нему столь несерьезно?

Первое, что кажется наиболее правдоподобным, это то, что заявления просто не было¹.

С другой стороны, вероятно, Т. Кивимяки смог все же «расслышать» со стороны Москвы не очень ясный намек, который можно было соответствующим образом интерпретировать, а затем уже использовать как весомый аргумент для обоснования «особой» внешнеполитической линии Финляндии, находящейся в сфере существующих противоречий между Западом и Востоком. Это было вполне понятное стремление, которое четко просматривалось во всех предыдущих политических переговорах, происходивших между Хельсинки и Москвой во второй половине 1920-х — 1930-е гг.², принимая во внимание то, что «Финляндия была слишком слабой, чтобы одна воевать со сверхмощным Советским Союзом»³.

В данном случае страх, существующий в финской элите перед нарастающей мощью СССР, можно было легко подогреть, указав на сделанное Асмусом «заявление», и затем использовать это во внешней политике, постаравшись избежать какого-либо сближения Финляндии с СССР, ограничившись имеющимся договором о ненападении, который, как известно, был подписан в 1932 г. и продлен в 1934 г.⁴

Таким образом, смысл беседы с Э. А. Асмусом финский премьер, видимо, исказил, сильно преувеличив «угрозу», исходящую от СССР.

lähettiläänä Tukholmassa 1936–39. S. 15; *Selén K. C. G. E. Mannerheim ja hänen puolustusneuvostonsa 1931–1939.* Hels., 1980. S. 113; *Selén K. Genevestä Tukholmaan. Suomen turvallisuuspolitiikan painopisteen siirtyminen kansainliitosta pohjoismaiseen yhteistyöhön 1931–1936.* Hels., 1974. S. 241; *Polvinen T. J. K. Paasikivi: Valtiomiehen elämäntyö. 2 osa: 1918–1939.* Porvoo; Hels., 1992. S. 399.

¹ См.: *Барышников В. Н.* К вопросу о «советской венной угрозе» Финляндии в 1935 г. и полпред в Хельсинки Э. А. Асмус // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2017. № 17 (1). С. 21–23.

² См.: *Барышников В. Н.* От прохладного мира к зимней войне. Восточная политика Финляндии в 1930-е гг.

³ *Selén K. C. G. E. Mannerheim ja hänen puolustusneuvostonsa 1931–1939.* S. 113.

⁴ См.: *Барышников В. Н.* От прохладного мира к зимней войне. Восточная политика Финляндии в 1930-е гг. С. 109–110; 118; *Suomen sinivalkoinen kirja. Osa I.* Hels., 1940. S. 22–25, 35–36.

Но это вполне укладывалось в те представления, которые существовали тогда в руководстве страны, что свидетельствовало о незначительных возможностях для Советского Союза достичь с Финляндией военно-политических договоренностей по проблемам безопасности северо-западных рубежей.

Тем не менее определенные надежды все же сохранялись, поскольку переговорный процесс в советско-финляндских отношениях по данной проблеме пока только набирал обороты. Действительно, в начале 1937 г. состоялся официальный визит в Москву нового министра иностранных дел Финляндии Р. Холсти. Этот визит с советской стороны готовил Э. Асмус, и он был осуществлен уже при новом премьер-министре страны. Причем советско-финляндские переговоры прошли тогда в достаточно дружественной атмосфере¹, хотя касались именно вопросов военной безопасности и выяснения финской позиции в случае начала общеевропейской большой войны.

Фактически именно этот визит официально открыл новую эру в развитии советско-финляндских отношений. Именно он оказался действительно ключевым с точки зрения выяснения позиций обоих государств. К тому же до него финские представители такого уровня посещали Советскую Россию только в декабре 1917 г., когда им был вручен Декрет о признании независимости Финляндии. Положения, которые в 1937 г. Советский Союз выдвинул Р. Холсти, фактически сохранились на целых 10 лет в политике СССР в отношении Финляндии.

Этот исторический визит проходил с 8 по 10 февраля 1937 г. Причем в СССР тогда явно стремились всячески продемонстрировать особое расположение советского руководства к Финляндии. Это Р. Холсти не смог не почувствовать уже на пограничной железнодорожной станции в Белоострове, а затем в Ленинграде и Москве. По свидетельству советского полпреда А. Асмуса, который также принимал участие в переговорах, «ничего лучшего для изменения атмосферы мы сделать не могли»². Радушие и внимание к финляндской делегации проявлялось буквально во всем. Вплоть до того, что нарком иностранных дел СССР М. М. Литвинов, будучи нездоровым, дал Р. Холсти достаточно

¹ См.: *Барышников В. Н.* «Кратковременная оттепель» или перспективная программа сотрудничества? (к итогам визита министра иностранных дел Финляндии в СССР в 1937 г.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2007. С. 183–206.

² Документы внешней политики СССР. Т. XX. М., 1976. С. 121.

оригинальную аудиенцию. Финляндский министр вел с ним беседу, находясь у кровати больного¹.

Сами же переговоры носили очень важный характер. На них Литвинов прямо указал своему финскому коллеге, что конкретно волнует Советский Союз во внешней политике Финляндии. Он подчеркнул, что речь идет о неясной для СССР позиции финского руководства, которое, как выразился советский нарком, «предпочитает интимную близость с Германией, Польшей и Японией». Дело в том, пояснил он, что Советский Союз обеспокоен отнюдь не возможностью «самостоятельного нападения на нас Финляндии», а тем, что «в случае большой европейской войны Финляндия может очутиться в противостоящем нам лагере»².

Эта мысль получила развитие и в дальнейшем, во время беседы Р. Холсти с наркомом обороны К. Е. Ворошиловым. Происходила эта встреча перед началом весьма солидного приема, на котором присутствовало до 50 человек, представлявших высшее руководство СССР. Этот прием был дан лично в честь финского министра и лично главой советского правительства В. М. Молотовым³. В беседе наряду с Ворошиловым принял участие еще и начальник Генерального штаба Красной армии маршал А. И. Егоров. Развивая ранее высказанное Литвиновым опасение, что в случае агрессии против Советского Союза финляндская территория может быть использована «третьим государством», Ворошилов поставил вопрос о необходимости получения от Финляндии объяснений, как она будет при этом действовать⁴.

Холсти ответил, что может выразить лишь собственную точку зрения, поскольку по этому конкретному вопросу он не уполномочен вести переговоры. При этом финский министр твердо заявил: «Финляндия окажет противодействие каждому, кто попытается нарушить ее суверенитет», и подчеркнул, что «между Финляндией и Германией нет никаких тайных планов против других стран»⁵.

Судя по всему, эти слова произвели впечатление. Холсти для себя сразу заметил, что «оба маршала крайне напряженно следят за пере-

¹ *Korhonen K.* Turvallisuuden pettäessä. Suomi neuvostodiplomatiassa Tartosta talvisotaan. S. 151.

² УМ. 5 D. R. Holstin virallinen vierailu Moskovaan helmik. 1937. (26.2.1937); КА. R. Holstin kokoelma. 74. Virallinen vierailusta Moskovaan, 8–10.2.1937.

³ УМ. 5 D. R. Holstin virallinen vierailu Moskovaan helmik. 1937 (26.2.1937).

⁴ КА. R. Holstin kokoelma. 74. Virallinen vierailusta Moskovaan, 8–10.2.1937.

⁵ Ibid.

водом» и «когда с ним было закончено, они исключительно тепло пожали мне руку»¹. По мнению финляндского министра иностранных дел, сделанное им заверение было вполне достаточным для советской стороны. «Я сравнительно легко опроверг те утверждения», вспомнил он, которые выдвигались Москвой по поводу «тайных отношений между Финляндией и Германией»².

Этот вывод подтвердился и в ходе заключительной, новой беседы, состоявшейся между Литвиновым и Холсти. Нарком так резюмировал свою позицию: «Если Советский Союз в ближайшем будущем получит заверение, что Финляндия действительно намерена в своей внешней политике поддержать выдвигаемые Холсти взгляды, тогда можно начать переговоры между обеими странами по отдельным вопросам»³. В итоговом совместном коммюнике была подчеркнута необходимость развивать взаимовыгодное советско-финляндское сотрудничество, укреплять всеобщий мир и коллективную безопасность.

Иными словами, визит Холсти в Москву во многом заложил определенный фундамент дальнейшего процесса переговоров по беспокоящим СССР вопросам, хотя сам его итог и не выразился в подписании между двумя государствами каких-либо соглашений. Тем не менее появившиеся тогда в Москве представления о возникших перспективах в отношениях между двумя странами создавали определенную, хотя и весьма слабую базу для возможного изменения советско-финляндских отношений⁴.

Однако дальнейшее развитие этих отношений явно не сулило больших возможностей для их эволюции в предложенном Москвой направлении. Объективно Финляндия стремилась, как и прежде, демонстрировать несомненную сдержанность. Для СССР наиболее печальным выглядело сохранение и продолжение разнообразных финско-германских контактов, включая и военно-политическое сотрудничество.

Действительно, значение немецкого фактора в международных отношениях в это время реально только возрастало. К 1938 г. Гер-

¹ Цит. по: *Korhonen K.* Turvallisuuden pettäessä. Suomi neuvostodiplomatiassa Tartosta talvisotaan. S. 153.

² R. Holstin muistelmia vuosilta 1936–1940 // Suomen Kuvalehti. 1984. № 51–52. S. 75.

³ Цит. по: *Korhonen K.* Turvallisuuden pettäessä. Suomi neuvostodiplomatiassa Tartosta talvisotaan. S. 153.

⁴ См.: *Барышников В. Н.* От прохладного мира к зимней войне: Восточная политика Финляндии в 1930-е годы. С. 79–186.

мания, как известно, перешла к более активной внешней политике, которая приобрела явную агрессивную направленность. Причем обозначающийся процесс финско-советского сближения никоим образом Третий рейх не устраивал. Поэтому немецкое руководство стремилось всячески предостеречь Хельсинки от сотрудничества с СССР, подчеркивая, что «Финляндия, которая также чувствует на своей собственной шкуре значение коммунизма, вероятно, никогда не сможет оказаться в стане защитников коммунизма». Одновременно финским представителям все чаще и настойчивее указывали, что в Берлине «испытывают большие симпатии к Финляндии», а «дружба с нею и далее будет сохраняться». Также регулярно подчеркивалось, что «немецкая армия теперь является весьма мощной»¹.

В этом отношении Финляндия однозначно выглядела как объект возрастающих интересов Германии, что весьма отчетливо понимали и в Хельсинки. Эта немецкая активность была не менее очевидной и для других стран. Усиливающийся интерес Берлина к Финляндии становился несомненным раздражителем и для СССР. Там полностью сохраняли представления, что при возможном осложнении политического климата в восточной части Балтийского моря соседняя с Советским Союзом страна могла реально быть использована против него уже в военном отношении.

В целом примеров, свидетельствовавших о германской активности на финском направлении, было тогда более чем достаточно. «Германия стремилась нарушить в военном отношении внешнеполитическую линию Финляндии, — отмечал известный финский историк М. Юлкунен. — Внешнее представление о финско-германских отношениях, — подчеркивал он, — складывалось таким образом, что со стороны немцев к концу десятилетия проявилась особая активность. Наибольшей она была в 1937–1938 гг.»²

Характерно, однако, что Германия стремилась «форсировать в финском пространстве» именно свою военную активность. В этом она, по меткому наблюдению немецкого профессора М. Менгера, «целилась в самое восприимчивое место советско-финляндских отношений»³. Отличительной особенностью этих действия было то, что рейх «своих

¹ UM. 7 E Saksa. Muistiinpanoja Berliinistä. Keskustelu ulkoministeri von Ribbentropin kanssa, 4.9.1938.

² *Julkunen M.* Perinteet ja realismi. Suomen puolustusvoimat saksalaisarvioissa 1930-luvulla // Tiede ja Ase. 1981. № 39. S. 188.

³ *Menger M.* Deutschland und Finnland im Zweiten Weltkrieg. Berlin, 1988. S. 40.

чувств» к Финляндии скрывать не собирался и они стали носить уже отчетливо выраженный демонстративный характер.

Особенно ярким в этом отношении был состоявшийся в августе 1937 г. визит в Хельсинки эскадры немецких подводных лодок. Атмосфера, при которой оформлялся этот визит, характеризовалась «однозначной демонстрацией политической воли против Советского Союза»¹. Он не мог не восприниматься именно как явное проявление общего германо-финляндского военного сближения.

К тому же было очевидно, что Финляндии и ее соседям по Балтийскому морю этим визитом давалось понять, насколько возросла военно-морская мощь Третьего рейха. По данным советской разведки, 11 немецких боевых кораблей, прибывших в Финляндию, составляли до половины всего германского подводного флота. И здесь дело заключалось не просто в визите. Как считали в СССР, целью такого похода было военное «изучение районов западной части Финского залива»², то есть военно-морских подступов к Ленинграду.

Да и далее советская разведка продолжала фиксировать сохранение повышенного интереса у немецких офицеров, дипломатов, журналистов и других лиц к стратегически важным районам Финляндии, где они стали весьма частыми гостями. Разведуправление Красной армии, анализируя эти данные, усматривало в них совершенно определенно антисоветскую направленность. Выводы докладывались наркомун обороны К. Е. Ворошилову. Одновременно также фиксировались и противоположные факты поездок в Германию высокопоставленных финских генералов, офицеров, а также крупных государственных деятелей, что тоже явно указывало на определенную заинтересованность Финляндии и прежде всего ее военного руководства в расширении сотрудничества с рейхом.

В данном отношении весьма показательным стал, в частности, визит в Германию летом 1937 г. руководителей финской военизированной организации шюцкора генерала Л. Малмберга и полковника А. Мартола. Осенью 1937 г. произошла встреча с Г. Герингом председателя Совета обороны Финляндии маршала К. Г. Маннергейма. Неслучайной считалась также поездка в Берлин во второй половине октября 1937 г. прежнего президента Финляндии П. Э. Свинхувуда³.

¹ *Menger M.* Deutschland und Finnland im Zweiten Weltkrieg. Berlin, 1988. S. 42.

² РГА ВМФ. Ф. Р-1883. Оп. 1. Д. 67. Л. 3, 38. Разведсводка штаба КБФ № 7 на 1.9.1937.

³ *Menger M.* Deutschland und Finnland im Zweiten Weltkrieg. S. 41.

Наконец, обращал на себя внимание визит в Германию 22–24 октября 1937 г. финского министра иностранных дел Р. Холсти. По мнению немецкого исследователя М. Менгера, в рейхе ему «в поучительном тоне рассказали малую таблицу умножения»¹, а он в свою очередь подчеркнул, что «полностью сознает угрозу для Финляндии, исходящую от России»².

Но особое значение, безусловно, имел визит в Германию командующего финской армией генерала Хуго Эстермана. Он состоялся в марте 1938 г. Эта поездка была очень важной для обоих государств, и к тому же она отражала весьма серьезную особенность финско-германских отношений. В ходе нее состоялся прием у А. Гитлера. Подобной чести фюрер не удостоивал еще ни одного государственного представителя Финляндии.

В целом этот визит носил чисто официальный, показательный характер. Он проходил со строгим соблюдением всех внешних атрибутов встреч подобного уровня. О поездке финского генерала предоставлялась также достаточно обширная информация в прессе. В результате встреча Эстермана с Гитлером не могла не вызвать особого общественного внимания. «Следует заметить, — отмечалось в финляндском представительстве в Берлине, — что имперский канцлер, несмотря на все спешные свои дела, отвел время для этого приема, который был исключительно дружественным»³.

А. Гитлер во время встречи, продолжавшейся более четверти часа, в принципе, не сказал ничего нового. Он повторял обычные фразы, которые и так часто могли слышать от немцев финские представители. В частности, фюрер подчеркнул «понимание и симпатию» к Финляндии со стороны Германии, отметив, что эти чувства «растут и усиливаются». Кроме того, Гитлер твердо заявил: по отношению к Финляндии «никаких иных устремлений, кроме как сохранение дружественных отношений и симпатий, Германия не проявляет»⁴.

Одновременно была выражена и позиция фюрера по отношению к Советскому Союзу. «Россия, — заявил он, — является колоссом, который, если его не сломить [выделено в документе МИД Финляндии. — В. Б.], всегда будет представлять опасность. Его устремления

¹ Ibid. S. 39.

² Documents on German Foreign Policy. Ser. D. Vol. V. London, 1953. P. 537.

³ UM. 5 C 5; 7 E Saksa. Berliinin-lähetystön raportti, 28.3.1938.

⁴ Цит.: Ibid.

неизменно представляют собой угрозу всем северным соседям». Далее Гитлер также сказал Эстерману: «Россию нужно разгромить, прежде чем она приобретет такую силу, что ее уже нельзя будет разбить»¹.

К сожалению, пока не удалось выяснить, что на это ответил финский генерал, считавшийся в Германии «крепким немецким другом»². До сих пор его отчет о встрече с Гитлером не введен в научно-исследовательский оборот. Однако известно, что в Берлине на одном из торжественных мероприятий Эстерман позволил себе троекратную здравицу в честь «господина рейхсканцлера, Германии и вермахта»³. Это, конечно, говорит о том, что финский генерал с должным пониманием отнесся к важному заявлению фюрера.

Кроме того, в архиве Министерства иностранных дел Финляндии имеется информация об отношении к речи Гитлера посланника Финляндии А. Вуоримаа. Финский дипломат, возвращаясь к высказыванию фюрера, подчеркивал: «Вне всякого сомнения, сделанное заявление указывает на то, что все силы необходимо напрячь для ослабления этого монстра [то есть СССР. — В. Б.] и тогда, совершенно естественно, приблизилось бы время его ликвидации»⁴. Очевидно, что именно такой вывод хотело услышать от финских представителей германское руководство. И в данном случае в Берлине добились, как можно заметить, определенного результата.

Визит Эстермана привлек заметное внимание за рубежом. Безусловно, о нем имелись сведения и в Москве. Знал об этом и лично Сталин⁵. Причем само по себе распространение информации о прошедшей встрече вполне устраивало немецкое руководство. Там подчеркнуто старались придать поездке финского генерала возможно большее официальное звучание.

В целом политика Германии в Балтийском регионе явно провоцировала СССР на ответные действия. Рейх осуществлял свою политику исключительно вызывающе. Не замечать демонстрируемые им военные интересы было просто невозможно. Как доносил в Вашингтон 1 сентября 1937 г. американский посол в СССР, «Финляндия находится в исключительно опасном положении, поскольку если с Севера

¹ Цит. по: Ibid.; *Wuorimaa A. Lähettiläänä Hitlerin Saksassa. Keuruu, 1967. S. 80.*

² См.: *Julkunen M. Perinteet ja realismi. Suomen puolustusvoimat saksalaisarvioissa 1930-luvulla. S. 168.*

³ *Menger M. Deutschland und Finnland im Zweiten Weltkrieg. S. 44.*

⁴ УМ. 5 С 5. Berliinin-lähetystön raportti, 7.10.1938.

⁵ Зимняя война 1939–1940. Кн. 1: Политическая история. С. 86.

будет предпринята агрессия на ленинградском направлении, то она определенно уже сложилась как военный плацдарм Германии»¹.

Если учесть, что военные планы 1930-х гг. Германии об использовании финской территории для наступления против Советского Союза не обнаружены², то можно предположить, что Германия во многом искусственно стимулировала подозрительность Москвы в отношении Финляндии, создавая таким образом напряженную обстановку в Балтийском регионе. При этом рейх весьма искусно использовал реально существовавший страх финского руководства перед восточным соседом. В Берлине, естественно, хорошо осознавали важность стратегических районов на Балтийском море, принадлежащих Финляндии, для безопасности жизненно важных районов СССР.

Естественно, определенные расчеты германского военного командования в отношении использования финской территории в войне против СССР, конечно, имелись. Как по этому поводу отметил историк М. Менгер, «хотя источники не допускают никаких однозначных выводов по поводу соответствующего планирования в отношении Финляндии, все же известны военные соображения и политические действия, которые принципиально сводились к тому, чтобы по возможности использовать Финляндию... в войне против Советского Союза»³.

Действительно, еще в 1936–1937 гг. Германия считала необходимым в случае войны получить на финской территории военные базы. В частности, речь шла об Аландских островах и о районе Петсамо. Однако особо при этом подчеркивалась необходимость «приобретения базы при выходе из Финского залива». Ее существование для германского флота считалась крайне важным. Также как необходимым виделся и контроль в этом районе над островами, которые, как считалось, были нужны «для овладения Балтийским морем» в целом⁴. Но по мнению профессора М. Менгера, для германского командования все же «оптимальным вариантом был по-прежнему тот, при котором “Финляндия или Эстония активно вмешалась бы в немецкую войну против русских”»⁵.

¹ Цит. по: *Jakobson M. Diplomaattien talvisota. Porvoo; Hels., 1968. S. 50.*

² *Kansakunta sodassa. Os. I. S. 107.*

³ *Menger M. Deutschland und Finnland im Zweiten Weltkrieg. S. 26.*

⁴ *Ibid. S. 25–26.*

⁵ *Ibid. S. 26.*

Этого можно было достигнуть, раздувая подозрительность в советско-финляндских отношениях и усиливая общую напряженность в Балтийском регионе. К тому же демонстрация особого внимания рейха к Финляндии не могла не вселить в Хельсинки уверенность в возможности проведения твердого курса по отношению к СССР. Что в свою очередь вызывало еще большую настороженность в Москве. В этой ситуации весь комплекс сложившихся взаимных подозрений мог поставить советско-финляндские отношения в остро кризисную ситуацию. Что, в принципе, и произошло.

В итоге рубеж 1937–1938 гг. стал временем выработки у советского руководства внешнеполитического курса в отношении Финляндии в условиях стремительно приближающейся угрозы коалиционной войны. Причем вначале это было лишь стремление получить от Финляндии устные гарантии того, что ее территория не превратится в так называемый плацдарм для нападения на Советский Союз. До того, возможно, было вполне достаточно заверения, которое сделал во время визита в Москву Р. Холсти. Но в новых условиях, по мере того как ситуация в мире обострялась, позиция СССР в отношении Финляндии становилась объективно все более и более жесткой.

Сугубо внешние признаки, связанные с позитивным результатом московских переговоров 1937 г. во время визита Холсти, создали у советского руководства иллюзию положительной перспективы в развитии отношений с Финляндией, в том числе в сугубо военнополитическом плане.

В результате, как отмечается в «Очерках истории российской внешней разведки», советское руководство «предприняло попытку осуществить смелый план — склонить руководителей Финляндии к сотрудничеству, учитывающему интересы обеих стран»¹. Иными словами, в СССР, очевидно, решили воспользоваться этим небольшим намеком на конструктивный диалог с финским руководством, чтобы превратить Финляндию из потенциального союзника Германии в ее врага. То есть, как справедливо заметил М. Менгер, для руководства СССР развитие советско-финляндских отношений «в данной международной ситуации и ввиду стратегического положения Финляндии потребовало большего, чем отдельные слова и жесты доброй воли»².

¹ Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. М., 1997. С. 297.

² *Menger M. Deutschland und Finnland im Zweiten Weltkrieg.* S. 42.

Таким образом, Финляндия и отношения с ней заняли важное место во внешнеполитической линии Москвы. К тому же «финляндская проблема» привлекла самое пристальное внимание и высшего руководства СССР, включая лично И. В. Сталина.

Это четко проявилось уже в 1938 г. Тогда Сталин начал достаточно внимательно относиться «к северному направлению». Именно в этот период начался очередной раунд советско-финляндских переговоров, связанный с выяснением позиции Финляндии в случае начала мировой войны. Причем эти переговоры сразу же приобрели секретный характер, что во многом было связано с обсуждением и решением исключительно проблем военной безопасности.

Примечательным в данном случае было и то, что ведение самих этих переговоров поручили человеку, работавшему в советском дипломатическом представительстве в Финляндии на незначительной должности. В финской дипломатической среде он был известен лишь как один из ответственных работников советского полпредства по фамилии Б. Н. Ярцев. Но чем в действительности в Финляндии занимался Ярцев, несмотря на то что он там работал уже несколько лет, в финских государственных кругах знали очень мало. По мнению известного финского историка М. Якобсона, Ярцев «действовал как будто привидение; о нем знали так мало, что могли окрестить неизвестным солдатом дипломатии Зимней войны». Далее исследователь замечает, что Ярцев тем не менее «оказался в центре решающих для судьбы нашей страны переговоров и что он, конечно, войдет в число тех людей, имена которых сохранятся на страницах финской истории лишь как “безбилетные пассажиры”»¹.

Действительно, долгое время личности Ярцева и ходу его переговоров в Финляндии в историографии уделялось мало внимания. Это было прежде всего связано с секретным характером переговоров, которые он вел, и, соответственно, закрытостью доступа к советским документальным материалам. Более того, сам Ярцев никаких автобиографических материалов о себе не оставил и к тому же довольно рано, в 1947 г., ушел из жизни. Все это усложнило исследование данного вопроса. В результате около четырех десятилетий в СССР об этих переговорах было известно прежде всего из мемуаров известного финского государственного и политического деятеля В. Таннера, которые вышли на финском языке еще в 1950-е гг.² Однако они не были пол-

¹ *Jakobson M.* Diplomaattien talvisota. S. 8–9.

² *Tanner V.* Olin ulkoministerina talvisodan aikana. Hels., 1951.

ностью безупречны, поскольку В. Таннер принимал участие только в некоторых из встреч с Б. Ярцевым и не до конца смог осветить весь ход этих переговоров, что создало соответствующий научный вакуум.

Но кто же был такой Ярцев? Что он был за человек? И почему именно ему было дано поручение вести секретные переговоры с Финляндией?

В действительности его имя, отчество и фамилия, Борис Николаевич Ярцевев, были лишь рабочим псевдонимом. На самом деле он был сотрудником НКВД и его звали Борис Аркадьевич Рыбкин (в НКВД у него был еще оперативный псевдоним — Кин¹). Во второй половине 1930-х гг. Рыбкин являлся главой советской резидентуры в Финляндии и работал в иностранном отделе НКВД, в задачу которого входил сбор разведывательных данных, добытых как по легальным, то есть через сотрудников НКВД, имевших дипломатическое прикрытие, так и по нелегальным каналам. Одновременно Рыбкин являлся сначала советским консулом в Хельсинки, затем временным поверенным в делах СССР в Финляндии, а весной 1938 г. он был просто вторым секретарем посольства².

Как пишет В. Таннер в своих мемуарах, «господин Ярцев служил в дипломатической миссии несколько лет и создал в Хельсинки значительный круг знакомств, прежде всего в крайне левых кругах. Он был живой, приятный во всех отношениях человек. С ним можно было легко обсуждать даже очень деликатные вопросы, как если бы он был человеком, который не должен вести себя особенно осторожно в отношении того, что он сказал, в отличие от многих людей его положения». Таннер при этом добавлял, что «история подсказывала, что он в дипломатической миссии был представителем ГПУ»³.

Таким образом, Ярцев, то есть Рыбкин, в Финляндии в конце 1930-х гг. был личностью все же известной и заметной. К тому же его коллеги по работе в Москве считали Рыбкина весьма способным разведчиком. Начальник Четвертого управления НКВД П. А. Судоплатов, департамент которого занимался диверсионными операциями

¹ При рождении настоящая фамилия была Рывкин Борух Аронович (см.: Полковник Рыбкин Борис Аркадьевич /Ривкин Борух Аронович/ 1899–1947/ jewmil.com Интернет-проект по увековечиванию памяти воинов — евреев. URL: <https://www.jewmil.com/biografii/item/873-rybkin-boris-arkadevich-rivkin-borukh-aronovich> (дата обращения: 14.12.2022).

² *Барышников В. Н.* К проблеме отношений СССР с Финляндией накануне «зимней войны»: секретная миссия Б. Ярцева в 1938 г. // Вторые петербургские кареевские чтения по новистике. СПб., 1999. С. 389; *Vladimirov V. Kohti talvisotaa.* Hels.; Keuruu, 1995. S. 42.

³ *Tanner V. Olin ulkoministerina talvisodan aikana.* S. 3.

и в подчинении которого впоследствии находился Рыбкин, отмечал, что «Рыбкин, высокий, прекрасно сложенный, обаятельный человек, обладал тонким чувством юмора и был великолепным рассказчиком». Его внешние данные помогали найти общий язык «с нужными людьми», и он часто вращался в дипломатических и близких к правительственным кругам сферах и пользовался, подчеркивал Судоплатов, «большой популярностью»¹.

Все это, безусловно, сыграло определенную роль в том, чтобы именно ему поручили весьма ответственное дипломатическое задание. Возможно, учитывалось и то, что к началу 1938 г. руководящий состав дипломатического представительства СССР в Финляндии был отстранен от работы (включая полпреда Э. А. Асмуса, военного атташе полковника П. И. Иванова, бывшего главу резидентуры Г. Бржезовского и др.); почти все они были репрессированы. Назначенный на должность полпреда в Хельсинки В. К. Деревянский (март 1938 г.) был пока еще весьма далек от дипломатической деятельности, поскольку до этого продолжительное время трудился на государственной и партийной работе в Ленинграде. Кстати, именно ему Рыбкин и передавал тогда дела, когда до весны 1938 г. временно исполнял должность советского полпреда в Хельсинки. Это также, возможно, учитывалось. Более того, представляя спецслужбы, Б. А. Рыбкин подходил для выполнения весьма конфиденциального задания больше, чем В. К. Деревянский.

Но что же это было все-таки за задание?

В начале апреля Б. А. Рыбкин неожиданно и весьма срочно был вызван из Финляндии в Москву. «Обычно, — как он впоследствии об этом рассказывал своей супруге², — каждый вызов объяснялся — к чему следует быть готовым. Но даже прибыв в Москву на Лубянку, мне было сказано только то, что меня вызывают на самый верх»³.

7 апреля 1938 г. Б. А. Рыбкин был действительно приглашен в кабинет к Сталину в Кремль, где ему дали исключительно секретное задание, получившее кодированное наименование «Дело 7 апреля»⁴. Причем, что являлось крайне важным, впервые Сталин лично давал подобное поручение «рядовому сотруднику», работающему непосред-

¹ Судоплатов П. А. Разведка и Кремль. М., 1996. С. 317.

² Женой Б. А. Рыбкина была З. И. Воскресенская. Она также работала в разведслужбах НКВД и являлась заместителем Рыбкина в финской резидентуре.

³ Цит. по: *Воскресенская З. И.* Под псевдонимом Ирина: Записки разведчицы. М., 1997. С. 151.

⁴ Очерки истории российской внешней разведки. С. 297.

ственно в дипломатическом представительстве в Хельсинки. Это лишний раз подтверждало, что теперь финской проблеме начали уделять значительно больше внимания «на самом верху».

Совещание продлилось 45 минут. Наряду с И. В. Сталиным на нем присутствовали В. М. Молотов, а также отвечавший за вооруженные силы СССР К. Е. Ворошилов и начальник 1-го управления НКВД М. П. Фриновский. Из состава участников совещания видно, что здесь поднимались скорее не дипломатические, а чисто военно-политические вопросы. Так оно и было.

По поводу содержания этой беседы, стенографический отчет которой еще не обнаружен и вряд ли вообще существует, пока единственным наиболее правдоподобным свидетельством можно считать упоминание о ней Б. А. Рыбкина в разговоре с женой, которая эти воспоминания затем внесла в свои собственные мемуары¹.

Итак, в ходе данной встречи Рыбкин получил задание «вести строго секретные переговоры» с целью «заклучить с Финляндией двухсторонний оборонительный договор на случай, если Германия через территорию Финляндии напала бы на Советский Союз. СССР со своей стороны даст гарантии о своих намерениях в отношении Финляндии и обеспечит независимость страны»².

Кроме того, хотя это и не было упомянуто в приводимых воспоминаниях жены Рыбкина, ему поручалось поставить вопрос о развитии экономического сотрудничества между двумя странами. В частности, как отмечает хорошо информированный в то время П. А. Судоплатов, советскому эмиссару тогда дали задание вести переговоры, в которых должны были «финнам гарантировать экономическое сотрудничество с Советским Союзом с учетом их интересов в Скандинавии и Европе» и даже поставить вопрос о «разделе сфер военного и экономического влияния в Балтийском регионе между Финляндией и Советским Союзом»³.

Однако Рыбкин, который уже хорошо изучил к этому времени особенности финской политики, почувствовал, насколько сложное ему дали поручение. Он понимал, что «Финляндия вряд ли согласится на

¹ *Воскресенская З. И.* Под псевдонимом Ирина: Записки разведчицы. С. 151–154; Тайны и уроки зимней войны 1939–1940. По документам рассекреченных архивов. С. 13–15.

² Цит. по: *Воскресенская З. И.* Под псевдонимом Ирина: Записки разведчицы. С. 152–153.

³ *Судоплатов П. А.* Разведка и Кремль. С. 108.

такое соглашение», которое свяжет ее в военном и экономическом отношении с СССР¹. Если верить источникам мемуарного характера, он дважды пытался возражать Сталину, сомневаясь, что финское правительство «способно пойти на какие-то шаги, в которых не заинтересована гитлеровская Германия»². Но подобные возражения в советском руководстве не учитывали, там лишь могли сомневаться, насколько сам Рыбкин справится с поставленной перед ним задачей.

Таким образом, был взят четкий курс на заключение военного соглашения с Финляндией. Оно объективно было направлено исключительно против потенциального противника СССР — Германии.

Но кроме военно-политического соглашения Сталин намекнул Рыбкину еще на одну проблему, которая беспокоила советское руководство. Близость Ленинграда от советско-финляндской границы, видимо, не давала Сталину покоя. Поэтому в беседе с Рыбкиным он намекнул на возможность в дальнейшем обсудить с Финляндией вопрос об обмене территориями, с тем чтобы отодвинуть советско-финляндскую границу от Ленинграда. Это также должно было обеспечить, как предполагалось, в случае войны большую безопасность города³.

Можно считать, что именно в это время, в апреле 1938 г., в Советском Союзе начался процесс выработки реальной программы действия в отношении Финляндии. Данная программа, несомненно, подразумевала возможность возникновения большой коалиционной войны в Европе, где СССР по крайней мере должен был противостоять Третьему рейху. Таким образом, предполагаемые мероприятия носили исключительно военно-политический характер и явно втягивали Финляндию в орбиту «большой политики».

Предполагавшиеся переговоры имели скрытный характер. Здесь чувствовалось скорее стремление прощупать позицию Финляндии, нежели перейти к практическому решению вопроса о заключении с ней реального договора.

Сами переговоры начались 14 апреля. Причем они совпали по времени с проводившимися в тот же день в Хельсинки юбилейными мероприятиями, связанными с захватом немецкими войсками Хель-

¹ Цит. по: *Воскресенская З. И.* Под псевдонимом Ирина: Записки разведчицы. С. 153.

² Там же. С. 154.

³ Там же.

синки в 1918 г. Этой военной операцией в ходе финской гражданской войны кайзеровская армия нанесла смертельный удар по красному движению в Финляндии. И вот спустя 20 лет представительная германская делегация вместе с финнами возлагала венки из живых цветов у памятника погибшим немецким солдатам, участвовавшим в подавлении революции¹. Эти «торжества» не могли не стать своего рода аргументом, хорошо иллюстрирующим опасения СССР, и Ярцеву (Рыбкину) было проще объяснить финскому руководству цели начинающихся переговоров.

Министр иностранных дел Р. Холсти был взволнован перспективой этих переговоров. Было понятно, что запрашиваемая рядовым сотрудником советского диппредставительства аудиенция явно нарушала существующий дипломатический регламент. Однако он решил принять Ярцева, срочно проинформировав об этом главу финского правительства. Конкретно он сообщил: «Сегодня в час дня мне позволил второй секретарь посольства России Ярцев и в спешном порядке попросил аудиенции для личной беседы. Я пригласил его прибыть в 14 часов»².

Действительно, в назначенное время встреча состоялась. При этом было показательным, что Ярцев на ней не вполне раскрыл суть советских предложений. Он не стремился акцентировать внимание Холсти на желании СССР заключить с Финляндией военно-политический договор, явно демонстрируя незаурядные дипломатические способности. Беседу он начал со второстепенных вопросов и лишь затем перевел разговор к главной проблеме переговоров. Он заявил о готовности СССР оказать Финляндии помощь в случае возникновения войны, которая, как он подчеркнул, может начаться с нападения на нее Германии³.

Холсти все достаточно хорошо понял, и, информируя премьер-министра А. Каяндера об итогах визита Ярцева, он сообщил самое главное, что советский дипломат прямо ему сказал: в Москве «вполне уверены в том, что у Германии имеются широкие планы агрессии против России, что германская армия имеет цель на своем левом крыле осуществить высадку войск в Финляндии и продолжать оттуда наступление на Россию». После этого, передавая возникший с Ярцевым

¹ *Jakobson M.* Diplomaattien talvisota. S. 30.

² УМ. 12 L / 25. Neuvostoliitto: 1938–40 — Jartzev-keskustelut ym., 14.04.1938.

³ Тайны и уроки зимней войны 1939–1940. С. 16–17.

диалог, он сообщил заданный ему советским представителем вопрос: «Как правительство Финляндии будет относиться к немцам?», особо выделив слова Ярцева о том, что «если Финляндия окажет противодействие высадке немцев, Россия предоставит Финляндии всю возможную экономическую и военную помощь»¹. Иными словами, для финского руководства никакой тайны в цели визита Ярцева в МИД не было. Стало понятно, что советский представитель явно намекнул на желание руководства СССР объединить усилия с Финляндией в борьбе с возможной германской военной агрессией. Параллельно Холсти также обратил внимание на то, что Ярцев поднял еще вопрос о вероятности «предоставления Финляндии любых уступок в экономической сфере». Иными словами, финский министр иностранных дел из беседы с Ярцевым очень хорошо понял, что предлагал СССР.

Поднятые Ярцевым проблемы, естественно, показались Холсти весьма серьезными. Поэтому финский министр иностранных дел сразу же подчеркнул, что «он без разрешения президента не сможет вступить в любые регулярные их обсуждения»². Эту мысль Холсти довел и до сведения Ярцева. Но, отказавшись таким образом от перспективы всякого дальнейшего обсуждения на личных встречах обозначенных советским дипломатом вопросов, министр иностранных дел все же обозначил свой интерес. Он задал Ярцеву уточняющий вопрос, что имеет в виду советский дипломат по поводу предложений о военной помощи Финляндии. Он прямо спросил: «...Означает ли, например, это продажу оружия Финляндии?» Однако, не имея об этом четких указаний, Ярцев уклонился от прямого ответа, подчеркнув Холсти, что эта проблема будет решена только после того, «как Россия получит гарантии, что Финляндия не будет помогать Германии в войне против России»³.

В целом, как, вероятно, показалось Ярцеву, его первая встреча была достаточно удачной, и в завершение он уже вполне уверенно, как заметил Холсти, заявил: «Господин министр, начать надо с главного — с сути вопроса, а детали мы еще будем обстоятельно обсуждать. Я не говорю “прощайте”, господин Холсти, я уверен — до скорой встречи»⁴.

¹ УМ. 12 L / 25. Neuvostoliitto: 1938–40 — Jartzev-keskustelut ym., 14.04.1938; Тайны и уроки зимней войны 1939–1940. С. 17.

² УМ. 12 L / 25. Neuvostoliitto: 1938–40 — Jartzev-keskustelut ym., 14.04.1938.

³ Ibidem.

⁴ Цит. по: Тайны и уроки зимней войны 1939–1940. С. 18.

Так закончился этот первый и весьма короткий раунд переговоров. Причем очевидно, что его итог был расценен сторонами по-разному. Рыбкин в своем докладе руководству квалифицировал их результаты как «пока скромные»¹, но, по его мнению, они отчасти могли устроить советское руководство. Главное было достигнуто: Холсти принял Ярцева и проявил при этом определенную заинтересованность в военных поставках СССР Финляндии. Своими ответами на советские предложения Холсти явно заронил надежду на успешное продолжение начавшихся переговоров. Поэтому по итогу первой встречи Рыбкину следовало сразу же отправиться в Москву, чтобы там получить очередные инструкции.

Что же касается Холсти, то он, будучи опытным дипломатом, прежде всего никак не мог понять, почему от столь важных переговоров, которые организует советская сторона, отстранены главные представители СССР в Финляндии. Он прекрасно знал, насколько невысокий официальный пост, который занимал Ярцев в советском представительстве. Поэтому вывод у него после этой встречи был другой. Финский министр иностранных дел просто посчитал, что «господин Ярцев... ведет двойную игру», и более того, как подметил Холсти, по этому поводу советский представитель «довольно-таки сильно нервничает»². Столь необычная форма переговоров и низкий ранг советского дипломата явно позволяли Холсти использовать бóльшую свободу маневра. Поэтому финский министр иностранных дел решил откровенно уклоняться от дальнейших встреч с Ярцевым. Он решил фактически просто «забыть» этот неприятный инцидент и сделанные Финляндии предложения. Как заметил по этому поводу оповещенный о переговорах влиятельный финский политик и государственный деятель В. Таннер, просто «вначале на них не обратили заслуженного внимания»³, хотя, конечно, в действительности вопросы, которые были подняты в ходе начинающихся секретных переговоров, носили исключительно важный для СССР и Финляндии характер. Причем, как Таннер подчеркнул, «было очевидно, что советское правительство, предчувствуя скорое начало войны, желает изыскать возможность обезопасить свой Северный фронт»⁴.

¹ Тайны и уроки зимней войны 1939–1940. С. 19.

² УМ. 12 L / 25. Neuvostoliitto: 1938–40 — Jartzev-keskustelut ym., 14.04.1938.

³ *Tanner V. The Winter War. Finland against Russia. 1939–1940. Standford, 1957. P. 5.*

⁴ *Ibidem.*

Тем временем позиция Советского Союза начала быстро уточняться. После того как Рыбкин прибыл в Москву, его отчет о переговорах, очевидно, вполне удовлетворил советское руководство. В СССР к тому же существовало устойчивое представление, что «финские политики — народ упрямый и консервативный, сдвинуть их с места очень трудно»¹ и поэтому требуется соответствующее время и большие усилия. Главное, что увидели в Москве: Холсти категорически не отверг советскую инициативу. Поэтому результат первой встречи в Кремле сочли достаточно обнадеживающим.

В целом для Сталина была подготовлена подробная справка, в которой говорилось, что финское правительство «не является германофильским, а, наоборот, оно стремится к улучшению отношений с СССР». И далее: «...Имеется реальная обстановка для того, чтобы парализовать немецкое влияние в Финляндии и вовлечь ее в орбиту Советского Союза. Для этого необходимо провести работу в правительственных кругах Финляндии с целью достижения нужного нам общего и практического изменения курса внешней политики Финляндии». После этого определялось: «Мы можем предложить финнам:

1. Гарантию неприкосновенности в ее теперешних границах. (Сталин дописывает: “еще невмешательство во внутренние дела Финляндии”.)

2. Снабжение ее вооружением и материально-техническими средствами для укрепления тех стратегических пунктов, которые являются наиболее уязвимыми с точки зрения действия германского военно-воздушного флота...

Взамен мы требуем заключения с Советским Союзом пакта о взаимной помощи. (Сталин пишет: “Пойдут на это?”)².

Таким образом, советский лидер до конца еще не был уверен в общем положительном результате, но переговоры решил продолжать, расширив при этом полномочия Рыбкина.

Теперь в его компетенции вошли встречи и беседы не только с официальными лицами, но и с влиятельными политическими и государственными деятелями Финляндии³. Предполагалось прежде всего использовать собственные связи Рыбкина (Ярцева) в общественных

¹ Документы внешней политики СССР. Т. XVI. М. 1970. С. 37.

² См.: *Барышников В. Н.* К проблеме отношений СССР с Финляндией накануне «зимней войны»: секретная миссия Б. Ярцева в 1938 г. С. 390; *Родина.* 1995. № 12. С. 39.

³ См.: *Судоплатов П. А.* Разведка и Кремль. С. 108, 316.

кругах Финляндии, чтобы добиться результата в поставленной перед ним задаче. Если вспомнить, что именно в это время органы НКВД стали переходить к тактике создания сети так называемых агентов влияния¹, то задание Рыбкина становится более понятным.

Действительно, по приезде в Хельсинки Ярцев начал активно встречаться с различными представителями финского общества. Он в это время заметил своей жене: «Больше ждать нельзя... Необходимо переговорить с нашими финскими друзьями насчет того, что Россия сделала Финляндии выгодное предложение»². Но круг его встреч оказался значительно шире. И не все, конечно, были явными «друзьями» СССР. Тем не менее он смог, в частности, наладить контакты и начал вести переговоры с секретарем премьер-министра страны А. Инкиля. Также Ярцев имел встречи и с генералом А. Сихво, и с известной писательницей-драматургом Х. Вуолийоки³. Кроме того, он получил несколько десятков тысяч долларов «для политической поддержки финской Партии мелких хозяев, чтобы она сыграла определенную роль в формировании позиции правительства»⁴.

В это время Москва действительно стремилась склонить на свою сторону как можно больше заметных финских государственных деятелей. Даже появилась идея использовать влияние на финское руководство маршала К. Г. Маннергейма⁵. Рассматривалась также кандидатура самого премьер-министра А. Каяндера. При этом И. В. Сталину докладывали, что финский премьер — «член левого крыла Прогрессистской партии, человек без средств, но лично неподкупен»⁶. И это пытались учитывать для соответствующей негласной «работы» с ним.

В целом Ярцеву в какой-то степени все же удалось создать благосклонное отношение к выдвигаемым СССР предложениям. Он даже смог обеспечить появление в правительственных сферах страны отдельных «агентов влияния», организовавших «лоббирование в верхах желаемого советско-финляндского соглашения»⁷.

¹ Судоплатов П. А. Разведка и Кремль. С. 76–77.

² Тайны и уроки зимней войны 1939–1940. С. 20.

³ Tuomioja E. Häivähdyks punaista. Hella Wuolijoki ja hänen sisarensa Salme Pekka vallankumouksen palveluksessa. Hels., 2006. S. 245–246.

⁴ Судоплатов П. А. Разведка и Кремль. С. 316.

⁵ Там же. С. 109, 116.

⁶ Цит. по: Барышников В. Н. К проблеме отношений СССР с Финляндией накануне «зимней войны»: секретная миссия Б. Ярцева в 1938 г. С. 390.

⁷ Тайны и уроки зимней войны 1939–1940. С. 21.

В частности, за принятие советских предложений активно начал выступать А. Инкиля¹, который «в течение всех переговоров докладывал внешнеполитическому руководству, в особенности Каяндеру, сведения о предложениях Ярцева и мнения о них». Причем, как отмечалось в финской литературе, «нередко сведения, поступавшие от него, получали противоположное толкование», но он твердо был уверен, что «на переговорах финны ничего не потеряют, а достигнуть могут многого»².

Что же касается самих переговоров, то они приобрели вялотекущий характер. Хотя Ярцеву и удавалось продолжать начавшийся процесс и даже встретиться с самим премьер-министром А. Каяндером, но результата добиться ему все же не удавалось. В частности, глава финского правительства на активные контакты с советским представителем не шел и ловко уклонялся от дальнейших бесед³. Более того, в финском руководстве посчитали более грамотным отстранить дипломатов от дальнейших встреч с Ярцевым и перепоручили продолжение негласных переговоров министру финансов В. Таннеру. Таким образом Москве было дано понять, что Финляндия имеет интерес к переговорам о коммерческом сотрудничестве. При этом сами переговоры затягивались, продолжаясь уже не один месяц⁴.

В такой ситуации в СССР наконец начали понимать, что добиться союза с Финляндией будет практически невозможно. Рыбкин вынужден был об этом четко проинформировать советское руководство. В своей шифротелеграмме он сообщил, что финское правительство «упорно не желает заключить политический договор» и придерживается «тактики проволочек». При этом он также вынужден был признать, что в руководстве Финляндии не придают «серьезного значения и демаршам влиятельных представителей финской ответственности»⁵, которые разделяли взгляды СССР и были сторонниками советско-финляндского союза.

¹ См.: УМ. 12 L / 25. A. Inkilän kirje (A. 1). Pääministerille, 14.6.1938; *Korhonen K.* Turvallisuuden pettäessä. Suomi neuvostodiplomatiassa Tartosta talvisotaan. S. 170, 175.

² *Suomi J.* Talvisodan tausta. S. 361; *Korhonen K.* Turvallisuuden pettäessä. S. 170.

³ См.: Тайны и уроки зимней войны 1939–1940. С. 20–21; УМ. 12 L / 25. Neuvostoliitto: 1938–40 — Jartzev-keskustelut ym.

⁴ См.: *Барышников В. Н.* От прохладного мира к зимней войне: Восточная политика Финляндии в 1930-е годы. С. 173–177; *Tanner V.* The Winter War. P. 4–13; Тайны и уроки зимней войны 1939–1940. С. 22–25.

⁵ Тайны и уроки зимней войны 1939–1940. С. 22.

В результате советскому руководству стало предельно ясно, что выдвинутые СССР предложения «не пройдут». Поэтому уже с 18 августа 1938 г. вопрос о широком военно-политическом союзе был снят. Теперь, учитывая позицию финской стороны, СССР предлагал в случае войны лишь возможную помощь в виде поставок оружия и охраны морских границ Финляндии. Но тем не менее Москва не теряла пока надежды получить от Финляндии какое-либо письменное обязательство о готовности отразить возможное нападение.

Одновременно на этой стадии переговоров Советский Союз выдвинул еще одно новое, принципиально важное предложение. Оно заключалось в том, чтобы создать на острове Суурсаари (Гогланд) в центре Финского залива военно-воздушную и военно-морскую базы, а также был поставлен вопрос об участии СССР в возведении оборонительных укреплений на демилитаризированных Аландских островах¹.

Однако новые советские предложения также не нашли поддержки у финского руководства, о чем Таннер проинформировал Ярцева. Таким образом, секретные переговоры в их военно-политической составляющей оказались на грани полного срыва. Это особенно ярко проявилось при очередной встрече, которая состоялась 15 сентября. Рыбкин докладывал в Москву, что Таннер ему решительно заявил: «Мы не захлопываем дверь и не свертываем переговоры... Финны даже готовы закупать у России такие виды вооружения, в которых они могут нуждаться. Что же касается укрепления Аландских островов и острова Гогланд, финское правительство отклоняет эти предложения без каких-либо встречных соображений»².

Таким образом, в Хельсинки готовы были лишь частично принять советские предложения, уходя от обсуждения наиболее радикальных в военном отношении советских инициатив. Но и это давало руководству СССР определенную надежду на достижение какого-либо приемлемого позитивного результата. Поэтому Рыбкину было дано задание переговоры не прекращать³.

В итоге в начале октября 1938 г. он через Инкиля, а затем и Холсти поставил вопрос о готовности с советской стороны принять официальную финляндскую делегацию в Москве. Предполагалось, оче-

¹ UM. 12 L / 25. Neuvostoliitto: 1938–40 — Jartzev-keskustelut ym., 18.8.38; *Tanner V. The Winter War*. P. 8–9; Тайны и уроки зимней войны 1939–1940. С. 23.

² Цит. по: Тайны и уроки зимней войны 1939–1940. С. 25.

³ Там же.

видно, обсудить возможные проблемы и прийти к удовлетворяющим обе стороны результатам уже на уровне правительственных делегаций, что открывало новую стадию переговорного процесса.

Однако финская сторона затянула с ответом на это предложение чуть ли не на два месяца. Лишь во второй половине ноября беседы Ярцева в Хельсинки возобновились. Теперь их вел с финской стороны исполнявший обязанности министра иностранных дел В. Войонмаа, поскольку Р. Холсти ушел в отставку. Причем именно тогда надежда советской стороны на позитивный результат проходивших встреч усилилась, поскольку к этому времени в процессе вялотекущего диалога явно обозначились определенные перспективы с финской стороны.

Безусловно, данная тенденция могла появиться также вследствие подписания западными странами Мюнхенского соглашения, касающегося Чехословакии. Уже в конце ноября, как свидетельствуют советские источники, Финляндия впервые за все время переговоров заявила о возможном согласии с частью советских предложений, касавшихся безопасности СССР с севера в условиях возникновения мировой войны.

И вот 21 ноября В. Войонмаа принял Б. Н. Ярцева и в начавшейся беседе проявил определенное понимание позиции Советского Союза. После этого по линии НКВД Л. П. Берии было доложено, что В. Войонмаа сообщил Ярцеву: учитывая опасения СССР относительно перспективы возникновения мировой войны и опасности использования финской территории противниками Советского Союза, Финляндия готова гарантировать СССР безопасность от войск агрессора, дав отпор нападающему государству на своей территории. Кроме того, было заявлено о желании Финляндии приступить к переговорам с Советским Союзом о покупке у него вооружения. И, наконец, выражалось согласие начать строительство укреплений на острове Суурсаари при условии пересмотра соответствующих статей Гартуского мирного договора¹.

Важным в этом заявлении являлось еще и то, что Финляндия изъявляла готовность направить в Москву своих представителей. Их должны были включить в состав финской торговой делегации, готовящейся в это время к поездке и переговорам в СССР. Иными словами, финское руководство негласно пошло на продолжение переговоров, касавшихся военно-политических форм сотрудничества, причем уже в советской столице. В результате начавшийся весной 1938 г. процесс

¹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1154. Л. 149–150. Сообщение Л. П. Берия, 5.12.1938.

тайных советско-финляндских переговоров в конце года приобрел очертания реального диалога с целью выработки взаимоприемлемого соглашения, и для этого в Москву выехали финские официальные представители, которые должны были продолжить негласное рассмотрение советских предложений.

Действительно, для продолжения секретных советско-финляндских переговоров в состав финской правительственной делегации были включены достаточно высокопоставленные сотрудники МИД Финляндии А. Пакаслаhti и У. Тойвола. Кроме того, к ним должен был присоединиться руководитель финляндского дипломатического представительства в Москве А. С. Ирье-Коскинен. Эти чиновники Министерства иностранных дел, как явствовало из российских источников, должны были получить соответствующие полномочия для продолжения переговоров. Причем в Москве даже допускалась возможность подписания именно с ними «секретного соглашения по вышеуказанным политическим вопросам»¹. К тому же, что было очень важно, по поступившим из советского полпредства в Хельсинки сведениям, в правительственных кругах Финляндии придавали предстоящим переговорам «большое политическое значение»².

Переговоры в Москве проходили в начале декабря 1938 г. С советской стороны их вел заместитель председателя Совета народных комиссаров и нарком внешней торговли А. И. Микоян. Однако, судя по российским и финским документам, результат этой встречи оказался незначительным. И они никак существенно не повлияли на выработку совместных решений.

Во время этих переговоров указание Микояна на то, что «имеются разговоры и слухи, согласно которым у некоей третьей державы проявляется стремление выдвинуться на Восток» и ее путь может пролегать через Финляндию, встретило с финляндской стороны уже знакомый ответ о готовности оборонять свою территорию от возможной агрессии, также подтверждалось желание Финляндии приобрести оружие у Советского Союза. Более того, финляндская делегация поставила вопрос о необходимости «в целях своей безопасности» строительства ими укреплений еще и на Аландских островах³. Но это предложение,

¹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1154. Л. 149–150. Сообщение Л. П. Берия, 5.12.1938.

² Документы внешней политики СССР. Т. XXI. М., 1977. С. 681.

³ UM. 12 L / 25. A. Toivolan ja Pakasladen keskustelu A. Mikojanin kanssa Moskovassa, 7.12.1938.

очевидно, было все же достаточно далеко от интересующих СССР инициатив.

Таким образом, до подписания «секретного соглашения», о котором тогда думало советское руководство, дело так и не дошло. На негласных переговорах стороны ограничились лишь обсуждением возможности строительства Советским Союзом на острове Суурсаари своих укреплений. Причем финляндские представители подчеркнули, что следует вопрос «с Суурсаари обсудить между специалистами», то есть военными обеих стран. С этой мыслью А. М. Микоян, конечно, не мог не согласиться¹.

Иными словами, финляндские представители и на этот раз уклонились от принятия конкретных решений.

Тем не менее сам факт продолжающегося обсуждения инициатив СССР сохранял определенные перспективы для будущего договора о военно-политическом сотрудничестве двух стран. Более того, в Москве, как почувствовали финские участники встречи, теперь были склонны «политические вопросы обсуждать после выработки мер по развитию совместной торговли»², что говорило о готовности советского руководства к определенной гибкости и координации своей политической линии в отношении Финляндии.

В целом, по оценке финских исследователей, поездка делегации в Москву и прошедшие там переговоры показали, что «отношения между Финляндией и Советским Союзом обещали и далее развиваться»³.

Учитывая имеющийся к началу 1939 г. результат, можно сказать, что в тот момент советско-финляндские отношения проходили некую переходную стадию: цели, которые преследовал Советский Союз, пока еще не были достигнуты, но существовала надежда на благоприятное разрешение поставленных Москвой вопросов. При этом очевидно, что СССР не стремился выдвигать Финляндии никаких других предложений, кроме военно-политических. Все остальные вопросы, особенно связанные с экономическим сотрудничеством, увязывались с разрешением проблем, сугубо касающихся военной безопасности. В целом достигнутый предварительный результат в вялотекущих переговорах,

¹ UM. 12 L / 25. A. Toivolan ja Pakasladen keskustelu A. Mikojanin kanssa Moskovassa, 7.12.1938.

² *Tanner V. The Winter War.* P. 13.

³ *Suomi J. Talvisodan tausta.* S. 330.

несомненно, позволял советскому руководству рассчитывать на возможность получения определенного положительного результата.

Оптимизм в отношении наметившегося советско-финляндского диалога вселяли также слова, которые при первой встрече с советским полпредом в Хельсинки В. К. Деревянским произнес в начале 1939 г. новый министр иностранных дел Финляндии Эльяс Эркко. Он сообщил, что «поездка делегации в Москву и имевший место при этом обмен мнениями с народными комиссарами окажут самое благоприятное влияние на дальнейшее развитие и укрепление добрососедских отношений и экономических связей между Советским Союзом и Финляндией»¹.

При этом обращало на себя внимание то, что новый финский министр указал на возможность именно развития «добрососедских отношений», отделив их, таким образом, от «экономических связей». Это могло расцениваться в СССР как намек на вероятность укрепления перспектив военно-политического сотрудничества. А то, что Э. Эркко подчеркнул, что новое руководство МИД не изменит проводившегося ранее страной курса², могло трактоваться как очевидная преемственность политики, осуществляемой до этого Р. Холсти и особенно В. Войонмаа.

Более того, откровенность еще малоизвестного на международной арене Э. Эркко, который был отмечен лишь как ученик достаточно гибкого политика Р. Холсти, также вселяло в советское руководство уверенность, что Финляндия действительно будет готова препятствовать возможной агрессии, направленной против СССР через ее территорию.

Ярким подтверждением этого стали установки, которые были даны Наркоматом обороны относительно перспектив военного планирования. 27 февраля 1939 г. в директиве К. Е. Ворошилова по поводу составления оперативного плана на случай войны Финляндия уже не рассматривалась в качестве возможного противника. Там указывалось, что на северном и западном направлениях могут выступить против СССР объединенные силы лишь двух государств — Германии и Польши³. В этом документе прямо указывалось, что «необходимо

¹ Документы внешней политики СССР. Т. XXI. С. 684.

² Там же.

³ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1 Д. 101. Л. 16. Ссылка на директиву НКО СССР № 15201 от 27.2.1939.

учитывать возможность сохранения нейтралитета Финляндией, длительность и устойчивость которого будет зависеть от политической обстановки и успехов первых операций РККА и РКВМФ»¹. Заметим, однако, что это было за девять месяцев до начала «финской войны».

Тайная миссия Б. Е. Штейна

Тем временем в связи с быстро усиливающейся агрессивностью Германии международная ситуация в Балтийском регионе стала стремительно обостряться. Как выразительно отметила в своем дневнике в середине января 1939 г. советский посланник в Швеции А. М. Коллонтай, «мир объят тревогой»². Действительно, в Москву по дипломатическим каналам постоянно поступали пугающие сведения. В частности, отмечалось, что Эстония пошла на заключение с Германией секретного соглашения о пропуске через свою территорию к границе с СССР войск вермахта. По данным, о которых заявил М. М. Литвинов 19 февраля, Польша также была не намерена возражать против выдвижения немецких вооруженных сил к советским рубежам через Прибалтику и Финляндию³. Вся эта информация нуждалась, конечно, в подтверждении, но не могла не вызвать «новых озабоченностей» советского руководства.

Министерство иностранных дел Финляндии, в свою очередь, получало из Москвы от посланника А. С. Ирье-Коскинена сведения о проявляющейся в СССР тревоге, которую явно связывали с действиями Германии в Прибалтике и Польше⁴. Очевидно, что такого рода данные должны были заставить финское внешнеполитическое руководство еще серьезнее отнестись к советским внешнеполитическим инициативам, касающимся политики безопасности. Более того, представитель Финляндии в Лиге Наций Р. Холсти тоже доносил из Женевы о происходившей переброске значительного количества немецких войск с запада на восток. Он четко указывал своему руководству на явное «усиление международной напряженности» в Восточной Европе.

¹ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1 Д. 101. Ссылка на директиву НКО СССР № 15201 от 27.2.1939. Л. 14.

² Коллонтай А. М. Дипломатические дневники. 1922–1940. Т. 2. М., 2001. С. 407.

³ СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны (сентябрь 1938 г. — август 1939 г.). Документы и материалы. М., 1971. С. 118–119, 202, 224.

⁴ Фляйшхауэр И. Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии. М., 1991. С. 92.

Далее, в одном из своих сообщений в МИД Холсти дал весьма развернутую характеристику складывавшейся внешнеполитической обстановки. Он подчеркивал атмосферу общей тревоги в Европе, а также исключительное внимание Лиги Наций к тому, что нацистская Германия вслед за захватом Судетской области планировала оккупацию всей Чехословакии¹.

Очевидно, что в обострившейся международной обстановке правительство СССР не устраивали вялотекущие и малопродуктивные переговоры с Финляндией. Теперь у советской стороны возникала необходимость форсировать сам процесс переговоров по вопросам, связанным с обеспечением безопасности. При этом в финской литературе существует мнение, что после секретных советско-финляндских переговоров в декабре 1938 г. в Москве начался весьма значительный перерыв в переговорном процессе. В. Таннер, например, в своих мемуарах утверждал, что после обмена мнениями с советскими представителями переговоры возобновились лишь в марте 1939 г., «спустя несколько месяцев» после декабрьской встречи².

Однако в действительности в Советском Союзе отнюдь не собирались прерывать переговорный процесс. Ситуация в Европе просто не позволяла это сделать. Так же как и то, что достигнутые результаты не давали повода прекращать возникший диалог с Финляндией.

Поэтому уже в начале февраля 1939 г. Б. Н. Ярцев вновь проинформировал Министерство иностранных дел Финляндии о желании СССР продолжить начатые переговоры. Позиция Хельсинки в данном случае была весьма примечательной: не отрицая возможности возобновления переговоров, финляндская сторона сообщила, что ей не нравится форма их проведения. Как было разъяснено, переговоры не должны более проводиться «необычным путем». Они должны проходить, как подчеркнула финская сторона, на более высоком уровне, например между финским посланником в Москве А. Ирье-Коскиненем и наркомом М. М. Литвиновым. Эта уведомление последовало 7 февраля³.

Подобное сообщение, естественно, не касалось сути советских инициатив. Но одновременно финская сторона, по мнению СССР, делала эти переговоры более сложными, поскольку ранее Ярцев четко

¹ KA. R. Holstin kokoelma. 68. Geneven-lähetystön raportti, 17.3.1939.

² Tanner V. The Winter War. P. 13.

³ UM. 12 L / 25 (osa 2). Muistionpaino keskustelusta U. Toivolan ja B. Jartsevin välillä, 7.2.1939.

сообщил советскую позицию по данному вопросу: перед переходом переговоров на новый государственный уровень стороны должны уже иметь предварительную общую договоренность. Так, летом 1938 г. он заметил В. Таннеру, что сначала нужно неофициально «выяснить, возможно ли достичь удовлетворяющего обе стороны соглашения», а уже затем перейти к официальным встречам. Конкретно Ярцев сказал: «Если это не удастся сделать, то лучше не начинать официальные переговоры, поскольку их провал поставил бы в неудобное положение оба государства»¹. Однако полностью удовлетворяющего СССР ответа финская сторона пока не дала. Поэтому Москва по-прежнему была не склонна менять прежний формат ведения переговоров. Это стало понятно, поскольку спустя почти две недели после данного заявления Ярцев повторно обратился в МИД Финляндии с тем же вопросом.

Показательно, однако, что все эти события происходили на фоне явно наметившегося прогресса в развитии советско-финляндского экономического сотрудничества. Для обсуждения перспектив в Москве начали готовить общий проект торгового договора, а также специальный протокол к нему, исходя из «безусловного и неограниченного» благоприятствования Финляндии в таможенном отношении со стороны СССР². Более того, Финляндия сама стремилась к расширению экономических связей с Советским Союзом. 24 февраля на секретном заседании Государственного совета вопрос ставился о необходимости заключить торговое соглашение с СССР в весьма приличном объеме — 400 млн марок³. К тому же этому заседанию предшествовали обмен мнениями по данному вопросу, состоявшийся в Москве между наркомом внешней торговли А. И. Микояном и А. С. Ирье-Коскиненем, а также в Хельсинки между В. К. Деревянским и министром финансов В. Таннером⁴.

Показательно, что тогда финские дипломаты, работавшие в СССР, ощутили наметившиеся позитивные перемены, которые в перспективе могли произойти в отношениях двух государств. 20 февраля посланник в СССР А. С. Ирье-Коскинен докладывал в Хельсинки, что, несмотря на то что «у советского правительства преобладают взгляды о существующем между Финляндией и Германией сотруд-

¹ Цит. по: *Tanner V. The Winter War*. P. 9.

² Год кризиса: Документы и материалы. Т. 2. С. 384.

³ УМ. Са 8. *Valtionuuvoston salainen pöytäkirja*, 24.2.1939.

⁴ *Ibid.* 5 С 18. *Moskovan-lähetystön raportti*, 20.2.1939; Документы внешней политики. Т. XXII. Кн. 1. М., 1992. С. 145.

ничестве в военной сфере», здесь из этого «не решаются делать проблему». Более того, посланник четко заметил: «Я не хочу сказать, что наши отношения с Советским Союзом за последнее время ухудшились. Напротив, у меня такое представление, что сейчас они относительно [подчеркнуто в документе. — В. Б.] хорошие»¹.

Однако в финских правительственных кругах явно никак не хотели соединить развитие экономических отношений СССР и Финляндии с возможностью укрепления на этой основе политических взаимосвязей.

Это было четко заметно, когда 9 февраля 1939 г. заместитель наркома иностранных дел В. П. Потемкин имел достаточно резкий разговор с А. С. Ирве-Коскиненем. В ходе него, несмотря на перспективы позитивного развития экономических связей между двумя странами, финский посланник категорически отверг возможность выработки новых форм военно-политического сотрудничества, касающегося защиты Аландских островов. Он решительно заявил, что правительство «Финляндии не допустит нарушения нейтралитета Аландских островов и твердо решило защищать его против всяких покушений как со стороны Германии, так и со стороны СССР»². Это в свою очередь вызвало удивление у Потемкина, который отметил, что «ничто до сих пор не давало Финляндии повода предполагать, что СССР имеет на Аландские острова какие-либо виды». Далее в своем служебном дневнике советский дипломат, касаясь этой беседы, отметил, что «не без смущения посланник пробормотал мне в ответ, что фактически только два государства могут быть заинтересованы в захвате Аландских островов. Это Германия и СССР»³.

Столь резкие заявления, которые позволяли себе финские представители в Москве, конечно, не могли не насторожить советское руководство. Об этой беседе сразу же был проинформирован и Сталин⁴.

В Хельсинки явно пытались развести экономические и политические вопросы, что четко отметили советские дипломаты. Так, 18 февраля, когда Деревянский в беседе с Таннером сказал, что в Советском Союзе, принимая во внимание заинтересованность Финляндии в развитии торгового сотрудничества с СССР, надеются на «упрочение доб-

¹ УМ. 5 С 18. Moskovan-lähetystön raportti, 20.2.1939.

² Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВПРФ). Ф. 45. Оп. 1. Д. 449. Л. 10. Дневник В. П. Потемкина, 9.2.1939.

³ Там же.

⁴ Там же.

рососедских политических отношений между обеими странами», Таннер в ответ заметил, что «улучшение политических отношений явится делом довольно затруднительным»¹. Об этом разговоре Деревянский сразу же доложил в Москву. Но советское руководство, в отличие от финских представителей, по-прежнему возлагало надежды именно на достижение сдвигов в политическом плане. Это было для СССР тогда самым главным вопросом в отношениях с Финляндией.

В целом к весне 1939 г. стало понятно, что многомесячный советско-финляндский диалог по вопросам военно-политического характера не имеет каких-либо гарантированных и обнадеживающих перспектив. В этом плане надежды Москвы оказались, очевидно, преждевременными.

Тем не менее Ярцев всячески стремился к продолжению переговоров именно по политическим вопросам. Финальной кульминацией его встреч по данному вопросу можно считать переговоры в Министерстве иностранных дел Финляндии 4 марта. Они оказались определяющими, поскольку беседу с ним вел теперь Э. Эркко.

Может быть, именно на этой встрече финский министр иностранных дел отчетливо проявил себя как главное действующее лицо в будущем процессе советско-финляндских переговоров. Тогда Эркко ясно проявил себя как человек в суждениях достаточно высокомерный и категоричный, что, очевидно, не было свойственно дипломатам, представлявшим интересы своей страны. В частности, финский министр сразу же заявил, что его «удивляет способ ведения переговоров, избранный советской стороной», и прямо поставил перед Ярцевым вопрос: «Почему от обсуждения политических вопросов оказались отстранены посланники Ирве-Коскинен и Деревянский?» Пытаясь уйти от ответа, советский представитель сразу же заговорил о сути ранее выдвигавшихся предложений, сделав акцент на вопросе об Аландах и об острове Суурсаари. На это Эркко в жесткой форме повторил прежнее разъяснение, что «Финляндия придерживается нейтралитета и будет защищаться от агрессии, откуда бы она ни исходила». Что же касалось конкретно острова Суурсаари, то создание укреплений там может производиться «собственными силами Финляндия и по ее планам»². На все это Ярцеву пришлось ответить лишь

¹ Документы внешней политики. Т. XXII. Кн. 1. С. 145.

² *Manninen O., Salokangas R. Eljas Erkko. Vaikenematon valtiomahti. Hels., 2009. S. 204.*

одно — что «поставленные вопросы надо обсуждать»¹. Таковы были итоги этой встречи. Стало ясно, что продолжать секретную миссию для Рыбкина проблематично. Это подтверждалось еще и тем, что Эркко вообще «запретил своим подчиненным участвовать в политических дискуссиях с Ярцевым»².

Естественно, Рыбкин все это не мог не почувствовать. О состоявшейся беседе с Эркко он срочно сообщил в Москву. После его доклада там окончательно поняли, что продолжать переговоры в прежнем ключе финское руководство не собирается.

С другой стороны, финский министр иностранных дел без каких-либо предварительных договоренностей пошел по пути повышения уровня переговоров, тем самым сделав их более значимыми и весомыми, поскольку от их исхода уже во многом завесел международный престиж СССР. Результат переговоров в новом «формате» отныне не мог не отразиться напрямую на отношениях двух стран.

Все это сочеталось с тем фактом, что подозрения Москвы о существующих немецко-финляндских военных связях и о возможности Германии использовать финскую территорию для нападения на Советский Союз пока не были полностью развеяны. Посланник в Хельсинки Деревянский продолжал систематически информировать советское руководство о том, что влияние рейха на Финляндию является «бóльшим, чем на все другие северные страны»³. Этому же мнения была и советский посланник в Стокгольме А. М. Коллонтай⁴. В результате в советском руководстве утвердилось мнение, что основной причиной затруднений в заключении военно-политического союза с Финляндией было сильное влияние Германии и что именно Берлин мешал планируемыми в СССР договоренностям. Поэтому назрела необходимость «создать для обеспечения безопасности северо-западных границ более прочные военно-стратегические позиции в пограничной с Финляндией области на ленинградском направлении»⁵.

Таким образом, советское руководство решило изменить выработанный до этого подход к переговорам. Теперь, учитывая международную обстановку и финскую позицию, в Москве отказались от

¹ UM. 12 L / 25 (osa). Keskustelu E. Erkon ja B. Jartsevin välillä, 4.3.1939.

² *Manninen O., Salokangas R.* Eljas Erkko. Vaikenematon valtiomahti. S. 204.

³ *Vladimirov V.* Kohti talvisotaa. S. 33–38.

⁴ *Коллонтай А. М.* Дипломатические дневники. 1922–1940. С. 421.

⁵ *Vladimirov V.* Kohti talvisotaa. S. 38.

услуг Рыбкина и перешли к новой стадии переговоров «более высокого уровня». Было предельно ясно, что на данном этапе заключение советско-финляндского военно-политического соглашения практически недостижимо, поскольку Финляндия даже в ходе строго секретных переговоров от обсуждения этой темы уклонялась, а ее отказ от соглашения на новой стадии переговоров по этому вопросу будет иметь более весомое международное звучание.

Таким образом, понимая всю ответственность перехода к новому раунду переговоров, в СССР решили перенести центр тяжести на более локальную задачу: склонить Финляндию к передаче в аренду Советскому Союзу четырех небольших островов в Финском заливе к западу от Кронштадта (в их числе и Суурсаари). Об этом Литвинов решил сообщить посланнику Ирье-Коскинену уже на следующий день после беседы Ярцева с Эркко. «Мы хотели бы, — заявил нарком, — получить в аренду эти острова... используем их в качестве наблюдательных пунктов, контролирующих важный для нас морской путь на Ленинград»¹.

Одновременно с заявлением Литвинова в Москве начались торговые переговоры с Финляндией на основе почти подготовленного договора. В ходе обмена мнениями с советской стороны проявлялась максимальная благожелательность. Было заявлено о намерении СССР в два раза увеличить закупки финских товаров по сравнению с предыдущим годом (общим объемом в 320 млн марок)². В процессе переговоров советская делегация, исходя из стремления избежать противоречий, пошла на расширение финского экспорта в Советский Союз, не настаивая на одновременном увеличении импорта своих товаров в Финляндию, поскольку против этого выступала финская сторона. Тем самым Москва стремилась создать хорошую основу для намечавшегося продолжения политических переговоров.

Кроме того, советское правительство решило в дальнейшем не привлекать к ведению переговоров Рыбкина. Для продолжения секретной миссии был выбран бывший советский полпред в Хельсинки Б. Е. Штейн, который в то время возглавлял дипломатическое представительство в Италии. Литвинов его хорошо знал и особо ему

¹ АВПРФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 1. Д. 5. Л. 47; Год кризиса: Документы и материалы. Т. I. С. 250.

² Документы внешней политики. Т. XXII. Кн. 2. М., 1992. С. 523; *Nykopp J. Paasikiven mukana Moskovassa. Hels., 1976. S. 44.*

доверял¹. Видимо, это тоже сыграло свою роль при выборе того, кому будет поручено ведение переговоров.

В целом все происходило очень спешно. Находившегося в то время в отпуске в Москве Б. Е. Штейна срочно вызвали к Сталину. Прибыв в Кремль, как вспоминал Штейн, он сразу убедился, насколько серьезным являлось это приглашение. После продолжительной и обстоятельной беседы, проходившей в рабочем кабинете Сталина в присутствии Литвинова, Штейну было поручено продолжить начатые до него Рыбкиным секретные переговоры в Хельсинки².

Важной чертой нового раунда этих переговоров стал тот факт, что проходили они на фоне обостряющейся ситуации в Европе. Дело в том, что именно в тот период Германия, нарушив Мюнхенское соглашение, 15 марта 1939 г. подчинила себе всю Чехословакию. Более того, на этом она не остановилась. Теперь последовали территориальные требования к Польше и Литве. Иными словами, была очевидна тенденция к усилению германского влияния. Причем именно в приближенном к границам СССР Балтийском регионе.

Показательным стало и то, что Литва довольно быстро уступила немецкому давлению. Германскому командованию удалось уже 22 марта присоединить к Восточной Пруссии крупнейший литовский портовый город — Мемель (Клайпеду), что, по идее немецкого руководства, позволяло рейху «твердо стать на ноги также в Прибалтике»³. Это же доносили в Москву из советского полпредства в Берлине. Оттуда сообщали, что для Германии Балтийский регион становится на одно из первых мест среди территорий, на которые претендует рейх. Финляндии же, как сообщалось в немецких публикациях, отводили роль особого плацдарма для ведения вооруженных действий западно-европейской «цивилизацией» против коммунизма⁴. Все это толкало советское руководство к более решительным действиям в отношении выяснения финской позиции. В Москве стремились продолжить переговоры с Финляндией, сохраняя тем не менее вокруг них атмосферу строгой секретности.

¹ Шейнис З. С. Максим Максимович Литвинов: революционер, дипломат, человек. М., 1989. С. 366–367.

² Шейнис З. С. Полпред Б. Е. Штейн (штрихи к биографии) // Новая и новейшая история. 1991. № 1. С. 113; UM. 5 C 18. Raportti Moskovasta UM:lle, 7.7.1939.

³ Цит. по: Сиполс В. Я. Внешняя политика Советского Союза. 1936–1939 гг. М., 1987. С. 221.

⁴ Документы внешней политики. Т. XXII. Кн. 2. С. 486.

И вот 9 марта Штейн выехал в Финляндию. Встречаясь накануне своего отъезда с Ирве-Коскиненем, он сообщил ему о поездке, однако скрыл истинную ее цель. Он лишь обмолвился, что делает это для «поправки здоровья». Выглядела такая «маскировка» неуклюже. Ирве-Коскинен, «по-видимому, догадывался, — писал впоследствии Штейн, — что моя поездка преследует какие-то иные цели»¹.

Тем временем в Москве уже знали об отношении финского руководства к сообщению Литвинова относительно четырех островов. Посланник Деревянский проинформировал НКВД, что правительство Финляндии «не находит возможным принять к рассмотрению» советские предложения². Значит, отправляясь в Финляндию, Штейн мог заранее предвидеть, какой он получит ответ. Так же как об этом догадывались и в советском руководстве. В течение нескольких дней в Москве получали все новые доказательства негативного отношения финского руководства к советским предложениям³. И это были вполне адекватные сведения. Действительно, Эркко тогда был просто «раздражен» советским предложением, считая его элементом «грубой торговли»⁴.

Тем не менее, приехав в Финляндию, Штейн все еще скрывал цель своего визита. Он всем объяснял, что решил лишь «провести часть своего отпуска в Хельсинки»⁵. Но финские дипломаты догадывались о смысле этой поездки. А. Хакцель, являвшийся министром иностранных дел в бытность Штейна полпредом в Финляндии, сразу со всей определенностью сказал: «Теперь в Советском Союзе нашли умелого человека для ведения переговоров, которого можно уважать, но также и опасаться»⁶. Такого же мнения о Б. Е. Штейне, кстати, был и Э. Эркко, который тоже ранее имел уже опыт встреч с советским дипломатом⁷.

¹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 18. Д. 190. Л. 41. Советско-финляндские переговоры в марте — апреле 1939 г. Справка Б. Штейна, г. Куйбышев, 7—8.6.1942.

² АВП РФ. Ф. 0136. Оп. 22. П. 145. Д. 4. Л. 5; Год кризиса. Т. 1. С. 252; UM. 12 L / 25 (osa 2). Tiedote Itä-Karjalan aluella ja Suomen saarista Suomenlahdella vaihdosta ja vuokrasta.

³ UM. 12 L / 25 (osa 2). Tiedote Itä-Karjalan aluella ja Suomen saarista Suomenlahdella vaihdosta ja vuokrasta.

⁴ Manninen O., Salokangas R. Eljas Erkko. Vaikenematon valtiomahti. S. 205.

⁵ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 17. Д. 183. Л. 61; Год кризиса. Т. 1. С. 266—267.

⁶ Pakaslahti A. Talvisodan poliittinen näytelmä. S. 48.

⁷ Manninen O., Salokangas R. Eljas Erkko. Vaikenematon valtiomahti. S. 205.

Вот в такой атмосфере таинственности 11 марта Э. Эркко принял Б. Е. Штейна. Это произошло даже несмотря на то, что еще накануне он телеграфировал в Москву А. С. Ирье-Коскинену, что «Финляндия не будет вести переговоры относительно торговли своей территорией»¹. Действительно, уже неоднократно выраженная позиция, которую занял Эркко, полностью отражала эту весьма твердую политическую линию. Но тем не менее в ходе личной беседы со Штейном Эркко старался проявлять максимальную сдержанность. Штейн даже посчитал первую встречу удачным началом, поскольку финский министр «не уклонился от разговоров» и не спешил дать отрицательный ответ².

Суть советского предложения, изложенного в ходе этой беседы, заключалась в том, чтобы Финляндия передала СССР путем обмена территориями четыре острова в Финском заливе или, если это невозможно, дала согласие на их долгосрочную аренду. Говоря о важности решения данного вопроса, чтобы усилить советское предложение, Штейн особо подчеркнул, что в складывающейся обстановке «отношения между СССР и Финляндией могут серьезно улучшиться» и что «этот момент необходимо использовать». Но Эркко на это Штейну никакого ответа не дал. Он лишь сказал, что по данному поводу министру иностранных дел следует поговорить с военными³.

Поговорил Эркко, однако, не только с финскими военными. О начавшихся переговорах он сразу же проинформировал считавшегося его «весьма близким знакомым»⁴ германского посланника в Хельсинки В. Блюхера. Тот же, в свою очередь, доложил об этом в Берлин. Блюхер сообщил о начавшихся в Хельсинки советских переговорах также и немецкому посольству в Москву. Из данного факта уже становится очевидным, что попытки советской стороны сделать переговоры секретными провалились. О них сразу же узнали именно в той стране, против которой, собственно, эти переговоры и были направлены.

Естественно, В. Блюхер, не задумываясь, сразу же дал на полученную информацию Э. Эркко свой ответ. Он «просто» решил предостеречь Финляндию от принятия советского предложения. «Я мог лишь сказать министру иностранных дел, — сообщал Блюхер в рейх, — что

¹ UM. 12 L / 25 (osa 2). Muistinpaino keskustelusta E. Erkon ja B. Steinin välissä, 25.3.1939; Sähke A. S. Yrjö-Koskiselle 17.3.1939.

² АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 18. Д. 190. Л. 45. Советско-финляндские переговоры в марте — апреле 1939 г. Справка Б. Штейна, г. Куйбышев, 7–8.6.1942.

³ Там же. П. 17. Д. 183. Л. 61–64; Год кризиса. Т. 1. С. 267, 269–270.

⁴ *Manninen O., Salokangas R. Eljas Erkko. Vaikenematon valtiomahti. S. 196.*

оккупация русскими этих островов в мирное время будет означать военный контроль над Финляндией»¹. Нетрудно понять, какое воздействие могли оказать эти слова на Э. Эркко.

Во всяком случае, А. С. Ирье-Коскинен получил 13 марта указание передать в Наркомат иностранных дел отрицательный ответ на те предложения, с которыми был ознакомлен Э. Эркко. Но М. М. Литвинов, имея обнадеживающую информацию от Штейна, воспринял заявление финского посланника как еще не окончательное решение и стал «ждать дальнейшего обсуждения вопроса» в Хельсинки. Б. Е. Штейну была направлена срочная телеграмма, содержащая полученное от Ирье-Коскинена сообщение, и предлагалось в процессе дальнейших переговоров разъяснить советскую «точку зрения»².

После этого Штейн вынужден был прибегнуть к способу продолжения переговоров, который до этого уже практиковал в Хельсинки Рыбкин. Он не стал ограничиваться только беседами с Эркко, а стремился найти поддержку у ряда ведущих членов правительства. Для чего советский дипломат встретился с наиболее влиятельными в правительстве министрами — В. Таннером, Ю. Ниукканеном, У. Ханнула и, конечно, с премьер-министром страны А. К. Каяндером. В частности, в ходе беседы с Таннером Штейн даже почувствовал определенную уступчивость собеседника, поскольку Таннер высказал мнение о важности использования Советским Союзом островов в Финском заливе. Причем финский министр даже предположил, что СССР в военном отношении будет вполне достаточно не четырех, а только двух островов — Лавансаари и Сейскари. Таннер пояснил это тем, что именно они были расположены ближе всего к Кронштадту. Кроме этого, по наблюдениям советского дипломата, В. Таннер также заинтересовался и территориальной компенсацией за уступку этих островов³.

Стремясь всячески использовать разногласия в финском руководстве по поводу сделанных им предложений, Литвинов, пытаясь повлиять на ход начавшихся переговоров, решил привлечь к ним полпреда в Стокгольме А. М. Коллонтай. 13 марта он поставил ее в известность о сущности мер, которые предпринимались, чтобы достичь позитивного результата в хельсинкских переговорах. Он сообщил Коллонтай: «Мною дано понять финскому правительству, что на благоприятное

¹ Documents on German Foreign Policy. Ser. D. Vol. V. P. 629.

² Документы внешней политики. Т. XXII. Кн. 1. С. 176.

³ Год кризиса. Т. 1. С. 271.

разрешение как аландской проблемы, так и экономической большое влияние окажет тот или иной ответ финского правительства...» Направленность действий Наркомата иностранных дел в отношении Финляндии Литвинов характеризовал так: продолжаем «давить»¹.

Более того, во время дальнейших встреч с Эркко Штейн все еще не терял надежды достичь в конечном счете компромисса. Учитывалось, что на проявление сговорчивости может оказать влияние усиление международной напряженности. Штейн сообщил в своем очередном донесении в Москву, что во время переговоров с Эркко в его служебном кабинете 15 марта вдруг позвонил телефон. Как догадался советский дипломат, министру передали тревожную информацию, что германские войска вступили в Прагу. «Я, — писал Штейн, — воспользовался этим известием для того, чтобы еще раз подчеркнуть, что нейтралитет не может спасти малые государства от вожделений агрессора». Именно тогда, в ходе этой беседы, Эркко дал понять, что позицию Финляндии в отношении советского предложения об островах нельзя трактовать в том смысле, что финское правительство «не готово войти в переговоры по вопросу о безопасности»².

В результате Штейну уже казалось, что наметился некий положительный сдвиг в ходе переговоров. Он даже доложил об этом в Москву. Но такое впечатление вскоре развеялось. 20 марта посланник Ирве-Коскинен, встретившись с Литвиновым, сообщил «о невозможности вести переговоры по обмену территориями». Высказывалась лишь готовность финского правительства «продолжать обсуждение вопроса, касающегося безопасности и проблемы гарантий»³.

В данный момент, судя по всему, в финском правительстве не было единогласия. Как передавал в Берлин хорошо осведомленный в специфике настроений в финском руководстве В. Блюхер, «в эти критические дни Э. Эркко явно размежевался с Россией, а также в известной мере с Великобританией, и в результате ему приходится теперь испытывать сильное противодействие со стороны своих коллег в кабинете»⁴.

Зорко наблюдая за ходом хельсинкских переговоров, Литвинов регулярно о них информировал лично Сталина. В частности, через

¹ Документы внешней политики. Т. XXII. Кн. 1. С. 177.

² Там же. С. 119.

³ UM. 12 L / 25 (osa 2). Muistinpaino keskustelusta E. Erkon ja B. Steinin välillä, 25.3.1939; Sähke A. S. Yryö-Koskiselle 17.3.1939.

⁴ Documents on German Foreign Policy. Ser. D. Vol. VI. London, 1954. P. 157.

день после беседы с Ирье-Коскиненем он докладывал в Кремль: «По-видимому, финны на уступки нам в той или иной форме интересующих нас островов не пойдут. Они обещают какие-то контрпредложения по безопасности Финского залива. Вряд ли они предложат нам что-либо, нас удовлетворяющее»¹.

То, что имело в виду финское правительство, стало понятно из официального сообщения Эркко 24 марта. Тогда он прямо заявил Штейну о решении дать Советскому Союзу письменную гарантию защищать свою территорию от любой агрессии и «не заключать никаких соглашений, которые могли бы нарушить нейтралитет Финляндии». Кроме того, допускалась возможность передачи Советскому Союзу двух островов вместо четырех².

Это объективно являлось серьезным прорывом в ходе переговоров. Действительно, Финляндия заявляла о своей готовности удовлетворить часть выдвигаемых СССР предложений. Но в Москве все же этим не воспользовались. Именно в вопросе об островах ответ Эркко не устраивал советское руководство. В СССР принципиально добились главного — обеспечить морскую оборону подступов к Кронштадту и Ленинграду, и речь шла о более дальних рубежах, непосредственно перед входом в Финский залив. Очевидно, что здесь все же с советской стороны следовало проявить гибкость и ограничиться малым, а именно вести переговоры о передаче хотя бы двух островов. Однако этого не было сделано.

По поводу письменных гарантий, которые финское руководство готово было предоставить СССР, то они теперь Москву не устраивали. Это, по-видимому, было следствием изменившейся общей ситуации в Европе. Для Советского Союза открывались в этот момент несколько иные перспективы, связанные с разворачивающимися контактами с западноевропейскими странами.

Расползающаяся гитлеровская агрессия уже не на шутку начала волновать, в частности, Великобританию и Францию. В Лондоне и Париже возникли опасения, что нарушение 15 марта Мюнхенского соглашения ставит теперь всю их политику под удар, который неминуемо приведет их к войне с рейхом. По наблюдениям советских

¹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1236. Л. 101. Письмо наркома ИД М. М. Литвинова, 22.3.1939.

² АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 17. Д. 183. Л. 85–86; Зимняя война (Документы о советско-финляндских отношениях 1939–1940). С. 61; UM. 12 L / 25 (osa 2). Muistinpaino keskustelusta E. Erkon ja B. Steinin välillä, 25.3.1939.

дипломатов, Запад уже испытывал «полуосознанное, стихийное ощущение этой надвигающейся опасности»¹.

Действительно, на Западе реально стали понимать, что политика «умиротворения» не дала тот результат, который от нее ожидали. Как тогда справедливо сообщал своему руководству французский посол в Берлине, «мы находимся перед лицом совершенно новой ситуации. Германия не довольствовалась лишь расширением и упрочением своего экономического и политического влияния на народы, живущие на границах рейха. Она проявила намерение поглотить, если не уничтожить, эти народы»². Странам западной демократии следовало предпринять какие-то экстренные меры, которые бы не позволили Германии идти по пути расширения своей экспансии, поскольку она явно начала угрожать и их позициям в Европе.

В такой обстановке, безусловно, предпочтительным становилась попытка создания новых мер безопасности. Участие Советского Союза в новой политической комбинации становилось вполне приемлемым. В результате как раз в то время, когда начали разворачиваться переговоры Штейна с Эркко, нарком иностранных дел СССР Литвинов принялся обсуждать в Москве с представителями Великобритании и Франции проблему выработки соответствующей программы, представляющей собой комплекс адекватных действий по блокированию нарастающей угрозы миру, исходящей от возрастающих аппетитов Германии. Таким образом, в СССР вопрос, который ранее пытались решить с финским руководством на двусторонней основе, теперь мог быть перенесен в плоскость обсуждения многостороннего соглашения с европейскими странами, направленного уже непосредственно против Германии.

18 марта советское руководство выдвинуло предложение «немедленно созвать совещание из представителей СССР, Великобритании, Франции и Румынии» для обсуждения сложившейся в Европе ситуации. И эта инициатива была поддержана. Спустя три дня, 21 марта, Британия сама указала на необходимость обсудить с Советским Союзом те шаги, «которые должны быть предприняты для общего сопротивления» немецкой экспансии. Речь шла о необходимости подписать соответствующую декларацию, которую бы составили четыре государства: Великобритания, СССР, Франция и Польша³.

¹ Год кризиса. Т. I. С. 323.

² Документы и материалы кануна Второй мировой войны. Т. 2. М., 1981. С. 51.

³ Год кризиса. Т. I. С. 191.

Ответ из Москвы был получен на следующий день. В нем советское руководство выразило готовность стать участником указанной декларации, но Литвинов также предложил присоединить к ней еще ряд европейских стран, включая, в частности, Финляндию¹. Таким образом, идея превращения Финляндии в одно из государств, которое могло бы стать членом широкой международной коалиции, направленной против Германии, начала обсуждаться среди ведущих государств Европы.

Более того, из Лондона и Парижа в Москву стала поступать весьма обнадеживающая информация. 20 марта советский посланник в Великобритании писал: «...Антигерманская волна поднялась сейчас выше, чем когда бы то ни было до сих пор, и массовая тяга к сотрудничеству с СССР и к созданию блока миролюбивых держав очень велика...»² Подобные сведения шли и из Франции. В них, в частности, сообщалось: «...Можно с уверенностью сказать, что... не было еще момента, когда... вражда к немцам прорвалась бы с такой силой, как сейчас»³.

В результате пришедший в это время ответ из Хельсинки о предлагаемом финской стороной компромиссном предложении казался советскому руководству теперь, в условиях перспективы более радикального решения «финского вопроса», малоэффективным. В это время в Москве планировали развернуть в противовес Германии широкую коалицию, и финская проблема, таким образом, отходила на задний план. К тому же Финляндия не пошла на полное одобрение советских предложений, и Москва еще надеялась на возможность достижения абсолютного результата советско-финляндских переговоров.

Однако данная позиция не учитывала то, что контрпредложения, которые выдвинул Эркко, являются не промежуточным шагом Финляндии на пути принятия основной части советских условий. Это эффективно могло стать для СССР единственным компромиссом в данном направлении. В любом случае Москве не следовало забывать, что финский министр иностранных дел Э. Эркко особо не воспринимал приводившиеся ему советские доводы. Более того, он выразил мнение, что надлежит перейти к чисто формальной системе переговоров и перевести обсуждение в русло «обмена нотами»⁴. В целом весь даль-

¹ Документы и материалы кануна Второй мировой войны. С. 56.

² Год кризиса. Т. I. С. 306.

³ Там же. С. 329.

⁴ UM. 12 L / 25 (osa 2) Muistinpaino keskustelusta E. Erkon ja B. Steinin välillä, 25.3.1939.

нейший ход тайных советско-финляндских переговоров показывал, что Финляндия дальше на уступки СССР идти не собиралась.

В итоге сложилась такая обстановка, в которой встречи представителей двух стран стали совершенно бессмысленными. Об этом Штейн доложил Литвинову уже 24 марта¹. «Последние разговоры с Эркко, а равно и с другими членами кабинета, — отмечал он, — убедили меня, что дальнейшее продолжение переговоров бесполезно на данной стадии»².

Действительно, Эркко стал явно уклоняться от каких-либо встреч со Штейном. В это же время в финской печати начали появляться материалы, в которых финские специалисты открыто принялись обсуждать военное значение островов, о которых шли секретные советско-финляндские переговоры. Так, 22 марта в газете «Суомен Сосиалидемокраатти» было отмечено: «Побережье Финляндии и острова в море могут, особенно в войне между Германией и Советским Союзом, выполнять для обеих сторон роль очень важной базы, в силу чего Германия сможет вести, используя территорию Финляндии, наступление на Ленинград...»³ Таким образом, советские предложения в той или иной степени просочились в печать и стали достоянием финской общественности.

Более того, начали появляться сообщения непосредственно о том, что в Хельсинки находится «советский уполномоченный», который предъявил финляндскому правительству какие-то требования территориального характера. То, что это информация оказалась напечатанной в газете прогерманской ориентации «Аян Суунта», само по себе весьма показательное. На это сразу же обратили внимание в СССР⁴.

Одновременно из Москвы Штейну сообщили, что министр иностранных дел Швеции Р. Сандлер в разговоре с посланником А. М. Коллонтай заявил, что и «он является в курсе переговоров, которые ведутся в Хельсинки»⁵. У советского руководства также могли возникнуть подозрения, что и в Великобритании тоже узнали об этих переговорах. По крайней мере в Лондоне, ничуть не смущаясь, стали намекать, что

¹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 17. Д. 183. Л. 93. Письмо Б. Штейна, 24.3.1939.

² Там же. Л. 18. Д. 190. Л. 53. Советско-финляндские переговоры в марте — апреле 1939 г. Справка Б. Штейна, г. Куйбышев, 7—8.6.1942.

³ Suomen Sosialidemokraatti. 1939. 22.3; *Vladimirov V. Kohti talvisotaa*. S. 39.

⁴ Ajan Suunta. 1939. 28. 3; АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 17. Д. 186. Л. 8.

⁵ Там же. П. 18. Д. 190. Л. 50. Советско-финляндские переговоры в марте — апреле 1939 г. Справка Б. Штейна, г. Куйбышев, 7—8.6.1942.

им известно, что в настоящее время наблюдается «некоторая “напуганность” финнов» и у СССР «с финнами имеются... затруднения»¹.

То, что утечка информация о переговорах в Хельсинки исходит от финской стороны, было вполне объяснимо. Там, естественно, пытались привлечь внимание к проходящим секретным переговорам, рассчитывая таким образом на получение соответствующей дипломатической и общественной поддержки от стран Запада. Только этим можно объяснить то, что сведения о переговорах финские дипломаты передали, в частности, в США. Как заметил финский исследователь М. Якобсон, это в Хельсинки делали исключительно в надежде на то, что Америка сможет «подействовать на Москву в интересах Финляндии»². Иными словами, стало ясно, что надежды на сохранение миссии Штейна в тайне не оправдались.

При этом, что являлось весьма неприятным для руководства СССР, западные страны тоже начали действовать, пытаясь влиять на ход этих переговоров. Причем реакция Швеции, получившей сведения о сути проходивших обсуждений, была по отношению к советским предложениям отчетливо негативной³. А. М. Коллонтай никак не могла переломить ситуацию в лучшую для СССР сторону. Шведский министр иностранных дел Р. Сандлер довольно прямо заявил ей о проблеме с островами в Финском заливе: «Постановка этого вопроса вызвала бы отпор у шведской общественности и навредила бы нашим дружеским отношениям с СССР»⁴.

В приближении неминуемого провала переговоров в Хельсинки Б. Е. Штейн винил главным образом лично Э. Эркко⁵. Действительно, его жесткий подход не мог не влиять на позицию правительства Финляндии. Как отметил по этому поводу финский историк К. Корхонен, «Эркко был как неприступная скала»⁶. Сам же министр иностранных дел в беседе с В. Блюхером 22 марта четко его заверил, что он будет «категорически проводить свою линию, отражающую нейтральный курс страны»⁷.

¹ Год кризиса. Т. I. С. 336–337.

² *Jakobson M. Diplomaattien talvisota. S. 123.*

³ См.: *Jakobson M. Paasikivi Tukholmassa. S. 76.*

⁴ Документы внешней политики. Т. XXII. Кн. 1. С. 189.

⁵ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 18. Д. 190. Л. 50. Справка Б. Штейна, г. Куйбышев, 7–8.6.1942.

⁶ *Korhonen K. Turvallisuuden pettäessä. S. 190.*

⁷ УМ. 12 К. УМ ilmoitus lähetystöpäälliköille Helsingissa, 23.3.1939.

Спустя еще некоторое время, 3 апреля, при очередной встрече со Штейном Эркко дал совершенно ясно понять о его личном нежелании впредь встречаться с советским дипломатом. «Я начал с Вами эти переговоры в частном порядке, — сказал он. — Теперь я вижу, что, быть может, совершил ошибку, начав с Вами эти разговоры...»¹

4 апреля Литвинов, оценив складывавшуюся ситуацию, отправил Сталину свои соображения относительно перспектив ведения переговоров. «После столь решительного заявления финского министра иностранных дел Эркко о нежелании продолжать даже разговоры об островах в настоящий момент, — писал он, — Штейну оставаться более в Финляндии не следует. Надо ему поручить заявить на прощание Эркко, что вопрос об островах нами не снимается и мы не считаем финский ответ окончательным»².

Это и было сделано. 6 апреля Штейн выехал из Хельсинки в Москву.

В результате события для советского руководства стали развиваться по самому нежелательному сценарию. С Финляндией договориться так и не удалось. А то, что секретная миссия советского эмиссара стала достоянием гласности и оказалась к тому же неудачной, подрывало международный престиж СССР как великой державы. Более того, сама внешнеполитическая ситуация для Советского Союза начала приобретать совершенно иное значение, чем в начале 1939 г. Стало понятно, что не только подписание с Финляндией военно-политического соглашения, но и идея возможных территориальных изменений оказались не реализованы. Решить главный вопрос в отношениях с Финляндией, которым в Москве занимались уже третий год, никак не удавалось. Задача прикрытия с моря подступов к Ленинграду с помощью достижения договоренностей с Финляндией оказалась так и не решенной. Этого результата Москва достигла в условиях стремительного нарастания угрозы большой войны в Европе. Войны, которая неизбежно должна была затронуть и Балтийский регион.

Ситуация усложнялась еще и тем, что Эркко свою жесткую позицию в переговорах объяснял Штейну негативным отношением к советским предложениям финских военных. Эркко, в частности, открыто ссылался на позицию руководства вооруженных сил, когда говорил Штейну, что Финляндия не пойдет на передачу Советскому

¹ Документы внешней политики. Т. XXII. Кн. 1. С. 249.

² РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Л. 1036. Л. 103. Письмо наркома ИД М. М. Литвинова, 4.4.1939.

Союзу островов, поскольку они «имеют военное значение для Финляндии»¹. Однако эта ссылка на финское армейское командование могла только настораживать руководство СССР. Причем, зарождая в Москве подозрения в отношении позиции финского генералитета, Эркко усложнял общую переговорную ситуацию, поскольку его утверждения реально не имели под собой никакого основания. Как писал хорошо осведомленный в данном вопросе В. Таннер, в действительности в армейских кругах выражали мнение, что острова, о которых шла речь, «для Финляндии не представляют никакой военной ценности», и более того, даже допускали возможность их обмена на часть советской территории².

В частности, даже маршал К. Г. Маннергейм, имевший информацию о переговорах, исходил из мысли, что «Штейн не должен был возвращаться с пустыми руками». В своих мемуарах он писал о встречах с Эркко, Каяндером и Каллио, в ходе которых он каждого из них убеждал, что в сложившихся условиях Финляндия должна осуществлять две цели: «с одной стороны, политическое и военное сотрудничество со Швецией, а с другой — сближение с Советским Союзом, чтобы ослабить его подозрения». Он без всяких оговорок предлагал передать СССР ряд островов, которые «нет возможности защищать». Мнение Маннергейма основывалось в данном случае на том, что, принимая указанное решение, можно будет «разрядить обстановку». Более того, учитывая обострение положения в Европе, маршал считал, что Финляндии было бы и самой «выгодно предложить отодвинуть на несколько миль к западу близко проходящую от Петербурга линию границы». Однако эти радикальные предложения не были приняты. Вспоминая об итогах этих переговоров, Маннергейм пришел к выводу, что тогда «государственное руководство Финляндии не использовало исключительно подходящий момент»³.

Но в кругах советской дипломатии и прежде всего в самом полпредстве в Хельсинки не располагали сведениями о позиции, которую тогда занимал финский маршал. Там считали Маннергейма одним из главных противников решения проблемы островов. Также появились подозрения, что «у финнов имеются какие-то планы в этом направ-

¹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 17. Д. 183. Л. 64, 86. Письмо Б. Штейна, 24.3.1939.

² *Tanner V.* Kahden maailmansodan välissä Hels., 1966. S. 229; см. также: *Pakaslahti A.* Talvisodan poliittinen näytelmä. S. 49; *Selén K. C. G. E.* Mannerheim ja hänen puolustusneuvostonsa. S. 326.

³ *Mannerheim G.* Muistelmat. Os. II. Hels., 1952. S. 96–99.

лении». Как результат этих представлений, Деревянский вообще стал настаивать перед своим руководством, чтобы ему разрешили не присутствовать на тех официальных приемах, которые устраивал, в частности, Маннергейм¹. После срыва переговоров это должно было выглядеть как соответствующий демарш советских дипломатов, адресованный финскому генералитету.

На самом же деле в отказе от компромиссного подхода в определении конкретных мер, направленных на противодействие возможной агрессии Германии в бассейне Финского залива, весьма существенную роль играла линия, которую, как уже отмечалось, проводил Э. Эркко. По словам шведского посланника в Финляндии С. Салина, «Эркко являлся волевым и энергичным, он был темпераментным, а возможно, даже капризным и действовал бесцеремонно, считаясь лишь с таким мнением, которое соответствовало его взглядам и интересам»². А его мнение выражалось в том, что он не стремился идти на достижение договоренности с Советским Союзом, буквально навязывая свою волю тем лицам в правительственных кругах, от кого зависело принятие решений. Причем в отличие от своего предшественника Р. Холсти он не проявлял никакой дипломатической гибкости.

Возникает вопрос, связанный с причинами столь жесткой позиции, которой твердо придерживался финский министр иностранных дел уже с весны 1939 г. Понять причины столь бескомпромиссной позиции этого человека было долгое время затруднительно, поскольку личные архивные документы, принадлежавшие Э. Эркко, оставались недоступны для изучения. Только в 2009 г. появилась первая работа, авторы которой наконец познакомились с ранее недоступными документами из семейного архива бывшего финского министра иностранных дел³. В результате, используя эту работу, а также другие исследования, включающие мемуарную литературу и архивные источники, можно постараться объяснить причину столь непримиримой позиции главы финского МИД по отношению к советским предложениям.

Действительно, после знакомства с соответствующими материалами, касающимися Э. Эркко, можно представить этого своеобраз-

¹ АВП РФ. Ф. 06. Оп 1. П. 17. Д. 183. Л. 64, 86; Год кризиса. Т. I. С. 269; Зимняя война. С. 61; АВП РФ. Ф. 0135. Оп. 22. П. 145. Д. 1. Л. 16. Письмо полпреда в Финляндии В. Деревянского, 17.5.1939.

² Цит. по: *Soikkanen T. Kansallinen eheytyminen — myytti vai todellisuus? Porvoo; Hels.; Juva, 1984. S. 241.*

³ *Manninen O., Salokangas R. Eljas Erkko. Vaikenematon valtiomahti.*

ного человека. Прежде всего глава финского МИД являлся не только личностью, которой были присущи некие «волевые и энергичные» качества. Он, как свидетельствуют источники, представлял собой «недостаточно культурного» человека, причем это могло относиться к его взглядам в отношении отдельных государств. Это качество не раз проявлялось во время его «публичных выступлений по важнейшим вопросам внешней политики» Финляндии¹. Подобная особенность, безусловно, не могла не влиять на межгосударственные отношения. Такое поведение предполагало большое значение эмоций и чувств, которыми руководствовался Эркко, принимая то или иное решение. Следовательно, его эмоции и явные антирусские настроения четко проявились в проводимой им политике в отношении Советского Союза.

Причем Эркко был подвержен настоящей ксенофобии, проявляя откровенную нетерпимость к чему-либо чужому, незнакомому, непривычному, где восприятие этого чужого происходило в виде непонятного, а поэтому опасного и враждебного. Именно эти чувства у Эркко явно доминировали и были возведены им в ранг мировоззрения.

Характерные для него антирусские взгляды, как можно предположить, возникли во многом под влиянием его жены — дочери английского инженера, проживавшего ранее в России, но вынужденного затем, в период революционных событий 1917 г., с семьей эмигрировать, потеряв при этом все имущество².

Однако, говоря о роли семьи в формировании взглядов Эркко, очевидно, следует учитывать и другое... Антироссийские настроения играли для министра определяющую роль в условиях устойчиво существующих в тот период в финском обществе своеобразных русофобских традиций. Он действительно рассматривал Финляндию в качестве некоего «форпоста Запада», полагая, как и некоторые другие представители финской элиты, что тогда «фактически через леса и болота проходила не только хорошо охраняемая линия границы, разделявшая российскую и финскую территории... там, после отделения Великого княжества Финляндского от царской империи, проходила Китайская стена...»³.

¹ *Manninen O., Salokangas R.* Eljas Erkko. Vaikenematon valtiomahti. S. 198–199.

² *Brotherus H.* Eljas Erkko, legenda jo eläessään. S. 81.

³ *Frietsch C. O.* Suomen kohtalonvuodet. S. 23.

Более того, в этом отношении Эркко в глазах определенной части консервативного финского общества выглядел еще и как некий «воин свободы»¹, который мог об этом открыто говорить. Эркко, в частности, прямо заявлял, что Финляндия, как и все приграничные государства России, «живут на краю вулкана, способного в любой момент, благодаря силе и влиянию внутренних или внешних обстоятельств, взорваться и нанести ущерб своим соседям»². В этих словах очень хорошо просматривался образ Финляндии как «защитницы» интересов всего Запада.

Естественно, человеку с подобными взглядами было трудно найти какие-либо возможности для достижения реального понимания и договоренностей с СССР. В данном случае наблюдалась очевидная русофобия, а финский национализм, унаследованный в определенной мере от прошлого императорской России и внедрившийся в сознание людей в годы независимости, несомненно, негативно стал влиять на отношение к СССР. В целом наличие в Финляндии в 1920–1930-е гг. всей совокупности спаянных воедино общественных, исторических и психологических факторов обусловило явные трудности для того, чтобы «найти путь к взаимопониманию между Финляндией и Россией». И Эркко был ярким представителем части общества, выражавшей эти настроения.

С другой стороны, эти настроения можно со всей очевидностью квалифицировать не только как проявление ярко выраженной русофобии в общем взаимодействии «Запад — Восток». У Эркко явно присутствовало еще сугубо финское мировоззрение, которое было характерно в 1920–1930-е гг. для определенной части представителей финского общества. Оно выражалось не только в прозападной ориентации, но и одновременно в непреодолимой ненависти ко всему русскому. В Финляндии это явление называется «рюссявиха». Причем, как отмечала финская исследовательница В.-Т. Возгриня-Васара, это явление «охарактеризовать... только как русофобию нельзя. Фобия выражает прежде всего непреодолимый страх, а сущность “рюссявихи” не настолько однозначна». Исследовательница замечает, что для «рюссявиха» присущи такие качества, как «упрямство и бесстрашие». Кроме того, по ее мнению, еще «в “рюссявиха” были, безусловно, элементы расизма, реакционности, уверенности в превосходстве финнов

¹ *Manninen O., Salokangas R. Eljas Erkko. Vaikenematon valtiomahti. S. 196.*

² Цит. по: *Ibid. S. 189.*

над русскими...»¹. Вот именно этот сложный клубок где-то противоречивых по своей сути качеств, присущий определенной части финского общества, был характерен и для Э. Эркко.

У него негативное отношение к соседней стране проявлялось буквально во всем. Эркко одновременно откровенно недолюбливал и недооценивал Советский Союз, считая его, с одной стороны, опасным и, с другой стороны, крайне слабым государством. Особенно хорошо это было заметно, когда со страниц принадлежавшей ему ведущей газеты Финляндии — «Хельсингин Саномат» в 1937–1938 гг. была развернута кампания пропаганды военной слабости СССР. Он был также вполне удовлетворен провалом попытки Финляндии нормализовать свои отношения с Москвой в 1937 г. Советских лидеров Эркко также воспринимал крайне критично. В частности, В. М. Молотова он ехидно называл «“ботаником”, с которым невозможно договориться»². Да, действительно, при таком подходе трудно было рассчитывать на какую-либо договоренность.

Однако здесь может возникнуть вопрос: не слишком ли много уделяется внимания личности Э. Эркко? Ход исторических событий показал, что более внимательная и детальная характеристика этого политика необходима. Обстоятельства сложились так, что, оказавшись министром, он пошел по пути монополизации внешней политики своей страны и в результате стал играть непомерно большую роль в определении окончательных решений в этой области. Премьер-министр А. Каяндер, выдвинувший Э. Эркко на пост министра иностранных дел, вскоре почти полностью передоверил ему ведение всех международных отношений. Президент К. Каллио тоже особенно не вникал в область дипломатии, и к тому же в это время он часто болел. Все это позволяло Эркко без особых помех осуществлять свою линию. Сомнений же в способностях министра иностранных дел у руководства страны особенно не возникало. Иными словами, у одного члена правительства оказались исключительные полномочия и самостоятельность при осуществлении внешней политики государства³.

¹ *Vasara B.-T.* Некоторые взгляды на вопрос о происхождении ненависти ко всему русскому в Финляндии // Труды кафедры истории Нового и Новейшего времени. 2010. № 4. С. 246.

² *Brotherus H.* Eljas Erkko, legenda jo eläessään. S. 212.

³ *Ibid.* S. 114–115; *Hokkanen K.* Kyösti Kallio Os. 2. Porvoo; Hels.; Juva. 1986. S. 252–253.

В целом анализ внешней политики Финляндии первых четырех месяцев 1939 г. показывает, что с приходом Э. Эркко к руководству Министерством иностранных дел произошел заметный отход от тактики маневрирования, наблюдавшейся при его предшественниках Р. Холсти и В. Войонмаа. Эркко действовал, как точно отметил историк М. Якобсон, «рационально в иррациональном мире»¹. Вместе с тем по отношению к Германии Эркко начал проявлять заметную открытость и доверительность. Немецкий посланник, в частности, оказался в предпочтительном положении при получении информации, касавшейся СССР и советско-финляндских переговоров. Министерство иностранных дел под руководством Эркко исходило теперь из того, что, располагая определенной благосклонностью Германии, можно будет избежать вовлечения страны в прямую войну с СССР. С другой стороны, как и прежде, казалось, что на переговорах Финляндия способна противостоять любым сложностям политического, а также военного характера, создаваемым Москвой.

Но все эти субъективные особенности политической линии финского министра иностранных дел при условии стабильного развития политической обстановки в Европе не могли, конечно, серьезно повлиять на советско-финляндские отношения. Однако в условиях, когда ситуация начала стремительно меняться, а экспансия Германии нарастала, отношения между двумя странами начали обостряться. При этом правительство Финляндии явно демонстрировало, что рассматривает именно Германию в качестве гаранта стабильности на севере Европы, видя в ней противовес военной мощи Советского Союза.

Так, уже через несколько дней после отъезда Штейна в Москву, 17 апреля, Эркко взбудоражил Блюхера неожиданным сообщением о том, что будто бы «Балтийский флот русских» намерен «выйти 21 апреля из Ленинграда». Донесение об этом сразу же ушло в Берлин². Но на следующий же день германскому посланнику пришлось давать «отбой» этой тревоге. После спешного выяснения оказалось, что финский Генштаб не располагал такими данными и, следовательно, не мог ничего передавать в МИД об «угрозе с востока». Очевидно, что данный ход министра иностранных дел можно квалифицировать как попытку определения позиции Германии в условиях перспективы усиления положения СССР на Балтике.

¹ *Jakobson M.* Diplomaattien talvisota. S. 34–35.

² Documents on German Foreign Policy. Ser. D. Vol. VI. P. 268.

Понимали линию Финляндии и в Москве. 19 апреля Литвинов в письме к Сталину пессимистически высказался по поводу ближайших перспектив добиться перелома в переговорах с Финляндией. «...Для меня, — писал он, — стало совершенно ясно, что в настоящий момент... финское правительство не примет нашего предложения». Только, может быть, после парламентских выборов, которые должны были состояться в начале июля, как полагал нарком, «станут возможными дальнейшие переговоры, не без некоторых шансов на успех». При этом в письме выражалась надежда на возможность изменения позиции Эркко¹.

О том, что можно рассчитывать на определенный прогресс в реализации советского предложения, свидетельствовала к тому же информация, полученная вскоре из Женевы. Находившийся там И. М. Майский сообщал, что из МИД Финляндии он получил информацию о допустимости обмена двух финских островов — Сейскари и Лавансаари — на часть территории в Советском Заполярье². Литвинов 29 апреля доложил об этом Сталину.

Возможно, что сведения, поступившие от Майского, были реакцией Финляндии на ставшее проявляться охлаждение к ней с советской стороны. Это выразилось прежде всего в экономической области. В СССР было решено дать почувствовать финскому руководству, что результаты хельсинкских переговоров не останутся без последствий. Уже 5 апреля, то есть в день, когда решился вопрос о возвращении Б. Е. Штейна в Москву, состоялось заседание Политбюро ЦК ВКП (б), на котором, в частности, была определена установка Наркомату внешней торговли, как в дальнейшем необходимо строить отношения с Финляндией. Конкретно говорилось следующее: «Торговлю с финнами замять, не покупать у них ничего, а продавать только то, что нам выгодно»³. Судя по тональности, формулировка была записана со слов Сталина.

К этому времени, однако, переговоры по развитию экономического сотрудничества были сорваны, поскольку финской делегации, прибывшей 22 марта в Москву, А. И. Микоян сообщил, что советское правительство не подпишет готовое к тому времени соглашение до тех пор, пока не будут выяснены политические отношения. После этого по распоряжению Э. Эркко финская делегация возвратилась домой⁴.

¹ Документы внешней политики. Т. XXII. Кн. 1. С. 297.

² Там же. С. 319.

³ Архив Президента РФ (далее — АП РФ). Ф. 45. Оп. 1. Д. 449. Л. 22. Выписка из протокола № 1 заседания Политбюро ЦК ВКП (б), 5.4.1939.

⁴ *Korhonen K. Turvallisuuden pettäessä*. S. 190–191.

Развивая сложности, связанные с экономическими отношениями, 17 апреля М. М. Литвинов отправил главе правительства В. М. Молотову письмо, в котором содержалось предложение денонсировать также конвенцию, подписанную СССР с Финляндией о рыбном и тюленьем промысле на Ладожском озере. «Конвенция, — писал он, — имеет односторонний, в пользу Финляндии, характер, в то же время осложняя дело охраны нашей государственной границы»¹. В последующем 19 июня на заседании Политбюро ЦК ВКП (б) было решено денонсировать данную конвенцию².

Так ситуация в развитии советско-финляндских отношений стремительно начала обостряться. Теперь уже многое зависело от общей международной ситуации в Европе.

В тени европейских интриг

Срыв секретных переговоров в Хельсинки весной 1939 г., безусловно, усложнял поиски советским руководством путей договориться с Финляндией. Более того, задачи тайной миссии Б. Е. Штейна, которые оказались практически нереализованными, стали в той или иной степени известны за рубежом, что для Москвы являлась особенно неприятным, поскольку это серьезно задевало авторитет СССР на международной арене.

В такой ситуации советскому руководству следовало искать иные дипломатические ходы, которые уже начал предпринимать новый глава Наркомата иностранных дел В. М. Молотов. 3 мая 1939 г. он лично возглавил это ведомство вместо М. М. Литвинова.

Отставка наркома произвела на Западе эффект разорвавшейся бомбы. Сообщение о ней появилось во всех средствах массовой информации и сразу же приобрело сенсационный характер³.

¹ АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 449. Л. 26. Письмо наркома ИД М. М. Литвинова, 17.4.1939. Любопытно при этом, что еще летом 1938 г. Литвинов был против этого решения, которое предлагали тогда принять представители НКВД (См.: Там же. Л. 3. Письмо начальника УНКВД Ленинградской области народному комиссару внутренних дел тов. Ежову, 26.06.1938; Письмо наркома ИД М. М. Литвинова тов. Молотову, 11.07.1938).

² АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 449. Л. 28. О заседании Политбюро ЦК ВКП (б), 19.4.1939.

³ См.: КА. Harry Holman kokoelma. Kansio 37. Raportit Pariisista ja Vichysta (1939–1943). Raportti № 16, 5.5.1939.

Очевидно, что в этой отставке сыграли не последнюю роль и неудачные переговоры с Финляндией, поскольку накануне принятого в Кремле решения, утром 27 апреля М. М. Литвинов был вызван к И. В. Сталину вместе с полпредом в Великобритании И. М. Майским, находившимся в то время в Москве. Разговор состоялся с участием В. М. Молотова и касался финляндских дел. Как вспоминал Майский, «обстановка на заседании была накалена до предела»¹. Основные обвинения были выдвинуты против Литвинова и сводились к тому, что он «распустил» сотрудников Наркомата иностранных дел. Майскому ставилось конкретно в вину, что он, выехав из Лондона в Москву, позволил себе во время кратковременной остановки в Хельсинки нанести визит Э. Эркко, причем, как указывалось, в ходе беседы с ним стал излагать свое видение европейской ситуации. Все это просочилось затем в финскую печать. Сталин, памятуя об том, как держал себя финский министр во время неудачно закончившихся переговоров с Б. Е. Штейном, заявил Майскому, что тот вообще «не имел права разговаривать с Э. Эркко»².

«Финляндская проблема», конечно, была лишь одной из многих, которые тогда могли создать нервную обстановку в Кремле. Однако их неразрешенность легко объяснялась неэффективностью внешней политики, проводимой Литвиновым. В Москве отчетливо видели, что ситуация для СССР в Европе развивалась в целом неблагоприятно.

В это время начали «пробуксовывать» также переговоры с Великобританией и Францией. Они многое могли решить и подавали много надежд относительно мер по объединению усилий государств против распространения германской агрессии. Однако возникший в середине марта диалоговый процесс трех государств к началу апреля стал откровенно затягиваться.

В советских дипломатических кругах складывающуюся ситуацию расценивали как достаточно опасную. Как отмечала в своем дневнике 1 апреля А. М. Коллонтай, «угроза войны подползает и к нашим границам»³. Однако Литвинов ничего серьезного изменить не мог⁴.

Более того, опять, как и раньше, появилась угроза международной изоляции СССР. Казалось, что Запад снова избегает реального сотруд-

¹ *Шейнис З. С.* Максим Максимович Литвинов: революционер, дипломат, человек. С. 362.

² Там же. С. 363.

³ *Коллонтай А. М.* Дипломатические дневники. 1922—1940. С. 423.

⁴ Год кризиса. Т. I. С. 340, 342, 354, 355, 366.

ничества с Москвой, хотя, как отмечал Литвинов, именно Лондон и Париж обратились «по своей инициативе... к нам с предложением о совместной декларации, и мы дали свой положительный ответ», но «мы ничего больше не знаем о судьбе этого начинания»¹.

Только лишь через месяц процесс переговоров с Британией и Францией возобновился. Причем на Западе инициатива СССР, по наблюдениям У. Черчилля, «была принята холодно», и ее просто «предали забвению»². Вместо этого Литвинову предложили обдумать новую идею, касающуюся возможности совместных боевых действий в случае нападения Германии на Польшу и Румынию.

Это предложение 17 апреля 1939 г. также было поддержано СССР. Его лишь расширяли, считая необходимым оказать военную помощь всем государствам, «расположенным между Балтийским и Черным морями и граничащим с СССР»³. Спустя два дня в Москве уточнили, каким именно странам советское руководство хотело бы оказать совместную помощь. В телеграмме, отправленной М. М. Литвиновым «западным партнерам» 19 апреля, подчеркивалось, что «во избежание недоразумений сообщаю, что... мы имеем в виду Финляндию, Эстонию, Латвию, Польшу и Румынию»⁴. Таким образом, указывались все западные соседи Советского Союза, включая, конечно, и Финляндию.

Однако это пожелание Москвы, как и раньше, не встретило благожелательного отношения в английском и французском правительствах. Там продолжали затягивать проведение политических консультаций, и поэтому «длилось молчание, пока, — как не без иронии заметил У. Черчилль, — готовились полумеры и благоразумные компромиссы». Далее будущий английский премьер в своих мемуарах отметил, что «эта проволочка оказалась роковой для Литвинова»⁵.

Действительно, лишь спустя около двух недель после советского обращения на Запад, 29 апреля, оттуда в Москву пришел ответ. В нем говорилось, что Великобритания и Франция готовы подписать с СССР договор о взаимопомощи. Но гарантии поддержки в случае начала агрессии Германии на востоке были расположены предоставить лишь Польше, Румынии и Турции⁶. Иными словами, Балтий-

¹ Год кризиса. Т. I. С. 354.

² Churchill W. S. The Second World War. Vol. 1. P. 273.

³ Документы и материалы кануна Второй мировой войны. С. 72.

⁴ Год кризиса. Т. I. С. 392.

⁵ Churchill W. S. The Second World War. Vol. 1. P. 286.

⁶ Год кризиса. Т. I. С. 414.

ский регион в Лондоне и Париже решили проигнорировать, в то время как в Москве он вызывал самое пристальное внимание. К тому же в дипломатической среде тогда упорно циркулировали слухи, что на Западе, «оставляя Прибалтийские государства вне гарантий, Германии указывают путь к границам Советского Союза»¹.

Спустя же четыре дня после прибывшего в Москву ответа Литвинов получил отставку, и теперь уже Молотов лично стал руководить внешней политикой Советского Союза. Но это тем не менее вовсе не означало, что СССР собирался отказаться от идеи обеспечения безопасности своих рубежей на северо-западе, в то время как и в Лондоне, и Париже также не собирались менять свою позицию.

Более того, для Запада эти изменения в руководстве советского Наркомата иностранных дел могли означать лишь ужесточение советской линии, поскольку быстро стало понятно, что в отличие от Литвинова Молотов «не понимал противоположную сторону и ее позицию» и был «совершенно не гибким». Причем и финские дипломаты, работавшие в Москве, тоже отмечали, что Молотов являлся «ужасным собеседником», придерживавшимся в переговорах «метода устрашения»². Все это не предвещало благополучного результата начинающихся переговоров.

Однако в Лондоне и Париже сохраняли прежнюю линию. И она проявилась уже 8 мая, когда в Москву пришло сообщение, что английское и французское правительства опять готовы вести переговоры. При этом в вопросе о гарантиях другим странам подчеркивалось, что они возможны, но так, чтобы не причинять «немедленных осложнений тем, кому желательно оказать содействие». Предоставляемые гарантии предлагалось осуществлять «в форме, которая представлялась бы наиболее приемлемой странам, являющимся жертвами агрессии»³. За этой витиеватой формулировкой скрывалось желание, как выразился премьер-министр Великобритании Н. Чемберлен, добиться того, чтобы «ввиду различных затруднений» не приглашать СССР «к сотрудничеству» в Восточной Европе⁴.

В. М. Молотов со своей стороны отступать тоже не хотел. Он 14 мая лично вручил английскому послу в Москве У. Сидсу памятную записку,

¹ Цит. по: *Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г.* Финляндия во Второй мировой войне. С. 51.

² Цит. по: *Korhonen K.* Turvallisuuden pettäessä. S. 193; UM. 5C18. Raportti Moskovasta UM:lle, 8.8.1939.

³ Год кризиса. Т. I. С. 439.

⁴ Цит. по: *Churchill W. S.* The Second World War. Vol. 1. P. 290.

в которой прямо указывал, что предложения, которые поступили советскому руководству, СССР не удовлетворяют. Более того, было подчеркнуто, что предлагаемые договоренности делают «северо-западные границы СССР со стороны Финляндии, Эстонии, Латвии... неприкрытыми». После чего нарком повторно предложил дать в случае «дальнейшего развертывания агрессии» гарантию соответствующей помощи трех держав этим странами¹.

На это последовала достаточно неожиданная и весьма примечательная реакция. Сразу же Сидс сообщил, что «упоминание Финляндии... усложняет весь вопрос», поскольку «Англия хорошо осведомлена о настроениях Финляндии и считает, что общественное мнение Финляндии настроено в отношении СССР отрицательно»².

Действительно, в это время английские дипломаты достаточно активно прощупывали позицию финского руководства на предмет их отношения к советской инициативе.

Так, еще в конце марта в Лондоне решили четко поставить вопрос перед Финляндией, с кем она будет в случае гитлеровской агрессии: «с Германией или с Англией»³. Однако как сообщал британский посланник в Хельсинки Т. М. Сноу, финское руководство в это время было больше озабочено советскими инициативами. По его мнению, предложение Советского Союза о помощи «не несло успокоительных настроений Финляндии, а вызвало прямо противоположную реакцию». В своем донесении в Лондон Сноу писал, что «финны не желают получить от России гарантий». Эта позиция стала более определенной 20 апреля, после его личной беседы с Э. Эркко. Финский министр иностранных дел прямо сказал, что в его стране к предложениям о помощи русских относятся отрицательно и будут ее отвергать. В английский МИД подобные сведения о позиции Финляндии поступали и из других стран Восточной Европы⁴.

В результате относительно советских предложений, касающихся Финляндии, в Лондоне заняли весьма осторожную позицию. Теперь в Великобритании начали прекрасно понимать, что все соседи СССР на западе просто «не знали, чего им больше бояться — германской агрессии или русского спасения»⁵. К тому же симпатии английского

¹ Документы и материалы кануна Второй мировой войны. С. 86–87.

² Год кризиса. Т. I. С. 460.

³ Там же. С. 336.

⁴ См.: *Jakobson M. Diplomaattien talvisota*. S. 141–142.

⁵ *Churchill W. S. The Second World War*. Vol. 1. P. 283–284.

руководства также были отнюдь не на стороне СССР. Премьер-министр Н. Чемберлен, в частности, указывал, что ему «Россия внушает самое глубокое недоверие», а далее еще подчеркнул: «многие из малых государств, в особенности Польша, Румыния и Финляндия, относятся к ней с ненавистью и подозрением»¹.

Нельзя сказать, что такие взгляды полностью разделяли все влиятельные государственные и военные деятели Запада. Так, 27 апреля в своем донесении финский посланник в Париже Х. Холма сообщил в Хельсинки, что имел беседу с одним из руководителей Генштаба французской армии и тот открыто утверждал, что Финляндии «не угрожает опасность со стороны Москвы, поскольку для Москвы существуют совсем иные заботы»². Поступали аналогичные заявления и из других источников³. Но они отнюдь не успокаивали финское руководство.

Дипломаты Финляндии, работавшие за рубежом, явно стремились продемонстрировать отсутствие у Хельсинки намерений одобрить советские инициативы. Так, накануне обращения Молотова к Великобритании, 11 мая посланник в Лондоне Г. А. Грипенберг довел до сведения английского министра иностранных дел, что при любых обстоятельствах финское правительство «не желает никаких гарантий или договора о помощи, исходящих от советского правительства»⁴. К тому же британскому руководству давали отчетливо понять, что советские предложения, скорее всего, не только не будут приняты финнами, а наоборот, попытка предоставления им гарантий может «лучше подготовить почву для одобрения аналогичного поручительства со стороны Германии, которую здесь поддерживают определенные влиятельные круги»⁵.

Заявление Грипенберга о том, что «наше правительство не хочет никаких гарантий относительно безопасности Финляндии», затем опять им повторялось, но уже в беседах с другими представителями МИД Великобритании. Причем англичане даже начали в этом отношении поддерживать финское руководство. Так, 23 мая Грипенбергу четко заявили «о полном понимании» политики Финляндии и даже об

¹ Цит. по: *Churchill W. S. The Second World War. Vol. 1. P. 283.*

² KA. Harry Holman kokoelma. Kansio 37. Raportit Pariisista ja Vichysta (1939–1943). Raportti № 14, 27.4.1939.

³ *Korhonen K. Turvallisuuden pettäessä. S. 198.*

⁴ UM. 5. C. 1. Lontoon-lähetystön raportti, 11.5.1939.

⁵ *Documents on British Foreign Policy. Ser. III. Vol. V. London, 1952. P. 223.*

одобрении этой политики, поскольку в Лондоне «теперь не считают возможным одобрить те предложения, которые правительство Советского Союза им представило»¹.

Иными словами, финское руководство активно включилось в игру, которую вели великие державы, занимая однозначную позицию, которую на Западе учитывали и, опираясь на нее, проводили линию игнорирования советских интересов в Балтийском регионе. Однако такой подход к решению «финляндского вопроса» не только не менял мнение Молотова, а наоборот, он лишь усугублял общую подозрительность советского руководства по отношению к ситуации, складывающейся в Северной Европе.

Тем временем 27 мая, продолжая прежнюю внешнеполитическую линию, из Лондона и Парижа сообщили, что готовы подписать с СССР договор, а гарантии предоставлять отдельным странам лишь только «в соответствии с желанием» конкретных государств. Это у Молотова вызвало предположение, что «правительства Англии и Франции не столько интересуются самим пактом, сколько разговорами о нем»². В результате советское руководство твердо продолжало сохранять свою линию, и таким образом переговоры с Лондоном и Парижем так же, как и раньше, результатов не принесли. По этому поводу многие на Западе могли отметить, что «переговоры как будто зашли в безвыходный тупик»³.

При этом в складывающихся весьма непростых условиях обостряющейся международной ситуации финско-германские отношения отнюдь не были заморожены. По мнению профессора М. Менгера, «военные контакты между Берлином и Хельсинки осуществлялись безупречно и с неослабной интенсивностью»⁴. В частности, тогда состоялись традиционные совместные шумные военные мероприятия, посвященные памяти о совместных боевых действиях финской белой армии и немецких войск в 1918 г. Они прошли как в Финляндии, так и в Германии⁵.

Продолжался также обмен государственными визитами. Так, в конце апреля 1939 г. в рейх направился отвечающий «за молодое поколение» финский министр просвещения У. Ханнула. Его встре-

¹ УМ. 7 Е. Raportti Lontoosta UM:lle, 23.5.1939.

² Год кризиса. Т. I. С. 512, 509.

³ Churchill W. S. The Second World War. P. 296.

⁴ Menger M. Deutschland und Finnland im Zweiten Weltkrieg. S. 46.

⁵ Ibid. S. 47.

чали очень тепло. У. Ханнула был лично принят главой немецкого МИД И. Риббентропом, а сам визит традиционно приковал пристальное внимание немецких средств массовой информации¹. Как правдиво доносил по этому поводу финский посланник в Берлине А. Вуоримаа, «большое внимание к визиту объяснялось тем, что надо было показать... одобрение хороших отношений с Германией, причем намного лучших, чем у других» стран².

Одновременно в беседах как с ним, так и с другими финскими представителями немецкие дипломаты ни в коем случае не скрывали, что «воинственность Гитлера нарастает» и «Германия должна приступить к новым экспансионистским планам»³. Все это, конечно, в Хельсинки должны были услышать и учитывать в своей политике.

Берлин, разумеется не собирался быть пассивным наблюдателем, и в процессе происходивших в то время дипломатических переговоров в Москве рейх пытался как-то влиять на их ход. Понимая, что готовящийся союз европейских стран будет направлен именно против Германии, в Берлине в противовес этому предложили малым странам Европы заключить договоры о ненападении. Такое предложение получило и финское правительство. Причем, поясняя выдвинутую инициативу, немецкая сторона прямо указывала Хельсинки на то, что здесь «вопрос стоит не о гарантиях, а о договоре о ненападении»⁴, проводя, таким образом, четкую параллель с предметом англо-франко-советских переговоров в Москве.

Однако Финляндия, со своей стороны, все же решила уклониться от немецкой инициативы. Это решение объяснялось тем, что она «не чувствует угрозы со стороны Германии»⁵. Своим дипломатам в Берлин финское руководство еще более детально пояснило данное решение, указав, что принятие германской инициативы поставило бы Хельсинки в сложное положение, поскольку тогда «Финляндии было бы трудно отказаться от альтернативных предложений»⁶. Ответ финнов несколько не обескуражил Берлин, но с другой стороны, объективно скорее еще сильнее запутал ситуа-

¹ UM. 5. C. 5. Opetusministeri Hannulan Saksan-matka. Raportti Berliinista, 28.4.1939.

² Ibidem.

³ KA. Harry Holman kokoelma. Kansio 37. Raportit Pariisista ja Vichysta (1939–1943). Raportti, № 3, 24.3.1939.

⁴ UM. 5. C. 5. Tullet sähkeet. Sähke Berliinista, 5.5.1939.

⁵ Jakobson M. Diplomaattien talvisota. S. 145.

⁶ UM. Menneet sähkeet. Sähke Berliiniin, 15.5.1939.

цию, приковывая к Финляндии более пристальное внимание, в том числе Москвы.

Тем временем 2 июня Советский Союз уже подготовил официальный проект договора с Великобританией и Францией, который затем был направлен в Лондон и Париж. В нем предлагалось трем государствам в случае агрессии Германии встать на защиту целого ряда стран Европы. Причем в перечне указанных в документе государств фигурировали две Прибалтийские страны, а также Финляндия¹. В результате руководство СССР окончательно обозначило свою позицию.

Однако до того момента, как в Лондоне и Париже успели дать на советское предложение ответ, Финляндия также официально объявила свою точку зрения. Она была изложена на заседании парламента 6 июня в выступлении министра иностранных дел Э. Эркко. Он заявил: «Финляндии нужно относиться к каждому государству, которое... намерено предоставлять так называемую помощь, задумываясь, необходима ли ей эта гарантия в случае нападения»². Так можно было ставить вопрос при условии, что германская агрессия не рассматривалась как угроза для государства и ситуация в Европе никаким образом не менялась.

Тем не менее на следующий день это мнение выразил и сам президент. Он твердо заявил, выступая перед парламентариями: «...Мы будем решительно противостоять любым попыткам связать судьбу нашей страны, включив ее в круговорот политики великих держав»³.

Указанные заявления в парламенте являлись следствием получения Хельсинки определенных данных о возможном позитивном отношении на Западе к предложениям СССР. Там стало известно, что «Великобритания, Франция и Советский Союз вместе предложат гарантии не только странам Балтии, но и также нейтральной Финляндии»⁴. Действительно, в органах информации западных стран весьма активно приступили к обсуждению всего комплекса балтийских дел.

Из справки, которая представляла собой обзор английской и французской печати и с которой ознакомился лично И. В. Сталин, видно, что в июне в прессе этих стран явно принялись за обсуждение разнообразных вариантов решения прибалтийской проблемы. Более того,

¹ Год кризиса. Документы и материалы. Т. 2. С. 5.

² Цит. по: *Häikiö M.* Suomi ja uksin talvisodassa — vai jäikö? // *Kanava*. 1989. № 6. S. 338.

³ *Presidentti Kyösti Kallion puheita*. Porvoo; Hels., 1942. S. 507.

⁴ УМ. 7 Е. Raportti Lontoosta УМ:lle, 2.6.1939

ряд газет даже признал существующую угрозу для СССР из зоны Балтийского моря, «если германские войска под каким-либо предлогом вторглись бы в Финляндию, Эстонию или Латвию». В одной из французских газет, судя по этому обзору, резонно отметили, что «при том положении, которое занимают Балтийские страны, для них нет убежища в нейтралитете от войны»¹. Другой журналист прямо подчеркнул, что «трудно себе представить, чтобы французское и английское правительства могли противопоставить какие-либо действительные аргументы против формулы, предусматривающей распространение гарантий на Финляндию, Эстонию и Латвию»². Иными словами, высказывание подобных взглядов в английских и французских органах массовой информации не могло не озадачить финское руководство, поскольку с этими материалами, естественно, стали знакомы не только в Москве.

В результате заявления финских политиков приобрели превентивный характер и были явно направлены на то, чтобы напомнить официальную позицию Финляндии относительно англо-франко-советских переговоров в Москве.

Одновременно публичные заявления Эркко и Каллио также являлись ответом на вопрос о гарантиях, который Молотов поставил тремя днями ранее перед финляндским посланником в Москве. Тогда при изложении советской позиции было подчеркнуто, что для Финляндии «на случай войны тройственная гарантия имела бы положительное значение». Речь шла о коллективной гарантии, а не гарантии одного лишь СССР. Но при этом нарком особо заметил, что «Советское правительство не может мириться с тем, чтобы интересы Советского Союза не принимались во внимание»³. Тем самым Молотов дал понять, что в Москве были хорошо осведомлены об отношении финского руководства к советским инициативам на переговорах с Британией и Францией.

Как по этому поводу вполне справедливо отметил финский исследователь К. Корхонен, уклонение Финляндии от советских предложений выглядело слабо аргументированным, поскольку исходило из «бесцельного заверения в абсолютном нейтралитете».

¹ Цит. по: Зимняя война 1939–1940. С. 98.

² Там же.

³ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1236. Л. 175, 178. Беседа В. М. Молотова с А. С. Ирье-Коскиным, 3.6.1939.

Поясняя свою мысль, историк отметил: «В Москве все это могли истолковать только как непонимание или нежелание понять политику соседней великой державы и ее геополитическую обеспокоенность». И далее он подчеркнул: «Европейская система безопасности распалась, и на чаше весов была собственная безопасность Советского Союза»¹. Как раз именно этого финское руководство тогда стремилось не замечать.

Тем не менее 8 июня советский посол в Лондоне И. М. Майский сообщил о реакции в английской столице на предложения СССР. Он сообщил, что на Западе готовы продолжить начатые переговоры и даже желают как можно «скорее перейти к заключению договора», но при этом опять подчеркивалось, что Прибалтийские страны и «особенно финны» не желают получить соответствующие гарантии.

Этот ответ снова поставил финскую проблему в центр внимания в ходе нового обмена мнениями, поскольку спустя два дня Молотов направил очередную телеграмму в Лондон. Она носила крайне категорический характер. «Вопрос о тех Прибалтийских государствах, — писалось в ней, — является теперь тем вопросом, без удовлетворительного решения которого невозможно довести до конца переговоры»². Более того, спустя еще несколько дней в газете «Правда» появилась передовая статья, в которой прямо указывалось на твердые намерения СССР включить в список тех государств, которым предлагается помощь в случае германской агрессии, Эстонию, Латвию и Финляндию.

В этой статье к тому же содержался открытый намек на то, что в Москве видят в политике самих Балтийских государств большую вину в провале советских договоренностей с Великобританией и Францией по поводу этих гарантий. Причина же этого объяснялась «желанием некоторых политических деятелей сорвать дело образования оборонительного фронта миролюбивых держав против агрессии», указывая при этом, в частности, прямо на министра иностранных дел Финляндии Э. Эркко³. Пытаясь вскрыть мотивы, которыми руководствовались финские политики, совершая подобные шаги, авторы статьи сделали вывод, что либо они были вызваны «недоразумением», связанным с «недооценкой угрозы», либо «влиянием извне», что ука-

¹ *Korhonen K. Turvallisuuden pettäessä. S. 193.*

² Год кризиса. Т. 2. С. 17.

³ Правда. 1939. 13 июня.

зывало на то, что Финляндия, а также другие граничащие с СССР Балтийские страны уже «вступили в германскую орбиту»¹.

В данном случае нельзя утверждать, что политика Финляндия в это время была продиктована сугубо «недоразумением», равно как и то, что страна уже целиком оказалась «в германской орбите». Скорее всего, финские дипломаты пытались учитывать весь комплекс международных хитросплетений, поскольку оказались в центре разногласий, возникших между Москвой, Лондоном, Парижем и Берлином. Но при полной вовлеченности в орбиту влияния западных стран Финляндия не могла, естественно, допустить даже минимальной зависимости своей политики безопасности от решений, которые принимались в Советском Союзе.

Тем не менее в тот момент не было никаких оснований считать, что в Хельсинки не имелось сведений о том, как в других странах относятся к занимаемой руководством Финляндии позиции по поводу гарантий безопасности. По информации, которая поступала в Хельсинки от дипломатических представительств, было очевидно, что политика Прибалтийских стран в этом вопросе тоже напоминала финскую. Эти государства также «решительно отвергали планы Советского Союза» относительно гарантий и даже предлагали обдумать совместно с финским руководством общий подход к вопросу о гарантиях².

Британские политики и военные деятели тоже позволяли себе нескрываемую благосклонность к тем взглядам финского руководства, которые касались отрицательного отношения к идее получения гарантий безопасности Финляндии в случае начала европейской войны. Это можно было объяснить прежде всего тем, что в высших английских военных кругах превалировало мнение о нецелесообразности ввязываться в защиту государств Балтийского региона от германской агрессии. Так, в частности, в военном руководстве Великобритании пришли к достаточно ясному заключению: «...ущерб от захвата Германией прибалтийских государств не настолько серьезен, чтобы оправдывать наше вступление в войну...»³

Поэтому представители английских военных кругов охотно поддерживали финских политиков и государственных деятелей. Наиболее ярко это проявилось во время визита в Финляндию английского

¹ Правда. 1939. 13 июня.

² УМ. 7 E. Raportti Riiasta УМ:lle, 6.6.1939.

³ Цит. по: Вопросы истории. 1989. № 11. С. 104.

генерала У. Кирке, состоявшегося в разгар переговоров с Москвой, с 16 по 22 июня.

Встреча, которую организовали в Хельсинки этому генералу, проходила с особой торжественностью. Ему была даже вручена одна из высших наград страны — «Большой крест финской белой розы». Газеты при этом очень подробно освещали этот визит¹, что говорило о его большом значении для Финляндии. Но самым главным, вероятно, стало заявление У. Кирке на приеме, организованном 18 июня в его честь министром иностранных дел Э. Эркко. Английский генерал сказал, что «в Англии каждый относится с самым искренним пониманием позиции», которую занимает Финляндия касательно ее отношения к советским предложениям о гарантиях². Эти слова, как заметил историк М. Якобсон, «усилили веру, что Англия не изменяет Финляндии на московских переговорах»³. Для Хельсинки это было очень важно.

В ответ на эту предполагаемую британскую поддержку финское руководство стремилось быть с Лондоном предельно открытым. До такой степени, что в присутствии большой свиты финских офицеров и генералов У. Кирке продемонстрировали военные объекты на Карельском перешейке у границы с СССР⁴. В беседах, которые с ним велись, особое место занимала тема, связанная с Советским Союзом. «У финнов, — сказал он, вернувшись в Лондон, — пробуждаются подозрения, что советское правительство, возможно, планирует нападение на их страну»⁵. Встретившись с финским посланником Г. А. Грипенбергом, Кирке поведал ему, что почувствовал, как в Финляндии «огорчены» тем, что в Москве продолжаются «союзнические переговоры»⁶.

Более того, британский генерал сам пытался воздействовать на финское руководство. Но не для того, чтобы добиться их более позитивного отношения к советским предложениям. Наоборот, У. Кирке, как несколько позже публично заявил Э. Эркко, сообщил даже о якобы существующих намерениях советской стороны в целях обеспечения защиты Ленинграда в случае войны решительно добиваться изменения границы на Карельском перешейке. От У. Кирке, по информации

¹ См.: Helsingin Sanomat, 17.6, 18.6.1939; Karjala, 21.6.1939; Uusi Suomi, 23.6.1939.

² Цит. по: *Jakobson M. Diplomaattien talvisota*. S. 172.

³ *Ibidem*.

⁴ Sota-arkisto (далее — SA). 1346/8. Puolustusministeriö sanomatoimisto.

⁵ UM. 5 С 1. Raportti Lontoosta UM:lle, 13.7.1939.

⁶ *Ibidem*.

Эркко, стало, в частности, известно, что «Советский Союз имеет виды на перешеек» в интересах «укрепления безопасности Ленинграда»¹.

О достоверности данного сообщения нет пока подтверждающих сведений. Но по характеру этой информации можно судить о том, что в Британии стремились вести двойную игру, интригуя против Советского Союза и пытаясь выяснить, какова будет реакция на эти сведения в Хельсинки. Неслучайно также в Лондоне заверяли финского посланника Грипенберга, что «если советское правительство нападет на вас [на Финляндию. — *В. Б.*], несмотря на проводимый вами нейтралитет, то Англия не будет помогать ему [Советскому Союзу. — *В. Б.*]»².

Естественно, подобная «откровенность» англичан должна была вселять в финское руководство чувство уверенности в правильности занимаемой позиции. Выражая свое твердое убеждение, Э. Эркко тогда вообще открыто заверил Лондон, что «для Финляндии было бы лучше, чтобы у Советского Союза вообще не сложилось ни с кем союза»³.

Все эти закулисные комбинации сочетались с тем, что в Хельсинки постоянно получали сообщения и советы из различных стран сохранять свою линию и воздерживаться от принятия предлагаемых СССР гарантий. Не только в Лондоне, но также в Стокгольме и Вашингтоне «с пониманием» относились к позиции Финляндии по данной проблеме.

В шведской печати, в частности, хотя и признавалось, что Финляндии с учетом ее географического положения «трудно оставаться в стороне от противоречий великих держав», тем не менее прямо говорилось, что ей «следует ясно и открыто отмежеваться» от московских договоренностей⁴.

Что касалось США, то, с одной стороны, американские дипломаты демонстрировали свое негативное отношение к самим московским переговорам, утверждая, что готовящееся соглашение между тремя странами «необходимо русским», а западные страны «не должны его заключать»⁵, а с другой стороны, всячески поддерживали Финлян-

¹ Ibid. 12 К. Muistio pohjoismaiden ulkoministerien neuvotteluista Tukholmassa 18–19.10.1939.

² Цит. по: *Полвинен Т.* Финляндия в международной политике до «зимней войны». С. 188.

³ Цит. по: *Jakobson M.* Diplomaattien talvisota. S. 173.

⁴ УМ. 5 С 1. Tukholman-lähetystön raportti, 4.6.1939.

⁵ Цит. по: История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 2. М., 1973. С. 139.

дию. Так, помощник госсекретаря С. Уоллес, в частности, сообщил главе финского представительства Х. Прокопé, что американские дипломаты понимают позицию Финляндии и надеются, что Лондон и Париж «не пойдут по пути ущемления финских интересов»¹. Все это, конечно, не могло не вселять чувство уверенности в правильности выбранного Финляндией пути.

Безусловно, финские дипломаты стремились учитывать не только мнения стран «демократического» Запада, но и принимать во внимание «германский фактор», стараясь использовать его в своей политике. Это было хорошо заметно по тому, что министр иностранных дел Э. Эркко систематически передавал сведения о московских переговорах немецкому посланнику. Большое значение придавалось при этом информации о гарантиях, поскольку именно в этом вопросе Финляндия была особо заинтересована проинформировать Берлин.

В середине июня Эркко, в частности, сообщил Блюхеру о заверении британского правительства, что «оно не заключит соглашения о предоставлении гарантии Финляндии». Немецкий посланник одновременно был уведомлен, что он обязательно будет поставлен в известность, если «переговоры затронут Финляндию»². Все это свидетельствовало о том, что в Хельсинки «германский фактор» также учитывали и, возможно, даже пытались именно с его помощью влиять на дальнейший ход развития европейской политики. Это подтверждает, в частности, беседа финского посланника в Лондоне Г. А. Гриппенберга в Министерстве иностранных дел Великобритании, когда он прямо высказался по вопросу о гарантиях и предостерег британскую сторону, заявив, что «советское предложение будет воспринято в Финляндии как предоставление Советам свободы действий». Если бы так произошло, подчеркнул финский посланник, то «финское правительство было бы вынуждено стать на сторону Германии»³.

Учитывая жесткую линию СССР по данной проблеме, подобные заявления Финляндии создавали определенную угрозу в целом процессу дальнейшего развития московских переговоров. К тому же 16 июня Молотов сообщил английскому и французскому послам, что отказ от предоставления гарантий трем Балтийским странам влечет за

¹ UM. 5 C 1. Washingtonin-lähetystön raportti, 10.7.1939.

² Documents on German Foreign Policy. Ser. D. Vol. VI. P. 581, 728. Эта информация шла лично от Галифакса (см.: Documents on British Foreign Policy. Ser. III. Vol. V. P. 522).

³ От пакта Молотова — Риббентропа до договора о базах. Таллинн, 1990. С. 51.

собой решение Советского Союза отложить вопросы о гарантиях, но уже всем государствам, «как не назревшие»¹, что также означало бескомпромиссную и крайне твердую позицию Москвы по балтийскому вопросу.

Теперь на Западе стали понимать, что изменить советскую точку зрения не удастся, а «вопрос о гарантиях для Балтийских стран по-прежнему рассматривается СССР как фундаментальный»². Более того, неспособность сторон договориться создавала для Британии и Франции невыгодную ситуацию на международной арене. Молотов «предложил пункты, которые он считает самыми коренными и эффективными, упрекая нас, — заметил своему руководству французский посол в Москве, — в то же время в том, что наши пункты расплывчаты и слабы». Это, по мнению дипломата, «ставит Советское правительство в выгодное положение в случае провала», поскольку «Советы нельзя было бы обвинить в попустительстве по отношению к оси»³.

Действительно, спустя несколько дней, 29 июня, в газете «Правда» появилась статья, подписанная одним из лидеров СССР А. А. Ждановым. В ней прямо было заявлено, что «искусственно надуманным “камнем преткновения” в переговорах является вопрос о тройственном гарантировании незамедлительной помощи Латвии, Эстонии и Финляндии». Вывод же из этого делался весьма категоричный: действия Лондона и Парижа по этому вопросу «могут быть продиктованы только одним намерением: затруднить переговоры в целях их срыва»⁴.

В современных исследованиях ряда зарубежных историков, и прежде всего финских (К. Корхонена, Т. Полвинена), проводится мысль о том, что СССР в переговорах с Британией и Францией преследовал собственные корыстные цели, не связанные с решением проблемы борьбы с разрастанием нацистской агрессии. В частности, в вопросе о гарантиях советское правительство, по мнению профессора Туомо Полвинена, «хотело иметь возможность эффективно контролировать политическое поведение своих западных соседей». Он считает, что «соглашение между тремя державами не смогло бы стать групповой гарантией или разделением на сферы интересов, поскольку Англия

¹ Год кризиса. Т. 2. С. 33–34.

² Там же. С. 35.

³ Там же. С. 51.

⁴ Правда. 1939. 29 июня.

и Франция не смогли гарантировать район Балтийского моря: там ведь не было для них никакой сферы, о разделении которой могла бы вообще зайти речь»¹.

Но ведь с советской стороны не ставился вопрос о разделении сферы действий на Балтике. Речь шла о взаимном использовании равных возможностей в единой сфере и соединенными усилиями. К сожалению, обоснование того, почему необходимо было Британии и Франции отказаться от сотрудничества с Советским Союзом, почти не изменилось. В ней воспроизводятся те же доводы, которые приводились и прежде финской дипломатией: в Германии не виделся носитель опасности, а возможность защиты Финляндии тремя державами не представлялась реалистичной.

Вместе с тем даже одно лишь обязательство участников тройственного соглашения встать на защиту суверенитета и безопасности Балтийских государств в случае немецкой агрессии являлось серьезным предостережением и сдерживающим фактором для Германии. К тому же сам факт того, что в Хельсинки упорно не желали англо-франко-советских гарантий «значит, — как заметил тогда один из французских журналистов, — что имеются лишние основания для беспокойства». Объясняя свою мысль, он заметил, что малые страны Балтийского моря «неспособны сами обеспечить свою независимость», и далее подчеркнул: «...если они утверждают противное, то это значит, что они вступили в германскую орбиту»².

Действительно, на Западе не могли все это не учитывать. Там отнюдь не хотели, чтобы начавшиеся в Москве переговоры оказались полностью «похоронены» из-за «балтийского вопроса». Но также не в их интересах было подталкивание Финляндии в сторону германского лагеря. Поэтому в конце июня — начале июля Лондон и Париж начали уточнять свою тактику. По-прежнему выражая финскому руководству поддержку и «понимание» их политики, Британия и Франция попытались все же развеять имевшиеся в Хельсинки подозрения, разъясняя, что под гарантиями имеется в виду отнюдь не одностороннее их осуществление лишь только Советским Союзом.

Важным тезисом теперь при встречах западных дипломатов с финскими представителями стал тот, что «Россия не одна прейдет на помощь Финляндии», а «все три великие державы будут вместе помо-

¹ *Полвинен Т.* Финляндия в международной политике до «зимней войны». С. 188.

² Цит. по: Зимняя война 1939—1940. Кн. 1. С. 99.

гать Финляндии»¹. Английский посол в Москве У. Сидс пытался детально разъяснить эту идею своему финскому коллеге А. С. Ирье-Коскинену в то время, когда появилась статья в «Правде». «Если Финляндия в случае войны, — объяснял он 29 июня, — получила бы военную помощь от Советского Союза, то одновременно Англия и Франция предоставили бы ей такую же помощь». При этом Сидс уточнил, что само соглашение между СССР, Англией и Францией будет иметь чисто «теоретическое» значение. С тем чтобы лишь оказать воздействие на Германию, предостерегая ее от «авантюрных» действий².

Тогда же из финляндского представительства в Москве в Хельсинки ушло еще одно сообщение. В нем говорилось, что и «по мнению Польши, странам Балтии должны были дать такие гарантии, которые предполагали бы на основе согласия Англии и Франции транзит Красной Армии». Это мнение выразил финскому коллеге польский представитель в СССР³. Одновременно 27 июня в разговоре с А. С. Ирье-Коскиненом французский посол тоже подчеркнул, что «правительство Франции готово одобрить советскую “формулу” о защите “трех стран”»⁴. Примечательным при этом явилось и то, что синхронно с этим сам министр иностранных дел Франции заявил финскому посланнику в Париже: «Москва никогда не говорила мне ничего иного, кроме того, что она боится, что Финляндия... не сможет противостоять возможным домогательствам Германии»⁵.

Иными словами, жесткие высказывания СССР заставляли западную дипломатию постараться максимально повлиять на финское руководство или даже оказать на Финляндию определенное давление в пользу возможных гарантий. Очевидно, связано это было с тем, что в Лондоне и Париже начали пересматривать свою прежнюю позицию в отношении Балтийского региона. Это, в свою очередь, означало явные качественные изменения в политике западных участников переговорного процесса и говорило о том, что переговоры вступили в очередную стадию.

Конкретно это выразилось в том, что 1 июля английский и французский послы в Москве официально вручили Молотову новый про-

¹ UM. 5 C 1. Raportti Tokiosta UM:lle, 15.6.1939.

² Ibid. 5 C 1, 5 C 18. Raportti Moskovasta UM:lle, 30.6.1939.

³ Ibid. 7 E. Raportti Moskovasta UM:lle, 21.6.1939.

⁴ Ibid. 5 C 18. Raportti Moskovasta UM:lle, 27.6.1939.

⁵ Ibid. 5 C 6. Raportti Pariisista UM:lle, 27.6.1939.

ект трехстороннего соглашения о гарантиях в случае начала войны. В этом проекте присутствовала отдельная, секретная часть договора, которая не подлежала публикации. Именно там оказался перечень стран, которым три государства готовы были предоставить соответствующие гарантии. В списке четко были обозначены Эстония, Латвия и Финляндия¹.

Подобное развитие переговоров означал прорыв. Запад фактически официально признал существующую военную опасность для СССР, которая могла исходить с территории Балтийского региона. Разумеется, это был и соответствующий успех советской дипломатии. Поэтому Молотов уже 3 июля реально поддержал выдвинутые западными участниками переговоров предложения. Своим послам в Лондоне и Париже он написал: «Мы согласны с англо-французским предложением перечислить пять известных стран и три Прибалтийские страны в секретном протоколе с тем, чтобы в открытом договоре об этом было сказано в общей форме без указания каких-либо стран»².

Однако одновременно с этим Молотов выдвинул еще одно положение, которое было официально изложено в тот же день в советском варианте предлагаемого договора. В соглашение вводилось понятие «прямой», а также «косвенной» агрессии. Причем под «косвенной агрессией», как было разъяснено в документе, следовало понимать «внутренний переворот или переворот в политике в угоду агрессору» в тех странах, которым предлагались гарантии³. В результате этим ставилась уже под контроль внутренняя политика малых европейских государств со стороны СССР, Великобритании и Франции. Это значительно модифицировало характер готовящихся соглашений.

Очевидным к тому же являлось и то, что в Финляндии не могли согласиться даже с более мягкой редакцией этого договора. Это в Лондоне и Париже хорошо понимали. Все предшествующие попытки изменить отношение финского руководства к советским предложениям, предпринятые Великобританией и Францией, ничего реального не давали. Это мог почувствовать, скажем, английский посланник в Хельсинки Т. Сноу. У него еще 20 июня состоялись обстоятельные беседы с К. Г. Маннергеймом и Э. Эркко, в ходе которых, как он сообщил в Лондон, выявилась лишь большая тревога в политических

¹ Документы и материалы кануна Второй мировой войны. С. 129.

² Год кризиса. Т. 2. С. 82.

³ Документы и материалы кануна Второй мировой войны. С. 131.

и военных кругах Финляндии в связи с теми переговорами, которые тогда велись в Москве¹.

Финские дипломаты тоже твердо заявляли западным представителям, что их страна «будет до последнего противостоять тому, чтобы Россия получила согласие... вмешаться в ее внутренние дела», и «если теперь западные страны дадут этому ход», то Финляндии «придется сделать выбор между Коминтерном и нацизмом»². Показательным стало в данном случае то, что А. С. Ирье-Коскинен весьма недвусмысленно заметил английскому послу в Москве, что «время покажет, с какой стороны надо просить помощь»³.

Однако как раз именно перспективы выбора прогерманской внешнеполитической ориентации Финляндии и опасались в Москве, вводя в соглашение соответствующее понятие «косвенной агрессии». К тому же по сведениям, поступавшим советскому руководству, отмечалось явное стремление Берлина усилить свое влияние в этом направлении, расширяя масштабы немецкого проникновения в Прибалтику и в целом в Скандинавию⁴.

Так, на фоне разворачивавшихся московских переговоров особенно бросались в глаза новые визиты в Финляндию высокопоставленных представителей вермахта. В разгар обсуждения на англо-франко-советских переговорах «финляндской проблемы» 16–17 июня в Хельсинки прибыл, в частности, руководитель немецкой военной разведки адмирал В. Канарис.

Разумеется, этот визит был покрыт пеленой секретности. Лишь впоследствии стало известно, что главным результатом состоявшихся тогда переговоров стало соглашение об открытии германским абвером на финской территории своего филиала⁵. Но из архивных документов Финляндии можно также понять, что в ходе встреч В. Канариса с финскими представителями много говорилось и «об общем политическом положении», и «о направленности политики Германии». При этом В. Канарис не скрывал от своих собеседников, что «войны не избежать», указывая при этом на Англию и сенсационно подчеркивая,

¹ 1939 год. Уроки истории. М., 1990. С. 304.

² УМ. 5 С 1. Raportti Tokiosta UM:lle, 15.6.1939.

³ Ibid. 5 С 1, 5 С 18. Raportti Moskovasta UM:lle, 30.6.1939.

⁴ Год кризиса. Т. 1. С. 360, 396.

⁵ *Лайдинен Э. П., Веригин С. Г.* Финская разведка против Советской России. Специальные службы Финляндии и их разведывательная деятельность на северо-западе России (1914–1939 гг.). Выборг, 2019. С. 209.

что «для Германии лучше бы было, чтобы решение произошло в ближайшем будущем», называя даже время — начало августа 1939 г.¹

Поскольку срок начала Второй мировой войны в действительности не намного отличался от сведений, которые В. Канарис сообщил финнам, то можно предположить, что этим хорошо осведомленный германский военный пытался не столько проинформировать руководство Финляндии о готовящейся войне, сколько предостеречь их от «необдуманных шагов» по сближению с англо-французской коалицией. В. Канарис подчеркивал, что «Германия... проявляет большой интерес к англо-российским переговорам, но верит, что из них для Великобритании ничего хорошего не выйдет»².

Встречи и переговоры продолжились с немецкой стороны затем уже в поездке по Финляндии одного из руководителей гитлеровского вермахта, начальника Генерального штаба сухопутных войск Германии генерал-полковника Ф. Гальдера. Этот «тур» проходил с 29 июня по 3 июля. Гальдер прибыл в Хельсинки из Эстонии, где, как сообщали финские дипломаты, конкретно «обсуждались военно-политические вопросы» и проблемы эстонской «политической ориентации»³.

Естественно, что и во время визита Гальдера в финскую столицу эти вопросы тоже были самыми важными. И хотя в последующем бывший представитель немецкого Верховного командования в Ставке финской армии в 1941–1944 г. генерал В. Эрфурт указал, что сам визит не представлял «никаких политических целей, а лишь служил развитию сложившегося... финско-германского боевого сотрудничества»⁴, политическая составляющая данной поездки все же была весьма очевидной. На это указывает хотя бы тот факт, что не маршал Маннергейм⁵, а министр иностранных дел Э. Эркко «устроил в честь германского генерала пышную встречу и произнес на ней впечатляющую речь». По свидетельству немецкого посланника В. Блюхера, финский министр в своем выступлении, вдохновленный присутствием Ф. Гальдера, заявил, что именно теперь «Финляндия уверенно смотрит в будущее»⁶. Было ясно, что в финском политическом руководстве визиту

¹ UM. 7 E. Raportti Yleisesikunnan päällikölle ulkomaasaston päälliköltä L. Melanderilta, 21.6.1939.

² Ibidem.

³ Ibid. 5 C 1. Raportti Tallinnasta UM:lle, 1.7.1939.

⁴ *Эрфурт В.* Финская война 1941–1944. М., 2005. С. 18.

⁵ *Sélen K. C. G. E. Mannerheim ja hänen puolustusneuvostonsa.* S. 234.

⁶ *Blücher W.* Suomen kohtalonaikojä. Porvoo; Hels., 1950. S. 148.

немецкого генерала придавали исключительное международное значение. Хотя само посещение Финляндии Ф. Гальдером являлось фактически лишь ответным визитом на поездку в рейх в марте 1938 г. генерала Х. Эстермана¹.

Вместе с тем и военная составляющая программы визита Гальдера, конечно, тоже имела место. Уже 1 июля его самолетом доставили в Выборг, где он отправился к советской границе на Карельском перешейке. Здесь Ф. Гальдер в сопровождении генерала Х. Эквиста наблюдал за показательными артиллерийскими стрельбами². После этого он посетил Северную Финляндию район городов Рованиemi и Кеми³. Блюхер в своих мемуарах отметил, что у высокопоставленного немецкого генерала тогда появилась возможность «осмотреть, как велись работы по созданию укреплений»⁴. В целом военные объекты вблизи границы с СССР свободно показывали немецкому генералу. Да и финская печать весьма подробно описывала все нюансы этого визита⁵.

Естественно, поездка Гальдера в Балтийский регион за рубежом вызвала самый пристальный интерес. О ней активно писали на страницах различных газет. Как доносилось тогда в Хельсинки из Лондона, здесь «посещение Финляндии генералом Гальдером привлекло огромное внимание», и более того, стали открыто обсуждать контрдействия английских военных⁶.

Примечательным при этом было еще и то, что всем становилось предельно понятно истинное значение этого визита, поскольку он организовывался в столь непростой международной обстановке. В частности, этот визит был осуществлен прежде всего в противовес англо-франко-советским намерениям предоставить Хельсинки соответствующие гарантии, а также «демонстрировал желание Германии прозондировать смелость малых европейских стран Северо-Восточного региона»⁷. Более того, как подчеркивалось, скажем, в итальянской прессе, в ходе этого визита немецкому генералу продемонстриро-

¹ От пакта Молотова — Риббентропа до договора о базах: Документы и материалы. С. 75; *Эрфурт В.* Финская война 1941—1944. С. 18.

² SA. 1346/8. Puolustusministeriö sanomatoimisto.

³ Ibidem.

⁴ *Blücher W.* Suomen kohtalonaikojä. S. 149.

⁵ См.: Maakansa, 1.7.1939; Ikka, 2.7.1939.

⁶ SA. 1346/8. Puolustusministeriö sanomatoimisto.

⁷ UM. Tulevat sähköet. Sähke Roomasta, 17.7.1939.

вали, что в Финляндии «ни в коем случае не хотят быть посредниками в опасной игре демократии»¹.

Естественно, что и в Советском Союзе визит Ф. Гальдера также не мог остаться незамеченным. О нем в Москву по дипломатической линии шла достаточно обильная информация. В своем донесении из Хельсинки полпред В. К. Деревянский, в частности, подчеркивал, что для руководителя германского Генштаба важным было познакомиться именно «с состоянием финской армии и военно-стратегическими пунктами страны». В целом Деревянский считал, что цель визита Гальдера «находилась в прямой связи с началом осуществления Финляндией плана своих военных мероприятий»².

Спустя неделю из Москвы было передано советскому дипломатическому представительству в Хельсинки указание усилить наблюдение за военными приготовлениями Финляндии. «Нам стало известно, — отмечалось в распоряжении, — что на восточной границе Финляндии возводятся укрепления военного характера под руководством немецких специалистов... Необходимо проверить и срочно сообщить»³.

Хотя данные относительно «немецких специалистов» были, как затем выяснилось, преувеличением, тем не менее несомненным являлся процесс ускорения строительства укреплений. Что же касалось опасений относительно усиливающегося немецкого влияния в Финляндии, то на этот счет существовала твердая уверенность и в советском полпредстве в Швеции. В то время А. М. Коллонтай сделала в своем дневнике такую запись: «Финляндия всецело под влиянием Берлина», и далее она подчеркнула: в Хельсинки «готовят путь Гитлеру»⁴.

Наэлектризованность советских руководящих кругов сведениями об усилении внимания к Финляндии со стороны вермахта привела к тому, что 4 июля Молотов пригласил к себе финляндского представителя. Это был весьма важная встреча, которую финский дипломат квалифицировал как «выходящую за рамки обычной»⁵. Подтверждением тому являлось то, что финское полпредство заблаговременно оповестили, что беседа состоится не в Наркомате иностранных дел,

¹ Ibid., 10.7.1939.

² АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 18. Д. 184. Л. 61. Донесение полпреда в Финляндии В. Деревянского. 1939.

³ Документы внешней политики. Т. XXII. Кн. 1. С. 530.

⁴ Коллонтай А. «Семь выстрелов» зимой 1939 года. С. 196.

⁵ УМ. 5 С 1; 5 С 18. Raportti Moskovasta УМ:lle, 8.8.1939.

а в Кремле, что естественно поднимало значение этой встречи, делая ее еще более официальной.

Что же касается самих переговоров, то Молотов в них затронул основной комплекс беспокоящих руководство СССР в советско-финляндских отношениях проблем. Причем объективно они сводились к ряду важных вопросов.

Прежде всего внимание представителя Финляндии было обращено на очевидное недружественное к СССР отношение, которое, как указал Молотов, формируется финскими средствами массовой информации. Он даже позволил себе квалифицировать финскую печать как «хулиганскую». Кроме того, советский нарком обратил внимание на то, что «в Финляндии пытаются всеми способами сократить всякие отношения с Россией»¹. Все это очевидно было сказано для того, чтобы оказать на финское руководство определенное давление и продемонстрировать, что в Москве внимательно следят за внутривнутриполитической ситуацией в соседней стране.

Но наиболее важным при этом явилось другое: Молотов в жесткой форме начал критиковать Хельсинки за наблюдавшиеся тогда тенденции развития финско-германских военных отношений. Он прямо заявил: «Финское правительство предоставило немецким офицерам явную свободу действий в Финляндии. Они непрерывно посещают ее... и, разъезжая по стране, достигают даже границы с Россией». При этом Молотов прямолинейно задал посланнику вопрос: «Что они реально там делают?»²

Более того, развивая тезис о германо-финляндском сотрудничестве, советский нарком выразил явную обеспокоенность тем, что Финляндия при желании вообще сможет беспрепятственно открыть свои границы для немецких войск³, как это произошло, заявил Молотов, с уже присоединенными к рейху странами. В качестве примера он тогда назвал Чехословакию. Молотов, как записал финский дипломат, весьма резко тогда подчеркнул, что «Россия не намерена сидеть сложа руки, ожидая подхода немцев к стенам Петербурга со стороны Финляндии»⁴. Иными словами, в Москве ясно обозначили свое отно-

¹ УМ. 5 С 1; 5 С 18. Raportti Moskovasta UM:lle, 8.8.1939.

² Ibidem.

³ Это впоследствии действительно произошло. В сентябре 1940 г. Финляндия открыла свои границы для немецких войск. См.: *Барышников В. Н.* Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. СПб., 2005. С. 115–136.

⁴ УМ. 5 С 1; 5 С 18. Raportti Moskovasta UM:lle, 8.8.1939.

шения к финской политике и обратили внимание Хельсинки на возрастающую озабоченность советского руководства наблюдающимся развитием ее связей с Германией, особенно в военной области.

Весьма примечательным было то, что финскими дипломатами о встрече с Молотовым был сразу же проинформирован английский посол в Москве. Причем Сидс, как только этот визит в Кремль был завершен, сам незамедлительно прибыл в представительство Финляндии. Цель его встречи с финскими дипломатами заключалась в том, чтобы «по горячим следам», как можно скорее получить самую подробную информацию о советско-финляндских переговорах в Кремле¹.

Безусловно, на Западе пытались выяснить, насколько жестким может быть отношение СССР к Финляндии. Но одновременно их не могли не пугать явные тенденции в развитии и финско-германского сотрудничества. На это вынуждены были обратить внимание финские дипломаты. Они сообщали из Франции, что «здесь... в новостях и комментариях распространяются сведения о проводящейся в Финляндии немецкой пропаганде и о симпатиях Финляндии к Германии»². Подобные представления французов фиксировались финским посланником в Париже и раньше³. Это объективно свидетельствовало о том, что «демократический Запад» внимательно следил за политической линией Финляндии и учитывал ее, проводя по отношению к Хельсинки собственную политику. В данной ситуации Лондон и Париж начали наращивать давление на финское руководство, стремясь повлиять на его решения.

С этих позиций в начале июля министр иностранных дел Великобритании Э. Галифакс провел соответствующую беседу с Г. А. Гриппенбергом и, «выражая надежду», что в Хельсинки поймут, какое огромное значение имеет «для всей Европы» согласие Финляндии принять гарантии, пожелал относиться друг к другу с большим доверием⁴. Тогда же английский посол в Москве имел соответствующую беседу со своим финским коллегой, где прямо заявил, что «напор Германии может оказаться весьма мощным» и в такой ситуации война окажется неотвратимой. При этом западные дипломаты, работавшие в Москве, не проявляли больших опасений за будущую судьбу Фин-

¹ UM. 5 C 1; 5 C 18. Raportti Moskovasta UM:lle, 8.8.1939.

² Ibid. 5 C 6. Raportti Pariisista UM:lle, 5.8.1939.

³ См.: Ibid., 5.4.1939.

⁴ Ibid. 5 C 1. Raportti Lontoosta UM:lle, 5.7.1939.

ляндии. «У России, — как заметил Сидс, — нет никаких агрессивных намерений» и «Финляндия, а также Прибалтийские страны напрасно боятся Россию»¹.

По информации, поступавшей в МИД Финляндии из Парижа, было понятно, что позиция Франции относительно гарантий близка к той, которую занимала английская дипломатия. В Париже считали, что курс, проводимый Финляндией в этом вопросе, «едва ли вызовет понимание со стороны кого-либо»². Более того, об этом же в Хельсинки сообщали финские дипломаты из Москвы, где, ссылаясь на разговор шведского посланника О. В. Винтера с французским послом в СССР, отмечалось, что дипломатический представитель Франции прямо заявлял своему скандинавскому коллеге, что соглашаться с требованиями Советского Союза о гарантиях все же следует и «вовсе не надо бояться агрессивных акций России»³.

Иными словами, Великобритания и Франция действовали достаточно синхронно, что свидетельствовало о том, что в руководстве этих стран начало формироваться по «финскому вопросу» единое мнение. Более того, как сообщалось в Хельсинки, дипломатические представители Латвии и Эстонии в Москве также подтверждали, что, по их сведениям, наряду с разногласиями западных стран относительно советского предложения о гарантиях правительство Франции «готово одобрить требования России»⁴.

В целом слухи о возможном принятии Великобританией и Францией советского предложения устойчиво циркулировали. Поэтому в начале июля А. Ирье-Коскинен с явной озабоченностью говорил германскому послу в Москве В. Шуленбургу о проявляющейся в данной связи тревоге. «Мы надеемся, — заключил финский дипломат, — что требования Советской России будут решительно отвергнуты и что нас будут постоянно информировать по этому вопросу»⁵.

Одновременно финский дипломат в Берлине А. Вуоримаа получил разъяснение в МИД Германии, что Третий рейх разделяет обеспокоенность Финляндии, поскольку советская сторона на переговорах в Москве настаивает на своем. Конкретно ему было известно, что «Россия настолько ослаблена в военном отношении, что не хочет идти

¹ 5 C 18. Raportti Moskovasta UM:lle, 2.8.1939, 10.7.1939.

² Ibid. 5 C 1. Raportti Pariisista UM:lle, 5.8.1939.

³ Ibid. 5 C 18. Raportti Moskovasta UM:lle, 2.8.1939.

⁴ Ibidem.

⁵ Documents on German Foreign Policy. Ser. D. Vol. VI. P. 842.

на такие уступки, которые могут обязать вступить ее в войну»¹. Такое заключение, очевидно, содержало двоякий смысл. С одной стороны, Финляндии говорили, что она не должна отступать от своей позиции, отказываясь принимать предлагаемые гарантии, так как СССР «ослаблен». А с другой стороны, надо исходить из того, что на переговорах имеются явные противоречия. Предостережение о том, что Финляндии не следует пасовать перед Советским Союзом, поскольку он по-прежнему пытается «добиться возможности вмешательства в балтийские дела», повторялось и дипломатами немецкого представительства в Хельсинки².

Руководство Министерства иностранных дел Финляндии относилось к немецким оценкам англо-франко-советских переговоров с достаточным пониманием. Лично Э. Эркко считал, что Советский Союз пытается склонить представителей Запада на свою сторону, убеждая их в значительных военных возможностях СССР. «Русские своими действиями хотят доказать Великобритании, — говорил он в одной из бесед В. Блюхеру, — что они являются активным военным фактором»³. Это же финский министр иностранных дел высказывал и английскому посланнику в Хельсинки Сноу. Финны полагают, говорил он, что «Советская Россия имеет не такое положение, чтобы могла оказывать кому-либо эффективную помощь»⁴. Таким образом, отношение Эркко к этой помощи было явно скептическим. Оно сохранялось и в дальнейшем.

Между тем англо-франко-советские переговоры в Москве продолжались крайне медленно. Лишь 17 июля Молотову был вручен ответный проект договора, в котором сохранялись уже ранее согласованные статьи. Что же касается понятия «косвенной агрессии», введенного руководством СССР, то и оно во многом было учтено⁵. Но у советского руководства уже не было никакого доверия к Лондону и Парижу. В Москву из зарубежных представительств шла подтверждающая это мнение информация. Сообщалось, в частности, что «переговорщики, жульничая... не хотят настоящего соглашения»⁶.

¹ UM. 5 C 5; 7 E. Berliinin-lähetystön, 5.7.1939.

² KA. Auswärtiges Amt, Büro des Staatssekretärs (далее — AA StS). Finland, 27.7.1939, Bd. 1, B 003021.

³ Documents German on Foreign Policy. Ser. D. Vol. VI. P. 594.

⁴ Documents on British Foreign Policy. Ser. III. Vol. V. P. 253

⁵ См.: Год кризиса. Т. 2. С. 102.

⁶ Там же. С. 105–106.

В дипломатических и военных кругах Советского Союза в целом критиковалась позиция, которую заняли делегации Британии и Франции на переговорах. А. М. Коллонтай 20 июля записала в своем дневнике: «Париж и Лондон не желают связывать себя союзными обязательствами в отношении СССР» и после этого подчеркнула: «Поведение Англии и Франции в такой ответственный момент дает повод считать, что тут может вестись двойная игра, что мюнхенский дух не изжит в этих странах»¹.

Тем не менее неразрешенность проблемы, связанной с договором, бесспорно, беспокоила и дипломатов Запада. Министр иностранных дел Франции Ж. Бонне 19 июля прямо написал своему английскому коллеге Э. Галифаксу: «...мы вступаем в решающий момент, когда, как нам кажется, нельзя ничем пренебрегать, чтобы достичь успеха». Далее он отметил: «Эти переговоры идут уже более четырех месяцев. Общественность придает им во всех странах очень большое значение. Ввиду этого они обрели символический характер», и их провал будет иметь «губительные последствия»².

Таким образом, на Западе стали склоняться к выводу о необходимости достижения конкретных результатов. К тому же 23 июля Молотов, как сообщил об этом французский посол в СССР, прямо заявил: «...время не ждет. Три правительства уже достигли достаточного согласия по основным вопросам, чтобы перейти к изучению конкретных военных проблем, с которыми политические пункты составляют единое целое»³. Иными словами, не достигнув пока договоренностей по политическим вопросам, возникла идея перейти непосредственно к обсуждению проблем военного характера. В результате в Москве предложили определить способ выполнения совместного соглашения относительно гарантий, который должен был стать предметом конкретной разработки генеральных штабов трех стран.

Объективно единственной позицией, которая так до конца не была согласована, являлось определение косвенной агрессии. На его уточнении твердо настаивали англичане. Министр иностранных дел Великобритании Галифакс тогда считал необходимым поставить более жесткие вопросы⁴. Советскому послу в Лондоне он тогда открыто

¹ Коллонтай А. М. Дипломатический дневник. С. 441–442.

² Год кризиса. Т. 2. С. 112.

³ Там же. С. 123.

⁴ Зимняя война 1939–1940. С. 100.

заявил, что в переговорах эта проблема является пока единственным спорным пунктом¹.

Тем не менее 25 июля англо-французская сторона приняла предложение СССР о начале проведения переговоров по военным вопросам, а через день уже сообщила, что «в короткий срок» направит «в Москву военные делегации с целью ведения переговоров по технической части соглашения»².

Однако «коротким» срок не получился. Переговоры в Москве фактически начались лишь 12 августа и продолжались затем десять дней до 21 августа. Подготовка их проведения проходила на фоне обострения международной ситуации. В частности, 20 июля Финляндия официально уведомила каждую из стран — участниц переговоров, что она отказывается от принятия любой помощи на основе гарантий и будет считать таковую агрессией³. В этой связи английское правительство рассматривало позицию Финляндии чуть ли ни как одно из существенных препятствий на пути к позитивному исходу московских переговоров⁴.

Реакция в Москве на характер действий финляндского правительства была, естественно, крайне отрицательной и в дальнейшем имела весьма неблагоприятные последствия.

Тем временем к исходу 21 августа 1939 г. англо-франко-советские переговоры уже исчерпали свои возможности. В их ходе отчетливо проявилось отсутствие должного стремления к сотрудничеству и достижению стратегического взаимодействия в случае военной опасности.

Но в Хельсинки все еще опасались достижения каких-либо договоренностей по «финляндскому вопросу» в Москве. Э. Эркко, в частности, считал наилучшим в складывавшейся обстановке, чтобы никоим образом «Советский Союз не смог добиться возможности заключить договор» с державами Запада⁵. 14 августа в беседе с Деревянским финский министр довольно откровенно заявил, что его правительство выражает против «непрощеных» гарантий, «навязываемых Финляндии англо-франко-советскими переговорами». Более того, подчеркнул

¹ Год кризиса. Т. 2. С. 134.

² Там же. С. 134, 141.

³ KA. AA StS, Finland, 28.7.1939, № 101. Bd. 1, B 00302; История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 2. С. 274.

⁴ KA. AA StS, Finland, 28.7.1939. № 101. Bd. 1, B 00302.

⁵ *Sélen K. C. G. M. Mannerheim ja hänen puolustusneuvostonsa. S. 319.*

он, «правительство Финляндии сильно обеспокоено тем, что в ходе англо-франко-советских переговоров затрагивается Финляндия»¹.

В конечном счете факт того, что переговоры между Великобританией, Францией и Советским Союзом оказались бесплодными, был встречен в руководящих кругах Хельсинки с явным облегчением. Во второй половине августа временный поверенный Финляндии в Москве К. Г. Идман не стесняясь выразил свои чувства в Наркоминделе СССР, он заявил, что прочитав в советской печати сообщение о провале переговоров, с «большим удовлетворением встретил такое известие» и вместе с тем был рад, что «причиной разногласий оказалась Польша, а не Финляндия и Прибалтийские страны»².

Как бы там ни было, Берлин получал сведения о негативной позиции финляндского правительства в отношении англо-франко-советских переговоров³. В свою очередь, гармония взглядов Финляндии и Германии давала все новые основания советскому руководству не доверять северному соседу. Это особенно чувствовалось в финском представительстве в Москве. Оттуда откровенно сообщали германскому коллеге Шуленбургу, что Молотов чрезвычайно обеспокоен позицией Финляндии. Подчеркивая при этом, что он опасается, как бы Германия не использовала в стратегических целях ее территорию в случае внезапного нападения на Ленинград⁴. Характерно, что в августе с советской стороны предпринимались настойчивые попытки выяснить, действительно ли Финляндия нейтральна по отношению к Германии и как вообще ее политика согласуется с нейтралитетом⁵.

Из соседней с Финляндией Швеции были особенно хорошо заметны происходившие перемены в отношениях между Берлином и Хельсинки. Советское полпредство в Стокгольме с большой озабоченностью констатировало это. «Беспокоит меня Финляндия... — отмечала в своем дневнике А. М. Коллонтай в августе 1939 г. — Немцы ведут ловкую пропаганду, основанную на... противопоставлении тех благ, какие несет с собой дальнейшее сближение с Германией, тем

¹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 18. Д. 184. Л. 22. Дневник посланника в Финляндии В. Деревянского.

² Там же. П. 1. Д. 7. Л. 32. Дневник заведующего протокольным отделом НКВД В. Баркана.

³ От пакта Молотова — Риббентропа до договора о базах. С. 65.

⁴ *Флейшхауэр И.* Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии 1938–1939. М., 1991. С. 241–242.

⁵ Документы внешней политики. Т. XXII. Кн. 1. С. 605.

опасностям, с которыми сопряжено соседство с Советским Союзом». И затем в последующие дни она вновь пишет, подтверждая раннее замечание: «Финляндию гитлеровцы крепко обрабатывают. От их газет тошнит, готовят для себя подступы к СССР. Всячески льстят финнам... Ясно, что Финляндия сама никому не нужна. Она важна лишь как подступ к СССР»¹.

Изменившаяся оценка военно-политической обстановки на северо-западе и в бассейне Балтийского моря заставила Наркомат обороны внести коррективы в оперативные планы с учетом того, что теперь Финляндия станет играть более существенную роль в случае германской агрессии в данном регионе. Если до лета 1939 г. в течение определенного времени Финляндию рассматривали как страну, которая в перспективе будет придерживаться нейтралитета, то теперь в указаниях уточняющего характера к составлению оперативного плана на будущее говорилось следующее: «Против СССР на северном и западном направлениях выступят объединенные силы Германии, Финляндии и Польши»².

В произошедшей переоценке советским командованием возможного поведения Финляндии в случае германской агрессии против СССР вместе с тем учитывалась «возможность сохранения нейтралитета Финляндией», но длительность его рассматривалась в зависимости от «политической обстановки» и от «успехов» действий Красной армии³. Исходя из этого в оперативных планах Ленинградского военного округа, Балтийского и Северного флотов, составлявшихся в начале августа 1939 г., предусматривалась возможность ведения боевых действий на финской территории⁴. В конечном счете ставилась задача «нанесения решительного поражения объединенным силам противника» путем взаимодействия сухопутных, морских и воздушных сил Советского Союза⁵.

Изменения в оперативном планировании повлекли за собой и осуществление дополнительных мер, связанных с необходимостью повышения боеготовности войск, прикрывавших северо-западные рубежи Советского Союза. Эту работу возглавил командарм 2-го ранга К. А. Мерецков, ставший в начале 1939 г. командующим войсками

¹ Коллонтай А. «Семь выстрелов» зимой 1939 года. С. 197–198.

² РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 101. Л. 16. Указание НШ НК ВМФ.

³ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 448. Л. 19. Директива НК ВМФ. 2.8.1939.

⁴ Там же. Л. 19–21; Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. Л. 8–10. Директива НК ВМФ. 2.8.1939.

⁵ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 448. Л. 20.

Ленинградского военного округа. Началось ускоренное строительство новых и модернизация существовавших укреплений к северу от Ленинграда и подготовка пограничной территории для надежной обороны в целях отражения возможного наступления противника.

В этой связи было продолжено ранее проводившееся выселение гражданского населения из пограничных с Финляндией районов Карельского перешейка. Как сообщал начальник Генерального штаба Красной армии Б. М. Шапошников наркому обороны К. Е. Ворошилову в начале июня 1939 г., «в результате этого переселения вся бетонированная полоса Карельского укрепрайона освобождена от гражданского населения»¹. Наряду с этим полным ходом развернулось строительство Мурманского, Кандалакшского и Видлицкого укрепрайонов². Однако в Карелии и Заполярье все еще плохо обстояло дело с дорожным сообщением и особенно на направлениях, которые вели к государственной границе. Это осложняло осуществление военно-строительных работ в пограничной зоне. Имевшиеся немногочисленные грунтовые дороги не могли эффективно использоваться в период обильных осадков, а также в сложных условиях зимнего времени.

В конце июня 1939 г. Сталин вызвал к себе Мерецкова. Беседа с ним касалась военно-политического положения в Финляндии. Присутствовал при этом О. В. Куусинен, возглавлявший руководство Компартии Финляндии и входивший в исполком Коминтерна. К. А. Мерецкова, как он вспоминал впоследствии, «детально ввели в курс общей политической обстановки, рассказали об опасениях, которые возникали у нашего руководства в связи с антисоветской линией финляндского правительства». Тогда же Сталин поручил Мерецкову подготовить докладную записку, в которой должен быть изложен план прикрытия государственной границы и нанесения возможного «контрудара по вооруженным силам Финляндии в случае военной провокации с их стороны». По словам автора мемуаров, «И. В. Сталин подчеркнул, что еще этим летом можно ждать серьезных акций со стороны Германии», а это «неизбежно затронет либо прямо, либо косвенно и нас, и Финляндию»³.

¹ РГВА. Ф. 39977. Оп. 4. Д. 366. Л. 53. Докладная записка, 5.6.1939.

² Там же. Оп. 1. Д. 722. Л. 412а. Доклад о действиях Красной Армии против белофиннов.

³ *Мерецков К. А.* На службе народу. С. 177–179.

Тем не менее в мемуарах Мерецкова весьма нечетко говорится об указании Сталина о докладной записке и нанесении «контрудара». Толкования по данному поводу без изучения документальных источников могут быть самые противоречивые. Этим объясняется, скажем, то, что финский военный историк Анси Вуоренмаа считает, что «советский план нападения на Финляндию был составлен летом 1939 г.»¹. Такого плана, относящегося к данному периоду времени, в документах Генерального штаба, Ленинградского военного округа, Балтийского и Северного флотов не обнаружено.

Немаловажное значение имеет выяснение направленности консультаций, дававшихся О. В. Куусиненом советскому руководству. О своих взглядах на положение в Финляндии он писал в то время в печати. «Можно с уверенностью сказать, — указывалось им, — что если финское правительство вовремя не сменит вехи, оно попадет под такое сильное давление со стороны германского фашизма, что если даже и пожелает, будет уже не в состоянии освободиться от его тисков». При этом Куусинен считал, что в Финляндии тем не менее наблюдались все же явления, характеризовавшие «ослабление и известную изоляцию» крайне правых сил².

Очевидно, советское руководство получало от Куусинена рекомендации не обострять отношений с Финляндией. И по конкретным фактам можно судить, что правительство СССР старалось проводить именно такую линию, в частности, при возникновении, скажем, осложнений пограничного характера. Требовалось ввести строгие взыскания по отношению к тем советским военнослужащим, по чьей вине на государственной границе возникали конфликты. В конце июля 1939 г., когда произошло случайное нарушение советскими военными самолетами воздушного пространства Финляндии, командующий ВВС Ленинградского военного округа наложил взыскание на виновных³. Молотов же дал указание, чтобы при выяснении такого рода случаев «не было ненужных задержек в ответах» финляндскому правительству⁴. Такая же жесткая реакция последовала в связи с про-

¹ *Vuorenmaa A.* Ensimmäinen sotakuukausi // Kansakunta sodassa Os. I. S. 134.

² *Куусинен О.* Накануне парламентских выборов в Финляндии // Коммунистический интернационал. 1939. № 6. С. 37, 39.

³ РГВА. Ф. 37977. Оп. 4. Д. 366. Л. 108. Донесение командующего ВВС ЛВО, 27.7.1939.

⁴ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 17. Д. 187. Л. 9. Указание В. М. Молотова заведующему отделом НКВД А. Е. Богомолу, 20.7.1939.

исшедшим в этот период времени случайном нарушении финских территориальных вод советскими военными кораблями¹. Учитывая то, что Молотов лично давал объяснения о результатах расследования нарушений с советской стороны, посланник Ирье-Коскинен оценивал это как «определенный сдвиг» к лучшему².

Но в Финляндии все же существовали подозрения, не было ли скрытых военных приготовлений со стороны СССР в приграничных районах. Посланник Ирье-Коскинен, объективно оценивая обстановку, доносил в Хельсинки, что такого рода действия «не могут быть незамеченными». Особое внимание он обращал на факт выселения местных жителей с прилегающих к границе территорий, рассматривая это как меру, относящуюся к возможным военно-стратегическим приготовлениям, в том числе и «для наступления»³.

Что же касается позиции Финляндии, то, судя по документам финского военного командования, оно тщательно анализировало перемены, происходившие в Европе и особенно в Балтийском регионе. К лету 1939 г. в финском Генеральном штабе давалась вполне адекватная оценка складывавшейся обстановки. Там отмечалось, что «военно-политическое развитие в первой половине 1939 г. продолжает свидетельствовать об опасной подготовке новой войны, а также об усиливающейся политической активности ряда государств»⁴.

В этой обстановке руководство финских вооруженных сил после согласования этого вопроса с президентом и правительством приняло решение провести широкомасштабные военные учения с привлечением резервистов. Они начались 7 августа и считаются крупнейшими в истории этой страны. В них приняло участие 20 тыс. человек.

По содержанию и целевой направленности этих учений было ясно, что под потенциальным противником Финляндии имелся в виду только Советский Союз. Да и местом их проведения был избран Карельский перешеек. В ходе начавшихся тогда маневров моделировалась ситуация наступления со стороны СССР «войск желтых». В конечном счете «белые войска», оборонявшиеся у Выборга, «остановили наступление противника»⁵.

¹ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 132. Л. 28–29. Переписка НК ВМФ с НКВД, 14.7, 9.8.1939.

² UM. 5 С 1. Moskovan-lähetystön raportti, 8.8.1939.

³ Ibid. 12 L / 34. Moskovan-lähetystön raportti (er. asikirjoja).

⁴ SA. T-2862/2. Katsaus sotapolitiisen aseman kehitykseen vuoden 1939 alkupuoliskolla.

⁵ *Mannerheim G.* Muistelmat. S. 107–108.

Важным выводом, который был сделан по итогам этих военных учений, являлось решение о необходимости оснащения финской армии более современной боевой техникой и вооружением. Об этом, в частности, открыто говорил 12 августа премьер-министр А. К. Каяндер¹.

Конечно, приведение финской армии в повышенную готовность являлось оправданным, учитывая кризисную обстановку, складывавшуюся в Европе. Но тем не менее в Москве не могли не обратить внимание на столь крупномасштабное для Финляндии военное мероприятие. Оно расценивалось как показатель активной подготовки страны к войне с СССР. Даже тот факт, что на эти маневры были приглашены в качестве наблюдателей все зарубежные военные атташе, за исключением советского, весьма красноречиво говорил о том, какую направленность имели эти учения. Бросалось в глаза и то обстоятельство, что почти одновременно проходили военные маневры немецкой и итальянской армий. Очевидно, что это было лишь совпадением, но оно не могло не дать советскому командованию пищу для размышлений по этому поводу.

Однако в ходе военных учений в Финляндии происходило и такое, о чем стало известно лишь впоследствии. Присутствовавшему на них министру обороны Швеции Л. Э. Шёльду прямо был задан вопрос о позиции, которую займет его страна «в возможной войне Финляндии с СССР»². Это еще раз подтверждало, что не расширение масштабов германской агрессии пугало в данном случае финское руководство, а перспективы военной конфронтации с Советским Союзом.

В свете этого совершенно иначе выглядит обозначившаяся в военно-политических кругах Финляндии тревога, когда в Хельсинки стала поступать информация о возможном сближении между СССР и Германией. В финском Министерстве иностранных дел увидели в этом не менее серьезную опасность, чем в возможности появления тройственного англо-франко-советского военного союза. Еще в конце июля Э. Эркко пытался выяснить у В. Блюхера о достоверности слухов о том, что «Германия хочет якобы уступить Балтийские государства

¹ *Soikkanen T.* Kansallinen eheytyminen — myytti vai todellisuus? S. 319; *Hietanen S.* Maanpuolustus ja yhtenäistyvä kansakunta // *Kansakunta sodassa.* Os. I. S. 81; *Jakobson M.* Diplomaattien talvisota. S. 206.

² *Niukkanen J.* Talvisodan puolustusministeri kertoo. Porvoo, 1951. S. 49–50.

России в качестве зоны ее интересов»¹. Официальное опровержение по этому поводу было направлено из Берлина в Хельсинки 27 июля².

Но в действительности данные слухи имели под собою реальную почву. Буквально через неделю Шуленбург уведомил Молотова, что «Германия намерена уважать интересы СССР в Балтийском море и не имеет намерений, противоречащих СССР в Балтийских странах». Германский посол особо подчеркнул, что советским «жизненным интересам в прибалтийских странах Германия не будет мешать»³. Как позднее стало ясно, немецкая дипломатия налаживала пути сближения с Москвой с целью начать переговоры в условиях, когда появилась реальная возможность, что СССР так и не сумеет добиться соглашения с Великобританией и Францией.

23 августа 1939 г. мир потрясло сообщение о подписании в Кремле советско-германского договора о ненападении. По словам финского историка К. Корхонена, советское правительство, добиваясь гарантий безопасности своей территории, достигло этим договором того, к чему безуспешно стремилось, ведя переговоры с Англией и Францией⁴.

Государственно-политические круги Финляндии восприняли подписанный договор, подобно «разорвавшейся бомбе»⁵, и вскоре в Хельсинки сочли, что «Германия московским договором “продала” Финляндию»⁶. Почему же именно так характеризовало поведение Германии государство, которое объявило себя нейтральным, и могла ли Финляндия вообще в тех условиях осуществить нейтралитет?

Прежде всего «глубокая обида» в Хельсинки на Германию являлась следствием того, что финским руководством рейх рассматривался в качестве надежного «патрона». Тем самым Финляндия к осени 1939 г., как выразился финский историк М. Якобсон, «обманула сама себя»⁷. Вполне очевидно, что Хельсинки возлагали очень большие надежды на мощь рейха в противостоянии Советскому Союзу. Естественно, что, учитывая возможность именно такого разворота вне-

¹ KA. AA StS, 26.7.1939. Bd. 1. B 003022; Documents on German Foreign Policy. Ser. D. Vol. VI. P. 1002.

² Documents on German Foreign Policy. Ser. D. Vol. VI. P. 1003.

³ Год кризиса. Т. 2. С. 161–162.

⁴ *Korhonen K.* Turvallisuuden pettäessä. S. 199.

⁵ *Soikkanen T.* Kansallinen eheytyminen — myytti vai todellisuus? S. 320.

⁶ *Linkomies E.* Vaikkea aika. Hels., 1970. S. 38; Documents on German Foreign Policy Ser. D. Vol. VIII. Washington, 1954. P. 251.

⁷ *Jakobson M.* Diplomaattien talvisota. S. 198.

шнеполитической линии финского руководства, в СССР тогда вполне обоснованно могли учитывать и серьезно опасаться возможности использования Финляндии Германией в ее военных планах.

Если признать данную позицию советского руководства оправданной, то становится вполне естественной направленность секретного дополнительного протокола к германо-советскому договору о ненападении. Согласно этому протоколу северная граница Литвы определялась в качестве разделения «сфер интересов Германии и СССР»¹. Тем самым рейх просто разрушал всю прежнюю стратегию военной безопасности Финляндии, согласившись уступить эту страну в «сферу интересов» Советского Союза.

Вряд ли этот документ появился бы, если бы у советского руководства не было сомнений, что соседние с СССР государства Европы впредь не будут проводить опасную для него политику сближения с Германией. По мнению немецкой ученой И. Фляйшхауэр, «для Сталина и Молотова с передачей Финляндии в советскую сферу интересов свалилась гора с плеч», поскольку они «в течение многих месяцев опасались», что Германия воспользуется финской территорией и перебросит туда свои войска².

Вместе с тем нельзя принимать на веру, что Гитлер не строил никаких планов в отношении Прибалтики, поскольку она была определена как «сфера интересов СССР». Предпринимался тактический ход. Его позволяет понять объяснение, данное немецким дипломатом, сотрудником МИД Германии П. Клейстом. В отличие от Польши, свидетельствовал он, «в Прибалтийских государствах мы хотим достичь такой же цели иным путем». Разъясняя это, он писал: «Здесь не будет иметь место применение силы. Мы достигнем нейтралитета Прибалтийских государств, то есть решительного отхода их от Советского Союза. В случае войны... если это нас устроит, мы нарушим этот нейтралитет»³.

Более поздние события как раз подтвердили, что Гитлер действовал по отношению к Финляндии именно по данному сценарию. Заметим также, что то, о чем поведал Клейст, стало в полной мере известно советскому руководству⁴.

¹ Documents on German Foreign Policy. Ser. D. Vol. VIII. P. 246; Год кризиса. Т. 2. С. 321.

² Фляйшхауэр И. Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии. С. 302.

³ СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны. С. 362–363.

⁴ Новая и новейшая история. 1985. № 5. С. 113.

Рассматривая ситуацию, сложившуюся после заключения договора о ненападении между Советским Союзом и Германией, можно, конечно, предположить, что в СССР должны были исчезнуть опасения относительно использования Гитлером финляндской территории в агрессивных антисоветских целях. Так, собственно, и поставил вопрос в одной из своих публикаций профессор Тимо Вихавайнен: «Разве Молотову не следовало бы в этом случае перестать вести разговоры о возможной германской угрозе через территорию Финляндии?»¹

Рассуждать таким образом можно было, если бы советское руководство рассматривало договор с Германией исключительно надежным и рассчитанным на многие годы. Но как раз так в Москве не считали. Сталин и Молотов, объясняя сделанный тогда столь решительный шаг, имели в виду совершенно противоположное. Они, как это хорошо известно, подписанием советско-германского договора рассчитывали лишь выиграть определенное время, которое было необходимо для укрепления в максимально сжатые сроки обороноспособности страны. В Москве продолжали концептуально исходить из того, что скоро со стороны Германии начнется агрессия против Советского Союза. По крайней мере концепции «жизненного пространства» для рейха никто в 1939 г. в Германии не отменял. Это в Москве тоже учитывали. Но даже если в советском руководстве в отношении «миролюбия» Германии «ошибались» и их предположения о предстоящей агрессии были «не верными», тем не менее именно потенциальная угроза с Запада была четко положена в основу проводившейся в это время государственной политики безопасности. Собственно, в соответствии с этим командование Вооруженных сил СССР и разрабатывало оперативные планы. Как впоследствии писал маршал Г. К. Жуков, надо было «выиграть время в интересах укрепления обороны»².

Следует полагать, что и в финляндском руководстве тоже чувствовали недолговечность подписанного между СССР и Германией договора. Вайне Таннер, во всяком случае, высказывался в данной связи так: «Ведь всё в этом мире может вдруг измениться», хотя с Германией «на сегодня и сложились у Советского Союза исключительно хорошие отношения...»³

¹ *Vihavainen T.* Leningradin turvaaminen stalinismin näkökulmasta // *Kanava*. 1989. № 6. S. 350.

² *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. Т. 1. М., 1975. С. 253.

³ Цит. по: *Maailma ja Me*. 1989. № 9. S. 165.

Изменился ли у советского правительства после подписания договора с Германией подход к решению тех проблем, которые прежде обсуждались с Финляндией? Таких перемен не наблюдалось. Оставались те же вопросы, касавшиеся безопасности Ленинграда. Ничего нового СССР не предлагал. Как заметил в этой связи К. Корхонен, «сам по себе договор с Риббентропом не открыл советскому правительству возможность выдвинуть свои требования к странам Прибалтики и Финляндии»¹. Была лишь получена гарантия, что в отношении Советского Союза с этими государствами не вмешается Германия.

Вместе с тем заключенный договор неожиданно нанес удар невероятной силы по той концепции, которая составляла суть политики безопасности Финляндии. Особенно чувствительным он был для ее «архитекторов», видевших в Третьем рейхе опору и постоянно стремившихся к тому, чтобы не допускать сближения с Советским Союзом. Прежний президент страны, германофил П. Э. Свинхувуд, бывший премьер-министр Т. Кивимяки, министр иностранных дел середины 1930-х гг. А. Хакцель и некоторые другие государственные и политические деятели, входившие в руководство страны в предшествующий период, в конце августа обстоятельно обсуждали сложившуюся обстановку. Неоднократно собираясь в хельсинкском отеле «Карелия», они пытались определить, как происшедшее повлияет на положение Финляндии. Высказывалось сомнение о правильности выбранной ранее ориентации на Германию. При оценке поведения Гитлера, как пишет в сохранившихся в архиве мемуарных заметках Т. Кивимяки, особенно волновал вопрос: «оставят ли Финляндию на съедение России?»² Эти настроения находили отражение также среди отдельных слоев населения.

В общем, все последующие дни, с конца лета советско-германский договор продолжал оставаться в центре внимания политических кругов Финляндии. «В течение многих дней подряд, — сообщалось в Москву из советского полпредства в Хельсинки, — вопрос о нем не сходил с газетных полос»³.

По дипломатическим каналам финское Министерство иностранных дел пыталось узнать подробности, касавшиеся советско-германских переговоров. Э. Эркко выяснял через своего посланника в Бер-

¹ *Korhonen K. Turvallisuuden pettäessä. S. 200.*

² *КА. Т. М. Kivimäen kokoelma. Т. М. Kivimäki kertanut. 4.4.1960.*

³ *АВП РФ. Ф. 0135. Оп. 22. Л. 145. Д. 11. Л. 14. Обзор печати.*

лине А. Вуоримаа, не заключили ли в Москве «какие-либо соглашения, касающиеся Финляндии»¹. Этот же вопрос он лично поднимал перед немецким посланником в Хельсинки В. Блюхером². В Москве временный поверенный Финляндии К. Идман также вел беседы в этом направлении, встречаясь уже с советскими дипломатами³.

В целом в Финляндии о намерениях Советского Союза тогда распространялись самые невероятные слухи. В частности, утверждалось, будто бы «Германия согласилась отдать России всю южную часть Финляндии до города Вааса» и даже якобы что в Берлине «видели карту новой границы СССР и Финляндии»⁴. Тем самым в обществе создавалась весьма нервная атмосфера. Среди населения стремительно начала также нарастать подозрительность к Советскому Союзу. Да и к самой Германии тоже возникали чувства явной обиды за подписанный в Москве договор.

В установах, которые своим дипломатическим представительствам направлялись тогда из Хельсинки, не скрывалась сложность внешнеполитического положения Финляндии и сообщалось о том, какие задачи финским дипломатам следует решать в этот момент. «Положение крайне серьезное... — говорилось в телеграмме посланнику в Берлин 25 августа. — Финляндия внимательно следит за обстановкой вместе с северными странами... Приступаем к особым мерам по предотвращению возникновения войны»⁵. Вместе с тем от дипломатов требовалось использовать максимальные возможности для получения сведений, прежде всего относящихся к характеру развития советско-германских отношений.

А. С. Ирье-Коскинен, встречавшийся в Москве со своим немецким коллегой В. Шуленбургом, докладывал, что получил от него твердое заверение, что никаких соглашений у Германии с СССР относительно Финляндии не было и вообще к ней не проявлялось «особого интереса» в ходе советско-германских переговоров⁶. Что касалось А. Вуоримаа, то ему, как он сообщал, удалось встретиться в Берлине

¹ Documents on German Foreign Policy. Ser. D. Vol. VII. P. 338.

² Ibid. P. 289, 343.

³ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 18. Д. 184. Л. 56. Дневник полпреда в Финляндии В. Деревянского.

⁴ Там же. Л. 59. Дневник 1-го секретаря полпредства в Финляндии; *Manninen O., Salokangas R. Eljas Erkko. Vaikenematon valtiomahti. S. 228.*

⁵ УМ. 12 / К. Sähke УМ:stä Berliinin lähetystöön, 25.8.1939.

⁶ *Peltovuori R. O. Saksa ja Suomen talvisota. Keuruu, 1975. S. 46.*

с двумя высокопоставленными офицерами немецкого Генштаба. Хотя по поводу отношений с Советским Союзом финский дипломат и не получил никаких существенных сведений, зато стала известна другая сенсационная информация. Офицеры посветили Вуоримаа в ближайшие планы вермахта: нанесение удара по Польше. Был даже назван вероятный срок — 1 сентября 1939 г.¹ Так оно и произошло...

¹ *Pakaslahti A.* Talvisodan poliittinen näytelmä. S. 83.

ГЛАВА II

В ОБСТАНОВКЕ НАЧАЛА МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Предчувствие надвигающейся катастрофы

Агрессия Германии 1 сентября 1939 г. против Польши, ставшая для Европы началом Второй мировой войны, заставила многие страны сразу приступить к приведению своих вооруженных сил в повышенную боевую готовность. В Советском Союзе в это время началась частичная мобилизация. Она распространялась также и на северо-западный регион СССР. Стали пополняться войска Ленинградского военного округа, а также части Балтийского и Северного флотов. Только на территории Ленинградской области в первой половине сентября было призвано в вооруженные силы свыше 125 тыс. человек¹.

В штабе Ленинградского военного округа уточнялись в это время оперативные планы на случай непосредственной угрозы нападения. Особое внимание обращалось на укрепление обороны морских рубежей. На это конкретно было указано 4 сентября в оперативных установках Военного совета Ленинградского военного округа командованию Балтийского флота. Перед КБФ ставилась в первую очередь задача «не допустить прохода линейных сил флота Германии в восточную часть Финского залива»².

Из этого документа нетрудно понять, что, несмотря на заключенный с Германией договор о ненападении, для советского военного

¹ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (Далее — ЦГАИПД СПб.). Ф. 24. Оп. 12. Д. 2. Л. 25. Докладная записка заведующего военным отделом Ленинградского обкома ВКП (б), 1939.

² РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 448. Л. 32. Указание ВС ЛВО. 4.9.1939.

руководства Третий рейх продолжал оставаться вероятным противником. Считалось, что сражаться придется именно с немецкими вооруженными силами. Что же касалось Финляндии, то ее возможная позиция оценивалась в связи с провозглашенной ею политикой нейтралитета. Поэтому было указано то, что «при нейтралитете Финляндии» действия флота следует осуществлять только «по особому указанию правительства»¹.

Финляндия 1 сентября официально заявила о своем нейтралитете «в связи с возникшим кризисом в Европе»². Причем из состоявшейся 3 сентября беседы Молотова с Ирве-Коскиненем можно было заключить, что со стороны Финляндии проявилось стремление устранить имевшиеся ранее препятствия для развития сотрудничества с СССР и прежде всего в экономической области³.

При выяснении позиции Советского Союза Ирве-Коскинен склонялся к выводу, что у СССР нет каких-либо «планов» в отношении Финляндии. Докладывая об этом в Хельсинки, он ориентировал правительство на то, что вообще существуют перспективы, «значительно увеличивающие возможности для осуществления в благоприятном направлении доверительных отношений между Финляндией и Советским Союзом»⁴. Беседа с германским послом Шуленбургом, он также выразил особое удовлетворение изменением в лучшую сторону позиции Молотова, которая, по его мнению, продемонстрировала желание «развивать дружественные советско-финляндские отношения и расширять торговлю»⁵.

В свою очередь чуть раньше Деревянский докладывал из Хельсинки в Москву о состоявшейся у него встрече с финскими промышленниками, которые выступили с пожеланием улучшить не только экономические, но и политические отношения с СССР. Их позиция была при этом, как сообщал посланник, согласована с Э. Эркко⁶.

Тем не менее, располагая сведениями о проведении мобилизационных мероприятий на территории Ленинградского военного округа, финское руководство проявило естественную обеспокоенность.

¹ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 448. Л. 31–32. Указание ВС ЛВО. 4.9.1939.

² Suomen sinivalkoinen kirja. S. 37; Документы внешней политики. Т. XXII. Кн. 2. М., 1992. С. 13; Documents on German Foreign Policy. Ser. D. Vol. VII. London, 1956. P. 515.

³ Документы внешней политики. Т. XXII. Кн. 2. С. 13.

⁴ Цит. по *Vihavainen T.* Leningradin turvaaminen stalinismin näkökulmasta. S. 350.

⁵ Documents on German Foreign Policy. Ser. D. Vol. VIII. P. 12.

⁶ Документы внешней политики. Т. XXII. Кн. 1. С. 282–283.

Ирье-Коскинен, беседуя с В. П. Потемкиным 11 сентября, пытался выяснить значение этой мобилизации и понять, «предполагается ли оставить в пределах Ленинградского округа призываемых там запасных»¹. В тот же день в Хельсинки перед Деревянским также был поставлен вопрос относительно причины, побудившей начать «проведение в Союзе призыва запасных в армию»². Ответ на это с советской стороны был достаточно понятным и односложным: принимавшиеся меры вызваны начавшейся мировой войной³.

Но, очевидно, такое разъяснение не могло в полной мере успокоить финляндское правительство. Тем более что приведенные в боевую готовность соединения Ленинградского военного округа, доукомплектованные за счет призывников из запаса, заняли утром 7 сентября рубежи обороны в приграничных с Финляндией районах⁴. Кроме того, советская военная активность явно нарастала. В указании Генштаба Красной армии, направленном командованию округа 10 сентября, предписывалась организация с 14 сентября оперативных перевозок по сосредоточению ряда стрелковых, артиллерийских, авиационных и танковых подразделений. Эти части должны были перебросить либо в районы Мурманска и Архангельска, либо в Карелию (Видлица), а также в Ленинград. Тем не менее все данные перемещения проводились сугубо на северо-западе Советского Союза и имели чисто внутриокружной характер. Начавшаяся переброска войск прежде всего усиливала оборону Мурманска и Архангельска, но за счет соединений Красной армии, дислоцируемых ранее под Ленинградом⁵. На Карельском перешейке у границы с Финляндией тогда располагались подразделения 19-го и 50-го стрелковых корпусов, а отдельные части, как и сами управления этих двух соединений, зачастую размещались либо непосредственно в Ленинграде, либо на юге Ленинградской области⁶.

¹ Документы внешней политики. Т. XXII. Кн. 2. С. 64.

² АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. Л. 18. Д. 184. Л. 56. Дневник полпреда в Финляндии В. Деревянского.

³ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1240. Л. 3. Дневник заместителя наркома ИД В. Потемкина; АВП РФ. Ф. 06. Од. 1. П. 18. Д. 184. Л. 56. Дневник полпреда в Финляндии В. Деревянского.

⁴ РГВА. Ф. 25888. Оп. 11. Д. 16. Л. 322. Шифровка штаба ЛВО, 7.9.1939; ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 12. Д. 2. Л. 2, 25. Докладная записка заведующего военным отделом Ленинградского обкома ВКП (б), 1939.

⁵ РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 251. Л. 10. Указание ГШ Ленинградскому военному округу относительно перевозки частей, 10.09.1939.

⁶ Там же. Л. 20.

В целом о начале выполнения поставленной задачи из Ленинграда в Генштаб сообщили отдельной шифровкой. В ней говорилось: «Войска ЛВО согласно приказу НКО [Наркомата обороны. — В. Б.] переведены в боевую готовность... Карперешеек [Карельский перешеек. — В. Б.]: 19 ск [стрелковый корпус. — В. Б.] — 70 и 90 сд [стрелковая дивизия. — В. Б.] 9.30 полностью заняли передовой рубеж». Указывалось также на вывод из района Ленинграда войск еще трех дивизий и докладывалось о начале развертывания военной группировки войск на мурманском и петрозаводском направлениях¹. В результате к 21 сентября из информации, полученной начальником Генштаба Б. М. Шапошниковым, стало известно, что на архангельском направлении произошло сосредоточение одной стрелковой дивизии, а на мурманском — еще двух. В Карелии разворачивались также два стрелковых корпуса². Более того, к 25 сентября за счет усиления дополнительными войсками частей, дислоцировавшихся на Кольском полуострове, была образована отдельная Мурманская армейская группа³.

Некоторые исследователи сейчас выдают эти решения за начало активной подготовки советским военным командованием будущей так называемой «зимней войны». Тем не менее оперативные документы Генерального штаба Красной армии не содержат данных, из которых бы следовало, что перед приведенными в боевую готовность войсками на границе с Финляндией ставились задачи наступательного характера. В этом плане имеется существенное отличие от установок, дававшихся 7-й и 8-й армиям, которые 26 сентября были сконцентрированы в юго-западной части Ленинградского военного округа у границ с Эстонией и Латвией. Указанным войскам ставилась задача «нанести мощный и решительный удар» по противостоявшим эстонской и латвийской армиям. Однако и им сообщалось, что «о времени перехода в наступление будет дана особая директива»⁴.

Одновременно приводились в повышенную боеготовность Балтийский и Северный флоты. В силу того, что Северный флот был недостаточно укомплектован боевыми судами, ему была передана часть

¹ РГВА. Ф. 25888. Оп. 11. Д. 16. Л. 322. Шифровка штаба ЛВО, 17.09.1939.

² РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 284. Л. 25–26. Шифровка Мерецкова и Мельникова Шапошникову, 21.09.1939.

³ Там же. Д. 232. Л. 1–4, 14–15. Распоряжение НКО, 7.9.1939; приказ НКО, 26.9.1939.

⁴ Там же. Л. 81; Д. 284. Л. 49, 51. Шифровка ВС ЛВО. 30.9.1939; РГА ВМФ. Ф. Р-1529. Оп. 1. Д. 48. Л. 134. Советско-финляндская война на море.

новых кораблей. При этом особое внимание обращалось на укрепление обороны морского побережья Заполярья¹.

Тем не менее советское руководство не хотело, чтобы в Хельсинки расценивали усиление боеготовности войсковых соединений и флота в пограничных районах СССР как проявление антифинляндских мер. Поэтому 17 сентября со стороны советского правительства было официально заявлено, что в сложившейся международной обстановке Советский Союз будет придерживаться в отношениях с Финляндией политики нейтралитета².

В свою очередь финское правительство решило дать понять, что оно готово активизировать экономическое сотрудничество с Советским Союзом. После обсуждения этого вопроса на заседании кабинета министров Э. Эркко в интервью журналистам 18 сентября заявил, что «торговые переговоры с СССР были начаты, но они прервались и будут, вероятно, начаты вновь при удобном случае». Обо всем этом Деревянский доложил на следующий день телеграммой в Москву, добавив, что финская пресса стала усиленно выступать «за необходимость развития экономических связей с СССР»³.

Этим в Москве не преминули воспользоваться. В тот же день В. М. Молотов принял А. С. Ирье-Коскинена и сообщил ему, что советское правительство положительно смотрит на пожелание Финляндии продолжить переговоры о заключении торгового соглашения⁴. Действительно, Наркомату внешней торговли было поручено эти переговоры возобновить. Характерно, что, получив данную информацию, 20 сентября Э. Эркко сразу же поспешил уведомить об этом немецкого посланника в Хельсинки⁵. Подобными действиями финский министр иностранных дел решил привлечь внимание рейха к советским инициативам.

Однако перспектива оживления экономического сотрудничества с СССР не влияла на стремление финского руководства к повышению боевой готовности своей армии. Меры в этом отношении принимались уже с 1 сентября. В этот день маршал Маннергейм поставил вопрос о предоставлении ему чрезвычайных полномочий, которые в мирное время осуществляются министром обороны и в целом всем

¹ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 81. Л. 1, 10, 15–17. Приказ НК ВМФ, 16.9.1939; Постановление СНК СССР, 14.9.1939.

² Suomen sinivalkoinen kirja. S. 37–39.

³ Документы внешней политики. Т. XXII. Кн. 2. С. 601.

⁴ Там же. С. 101.

⁵ Documents on German Foreign Policy. Ser. D. Vol. VIII. P. 107.

правительством. Он также считал остро необходимым срочно провести крупные военные учения. Государственный совет рассмотрел эти предложения, но согласился прежде всего с тем, чтобы начать призыв в армию резервистов и лишь затем, с их участием, провести широко-масштабные военные учения. В результате в сентябре в Финляндии было принято важное решение начать сосредоточение большего количества войск на Карельском перешейке¹.

Принимавшиеся в Финляндии меры военного характера, как нетрудно заметить, сохраняли одностороннюю направленность: вероятным противником рассматривался лишь СССР, хотя очаг войны находился совсем на другом направлении. Как замечает финский военный историк А. Вуоренмаа, осенью 1939 г. «в Финляндии считали только Советский Союз единственным возможным противником»².

В этой ситуации решение Москвы занять восточные территории Польши и присоединить к СССР Западную Белоруссию и Украину вызвали вполне прогнозируемую обеспокоенность в Хельсинки. Быстрое продвижение германской армии по территории Польши на восток не приковывало в финских правительственных кругах столь пристального внимания и не вызывало такой озабоченности, как выступление Красной армии в районы Западной Украины и Белоруссии. Э. Эркко, намекая на помощь Западу Польше, прямо спросил британского посланника: «Кто нас спасет при такой ужасной ситуации?»³ Действительно, в финском МИД начали особо фиксировать то, как оценивали данные события западные дипломаты. Однако продвижение советских войск по территории Восточной Польши зарубежными дипломатами, аккредитованными в Финляндии, рассматривалось с различных точек зрения. В Хельсинки обратили внимание, в частности, на то, как оценивал польские события французский посланник К. Магню. По мнению, высказанному им 18 сентября, «главной целью советского наступления в Польше являлось закрытие продвижения Германии на восток». При этом он добавил: СССР заботится именно о себе, а поэтому «не следует ожидать», что он «предпримет агрессию против других соседних государств»⁴.

¹ *Myllyniemi S.* Suomi sodassa 1939–1945. Hels., 1982. S. 59; *Seppälä H.* Itsenäisen Suomen puolustuspolitiikka ja strategia. Porvoo, 1974. S. 140.

² *Vuorenmaa A.* Talvisota on taitoa ja taktiikkaa // *Sotilasaikakauslehti.* 1989. № 11. S. 782.

³ *Manninen O., Salokangas R.* Eljas Erkko. Vaikenematon valtiomahti. S. 228.

⁴ UM. 109 A 10 d. Muistio keskustelusta C. Magnyn kanssa UM:ssa, 18.9.1939.

Но финское руководство не было так оптимистично. К тому же печать и радио в Финляндии, учитывая боевые действия советских войск в Польше, усердно подчеркивали нарастающую опасность, исходящую для Финляндии именно с востока. В. Блюхер доносил из Хельсинки 27 сентября: «Страх перед Россией глубоко проник в сознание каждого финна с началом операций Красной армии в Польше... Нервозность чувствовалась даже у военного командования, показателем этого является сам маршал Маннергейм»¹.

Согласно поступавшей в Москву разведывательной информации, Финляндия, стремясь в военном отношении прикрыть границу с Советским Союзом, заметно увеличила количество войск на Карельском перешейке. «Начиная с 15.9, — сообщалось в одном из донесений, — финны усилили Карперешеек [Карельский перешеек. — В. Б.] частями, переброшенными из тыловых гарнизонов». А с 19 сентября, как отметили в СССР, еще более укрепили охрану границы и увеличили снабжение пограничников оружием и боеприпасами. Также фиксировались принимаемые финской стороной меры по экономии стратегического сырья и начавшейся решительной борьбе «со шпионами и паническими слухами». Одно из утверждений, распространенных в Хельсинки, на которое тогда обратили внимание в Москве, сводилось к тому, что «России негде держать свой Балтийский флот, поэтому ей нужны наши [финские. — В. Б.] берега»².

Основываясь на имевшихся наблюдениях, английский посланник в Хельсинки Т. Сноу также сообщал в Лондон об отсутствии у него достаточных оснований, чтобы делать вывод о том, что «Финляндия соблюдала в отношении России нейтралитет». Он констатировал существование у Советского Союза весьма подозрительного отношения к Финляндии и писал, что многое «воспринималось в Москве как демонстрация против России»³.

Вообще противоречивая оценка за рубежом внешнеполитической позиции Финляндии объяснялась тем, что само финское руко-

¹ Documents on German Foreign Policy. Ser. D. Vol. VIII. P. 152.

² РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 334. Л. 1. Разведсводки штаба ЛВО, 21.9.1939; Д. 335. Л. 1. Телеграмма штаба ЛВО, 21.9.1939; Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1240. Л. 5. Сообщение НКВД, 26.9.1939; РГА ВМФ. Ф. Р-1678. Оп. 1. Д. 44. Л. 430. Сообщение разведотдела РККФ. 23.9.1939; см. также: Пограничные войска СССР. 1939 — июнь 1941: Сборник документов и материалов. М., 1970. С. 45, 75, 83–84

³ Цит. по: *Сиполс В. Я.* Тайные документы «странной войны» // Новая и новейшая история. 1993. № 2. С. 99.

водство не определило четкой линии поведения после заключения между СССР и Германией договора о ненападении и последующего развития советско-германских отношений. В Хельсинки явно чувствовалась дезориентированность, хотя и сохранялась еще прежняя приверженность проводившемуся ранее внешнеполитическому курсу.

В. Блюхер, анализируя в конце сентября 1939 г. взгляды финляндского министра иностранных дел Э. Эркко, отмечал, что германский фактор рассматривается как «противовес русским»¹. Но в Берлине проводили гибкую тактику, действуя весьма осторожно. Там давали Финляндии понять, что было бы желательно, чтобы их «правительство достигло взаимопонимания с советским руководством»². Поскольку в Хельсинки не располагали поступавшей из-за рубежа четкой информацией относительно раздела сфер влияния между СССР и Германией, финляндское правительство продолжало ломать голову над тем, «какие последствия может иметь московский договор для Финляндии»³. В частности, финский представитель в Женеве Р. Холсти сделал целую подборку полученных им в начале сентября сообщений о том, что «германо-русский договор касается не только стран Прибалтики и Польши, а также Северной Европы, куда входит Финляндия»⁴.

Кроме того, 28 сентября начальник внешнеполитического отдела Генерального штаба финской армии полковник Ларс Меландер специально отправился в Германию для встречи с адмиралом В. Канарисом. Целью этого визита была попытка получить у него дополнительную информацию о негласных переговорах, проходивших между Молотовым и Риббентропом в Москве в августе 1939 г.⁵

Но в целом в Хельсинки не было сколько-нибудь весомых оснований для того, чтобы считать отношения между Германией и Финляндией изменившимися в худшую сторону. По публикациям в финской печати было видно, как лояльно она относилась к внешнеполитическим действиям Третьего рейха. В Финляндии в большинстве газет германская агрессия против Польши фактически не вызвала никакого осуждения. «Судя по материалам финской печати, может даже сло-

¹ Documents on Foreign Policy. Ser. D. Vol. VIII. P. 153.

² Ibid. P. 107.

³ Ibid. P. 195.

⁴ UM. 5 C 1. R. Holstin raportti Genevestä, 5.9, 13.9.1939.

⁵ Selén K. C. G. E. Mannerheim ja hänen puolustusneuvostonsa. S. 326–327.

житься такое представление, будто бы находишься в немецком государстве», — так писал 16 сентября в Лондон английский посланник¹.

Финляндское правительство в то время было удовлетворено информацией, полученной из МИД Германии, где говорилось, что Берлин не свяжет себя никаким договором с Советским Союзом, который «противоречил бы» отношениям рейха с Финляндией². Таким образом успокаивая финское руководство, в Берлине откровенно обманывали его, взяв на себя обязательство, зафиксированное в секретном протоколе к договору о ненападении с СССР о невмешательстве в отношения Советского Союза и стран Балтийского региона.

Но изменившуюся геополитическую обстановку в Финляндии смогли все же почувствовать, когда советское правительство предложило Эстонии, Латвии и Литве заключить договоры о взаимопомощи. Согласно этим договорам все три государства превращались в союзников СССР. В результате в Прибалтике должны были быть созданы советские военные базы. Явно обращал на себя внимание тот факт, что такой поворот событий вовсе не тревожил рейх, хотя, как известно, ранее Германия явно заявляла об особых интересах в прибалтийской зоне, всячески пытаясь усилить там свое влияние.

Подписав в конце сентября — начале октября 1939 г. с тремя Прибалтийскими странами желаемые договоры, Советский Союз тем самым изменил соотношение сил в данном регионе. СССР существенно укрепил здесь свои позиции. Это также не могло пройти незамеченным западными экспертами. О реакции на данное событие западной дипломатии можно сделать вывод из суждений У. Черчилля, которые он затем изложил в своих воспоминаниях. Он оценивал происшедшее следующим образом: «...Советская Россия, действуя в духе заключенного ею с Германией пакта, приступила к блокированию всех направлений, ведущих к Советскому Союзу с Запада. Одно из этих направлений проходило из Восточной Пруссии через Прибалтийские государства; второе — через акваторию Финского залива; третье — через Финляндию и Карельский перешеек и заканчивалось на финской границе в пункте, отстоявшем от ленинградских пригородов лишь на двадцать миль». Когда СССР создал свои базы в Прибалтике, заметил Черчилль, «южный путь на Ленинград и половина берего-

¹ Цит. по: *Peltovuori R. Saksa ja Suomen talvisota*. S. 47.

² От пакта Молотова — Риббентропа до договора о базах: Документы и материалы. С. 114.

вой линии Финского залива оказались в кратчайший срок блокированными советскими вооруженными силами на случай германских акций. Оставались открытыми лишь подступы через Финляндию»¹.

Показательно, что в этих действиях Советского Союза в Балтийском регионе ни в Великобритании, ни во Франции не увидели серьезной угрозы своим стратегическим интересам. Об этом свидетельствовали констатации дипломатов и высказывания политиков обеих стран. В оценке, сделанной 18 октября английским послом в Москве У. Сидсом в телеграмме в Лондон, вопрос ставился так: «Против кого, если не против Германии, приняты все эти предосторожности?» Он совершенно определенно тогда указывал, что такие меры направлены лишь «для защиты Кронштадта и Ленинграда»². В свою очередь Э. Галифакс, по словам И. М. Майского, в беседе с ним 16 октября также признал, что договоры СССР с тремя Прибалтийскими республиками «стабилизировали отношения» в Восточной Европе³.

Поступила в Москву также оценка произошедшего из Франции. Из информации, которую передал 19 октября из Парижа советский полпред Я. З. Суриц, становится ясно, что во Франции с пониманием воспринимали подписанные в Москве договоры. Он, в частности, телеграфировал о возобладавшем во французской столице мнении, что балтийская политика СССР, «ослабляя германизм и преграждая ему дорогу на восток, объективно и в перспективе выгодна Франции»⁴.

В целом оценки Британии и Франции, конечно, давались исключительно с учетом собственных интересов. Там были явно заинтересованы в необходимости ослабления их главного противника — Германии. С чисто стратегической точки зрения, как отмечалось на заседании Британского военного кабинета 27 октября, усиление военной мощи СССР на Балтийском море с получением Советским Союзом новых портов «выгодно для Великобритании, так как Германия неизбежно будет вынуждена принимать на Балтике более крупные меры предосторожности», в результате чего ослабит свои военно-морские силы западнее Кильского канала⁵.

Но вместе с тем Великобритания и Франция не были заинтересованы в безраздельном влиянии СССР в Прибалтике. Поэтому из

¹ Churchill W. The Second World War. Vol. 1. P. 424. 426.

² Цит. по: Сиполс В. Я. Тайные документы «странной войны». С. 94.

³ Документы внешней политики. Т. XXII. Кн. 2. С. 191.

⁴ Там же. С. 203.

⁵ Цит. по: Сиполс В. Я. Тайные документы «странной войны». С. 94.

Лондона и Парижа странам этого региона рекомендовали стараться противостоять «нажиму с Востока». 27 сентября начальник отдела Североевропейского департамента МИД Великобритании заявил Грипенбергу: «Интересы Англии требуют, чтобы Финляндия стойко противодействовала тому давлению, которое, возможно, на нее будет пытаться оказывать советское правительство». Эта мысль, по словам финского посланника, высказывалась ему тогда неоднократно¹.

По наблюдениям Грипенберга, у Британии к тому времени проявился повышенный интерес к зоне Балтийского моря, что, по мнению финского дипломата, было чревато превращением Великобритании в серьезный фактор противостояния воюющих держав в данном регионе. «Балтийское море, — докладывал он в Хельсинки 27 сентября, — привлекает к себе внимание английского правительства». В его информации содержалось предположение о том, что «английский флот будет пытаться проникнуть в Балтийское море»².

Именно в такой обстановке в целях заключения договоров о взаимопомощи в Москве проходили переговоры с Эстонией, Латвией и Литвой. Причем сразу же, когда они начались, в финских правительственных кругах возникло мнение, что следующей «по очереди» получит аналогичное предложение участвовать в переговорах Финляндия. К тому же Сталин в ходе переговоров с латвийской делегацией несколько раз обмолвился относительно существующего у Советского Союза интереса к созданию на финской территории в Ханко своей военной базы³.

Таким образом для Финляндии появилась перспектива возобновления прерванных весной 1939 г. переговоров. Причем теперь они явно должны будут иметь официальный характер. Возможность такого поворота событий, естественно, вызывала в Финляндии крайне негативную реакцию. В конце сентября Э. Эркко в беседе с немецким посланником В. Блюхером прямо заявил ему, что если со стороны СССР последует обращение, подобное направленному Эстонии, то Финляндия «никогда не примет» его требований⁴.

Обращение тем не менее от Советского Союза поступило. 5 октября Ирве-Коскинен имел беседу с Молотовым, который заявил ему сле-

¹ UM. 5 C 1. Lontoon-lähetystön raportti, 27.9.1939.

² Ibid.

³ Полпреды сообщают... Сборник документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией. М., 1990. С. 80.

⁴ Documents on German Foreign Policy; Ser. D. Vol. VIII. P. 148.

дующее: «Правительство СССР считает целесообразным обменяться мнениями с финляндским правительством по текущим вопросам советско-финляндских отношений». Далее было добавлено, что дело это является «весьма срочным», поскольку «в Европе идет большая война» и желательно «сделать необходимые выводы», вытекающие из складывавшейся обстановки¹. Для участия в переговорах в Москву был приглашен министр иностранных дел или другое уполномоченное финляндским руководством лицо.

В телеграмме, которая сразу же была передана Ирве-Коскиненем в Хельсинки, содержалось высказанное Молотовым настоятельное пожелание, чтобы ответ был дан к 7 октября. Тогда же по телефону финский посланник запросил МИД ускорить получение из Хельсинки нового шифра для своей корреспонденции, учитывая, таким образом, необходимость получения больших гарантий секретности для явно назревающей интенсивной переписки по поводу предстоящих переговоров².

Финское руководство, получив приглашение посетить Москву, сразу же начало действовать в том направлении, которое было определено до этого. Линия правительства прежде всего заключалась в стремлении не форсировать начало переговоров, «не обращая внимания на требования немедленного ответа»³. Эта позиция диктовалась желанием затянуть переговоры, проводя их так же, как финская сторона это делала в отношении всех прежних переговоров с Советским Союзом.

Подобную тактику поддержали и финские военные. Однако они по-своему отнеслись к поступившему из Москвы известию, квалифицировав перспективу начала переговоров с СССР как возникновение для Финляндии реальной военной угрозы. В такой ситуации, по мнению Маннергейма, на Карельском перешейке концентрация войск должна стать максимальной. Это соображение мотивировалось тем, что Советский Союз «может не дать» финским вооруженным силам «необходимых двух недель, которые потребуются для проведения их мобилизации и сосредоточения...»⁴.

¹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. Л. 1. Д. 3. Л. 89–90; Зимняя война (документы о советско-финляндских отношениях 1939–1940 годов). С. 61–62; Suomen sinivalkoinen kirja. S. 41.

² УМ. 109 А 2. Телефонограмма из Москвы в МИД, 5.10. (19⁰⁰).

³ *Tanner V. The Winter War.* P. 22.

⁴ Цит. по: *Selén K. C. G. E. Mannerheim ja hänen puolustusneuvostonsa.* S. 323.

Мнение маршала о необходимости затягивания переговоров и одновременно ускоренном развертывании войск разделял и министр обороны Ю. Ниукканен. Он высказывался, в частности, за то, чтобы постараться оттянуть отъезд финляндской делегации в Москву «насколько это будет возможно», поскольку «для переброски войск к границе важно использовать каждый час»¹. К тому же из информации, поступившей в финляндский Генштаб, стало известно, что в течение 4–6 октября на участке шоссе на Карельском перешейке между Ленинградом и Белоостровом наблюдалось скопление большого количества автотранспорта, а по железной дороге перемещались эшелоны с военными и оружием².

Вторая задача, которая встала перед финским руководством, заключалась в том, чтобы максимально снизить значимость самих московских переговоров. Поэтому в Хельсинки из Стокгольма 5 октября поздно ночью срочно был вызван находившийся «уже в постели» финский посланник Ю. К. Паасикиви³. Именно ему, человеку, который не занимал тогда сколько-нибудь влиятельных постов в государстве, Э. Эркко лично поручил возглавить финскую правительственную делегацию для переговоров в Москве⁴. Сам же Эркко, разъясняя занятую по этому вопросу позицию, несколько позже сказал зарубежным журналистам, что «место министра иностранных дел — в правительстве страны»⁵. Что же касается Паасикиви, то нельзя сказать, что министр иностранных дел ему очень доверял. Вероятно, как считают некоторые исследователи, Паасикиви в качестве главы финской делегации предложил либо премьер-министр, либо маршал Маннергейм, поскольку существовало мнение, что «Паасикиви являлся авторитетным и опытным политиком, знавшим проблемы русского вопроса еще со времен Тартуских мирных переговоров» 1920 г.⁶ Сам же Эркко прямо затем отметит, что «сожалеет, что согласился и одобрил Паасикиви в качестве переговорщика»⁷.

¹ Цит. по: *Pakaslahti A.* Talvisodan poliittinen näytelmä. S. 129.

² UM. 109 A 10 b. Tiedotus UM:stä pääesikunnalle 10.1939; 109 A 10 a. Muisto. Venäjältä tulleiden matkustajien kertomusta 7.10.1939, J. Nykopp.

³ Ibid. 109 A 2. Телефонграмма из Хельсинки в Стокгольм, 5.10 (23²⁰).

⁴ *Paasikivi J. K.* Toimintani Moskovassa ja Suomessa 1939–41. Os. I. Porvoo, 1958. S. 1–2.

⁵ Цит. по: *Tanner V.* The Winter War. P. 22.

⁶ *Manninen O., Salokangas R.* Eljas Erkko. Vaikenematon valtiomahti. S. 231.

⁷ Цит. по: Ibidem.

Встреча Эркко с иностранными журналистами накануне переговоров была, естественно, далеко не случайной. В финском МИД стремились незамедлительно обратить внимание Запада на переговоры с СССР. Уже тогда по дипломатическим каналам начался процесс выяснения позиции Германии, США, Великобритании, Франции и Швеции. Делалось это с надеждой, что с их стороны будет оказана внешнеполитическая поддержка Финляндии¹.

Таким образом, изначально дипломатическая линия Финляндии, которую в тот момент формировал и осуществлял министр иностранных дел Э. Эркко, заключалась в том, чтобы результат будущих переговоров был аналогичным итогам предшествующих советско-финляндских встреч, происходивших начиная с 1937 г. Этой точки зрения в какой-то степени придерживался и посланник Ирье-Коскинен. Он прямо сообщал по телефону в МИД, что, по его мнению, больших проблем от Советского Союза для финского руководства ожидать еще пока не следует. 6 октября он послал в МИД телефонограмму, в которой отмечал: «Мое мнение: предложение советского правительства — блеф». Поясняя эту позицию, Ирье-Коскинен указал, что не считает советское заявление «значительным», поскольку «я на слово не верю»². Таким образом, от посланника было получено достаточно успокоительное заверение по поводу предстоящих переговоров.

Однако ситуация начала стремительно обостряться. Это смогли почувствовать в финском внешнеполитическом ведомстве уже 7 октября. В тот день вечером Ирье-Коскинен сообщил, что его вновь пригласил к себе Молотов, но говорил уже «в угрожающем тоне», выясняя, почему до сих пор «не поступил ответ»³. В ходе этой беседы Молотов подчеркнул, что «это необычное время и нужно спешить с вопросами улучшения отношений между странами». Далее нарком иностранных дел вел себя крайне категорично. Он заявил, что если финское правительство «не придает серьезное значение переговорам», то «пусть оно прямо скажет» об этом⁴.

¹ См.: *Julkunen M.* Suomi keväästä 1938 talvisotaan // *Kansakunta sodassa.* Os. 1. S. 106–107.

² УМ. 109 А 2. Телефонограмма из Москвы в МИД, 6.10.1939 (23¹²).

³ *Ibid.* Телефонограмма из Москвы в МИД, 7.10.1939 (21⁰⁶); АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. Д. 3. Л. 91. Дневник В. Молотова; Документы внешней политики. Т. XXII. Кн. 2. С. 167.

⁴ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. Д. 3. Л. 93. Дневник В. Молотова.

Столь решительное утверждение было очевидно вызвано не только затягиванием с ответом на советское обращение, но и тем, что в Москву уже сообщили, что финскую делегацию возглавит не министр иностранных дел Э. Эркко, а лишь посланник Ю. К. Паасикиви, который, по словам Ирве-Коскина, сейчас «изучает предварительно документы». Молотов раздраженно на это заметил: «Долго ли он будет их изучать? Он может опоздать»¹.

Какой же смысл Молотов вкладывал в слова «может опоздать»? Во всяком случае, в них содержалось предостережение правительству Финляндии, что СССР не будет мириться с проволочками в вопросе о начале переговоров и в Москве явно недовольны снижением уровня переговоров. Судя по всему, соответствующие инструкции сразу получил и полпред в Хельсинки Деревянский. Уже 8 октября он прибыл к Эркко, с которым повел беседу в жесткой тональности. Прежде всего голосом, «звучавшим как натянутая струна», он поставил вопрос: почему в Москву не едет сам министр иностранных дел², а затем дал понять, что Советский Союз хочет «получить военные базы в районе Балтийского моря» для обеспечения там «господствующего военного положения»³.

Однако явно недипломатическая тональность в разговоре с Эркко, естественно, не могла способствовать достижению успеха. В последовавшем Деревенскому ответе сразу было решительно заявлено, что «если Советский Союз попытается оказать давление, то получит сильный отпор»⁴. Кроме того, финский министр заметил, что никакого скорого ведения переговоров ожидать в Москве не следует, поскольку все важнейшие решения «должны утверждаться правительством и парламентом»⁵.

В кругах советского руководства, естественно, пытались понять, почему три Прибалтийских государства — Эстония, Латвия и Литва — сравнительно легко и быстро пошли на переговоры с СССР и согласились заключить предлагаемые советской стороной договоры, а Финляндия оказывала явное противодействие. Объяснение искали главным образом в том, что за этим скрывалась поддержка держав

¹ Там же.

² *Paasikivi J. K. Toimintani Moskovassa ja Suomessa 1939–41. Os. I. S. 3; Linkomies E. Vaikea aika. S. 41; Подробно см.: Suomen sinivalkoinen kirja. S. 42–44.*

³ УМ. Са 8. Valtioneuvoston salaiset pöytäkirjat. УМ:n esittelystä, № 43/564.

⁴ *Pakaslahti A. Talvisodan poliittinen näytelmä. S. 128–129.*

⁵ *Paasikivi J. K. Toimintani Moskovassa ja Suomessa 1939–41. Os. I. S. 3.*

Запада. Из потока информации, которая поступала по дипломатическим и разведывательным каналам в СССР, особое внимание обращалось на те сообщения, в которых содержались сведения, характеризовавшие связи Финляндии с США, Англией, Францией, Германией и Скандинавскими странами.

Придавалось, в частности, значение «неоднократным совещаниям» Э. Эркко с английским посланником в Хельсинки Т. Сноу. В информации, поступившей в Наркомат иностранных дел, сообщалась, что Сноу рекомендовал Финляндии не идти «ни на какие уступки Москве» и драться «в случае ультимативных требований советского правительства». В этом же донесении указывалось о заверении английского дипломата, что «Англия со своей стороны поможет»¹.

Кроме того, Берия отправил Сталину, Молотову и Ворошилову информацию о том, что 7 октября посол США в Москве начал искать возможность сообщить финляндскому правительству «о недопущении заключения договора о взаимопомощи с СССР». В последующем донесении было также сообщено, что из Вашингтона рекомендуют Финляндии «оттянуть поездку [в Москву на переговоры. — В. Б.] министра под различными предложениями»².

Сопоставление этих сведений с позицией правительства Финляндии по поводу переговоров лишь убеждало советское руководство в том, что в Хельсинки принимались решения в соответствии с рекомендациями из-за рубежа. К тому же Берия вскоре сообщил, что Эркко 10 октября в выступлении на заседании Комиссии парламента по иностранным делам категорично заявил: «Мы не на какие уступки СССР не пойдем и будем драться во что бы то ни стало, так как нас обещали поддержать Англия, Америка и Швеция»³.

В действительности же, однако, внешнеполитическая позиция Финляндии на Западе была достаточно сложной. Хотя в этот период наблюдалась очевидная поддержка Финляндии, каких-либо гаран-

¹ Документы внешней политики. Т. XXII. Кн. 2. С. 171.

² РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1240. Л. 105, 106. Информация Л. П. Берия, 10.10.1939; Зимняя война. 1939–1940 гг. в рассекреченных документах Центрального архива ФСБ России и архивов Финляндии. С. 161.

³ Цит. по: *Manninen O., Salokangas R. Eljas Erkko. Vaikenematon valtiomahti. S. 238–239.* На это заявление сразу же обратили внимание в Москве. См: РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1240. Л. 78. Информация Л. П. Берия, 12.10.1939; Зимняя война. 1939–1940 гг. в рассекреченных документах Центрального архива ФСБ России и архивов Финляндии. С. 163.

тий помощи от стран Запада финскому руководству получить не удалось.

Несмотря на то что как в Лондоне, так и в Париже после получения известий о готовящихся в Москве переговорах с Финляндией проявлялась тенденция к оказанию давления на Советский Союз¹, но это не означало готовности этих стран открыто поддержать Финляндию. Их политика сообразовывалась с ранее сделанными заявлениями представителей английской и французской дипломатии в отношении политики в Балтийском регионе. Как заметил профессор Туомо Полвинен, для них Финляндия «как таковая не имела особого значения»². Важнее для «держав западной демократии» было другое: спровоцировать на почве осложнения советско-финляндских отношений противоречия между Москвой и Берлином, сместив в конечном счете военный конфликт с западного направления на восточное. По словам финского посланника в Лондоне Г. А. Грипенберга, там весьма назойливо внушали, что Финляндия более решительно «должна оказывать противодействие» Москве³.

Линию жесткого противостояния Финляндии Советскому Союзу одобряли и в Вашингтоне⁴. 8 октября финляндский посланник в США Х. Прокопé телеграфировал в Хельсинки Э. Эркко, что президент Ф. Рузвельт устно дал обещание относительно моральной и дипломатической поддержки Финляндии в ее противодействии «требованиям России»⁵.

Вместе с тем позднее американская позиция была скорректирована. Из советского полпредства в США докладывали, что Соединенные Штаты не станут до предела обострять отношения с СССР, поскольку «Рузвельт тем самым подорвал бы в сильной степени свой престиж президента, установившего эти отношения»⁶.

Что касалось Швеции, то она, несмотря на доброжелательность по отношению к Финляндии, была довольно осторожна в официальном

¹ *Nevakivi J.* Apu jota ei pyydetty. Hels., 1972. S. 49.

² *Полвинен Т.* Финляндия в международной политике до «зимней войны». С. 189.

³ *Gripenberg G. A.* Lontoo — Vatikaani — Tukholma. Suomalaisen diplomaatin muistelmia. Porvoo, 1960. S. 79–80.

⁴ *Sobel R.* The Origin of interventionism. The United States and Russo-Finnish War. New York, 1960. P. 74; *Berry M. R.* American Foreign Policy and the Finnish Exception. Ideological preferences and wartime realities. Hels., 1987. P. 66.

⁵ УМ. А 10 б. Вашингтонин—lähetystön raportti, 8.1.1939.

⁶ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. Л. 15. Д. 158. Л. 214. Донесение советского полпредства в США, 1939.

выражении своего мнения о ведении в Москве переговоров. Это происходило даже несмотря на то, что шведская печать допускала весьма резкие выступления по адресу Советского Союза. «Пресса полна статей о Финляндии с подчеркиванием общности интересов Финляндии и скандинавских стран», — сообщала тогда из Стокгольма А. М. Коллонтай, добавляя при этом, что в результате «создалась нервная атмосфера»¹.

Но при постановке Э. Эркко перед своим шведским коллегой Р. Сандлером вопроса о совместном размещении финских и шведских войск на Аландских островах из Стокгольма последовал ответ, что сотрудничество между Финляндией и Швецией в данном случае было бы все же «опасным»².

Думая о том, как бы не нанести ущерб своей собственной стране и не бросить тень на провозглашенную политику нейтралитета, в Стокгольме хотели, чтобы Финляндия нашла опору не у Швеции, а у других государств. В данном случае имелась в виду Германия. Финской дипломатии оказывалось при этом содействие различными путями. В частности, шведский посланник в Берлине А. Рикерт, руководствуясь указаниями своего правительства, в начале октября обратил внимание МИД рейха на «очень серьезную ситуацию, которая может возникнуть в Балтийском регионе, если Россия попытается предъявить требования, создающие угрозу независимости Финляндии...»³. Тогда же произошла встреча шведского эmissара Свена Хейдина с А. Гитлером. Причем фюрер явно стремился успокоить шведского посланца. Он сказал, что «не допускает возможного вовлечения Финляндии в войну с Россией», и выразил мнение, что «требования русских не пойдут очень далеко»⁴.

О контактах шведских представителей с германским руководством, конечно же, информировали финляндское правительство. Но все эти сведения не меняли создаваемой в Хельсинки весьма иллюзорной по своей сути картины. В частности, 10 октября из рейха посланник А. Вуоримаа докладывал в Хельсинки, что, по данным его шведского коллеги, СССР «в настоящее время не хочет», чтобы у него «произошел военный конфликт» с Финляндией⁵. При этом личные попытки

¹ Документы внешней политики. Т. XXII. Кн. 2. С. 181.

² *Manninen O.* Suomi toisessa maailmansodassa // Suomen historia. Os. 7. Espoo, 1987. S. 279.

³ Documents on German Foreign policy. Ser. D. Vol. VIII. P. 248.

⁴ Ibid. P. 293.

⁵ UM. 5 C 5. Berliinin-lähetystön raportti, 10.10.1939.

Вуоримаа выяснить позицию Германии оказывались малоэффективными. В Берлине ему всего лишь давали совет, чтобы «Финляндия постаралась добиться решения проблем с Россией миролюбивым способом»¹.

Вместе с тем Хельсинки возлагали надежды, что более действенная поддержка будет оказана Финляндии со стороны Скандинавских государств. Бывший президент Финляндии П. Э Свинхувуд выступил с идеей направить специальное обращение к северным странам. Он также выразил уверенность, что лично король Швеции возьмет на себя в данном случае руководящую роль. Одновременно Свинхувуд решил по собственной инициативе выехать в Германию, где у него, как считалось, были давние связи с влиятельными политическими и военными деятелями. Задача этого визита состояла в том, чтобы заручиться у них поддержкой «финской политики противостояния Советской России»².

Наряду со Свинхувудом предполагалось отправить в Берлин также бывшего премьер-министра германофила Т. М. Кивимяки. Но он не решился предпринять эту поездку, сославшись на вполне разумный аргумент, что «если Россия получила свободу действий, то ей не воспрепятствуют»³. Эркко, однако, верил, что в данный момент «Финляндия, тем не менее, может ожидать поддержки от дружественной Германии в противостоянии Советскому Союзу»⁴.

Определенные надежды он возлагал на немецкого посланника В. Блюхера, который действительно старался оказать всяческое содействие Эркко. Уже 6 октября, как только в Финляндии было получено сообщение из Москвы относительно предложения о переговорах, Э. Эркко встретился с В. Блюхером. В состоявшейся беседе финский министр иностранных дел старался провести мысль, что ведение переговоров в Москве не только неблагоприятно для Финляндии, но может также повредить позиции рейха в военно-политическом отношении. В силу этого Эркко хотел выяснить у немецкого руководства, «получит ли Финляндия какую-либо поддержку от Германии»⁵.

Естественно, Блюхер должен был связаться с Берлином. Но в столице рейха с учетом заключенного с СССР договора занимали осто-

¹ Documents on German Foreign Policy. Ser. D. Vol. VIII. P. 247.

² Ibid. P. 255, 269.

³ КА. Т. М. Kivimäen kokoelma. Т. М. Kivimäki kertanut, 4.4.1960.

⁴ *Pakaslanti A.* Talvisodan poliittinen näytelmä. S. 158.

⁵ Documents on German Foreign Policy. Ser. D. Vol. VIII. P. 231.

рожную позицию. 7 октября Блюхером была получена от Риббентропа строго секретная телеграмма, в которой он был проинформирован в отношении содержания советско-германской договоренности о разделе «сфер взаимных интересов в Восточной Европе». В документе особо отмечалось, что Финляндия не входит «в сферу интересов Германии». Телеграмма заканчивалась фразой: «От каких-либо разъяснений по упомянутой тематике прошу и в дальнейшем воздерживаться»¹.

Тем не менее Блюхер стремился как-то воздействовать на свое руководство. В эти дни он писал в Берлин: «Призывами о помощи начинают давить на меня со всех концов. Политические и военные лидеры понимают, что мы не можем дать какую-нибудь военную помощь, как в 1918 году [имелась в виду германская интервенция в Финляндию. — В. Б.], они только просят, чтобы мы не оставили их в Москве совершенно без поддержки и совета»². Во всяком случае, Блюхер рекомендовал «повлиять на советское правительство, чтобы оно не переходило за рамки требования получить острова»³.

Видимо, именно эта дружественность немецкого посланника магически влияла на надежды Эркко на благосклонное отношение Германии в складывающейся вокруг Финляндии ситуации. Однако как свидетельствовали последующие события, в Берлине не были склонны к тому, чтобы вести с советским руководством какое-либо обсуждение по «финляндскому вопросу». Сохранение доверия СССР к Германии было для Гитлера явно важнее.

В целом ясных перспектив относительно возможности получения дипломатической помощи Финляндией от стран Запада у финского руководства не было. Более того, в финляндском обществе начала нарастать тревога. «Люди осознали, — как по этому поводу заметил в своих воспоминаниях В. Таннер, — что им угрожает одна общая опасность»⁴. Это осознание во многом достигалась благодаря деятельности средств массовой информации. Уже с 7 октября финская пресса начала публиковать тревожные сведения о предстоящих переговорах. Из советского полпредства в Хельсинки доносили тогда в Москву: «Вся пресса от коалиционной до социал-демократической к переговорам относится враждебно. Общее направление печати: поднять

¹ Documents on German Foreign Policy. Ser. D. Vol. VIII. P. 238.

² Ibid. P. 251.

³ *Peltovuori R.* Saksa ja Suomen talvisota. S. 51.

⁴ *Tanner V.* The Winter War. P. 24.

патриотический дух, разжечь ненависть к СССР, создать видимость непосредственной угрозы захвата Финляндии со стороны СССР»¹.

При этом финское правительство не предпринимало каких-либо усилий, направленных на ослабление напряженности. Активную роль в нагнетании обстановки сыграли известные политики и государственные деятели. Они в своих публичных заявлениях усугубляли нарастающее чувство тревоги в финском обществе. Так, в частности, 8 октября В. Таннер, выступая перед членами социал-демократической партии, прямо заявлял, что «перед нашей страной может стать вопрос о ее независимости и будущем существовании»².

О господствующих тогда в Хельсинки общественных настроениях, естественно, докладывали и из советского полпредства. В обзоре ситуации в Финляндии, подготовленном тогда в Наркомате иностранных дел, сообщалось: «...еще до отъезда Паасикиви в Москву через правительство распространяется слух о непосредственной опасности со стороны СССР. Из городов стали спешно эвакуироваться вглубь страны и в Швецию буржуазия и их семьи... Эвакуация приняла массовый и панический характер»³. Причем эта информация не являлась преувеличением или сгущением красок. Донесения аналогичного характера посылал также в Берлин и В. Блюхер. Он писал: «...население находится в состоянии паники, многие покидают Хельсинки и направляются в Западную Финляндию». В другом случае он даже передавал своему руководству, что и «финское правительство намеревается покинуть Хельсинки»⁴.

Министерство иностранных дел Финляндии тоже внесло свою лепту в распространение тревожных настроений. Оно довело до сведения представительств зарубежных государств экстренное уведомление, что «на тот случай, если финляндское правительство найдет нужным покинуть Хельсинки и переехать в другое место, план эвакуации уже разработан». Вместе с тем зарубежные дипломаты ставились в известность, что «в Хельсинки и Выборге началась добровольная эвакуация»⁵.

¹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. Л. 18. Д. 195. Л. 139–140. Справка: «К краткому обзору событий по Финляндии с 7 по 17 октября 1939 г.».

² *Tanner V. The Winter War. P. 24.*

³ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. Л. 18. Д. 184. Л. 84–85. Обзор событий в Финляндии с 7 по 17.10.1939.

⁴ *Documents on German Foreign Policy. Ser. D. Vol. VIII. P. 251, 268.*

⁵ УМ. 109 А 9 С. Ilmoitus ulkomaan lähetystöille, 11.10.1939; АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 18. Д. 182. Л. 29. Циркулярная нота МИД Финляндии, 10.10.1939.

Именно в такой атмосфере 9 октября в Хельсинки проходило закрытое заседание Государственного совета, на котором была утверждена инструкция для делегации, готовившейся выехать в Москву. К началу этого заседания в финских государственных учреждениях уже имелись сведения, что «из Кремля распространяются слухи, согласно которым советское правительство будет предлагать Финляндии получение прав на аренду внешних островов»¹. Учитывая это, но не зная еще существования советских предложений, финляндское политическое и военное руководство ориентировочно выработала линию поведения своей делегации в начале переговоров.

Прежде всего четко был определен состав финской делегации. В него вошли: Ю. К. Паасикиви в качестве руководителя, а также начальник отдела МИД Ю. Ньюкопп, полковник Генерального штаба А. Паасонен и посланник в Москве А. С. Ирве-Коскинен. Исходным положением для ведения переговоров, согласно докладу Э. Эркко, являлось то, что «правительство Финляндии сразу [подчеркнуто в документе. — В. Б.] не даст ответа на просьбу Советского Союза, а направит своих представителей для обмена мнениями по поводу выдвигаемых предложений»².

Самой же делегации предписывалось действовать твердо и решительно. «Первой главной целью переговоров, — по полученным Ю. К. Паасикиви установкам, — было выяснить, что выдвигает перед нами Советский Союз»³. Кроме того, предлагалось категорически отвергнуть возможные предложения о создании на финской территории советских военно-морских баз и о переносе границы на Карельском перешейке. Далее финские участники переговоров не должны были идти на обсуждение вопроса об острове Суурсаари и о заключении договора о взаимопомощи между обеими странами, сославшись на то, что «это противоречит политике нейтралитета Финляндии»⁴. Единственно допустимым в ходе ведения переговоров считалось рассмотрение предложения об островах Сейскари, Лавансаари и Тютерсаари в Финском заливе, находящихся рядом с Суурсаари. Но принять это предложение допускалось лишь при условии получения согласия на передачу Финляндии части советской территории в Карелии (район Реболы и Поросозера), а также в Заполярье — на полуостров Рыбачий⁵.

¹ УМ. 109 А 2. Сообщение, направленное в генеральный штаб, 9.10.39 (14¹⁷).

² Ibid. Са 8. Valtioneuvoston salaiset pöytäkirjat УМ:n esittelystä, № 43/564.

³ Paasikivi J. K. Toimintani Moskovassa ja Suomessa 1939–41. Os. I. S. 19.

⁴ УМ. Са 8. Valtioneuvoston salaiset pöytäkirjat УМ:n esittelystä, № 43/564.

⁵ Suomen sinivalkoinen kirja. S. 46.

Данные на Государственном совете установки, как это показали переговоры в Москве, довольно точно определяли круг тех вопросов, которые были поставлены с советской стороны. Объективно они парализовали деятельность финской правительственной делегации. Как заметил по этому поводу в своих воспоминаниях Ю. К. Паасикиви, в руководстве Финляндии «жили в довольно наивной вере и мечтах», и далее грустно подчеркнул: «В таких представлениях для меня готовили в октябре 1939 г. установки для московских переговоров»¹.

Очевидно, в Хельсинки расчет делался прежде всего на договоренности и соглашения, которые Финляндия имела с СССР, начиная с договора о мире 1920 г. и заканчивая договором о ненападении, подписанным в 1932 г. и продленном на десять лет в 1934 г. «Юридически и морально, — заметил Ю. К. Паасикиви, — позиция Финляндии являлась безусловно прочной»². Более того, в финском руководстве не отбрасывали и перспективу получения поддержки западных государств. Неслучайно поэтому 9 октября из Хельсинки в финские представительства 11 стран мира было отправлено экстренное сообщение. В нем говорилось: «Министр иностранных дел не направится в Москву... Правительство решило направить Паасикиви... Важнейших сведений относительно вопросов, которые намерена поставить Россия, нет... Поскольку существуют сведения о срыве переговоров, то это означает, что Россия выдвигает такие положения, которые Финляндия не сможет обсуждать...»³ Иными словами, в сообщении содержался призыв к зарубежным странам обратить внимание на советско-финляндские переговоры в Москве и подчеркивалось, что Финляндия на большие уступки Советскому Союзу идти не собирается.

И действительно, накануне переговоров США, Швеция, Дания и Норвегия официально выразили руководству СССР надежду, что «Советский Союз не предъявит Финляндии никаких таких требований, которые бы находились в противоречии с сохранением дружественных и мирных отношений между обеими странами»⁴.

Это участие Запада в советско-финляндском переговорном процессе, безусловно, не могло не вызвать в Москве новых подозрений,

¹ *Paasikivi J. K. Toimintani Moskovassa ja Suomessa 1939–41. Os. I. S. 16.*

² *Ibid. S. 17.*

³ УМ. 109 А 10с. Minister for Finland, 9.10.1939 (Берлин, Брюссель, Вашингтон, Копенгаген, Лондон, Осло, Париж, Рига, Рим, Стокгольм, Токио).

⁴ *Paasikivi J. K. Toimintani Moskovassa ja Suomessa 1939–41. Os. I. S. 39; Документы внешней политики. Т. XXII. Кн. 2. С. 179.*

что не предвещало легкости в проведении переговоров. По этому поводу советский посланник в Швеции А. М. Коллонтай заметила: «Я думаю, что их демарш может только раздражить наших [советское руководство. — В. Б.], мы не любим вмешательства ни с чьей стороны»¹. Но реакция на «интерес» Запада к началу переговоров у правительства СССР была достаточно спокойная. Молотов заявил, что предстоящие переговоры в Москве «имеют цель улучшения дружественных отношений между Финляндией и СССР и урегулирование связанных с этими отношениями вопросов»².

Показательно, что в Хельсинки, скажем, об американской ноте узнали раньше, чем она прибыла в Москву. 10 октября президент США Ф. Рузвельт пригласил к себе в Белый дом финского посланника Х. Прокопé и сообщил ему, что телеграфирует Молотову, чтобы тот не доводил дело до обострения отношений с Финляндией и что США «не хотят, чтобы война охватила весь Прибалтийский регион»³. Это, естественно, ободрило финское правительство. Эркко сразу заявил, что «Финляндия не может согласиться ни с каким нажимом...». В свою очередь премьер-министр Каяндер выразился еще более воинственно и решительно: «Мы будем стойко защищать свой нейтралитет»⁴.

Буквально в считанные дни советско-финляндские отношения стали крайне напряженными и явно были омрачены взаимной подозрительностью. В откровенно демонстративных целях по приказу наркома обороны Ворошилова 9 октября, в день выработки в Хельсинки инструкций для московских переговоров, советские самолеты проникли в воздушное пространство Финляндии. Два звена истребителей в течение 45 минут летали над Карельским перешейком на значительной высоте (более тысячи метров). Финская зенитная артиллерия вела по ним огонь, а начальник пограничной охраны Карельского перешейка немедленно доложил об этом в Министерство иностранных дел Финляндии⁵.

Появление в воздушном пространстве соседней страны советских самолетов, безусловно, являлось попыткой оказать давление на правительство Финляндии, поскольку в Москву тогда мощным потоком

¹ Коллонтай А. М. Дипломатические дневники 1922–1940. С. 462.

² Документы внешней политики. Т. XXII. Кн. 2. С. 180.

³ УМ. 109 А 10 б. J. Prokopin muistipaino, 4–14.10.1939.

⁴ Цит. по: Frietsch C. O. Suomen kohtalonvuodet. S. 75; АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. Л. 18. Д. 184. Л. 85. Обзор событий в Финляндии с 7 по 17.10.1939.

⁵ РГВА. Ф. 25888. Он. И. Д. 17. Л. Приказ НКО. 9.10.1939; УМ. 109 А 8. Sähke rajaselkauksesta — УМ, 9.10.1939.

шла информация о неоднозначном отношении финской стороны к советским предложениям. Руководству СССР докладывались двоякого рода сведения относительно общественных настроений, проявившихся в связи с готовившимся отъездом в Москву финской делегации. С одной стороны, сообщалось, что среди различных слоев населения положительно оценивается необходимость проведения переговоров с Советским Союзом и высказывается «недовольство тем, что представители финского правительства не едут в Москву»¹. С другой — передавались донесения о нарастании антисоветских настроений. Отмечалось, что «всякого, кто поднимает вопрос об уступках СССР, считают чуть ли не государственным преступником». Стало известно также, что в военных кругах был выдвинут призыв «Биться до последнего солдата!»².

Вечером 9 октября ко времени отъезда финляндской делегации тысячи людей собрались на хельсинкском вокзале. В донесении, переданном по линии НКВД, сообщалось: «Была устроена демонстрация, где выступавшие говорили, что Финляндия не должна идти на уступки Союзу ССР. Охрана полпредства СССР в Хельсинки максимально усилена полицейскими, переодетыми в штатское платье...»³

Все это свидетельствовало о том, насколько была накаленной общественно-политическая обстановка в Финляндии. Не учитывать ее советское руководство не могло. Было очевидно, что в ходе переговоров какое-либо давление на финскую делегацию не могло привести к положительному результату. Требовалось достижение компромисса. Сталин принял решение непосредственно участвовать в переговорах.

Это было весомым подтверждением того, что советское руководство не собиралось отступать от поставленной цели. О реакции в Москве на царящие тогда в Финляндии настроения дает представление беседа с бельгийским посланником Г. Хейндриком заместителя наркома иностранных дел В. П. Потемкина. «К сожалению, — сказал Потемкин, — под очевидным воздействием иностранной агитации Финляндия, еще не зная, каковы наши предложения, подняла крик

¹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1240. Л. 18. Сообщение секретаря военного атташе в Финляндии, 10.10.1939; РГА ВМФ. Ф. Р-1883. Оп. 1. Д. 640. Л. 3. Бюллетень военных известий, 4.10.1939.

² РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1240. Л. 18; Военная разведка информирует. Документы Разведуправления Красной Армии. Январь 1939 — июнь 1941 г. С. 197.

³ Пограничные войска СССР. 1939 — июнь 1941. С. 47.

о готовящемся якобы покушении на ее независимость... и стала готовиться к вооруженной борьбе. Само собой разумеется, мы постараемся рассеять напрасные страхи Финляндии. Однако если она будет упорствовать в своей непримиримой позиции и отвечать на наши миролюбивые предложения бряцанием оружия и чуть ли не мобилизацией своих вооруженных сил, это может закрыть путь к нашему мирному соглашению с финляндским правительством и создать нежелательные осложнения во взаимоотношениях этой страны с Советским Союзом»¹.

Основная направленность переговоров с Финляндией, по мнению советского правительства, должна была заключаться в решении проблемы обеспечения надежной обороны Ленинграда с моря и со стороны Карельского перешейка. Однако уверенности в том, что с финляндской стороны будет проявлено желание договориться с Советским Союзом, не было. Это показали как предшествовавшие переговоры, которые в 1938–1939 гг. вели Рыбкин и Штейн, так и сложившаяся в Финляндии обстановка.

Отсутствие такой уверенности побудило советское руководство предусмотреть меры военного характера. Это видно хотя бы из того, что нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов 5 октября (в день направления правительству Финляндии приглашения на переговоры в Москве) дал указание Военному совету Балтийского флота разработать операцию по захвату островов Биеркэ (Койвисто), Гогланд (Суурсари), Лавансаари, Сейскари, Большой и Малый Тютерсаари². Речь шла об островах, относительно которых ранее не удавалось договориться с Финляндией, а также об острове Биеркэ (сов. название Большой Березовый), являвшемся весьма важным для защиты единственного фарватера, связывавшего Кронштадт с Ленинградом.

В целом руководству Ленинградского военного округа из Генштаба начали поступать более четкие указания. Однако не следует предполагать, как это делают отдельные исследователи, что уже тогда в Москве больше думали не о переговорах с финской делегацией, а лишь о промежуточном шаге, который должен затем привести «к подготовке решения конфликта военным путем»³.

¹ Документы внешней политики. Т. XXII. Кн. 2. С. 182.

² РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Он. 1. Д. 80. Л. 11; Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 448. Л. 35. Директива НК ВМФ, 5.10.1939.

³ См., например: *Килин Ю. М.* Карелия в политике советского государства 1920–1941. Петрозаводск, 1999. С. 175; *Балашов Е. А.* «Освобождение» Финляндии. 1939–1940. СПб., 2020. С. 99.

В целом с прибытием утром 11 октября финской делегации в Москву в советско-финляндских отношениях наступил весьма ответственный этап, на котором либо должны были быть устранены существующие противоречия, либо мог наступить острый межгосударственный кризис, опасность которого обуславливалась начавшейся Второй мировой войной. Таким образом, дело в большей степени зависело не от тонкостей дипломатии, а от принципиальных позиций правительств обеих стран, от их готовности решительно идти или не идти на какие-либо компромиссы. То, что Германия уклонилась от попыток вмешательства в складывавшуюся между Финляндией и Советским Союзом ситуацию, а скандинавская солидарность оказалась довольно слабой, теперь не могло не учитываться в Хельсинки.

Первый этап советско-финляндских переговоров

Переговоры начались 12 октября в Кремле в кабинете наркома иностранных дел В. М. Молотова. В просторном помещении, писал впоследствии участник переговоров полковник А. Паасонен, стоял большой письменный стол, к нему примыкал другой — длинный, покрытый зеленым сукном. «Сталин сидел во главе его, а вдоль длинных сторон стола места заняли Молотов, заместитель наркома иностранных дел Потемкин, а также посланник Советского Союза в Хельсинки Деревянский. Мы, финны, сели напротив них. Ньюкопп и я приступили к составлению протокола, но с противоположной стороны его вести не стали»¹.

Судя по всему, личное присутствие на переговорах Сталина диктовалось необходимостью достигнуть быстрого эффекта. Вскоре после отъезда, уже вдогонку финской делегации, в Москву была отправлена из советского полпредства в Хельсинки срочная совершенно секретная телеграмма. «Правительство [Финляндии. — В. Б.], — сообщалось в ней, — во время переговоров сделает все для того, чтобы затянуть их»². Этого советское руководство стремилось избежать. Таким образом, присутствие Сталина на переговорах должно было повысить их уровень.

В данных условиях члены финляндской делегации не могли не предполагать, что встретят жесткий прием и категоричность выдви-

¹ *Paasonen A.* Marsalkan tiedustelupäällikkönä ja hallituksen asiamiehenä. Hels., 1974. S. 51.

² Документы внешней политики. Т. XXII. Кн. 2. С. 184.

гаемых советских предложений. Но все складывалось по-другому. Как отмечали финские историки, атмосфера на переговорах была деловой и вовсе не давала повода думать, что Советский Союз может прийти к военному решению рассматриваемых на них проблем¹. Действительно, к началу переговоров советской стороной были подготовлены различные варианты (минимум и максимум) возможных уточнений в предлагаемых для обсуждения вопросах².

Делегация СССР с самого начала заявила, что «главную заботу Советского Союза в переговорах с финляндским правительством

¹ *Julkunen M.* Suomi keväästä 1938 talvisotaan. S. 106; см.: *Jussila O.* Talvisota Stalinin päivänuissa // *Kanava.* 1989. № 6. S. 346.

² Два варианта изменения границы, подготовленных СССР к переговорам по территориальным вопросам с финляндской правительственной делегацией (составлено не позднее начала октября 1939 г.).

По территориальным вопросам на переговорах с финляндской правительственной делегацией у СССР было два варианта изменения границы:

<i>План минимум</i>	<i>План максимум</i>
Финляндия уступает восточную часть Выборгской губернии по линии: Местерярви — Калленярви — Пюхярви — Коневец.	Финляндия уступает часть Выборгской губернии к востоку от линии: Сяккярви — Яски — Париккала.
Финляндия уступает в Финском заливе о-ва: Лавансаари, Пиенинсаари, Сейскари.	Финляндия уступает острова в Финском заливе, кроме того, также Суурсаари, Руускери, Большой и Малый Тютярсаари.
Финляндия уступает западную часть п-ва Рыбачий.	Финляндия полностью уступает Петсамо.
Финляндия предоставляет СССР право строить морскую и воздушную базы на Суурсаари и Ханко (район Лаппохья).	Финляндия предоставляет СССР право строить морскую и воздушную базу на Ханко (район Лаппохья).
Финляндия обязуется не укреплять без согласия СССР Аландские острова и предоставляет в этой связи право контроля (в лице особой военно-морской комиссии, периодически направляемой на острова).	То же, что и в плане «минимум».

Два варианта договора о взаимопомощи между СССР и Финляндией (отвергнут 12 октября 1939 г.)

<i>План максимум</i>	<i>План минимум</i>
Договор касается прямой агрессии или угрозы агрессии крупных европейских держав со стороны Балтийского моря или Северного Ледовитого океана.	То же, что и в плане «максимум».

составляют два момента: а) обеспечение безопасности г. Ленинграда, б) уверенность в том, что Финляндия будет стоять прочно на базе дружественных отношений с Советским Союзом»¹.

СССР помогает армии и флоту Финляндии, продавая оружие и военные материалы по выгодной цене.	То же, что и в плане «максимум».
Финляндия предоставляет СССР в аренду Ханко (включая район Лаппоухья) для военно-морской базы и отдельных аэродромов с правом размещения гарнизона сухопутных и воздушных сил, предельная численность которого должна быть согласована. СССР получает право построить военно-морскую базу в Петсамском заливе и установить береговую артиллерию на финском побережье Баренцева моря, а также разместить сухопутные и воздушные силы в Лапландской губернии.	Финляндия предоставляет СССР в аренду Ханко (включая район Лаппоухья), и остров Рыбачий для военно-морской базы и отдельных аэродромов с правом размещения гарнизона сухопутных и воздушных сил, предельная численность которых должна быть согласована.
Финляндия передает в аренду СССР острова в Финском заливе: Руускери, Суурсаари, Малый и Большой Тютяrsaари, Пенисаари, Сейскари. СССР имеет право размещать на этих островах военно-морские базы и аэродромы, а также гарнизоны сухопутных и воздушных сил.	Финляндия передает в аренду СССР острова Суурсаари, Лавансаари, Пенисаари и Сейскари.
СССР получает право размещать войска, строить склады и иметь аэродромы в Выборгской губернии в восточной части от ее границы по линии: Сякиярви — Нурми — Яаски — Париккала. На этой прибрежной территории СССР имеет право на военно-морские базы и аэродромы.	СССР получает право размещать войска, строить склады и иметь аэродромы на Карельском перешейке южнее: линии Местерярви — Каннельярви — Пюхярви — Коневец. Места расположения и численность войск согласуются особо.
Места дислокации и численность войск определяются особым согласованием.	То же, что и в плане «максимум».
Финляндия не имеет права без согласия СССР укреплять Аландские острова и разрешает советской контрольной комиссии посещать острова по усмотрению СССР.	То же, что и в плане «максимум».
Страны не заключают никаких договоров и не присоединяются к союзам, которые направлены против другой договаривающейся стороны.	То же, что и в плане «максимум».

(Барышников В. Н. Финляндия и Советский Союз: к вопросу об обстоятельствах и времени принятия в СССР решения о начале войны против Финляндии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. Вып. 2. 2016. С. 30–31; Зимняя война 1939–1940. Кн. 1: Политическая история. С. 119).

¹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 18. Д. 191. Л. 3; Зимняя война. С. 62.

Прежде всего, исходя из указанных целей, было внесено предложение рассмотреть возможность закрепления советско-финляндских отношений новым договором. В одной из записей начавшихся переговоров, подготовленной представителем финского Генштаба, подробно раскрывался характер этой встречи: «...Сталин спросил, готова ли делегация к переговорам о возможном заключении договора об оборонительном союзе между Советским Союзом и Финляндией. Когда делегация на это ответила, что правительство Финляндии, заранее обсудившее возможность возникновения в Москве такого вопроса, не уполномочило нашу делегацию вести переговоры о подобном соглашении, Сталин заявил, что в этом случае Советский Союз вынужден предложить обмен некоторыми территориями, имея прежде всего в виду обеспечение безопасности Ленинграда»¹.

Иными словами, никакой настойчивости в отношении военного договора с Финляндией советской делегацией проявлено не было. В этом, несомненно, чувствовалось стремление учесть мнение противоположной стороны и все же договориться по волнующим СССР вопросам путем выработки приемлемого для обеих сторон компромиссного решения. Более того, глава финской делегации даже тогда заметил, что у Сталина не проявлялось стремления придерживаться в переговорах с Финляндией того же подхода, что и с Прибалтийскими государствами. Паасикиви впоследствии говорил об этом так: «Сделанные нам Сталиным предложения осенью 1939 г. были совсем иными, чем Балтийским странам... Сталин сразу отказался от обсуждения со мной двухстороннего договора о взаимопомощи»². Действительно, договоры с Литвой, Латвией и Эстонией строились именно на необходимости подписания военно-политического союза с СССР.

На финских переговорах, в отличие от переговоров с делегациями Прибалтийских государств, Сталин высказывался за то, чтобы осуществить обмен территориями. Он предлагал Финляндии отодвинуть границу от реки Сестры в западной части Карельского перешейка на 50–70 километров, что, по мнению советского руководства, давало возможность создать необходимые условия для обеспечения безопасности Ленинграда с севера и вместе с тем не затрагивало имевшуюся там финскую систему укреплений. С переносом границы предусматривалось предоставление территориальной компенсации Финляндии

¹ Цит. по: *Кекконен У. К.* Финляндия и Советский Союз. С. 170.

² *Tanner V.* Kahden maailmansodan välissä. S. 255.

в Советской Карелии в районах Реболы и Поросозеро. В результате такого обмена Финляндия потеряла бы 2761 км² своей территории, но приобретала 5529 км², то есть вдвое больше. Кроме того, был поставлен вопрос о передаче Советскому Союзу шести небольших островов в Финском заливе, а также западной части полуострова Рыбачий и полуострова Средний в Заполярье.

В целях создания более благоприятной обстановки советская делегация готова была «усилить существующий пакт ненападения между Финляндией и СССР, включив пункт о взаимных обязательствах не вступать в группировки и коалиции государств, прямо или косвенно враждебные той или другой договаривающейся стороне». Предполагалось также разоружить обоюдно укрепленные районы вдоль границы¹. Нетрудно заметить, что изложенные предложения советской делегации не были совершенно неожиданными. Вопрос об обмене территориями, как известно, неоднократно обсуждался в прошлом. В 1933–1934 гг. финское правительство даже проявляло инициативу относительно обмена части территории на Карельском перешейке, рассчитывая получить в виде компенсации от Москвы один из участков на Крайнем Севере СССР². Наблюдался также интерес к Советскому Заполярию и позднее — в 1938 г. Литвинов, вспоминая об этом в письме к Сталину 29 апреля 1939 г., отмечал, что «по-видимому, финны в настоящее время хотели бы вести переговоры об уступке островов Сейскари и Лавансаари в обмен на новую границу в Печенге»³.

Следовательно, в вопросе об обмене территориями у советского руководства были надежды на достижение компромиссного решения.

Вместе с тем последовало новое предложение Сталина. Оно заключалось в том, чтобы Финляндия согласилась сдать в аренду Советскому Союзу сроком на 30 лет порт Ханко и небольшую часть одноименного полуострова, где он располагался, для создания там военно-морской базы, которая прикрывала бы вход в Финский залив. Обозначив данный вопрос, советское руководство рассчитывало, что в условиях начавшейся Второй мировой войны и потенциальной угрозы с Запада это будет выгодно не только СССР, но и Финляндии. В случае достижения с ней договоренности силы Балтийского флота, взаимодей-

¹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. Л. 18. Д. 191. Л. 4; Зимняя война. С. 63–64.

² Документы внешней политики СССР. Т. XVI. М., 1970. С. 336.

³ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1236. Л. 121. Письмо наркома иностранных дел М. М. Литвинова, 29.4.1939.

ствуя с береговой артиллерией южной части Финского залива, могли преградить путь десантным военным кораблям потенциального агрессора¹.

Аренда Ханко позволила бы создать надежный форпост у входа в Финский залив в противовес позициям на Аландских островах, которыми могла, как думали тогда в Москве, завладеть Германия. Советское правительство, относившееся с большим подозрением к финско-германским связям, вплоть до начала московских переговоров настойчиво и категорически возражало против того, чтобы осуществлялась милитаризация Аландов. Здесь, очевидно, и следует искать ответ (и финские историки пытаются его найти), почему Сталин настойчиво стремился договориться об аренде части полуострова Ханко, а не какой-либо другой территории на северном побережье Финского залива².

В пользу такого объяснения говорит и тот факт, что выдвинутое на переговорах в Москве предложение относительно аренды Ханко исторически могло мотивироваться тем, что именно на полуостров Ханко и на Аландские острова в 1918 г. высадились немецкие войска. Теперь при возможном согласии с советскими предложениями, как надеялись в СССР, финская сторона могла бы снять возражения советского правительства «против вооружения Аландских островов национальными силами самой Финляндии»³.

В целом на обсуждение советских предложений ушло первоначально три заседания (12–14 октября). Их общая атмосфера характеризовалась крайней настороженностью, проявлявшейся финской делегацией. Причем, по мнению члена Комиссии финляндского парламента по иностранным делам К. О. Фрича, в Москве с самого начала переговоров не придавали большого значения этому чисто психологическому фактору, присущему финнам. Как считал этот политический и государственный деятель Финляндии, этим фактором являлось укоренившееся недоверие, «с которым в Финляндии издавна относились к политике России», а также в том, что Советский Союз рассматривался «единственно возможным противником»⁴. В контексте этого, указывал Фрич, предложения о Ханко или о разоружении по

¹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 18. Д. 191. Л. 3; Зимняя война. С. 62.

² Там же. Д. 3. Л. 75. Дневник председателя СНК СССР, народного комиссара иностранных дел В. М. Молотова; *Jussila O. Talvisota Stalinin päivänunissa. S. 347.*

³ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 18. Д. 191, Л. 5; Зимняя война. С. 63.

⁴ *Frietsch C. O. Suomen kohtalonvuodet. S. 62.*

обе стороны границы укреплений на Карельском перешейке воспринимались финской делегацией как действия, имеющие злонамеренную направленность.

В ходе развернувшегося обсуждения члены финской делегации обратили особое внимание на поведение Сталина, который принимал очень активное участие во всех раундах переговоров и присутствовал почти на всех заседаниях (на семи из восьми). Паасикиви отмечал, что их предположение о возможном жестком подходе советского руководства к переговорному процессу в этом случае не оправдалось. Сталин, по его словам, «проявлял всегда вежливость» и тепло вспоминал о времени, проведенном им в прошлом в Финляндии (1906 г.), когда ему пришлось скрываться там от преследований царской полиции¹. К тому же он подчеркивал, что не рассматривает вносимые предложения как «требования» с советской стороны. «Господин полковник! Мы не требуем и берем, а предлагаем», — твердо заявил он, обращаясь к представителю финского Генштаба А. Паасонену, когда объяснял позицию делегации СССР². В данном случае речь шла конкретно об обмене территориями, чему было посвящено немало времени. «В географическом смысле мы не можем, — говорил Сталин, — так же, как не можете и вы, ничего сделать. В Ленинграде в его окрестностях 3½ миллиона жителей, намного больше, чем во всей Финляндии. Поскольку Ленинград нельзя перенести, в силу этого, естественно, надо отодвинуть границу... Мы просим, чтобы граница была расположена в 70 км от Ленинграда... Мы просим 2700 км² и предлагаем взамен более 5500 км²»³.

Лично Паасикиви считал, что следует найти со Сталиным общий язык и на компромиссной основе договориться по территориальному вопросу. Но ему для этого не были предоставлены соответствующие полномочия. Более того, в Финляндии не торопились с подготовкой каких-либо указаний для своей делегации. В начале переговоров из Хельсинки в финляндское представительство в СССР ушло лишь распоряжение не сообщать «о предложениях русских никаким представителям других стран, в том числе и шведам»⁴, что свидетельствовало о том, что в Хельсинки не выработали четкой линии по дальнейшему ведению переговоров. Ответ, касающийся инструкций для делегации

¹ См.: Helsingin Sanomat. 1939.22.10.

² Цит. по: *Pakaslahti A.* Talvisodan poliittinen näytelmä. S. 135.

³ Цит. по: *Paasikivi J. K.* Toimintani Moskovassa ja Suomessa 1939—41. Os. I. S. 46.

⁴ УМ. 109 А 11. Телефонграмма из МИДа в Москву, 13.10.1939 (14⁵⁰).

по поводу советских предложений, пришел только вечером 13 октября, то есть на второй день переговоров.

Министр иностранных дел Финляндии Э. Эркко давал следующую установку: «Для Паасикиви. Ленинградская оборонительная линия: Куолемаярви¹ и т. д. невозможна, поскольку не обеспечивает безопасность положения Финляндии². При переговорах о компенсациях следует прежде всего исходить из предпочтения полуострова Рыбачий другим местам, а район Тулемаярви лучше, чем Ребола». Эркко закончил свое послание весьма выразительной фразой: «Важно не доводить переговоры до разрыва»³. Очевидно, что финская сторона была готова все же продолжить переговоры, которые могли закончиться достижением соглашения с СССР.

Что же касается главы финской делегации в Москве, то Паасикиви впоследствии писал: «Тогда нам следовало лучше понимать дело. Я тогда придерживался мнения, что сдержанные и умеренные требования Сталина, особенно в отношении Карельского перешейка, следовало бы принять. Более мудрой политикой было бы следующее заявление: мы соглашаемся на установление границы по Карельскому перешейку вдоль до линии Суванто — Сумма [оз. Суходольское-Солдатское. — В. Б.], отдаем половину Карельского перешейка — что было, кстати, минимальным требованием советских военных, как сказал Сталин на переговорах, — и достигли бы на этой основе договоренности и соглашения со Сталиным. В этом выражалась бы государственная мудрость...»⁴

Таким образом, Паасикиви полагал, что советские предложения на Карельском перешейке были приемлемыми, также он учитывал то, что перенос границы не затрагивал основных позиций линии укреплений⁵. Это также явствует из его более поздних высказываний, в которых Паасикиви утверждал, что граница с Советским Союзом вообще была неудачно определена Тартуским мирным договором 1920 г., поскольку ее установили вблизи крупнейшего города Ленинграда⁶.

¹ Район озера Куолемаярви (Пионерское) недалеко от города Койвисто (Приморск).

² В этих местах уже были созданы долговременные финские оборонительные укрепления так называемой линии Маннергейма.

³ Ibid. 109 А 2. Телефонограмма из МИДа в Москву, 13.10.1939 (17⁵⁵).

⁴ Линия Паасикиви: Статьи и речи Ю. К. Паасикиви 1944–1956 гг. С. 73.

⁵ *Tanner V. Kahden maailmansodan välissä*. S. 255.

⁶ Линия Паасикиви: Статьи и речи Ю. К. Паасикиви 1944–1956 гг. С. 72.

Более того, внося предложения об обмене территориями, советское руководство в интересах решения проблемы с обеспечением безопасности Ленинграда делало шаг, явно невыгодный для СССР в стратегическом отношении, предлагая отодвинуть на восток границу в Карелии, что совершенно очевидно приближало ее к единственной стратегической железнодорожной магистрали, связывавшей Заполярье с «большой землей». Для Финляндии же в данном случае была возможность «нарастить» территорию в том направлении, где граница углублялась в Среднюю Финляндию, образуя так называемую «финскую талию» — весьма узкое в военном плане место.

Но первые обсуждения проблемы территориального обмена не дали результата. Не получил поддержки и вопрос об аренде Ханко. Со стороны финской делегации было заявлено, что ей непонятна позиция СССР при постановке выдвинутых предложений. Как вспоминает Паасикиви, он спросил у Сталина и Молотова: «Почему вы боитесь Финляндии, почему вы боитесь, что Финляндия нападет на Советский Союз?» На это Молотов ответил: «Мы не боимся нападения Финляндии. Мы боимся провокации со стороны третьей державы. Мы однажды испытали уже нападение, и нам следует проявлять заботу для отражения такового». Здесь имелись в виду события 1918 г., когда германские войска высаживались на территории Финляндии. Сталин, в свою очередь, добавил к этому: «Нам надо по возможности закрыть проход к Финскому заливу»¹. Касаясь того, что в Москве не исключали использование Германией финской территории, Сталин весьма справедливо заметил, по словам Паасикиви: «С Германией у нас теперь хорошие отношения, но все в этом мире может измениться»².

В этой фразе нетрудно было заметить намек на недолговечность заключенного с Третьим рейхом пакта о ненападении. Именно так, если судить по информации, которую в то время передал Ирве-Коскинен своему английскому коллеге в Москве У. Сидсу, и поняли ее члены финской делегации. Финский дипломат довольно определенно сказал британцу, что Советскому Союзу нужна морская база на финской территории для отражения нападения со стороны Германии³.

В целом, возражая против довода финской делегации о недопустимости аренды Советским Союзом полуострова Ханко, поскольку

¹ Цит. по: *Paasikivi J. K. Toimintani Moskovassa ja Suomessa 1939—41. Os. I. S. 45.*

² *Ibid.* S. 46.

³ *Сиполс В. Я. Тайные документы «странной войны». С. 99.*

в таком случае советские войска оказались бы непосредственно на материковой части Финляндии, Сталин сразу же нашел «оригинальный» выход. Он предложил: «Если вы не хотите передать нам материковую базу, то мы можем в таком случае прорыть канал вокруг Ханко. Тогда база не будет находиться больше на материковой части Финляндии»¹. Это было похоже на юмор. Но Сталин хотел ясно дать понять, что советская сторона продолжит настаивать на своем предложении и оно носит принципиальный характер.

Однако принять советские предложения Пассикиви ни в каком виде не мог. У финской делегации больших возможностей для собственного «маневра», очевидно, не было. Более того, 14 октября из Хельсинки Паасикиви пришла очередная телефонограмма. В ней финским участникам переговоров предлагалось по возможности не затрагивать «щекотливых вопросов» и «особенно избегать территориальных акцентов»². Поэтому им просто нужно было продемонстрировать готовность к продолжению переговоров, но всячески уходить от конкретных обсуждений.

В этой ситуации главе финской делегации Ю. К. Паасикиви оставалось лишь сообщить советской стороне, что ему «необходимо выехать в Хельсинки для переговоров с правительством»³. Причем, по всей видимости, для Сталина это было достаточно неожиданным заявлением. В этот же день, чуть позже, советское руководство решило письменно изложить свои предложения⁴, а новый раунд встреч провести уже 20 или 21 октября.

В промежутке времени, когда в Кремле составляли письменный меморандум для финского руководства, Паасикиви уже успел направить в Хельсинки две телефонограммы, в которых оперативно информировал, что 14 октября делегация отправится обратно в Финляндию, но «положение вовсе не угрожающее»⁵.

В итоге скованная имевшимися инструкциями финская делегация не смогла предложить ничего конструктивного. Она вынуждена была взять тайм-аут, который очевидно нужен был для того, чтобы наиболее четко определить дальнейшую тактику ведения переговоров. Поэтому 14 октября обсуждения прервались. Делегация выехала

¹ Jakobson M. Diplomaattien talvisota. S. 232.

² Ibid. A 11. Телефонограмма из МИДа в Москву, 14.10.1939 (15¹⁰).

³ Paasikivi J. K. Toimintani Moskovassa ja Suomessa 1939–41. Os. I. S. 47.

⁴ Suomen sinivalkoinen kirja. S. 47–49.

⁵ УМ. 109 А 2. Телефонограммы из Москвы в МИД, 14.10.1939 (20²⁵).

в Хельсинки для получения там новых инструкций. Причем в своем портфеле Паасикиви имел уже подготовленную советской стороной памятную записку, где содержались все уточняющие предложения Советского Союза¹.

Сразу же в день прибытия делегации в Хельсинки — 16 октября — в Государственном совете Финляндии началось обсуждение дальнейшей тактики ведения переговоров. Оно завершилось после четырех дней острых дискуссий определением установок для финской делегации на следующем рауне переговоров. Намеченный план действий привел, однако, к весьма негативным результатам. При этом решающую роль в определении политической линии финской делегации в Москве в конечном счете сыграли премьер-министр А. Каяндер, министр иностранных дел Э. Эркко и министр обороны Ю. Ниукканен. Они настаивали на том, чтобы все советские предложения были отвергнуты. В кругу этих весьма влиятельных политиков преобладала точка зрения, что «время работает на нас», и более того, что «положение для нас оздоровилось». Сами переговоры, как они полагали, будут проходить с советской стороны спокойно, не в форме «ультиматумов, а в виде обмена мнениями»². К тому же, о сути советских предложений были проинформированы иностранные государства. Это в свою очередь показывало, что расчет в Хельсинки теперь был сделан еще и на международную поддержку внешнеполитической линии Финляндии.

Иную позицию, отличную от принятых тогда в правительстве установок, в это время занял маршал К. Г. Маннергейм. В подготовленных при его участии в Генштабе письменных рекомендациях содержалась мысль о том, что не следует идти на конфронтацию с Советским Союзом, поскольку это может привести к войне. Лучше, как указывалось в этом документе, вносить контрпредложения и проявлять стремление к достижению соглашения на переговорах³.

В итоге была выработана скорректированная, но принципиально не отличавшаяся от политики несогласия линия дальнейшего поведения делегации в Москве. Она заключалась в создании видимости определенной уступчивости. Допускалась возможность очень незначитель-

¹ *Paasikivi J. K. Toimintani Moskovassa ja Suomessa 1939–41. Os. I. S. 48–49; Зимняя война. С. 62–63.*

² Цит. по: *Paasikivi J. K. Toimintani Moskovassa ja Suomessa 1939–41. Os. I. S. 62.*

³ *Selén K. C. G. E. Mannerheim ja hänen puolustusneuvostonsa. S. 330.*

ных изменений границы на Карельском перешейке. Имелось в виду предложить поэтапно три варианта переноса границы вблизи Финского залива: сначала до Келломяки (Комарово), затем до бывшего форта Ино (Приветненское) и, наконец, на рубеж Ино — Ваммельйоки (Черная речка) — Линтуланйоки (р. Птичьа) — Липола (Котово).

В данном случае, по оценке финского историка Кари Селена, «правительство решило пойти навстречу Москве, сделав по возможности очень незначительный шаг вперед, причем он являлся таким небольшим, что оказалось даже трудно заметить, был ли это действительно шаг или всего лишь иллюзия»¹.

Делегация к тому же получила предупреждение, что «уступки на перешейке не могут ни в коем случае быть большими». Категорически указывалось: «Это крайний рубеж». Относительно островов в Финском заливе допускалась уступка, но лишь четырех из них, самых небольших, и только при получении за них реальной территориальной компенсации. Об острове Суурсаари можно было вести обмен мнениями лишь «в крайнем случае». Постановку вопроса об усилении новыми дополнениями договора о ненападении, как указывалось делегации, можно было обсуждать, но в конечном счете не идти на их принятие. Наконец, следовало категорически отказаться от предоставления Советскому Союзу в аренду Ханко, поскольку в этом финляндское руководство видело намерение использовать созданную там базу «для нападения на Финляндию»².

В целом министр иностранных дел Э. Эркко по-прежнему в отношении СССР занимал весьма жесткую позицию. По словам его ближайшего помощника Ааро Пакаслаhti, министр часто повторял, что «Советский Союз блефует» и по отношению к нему надо проводить «твердую линию»³. Э. Эркко был явно «против дальнейших уступок», и более того, считал, что советские лидеры еще «очевидно уменьшат свои требования»⁴. Тогда он был твердо уверен, что поскольку «право на нашей стороне», то «Советский Союз может отступить... если мы проявим настойчивость»⁵. При этом Эркко всячески стремился оказать сильное давление на политическое руководство страны, проводя свою линию. «Как министр иностранных дел он обычно требовал, —

¹ Selén K. C. G. E. Mannerheim ja hänen puolustusneuvostonsa. S. 333.

² UM. C a 8. Valtioneuvoston salaiset pöytäkirjat UM:n esittelystä, № 43/564.

³ Pakaslahti A. Talvisodan poliittinen näytelmä. S. 163–164.

⁴ Tanner V. The Winter War. P. 31.

⁵ Paasikivi J. K. Toimintani Moskovassa ja Suomessa 1939–41. Os. I. S. 58.

писал Пакаслаhti, — чтобы при принятии решения правительство ориентировалось на позицию, занимаемую министром иностранных дел, то есть на то, как именно он считал необходимым поступить»¹.

Э. Эркко по-прежнему сохранял твердую уверенность, что Запад окажет Финляндии должную поддержку. 18—19 октября он вместе с президентом К. Каллио совершил поездку в Стокгольм, где состоялась их встреча с руководителями северных государств. Выступая на совещании четырех министров иностранных дел, Эркко изложил суть советских предложений на переговорах в Москве. При этом он заявил: «Советский Союз намеревается вести войну, используя опорные базы нейтралов». Касаясь конкретной обстановки, он сообщил, что заметной концентрации советских войск у границы с Финляндией не наблюдается и угрозы для его страны пока нет. Кроме того, было еще отмечено, что в данный момент не следует опасаться действий со стороны Германии, поскольку «немцы сами находятся в состоянии войны и не могут в силу этого проявлять интереса к делам Севера». Эту мысль поддержал и министр иностранных дел Швеции Р. Сандлер, который заметил: «Германия никак не может вторгнуться туда, где возникала бы опасность для ее отношений с Советским Союзом»².

Однако в ходе поездки в Швецию для Каллио и Эркко обмен мнениями с руководителями северных стран по поводу общей обстановки, складывавшейся тогда в Прибалтике и Скандинавии, был не самым важным. Для них главное заключалось в выяснении, какую позицию займут ближайшие западные соседи Финляндии, если ее отношения с СССР обострятся. Особое значение имела позиция Швеции. Беседы, состоявшиеся у Каллио и Эркко с ее королем, премьер-министром и другими государственными деятелями, показали, что проводимый ими курс был сориентирован на то, чтобы не допустить вовлечения Швеции в войну. Более определенно сформулировал шведскую позицию премьер-министр П. А. Ханссон. Он сказал, что «если Финляндия окажется вовлеченной в войну, то Швеция не будет ей помогать»³.

После возвращения из Стокгольма в Хельсинки Эркко утаил от других руководящих деятелей страны очень важные слова, которые

¹ *Pakaslahti A.* Talvisodan poliittinen näytelmä. 171.

² УМ. 12 К. Muistio pohjoismaiden ulkoministerien neuvotteluista Tukholmassa 18—19.10.1939.

³ Так пересказал впоследствии слова П. А. Ханссона Т. М. Кивимяки. (КА, Kivimäen kokoelma. Т. М. Kivimäki kertanut, 4.4.1960).

были сказаны Ханссоном¹. Шведские переговоры он представил в более светлых тонах. В его изложении получалось, что шведское правительство проявило большое понимание озабоченности Финляндии своим положением, ей выразили симпатии и обещали дипломатическую поддержку...² На самом деле Эркко должен был сообщить руководству страны, как пишет, в частности, историк М. Юлкунен, что «Швеция не будет участвовать в возможной войне между Финляндией и Советским Союзом»³.

Совершенно очевидно, что уход Э. Эркко от объективного и точного изложения позиции Швеции был следствием его стремления и дальше выдерживать на переговорах в Москве линию жесткого противостояния. Из поступавших советскому правительству сведений, касавшихся взглядов шведских дипломатов на советско-финляндские переговоры, была очевидна неоднозначность оценок. Это показывает, в частности, беседа, состоявшаяся между шведским военным атташе в Москве майором Варанга и одним из советских дипломатических работников (а также, вероятно, сотрудником НКВД). Варанга заявил ему тогда, что «требования» СССР на переговорах с Финляндией «не являются большими и сделаны не в ультимативной форме», к тому же финская делегация «имела возможность торговаться». Эта информация поступила от Берии Сталину, Молотову и Ворошилову 21 октября⁴. Она давала советскому руководству все основание сомневаться в правомерности однозначно негативной оценки Стокгольма действий СССР.

Вместе с тем иллюзии, созданные Эркко у финского руководства относительно возможной помощи Швеции, вселяло оптимизм в тех, кто ориентировался в процессе переговоров на дальнейшую конфронтацию с СССР. Что же касалось парламента, а тем более широких слоев населения Финляндии, то они вообще не имели реальных представлений о позиции правительства Швеции⁵.

¹ *Manninen O.* Suomi toisessa maailmansodassa. S. 280; *Julkunen M.* Suomi keväästä 1938 talvisotaan. S. 108; *Manninen O., Salokangas R.* Eljas Erkko. Vaikenematon valtiomahti. S. 260.

² *Manninen O.* Suomi toisessa maailmansodassa. S. 280.

³ *Julkunen M.* Suomi keväästä 1938 talvisotaan. S. 108.

⁴ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1240. Л. 42. Информация Л. П. Берия, 21.10.1939; Зимняя война. 1939–1940 гг. в рассекреченных документах Центрального архива ФСБ России и архивов Финляндии. С. 172.

⁵ КА. Т. М. Kivimäen kokoelma. Т. М. Kivimäki kertunut, 4.4.1960.

Явно субъективными были также оценки Эркко сведений, поступавших из неофициальных источников и по дипломатическим каналам об отношении Германии к советско-финляндским переговорам. Он отдавал предпочтение сообщениям, в которых говорилось, что финнам «нечего бояться». К тому же имелись данные о заявлении «куратора» финляндских вопросов в рейхе Г. Геринга, согласно им Германия может отказаться по данному вопросу от нейтралитета и занять совсем иную позицию, «если положение Финляндии усложнится»¹. Вместе с тем принималось во внимание и ставшее известным мнение посла Германии в Москве Шуленбурга, который сказал, что «он не верит в возможность нападения со стороны Советского Союза»². Такого рода заявления, исходившие из немецких источников, были не единичными³.

В целом, как считали иностранные наблюдатели, благодаря стараниям финляндского руководства в обществе в отношении твердой позиции Финляндии на переговорах в Москве стал проявляться «осторожный оптимизм»⁴. Проникая в еще недавно охваченные паническими настроениями отдельные слои населения, он благоприятствовал проведению намеченной линии финской правительственной делегации.

Безусловно, здесь колоссальную роль по-прежнему играл министр иностранных дел Э. Эркко. Именно он способствовал тому, чтобы через печать вообще и в особенности через принадлежавшую ему ведущую газету Финляндии «Хельсингин Саномат» формировались общественные настроения против принятия советских предложений. И в этом, по признанию финских историков, Эркко весьма серьезно преуспел⁵. Во всяком случае, такая направленность газетных публикаций, появлявшихся во множестве в это время в Финляндии, фиксировалась в Москве и вызывала у советского правительства очевидную озабоченность.

Действительно, после возвращения финской делегации в Хельсинки советское руководство через органы разведки пыталось получить какую-либо значимую информацию о том, что происходит в пра-

¹ *Peltovuori R.* Saksa ja Suomen talvisota. S. 51.

² *Ibid.* S. 52.

³ *Ibid.*

⁴ УМ. 5 С 1. Lontoon-lähetystön raportti. 20.10.1939.

⁵ *Helsingin Sanomat.* 1939. 18, 19, 25.10; *Soikkanen T.* Kansallinen eheytyminen — myytti vai todellisuus? S. 337.

вительственных кругах Финляндии. 19 октября от Берии Сталину, Молотову и Ворошилову поступило сообщение, в котором со ссылкой на секретаря премьер-министра А. Инкиля указывалось: «Заявление Эркко о том, что финны не пойдут ни на какие союзы с СССР, является не личным мнением Эркко, а решением правительства»¹. Вслед за этим Берия отправил тем же лицам донесение о том, что «англичане ведут большую работу в Финляндии и Швеции за срыв соглашения с СССР»².

Вместе с тем в Москве накапливалось все больше сведений о проводившихся в Финляндии срочных мерах, характерных обычно для начала войны. Советскому правительству сообщалось, что 12 октября в стране началась мобилизация. В тот же день, согласно информации полпредства, специальным поездом выехали в Турку для последующего отплытия пароходом в Швецию семьи иностранных дипломатов. Причем вместе с этим сообщением советское полпредство передало в Москву сведения о прекращении занятий в столичных высших и средних учебных заведениях, а также об укрытии в специальных убежищах коллекций музеев, фондов Государственного архива и редких книг университетской библиотеки³. Также в донесении секретаря советского военного атташе в Наркомат обороны 21 октября сообщалось, что «полицейские производят массовые аресты политически неблагонадежных» и что уже «сотни людей ночуют в чужих квартирах, лишь бы не оказаться в лапах полиции»⁴. Действительно, 16 октября в различных районах страны было арестовано 272 человека, представлявших левые общественные организации⁵. Одновременно была

¹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1240. Л. 39–40. Информация Л. Л. Берия, 19.10.1939; В сборнике опубликованных документов НКВД упоминание фамилии информатора советской разведки в Финляндии и секретаря премьер-министра А. Инкиля отсутствует. (См.: Зимняя война. 1939–1940 гг. в рассекреченных документах Центрального архива ФСБ России и архивов Финляндии. С. 171).

² РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1240. Л. 48. Информация Л. П. Берия, 17.10.1939; Зимняя война. 1939–1940 гг. в рассекреченных документах Центрального архива ФСБ России и архивов Финляндии. С. 170.

³ АВП РФ. Ф. 06. П. 18. Д. 184. Л. 85. Обзор событий в Финляндии с 7 по 17.10.1939.

⁴ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1240. Л. 89. Информационное письмо секретаря военного атташе в Финляндии, 21.10.1939; Военная разведка информирует. Документы Разведуправления Красной Армии. Январь 1939 — июнь 1941 г.

⁵ *Suomi J. Urho Kekkonen 1939–1944. Myrrysmyies. Keruu, 1987. S. 175; Soikkanen T. Kansallinen eheytyminen — myytti vai todelisuus? S. 369.*

закрывается газета леворадикального направления «Суомен Пиенвилье-лия» и приостановлен выпуск ряда номеров журнала «Сойхту»¹.

Однако советскому государству, конечно, не было известно обо всех начавшихся военных приготовлениях в Финляндии. Оставались невыясненными конкретные данные о концентрации во второй половине октября финских войск на Карельском перешейке, а также сведения об изменениях в системе обороны Финляндии. Наконец, не было ясности в вопросе о реорганизации высших органов управления вооруженных сил применительно к условиям войны. Между тем уже 17 октября маршал К. Г. Маннергейм был назначен главнокомандующим, а на следующий день была создана его Ставка².

Подобные действия, естественно, не способствовали разрядке царившей в стране напряженной атмосферы. В этот период в Финляндии регулярно проходили различные шумные общественные митинги, на которых откровенно господствовал воинственный дух. Продолжали обильно публиковаться материалы, где отдельные авторы с уверенностью утверждали, что «Финляндия может успешно противостоять СССР». 21 октября, в день отъезда финской делегации на второй раунд переговоров в Москву, печатный орган влиятельной Национальной коалиционной партии газета «Ууси Суоми» опубликовала передовую статью, в которой предлагалось вести переговоры исходя из «полной независимости», поскольку «установленной вдоль границы артиллерии достаточно 2–5 минут, чтобы обрушить на Ленинград тонны стали».

Парламентариям также было решено показать готовность Финляндии к ведению боевых действий в случае возникновения войны. 21–22 октября для них была организована поездка вдоль границы на Карельском перешейке. При осмотре системы построенных там укреплений, получивших впоследствии наименование «линия Маннергейма», особенно высокой оценки удостоилось состояние обороны южнее Выборга в районе Суммы (Солдатское). По итогу этой поездки член Комиссии парламента по иностранным делам К. О. Фрич пришел к совершенно определенному выводу: «Финляндия к войне готова»³. А другой парламентарий, будущий премьер-министр страны Э. Лин-

¹ *Julkunen M.* Talvisodan henki — yhteinen taistelu // *Kansakunta sodassa*. Os. 1. S. 148.

² *Peltola J., Vehviläinen O.* Yksi sota — monta näkemystä. Tampere, 1990. S. 132; *Arimo R.* Suomen linnoittamisen historia 1918–1944. Keuruu, 1984. S. 771.

³ *Frietsch C. O.* Suomen kohtalonvuodet. S. 111.

комиес, который тоже принял участие в поездке на линию Маннергейма, отметил еще и то, что «настроение в войсках было исключительно боевым...»¹.

В такой накаленной политической атмосфере финская делегация выехала для продолжения переговоров в Москву. Теперь в ее состав был включен также видный финский социал-демократ В. Таннер. Он, хотя и «не проявлял», по словам А. Пакаслаhti, никакой склонности «к дипломатии»², должен был решительно выполнить установку министра иностранных дел, прилагая все усилия, чтобы противостоять выдвигаемым советским предложениям. «Нам нужно оставаться жесткими, — напутствовал Э. Эркко В. Таннера. — Я знаю, что ты сделаешь так, но сможет ли П.? [Паасикиви. — В. Б.]»³. Очевидно, эти сомнения в твердости главы финской правительственной делегации заставили министра иностранных дел подключить В. Таннера к ведению этих очень важных для страны переговоров.

Тем временем когда делегация миновала границу с Советским Союзом, как вспоминал А. Паасонен, то он заметил, как по дороге к Левашово перемещались в сторону Финляндии 20 гаубиц. Это, по его мнению, стало «предзнаменованием дальнейшего неудачного развития переговоров»⁴. В Генштаб финской армии в это время по различным каналам поступала информация о сосредоточении советских войск у границы с Финляндией⁵.

В целом возобновление 23 октября переговоров не сулило большого прогресса в деле достижения договоренности. Более того, перед самым их началом Эркко решил ужесточить позицию финской делегации и срочно направил Паасикиви и Таннеру новое указание: «Относительно Перешейка избегайте обсуждения пунктов “b” и “c”»⁶. Это распоряжение означало отказ министра иностранных дел от ранее составленных компромиссных предложений относительно переноса границы на Карельском перешейке дальше от Ленинграда. Таким образом, полномочия финской делегации были снова сильно ограничены.

¹ *Linkomies E.* Vaikea aika. S. 42.

² *Pakaslahti A.* Talvisodan poliittinen näytelmä. S. 312.

³ *Tanner V.* Kahden maailmansodan välissä. S. 248.

⁴ *Paasonen A.* Marsalkan tiedustelupäällikkönä ja hallituksen asiamiehenä. S. 58.

⁵ УМ. 109 А 10 б. Tietoja Neuvostoliiton sotajoukkojen keskityksestä Karjalan kannaksella. 27.10.1939.

⁶ *Ibid.* А 3. Телефонограмма из МИДа в Москву, 23.10.1939 (12¹⁶).

Сами переговоры вообще начались с протеста, который сделала финская делегация по заданию финского правительства. В нем указывалось на имевшиеся в это время нарушения советской авиацией воздушного пространства Финляндии¹. Более того, в протесте подчеркивалось, что продолжение подобного рода нарушений государственной границы может «вредно влиять на хороший ход переговоров»². Это говорило о том, что финская делегация, как и раньше, проводила на переговорах весьма твердую и бескомпромиссную линию.

Действительно, ни по одному из пунктов советских предложений Финляндия не дала положительный ответ. Паасикиви лишь огласил на русском языке выработанные в Хельсинки предложения, которые допускали возможность незначительного изменения границы на Карельском перешейке³.

После этого весьма малообещающего начала второго раунда встреч слово взял Сталин. Он сказал, что предложенная правительством Финляндии новая линия границы не решает дела, так как речь идет о слишком узкой полосе территории, которая не может обеспечить безопасность Ленинграда. Вместе с тем Сталин выразил согласие с тем, чтобы граница на Карельском перешейке проходила не севернее, а южнее и юго-восточное города Койвисто (Приморск), т. е. ближе от нее к Ленинграду на 10–20 километров⁴. Здесь учитывался тот факт, что Финляндия имела орудийные позиции в районе Койвисто и не хотела их терять⁵.

Но как на первом, так и на втором этапе переговоров финляндская делегация не располагала необходимыми полномочиями для ответа на конкретное советское предложение. В итоге, поскольку уже «новых взглядов не выявилось», а руководство СССР кардинально не меняло

¹ Дело в том, что 19 октября пять звеньев советских самолетов, перелетев через границу с Финляндией, произвели фотографирование военных объектов Карельского перешейка (См.: РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 284. Л. 64. Шифровка Командования ЛВО, 20.10.1939). При этом 21 октября в разведсводке штаба Ленинградского военного округа тоже был зафиксирован «полет одного финского военного самолета вблизи госграницы, в районе Белоострова» (Военная разведка информирует. Документы Разведуправления Красной Армии. Январь 1939 — июнь 1941 г. С. 200).

² УМ. 109 А 3. Телефонограмма из МИДа в Москву, 23.10.1939 (12¹⁶); 109 А 8. Заявление финской делегации относительно нарушения границы, 23.10.1939.

³ Suomen sinivalkoinen kirja. S. 49–51.

⁴ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 18. Д. 191. Л. 13. Советско-финляндские переговоры, октябрь — ноябрь 1939.

⁵ Suomen sinivalkoinen kirja. S. 52–53; Tanner V. Kahden maailmansodan välissä. S. 255.

своей позиции, было решено завершить эту встречу. Тем самым политика жесткого отказа от выдвинутых СССР предложений, проводившаяся по указанию Э. Эркко, не давала возможности продолжить переговоры. Финская делегация, не имевшая достаточных полномочий, чтобы вести диалог с Москвой, не могла продолжать переговоры, руководствуясь имевшимися у нее инструкциями. Поэтому финская сторона заявила, что вынуждена опять вернуться в Хельсинки. Паасикиви в тот же вечер запросил свое правительство о разрешении выехать для очередного доклада в столицу Финляндии, и 24 октября весь состав делегации отбыл на родину.

Весьма короткий второй раунд переговоров и тот факт, что обе стороны при этом ни о чем не договорились, предопределили резкий поворот в их дальнейшем ведении. Советское руководство, исходя из того, что в Финляндии просто тянут время, чтобы достижение договоренности «спустить на тормозах», взяло курс на более решительные действия. С другой стороны, Э. Эркко, как и раньше, полагал, что такой характер встреч с советским руководством не только вполне приемлемый, но и единственно правильный. Он был уверен, что именно таким путем удастся провести свою лилию, отклонив в конечном итоге советские предложения.

Срыв переговоров

Наступал решающий этап в затянувшемся процессе переговоров. Теперь уход от достижения компромиссного решения обсуждавшихся вопросов мог привести только к обострению отношений и нарастающую взаимную отчужденности, к усилению недоверия друг к другу.

В преддверии третьего, и как затем выяснилось, заключительного этапа переговоров у советского руководства увеличивалось недоверие к Финляндии, вызванное тем, что, как считали в Москве, западные страны стали энергично побуждать ее к «противодействию Кремлю». Появлялось также беспокойство по поводу того, как на фоне советско-финляндских переговоров вела себя Германия. В активизации ее военно-морского флота в восточной части Балтийского моря советское руководство видело своего рода демонстративные действия. 26 октября Молотов пригласил к себе посла Шуленбурга, заявил ему довольно прямолинейно: «Присутствие германских военных кораблей и авиации у входа в Финский и Рижский заливы нам кажется... направлено против СССР и в пользу Финляндии, переговоры с которой еще

не закончены»¹. Имелось в виду, что в Берлине, учитывая советско-германский договор, не станут осложнять дальнейшее развитие отношений рейха с Советским Союзом. При этом Молотов подчеркнул, что переговоры с Финляндией имеют «солидную» основу и «нужно ожидать положительных результатов»². Иными словами, выражалась надежда на их успех и давалось понять, что влияние на Финляндию извне может нанести договорному процессу явный ущерб.

Не осталось в СССР без внимания и появившееся в финской печати сообщение о том, что один из руководящих сотрудников посольства США в Москве «передал Паасикиви личное послание от президента Рузвельта, в котором выражались добрые пожелания успехов финнам» и предлагалось «немедленно сообщить ему, если переговоры примут такой оборот, при котором положение Финляндии станет угрожающим»³. В финской печати сообщалась также, что английская пресса поддерживает линию, взятую делегацией Финляндии на переговорах, и подчеркивалась мысль, что в данной обстановке не следует бояться и отступать от своих позиций, поскольку «с приближением зимы Красная армия России не сможет, по-видимому, предпринять какое-то крупное наступление»⁴.

Спустя много лет после указанных событий стало ясно, что подозрительность, появившаяся в Москве относительно активизации действий Запада в помощь Финляндии, не имела под собой реальных оснований. Запад выражал поддержку главным образом в моральном плане. Успокоительные заявления, делавшиеся в ряде стран, не могли считаться в Хельсинки достаточными. Финское руководство хотело получить более весомую помощь. Еще ранее посланнику в Лондоне Грипенбергу передали специальное указание выяснить, какую линию будет проводить Великобритания в случае военного конфликта Финляндии с Советским Союзом⁵. Ответ, который последовал от министра иностранных дел Э. Галифакса 27 октября, был по существу уклончивым: «Вашему правительству ни в коем случае не следует соглашаться с требованием советского правительства относительно морской базы на материковой части Финляндии». И далее было сказано, что «если

¹ Документы внешней политики. Т. XXII. Кн. 2. С. 222.

² АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 1. Д. 3. Л. 123; Документы внешней политики. Т. XXII. Кн. 2. С. 223.

³ Helsingin Sanomat. 1939.29.10.

⁴ Ibid. 1939.23.10.

⁵ Gripenberg G. A. Lontoo — Vatikaani — Tukholma. S. 77.

что-либо произойдет с Финляндией» вследствие московских переговоров, то это сделает невозможным для Англии «оздоровить отношения с Советской Россией»¹.

Следовательно, правительство Финляндии не получило из Лондона никаких определенных заверений о возможной конкретной помощи. 23 октября Британский военный кабинет поручил Комитету начальников штабов выяснить, принесет ли выгоду вмешательство страны в вооруженный конфликт между Финляндией и Советским Союзом. Ответ был отрицательным: «Мы не можем оказывать никакой помощи Финляндии против наступления России»².

Вместе с тем в Лондоне и Париже раздавались призывы к Финляндии ужесточить свою линию. В этой связи видный государственный деятель и соратник президента США Ф. Рузвельта Гарольд Икес записал в своем служебном дневнике, что финское правительство «используется высокопоставленными финансовыми кругами Англии и Франции для того, чтобы причинить как можно больше вреда России, не считаясь даже с тем, если в конечном счете финны потерпят крах перед лицом ее превосходящей мощи»³.

Позиция Вашингтона тогда сводилась к тому, чтобы не торопиться демонстрировать свое стремление к «защите» Финляндии. Это с озабоченностью отметил финский посланник Х. Прокопé. 24 октября он отправил Э. Эркко письмо, в котором предлагал побудить Скандинавские страны через своих посланников в США обратиться к Рузвельту, чтобы президент Америки «предпринял демарш в отношении действий Москвы, вынудив ее отказаться от выдвигаемых требований»⁴. Попытки МИД Финляндии повлиять на Скандинавские страны, очевидно, были предприняты, поскольку вскоре из Вашингтона от Прокопé последовало донесение, в котором говорилось, что Рузвельт «в настоящий момент не считает, что существует причина» для реализации предлагаемого демарша⁵.

Не готовой «сделать окончательный вывод» по поводу решительной «поддержки финнов» оказалась, как выяснилось, и Швеция. Это сразу стало ясно, когда последовала негативная реакция на обращение В. Таннера 26 октября к премьер-министру Швеции П. Ханссону

¹ UM. 109 A 10 e. Keskustelu lordi Halifaxin kanssa, 27.10.1939.

² *Nevakivi J.* Apu jota ei pyydetty. S. 54.

³ *Ickes H.* The Secret Diary. Vol. III. New York, 1954. P. 134.

⁴ UM. 109 C 1. Washingtonin-lähetystön raportti, 24.10.1939.

⁵ *Ibid.* Washingtonin-lähetystön raportti, 2.11.1939.

с просьбой рассмотреть возможность «немедленного предоставления Финляндии военной помощи» в случае срыва московских переговоров¹. Что касалось шведской печати, то она, наоборот, продолжала активно поддерживать «противостояние финнов Москве», создавая, таким образом, иллюзию готовности скандинавов все же «вступить за финнов».

Но парадокс данной ситуации заключался в том, что ни к чему не обязывающие призывы к Финляндии твердо противодействовать Советскому Союзу давали результат. Как отмечал американский историк Э. Шварц, финны стали смотреть на вероятный конфликт более оптимистично².

Первый секретарь полпредства в Финляндии М. Г. Юданов тогда прямо сообщал в Москву, что финляндское правительство «распустило слухи о том, что делегация больше не поедет в Москву и переговоры будут вестись дипломатическим путем»³. Указанные слухи имели основание, поскольку Э. Эркко сказал в интервью журналистам северных стран, что правительство в переговорах с СССР уже рассматривает именно эту возможность. Это, очевидно, должно было продемонстрировать «твердость» занимаемой финским руководством позиции. Эркко считал, что «и дальше Советский Союз будет готов торговаться». Более того, министр вообще давал понять, что если проводимая им линия не получит поддержки, то он в столь критический для страны момент просто уйдет в отставку⁴. Жесткая линия Эркко подтверждалась еще и тем, что поздно вечером 27 октября из МИД в финское представительство в Москву ушло срочное сообщение: «Отправьте решение переговоров в долгий ящик...»⁵

Естественно, тактика финляндского руководства в СССР не осталась незамеченной. Дальнейший ход событий все больше усложнял советско-финляндские отношения. Уже 28 октября В. М. Молотов направил телеграмму в советское представительство в Хельсинки. В ней говорилось: «Мы от финнов не имеем сведений насчет срока возвращения финской делегации в Москву для продолжения пере-

¹ *Tanner V.* Olin ulkoministerinä talvisodan aikana. S. 79–81; *Jakobson M.* Diplomaattien talvisota. S. 243, 246.

² *Shwartz A. J.* America and Russo-Finnish War. Washington, 1960. P. 10.

³ Документы внешней политики. Т. XXII. Кн. 2. С. 283.

⁴ *Myllyniemi S.* Suomi sodassa 1939–1945. S. 66.

⁵ УМ. 109 А 11. Телефонограмма из МИДа в Москву, 27.10.1939 (получена 28.10 в 01³⁰).

говоров. Есть упорные слухи, что молчание финнов означает разрыв переговоров. Сообщите об этом Эркко...»¹

Это задание, естественно, было выполнено, причем когда финляндское руководство по вопросам московских переговоров продолжало активно вести правительственные заседания, начавшиеся еще 26 октября. В ходе бурных обсуждений решался вопрос, как дальше относиться к советским предложениям. В пылких заявлениях, звучавших тогда, по-прежнему не были слышны слова поддержки советских предложений, хотя Паасикиви настаивал на том, что надо идти на соглашение². «Паасикиви видел в качестве единственной возможности соглашение с Советским Союзом, — писал финский историк М. Юлкунен. — Он не верил, что Финляндия сможет слишком долго обороняться, и считал неоправданным... рисковать, рассчитывая на военную помощь...»³

В такой обстановке Паасикиви поставил вопрос о его освобождении от выполнения функций главы финляндской делегации, он открыто предложил целесообразность поездки в Москву министра иностранных дел Эркко, чтобы он уже сам «пытался проводить свою прямолинейную политику»⁴.

Показательно, что поддерживал тогда позицию Паасикиви даже Маннергейм. Взгляды маршала исходили из трезвой оценки военных возможностей Финляндии и обстановки, складывавшейся в ходе Второй мировой войны. В отличие от Эркко он хорошо понимал, что означает для великой державы, каковой являлся Советский Союз, поддержание своего авторитета на международной арене. Срыв переговоров мог как раз нанести удар по этому престижу. Поэтому, выступая против конфликта с Москвой, Маннергейм настаивал на уступках в ходе переговоров, считая, как правильно отмечал финский ученый-юрист и международник Я. Вирмавирта, что «нельзя не считаться с авторитетом Советского Союза как сверхдержавы»⁵. Маршал передал свои предложения Паасикиви в виде альтернативного проекта, который касался возможности создания советской военно-морской базы на одном из небольших островов вблизи Ханко и территориальных уступок на

¹ Документы внешней политики. Т. XXII. Кн. 2. С. 239.

² *Paasikivi J. K. Toimintani Moskovassa ja Suomessa 1939–41. Os. I. S. 70.*

³ *Julkunen M. Pikkuvaltiorealismi // Maailma ja Me. 1989. № 9. S. 101.*

⁴ *Pakaslahti A. Talvisodan poliittinen näytelmä. S. 164–165.*

⁵ *Вирмавирта Я. Карл Густав Эмиль Маннергейм // Вопросы истории. 1994. № 1. С. 65.*

Карельском перешейке. В отличие от большинства членов финляндского правительства Маннергейм понимал, что Советский Союз «не может просто отступить» от своих предложений, что ему нужно хотя бы «дать возможность сохранить лицо»¹. Но самое главное, по мнению маршала, заключалось в том, что правительство не располагало такой армией, которая смогла бы «обеспечить избранную им внешнюю политику». Единственное, что он считал возможным и нужным в данных условиях, так это «достичь компромисса»². Аналогичного мнения был и командовавший сухопутными войсками генерал-лейтенант Х. Эстерман. Паасикиви записал в своем дневнике брошенную Эстерманом фразу: «...если начнется война с Россией, мы будем разгромлены»³.

Иной точки зрения придерживался министр обороны. Ю. Ниуканен. Он на заседании правительства 28 октября заявил, что «война выгоднее, чем требования России»⁴. После такого утверждения Маннергейм даже демонстративно покинул заседание⁵.

И все же постепенно верх брала позиция, которую занимал Эркко, поскольку привлеченные к обсуждению создавшегося положения руководители парламентских фракций склонялись к поддержке твердой позиции на переговорах в Москве. Хотя не во всех фракциях царил дух полного единства. Это отмечалось, в частности, на заседании парламентариев социал-демократов, когда Таннер 26 октября информировал их о ходе переговоров. По разведывательным данным, которые поступили в Москву, Таннер признавал, что с советской стороны проявлялась доброжелательность и «настроенное во время переговоров старались создать дружеское», а сам Сталин стремился убедить, что «СССР желает Финляндии только лучшего»⁶. Поскольку эта информация направлялась лично Сталину, то ей была, очевидно, придана определенная окраска. Хотя существо сказанного Таннером не искажалось. Это видно из написанных им впоследствии воспоминаний.

¹ *Вирмавирта Я.* Карл Густав Эмиль Маннергейм // Вопросы истории. 1994. № 1. С. 66.

² *Selén K. C. G. E. Mannerheim ja hänen puolustusneuvostonsa.* S. 333.

³ *Paasikivi J. K. Toimintani Moskovassa ja Suomessa 1939–41. Os. I.* S. 66.

⁴ *Ibid.* S. 72.

⁵ *Selén K. C. G. E. Mannerheim ja hänen puolustusneuvostonsa.* S. 333.

⁶ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1240. Л. 45. Сообщение Л. Л. Берия, 27.10.1939; Зимняя война. 1939–1940 гг. в рассекреченных документах Центрального архива ФСБ России и архивов Финляндии. С. 173.

Когда финские парламентарии обсуждали ход переговоров в Москве, они были весьма ограничены рамками времени. От них требовалось определить свою позицию в течение двух дней. При этом существенное значение имели взгляды правительства. Вице-председатель парламента Э. Линкомиес в своих мемуарах отмечал, что правительство при желании могло бы склонить парламент и общественное мнение страны к одобрению советских предложений¹. Но в правительственных кругах такого стремления не проявлялось. Как подчеркнул в своих дневниковых записях Пааво Талвела, который представлял в это время влиятельные промышленные и военные круги страны, «главенствовавшая верхушка — Эркко, Ниукканен, Каяндер и Айро втянули страну в войну, веря до последнего момента, что ее не будет»².

В целом в последний день октября уже на закрытом заседании Государственного совета вынуждены были отметить наличие «значительных расхождений во взглядах» правительств Финляндии и Советского Союза. Но путей на конструктивной основе для их преодоления, однако, не намечалось³. С такими установками и должна была ехать в Москву финская делегация.

Вместе с тем напутствие, дававшееся Э. Эркко главе делегации Ю. К. Паасикиви, являлось весьма красноречивым: «Теперь, когда ты отправляешься в Москву, желаю тебе максимум сил и успеха. Забудь, что Россия великая держава. К тому же наши оборонительные возможности неплохие»⁴.

Действительно, в плане военных приготовлений в Финляндии уже было сделано довольно много. Заканчивались мобилизационные мероприятия. Более того, завершалось минирование финских территориальных вод. Причем в связи с установкой морских мин в Финском заливе в районе границ с СССР и в зоне Аландских островов правительство Финляндии официально объявило 25 октября свои территориальные воды опасными для плавания⁵. Прошедшие тогда на Карельском перешейке новые маневры войск, в которых приняли участие в том числе резервисты, заметно подняли воинственный дух общественности. Как писал П. Талвела посланнику в Вашингтоне

¹ *Linkomies E.* *Vaikea aika.* S. 46–47.

² *Talvela P.* *Sotilaan elämä.* Os. I. Jyväskylä, 1976. S. 153.

³ УМ. Са 8. *Valtioneuvoston salaiset pöytäkirjat УМ:esittelystä.* 25.10.1939.

⁴ Цит. по: *Kallenautio J.* *Suomi katsoi eteensä.* Hels., 1985. S. 187.

⁵ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 669. Л. 73. Телеграмма НК ВМФ. 25.10.1939.

Х. Прокопé 31 октября, в ходе всеобщих маневров царило «самое боевое настроение»¹.

Тем не менее у некоторых российских и финских историков при оценке рассматриваемых событий можно встретить утверждение, что предотвращение опасного их развития зависело не столько от позиции финляндского правительства, сколько от парламента и в целом от настроений в стране². Однако объективно направляющей и решающей силой являлся довольно узкий круг руководящих лиц Финляндии. Все остальные действия оказывались лишь производными от их взглядов и устремлений.

Какая же обстановка царила в Москве в преддверии ожидавшегося этапа советско-финляндских переговоров? Об этом довольно ярко рассказала в своем дневнике А. М. Коллонтай, вызванная из Швеции на беседу с Молотовым. «Атмосфера в Кремле озабоченная, но не тревожная, — вспоминала она. — Пишут, диктуют, сверяют, спешат по коридору с бумагами и не разговаривают друг с другом. И выражение лиц у всех замкнутое... Такая атмосфера показательная. Она говорит о том, что решается или уже происходит что-то серьезное»³.

Являясь весьма опытным дипломатом, Коллонтай догадывалась, что обстановка осложнялась в связи с неблагоприятным развитием советско-финляндских переговоров, и хотела предостеречь Молотова от крайностей при принятии решений, поскольку, как она считала, в Москве не представляли себе всего того, «что повлечет за собой вооруженный конфликт Советского Союза с Финляндией». Она полагала, что в таком случае «не только скандинавы, но и другие страны вступятся за Финляндию». Но как видно, Молотов не был настроен выслушивать доводы Коллонтай. Когда она излагала свои соображения, нарком прервал ее, сказав, что «это все учтено», и добавил далее: «...кто бы ни вдохновлял их сейчас, для нас теперь после наших встреч с финскими делегатами и особенно с этим типом Таннером ясно — финны не пойдут на мирное разрешение вопроса о границах с нами». Затем со всей решительностью Молотов заключил: «Нам ничего другого не остается, как заставить их понять свою ошибку и заставить принять наши предложения... Пока переговоры не прерваны. На днях ждут

¹ Talvela P. Sotilaan elämä. S. 154.

² Холодковский В. Эта зимняя война // Ленинская правда. 1990. 1 янв.; Vihavainen T. Leningradin turvaaminen stalinismin näkökulmasta. S. 352.

³ Коллонтай А. «Семь выстрелов» зимой 1939 года. С. 199–200.

возвращения делегации финнов в Москву с ответом самого финского правительства на новые наши уступки им. Но дальше мы не пойдём». После этого Коллонтай поняла, что «война может стать неизбежной»¹.

Обстановка действительно менялась. Советское руководство стало уделять все больше внимания приготовлениям военного характера. Прежде всего это выражалось в усилении группировки войск у границы с Финляндией. На Карельском перешейке размещался ряд частей 7-й армии, переданных Наркоматом обороны в состав Ленинградского военного округа. 25 октября началась передислокация из Прибалтики в Карелию 8-й армии. К концу месяца в пути находилось до шести дивизий². Они должны были занять позиции в районах, прилегавших к границе с Финляндией.

Одновременно в Северном и Балтийском флотах была объявлена повышенная боевая готовность, и с 21 октября советские военно-морские силы были переведены в оперативное подчинение командованию Ленинградского военного округа³. Далее 3 ноября (в этот день должны были быть продолжены советско-финляндские переговоры) нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов в письме к Сталину и Молотову докладывал о своих соображениях относительно возможности установления морской блокады Финляндии в случае возникновения войны с ней. Тогда же начала осуществляться ежесуточная воздушная разведка акватории Финского залива⁴.

Разработка оперативных планов, которая велась командованием Ленинградского военного округа, Северного и Балтийского флотов, завершилась к концу октября⁵. В конечном счете в едином оперативном плане Военного совета Ленинградского округа, предоставленном 29 октября 1939 г. К. Е. Ворошилову, предусматривалось, что «по получении приказа на наступление наши войска одновременно вторгаются на территорию Финляндии на всех направлениях с целью растащить группировку сил противника и во взаимодействии с авиацией нанести решительное поражение финской армии»⁶. Прежде всего в ходе наступления на Карельском перешейке требовалось «разгромить

¹ Коллонтай А. «Семь выстрелов» зимой 1939 года. С. 200–201.

² РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 303. Л. 92. Оперативная сводка штаба ЛВО, 1.11.1939.

³ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 76. Л. 92. Приказ НКО, 21.10.1939.

⁴ Там же. Д. 97. Л. 89. Приказ НК ВМФ, 3.11.1939; Д. 80. Л. 21. Записка наркома ВМФ Н. Г. Кузнецова, 3.11.1939; Д. 669. Л. 100. Телеграмма НК ВМФ.

⁵ РГВА. Ф. 25888. Оп. 14. Д. 2. Л. 1–14; РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 543. Л. 11. План операции по разгрому сухопутных и морских сил финской армии.

⁶ РГВА. Ф. 25888. Оп. 14. Д. 2. Л. 3–4.

главную группировку войск противника в районе Сортавала, Виипури [Выборг. — В. Б.], Кякисалми (Кексгольм) [Приозерск. — В. Б.] и овладеть районами Хиитола, Иматра, Виипури». Операция предусматривала стремительное продвижение войск вперед с расчетом выполнения поставленной задачи в течение приблизительно двух недель¹.

Утвержденный в Москве план не до конца был проработан, поскольку, очевидно, он рождался в крайней спешке. Несмотря на то что замысел военного командования заключался в проведении «блицкрига», чувствовалось, что к операции могли быть привлечены далеко не все те силы, на которые рассчитывали. В плане допускалось, в частности, что предполагаемая по замыслу военного руководства штаба округа концентрация войск к началу операции могла быть не завершена. Конкретно в утвержденном плане указывалось: «Если перевозки войск не будут закончены к началу действий, считаем возможным немедленный переход в наступление сосредоточенными там силами к настоящему времени»². Данная констатация говорила о том, что по принятому плану времени для подготовки предполагаемой операции отводили очень мало, а расчет строился на внезапности начала наступления и превосходстве сил Красной армии над финскими войсками.

Это указывало на недостаточную продуманность операции, а также на переоценку реальных возможностей советских войск и явное пренебрежение силой сопротивления финской армии, что таило серьезную опасность.

В действительности в Финляндии к войне активно готовились. Финское командование, исходя из разработанного ранее оперативного плана, в это время продолжало энергичную подготовку к боевым действиям против Советского Союза. В октябре у границы с СССР началась общая концентрация дополнительных вооруженных сил. В это же время перед линией укреплений между Финским заливом и Ладожским озером были сформированы особые группы войск прикрытия. К тому же Карельский перешеек по-прежнему рассматривался в качестве главного района, где развернутся военные действия. Но при этом финское руководство по-прежнему считало, что Финляндия не будет воевать одна без поддержки извне³.

¹ РГВА. Ф. 25888. Оп. 14. Д. 2. Л. 4, 14.

² Там же; Тайны и уроки зимней войны 1939–1940. С. 55.

³ Suomi sodassa. Keuruu, 1983. S. 20–21; *Seppälä H.* Itsenäisen Suomen puolustuspolitiikka ja strategia. S. 135; *Mannerheim G.* Muistelmat. S. 151–154; *Niukkanen J.* Talvisodan puolustusministeri kertoo. S. 84, 95–98.

Тем временем дальнейший ход событий усложнил и без того непростые советско-финляндские дипломатические отношения. Особо жесткий характер они приобрели, когда советское правительство решило дать развернутую информацию о состоянии переговорного процесса с Финляндией. Это было сделано предельно открыто, во время проходившей в конце октября сессии Верховного Совета СССР. В докладе о внешней политике, с которым выступил 31 октября Молотов, была публично раскрыта суть внесенных правительством Советского Союза предложений Финляндии. В Хельсинки это выступление не могли не заметить¹.

Очевидно, это было сделано для того, чтобы показать финской стороне, что дальнейшего отступления от предложенных СССР условий ожидать не следует. Молотов к тому же выразил надежду, что переговоры могут дать положительный результат, если в Финляндии не поддадутся «какому-либо антисоветскому давлению и подстрекательству со стороны кого бы то ни было»².

Это выступление, безусловно, крайне болезненно было воспринято в финских дипломатических кругах. Из их представительства в Москве тогда срочно ушла в Хельсинки тревожная телеграмма: «На слух исключительно плохо. Текст завтра»³.

Как и следовало ожидать, за рубежом оценка выступления Молотова в целом носила негативный характер. По словам Коллонтай, оно было квалифицировано «как нажим на Финляндию» и проявление угрозы великой державы «посягнуть на интегритет⁴ суверенной, хотя и малой страны»⁵. Вряд ли выступление Молотова могло способствовать созданию благоприятной атмосферы для ведения дальнейших переговоров с делегацией Финляндии.

Придание гласности сведений о содержании советско-финляндских переговоров имело, конечно, определенную цель. Расчет делался на то, что удастся в известной степени поставить в затруднительное положение противников достижения договоренности с СССР, лишив их возможности маневрировать. В руководящих кругах Хельсинки речь Молотова вызвала лишь одно — нескрываемое раздражение. Особенно был раздосадован Эркко. Тогда же, 31 октября ночью он

¹ См.: Suomen sinivalkoinen kirja. S. 53–58.

² Правда. 1939. 1 нояб.

³ УМ. 109. А 4. Телеграмма из Москвы, 1.11.1938.

⁴ Целостность. — *Примеч. ред.*

⁵ Коллонтай А. «Семь выстрелов» зимой 1939 года. С. 201.

позвонил начальнику Генерального штаба генералу К. Л. Эшу и стал его убеждать в том, что уже настало время, когда «надо быть готовыми в военном отношении к внезапной опасности»¹.

Затем Эркко предпринял попытку приостановить возобновление переговоров и даже вернуть финляндскую делегацию, которая уже выехала из Хельсинки. В Выборг, куда должна была приехать уже отбывшая на переговоры делегация, следующая на поезде в Москву, он в два часа ночи 1 ноября отправил телеграмму: «Прервите поездку. Возвращайтесь первым поездом в Хельсинки. Молотов выступил с речью, представив все предложения России в новом свете. Необходимо все обсудить вновь»². Однако срочно, буквально вслед за отправленной телеграммой, в Выборг ушло еще одно сообщение: «Телеграмма отменена и даны новые указания»³. Из этих противоречивых распоряжений видно, что в финском руководстве в это время царили паника и крайне нервная атмосфера.

Что же касается уточнения тактики ведения Финляндией переговоров после выступления Молотова, то фактически этого не было. Вечером 1 ноября в Москву в представительство опять ушла очередная телеграмма. В ней говорилось: «Речь Молотова оценивают здесь как тактический маневр с целью запугивания... Мы будем спокойно, твердо вести себя»⁴. Таким образом, в Хельсинки ничего не стали менять в ходе дальнейшего ведения переговоров.

Эта линия, в принципе, получила подтверждение в публичном выступлении Э. Эркко. Оно состоялось в тот же день на своеобразном патриотическом митинге в Шведском театре в Хельсинки. Здесь Эркко был далек от дипломатического тона по отношению к Советскому Союзу. Предложения, внесенные делегацией СССР на переговорах в Москве, им квалифицировались как проявление «русского империализма». В категорической форме Эркко заявил: «Финляндия знает, какой путь ей надо избирать...»⁵ В целом речь министра иностранных дел, по словам сотрудника финского МИД Ааро Пакаслаhti, «соответствовала линии, которую он проводил до этого»⁶. Такой путь совершенно очевидно вел к дальнейшей конфронтации с Советским

¹ *Pakaslahti A.* Talvisodan poliittinen näytelmä. S. 156.

² УМ. 109 А 4. Телеграмма из МИДа в Выборг Таннеру, 1.11.1939 (01⁵⁰).

³ *Ibidem.*

⁴ *Ibid.* А 11. Телеграмма из МИДа в Москву, 1.11.1939 (22¹⁵).

⁵ УМ. 109 А 10. Pääministeri Rytin ja ministeri Erkon puheet.

⁶ *Pakaslahti A.* Talvisodan poliittinen näytelmä. S. 167.

Союзом и был чреват возникновением войны. Но по итогам своего выступления Эркко удовлетворенно записал в дневнике: «Выступил спокойно, и это был успех»¹.

Действительно, само это выступление не являлось эмоциональным экспромтом финского министра иностранных дел. Как доклады-вали из советского полпредства в Москву, оно готовилось тщательно. Были известны три его варианта. Наиболее воинственный тон имело устное выступление. Несколько смягченный — публикация в печати, а совсем мягкая версия рассылалась иностранным миссиям на французском языке². Иными словами, речь главы внешнеполитического ведомства была рассчитана на различные подходы к тем, кому она предназначалась.

В любом случае было ясно, что Финляндия не готова к каким-либо серьезным компромиссным договоренностям. В Швеции, напряженно наблюдавшей за происходящими событиями, уже предрекали, что далее может последовать резкое обострение советско-финляндских отношений. Опубликовав речь Эркко, шведские газеты здесь же поместили сообщение из Нью-Йорка: «Финляндия ведет переговоры о закупке американских самолетов», причем, как указывалось, в огромном количестве — чуть ли не более 800 машин³.

2 ноября Стокгольм, используя дипломатические каналы, принял попытку как-то разрядить ситуацию. С этой целью посланник Швеции в Москве О. В. Винтер передал В. М. Молотову письменное обращение своего правительства, где содержалась просьба, чтобы с советской стороны не выдвигались на переговорах с финляндской делегацией такие предложения, которые препятствовали бы достижению взаимоприемлемого решения. Но, ознакомившись с этим обращением, Молотов отреагировал на него предсказуемо раздраженно. Он ясно дал понять шведскому посланнику, что такого рода действия правительства Швеции лишь вредят делу, поскольку поощряют Финляндию идти по опасному пути⁴.

Объективно политическая ситуация, которая складывалась в Москве, приобрела как раз такую форму, которая требовала от финляндского руководства соответствующей корректировки своих дей-

¹ *Manninen O., Salokangas R.* Eljas Erkko. Vaikenematon valtiomahti. S. 273.

² Документы внешней политики. Т. XXII. Кн. 2. С. 257. См. также: Suomen sinivalkoinen kirja. S. 58–59.

³ *Краминов Д. Ф.* В орбите войны. М., 1986. С. 85.

⁴ Документы внешней политики. Т. XXII. Кн. 2. С. 257.

ствий¹. И это не могли не почувствовать финские участники переговоров. Им с советской стороны начали демонстрировать изменяющееся отношение к продолжавшимся переговорам. Советское руководство уже никуда не торопилось. Финляндская делегация, прибыв в Москву, просто ожидала, когда их пригласят и пререговоры возобновятся. И это продолжалось в течение полутора суток. Прибыв в столицу СССР 2 ноября в 10 часов утра, финны смогли встретиться с советскими участниками переговоров лишь на следующий день в 18 часов вечера.

За это время, как они информировали МИД Финляндии по телефону, делегацию пригласили лишь лично посетить очередное заседание Верховного Совета СССР. А утром 3 ноября они узнали о передовой статье газеты «Правда», где было написано о том, что «Финляндия угрожает Советскому Союзу войной»². Действительно, в главном печатном органе ВКП (б) появилась совершенно необычная по тону статья, в которой содержалась открытая критика позиции, занятой правительством Финляндией. «Мы, — говорилось в ней, — отбросим к черту всякую игру политических картежников и пойдем своей дорогой, несмотря ни на что, ломая все и всякие препятствия на пути к цели». Не вызвало сомнений, что такой газетный текст, представляющий точку зрения ЦК ВКП (б), не мог выражать мнение обычного журналиста. Содержание статьи не оставляло надежды, что Москва пойдет на какие-либо компромиссные действия.

Все это должно было по крайней мере насторожить финляндское руководство. Однако в данном случае оно проявляло невиданную прежде выдержку. Финским дипломатам, находящимся в Москве, МИД разъяснил причину обострения ситуации в советско-финляндских отношениях «наступлением русской печати». В Хельсинки считали, что оно вызвано открытым выступлением Э. Эркко по поводу советско-финляндских переговоров, но в телеграмме, отправленной 3 ноября в столицу СССР, подчеркивалось: «Мирная, согласительная, не воинственная речь Эркко... отстаивала безопасность и независимость Финляндии...»³ Очевидно, что финское руководство просто не хотело замечать резкое ухудшение политических отношений с СССР.

¹ См.: *Барышников В. Н.* От прохладного мира к зимней войне. С. 253–254.

² УМ. 109 А 4. Телеграмма из Москвы в МИД, 2.11.1939 (17⁴⁵); Телеграмма из Москвы в МИД, 3.11.1939 (12⁴⁵).

³ *Ibid.* А 11. Телеграмма из МИДа в Москву, 3.11.1939 (15⁰⁰).

И вот именно в такой обстановке вечером 3 ноября начался третий, заключительный этап вошедших в историю московских переговоров. Первое заседание длилось недолго — всего один час. На нем впервые отсутствовал И. В. Сталин. Было заслушано лишь сообщение Паасикиви, который проинформировал, что правительство Финляндии может согласиться только с переносом границы на Карельском перешейке не далее района бывшего форта Ино (Приветненское). По вопросу о Ханко существовавшая ранее позиция финляндского правительства не менялась¹.

Молотов, отрицательно воспринявший изложенное, не стал вступать в обсуждение полученной информации, а лишь заметил: «Сейчас дело рассматривается официальными гражданскими лицами, а поскольку не достигается соглашение, надо будет передавать это дело в руки военных». Воспроизведя в своих воспоминаниях эту фразу, Паасикиви заметил: «Эти слова имели весьма серьезный смысл»².

Действительно, ход начавшегося уже третьего раунда переговоров сильно озадачил финскую делегацию. Поэтому не успело закончиться заседание, как в Хельсинки срочно ушла телефонограмма, где сообщалось, что отдельно «о трудностях сегодняшнего дня информацию передадут по телефону»³. Позже по телефону были сообщены две наиболее важные, как казалось участникам переговоров, подробности — это отсутствие на встрече Сталина и то, что она продолжалась всего один час⁴. Трудно сказать, насколько подобные сведения могли обеспокоить МИД Финляндии, поскольку на следующий же день из Хельсинки пришел ответ, в котором просто запрашивались подробности произошедшей встречи. В частности, у финских представителей выяснили, сделала ли советская сторона соответствующие поправки к варианту предложений Финляндии. При этом далее содержалось весьма категорическое заявление: «Если нет сведений о продолжении переговоров, надо выяснить, нужно ли вообще дальше их вести»⁵.

Действительно, положение финской делегации в Москве становилось достаточно странным. На очередное заседание их не приглашали. Теперь им приходилось развлекать себя тем, что слать телефонограммы

¹ УМ. 109 А 11. Sähke Moskovasta — УМ. 3.11.1939; Suomen sinivalkoinen kirja. S. 59–63.

² Paasikivi J. K. Toimintani Moskovassa ja Suomessa. 1939–41. Os. I. S. 84.

³ УМ. 109 А 4. Телефонограмма из Москвы в МИД, 3.11.1939 (18³⁹).

⁴ Ibid. 3.11.1939 (22⁴⁰).

⁵ Ibid. А 4. Телеграмма из МИДа в Москву, 4.11.1939 (13⁴⁵).

в Финляндию, информируя о посещении Третьяковской галереи или визитах в посольства Скандинавских стран. Как они, в частности, сообщали в МИД 4 ноября, «другой программы у делегации сегодня нет»¹.

Но эта информация оказалась не совсем точной. Неожиданно в пять часов вечера 4 ноября финскую делегацию пригласили на переговоры в Кремль. Столь стремительное развитие событий привело к тому, что Паасикиви даже не успел вовремя об этом известить свое руководство². В ходе самих переговоров, на которых уже присутствовал И. В. Сталин, советское правительство вновь предприняло попытку добиться согласия финляндской делегации, прежде всего на создание советской военно-морской базы на ряде небольших островов вблизи Ханко. При этом Сталин вновь стремился убедить представителей Финляндии, что постановка данного вопроса продиктована опасением, что финская территория может быть использована внешними агрессивными силами. «Он обратил внимание снова на то, — вспоминал Паасикиви, — что Финляндия является слишком небольшой и слабой, чтобы защищаться и блокировать действия крупной державы, в силу чего может разделить судьбу Польши, а ведь Польша, — как, по словам финского дипломата, сказал Сталин, — была все же крупнее Финляндии»³. Но эта новая дипломатическая атака вновь никакого результата не принесла. Также не получилось достигнуть договоренности по предложению СССР пересмотреть границу на Карельском перешейке. Этот вопрос практически не рассматривался, поскольку делегация Финляндии в категорической форме отклоняла какие-либо советские предложения.

Так, после непродолжительного обсуждения, не давшего никаких результатов, закончилось и это заседание. Оперативно в 19.25 в Хельсинки из финского представительства в Москве по телефону сообщили о результатах прошедших в Кремле переговоров. Информация была краткой. В ней говорилось, что встреча длилась всего один час. Также было обращено внимание на то, что на переговорах вновь присутствовали и Сталин, и Молотов, которые, как указывалось в сообщении, лишь «рассмотрели отставленные прежде финские предложения и решили к ним вернуться вновь». Учитывая исход этой встречи, делегация Финляндии опять рискнула запросить свое руководство

¹ УМ. Телефонограмма из Москвы в МИД, 4.11.1939 (14⁰⁰).

² Ibid. 4.11.1939 (18⁰⁰).

³ Ibid.

о получении соответствующих новых инструкций, выражая надежду на предоставление им более широких полномочий¹. Предполагалось, в частности, с финской стороны сделать предложение передать СССР для использования в качестве базы остров Юссарё. Он находился непосредственно в районе Ханко. Характерно, что вопрос об этом острове уже обсуждался с финским военным командованием еще до выезда делегации в Москву. Тогда было дано разъяснение, что Юссарё «не имеет существенного значения для обороны страны». Поэтому в телеграмме, подписанной Паасикиви и Таннером, запрашивалось согласие правительства Финляндии в сложившихся условиях предложить на переговорах вместо Ханко именно остров Юссарё².

Однако дальнейшие инструкции финской делегации в Москву передавать не спешили. Да и переговоры также не возобновлялись. В этот период в ведении переговоров опять наступил перерыв, который продолжался целых четыре дня. Формально этот перерыв был связан с проведением в СССР мероприятий, связанных с празднованием очередной годовщины Октябрьской революции. В результате 7 ноября вместо переговоров члены финляндской делегации были приглашены на Красную площадь, где наблюдали за проходившим у стен Кремля военным парадом и многотысячной демонстрацией жителей Москвы. Представители Финляндии также присутствовали на торжественном приеме, который проводился по случаю этих празднований в Кремле. Причем финские представители явно чувствовали подчеркнуто внимательное отношение принимающей стороны.

Таким образом, очевидно, что здесь советское руководство явно предоставило Финляндии время, чтобы обдумать складывающуюся ситуацию и дать ответ, соответствующий, как полагали в Москве, реальной обстановке. О том, что именно пытались дать почувствовать финляндской стороне, можно судить из фактов начавшихся тогда актов «общественного осуждения» в СССР официальной позиции Финляндии. 5 ноября финское представительство прямо информировало МИД: «Антифинляндская агитация началась на заводах. Вчера состоялись собрания на четырех московских заводах, где буквально обрушивались на Финляндию, осуждая ее подготовку к войне»³.

¹ УМ. Телефонограмма из Москвы в МИД, 4.11.1939 (19²⁵).

² *Selén K. C. G. E. Mannerheim ja hänen puolustusneuvostonsa. S. 334–335; Paasikivi J. K. Toimintani Moskovassa ja Suomessa 1939–41. Os. I. S. 85.*

³ УМ. 109 А 4. 5.11.1939 (14⁴⁵).

Однако в Хельсинки не собирались отступать. Вместо этого финской делегации наконец сообщили «новое» задание. Фактически оно должно было стать ответом на положение, сложившееся в советско-финляндских отношениях. Участникам переговоров предлагалось начать «в своих интервью делать отдельные осторожные высказывания»¹, которые должны быть направлены против принятия советских предложений. О том, что именно эта линия окончательно возоблудала в руководстве Финляндии, свидетельствует также тот факт, что выступивший с речью по поводу начала третьего раунда переговоров премьер-министр А. К. Каяндер официально дал понять, что отступления от прежней позиции правительства страны не будет. «По своему содержанию речь [была] аналогична речи Эркко», — так доложили из советского полпредства в Москву. К этому было добавлено заключение, сделанное непосредственно полпредом: «Как видно, правительство и военные круги [Финляндии. — В. Б.] пытаются создать еще большее военное напряжение в стране»².

Действительно, когда от Паасикиви и Таннера пришла телеграмма с подробной информацией о последнем раунде переговоров и о последних советских предложениях, в Хельсинки обсуждение поставленного в ней вопроса, начавшееся в правительстве 6 ноября, сразу приобрело достаточно острый характер. Оно длилось долго и проходило в весьма накаленной обстановке. Более того, на следующий день, 7 ноября, премьер-министра А. Каяндера посетила целая депутация представителей ведущих политических партий, которая со своей стороны решительно потребовала «не уступать ни одного дюйма!»³.

Тогда же правительство представило парламенту развернутый доклад о ходе переговоров⁴. Фактически в руководстве страны уже приняли соответствующее решение. По твердому настоянию Э. Эркко договорились послать в Москву отрицательный ответ. В подписанной тогда им директиве для делегации было категорически заявлено, что «аренда, покупка, обмен Ханко или другой части побережья Финляндии невозможны». Более того, само упоминать об острове Юссарё вообще запрещалось⁵.

¹ УМ. Телефонограмма из МИДа в Москву, 7.11.1939 (19⁴⁰).

² Документы внешней политики. Т. XXII. Кн. 2. С. 257.

³ *Uino A. Kokoomuspuolueen tie talvisotaan // Historiallinen Aikakauskirja*. 1989. № 3. S. 212.

⁴ *Valtionevostonhistoria*. Os. 1. Hels., 1976. S. 602–693.

⁵ УМ. 5 С 1. Sähke Tannerille ja Paasikivelle Moskovaan Erkolta, 7.11.1939.

В результате поздно вечером 7 ноября в Москву ушла очередная шифрограмма, определившая все последующее отношение к переговорам финского руководства. В этом документе содержалось твердое указание о невозможности принять советские предложения по большинству позиций¹.

Расшифровка этой установки, как свидетельствует в своих воспоминаниях В. Таннер, заняло в финском представительстве в Москве несколько часов. Лишь только к 11 часам утра удалось разобрать содержание полученной директивы², и она, очевидно, привела в замешательство членов финляндской правительственной делегации. Поэтому в Хельсинки срочно был направлен соответствующий запрос. В нем конкретно говорилось: «Указания прибыли. Они не создают перспективу для возможности достижения соглашения, подводя, таким образом, к неизбежности того, чтобы прервать переговоры»³. Снова потребовались соответствующие подтверждения и уточнения.

Ответ из финской столицы в данном случае оказался весьма оперативным. Его подписал сам министр иностранных дел. В нем четко указывалось, что «если не удастся договориться на предлагаемой основе, переговоры прерывайте»⁴. Именно эта установка в конечном итоге стала определяющей для дальнейшего хода встреч финской делегации в Кремле с советским руководством.

В результате можно сказать, что сторонам осталось провести последнее заседание. Оно состоялось вечером 9 ноября. С советской стороны его вновь проводили Сталин и Молотов. Вероятно, у них все еще сохранялись какие-то надежды. Скорее всего, советские лидеры продолжали считать, что финляндская делегация, имевшая несколько дней для обсуждения окончательных советских предложений, даст ответ более или менее позитивного характера. Но Паасикиви категорически сообщил, что «правительство Финляндии не считает возможным согласиться» с советскими предложениями⁵. Глаза у членов советской делегации, вспоминал В. Таннер, «стали большими», поскольку они явно ожидали, что финны «проявят доброе согласие с их предложениями»⁶.

¹ УМ. 109 А 4. Шифрограмма из МИДа в Москву, 7.11.1939 (19³⁰).

² *Tanner V. The Winter War.* P. 73.

³ УМ. 109 А 4. Телефонограмма из Москвы в МИД, 8.11.1939 (13²³).

⁴ *Ibid.* Телефонограмма из МИДа в Москву, 8.11.1939 (20¹²).

⁵ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. Л. 18. Д. 193. Л. 16; Зимняя война. С. 67.

⁶ *Tanner V. Olin ulkoministerinä talvisodan aikana.* S. 125.

Дальнейшее обсуждение конкретных вопросов с этого момента потеряло всякий смысл. Переговоры закончились. Итоговым документом явилась записка, переданная финляндской делегации в ночь на 10 ноября. В ней Молотов изложил позицию СССР по рассматривавшимся в ходе обсуждения вопросам и выразил отношение к взглядам финской стороны¹. В свою очередь финская делегация ответила на это своей запиской с изложением позиции, подтверждавшей невозможность принятия советских предложений².

Таким образом, переговоры окончательно зашли в тупик. К тому же 12 ноября на пресс-конференции в Хельсинки Эркко подтвердил, что финская делегация не получит дальнейших полномочий для продолжения переговоров и ее члены должны возвратиться в Финляндию, поскольку у них «есть другие важные дела»³.

В тот же день в Москву из полпредства СССР в Хельсинки было передано сообщение, которое могло побудить советское руководство к самым решительным действиям. «События в Финляндии развиваются так, — говорилось в нем, — что не исключена возможность всяких неожиданных шагов со стороны правительства... Даже не исключена военная авантюра; финские заправила в своей внешней политике сейчас находятся в орбите большого влияния Англии»⁴.

На следующий день у Молотова состоялась очередная беседа с Шуленбургом. Немецкий посол спросил у него, каким образом СССР будет обеспечивать осуществление сделанных Финляндии предложений: «только ли мирными средствами?» На это последовал такой ответ: «Сейчас это трудно сказать»⁵. Вряд ли Молотов мог сообщить ему что-то большее. Но и этот уклончивый ответ говорил о допустимости немирных путей дальнейшего решения «финляндской проблемы».

Покидая 13 ноября Москву, финляндская делегация, конечно, чувствовала неудовлетворенность с советской стороны и хотела как-то сгладить тяжелый осадок у провожавших ее советских официальных лиц. Была даже выражена надежда, что в будущем переговоры могут привести «к удовлетворяющему обе стороны результату»⁶. Но от при-

¹ Suomen sinivalkoinen kirja. S. 64–65.

² Документы внешней политики. Т. XXII. Кн. 2. С. 629; Suomen sinivalkoinen kirja. S. 65–66.

³ Helsingin Sanomat. 1939.13.11.

⁴ Документы внешней политики. Т. XXII. Кн. 2. С. 283.

⁵ Там же. С. 286.

⁶ Там же. С. 630; Suomen sinivalkoinen kirja. S. 67.

существовавших на Ленинградском вокзале советских дипломатов при этом не ускользнуло, что уезжавшие вовсе не были подавлены. Наоборот, как было отмечено, они находились в весьма приподнятом настроении. Конкретно в донесении одного из сотрудников Наркомата иностранных дел прямо сообщалось, что «отъезжающие чувствовали себя весело, вели оживленные и громкие разговоры и находились в стадии опьянения, заметного для других»¹. Понимали ли они, какие последствия влечет провал их миссии в Москве?

Срыв переговоров стал на многие последующие годы предметом глубокого анализа ряда политиков и ученых-исследователей. Представляется наиболее правильным вывод, который сделал известный в Финляндии дипломат, историк и публицист Макс Якобсон. Он писал, что переговоры окончились неудачей из-за «чрезмерного упорства» министра иностранных дел Эркко и премьер-министра Каяндера. Это привело к тому, указывает Якобсон, что они не согласились договориться о Ханко или уступить три островка «из сотен тех, расположенных в шхерах, названия которых неизвестны даже местным жителям»².

В целом, рассматривая ход развития советско-финляндских переговоров в Москве, можно в политике финского руководства четко выделить соответствующие периоды, которые во многом определяли ход развернувшихся в Москве дискуссий. Фактически этих периодов было два. Вначале, с 5 по 16 октября, тактическая линия правительства Финляндии выглядела как стремление продемонстрировать нежелание придавать начавшимся официальным переговорам с Москвой большое значение. Сами переговоры квалифицировать лишь как продолжение диалога, происходившего еще с 1937 г.³ Поэтому переговоры, как и раньше, просто затягивали, но не доводили дело до разрыва с СССР.

Поскольку данная политическая линия осенью 1939 г. была абсолютно бесперспективной, начался второй период в политике Финляндии в ходе продолжавшихся переговоров. Этот период закончился

¹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 1. Д. 7. Л. 64. Дневник заместителя заведующего протокольным отделом НКВД Б. Понтикова.

² *Jakobson M. Diplomaattien talvisota. S. 256.*

³ См.: *Барышников В. Н.* «Кратковременная оттепель» или перспективная программа сотрудничества? (к итогам визита министра иностранных дел Финляндии в СССР в 1937 г.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы восьмой ежегодной Международной научной конференции. СПб., 2007. С. 183–206.

13 ноября. Суть данного периода отражена в откровенной демонстрации финской стороной озабоченности проходящими встречами, но при этом твердом намерении не уступить СССР, полагая, что по-прежнему «время работает на Финляндию». В этом периоде также четко можно выделить два определенных этапа: вначале (16–30 октября) линия финляндского руководства осуществлялась в целом при лояльном отношении СССР и стремлении Москвы найти компромиссное решение возникающих проблем. С 31 октября советское руководство поменяло прежнюю тактику ведения переговоров, переходя к более жестким формам давления. Тем не менее, фиксируя и замечая это, Финляндия продолжала осуществлять прежнюю линию, что неминуемо закончилось срывом переговоров. В результате в новых политических условиях советско-финляндские отношения оказались у крайне опасной черты.

Между тем в правительственных кругах Финляндии продолжали оценивать ситуацию вполне оптимистически. Там даже полагали, что происшедшее является определенным успехом линии Э. Эркко, «не дрогнувшим перед Москвой». Советское руководство рассматривало случившееся не только как неудачу, но и как усложнение проблемы обеспечения безопасности Ленинграда и северо-запада страны в целом. Если учесть к тому же, что было ущемлено самолюбие Сталина и бесплодностью его личных усилий добиться результата в ходе переговоров, то можно понять, какие неблагоприятные последствия для Финляндии таил в себе такой итог.

Что же касается второго участника переговоров с советской стороны — Молотова, то он неудачный финал переговоров еще и персонализировал. Он четко усматривал причину срыва переговоров не столько в позиции финляндского правительства, сколько в линии, проводившейся конкретно В. Таннером, который, как известно, и был включен в состав финской делегации на втором этапе переговоров. Это очень хорошо почувствовала А. М. Коллонтай. Она прямо писала, что Молотов неоднократно повторял: «Главный противник мирного соглашения с нами — зловердный социал-демократ Таннер. Паасикиви хитрый старик, но без Таннера он рассуждал бы разумнее»¹.

Такое утверждение являлось все же большим преувеличением. Таннер действительно играл заметную роль в ходе переговоров. Он действительно занимал весьма бескомпромиссную позицию. Но при

¹ Коллонтай А. «Семь выстрелов» зимой 1939 года. С. 201.

всем этом, если бы даже делегация была склонна пойти на договоренность с советской стороной по отдельным вопросам, она не имела возможности так действовать без разрешения своего правительства. Чтобы дать ответ на любые советские предложения, ей приходилось либо выезжать в Хельсинки для получения инструкций, или же запрашивать соответствующие распоряжения по телеграфу.

Уже после Второй мировой войны, когда Таннер предстал перед судом в Хельсинки в процессе над виновниками войны и давал объяснения, связанные с участием в осенних переговорах 1939 г. в Москве, он подчеркивал ограниченность возможностей финляндской делегации влиять на их исход. «Безрезультативность этих переговоров, — говорил он, — не является все же следствием действий Паасикиви и моих, как некоторым хотелось тогда представить, ведь мы просили до самого последнего момента предоставить нам широкие полномочия»¹.

Действительно, необходимые полномочия финляндская делегация до самого конца переговоров так и не получила. Имея особую позицию по ряду обсуждавшихся вопросов, она не смогла склонить правительство на свою сторону. Сведения о разногласиях между руководством делегации и курсом, который проводил Эркко, поступали в Москву. Сообщения, в частности, шли не только из Хельсинки. 13 ноября полпред в Норвегии В. А. Плотников, например, докладывал: «По сведениям из Финляндии, полученным близкими кругами, между Эркко и финляндской делегацией в Москве существуют крупные разногласия. Делегация склонна идти на уступки. Эркко, являясь сейчас фигурой, вокруг которой группируется местная реакция и осуществляется связь с границей, не желает идти на уступки»². Но, получая такого рода данные, Молотов неизменно считал виновником срыва переговоров в Москве не Эркко, а именно Таннера. Такой взгляд сохранялся многие десятилетия и в советской исторической литературе.

Между тем в Москву поступила также информация, искажавшая реальную обстановку в Финляндии. Прежде всего это относилось к сведениям и оценкам, характеризовавшим отношение финского населения к переговорам в Советском Союзе. Докладывалось, в частности, что среди трудящихся Финляндии наблюдалась чуть ли не реши-

¹ КА. Mannerheimin kokoelma. 617. Sotasyllisyys (10.12.1945–21.12.1945), 17.12.1945.

² Документы внешней политики. Т. XXII. Кн. 2. С. 293.

мость активно выступить против руководства страной, осложняющего отношения с СССР. В одном из таких донесений говорилось, в частности, следующее: «Наблюдавшийся оптимизм до начала переговоров финской делегации в Москве... сменился неуверенностью. Рабочие и беднейшие слои крестьянства выражают скрытое недовольство политикой правительства, требуют улучшения отношений с СССР и угрожают расправой тем, кто ведет политику, враждебную Советскому Союзу». Вместе с тем это была не просто информация. В ней содержался вывод: «Затягиванием переговоров с Советским Союзом финское правительство надеется выиграть время, чтобы отмотилизовать свои вооруженные силы, материальные ресурсы и заручиться помощью со стороны Англии и Скандинавских стран на случай войны с Советским Союзом»¹. Нетрудно предположить, к каким действиям побуждали такие донесения. Исходили они из штаба Ленинградского военного округа и опирались на разведывательные данные, полученные из-за рубежа.

В целом, советское руководство в это время стало принимать меры, которые не имели ничего общего с линией на достижение договоренности с Финляндией. Безоговорочно был взят курс на военное решение тех вопросов, которые обсуждались в ходе переговоров.

О каком же тогда успехе Эркко в противодействии «диктату Москвы» могла теперь идти речь? Но министр чувствовал себя скорее победителем. Тем не менее он пребывал в этом состоянии всего несколько недель. В дальнейшем события приняли весьма опасный оборот, что могли заметить и в Хельсинки. Таким образом, то, что случилось в Москве в середине ноября, было по своей сути «пирровой победой» этого финского дипломата. Но сам Э. Эркко этого не хотел видеть и понимать. В своих дневниковых записях того периода он весьма откровенно записал, что готов отказаться от всего, «чтобы спасти страну от войны», но далее добавил: «Я отступить от принципов не могу»². И это квинтэссенция того, что в конечном итоге привело Финляндию к войне. После срыва переговоров ему и всему составу правительства оставалось находиться у власти немногим более двух недель.

¹ РГВА. Ф. 25888. Оп. 11. Д. 17. Л. 199. Донесение начальника оперативного отдела штаба ЛВО П. Тихомирова, 10.11.1939.

² *Manninen O., Salokangas R. Eljas Erkko. Vaikenematon valtiomahti. S. 278.*

Часть II

ВОЙНА

ГЛАВА I

НОЯБРЬ 1939 г.

Советский Союз накануне войны

В работах финских историков существует утверждение, что уже в сентябре 1939 г. «войска Ленинградского военного округа были готовы к нападению на Финляндию», и это было «уже за месяц до начала 12 октября 1939 г. переговоров в Москве»¹. Такие нелепые утверждения, естественно, вызваны либо слабым знанием фактического материала, либо недоброкачественной источниковой базой, которая обычно черпается из российской публицистической литературы. Но в любом случае подобные утверждения, безусловно, направлены на то, чтобы доказать безмерное желание Сталина напасть на «маленькую и миролюбивую» Финляндию.

Объективно говоря, к конкретной войне с Финляндией части Ленинградского военного округа начали реально готовиться лишь во второй половине ноября 1939 г., то есть не за месяц до начала советско-финляндских переговоров в Москве, а за месяц до начала войны. Именно тогда в отношениях между СССР и Финляндией методы дипломатии шаг за шагом уступали место угрозам и бряцанию оружием. Постепенно нарастала острая конфликтная ситуация. Теперь уже действительно Красная армия спешно готовилась к боевым действиям. В основу был положен, как известно, оперативный план, подготовленный в самом конце октября 1939 г. командующим войсками Ленинградского военного округа (ЛВО) К. А. Мерецковым.

Со срывом советско-финляндских переговоров советскому командованию предстояло вплотную приступить к его осуществлению.

¹ *Rautkallio H.* Kansakunnan syllisyys. Talvisotaan 1939–1940. S. 24.

И первое, с чем столкнулись в реализации этого плана, была задача срочно осуществить стремительное сосредоточение на всем протяжении границы с Финляндией колоссального количества частей и соединений Красной армии, которые должны были принять участие в готовившемся тогда наступлении. Поскольку заранее ничего не было сделано, то ситуация с реализацией принятого 29 октября военного замысла выглядела проблематичной и очень сложной для осуществления в весьма сжатые сроки.

Об это можно судить, по крайней мере, из шифровок, направляемых в Москву из штаба ЛВО. Так, Мерецков 11 ноября уже докладывал о начавшемся сосредоточении войск у границы с Финляндией. Но из поступающей вслед за этим информации становилось понятно, что быстрой концентрации войск не получается. Уже тогда в Генштаб из Ленинграда шли шифровки, в которых пока весьма «робко» сообщалось об «определенных трудностях», связанных с выдвижением частей «на исходное положение». Причем эти трудности, естественно, были изначально вполне предсказуемыми. В СССР к войне с Финляндией ранее активно не готовились. Теперь же армии нужно было делать все очень быстро.

Проблемы, с которыми столкнулись выдвигающиеся к границе с Финляндией советские войска, были в целом связаны либо с вопросами железнодорожного сообщения, либо с необходимостью «выявления возможностей» вывода той или иной дивизии на исходные для наступления приграничные рубежи. В первую очередь это относилось к совершенно не подготовленной в инженерном плане для наступательных операций территории Карелии и Заполярья¹. Как впоследствии признавалось: «В Карелии всего лишь 7 сквозных магистральных дорог от линии Кировской [в 1914–1935 гг. Мурманской. — В. Б.] ж.-д. к госгранице с удалением 40 км от нее. Все дороги грунтовые, непроходимые в дождливое время и зимой». Что же касалась Кольского полуострова, то на Крайнем Севере вообще, как отмечалось, «дороги к госгранице полностью отсутствуют»².

Таким образом, в вопросе о быстром развертывании для наступления частей и соединений Красной армии ситуация выглядела весьма удручающей. Это можно понять, в частности, из состоявшихся

¹ РГВА. Ф. 25888. Оп. 11. Д. 28. Л. 75–77. Шифровка Мерецкова и Вашугина, 11.11.1939 г.

² РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 722. Л. 413.

11 ноября 1939 г. переговоров по телеграфу начальника оперативного отдела округа полковника П. Г. Тихомирова и оперативного дежурного Генштаба. В сохранившемся в архиве оригинальном документе используется прямая речь, что создает еще большее эмоциональное представление об обстановке, которая тогда складывалась в Москве: «Здравствуй Павел Григорьевич [Тихомиров. — *В. Б.*]. Комбриг Иванов [сотрудник Генштаба. — *В. Б.*] просил срочно передать Вам лично следующее: к утру 12/11.39 с нарочным вышлите на имя начальника Западного отдела оперуправления карты грунтовых и шоссе-ных дорог по последним данным Карперешейка [Карельского перешейка. — *В. Б.*], АК ССР [Карельской АССР. — *В. Б.*], Мурманского округа и Финляндии по основным маршрутам. К картам должно быть приложено краткое описание маршрута (проходимость, километраж, покров). Эти карты должны быть для доклада нач. Генштаба»¹. Таким образом, начальник Генерального штаба РККА Б. М. Шапошников и его оперативное управление на решающей стадии подготовки к войне даже не обладали элементарными сведениями, касающимися основных коммуникаций в зонах развертывания войск для готовящегося наступления. Также не было ясности и в отношении необходимых расчетов о потребностях транспортных средств для перевозки боеприпасов, горюче-смазочных материалов, продовольствия и т. п.²

В результате штаб ЛВО срочно вынужден был представить в Москву схему и краткую характеристику грунтовых дорог Мурманской области, Карелии и Карельского перешейка, а также сообщить об общем состоянии аэродромов на территории округа³. Все эти сведения, естественно, в Москве должны были иметь заранее. Но скоротечность подготовки операции не позволила в момент принятия решения о начале наступательной войны учитывать эти важные для реализации намеченного плана данные.

Более того, из общего комплекса советских военных документов становится ясно, что в Генштабе РККА даже толком не имели точных данных об общем количественном составе собственных войск,

¹ РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 261. Л. 189. Запись разговора по телеграфу начальника оперативного отдела штаба ЛВО полковника Тихомирова с Генеральным штабом РККА, 11.11.1939.

² См.: Там же. Л. 193–196. Запись разговора по телеграфу начальника оперативного отдела штаба ЛВО полковника Тихомирова с Генеральным штабом РККА, 12.11.1939.

³ РГВА. Ф. 25888. Оп. 11. Д. 17. Л. 201.

готовящихся к проведению данной операции. Это подтверждается тем фактом, что за две недели до начала войны, 15 ноября, в штаб округа спешно была отправлена телеграмма, в которой требовалось «срочно предоставить начальнику оперативного управления Генштаба сведения о фактическом боевом и численном составе частей ЛВО до сд [стрелковой дивизии. — В. Б.] и отдельных частей РГК [Резерва Главного Командования. — В. Б.] включительно»¹.

На полученный тогда руководством округа запрос Генштабу немедленно передали численность готовящихся к операции подразделений. В Москву сообщили, что на Архангельском направлении — 21 тыс. чел., на мурманском направлении — 29 тыс. чел. и 46 танков, в Карелии — 119 614 чел. и 229 танков, а на Карельском перешейке — 171 830 чел., 1152 танка, 570 тяжелых и 1903 легких, а также противотанковых орудий². Однако это говорило лишь о том, что в Москве в ускоренном режиме пытались определить необходимое количество войск, которые должны были приступить к проведению готовящейся операции. Причем из указанной в шифровке общей цифры — 341 тыс. (включая Архангельское направление) — следовало, что их могло быть недостаточно для проведения «блицкрига», на который тогда ориентировалось советское военное руководство. Дело в том, что Финляндия могла быстро развернуть на своей территории уже отобилизованные и недавно прошедшие войсковые тренировки части, тоже доведя свою армию до 300 тыс. человек³.

Тем не менее явно непродуманная и одновременно очень поспешная подготовка к войне сопровождалась весьма решительными распоряжениями, направляемыми в штаб округа. Они четко указывали на то, что боевые действия с финской армией неотвратимы. Не позднее дня, когда в Генштабе получили запрашиваемые в округе сведения о численности войск, в Ленинград ушла главная оперативная директива наркома обороны. В ней говорилось, что «к исходу... 1939 г. [в документе срок не устанавливался. — В. Б.] закончить сосредоточение войск округа... и быть готовым... к решительному наступлению с целью в кратчайший срок разгромить противостоящие сухопутные

¹ РГВА. Ф. 25888. Оп. 11. Д. 252. Л. 8. Телеграмма ГШ начальнику штаба ЛВО, 15.11.1939.

² Там же. Д. 28. Л. 90. Шифровка Чибисова и Виноградова Шапошникову, 16.11.1939.

³ Talvisodan historia. Os. 2. Porvoo; Hels.; Juva, 1978. S. 18; *Vuogenmaa A. Ensimmäinen sotakuukausi. // Kansakunta sodassa. Os. 1. S. 137; Uusi tietosanakirja. Os. 19. Hels., 1965. S. 591*

войска и военно-морской флот противника». Далее подчеркивалось, что «с рассветом... 1939 г. [в документе также не указывался конкретный срок. — В. Б.] одновременно войсками сухопутных, военно-воздушных и военно-морских сил перейти в решительное наступление...». Затем в этой директиве ставились конкретные задачи, связанные с продвижением войск по финской территории, которые определялись в соответствии с утвержденным 29 октября в Москве планом¹. Все это говорит о том, что не позднее 16 ноября 1939 г. в СССР были приняты окончательные решения. Теперь оставалось лишь только определить точную дату начала операции.

Тем не менее даже те советские части, которые были указаны в директиве как наступающие «в первом эшелоне», тогда еще полностью даже не были выдвинуты к границе с Финляндией. Ситуация усложнялась тем, что для наступления на советско-финляндскую границу устремилось сразу большое количество войск, которые фактически должны были с ходу занять соответствующие позиции для организации последующего прорыва на финскую территорию, причем опять-таки с совершенно неподготовленных для этого плацдармов.

В спешном порядке на Крайнем Севере начала разворачиваться 14-я армия, она формировалась на базе недавно созданной мурманской группировки советских войск. Нарком обороны К. Е. Ворошилов отдал об этом приказ 15 ноября. Вместе с тем в западной части Карелии размещалась передислоцированная из Прибалтики 8-я армия. Началось формирование 9-й армии в районах Кандавакши и Кеми из прибывавших туда частей. Переданное в распоряжение Ленинградского военного округа управление 7-й армии тоже начало разворачиваться в приграничной зоне Карельского перешейка. Причем характерно, что эта армия получила задачу «объединить» находившиеся там войска и затем «руководить действиями» на этом направлении. В результате ей тогда были подчинены 19-й и 50-й стрелковые корпуса². Таким образом, на приграничной территории от Заполярья до Карельского перешейка в спешном порядке разворачивались сразу четыре армии.

Естественно, что в данных условиях это была весьма непростая задача. Из существующего комплекса советских архивных документов ясно видно, что в это время в Генштабе Красной армии нарастала обес-

¹ Тайны и уроки зимней войны 1939—1940. По документам рассекреченных архивов. С. 76.

² РГВА. Ф. 37977. Оп. 4. Д. 232. Л. 19. Приказ НКО 15.11.1939.

покоенность, связанная с явной непродуманностью принятого 29 октября плана. Теперь из Москвы стали постоянно поступать разнообразные требования, касающиеся необходимости непрерывно докладывать о ходе передвижения войск, о состоянии погоды, дорог и т. д.¹ Кроме того, 16 ноября был дан приказ «для обеспечения подвоза грузов для войск, расположенных в Карельской АССР, построить узкоколейные железные дороги». Речь шла о строительстве дороги из Петрозаводска и Лоухи². Это решение также свидетельствовало о начинающейся в советском военном руководстве панике, поскольку подобное распоряжение поступило в Ленинград фактически за две недели до начала войны, а сама директива Ворошилова о начале будущей операции, без точного дня ее начала, уже была передана командованию ЛВО.

В итоге многие задачи, которые советским командованием ставились поздней осенью 1939 г., за столь короткий срок были просто физически невыполнимы, а принимавшиеся в данном случае распоряжения заранее не продумывались. Дело дошло до того, что Генштаб вынужден был распорядиться, чтобы из Ленинградского военного округа нарочным срочно доставили в Москву подробные топографические карты зоны ответственности округа — Карельского перешейка, Карелии, Кольского полуострова и Финляндии. Как впоследствии выяснилось, вопрос с обеспечением Генштаба необходимыми детальными военными топографическими картами территории Карельского перешейка решился лишь к 28 ноября, то есть за два дня до начала войны³. С другими направлениями в Карелии и на Кольском полуострове дело обстояло еще хуже. Причем в Ленинградском военном округе в это же время отсутствовали подробные военные карты Южной Финляндии, куда планировалось наступление советских войск. Эти карты срочно — 27 и 28 ноября — «нарочным вагоном» доставили из Москвы в штаб округа⁴.

Таким образом, сохранившаяся переписка командования округа с Генштабом указывала на то, что к наступательной войне с Финляндией серьезно до этого в войсках округа не готовились и в результате не могли быстро решать поставленные командованием задачи.

¹ РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 252. Л. 11. Телеграмма ГШ начальнику штаба ЛВО, 21.11.1939.

² Там же. Оп. 4. Д. 251. Л. 59. Сообщение по прямому проводу из ГШ командованию войск ЛВО, 16.11.1939.

³ Там же. Д. 252. Л. 16. Справка Генерального штаба РККА о наличии топографических карт Карелии и Финляндия. 28.11.1939.

⁴ Там же.

Это важно подчеркнуть, поскольку даже сейчас в современной отечественной исследовательской литературе об истории, скажем, Ленинградского военного округа встречаются утверждения, что у советского военного командования еще «с начала 1930-х гг. Финляндия стала рассматриваться в качестве наиболее вероятного противника»¹. При такой констатации, очевидно, следует добавить, что Финляндия никогда не считалась главным «потенциальным противником» СССР, что было продемонстрировано в ноябре 1939 г.

В результате в Генштабе стремились в срочном порядке поставить под свой абсолютный контроль все происходящие в округе события, перейдя к так называемому ручному управлению. Поэтому из Москвы в штаб ЛВО постоянно поступали один за другим многочисленные запросы: «Скажите, как обстоит с погодой на севере?.. Замерзли ли реки и озера и каково положение с дорогами? Как обстоят дела с аэродромами? Можно ли на них садиться и взлетать?»² В ответ шли неутешительные сводки о том, что лишь 16 ноября на Карельский перешеек в зону главного направления предполагаемого наступления началась передислокация управления 7-й армии и «прибыл первый эшелон штаарма [штаба армии. — В. Б.]»³. Что состояние грунтовых дорог «затруднительное» для движения транспорта, что «на мурманском, кандалакшском и петрозаводском направлении идет дождь, +3,5°, дороги размокли»⁴.

Все это говорило только об одном: быстрое сосредоточение войск и их высокая боевая готовность к началу проведения операции едва ли будут достигнуты. Сейчас выглядит достаточно удивительным тот факт, что очевидная неготовность войск к началу быстрых и крупномасштабных боевых действий особо не смущала самое высшее военное руководство. Более того, согласно директиве Ворошилова требовалось в очень стремительном темпе завершить сосредоточение войск. К 20 ноября 1939 г. от Военного совета ЛВО уже требовалось представить в Москву «план действий», а также доложить о готовности «в кратчайший срок разгромить противостоящие сухопутные войска

¹ См.: Петербургский, Петроградский, Ленинградский военный округ (1864–1999). СПб., 1999. С. 271.

² РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 261. Л. 189. Запись разговора по телеграфу начальника оперативного отдела штаба ЛВО полковника Тихомирова с Генеральным штабом РККА, 11.11.1939.

³ Там же. Д. 303. Л. 228. Оперативная сводка штаба ЛВО, 16.11.1939.

⁴ Там же. Л. 239. Оперативная сводка штаба ЛВО, 17.11.1939.

и военно-морской флот противника»¹. В результате времени для подготовки к наступлению фактически почти не оставалось.

Таким образом, объективно общий объем работ, который должен был привести к сосредоточению войск, оказался просто далек от действительного его выполнения. Тем более не было соответствующего обеспечения всем необходимым в тех районах, где должно развертываться наступление. В одном из оперативных документов 8-й армии несколько позже откровенно отмечалось: «...Сосредоточивавшиеся в районе развертывания войска испытывали огромные трудности. В результате... части пришли физически ослабленными, измотанными»².

Но из Москвы этого как будто не замечали и продолжали торопить окружное начальство. Более того, в Карелию срочно лично выехали командующий войсками округа К. А. Мерецков, а также член Военного совета А. А. Жданов. Особое внимание они обратили на положение в 8-й армии, где требовалось проведение большого объема подготовительных работ. 19 ноября Мерецков телеграфировал в Генштаб из Петрозаводска о необходимости продлить свое пребывание в войсках³.

Что же беспокоило Военный совет Ленинградского Военного округа? Прежде всего явная неготовность войск к наступлению и их материальная необеспеченность. В частности, характеризуя обстановку в войсках, военный комиссар 1-го стрелкового корпуса 8-й армии П. И. Крайнов в личном письме к А. А. Жданову так оценивал сложившуюся ситуацию: «У большинства бойцов обувь совершенно разбита и непригодна к носке», «перчатками не обеспечены», «положенную норму хлеба не получали». По словам Крайнова, командование 8-й армии в спешке и весьма поверхностно информировало его и командира 1-го корпуса о состоянии соединений, поступивших в их распоряжение. «О готовности, вооружении и личном составе... — писал он, — меня и командира корпуса познакомили на ходу комдив Хабаров и член военного совета т. Шабалов»⁴.

¹ РГВА. Ф. 37977. Оп. 4. Д. 233. Л. 1. 4. Приказ НКО. 17.11.1939; Д. 363. Л. 3. Журнал боевых действий частей РККА.

² РГВА. Ф. 34980. Оп. 1. Д. 139. Л. 22. Отчет о боевых действиях 8-й армии.

³ РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 284. Л. 104. Шифровка командования ЛВО, 19.11.1939.

⁴ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее — ЦГАИПД СПб.). Ф. 24. Оп. 2в. Д. 4327. Л. 30. Письмо Л. Крайнова, 23.1.1940.

По заданию Наркомата обороны в ноябре в Карелию выехала еще больш́ая комиссия во главе с видным военачальником, будущим главным маршалом артиллерии Н. Н. Вороновым. В нее вошли представители различных родов войск и служб. О состоянии частей, выдвигавшихся к государственной границе, как писал впоследствии Воронов, «часто приходилось докладывать по телефону народному комиссару обороны или начальнику Генерального штаба»¹. Тем не менее существенно изменить что-то или исправить положение дел в войсках за несколько дней было уже невозможно.

Однако несмотря ни на что, в конце ноября 1939 г. СССР неуклонно приближался к началу войны. При этом высшее военное командование продолжало не замечать общей неподготовленности войск к наступлению. Прибывшие перед войной в Ленинградский военный округ заместители наркома обороны Г. И. Кулик и Л. З. Мехлис (он же начальник Главного политического управления) также никак не способствовали реалистической и взвешенной оценке состояния советских войск. По словам Н. Н. Воронова, его замечание, что на проведение операции в лучшем случае потребуется два-три месяца, а не десять-двенадцать суток, было встречено со стороны Кулика «язвительными насмешками»². Очевидным просчетом советского командования, в частности, являлось то, что силы Красной армии, готовящиеся к наступлению, были распылены по многим бесперспективным для всей операции направлениям. К тому же в условиях лесисто-болотистой местности и бездорожья трудно было ожидать стремительного прорыва с успешным использованием крупных соединений, имевших большое количество танковых частей и тяжелой артиллерии³.

В целом к началу войны советское командование так и не смогло нарастить группировку Красной армии на границе с Финляндией до тех показателей, которые были утверждены по общему плану. Даже те части, которые были указаны в директиве 29 октября как наступающие «в первом эшелоне», не были полностью развернуты для готовящегося тогда прорыва⁴. За последние две недели перед войной числен-

¹ Воронов Н. Н. На службе военной. С. 134.

² Там же. С. 136.

³ Всего в готовившихся к наступлению соединениях и частях Ленинградского военного округа насчитывалось до 2446 самолетов, 1476 танков и 1576 орудий. (См.: Барышников В. Н. От прохладного мира к зимней войне. С. 265.)

⁴ См.: Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 2: Происхождение и начало войны. М., 2012. С. 336.

ность советских войск, перебрасываемых к границе, выросла лишь на 84 640. Таким образом, общее их количество достигло 425 640 человек¹. Но этого для «молниеносной» войны, с учетом необходимости прорыва финских укреплений на Карельском перешейке, было явно недостаточно. К тому же на стратегически главном Выборгско-кексгольмском направлении преимущество Красной армии выразалось всего в 36 тыс. бойцов (133 тыс. финских войск против 169 тыс. советских)², что для успешной и стремительной операции оказалось явно недостаточным.

Тем не менее, не дожидаясь определенной по плану войны концентрации сил на границе с Финляндией, за десять дней до начала боевых действий, 21 ноября Генштаб направил командованию округа «боевые приказы» о наступлении. Затем эти приказы из Ленинграда начали передавать по штабам разворачивающихся на границе с Финляндией армий. Сначала его передали в 7-ю (приказ поступил 22.11 в 23.00), далее в 8-ю (приказ поступил 24.11 в 16.45), 9-ю (приказ поступил 24.11) армии и т. д.³ Таким образом, решение о начале боевых действий было принято.

В результате, используя советские военные документы и прежде всего переписку Генштаба Красной армии с командованием Ленинградского военного округа, можно со всей определенностью утверждать, что начало Советско-финляндской войны 1939–1940 гг. не являлось глубоко продуманным, в противном случае к ней в Советском Союзе шла бы длительная и всесторонняя подготовка. Очевидно, что возникновение «финской войны» и скорость принятия решений по этому вопросу в Москве были непосредственно связаны с теми политическими выводами, которые последовали в результате срыва советско-финляндских переговоров. Эти решения, безусловно, диктовались началом Второй мировой войны, а также очевидной военной уязвимостью второго по величине и значимости города СССР — Ленинграда, безопасность которого пытались обеспечить путем переговоров с Финляндией, начиная с 1937 г.

Парадокс складывающейся тогда ситуации заключался еще и в том, что, решив развернуть военные действия против Финляндии, советское командование не отдавало себе полного отчета в том, с каким

¹ РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 722. Л. 414.

² См.: *Барышников В. Н.* От прохладного мира к зимней войне. С. 265–266.

³ РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 236. Л. 1–6.

противником и в каких сложных климатических условиях предстоит сражаться войскам Красной армии, поскольку война в результате принятых в Москве решений должна была начаться в условиях приближавшейся зимы. Даже финский военный атташе в СССР, как зафиксировали тогда советские спецслужбы, прямо отмечал, что «даст Бог, в скором времени наступят морозы да замерзнет море, и что будет делать русский солдат в Финляндии, не зная ни дорог, ни леса»¹. Это действительно предстояло узнать буквально через несколько дней.

С другой стороны, финская армия, в отличие от частей Ленинградского военного округа, была подготовлена несравненно лучше. Ее задача тогда заключалась в осуществлении обороны своей территории. Причем проведенные широкомасштабные осенние учения и мобилизация войск явно показывали высокие боевые качества финских вооруженных сил, их умение создать в оборонительных боях надежный заслон на пути наступающего противника к жизненно важным центрам страны². К тому же финская армия опиралась на стратегически главное направление на Карельском перешейке на хорошо организованную систему укреплений, получивших в дальнейшем название линия Маннергейма.

Кроме того, оценка потенциальных возможностей Вооруженных сил Финляндии в советском командовании тоже не соответствовала реальному уровню боевых возможностей финской армии. Можно сказать, что представления об этой армии вызывали лишь несомненное удивление. Планируя начало «блицкрига», в Москве вообще не учитывали перспективу возможного сопротивления финских войск. Возможно, именно это являлось ключевой ошибкой советского руководства, за которую в ходе наступления дорого заплатили бойцы Красной армии.

Тем не менее после окончания войны стало очевидным, что многое можно было предусмотреть уже при первоначальном планировании, опираясь на принципиально важные сведения о военных возможностях Финляндии, о которых было передано советскому командованию по линии разведки. Однако к этой информации перед войной относились весьма безразлично. Об этом можно судить из стенограммы доклада начальника Главного разведывательного управления Генерального штаба РККА И. И. Проскурова, который был сделан на совещании

¹ Зимняя война 1939–1940 гг. Исследования, документы, комментарии. М., 2009. С. 180.

² *Vuorenmaa A. Ensimmäinen sotakuukausi. S. 136.*

при ЦК ВКП (б) в апреле 1940 г. Он тогда прямо обратил внимание на наличие у военного руководства еще до начала «финской войны» достаточно подробных сведений о системе финских укреплений на Карельском перешейке. Но они, как подчеркнул Проскуров, не были учтены разработчиками военного плана¹. Правда, как представители оперативного отдела Генштаба, так и один из авторов этого военного плана К. А. Мерецков затем указывали, что разведывательные данные «занижали реальную мощь линии Маннергейма» и «особой точностью не отличались»². На совещании в присутствии И. В. Сталина Мерецков вообще заявил, что все схемы узлов укреплений и конкретные долговременные огневые точки финских войск на Карельском перешейке, обнаруженные советской военной разведкой и занесенные потом в отдельно подготовленный для командования альбом, были неверными и из них «ни одна не соответствовала» действительности³.

Объективно подобное отрицание значимости работы по вскрытию системы укреплений финских войск, проделанной за период с 1935—1937 гг. советской военной разведкой, не соответствует реальному содержанию данного альбома. В нем на самом деле весьма профессионально были представлены схемы укреплений линии Маннергейма и даже были приведены фотографические изображения конкретных финских укреплений⁴. Подобная работа могла лишь вызвать восхищение способностью советской агентурной военной разведки в Финляндии. Единственный недостаток проделанной тогда работы заключается в том, что ряд мощных оборонительных сооружений Финляндия смогла создать уже позже, на рубеже 1938—1939 гг., то есть перед самой войной. Об этих укреплениях, очевидно, разведывательная информация уже отсутствовала⁵.

На апрельском совещании 1940 г. И. И. Проскуров также упомянул о подготовленных разведслужбами материалах, касающихся особен-

¹ Зимняя война 1939—1940. Кн. 2. И. В. Сталин и финская кампания (Стенограмма совещания при ЦК ВКП(б/)). М., 1998. С. 203.

² Мерецков К. А. На службе народу. Страницы воспоминаний. С. 182; Василевский А. М. Дело всей жизни. С. 94.

³ Зимняя война 1939—1940. С. 203.

⁴ О содержании этого альбома можно весьма наглядно судить из книги финского исследователя А. Уйттио, где автор приводит достаточно подробные копии страниц данного альбома (см.: *Uitto A. Puna-armeijan marssiopas Suomeen 1939*. Hämeenlinna, 2011. S. 60—75).

⁵ Зимняя война 1939—1940. С. 204.

ностей ведения боевых действий на территории Финляндии, а также о тактике финских войск в сложных условиях Европейского Севера. При этом очевидно, что в ходе возникшей затем у него со Сталиным дискуссии было ясно, что военные разведчики подготовили несколько весьма важных материалов, рассчитанных на их широкое использование военным руководством, но которые так и не были учтены в момент составления окончательного плана войны¹.

Действительно, лишь только в декабре 1939 г., как указал Проскуров, советскому командованию поступил подготовленный военным атташе важный материал, который до этого лишь «лежал в архиве»². Естественно, серьезно запоздал и изданный Пятым управлением (Главное разведывательное управление) Наркомата обороны СССР в 1939 г. путеводитель по Финляндии, в котором содержалось описание возможных маршрутов движения советских войск по внутренним районам этой страны³. Это, несомненно, свидетельствует о совершенном незнании советским командованием реального театра военных действий в 1939 г., особенно в центральной и северной частях Финляндии.

Иными словами, в Советском Союзе весьма «небрежно» относились к информации о Финляндии, предоставляемой военной разведкой. Объясняя эту ситуацию, К. Е. Ворошилов, выступая 28 марта 1940 г. на пленуме ЦК ВКП (б), констатировал: «На протяжении ряда лет во всех наших оперативных планах мы рассматривали Финляндию как второстепенное направление... Отсюда — недостаточно внимательное и серьезное отношение к финляндскому театру вообще». Он также признал, что «те скудные сведения, которыми мы располагали о Финляндии, ее вооружениях и укрепленных районах, не были достаточно изучены и обработаны и не могли быть использованы для дела»⁴.

Конечно, советское руководство получало перед войной информацию о форсировании Финляндией боевых приготовлений на Карельском перешейке. Также поступали подобные сведения и по дипломатической линии. В середине ноября, в частности, первый секретарь полпредства в Финляндии М. Г. Юданов докладывал о том, что ему

¹ Зимняя война 1939–1940. С. 204–205.

² Там же. С. 205.

³ Финляндия. Описание маршрутов. Ч. I–II. М., 1939.

⁴ Уроки войны с Финляндией. Неопубликованный доклад наркома обороны СССР К. Е. Ворошилова на пленуме ЦК ВКП(б) 28 марта 1940 г. С. 104, 109.

пришлось видеть во время поездки на Карельский перешеек: «По дорогам всего маршрута... наблюдается большое скопление войск... Выборг представляет собой вооруженный лагерь... гражданского населения почти незаметно»¹.

Но информация о принимавшихся в Финляндии особых мерах военного характера, видимо, советским руководством также не учитывалась. Скорее, ее широко применяли для пропагандистского использования в советской печати и на радио. Прежде всего требовалось обосновать утверждение о том, что у северо-западных рубежей СССР складывается «тревожная обстановка» и нарастает серьезная угроза их безопасности. Также во многих средствах массовой информации говорилось о том, что «агрессивные приготовления» Финляндии активно поддерживаются из-за рубежа.

Но как известно, никаких реальных обещаний помощи Хельсинки не давалось. Более того, Наркомату иностранных дел были хорошо известны и противоположные заявления влиятельных государственных деятелей западных стран. Из них можно было сделать объективное заключение о взглядах, которых придерживались их правительственные круги. В частности, 13 ноября советский посол в Лондоне И. М. Майский докладывал В. М. Молотову о высказывании У. Черчилля по поводу того, как он понимает позицию СССР в финляндском вопросе. Черчилль тогда заявил, что СССР «имеет все основания быть доминирующей державой в Балтийском море»². В свою очередь заместитель министра иностранных дел Великобритании Р. О. Батлер, по словам Майского, вообще заверил его, что английское правительство проявляет гораздо меньшую активность в финском вопросе, «чем на том настаивали финны». Он даже подчеркнул, что «если бы СССР все-таки напал на Финляндию, Англия не стала бы воевать из-за этого с СССР»³.

В замыслы Германии, заключившей договор с Советским Союзом, также не входило вступление в войну с СССР. Это вынуждены были признать и финские дипломаты. Как докладывал в Хельсинки из Берлина 24 ноября посланник А. Вуоримаа, «у Финляндии нет каких-либо достаточных оснований ожидать чего-то от Германии». Хотя, по

¹ АВП РФ. Ф. 0135. Оп. 22. П. 145. Д. 6. Л. 40. Донесение 1-го секретаря полпредства в Финляндии М. Юданова, 20.11.1939.

² Документы внешней политики. Т. XXII. Кн. 2. С. 290.

³ Там же. С. 335.

его словам, «проявление Финляндией стойкости вызывает большое уважение как в широких общественных кругах, так и в дипломатическом корпусе» Третьего рейха¹.

Единственное решительное высказывание о готовности оказать помощь Финляндии, которое, пожалуй, можно считать соответствующим надеждам финнов, было заявление, сделанное 25 ноября начальником Генштаба шведской армии генерал-майором А. Раппе. Он, как услышали финские дипломаты, заявил: «Если Финляндия подвергнется нападению со стороны Советского Союза, то Швеции невозможно будет оставаться пассивным наблюдателем...»² Но это, естественно, не означало, что тех же взглядов придерживалось и шведское правительство. Также непонятно было, в какой форме шведская армия должна оказать, по мнению генерала А. Раппе, поддержку Финляндии.

В целом крупные государственные деятели ряда держав Запада морально поддерживали Хельсинки, но в глубине души сомневались в возможности возникновения войны Советского Союза и Финляндии. В частности, президент США Ф. Д. Рузвельт просто не верил «в намерение России довести дело до войны». Об этих взглядах финский посланник из Вашингтона докладывал 2 ноября³. В финском Министерстве иностранных дел также знали, что глава британского МИД Э. Галифакс тоже отмечал, что вряд ли наступление зимы могло благоприятствовать вступлению СССР в войну. А бывший премьер-министр Франции Л. Блюм вообще считал, что «Россия не хочет войны и что это не что иное, как блеф». Оба этих заявления также относятся к ноябрю 1939 г.⁴

Очевидно, что неверие в руководящих сферах Запада в возможность возникновения Советско-финляндской войны базировалось, очевидно, также на оценках военного командования. Советские войска, как считали, в частности, начальники штабов Великобритании, были не способны к ведению боевых действий «за пределами своих границ». По их мнению, Красная армия проявляет «хорошие качества», лишь «действуя в обороне»⁵.

¹ UM. 109 A 10 b. Tukholman-lähetystön raportti, 25.11.1939.

² Ibidem.

³ Ibid. 109 C 1. Washingtonin-lähetystön raportti, 2.11.1939.

⁴ Ibid. 109 Ae. Lontoon-lähetystön raportti, 10–13.1939; Pariisin-lähetystön raportti, 27.11.1939.

⁵ На роковом пороге // Вопросы истории. 1989. № 11. С. 93.

Такие выводы и мнения не совпадали, однако, с информацией, которая постоянно поступала по дипломатическим каналам из финского представительства в Москве. Ирье-Коскинен, в частности, сообщал в МИД 15 ноября, что внимание Советского Союза к Финляндии не ослабевает. Он подчеркивал, что, наоборот, проявляется «новая активность»¹. Такие же опасения выражал в своих докладах в Берлин германский посол Шуленбург. Он 23 ноября четко информировал о быстром наращивании количества советских войск у границы с Финляндией: «...Всего, — писал Шуленбург, — туда направлено 18 дивизий, из которых четыре развернуты от Ладожского озера до Ледовитого океана, а остальные — на Карельском перешейке и южнее Ленинграда». По словам немецкого посла, «Молотов был очень разгневан на финнов». В целом делался вывод, что «время работает теперь... на Советский Союз»².

Поступавшая финскому командованию информация о «радиомолчании в советских войсках»³, располагавшихся в приграничных к Финляндии районах, также не могла не настораживать военных. Всем было хорошо понятно, что обычно радиостанции «замолкают» в целях маскировки готовящейся операции. Министерство иностранных дел Финляндии информировало к тому же Генштаб о поступавших по дипломатическим каналам данных относительно продолжавшейся концентрации частей Красной армии на Карельском перешейке⁴. Более того, 20 ноября помощник финского военного атташе в Советском Союзе вообще сообщил своему руководству, что в ходе текущей недели уже может начаться война. Как мы знаем, эти сведения были не очень далеки от истины, но в разведывательном отделе Генштаба все же не были склонны спешить с окончательными выводами. Проведенный здесь анализ всех данных, имевшихся у финской разведки к 25 ноября, привел к заключению, что все же войны не предвидится⁵.

Очевидно, что такой вывод делался в немалой степени и под влиянием руководства страны, у которого политические настроения брали верх над здравым смыслом. Э. Эркко по-прежнему считал, что дело до войны не дойдет. Эту мысль он подтвердил, выступая 15 ноября во вне-

¹ UM. 109 A 10 b. Moskovan-lähetystön raportti, 15.11.1939.

² Documents on German Foreign Policy. Ser. D. Vol. VIII. P. 447.

³ *Kallenautio J.* Suomi katsoi eteensä. S. 189.

⁴ UM. 109 A 10 b. Tietoja Neuvostoliiton sotajoukkojen keskityksestä Karjalan kannaksella, 25.10.1939.

⁵ Historiallinen Aikakauskirja. 1989. № 3. S. 238; Ibid. 1990. № 1. S. 24.

шнеполитической комиссии парламента¹. Не отступал он от своей позиции в последующие дни. Финскому министру иностранных дел льстило, что за рубежом отмечалась его твердость в отношении Советского Союза. Подборка такого рода оценок деятельности Эркко сохранилась в архиве МИД Финляндии. В одной из статей эстонской газеты «Пяйвялехт», с материалом которой он, очевидно, был знаком, было написано, что «во время переговоров Финляндия показала большую твердость, блестящую дипломатичность, а также политическое искусство», и далее делалось заключение: «время работает в пользу Финляндии»².

В успокоительном тоне писала об окончании переговоров и финская пресса. Отмечалось, что при прощании советского руководства с членами делегации, возвращавшимися в Хельсинки, проявлялась доброжелательность. Газета «Суомен Сосиалидемократти» обращала внимание своих читателей на то, что «Сталин, дружески улыбаясь, пожелал Финляндии всего хорошего», а Молотов сказал, что «московские переговоры можно продолжить, если только пожелаете...»³.

Вообще в Финляндии и за рубежом складывалось такое представление, что Советский Союз «урезонен», но будет искать способы, чтобы добиться дипломатическим путем, прибегая, возможно, к помощи Германии, разрешения тех проблем, которые безрезультатно рассматривались на московских переговорах. Что касалось общей оценки положения, сложившегося после того, как они прервались, то в ряде финских газет делался вывод: оно не оздоровилось, но и не ухудшилось⁴.

Но на самом деле срыв переговоров с Финляндией резко изменил поведение советского руководства. Бесповоротно был взят курс на применение силы, то есть на войну. При этом в Москве стали задумываться уже не столько о проведении самих боевых действий, которые, как там считали, должны были закончиться «блестящей победой», а о политическом решении «финляндского вопроса». В любом случае сценарий с Западной Украиной и Западной Белоруссией был до этого успешно опробован, что позволяло рассчитывать на быстрое осуществление и так называемого финляндского плана.

Суть его заключалась в том, что после вступления советских войск на финскую территорию там должно быть создано «народное прави-

¹ *Manninen O.* Suomi toisessa maailmansodassa. S. 281.

² Päeväleht. 1939. 16.11; UM, 5 C 1. Lähetystön sanomalehtikatsaus Tallinnasta. 16.11.1939.

³ Suomen Sosialidemokraatti. 1939. 15.11.

⁴ Uusi Suomi, Helsingin Sanomat. 1939. 16.11.

тельство», которое выразило бы готовность заключить с Советским Союзом договор, исходя из учета тех предложений, которые были отвергнуты правительством А. Каяндера во время московских переговоров. В основе такой идеи была заложена уверенность, что трудящиеся Финляндии поддержат «новое правительство», а Красная армия, выполняя не агрессивную, а чисто «интернациональную» миссию, не встретит противодействия финского населения.

Имеющиеся документальные материалы показывают, что уже во второй половине ноября войска Ленинградского военного округа начали получать в общем виде соответствующие идеологические установки. Характерной в этом отношении являлась директива начальника Политуправления ЛВО, подписанная 23 ноября 1939 г. В ней указывалось, как должны были вести себя военнослужащие с началом военных действий с Финляндией. «Мы идем не как завоеватели, — говорилось в директиве, — а как друзья финского народа. Красную Армию поддерживает финский народ, который стоит за дружбу с Советским Союзом и хочет иметь свое финляндское подлинно народное правительство»¹. Вполне понятно, что в директиве содержалось не только определение роли, которую должны были выполнить советские войска в Финляндии, но и утверждался миф относительно позиции финского народа, поскольку совершенно определенно говорилось, что население Финляндии ждет образования своего «народного правительства».

Тем временем в частях Красной армии уже готовились для распространения пропагандистские материалы, где говорилось об остром политическом кризисе, который переживает финский народ, и о чуть ли не признаках создания в Финляндии революционной ситуации. Политуправление Ленинградского военного округа направило в войска и командование Балтийского флота политико-экономический обзор «Финляндия», в котором содержались явно дезинформирующие сведения о положении в стране. «Крестьянские выступления, — говорилось в нем, — иногда переходят в восстания. Революционное крестьянство является самым близким помощником рабочего класса в революционной борьбе против фашизма. Измученное, разоренное крестьянство, так же как и рабочие, ищет спасения из этой неслыханной фашистской тирании, нищеты и голода»².

¹ РГВА. Ф. 25888. Оп. 13. Д. 30. Л. 6. Директива начальника ПУ ЛВО. 23.11.1939.

² РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 764. Л. 30. Финляндия. Политико-экономический обзор, ПУ ЛВО, 10.1939.

Не следует при этом думать, что выводы о политических настроениях населения Финляндии делались исключительно на основе иллюзий. Базировались они на разнообразной информации, которая поступала советскому руководству и военному командованию прежде всего от разведки, по дипломатическим каналам и из других источников. В таких сообщениях в ряде случаев очень преувеличенно отображались социальные конфликты и заострялось внимание на отдельных негативных процессах, которые якобы происходили в финском обществе. Таким образом, складывалось однобокое, а нередко и извращенное понимание действительности. Кроме того, создавалось представление, что Финляндия в связи с большими финансовыми затратами на военные цели вряд ли сможет выдержать экономическое перенапряжение. Характерно, как информировал об этом Наркомат иностранных дел ответственный сотрудник советского полпредства в Хельсинки Е. Т. Елисеев (Синицын). Он 12 ноября 1939 г. писал: «Мне кажется, что их петушиной позы хватит очень ненадолго. Известно, что финны сейчас тратят на армию в день 60 млн финск. марок. При этом их бюджету этого одного факта достаточно, чтобы вызвать банкротство страны»¹.

Нередко Москва получала явно дезориентирующую информацию, которая касалась состояния финской армии. Она содержалась в донесениях, поступавших тогда советскому руководству. Опять-таки из полпредства в Хельсинки сообщалось, что в Вооруженных силах Финляндии резервисты «в военном отношении слабо подготовлены, а с политической стороны представляют довольно опасную силу для финской буржуазии... В финской армии заметно падает дисциплина и происходит разложение в частях»². Такая оценка совпадала с содержанием разведывательных данных, поступивших для информации войск Ленинградского военного округа. В них отмечалось, что в финской армии «настроение демобилизационное», и более того, до двух третей состава парламента вообще «считает политику правительства гибельной»³.

Почему же происходила такая дезинформация? Объяснялось это, очевидно, стремлением ответственных за разведку лиц подстраивать

¹ АВП РФ. Ф. 0135. Оп. 22. П. 145. Д. 1. Л. 22. Письмо поверенного в делах в Финляндии, 12.11.1939.

² Там же. Ф. 06. Оп. 1. Л. 18. Д. 194. Л. 3–4. Краткий обзор событий в связи с советско-финляндскими переговорами с 19.X по 11.X.1939.

³ РГА ВМФ Ф. Р-970. Оп. 2. Д. 152. Л. 18. Разведсводки штаба 14-й армии. 22.11.1939.

получаемые отдельные сведения под взгляды, которые существовали у советского руководства и прежде всего у Сталина. Происшедшее обострение советско-финляндских отношений показывало, что в Москве не намерены были дальше заниматься «бесплодными дискуссиями» с Финляндией. Тезис Сталина о том, что «многочисленные друзья рабочего класса СССР в Европе и Азии постараются ударить в тыл своим угнетателям»¹, теперь мог, казалось бы, получить практическое подтверждение в Финляндии.

Однако идеологический подход к такой сложной проблеме, которая образовалась в отношениях между СССР и Финляндией, вел лишь к непоправимым тяжелым последствиям. За все это, совершенно очевидно, немалую ответственность несло и советское дипломатическое представительство в Хельсинки. Оно передавало не только тенденциозные сообщения о положении в стране, но и считало, что надо усилить давление на финское правительство. В докладной записке полпреда В. К. Деревянского, отправленной 17 ноября Молотову, предлагалось «создать обостренно напряженную обстановку на советско-финляндской границе», использовать газеты «Правда» и «Известия» для публикации соответствующих материалов и организовать «мощную демонстрацию трудящихся города Ленинграда». А в том случае, «если после этих мероприятий финляндское правительство не пойдет на удовлетворение наших требований, — писал полпред, — то ближайшей мерой должен явиться разрыв пакта о ненападении со всеми вытекающими последствиями, применение которых по времени должно быть осуществлено в зависимости от международной обстановки»².

По существу, все эти рекомендации вскоре начали осуществляться на практике. Но одной из первоначальных задач, которая была поставлена в тот момент, являлась реализация идеи с «народным правительством».

Из документов пока не все об этом в полной мере известно, поскольку многие вопросы в Кремле тогда решались без какой-либо переписки, путем устных распоряжений. Конечно, могли бы сыграть важную роль свидетельства участников событий. Но теперь, спустя много лет, это неосуществимо.

¹ XVII съезд ВКП (б): Стенографический отчет. М., 1934. С. 12.

² АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 18. Д. 194. Л. 18–19. Докладная записка полпреда в Финляндии В. Деревянского, 17.11.1939.

Бесспорным можно считать лишь то, что все основные указания советского руководства (Сталина, Молотова, Жданова, Ворошилова) выполнялись О. В. Куусиненом, непосредственно возглавлявшим деятельность ЦК Компартии Финляндии, эмигрантский состав которого находился в Москве¹. Как свидетельствует в своих воспоминаниях Н. С. Хрущев, поздней осенью 1939 г. Сталин пригласил Куусинена к себе на квартиру, и там совместно с Молотовым была рассмотрена финляндская проблема. Присутствовавшему при этом Хрущеву, как следует из его мемуаров, стало ясно: «Договорились с Куусиненом, что он возглавит руководство будущей народной власти...»²

Неслучайно потребовался и срочный приезд из Ленинграда в Москву А. А. Жданова. Его прибытие 4 ноября 1939 г. было, очевидно, связано с принятием решений по «финляндской проблеме», поскольку он в то время играл в этом деле тоже весьма активную роль³.

Но именно Куусиненом была развернута непосредственная разработка основных документов, которые планировалось обнародовать от имени ЦК КПФ и «народного правительства Финляндии». Он же занимался и подбором состава будущего «правительства». Задача эта являлась сложной ввиду того, что в ходе проводившихся в СССР репрессий погибло немало находившихся в эмиграции членов финской компартии. Среди них оказались видные деятели из ее руководства: К. Маннер, Э. Гюллинг, Х. Мякинен, Ю. Лехтосари. Большинство из них были хорошо известны в Финляндии. Эти репрессии весьма угнетающе действовали и на самого Куусинена, поскольку затронули его близких друзей и родственников⁴. И он, конечно, не исключал, что тоже рискует попасть в число репрессированных.

Вместе с тем нельзя не учитывать, что Куусинен и те, кто оказался в составе создававшегося «правительства», были решительно настроены бороться за возвращение победы, утраченной в ходе гра-

¹ По сохранившимся сведениям, Сталин в ноябре трижды принимал О. Куусинена в рабочем кабинете Кремля. Причем однажды беседа даже происходила один на один (см.: *Горьков Ю. А.* Кремль. Ставка. Генштаб. Тверь. 1995. С. 243–244; Российский центр хранения и изучения документов Новейшей истории [далее — РЦХИДНИ]. Ф. 522. Оп. 1. Д. 42–46. Документы Финляндского Народного Демократического Правительства).

² Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева. С. 100.

³ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2. Д. 3202. Л. 10. Информация о пребывании А. Жданова в Москве; РЦХИДНИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 765, 887, 889–894. См.: Документы Жданова.

⁴ Проблемы мира и социализма. 1989. № 9. С. 91.

жданской войны в Финляндии в 1918 г. Мысль, что вновь сложится обстановка, открывающая возможность нанести поражение утвердившемуся в Финляндии строю, неизменно содержалась в документах КПФ как 1920-х, так и 1930-х гг.¹

В качестве первоочередного документа, связанного с формированием «финского правительства», было решено составить обращение ЦК КПФ «К трудовому народу Финляндии». В нем уже четко говорилось о необходимости свергнуть существовавшее руководство страной и образовать «народное правительство». Затем должно было последовать официальное заявление о создании этого «правительства».

Теперь известно, что заранее подготовленный текст обоих обращений ЦК КПФ подвергался просмотру и правке со стороны советского руководства. Однако его тиражирование задержал начальник Главного политического управления Красной армии Мехлис, о чем свидетельствует телеграмма, посланная им из Ленинграда Сталину и Ворошилову 24 ноября. «Набор обращения, полученного от Куусинена, — сообщал он, — приостановил и шрифт разобрал»². Неясно только, чем было вызвано это решение. Может быть, текст печатался раньше времени, а возможно, не было разрешения из Москвы на его обнародование.

Во всяком случае Молотов до или после этого просматривал обращение (дата неизвестна) и наряду с поправками отдельных положений документа прямо указал в тексте в виде кратких тезисов свои замечания. Они представляют несомненный интерес: «1. Исходное — поддержка Советского Союза, а восстание против правительства капиталистических заправил. 2. Мир и союз с СССР для подъема Финляндии. 3. Независимая и самостоятельная Финляндия возможна только в дружбе с СССР. 4. Финский корпус — создан как основа финл. нар. армии. 5. Внутр. меры — решительная программа!»³

Наводит на размышление поставленный Молотовым знак вопроса на полях проекта обращения, где сказано: «Советскому Союзу больше не оставалось другой возможности для обеспечения своей безопасности у финляндской границы, кроме уничтожения вооруженной силой создан-

¹ Suomen Kommunistinen puolue. Puoluekokouseten ja keskikomitean plenumien päätöksiä Os. I. Leningrad, 1935. S. 67–68, 450, 453.

² АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 449. Л. 33. Шифровка начальника Главного политического управления РККА Л. Мехлиса, 24.11.1939.

³ АП РФ. Ф. 06. Оп 1. П. 19. Д. 192. Л. 5. «Революционный призыв к трудовому народу Финляндии».

ного финской буржуазией очага войны»¹. Как видно, Молотов не обнаружил в этой фразе должного развития тезиса о необходимости оказания со стороны СССР помощи создаваемому «народному правительству».

Однако Молотов исправлял не первый экземпляр машинописного текста, поскольку его нет в архивном фонде секретариата наркома иностранных дел. Тот экземпляр был, очевидно, отправлен Сталину.

Что же касалось окончательного текста обращения, которое позднее было опубликовано, то в нем призыв ЦК КПФ создать в стране широкий трудовой народный фронт и образовать «народное правительство» подкреплялся положением, имевшим цель снять возможные подозрения, что это «правительство» может поступиться национальными интересами страны и будет добиваться установления советской власти. «Некоторые товарищи думают, — говорилось в обращении, — что надо требовать организации Советской власти в Финляндии. Они ошибаются. Такой важный вопрос коренной перестройки всего социального режима не может быть разрешен одной партией или одним рабочим классом». И далее в обращении подчеркивалось, что «Финляндская Демократическая Республика как государство не советского типа не может входить в состав Советского Союза...»².

Не позднее 22 ноября был готов также проект «Договора о взаимопомощи и дружбе между Советским Союзом и Финляндской Демократической Республикой», который тоже нужно было заключить в самом начале войны. Его разработка велась ответственными сотрудниками Наркомата иностранных дел — А. А. Соболевым и С. П. Козыревым³. При этом содержание проекта договора по меньшей мере трижды подвергалось изменениям. Естественно, это делалось по указанию высшего советского политического руководства.

Судя по характеру вносившихся поправок, в документе менялись акценты. Вместо положений, касавшихся чисто военного сотрудничества, были включены формулировки, в которых подчеркивалась важность развития дружественных отношений между СССР и Финляндией. Даже само название проекта договора изменилось. Первоначально он именовался «Пактом о взаимопомощи»⁴.

¹ АП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 19. Д. 192. Л. 5. «Революционный призыв к трудовому народу Финляндии».

² Борьба финского народа за свое освобождение. М.: Л., 1939. С. 11.

³ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 18. Д. 194. Л. 8. Проект: «Пакт о взаимопомощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Финляндской Демократической Республикой».

⁴ Там же.

Местом подписания договора был определен город Какисалми (Приозерск). Планировалось, что документ будет подписан А. А. Ждановым и О. В. Куусиненом¹.

Примечательным при этом являлось то, что в проектируемом договоре была предпринята попытка решить те территориальные вопросы, по которым советское руководство не смогло найти компромисс с финской делегацией на московских переговорах осенью 1939 г. В договоре речь также шла о обмене территориями, который должен был произойти между двумя странами. Новой Финляндии планировалось передать «районы Советской Карелии с преобладающим карельским населением — всего в размере 70 000 квадратных километров»². (Это значительное пространство к северо-востоку и востоку от Ухты, Реболы, Поросозера и Олонца.) В результате граница должна была проходить на расстоянии 25–75 км от Кировской железной дороги, а Петрозаводск оказывался почти в 30 км от будущей государственной границы. В обмен на это Советскому Союзу должна была отойти территория на Карельском перешейке к северу от Ленинграда в 3970 квадратных километров. Граница там устанавливалась от города Койвисто (Приморск) до Ладожского озера, то есть приблизительно там, где ее хотели провести с Финляндией на московских переговорах. Кроме того, согласно этому договору Советскому Союзу сдавался в аренду на 30 лет полуостров Ханко и передавались в Финском заливе острова Суурсаари, Сейскари, Лавансаари, Тютерсаари. Койвисто, а также принадлежавшие Финляндии части полуостровов Рыбачий и Средний в Заполярье.

Считалось очевидным, что колоссальные уступки Финляндии территорий в Советской Карелии могли наглядно показать успешное решение советско-финляндских территориальных проблем (чего не сумела достичь финляндская правительственная делегация на переговорах со Сталиным) и вызвать положительную реакцию у тех, кто выступал с идеей включения карелов в единое финляндское государство, что поддержало бы правительство Куусинена.

Вместе с тем в проекте договора важное место отводилось положениям, в которых говорилось, что обе стороны обязуются оказывать друг другу помощь в случае нападения, а также угрозы нападения на Финляндию или через ее территорию на Советский Союз любой евро-

¹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. Д. 190. Л. 40.

² Там же. Л. 37.

пейской державы. Не допускалось, кроме того, заключение каких-либо союзов или участие в коалициях, направленных друг против друга.

Процесс создания «народного правительства» Финляндии включал также решение непростой проблемы формирования его армии. Уже 11 ноября Ворошиловым было отдано распоряжение о создании из числа финнов и карелов, служивших в Красной армии, а также находившихся в запасе, особого соединения — 106-й стрелковой дивизии. Срок окончания ее формирования устанавливался весьма сжатый — 24 ноября 1939 г.¹ Командиром этой дивизии был назначен финн по национальности комдив А. М. Анттила — будущий министр обороны «народного правительства». Комиссаром соединения стал карел, владевший финским языком, Ф. И. Егоров (Аалто). До этого он проходил службу в Ленинграде в Электротехнической академии имени С. М. Буденного.

Наиболее трудной задачей было укомплектование дивизии командным составом. Из представленной 15 ноября в Генеральный штаб справки стало ясно, что в рядах Красной армии находилось всего 49 финнов, представлявших среднее звено командного состава. В числе рядовых красноармейцев финнов насчитывалось немногим более 50, а карелов — 782 человека². Поэтому спешно был произведен призыв недостающего контингента из запаса.

Поскольку формированию 106-й дивизии придавалось особое значение, то этим процессом лично руководил член Военного совета ЛВО дивизионный комиссар Н. Н. Вашугин. Находясь в Петрозаводске, он регулярно докладывал Ворошилову о ходе укомплектования дивизии³. 20 ноября Вашугин телеграфировал в Москву, что в создаваемом подразделении «наличие не менее 60 % финнов будет обеспечено». Что же касалось значительного некомплекта в частях командного состава, то этот вопрос, как сообщал Вашугин, решался «за счет других национальностей»⁴.

Обо всем этом Ворошилов в свою очередь информировал непосредственно Сталина, Молотова и Жданова⁵. В результате на укомплектование дивизии в Петрозаводск был направлен весь

¹ РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 232. Л. 19, 21. Приказ НКО, 11.11.1939.

² Там же. Д. 284. Л. 98. Справка о количестве финнов и карел в РККА. 15.11.1939.

³ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1380. Л. 1. Донесение члена Военного совета ЛВО Н. Вашугина.

⁴ РГВА. Ф. 25888. Оп. 11. Д. 24. Л. 436. Донесение члена Военного совета ЛВО Н. Вашугина, 20.11.1939.

⁵ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1380. Л. 2. Резолюция наркома обороны К. Ворошилова на донесении Н. Вашугина.

мобилизованный рядовой и командный состав из числа приписников — финнов и карелов в возрасте до 40 лет, и не только находившихся на учете в Ленинградском военном округе, но также и в других округах. Кроме того, в целях организации систематической боевой подготовки сформированных частей к ним временно прикомандировывалось 155 человек среднего командного состава русской национальности для обучения призванных из запаса¹.

По свидетельству самих участников комплектования создававшихся частей, этот процесс протекал в исключительно спешном порядке. Эмиль Тойкка, назначенный начальником артиллерии дивизии (в ноябре его срочно направили с Южного Урала в Петрозаводск), писал впоследствии, как он помогал А. Анттиле выполнять поставленную задачу: «Каждый день с раннего утра до поздней ночи принимали бойцов, младших, средних и старших командиров, распределяли их по подразделениям и сразу же приступали к интенсивному обучению...»²

Наряду с этим создавались школы для подготовки младших командиров. Вводились особые знаки различия для лиц командного состава, не имевших военного звания³.

Наибольшее количество призывавшихся из запаса являлось финнами-ингерманландцами из Ленинградской области. По донесениям, поступавшим в Ленинградский обком партии о ходе призыва, отмечалось, что настроение у многих было приподнятое. Из сообщений радио, а также печати и из устной информации по поводу обострения советско-финляндских отношений большинство мобилизованных улавливали смысл и направленность происходившего⁴. Как докладывалось в Наркомат обороны, «призванные относятся к мобилизации сознательно, и есть случаи, когда многосемейные и старших возрастов отказываются от освобождения и просят оставить их в армии»⁵.

В документах по истории финской «народной армии» день 23 ноября, когда было завершено в основном формирование 106-й дивизии,

¹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1380. Л. 1–2. Донесение члена Военного совета ЛВО Н. Вашугина, 27.11.1939.

² Тойкка Э. Сквозь грозные годы. Петрозаводск, 1980. С. 132.

³ РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 284. Л. 119. Шифровка члена Военного совета ЛВО Н. Вашугина, 28.11.1939.

⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 3687. Л. 22–23. Информация заведующего военным отделом Парголовского РК ВКП (б), 22.11.1939.

⁵ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1380. Л. 2. Донесение члена Военного совета ЛВО Н. Вашугина, 27.11.1939.

стал считаться датой ее рождения. Вместе с тем процесс укомплектования некоторых ее частей продолжался. 27 ноября в телеграмме, направленной Вашугиным Ворошилову, сообщалось, что уже в имевшихся формированиях дивизии насчитывалось 8367 финнов и 4533 карела, что соответствовало численности дивизии по штатам военного времени. После этого, согласно намеченному плану, началось формирование еще одной дивизии¹.

В соответствии с принятым 27 ноября решением для военнослужащих 106-й дивизии вводилась особая форма одежды. Она поступила из Ленинграда, где изготавливалась из материала, доставленного со складов бывшей польской армии, которые размещались в Западной Украине и Западной Белоруссии, вошедших в состав СССР в октябре 1939 г. Особенностью формы являлись зимняя шапка-ушанка (в отличие от буденовки в Красной армии), черные валенки, а также погоны (польского образца), которые в советских частях тогда не использовали.

При укомплектовании будущей «народной армии» особое внимание уделялось тому, чтобы костяком ее командования являлись прежде всего участники революции и гражданской войны в Финляндии, а также проявившие себя в боях за установление советской власти в Карелии и сражавшиеся в Испании в 1936 г. Среди них были, кроме А. Антили, такие военачальники, как Э. В. Тойкка, Т. В. Томмола, Т. Вяя.

Для оказания помощи в организации политической работы в соединении Антили прибыли будущие министры «народного правительства»: известный деятель КПФ, получивший военное образование в Военной академии им. М. В. Фрунзе, Туре Лехен, кандидат в члены ЦК КПФ Аармас Эйкия (имел псевдоним Хари Пауль) и член ЦК КПФ Инкери Лахтинен (ее псевдоним был Майя Штрам)².

Ленинградский обком партии, кроме того, производил персональный отбор коммунистов, владеющих финским языком, для отправки их в спешном порядке на политическую работу в уже формировавшиеся части 106-й дивизии. Всего в сводном списке лиц, проходивших соответствующий отбор, насчитывалось 346 человек³.

¹ РГВА. Ф. 34980. Оп. 9. Д. 13. Л. 1. История 1-го финского горно-стрелкового корпуса; Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1380. Л. 1–2. Донесение члена Военного совета ЛВО Н. Вашугина, 27.11.1939.

² РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1396. Л. 1. Список лиц, направленных и направляемых в Петрозаводск (без указания даты).

³ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 3828. Л. 83. 52. Списки финнов и членов ВКП (б), владеющих финским языком, 15–16.11.1939.

Так за несколько дней до начала войны шел быстрый процесс создания первого соединения будущей «народной армии», которой предстояло, как говорилось позднее в Декларации «народного правительства», принести в Хельсинки «знамя Финляндской Демократической Республики», водрузив его «на крыше президентского дворца на радость трудящимся...»¹.

Из неизвестных ранее документов становится совершенно очевидным, сколь неуклюжим был разработанный сценарий начала войны, предусматривавший образование «народного правительства» и создание его «армии». Фальшь этой акции была очевидна для многих из тех, кто оказался привлечен к ней или был свидетелем проводившихся в данной связи приготовлений. А. Туоминен, являвшийся в то время секретарем Компартии Финляндии и планировавшийся, как предполагают, на должность премьер-министра «народного правительства», уклонился от этого. Находясь в Швеции, он, несмотря на настоятельные вызовы, не прибыл в Москву².

Предварительная работа по созданию «нового финского правительства» и его армии имела прежде всего политические цели. Причем будущие члены «правительства» впоследствии признавали, что его создание являлось на самом деле политической ошибкой, и всегда очень неохотно вспоминали о происшедшем. Сам О. В. Куусинен даже многие годы спустя уклонялся от какого-либо обсуждения этой темы. «Я хорошо знал Отто Вилле Куусинена... — отмечал историк и дипломат В. М. Бережков. — Он никогда не упоминал ни слова о Терийокском правительстве [место его провозглашения был поселок Терийоки. — В. Б.]. Возможно, это было в какой-то мере симптоматично»³.

Вся эта история с «народным правительством» оставила глубокий след в политике Финляндии, негативно повлияла на ее дальнейшие отношения с СССР. Тезис о том, что Советский Союз покушался на независимость Финляндии и стремился навязать ей советскую государственную систему, неизменно подкреплялся в финской литературе и печати ссылкой на стремление создать марионеточное «правительство Куусинена».

С другой стороны, неуклюжая попытка осуществления «экспорта революции» в Финляндию долгое время была запретной темой для

¹ Цит. по: *Марков М.* Финляндия. С. 48.

² *Helsingin Sanomat.* 1989. 9.7.

³ *Suomen Kuvalehti.* 1987. № 39. S. 64.

советских историков. Избегали даже упоминания о так называемом народном правительстве Финляндии. Однако частично сохранившиеся архивные документы позволяют в какой-то мере приоткрыть завесу над тем, из чего в СССР многие годы делали тайну.

В целом очевидно, что весь сценарий подготовки войны с Финляндией никаким образом не соотнобразывался с реальной действительностью. В военном и политическом отношении применение силы против Финляндии было непродуманной акцией и носило поспешный характер. Вера в исключительную мощь Красной армии и убежденность в правильности стратегической линии Сталина в идейно-политическом направлении предопределили решительность действий в финляндском вопросе. Такой экспромт в военном отношении и авантюризм в политике не могли не привести к печальным последствиям.

Вместе с тем следует понять, существовала ли в то время возможность предотвратить опасное развитие событий? Ведь в Финляндии совершенно неправильно была истолкована концовка московских переговоров. Безрезультатность их расценивалась как успех. Характерно, что в Хельсинки после срыва переговоров даже не искали путей и способов возобновления диалога с Советским Союзом. Здесь и далее не хотели должным образом принимать во внимание позицию СССР как великой державы, а также проявлявшуюся им озабоченность в связи с обострявшейся в мире обстановкой в условиях начала Второй мировой войны. Финские аналитики, оценивая внешнеполитическое положение, должны были по крайней мере заметить происшедшие резкие перемены в подходе советского руководства к решению проблем безопасности. Заключение договора с Германией — страной, которую в СССР осуждали как агрессора, убедительное тому доказательство. Это был серьезный сигнал, означавший, что следует проявлять еще большую осторожность и гибкость в области внешней политики. В Хельсинки так его и не услышали...

Майнилавский инцидент

При непосредственной подготовке к военным действиям против Финляндии, развернувшейся в середине ноября 1939 г., советскому руководству представлялось не столь сложным их ведение, сколь трудным доказательство правомерности вступления в войну. В этом отношении нужен был соответствующий повод, поскольку теперь ход событий в СССР приближался к развязке и началу войны.

В результате в Москве начали совершенно открыто демонстрировать жесткое отношение к финской внешней политике и никоим образом не стремились к сглаживанию противоречий, возникающих тогда с Финляндией. Упомянувшиеся ранее рекомендации полпреда Деревянского относительно необходимости создания «обостренно-напряженной обстановки» у границы и усиления давления на Финляндию политическими средствами приобрели, казалось, практическое значение. В результате тон публиковавшихся в Советском Союзе материалов, посвященных Финляндии, стал приобретать более резкий характер, на что обратили внимание в Хельсинки. 22 ноября начальник отдела МИД Финляндии У. Тойвола указал на это сотруднику ТАСС. А на следующий день со стороны Финляндии было сделано официальное уведомление дипломатических представительств в Хельсинки об имеющихся фактах «территориальных нарушений» воздушного пространства Финляндии со стороны Советского Союза. Это квалифицировалось как стремление продолжить «войну нервов»¹.

Соответственно, в Москве исключительно резко отреагировали на выступление 23 ноября премьер-министра А. Каяндера, в котором он касался развития отношений с Советским Союзом после срыва московских переговоров. Три дня спустя в «Правде» была опубликована статья под заглавием: «Шут гороховый на посту премьера». Содержание этой публикации было оскорбительным для главы финского правительства. Данный материал, вне всякого сомнения, готовился по заданию высоких инстанций. Особое внимание в статье было обращено на ту часть заявления Каяндера, где подчеркивалась мысль, что правительство Финляндии не пойдет навстречу предложениям СССР.

В указаниях военных политорганов относительно ведения пропагандистской работы в войсках содержались установки, ориентированные на максимально решительные действия. В директиве начальника Политуправления ЛВО говорилось, что «с провокаторами войны пора кончать»². Требовалось «мобилизовать весь личный состав на отличное выполнение боевого приказа»³. При этом проводилась мысль, что «военные действия будут скоротечными, что это будет по сути дела не

¹ UM. 109. A 9. UM:n ilmoitus TASS:in edustajalle 22.11.1939; Ibid. A. 8. UM:n poliittinen tiedotus, 23.11. 1939.

² РГА ВМФ. Ф. 25888. Оп. 13. Д. 30. Л. 1. Директива нач. ПУ ЛВО 23.11.1939.

³ Там же. Д. 8.

война, а просто инцидент, который закончится в течение нескольких дней»¹.

Таким образом, в складывавшейся обстановке нужен был лишь формальный повод, который позволил бы довести нарастающий конфликт между обеими странами до прямых вооруженных действий. И такой повод появился, когда на весь мир 26 ноября прогремела информация, распространенная Советским Союзом о пограничном инциденте, произошедшем в тот день в 15 часов 45 минут московского времени. Этот инцидент вошел в историю как «выстрелы у Майнила». В результате указанное в советских средствах массовой информации событие фактически стало центральным в общем процессе накалявшейся тогда обстановки. Уже через три дня после Майнилавского инцидента действительно началась война, а случившееся на границе превратилось в главный аргумент советского руководства для обоснования боевых действий Красной армии против финских войск. Сама война, таким образом, квалифицировалась Москвой лишь как ответные действия, сугубо необходимые для «пресечения пограничных провокаций со стороны финской военщины».

Однако до сих пор даже при наличии значительного количества обнаруженных архивных материалов, касающихся событий у пограничной деревни Майнила, полностью раскрыть в научном плане все детали произошедшего на советско-финляндской границе в силу противоречивости содержащихся в документах сведений крайне сложно. Тем не менее сегодня можно уже в большей степени избегать предположений и домысливаний, а базироваться на новых данных, позволяющих точнее понять случившееся.

Итак, 26 ноября, согласно официальному советскому сообщению, финской артиллерией была обстреляна советская территория на Карельском перешейке в районе деревни Майнила. В результате произошедших семи артиллерийских выстрелов оказались «убиты три красноармейца и один младший командир, ранено семь красноармейцев, один младший командир и один младший лейтенант»². Таким образом, пострадало 13 человек — полнокровное подразделение советских войск, равное по своему численному составу целой пограничной

¹ РГА ВМФ. Ф. Р-1549. Оп. 1. Д. 223. Л. 5. Обобщение опыта партийно-политической работы ПУ СФ.

² Внешняя политика СССР. Сборник документов. Т. IV. М., 1946. С. 462; Правда. 1939. 27 нояб.

заставе. При этом случившемуся в Москве сразу же было придано значение военной провокации, и на основе этого советское правительство направило вечером 26 ноября Финляндии ноту, в которой подчеркивалось, что выстрелы производились с финской стороны¹.

Однако финский посланник А. Ирье-Коскиен сразу же отверг прозвучавшее обвинение, заявив, что из Финляндии «не получил об этом никаких сведений и не понимает, как такое могло стать возможным»². Затем из Хельсинки уже официально было сообщено, что, вероятно, «дело идет о несчастном случае, произошедшем при учебных упражнениях, имевших место на советской стороне»³.

Более того, после случившегося председатель Совета обороны Финляндии маршал К. Г. Маннергейм сделал заявление для прессы, где сказал, что он возвращался с Карельского перешейка, когда узнал из официальных средств массовой информации, что якобы финская артиллерия «произвела ряд выстрелов, которые привели к потере нескольких солдат Советской России». Маннергейм назвал такое утверждение «недоразумением», поскольку финские передовые батареи легкой артиллерии были расположены, по его словам, на удалении 20 км от границы, а войска в тот день пополудни «находились на полковом богослужении под открытым небом»⁴.

Однако слова финского маршала сейчас выглядят недостаточно убедительными. Нельзя уйти от того факта, что одна из финских батарей все же находилась в непосредственной близости от деревни Майнила — в районе Яппиля (Симагино), то есть всего в пяти километрах от советской границы. Эта батарея не замедлила себя обнаружить, как только начались военные действия. 30 ноября 1939 г. она, а также финская батарея в районе Куоккала (Репино) сразу же открыли огонь по наступавшим войскам Красной армии, и это мгновенно было зафиксировано в оперативных сводках советского военного командования⁵.

Конечно, в факте обстрела деревни Майнила должна была разобрататься смешанная советско-финляндская комиссия, как того тре-

¹ УМ. 109 А 8. Нота советского правительства, 26.11.1939; 109 А 6; Suomen sinivalkoinen kirja. S. 67–68.

² УМ. 109 А 8.

³ Внешняя политика СССР. Сборник документов. Т. IV. С. 463–464; Suomen sinivalkoinen kirja. S. 69.

⁴ Helsingin Sanomat, 1939, 28.11; SA. Т. 20733/1. Päämajan sotapäiväkirja. № 1. 26.11.1939.

⁵ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 521. Л. 1.

бовали существовавшие соглашения между обоими государствами. С финской стороны тогда не было опасений, поскольку после случившегося правительство Финляндии само предлагало создать из представителей обоих государств для расследования специальную комиссию¹. Однако руководство СССР это не приняло². В Москве, очевидно, очень спешили и не собирались ставить вопрос о проведении предполагавшегося расследования. Причем такая реакция Советского Союза ясно указывала на то, что в Москве следовали по пути дальнейшего обострения отношений с соседней страной.

В финском дипломатическом представительстве в Москве тогда находились в явной растерянности. Здесь просто не понимали, чего можно ожидать дальше. Первый секретарь представительства Арне Соланко, как тогда докладывали Л. П. Берии, в частной беседе прямо заявил: «Наше положение темное и непонятное. Было бы гораздо лучше, если бы действительно наши войска стреляли по советским войскам. В этом случае мы бы извинились перед Советским Союзом, возместили бы убытки и расстреляли бы несколько своих командиров за самоуправство, и этим бы дело кончилось... А сейчас я не знаю, что делать»³. Представители советских спецслужб, которые зафиксировали это высказывание, прямо указали в своем донесении в НКВД: «Общее настроение у сотрудников финляндской миссии тревожное и удручающее. Никто не знает, чем это кончится...»⁴

Тем не менее сведения о том, что реально произошло у Майнила, уже после «финской войны» стали просачиваться в печать. Также стали известны и свидетельства отдельных лиц, которые утверждали, что присутствовали при этих событиях лично. Однако данная информация очень противоречива, поскольку сведения исходили либо от анонимных финских солдат, либо от советских военнопленных, находившихся в Финляндии, либо из частных бесед с бывшими участниками войны, которые проходили уже в самом конце XX в.⁵ Причем в одном случае говорилось об обстреле СССР с территории Финлян-

¹ Внешняя политика СССР. Сборник документов. Т. IV; UM, 109 A 6. Sähke ulkomaan lähetystölle, 27.11.1939 (1945).

² UM, 109 A 11. Нота советского правительства, 28.11.1939.

³ Зимняя война. 1939–1940 гг. в рассекреченных документах Центрального архива ФСБ России и архивов Финляндии. С. 201.

⁴ Там же.

⁵ Ny Dag 1940.14.6; KA, Mannerheimin kokoelma. 617. Sotasyllisyys (10.12–21.12.1945); *Arimo R. Osapuolten näkemuserot talvisodasta // Sotilasaikakauslehti*. 1985.

дии, а в другом — что выстрелы были произведены «по приказу из Москвы». Естественно, подобного рода свидетельства не могли быть приняты на веру.

В частности, весьма неправдоподобным является утверждение одного из красноармейцев 70-й стрелковой дивизии (ее части дислоцировались вблизи места событий), что до того, как произошел обстрел района Майнила, туда приезжал лично нарком обороны К. Е. Ворошилов, где «встречался с начальством и солдатами, беседовал с ними»¹.

Тем не менее как сейчас, так и прежде историки, а также публицисты путем сопоставления фактов и логических рассуждений чаще всего приходят к выводу, что обстрел Майнила был совершен с советской стороны. Эти доводы прежде всего основываются на положении о том, что произошедший инцидент был выгоден только руководству СССР, которое в тот момент изыскивало повод для начала войны против Финляндии. Причем эта заинтересованность уже тогда была хорошо заметна. «Сложный конфликт Москва — Финляндия» — дал такое определение тогда в своем дневнике, в частности, рейхсминистр народного просвещения и пропаганды Германии доктор Й. Геббельс. И здесь же последовало весьма выразительное его восклицание: «Большевики утверждают, что финны стреляли по их территории. Ха-ха-ха!»²

Подобное эмоциональное отношение к данному вопросу продолжает доминировать и у ряда современных историков. Таким же образом прослеживается ситуация с «выстрелами в Майнила» в публикациях, например, известного финского профессора О. Юссила. Исходя из представления, что Советский Союз являлся «империей зла»³, автор, несмотря на уже введенный в научный оборот новый пласт источников, в начале XXI в. продолжает идти прежним путем домысливания, реконструируя события прошлого. При этом он не утруждает себя анализом ставших теперь известными архивных документов. Почему? «Суть дела, — заявляет О. Юссила, — была ясна без каких-либо новых документов»⁴. Такой подход, конечно же, далек от

№ 12. S. 89; *Stepakov V., Orehov D.* Paraatimarssi Suomeen. Talvisota venäläisin silmin. Porvoo; Hels.; Juva, 1992.

¹ *Stepakov V., Orehov D.* Paraatimarssi Suomeen. Talvisota venäläisin silmin. S. 46.

² См.: *Ржевская Е.* Геббельс. Портрет на фоне дневника. М., 1994.

³ *Jussila O.* Neuvostolainen jälkikuva Terijoen hallituksesta // *Historiallinen Aikakauskirja*. 2002. № 1. S. 108.

⁴ *Ibid.* S. 108–109.

исторически объективного, скрупулезного исследования произошедших событий.

Не менее оригинален и другой финский исследователь — профессор О. Маннинен. Он в середине 1990-х гг. уже четко заявил, что «теперь в организации пограничного инцидента в Майнила найдены первые реальные доказательства»¹. Эти «реальные доказательства» вытекали лишь из того, что финский историк просто не разобрался в тексте одного из советских документов, написанных на русском языке, и предложил читателю целый сенсационный сценарий, который якобы был разработан руководством СССР. Он, не опираясь на документальную базу, пришел к выводу, что за организацию инцидента мог отвечать в Советском Союзе А. А. Жданов. При этом из отрывистых рукописных записей первого секретаря Ленинградского горкома и обкома партии, которые были сделаны им в служебном дневнике, он выстроил целый «план» подготовки в СССР пограничной провокации. Причем Маннинен вынужден был все же уточнить, что в «ждановской программе» «каждый из этих кратких пунктов сам по себе не имеет смысла, но вместе они образуют цепь событий, которые, как показано, действительно имели место»².

Вероятно, именно неконкретность использованного исследователем оригинального документа позволила ему весьма вольно интерпретировать карандашные записи Жданова³, приходя при этом к сенсационным заключениям. Он, в частности, предположил, что в момент готовящейся по некоему сценарию провокации «к границе должен быть подтянут батальон войск НКВД». Затем, по его мнению, «происходит инцидент с выстрелами» и наконец «организуется митинг для демонстрации всеобщего возмущения»⁴. Сам же вывод о причастности этого плана к «инциденту с выстрелами» Маннинен сделал на основе записи одного лишь слова, написанного Ждановым, которое исследователь, очевидно, понял как слово «расстрел»⁵. Именно это слово он указал в своем исследовании, опубликованном как в России,

¹ Маннинен О. Выстрелы были // Родина. 1995. № 12. С. 57.

² Там же.

³ См: Барышников В. Н. Советские архивные документы о «плане Жданова» накануне начала «зимней войны» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. Вып. 3. 2013. С. 43–52.

⁴ Маннинен О. Выстрелы были. С. 57.

⁵ Там же.

так и в Финляндии¹. Маннинен пишет: «...Жданов использовал слово “расстрел”, смысл которого отличен от понятия “артиллерийский огонь”. Это слово, — поясняет дальше финский историк, — в большинстве случаев используется, когда имеются в виду казнь, исполнение приговора. Отсюда следует, — далее заключает Маннинен, — что конкретно форма инцидента в Майнила была определена позже. Возможно, Жданов думал об инсценировании ситуации, в которой финский патруль атакует советские войска, и, возможно, что будет обнаружено несколько трупов в Майнила»².

При этом в действительности в документе Ждановым была сделана совершенно другая запись, слово, которое лишь отдаленно напоминало понятие «расстрел». Он написал слово «рация»³, а сам текст использованного О. Манниненом документа вообще никакого отношения к пограничному инциденту в Майнила не имел⁴. Тем не менее эту нелепую версию, построенную на очевидных фантазиях, затем подхватили в определенных дилетантских изданиях, которые последнее время активно публикуют свои рассуждения о «финской войне» в России⁵.

Но в любом случае, отбрасывая различные домыслы и искажающие действительность умозаключения, следует заметить, что в данном случае неразумным является главное — доказывать незаинтересованность советского руководства в сложившейся ситуации у Майнила. В Москве пограничные инциденты, «организованные финской военной», тогда были просто необходимы. Но, придавая такое большое значение «выстрелам» у Майнила, нужно иметь в виду и тот факт, что вне зависимости от Майнилавского инцидента война все равно бы началась, поскольку за три дня до ее начала уже были отданы послед-

¹ В финском варианте работы О. Маннинена, посвященной выстрелам в Майнила, исследователь использует или русское слово «*расстрел*», написанное с помощью латинского алфавита — «*rasstrel*», или дает финскую его интерпретацию как «*ammunta*», что можно перевести на русский язык еще и как «*стрельбы*». См.: *Manninen O. Molotov cocktail — Hitlerin sateenvarjo. Toisen maailmansodan historian uudelleenkirjoitusta. Painatuskeskus. Hels., 1994. S. 37, 35.*

² *Маннинен О.* Выстрелы были. С. 57; *Manninen O. Molotov cocktail — Hitlerin sateenvarjo. S. 37.*

³ *Барышников В. Н.* Советские архивные документы о «плане Жданова» накануне начала «зимней войны». С. 48.

⁴ Там же. С. 51.

⁵ См.: *Принимай нас, Суоми-красавица. «Освободительный поход» в Финляндию 1939–1940 гг.* СПб., 2000. С. 11.

ние распоряжения войскам Ленинградского военного округа. Советскому командованию оставалось лишь ждать последнего приказа о переходе государственной границы и наступлении.

Но это не является безоговорочным доказательством того, что автором Майнилавского инцидента было советское руководство. В действительности пограничные инциденты с использованием огнестрельного оружия в этих местах бывали и раньше, и случались они весьма регулярно. В частности, обстрелы территории СССР тогда вполне могли себе позволить финские пограничники. Это тоже не было большой тайной.

Сошлемся на следующий факт. В разгар советско-финляндских переговоров 15 октября 1939 г. в районе Белоострова на Карельском перешейке у железнодорожного моста через реку Сестру были обстреляны с финской стороны из ручного пулемета советские пограничники в тот момент, когда автомашина с правительственной делегацией Финляндии возвращалась после очередного раунда переговоров в Москве¹. Под обстрел тогда попал начальник отдела штаба Ленинградского пограничного округа полковник С. Ф. Дреев².

Это инцидент был весьма неприятным. Для выяснения причин произошедшего потребовалась организация соответствующего совместного расследования. В результате стало очевидно, что обе стороны остались «при своем мнении». На заседании представителей пограничников СССР и Финляндии начальник Сестрорецкого погранотряда майор А. М. Андреев четко изложил советскую версию случившегося. Он сообщил, что когда финская правительственная делегация в 11.00 на автомобиле прибыла к границе и находилась «приблизительно в 72 метрах от железнодорожного моста, группа из 4–6 финских пограничников, которые находились у погранбудки, совершили бросок, пробежав вперед... один из них дважды выстрелил зеленой ракетой из ракетницы», а затем «раздались две очереди выстрелов... в сторону СССР по направлению железнодорожной линии». Далее было подчеркнуто, что «пули пролетели в 50 метрах над головами находившихся на своей территории пограничников Советского Союза»³.

¹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1240. Л. 18; Пограничные войска СССР. М., 1970. С. 48; УМ, 109, А 8. Jäljennös suomennetusta pöytäkirjasta, 15.10.1939.

² Краснознаменный Северо-Западный пограничный округ. Л., 1973. С. 125.

³ УМ. 109, А 8. Jäljennös suomennetusta pöytäkirjasta, 15.10.1939.

Однако эта версия сразу же была опровергнута финской стороной. Не отрицая факт произошедшего, было отмечено, что финские пограничники «не знали о подготовке к прибытию финнов на машине» и в момент появления автомобиля пытались связаться со своим руководством по телефону, но аппарат «в тот момент оказался неисправным». А «предупредительные выстрелы были произведены в сторону Финляндии» и «пули не могли лететь через головы пограничников» СССР¹.

Таким образом, уже этот пограничный конфликт мог при разбирательстве зайти очень далеко, поскольку случившееся представитель советских пограничников «квалифицировал как нарушение границы»². Об этом инциденте Л. П. Берия лично доложил Сталину, Молотову и Ворошилову³. Но в условиях продолжающихся советско-финляндских переговоров на высшем уровне в советском руководстве не посчитали нужным разжигать «пограничные страсти», удовлетворившись получением от финского командования сообщения, что оно «весьма недоволено своей пограничной стражей»⁴.

Тем не менее после срыва советско-финляндских переговоров обстановка в Советском Союзе в корне изменилась. Теперь любые пограничные инциденты рассматривались советской стороной совершенно по-другому. Если предположить, что в Москве решили инспирировать подобного рода конфликты, то для исследователя важно проанализировать, как советское руководство приняло подобное решение и каким образом принятое решение было реализовано.

Что же происходило тогда в кабинете Сталина? Об этом можно судить лишь по фрагментам воспоминаний и некоторым косвенным данным.

Весьма любопытными в данном случае являются мемуары Н. С. Хрущева. Перед началом Советско-финляндской войны Хрущев неоднократно был приглашен к Сталину в Кремль. Один из эпизодов, связанных с этим и относящихся к началу войны, сохранился у него в памяти и нашел отражение на страницах его мемуаров. При внимательном прочтении этих воспоминаний и при сравнении их текста с другими источниками становится ясно, что Хрущев объективно сумел описать именно

¹ УМ. 109, А 8. Jäljennös suomennetusta pöytäkirjasta, 15.10.1939.

² Ibid. Puhelinsanoma. 16.10.1939. Kannaksen raja-asiamies, eversti Inkala / Suontausta.

³ Зимняя война. 1939–1940 гг. в рассекреченных документах Центрального архива ФСБ России и архивов Финляндии. С. 168–169.

⁴ Пограничные войска СССР. С. 48.

тот момент, когда в Кремле практически решался вопрос об организации «пограничного инцидента» с Финляндией. Однако он не указывает даты описываемого события, а лишь отмечает, что это случилось «поздней осенью 1939 года». Более того, по мнению автора, излагавшийся эпизод произошел непосредственно в начале «зимней войны»¹. Заметим, что это несколько запутало некоторых читателей его мемуаров².

Тем не менее, если обратиться к журналу регистрации лиц, посещавших тогда Сталина в Кремле, то становится ясно, что эта встреча произошла еще до начала войны, поскольку Хрущева ни 29 ноября, ни 30 ноября у Сталина на приеме не было³. Также среди посетителей Сталина в те дни не было и Куусинена⁴, хотя Хрущев отмечает, что на той встрече видел его.

С другой стороны, факт встречи Хрущева с Куусиненом у Сталина позволил точно определить дату описываемого события. Это могло произойти только 24 ноября. Именно в тот день Хрущев единственный раз встречался у Сталина в Кремле с Куусиненом. Кроме того, там присутствовали также Молотов (Хрущев это в своих воспоминаниях подтверждает), Берия и Маленков⁵. Поэтому, несмотря на нечеткость и сбивчивость воспоминания Хрущева, с их помощью можно воссоздать происходивший тогда в Кремле обмен мнениями и понять их суть.

Становится ясно, что Хрущев оказался в кабинете Сталина в тот момент, когда уже шло обсуждение вопроса о начале войны. По его воспоминаниям, он засвидетельствовал лишь продолжение «предыдущего разговора»⁶. Это подтверждает и круг лиц, которые 24 ноября присутствовали в кабинете Сталина, Хрущев действительно появился там значительно позже, чем остальные участники встречи, и застал лишь финальную часть совещания⁷. Тем не менее автор воспоминаний, как опытный партаппаратчик, разобрался в обстановке и отметил главное: речь шла о «реализация принятого решения» и согласовании вопроса, касавшегося того, чтобы «выстрелить из пушки»⁸.

¹ Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева. С. 100.

² См: *Соколов Б. В.* Тайны финской войны. С. 28.

³ См.: Посетители кремлевского кабинета И. В. Сталина // Исторический архив. 1995. № 5–6. С. 60.

⁴ Куусинена тогда вообще в Москве не было.

⁵ Посетители кремлевского кабинета И. В. Сталина. С. 59.

⁶ Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева. С. 100.

⁷ Посетители кремлевского кабинета И. В. Сталина. С. 59.

⁸ Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева. С. 100.

Далее в мемуарах Хрущев рассказывает, что стал свидетелем того, как Сталин после телефонных переговоров сообщил присутствующим, что «сегодня будет начато дело»¹. Хрущев расценил это как информацию о начале войны с Финляндией. Но эту фразу можно понять и в более широком плане, поскольку тогда еще война не началась, а проходила лишь финальная часть ее подготовки. Сказанное Сталиным, скорее всего, относилось к переходу СССР к действиям, после которых войну невозможно было бы предотвратить, то есть к готовящимся тогда выстрелам на границе. Более того, от себя Хрущев весьма определенно подчеркнул: «Мы произвели выстрел... Я говорю это потому, что существует другая трактовка: финны первыми выстрелили...»² Если учесть, что в это время на встрече присутствовал еще и нарком внутренних дел Л. П. Берия, то можно предположить, что именно его ведомство на границе и должно было реализовывать замысел, о котором шла речь 24 ноября³.

Как продумывались все дальнейшие действия в этом направлении, более подробно засвидетельствовал О. В. Куусинен. Впоследствии в частной беседе он признал, что, когда рассматривался вопрос относительно событий на границе, он предложил советскому руководству прежде всего продолжить дипломатический диалог с Финляндией. Именно Куусинен выдвинул идею направить в Хельсинки требование отвести финские войска от границы «на Карельском перешейке на 25 км в сторону Выборга», рассматривая это предложение как последний ультиматум Финляндии. По его словам, «Сталин согласился с таким предложением»⁴. Иными словами, тогда был уже продуман последний акт предвоенного сценария.

Так весьма стремительно начали развиваться дальнейшие события. 26 ноября в районе четырех часов вечера по московскому времени произошли, как это затем утверждалось, выстрелы на границе у деревни Майнила, а затем в тот же вечер об этом сообщило советское радио.

¹ Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева. С. 100.

² Там же.

³ По этому поводу существуют определенные косвенные данные. Так, Б. В. Соколов в своей работе «Тайны финской войны» приводит пересказ интервью советского генерала Окуневича, который сообщил, что он, будучи майором НКВД, вместе с еще двумя «экспертами по баллистике» в районе Майнила 26 ноября 1939 г. осуществляли руководство испытательными стрельбами из нового секретного оружия (Соколов Б. В. Тайны финской войны. С. 29).

⁴ Цит. по: Сеницын Е. Т. Резидент свидетельствует. М., 1996. С. 138–139.

Финскому посланнику в Москве при этом была вручена нота с требованием отвода войск Финляндии от границы на 20–25 км, причем это сообщение, по мнению финского дипломата, «не было выполнено в угрожающем тоне»¹, но вопрос о совместном расследовании этого пограничного инцидента СССР даже не ставил. Одновременно уже поздно вечером в Кремле в кабинете Сталина опять состоялось весьма важное совещание. Оно продолжалось около трех часов. На заседании присутствовал весьма ограниченный круг лиц: Сталин, Молотов и Куусинен². Безусловно, здесь рассматривались уже конкретные вопросы, связанные с перспективами отношений с Финляндией.

Очевидно, что отказ от проведения совместного расследования случившегося и игнорирование этого предложения, поступившего с финской стороны, означали по меньшей мере, что в Финляндии должны были сразу признать свою вину в произошедшем инциденте. Причем официально советская сторона заявила, что одностороннее расследование этих событий было проведено. Его организовал начальник оперативного отдела штаба ЛВО полковник П. Г. Тихомиров³. Однако он сам впоследствии это отрицал, говоря, что узнал о такой новости лишь «из радиопередачи»⁴. Тем не менее некоторые документы свидетельствуют, что уже 27 ноября результаты расследования случившегося у Майнилы были доложены в Москву. Эта информация поступила уже лично от командующего округом К. А. Мерецковым⁵ (хотя и в этом случае документ с содержанием этого доклада не обнаружен). В целом неясность результатов расследования Тихомировым инцидента на границе, безусловно, указывала на стремление советского руководства что-то скрыть.

Запутанность произошедшего усугублялась еще и единственным обнаруженным реальным доказательством того, что обстрел Майнилы был, но велся советской артиллерией. Этим документально зарегистрированным наблюдением являются сообщения финских пограничников, которые тогда находились в районе Майнилы. В их первых официальных донесениях, отправленных уже поздно ночью (00.55) 27 ноября, отмечался факт оружейных выстрелов «между 14.30 и 15.00... с русской стороны». Этим данным тем не менее для

¹ УМ. 109 А 6. Puhelinsanoma Moskovasta, 26.11.1939 (22⁰⁵).

² Посетители кремлевского кабинета И. В. Сталина. С. 60.

³ Правда. 1939, 27 нояб.

⁴ См.: *Rautkallio H. Kansakunnan syllisyys. Talvisotaan 1939–1940. S. 117.*

⁵ РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 262. Л. 22.

доказательства причастности к инциденту именно советской артиллерии все же недостаточно.

Более того, дальнейшие сведения, содержащиеся в донесениях финских пограничников из района Майнила, также оказались весьма приблизительными. В них лишь указывалось, что одни слышали лишь одиночный «выстрел небольшого орудия», другие смогли услышать «до 5–6 разрывов»¹. Эти же разноречивые сведения дал и последовавший затем ночной опрос, устроенный финским командованием после произошедшего инцидента среди своих пограничников. Здесь также существовали значительные расхождения. Тогда командир пограничной группы Карельского перешейка подполковник К. А. Инкала дал задание опросить всех, кто что-то видел или слышал выстрелы, а также разрывы, произошедшие 26 ноября «со стороны СССР»².

Далее картина по рассказам финских пограничников вырисовывалась следующая: в воскресенье, 26 ноября, когда произошел инцидент, на Карельском перешейке вначале был обильный снегопад. Майнила с финской стороны почти не просматривалась, но на советской территории финские пограничники слышали пулеметные очереди, отдельные винтовочные выстрелы и т. д. Во второй половине дня находившиеся на разных участках границы финские военнослужащие слышали еще ряд разрывов снарядов (или мин). Было также отмечено, что на короткое время на майнилавском поле появилось 5–6 человек, осматривавших этот район³.

Но при этом в запрототолированных рассказах пограничников, которые сейчас хранятся в архиве Министерства иностранных дел, наблюдались явные расхождения. Общим при этом было время произошедшего — приблизительно между 14.45 и 15.00 (по финскому времени), а также то, что эти выстрелы были произведены либо из миномета, либо из орудия небольшого калибра. Но количество выстрелов называлось различное — обычно три-четыре. Некоторые вообще утверждали, что их не сосчитали⁴. Показательным также являлось то, что некоторые пограничники наблюдали на советской территории свежие воронки, «где падали мины», но «никакого признака того, что на месте были какие-либо убитые или раненые, не замечено»⁵.

¹ См.: *Kuin Suomi taisteli*. S. 15.

² UM. 109, A 6. *Kuulustelupöytäkirja tehty 4 Raja K:n toimistossa*, 27.11.1939.

³ *Kuin Suomi taisteli*. S. 15.

⁴ UM. 109, A 6. *Kuulustelupöytäkirja tehty 4 Raja K:n toimistossa*, 27.11.1939.

⁵ *Ibidem*.

На основе этих данных уже после 10 часов утра 27 ноября подполковник К. А. Инкала передал в МИД Финляндии обобщающие сведения произошедших разбирательств, где указывалось, что стреляли со стороны СССР, а сам факт этих выстрелов зафиксирован в дневнике пограничников 4-й заставы. Далее содержалась ссылка на твердое заявление начальника пограничной заставы, что «не было никакой возможности, чтобы указанные выстрелы были произведены с финской стороны». Инкала обратил внимание еще и на то, что орудие, из которого были произведены выстрелы, пограничники не видели, но на советской стороне «от семи выстрелов остались воронки»¹. Все это должно было стать основой для соответствующего ответа на советскую ноту по поводу пограничного инцидента.

Однако недавно в документах военного архива Финляндии было обнаружено еще одно донесение финской пограничной службы. В нем сообщалось, что уже «в 11.50 русские произвели в порядке упражнения минометную стрельбу», и это сообщение было отправлено пограничниками их руководству без десяти двенадцать вечера 26 ноября, то есть за час до передачи донесения «о главных выстрелах в Майниле»². При наличии этих документов возникает вопрос: почему различие во времени отправления первого и второго донесений столь незначительно, хотя произошедшие события, если им верить, случились с разницей в три часа?

Финский исследователь С. Исотало, первым обнаруживший новый документ, утверждает, что это могло произойти потому, что в Финляндии узнали об инциденте из радиосообщений Советского Союза, «и только после этого от пограничников была направлена новая информация, которая полностью подтверждала то, что было сказано по московскому радио». Причем пограничники особо должны были подчеркнуть, что выстрелы были сделаны на советской территории.

Как считает С. Исотало, новые сведения были необходимы финскому руководству, поскольку теперь следовало доказать, «что русские

¹ UM. 109, A 6. Puhelinsanoma. UM:ll 27. 11.1939 (10¹⁵). Kannaksen raja-asiamies eversti Inkala; Karjalan kannaksen raja-asiamies UM:lle, 27.11.1939.

² SA. Kan AE, Npuh.sanoma, 27.11.39 (A 0101 AKE). Минометные испытания на территории СССР в районе Майнила также подтверждают и протоколы допросов военнопленных, которые составлялись уже в годы Великой Отечественной войны финским командованием среди попавших в плен советских военнослужащих, служивших в районе инцидента на границе осенью 1939 г. (см.: UM. 109, A 6. Päämaja. Tiedusteluosasto; KA. Risto Rytin kokoelma. Oikeuskanslian virasto. Päämaja. Tiedusteusosasto. Mainilan laukaukset).

якобы стреляли “против себя”»¹. Реально же, заключил С. Исотало, имели место лишь минометные стрельбы на советской территории, которые были проведены утром, а во второй половине дня 26 ноября вообще «выстрелов в Майниле не было», и они являлись выдумкой советского руководства, которую затем «передало московское радио». В Хельсинки не разобрались с этой ситуацией, поэтому финское командование оперативно организовало новое сообщения после того, как пограничники «уже ночью были опрошены» и лишь «подтвердили» «ложную информацию» московского радио².

В результате в Финляндии, по мнению С. Исотало, было подготовлено документальное свидетельство, которое позволяло финскому руководству в случае совместного расследования, опираясь на полученные сведения, опровергнуть информацию, что выстрелы были сделаны с финской стороны. И хотя выводы С. Исотало требуют тщательной проверки³, тем не менее наличие ранее неизвестных документов ставит под сомнение достоверность основного аргумента финского руководства, основанного на донесениях своих пограничных войск.

С другой стороны, подтверждением версии С. Исотало может в какой-то степени выступать запись телефонных переговоров Министерства иностранных дел Финляндии со штабом пограничной охраны на Карельском перешейке, а также с Генеральным штабом финской армии.

Естественно, что в финском МИД очень спешили, когда из Москвы была получена срочная информация о выстрелах у деревни Майнила и о ноте советского правительства по данному инциденту. Мгновенно после этого было запрошено руководство пограничной охраны на Карельском перешейке. Однако на вопрос «имеются ли в штабе сведения относительно утверждений русских о пограничном конфликте» в Хельсинки неожиданно получили «отрицательный ответ». После этого дипломатам оставалось лишь просить руководство пограничной службы более обстоятельно разобраться в случившемся, а затем уже «сообщить о результатах выяснения»⁴.

¹ *Исотало С.* Выстрелов в Майнила не было // 105 дней «зимней войны». СПб., 2000. С. 43.

² Там же.

³ *Solomestš I.* Suomi, sota ja raja // Carelia. 2001. № 5. S. 102.

⁴ УМ. 109, А 6. Puhelinsanoma: Kannaksen rajavartiojon esikunta, 26.11.1939 (21⁵⁰).

Действительно, расследование финских пограничников продолжалось всю ночь с 26 на 27 ноября¹. Однако опровержения заявления СССР «о финском артобстреле» советской территории стали поступать в МИД уже спустя час после первого запроса. Затем пришла новая телефонограмма, причем теперь непосредственно из Генерального штаба. В ней сообщалось, что руководство штаба армейского корпуса, войска которого находились на майнилавском направлении, докладывают: «Со стороны Финляндии не велось пограничного обстрела, как утверждают русские»². Далее, уже через 15 минут, в 23.00 из Генштаба снова передали по телефону в МИД, что получена свежая информация от пограничников. В ней сообщалось: «Русские произвели сегодня 26.11 в 15.05 минометный обстрел района Майнила. С финской стороны никакой стрельбы не было»³.

Однако если учесть, что первое обстоятельное сообщение от финской пограничной службы в Генштаб относительно случившегося ушло несколько позже, лишь ранним утром 27 ноября, то выходит, что заявления Генерального штаба финской армии являются весьма поспешными. К тому же в указанной информации упоминаются не артиллерийские, а минометные выстрелы, также и время происшествия было дано не совсем точно. Все это, естественно, также наводит на соответствующие размышления.

С другой стороны, из обнаруженных в последнее время советских архивных документов явствует, что о случившемся в Майнила также первоначально было доложено вышестоящему командованию не с места событий, а наоборот — Генштаб Красной армии запрашивал оперативного дежурного Ленинградского военного округа: «Что за провокационная стрельба была со стороны финнов?»⁴ В результате выяснений оказалось, что даже в штабе 19-го стрелкового корпуса, части которого дислоцировались в районе Майнила, узнали обо всем лишь из сообщений московского радио в этот день в 21.00⁵, тогда как инцидент, по данным ТАСС, произошел в 15.45. Более того, отправленная в Москву в 22.00 из Ленинградского военного округа оперативная сводка имела довольно расплывчатое содержание: «В районе

¹ UM. 109, A 6. Puhelinsanoma. UM:ll, 27.11.1939 (10¹⁵). Kannaksen raja-asiamies eversti Inkala.

² Ibid. Puhelinsanoma. YE:stä, 26.11.1939 (22⁴⁵).

³ Ibid. Puhelinsanoma. YE:stä, 26.11.1939 (23⁰⁰).

⁴ РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 261. Л. 270.

⁵ Там же.

Майнила расположение наших войск было обстреляно артогнем со стороны финнов, произведено 7 выстрелов, имеются убитые и раненые, число их выясняется»¹. А между тем в сообщении ТАСС сразу же совершенно определенно было названо количество жертв артобстрела: 4 красноармейца погибло и 9 ранено. Тем не менее до сих пор так и остались неизвестными, вероятно, никогда не будут выяснены фамилии как пострадавших, так и погибших советских военнослужащих. Неизвестно также, где были похоронены 4 погибших красноармейца. Все это создает весьма противоречивую картину происходившего.

В данном случае можно говорить о том, что следует несколько изменить постановку прежнего вопроса относительно выстрелов у деревни Майнила. Если ранее центральным был вопрос о том, с чей стороны были произведены выстрелы, то теперь он заключается в другом: были ли произведены эти выстрелы вообще?

Тем не менее загадочные события в Майнила окончательно поставили советско-финляндские отношения на грань войны. Приготовления к развертыванию военных действий шли уже полным ходом, а по дипломатической линии с советской стороны проявлялись категоричность и жесткость в занятой позиции, что привело к эскалации напряженности.

В этой ситуации для финского руководства наступил весьма ответственный момент. Маннергейм считал, что положение настолько критическое, что при принятии окончательного решения требуется максимальная осмотрительность. На этой почве у него даже возникли очевидные противоречия с правительством. «Политическое руководство не верило в возможность возникновения войны...» — писал финский исследователь Р. Аримо². Маршал же не разделял этих оптимистических настроений. В этой обстановке 27 ноября он заявил президенту о своей отставке.

К тому же в Советском Союзе средства массовой информации нагнетали обстановку по поводу события у Майнила. На предприятиях и в воинских частях проходили массовые митинги, участники которых решительно осуждали произошедшую «провокацию». Кроме того, судя по сообщениям, которые поступали из Генерального штаба командованию Ленинградского военного округа, не исключалось воз-

¹ РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 303. Л. 292.

² *Arimo R. Suomen linnoittamisen historia 1918–1944. S. 722.*

никновение новых конфликтов на границе. 27 ноября последовало категорическое требование: «В случае повторения провокаций со стороны финской военщины — стрельбы по нашим войскам, немедленно отвечать огнем вплоть до уничтожения стреляющих»¹. Но «повторения провокаций» такого рода не было. Тогда из Генерального штаба в тот же день поступил в Ленинград запрос: «Срочно выясните и доложите следующее: сегодня, 27.11, около 24.30 м. в районе Майнила (на Карперешейке) были слышны гулкие взрывы. Неизвестно их происхождение». В ответ сообщалось: «Сведения не подтвердились»².

С другой стороны, обстановка в Наркомате иностранных дел вовсе не отражала озабоченности по поводу того, как скоро поступит из Хельсинки ответ на советскую ноту и каково будет его содержание. Об этом можно судить из записи телефонного разговора старшего помощника В. М. Молотова С. П. Козырева с финляндским представительством. Оттуда пытались выяснить, как можно будет без задержки вручить ожидаемую ноту правительства Финляндии при ее готовности. Козырев ответил на это уклончиво: «Пока я нахожусь в Наркомате... Как долго я здесь буду, сказать трудно». На вопрос, сможет ли лично Молотов принять Ирве-Коскинена для вручения ему ответной ноты Финляндии, было довольно безразлично и холодно сообщено: «Это зависит от желания самого посланника»³.

Вскоре нота из Хельсинки все же поступила и была вручена Молотову. Содержавшееся в ней заявление, однако, не только не ослабило, а напротив, усилило напряженность. Отрицая причастность финских войск к артобстрелу района Майнила и предлагая создать совместную комиссию для расследования этого инцидента, правительство Финляндии выдвинуло предложение «об обоюдном отводе войск на известное расстояние от границы»⁴.

Именно такая постановка вопроса вызвала самую резкую реакцию с советской стороны, поскольку, как отмечали в Москве, при обоюдном

¹ РГВА. Ф. 25888. Оп. 1. Д. 17. Л. 280. Приказ командующего ЛВО К. А. Мерещкова, 27.11.1939.

² РГВА. Ф. 37977. Оп. 262. Л. 5, 6. Запись оперативного дежурного ГШ с оперативным дежурным ЛВО, 27. 11. 1939 (13⁵⁵).

³ АВП РФ. 06. Оп. 1. Л. 1. Д. 6. Л. 54, 55. Запись беседы по телефону с советником финляндской миссии, 27.11.1939 (21⁴⁰); Запись беседы (по телефону) с финляндским посланником, 27.11.1939 (23⁰⁰).

⁴ Внешняя политика СССР. Т. IV. С. 464–465; UM. 109 B 2 a. Suomen nootti Neuvostoliiton hallitukselle, 27.11.1939; Suomen sinivalkoinen kirja. S. 68–69.

отводе войск от границы части Красной армии должны были отойти к пригородам Ленинграда. Позиция финляндского руководства квалифицировалась как нежелание «считаться с требованиями пакта о ненападении» и стремление «впредь держать Ленинград под угрозой»¹.

Позиция советского правительства, изложенная затем в ноте от 28 ноября, также не вызывала сомнений в том, что вопрос об улаживании конфликта уже не ставился. Ответ, поступивший из Хельсинки, характеризовался как «документ, отражающий глубокую враждебность правительства Финляндии к Советскому Союзу и призванный довести до крайности отношения между обеими странами». Одновременно последовало официальное уведомление о денонсации договора о ненападении², хотя в договоре существовало положение, гласящее, что предупреждение о денонсации могло быть сделано не менее чем за шесть месяцев.

В тот же день, когда советская нота была передана Ирве-Коскинену, в Москву стали поступать сообщения о новых инцидентах на границе. В письменной информации Берии на имя Сталина, Молотова и Ворошилова сообщалось, что 28 ноября в Заполярье, а также в ряде пограничных районов Карелии финские войска нарушали границу³. Но более подробно доложил им об этом командующий войсками ЛВО К. А. Мерецков. «В 17 часов 10 минут 28.XI.1939 года, — передал он, — в районе перешейка между полуостровами Рыбачий и Средний группа финских солдат — 5 человек, заметив наш наряд, двигавшийся вдоль границы, обстреляла его, пытаясь захватить. Наш наряд начал отход. Действиями подошедшей группы с нашей стороны финны были отброшены на свою территорию. При преследовании взяты в плен 3 солдата, остальные ушли вглубь своей территории. С нашей стороны потерь нет»⁴. Эта информация с некоторым сокращением сразу же была передана как сообщение ТАСС.

Естественно, подобные сведения также требовали тщательной проверки. Дело в том, что в архиве Министерства иностранных

¹ Внешняя политика СССР. Т. IV. С. 465.

² Там же. С. 464–465; UM. 109 B2a. Neuvostoliiton nootti Suomen hallitukselle, 28.11.1939; Suomen sinivalkoinen kirja. S. 70–71.

³ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1240. Л. 120–122. Информация Л. П. Берия, 28.11.1939; Зимняя война. 1939–1940 гг. в рассекреченных документах Центрального архива ФСБ России и архивов Финляндии. С. 203–204.

⁴ АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 449. Л. 130. Информация командующего ЛВО К. А. Мерецкова, 28.11.1939.

дел Финляндии существует документ противоположного содержания. Согласно донесению, полученному из Генштаба финской армии, тогда в Заполярье «проникшими на территорию Финляндии лицами с советской стороны» были захвачены в плен несколько финских пограничников. В донесении также указывалось, что было захвачено еще и финское сторожевое помещение и пропали находившиеся там отдельные предметы из военного имущества и снаряжения¹.

Но вопрос о расследовании новых конфликтных ситуаций на советско-финляндской границе уже не ставился. Общая обстановка в отношениях между обеими странами достигла критической отметки.

В это время советские войска были переведены в состояние необходимой готовности для перехода в наступление, а соответствующим командирам оставалось лишь вскрыть пакеты, содержавшие распоряжение о начале боевых действий. Подводные лодки КБФ получили 28 ноября приказ выйти на исходные позиции².

29 ноября правительство СССР сделало официальное заявление об отзыве из Хельсинки своих дипломатических и хозяйственных представителей. Обосновывая этот шаг, Молотов в подписанной им ноте, которая была вручена Ирье-Коскинену, ссылаясь на продолжавшиеся «нападения финских воинских частей на советские войска» не только «на Карельском перешейке, но и на других участках советско-финляндской границы». Вывод, делавшийся в ноте, был угрожающим: советское правительство этого «не может терпеть дальше»³.

Когда заместитель наркома иностранных дел В. П. Потемкин 29 ноября передавал эту ноту финляндскому посланнику, то тот спросил: «Это разрыв?» Ответ последовал утвердительный. Тогда, по словам Потемкина, Ирье-Коскинен заявил ему, что «сегодня около четырех часов дня им получена нота финляндского правительства, содержащая уведомление о согласии на предложение СССР касательно отвода финских войск от линии границы». На вопрос, почему эта нота не была передана советскому правительству, посланник объ-

¹ УМ. А 10 б. Pääesikunnan raportti UM:lle, 29.11.1.939.

² РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 363. Л. 10. Донесение штаба ЛВО. 29.11.1939; РГА ВМФ. Ф. Р-970. Оп. 2. Д. 152. Л. 31. Шифровка начальника штаба СФ, 28.11.1939; РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 507. Л. 7. Дневник боевых действий КБФ, 28.11.1939 (22⁰⁰).

³ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 18. Д. 188. Л. 26; Зимняя война // Международная жизнь. 1989. № 12. С. 216; Suomen sinivalkoinen kirja. S. 71–72.

яснил, что «одновременно с нотой им было получено из Хельсинки указание — подождать дополнительных инструкций...»¹.

Очевидно, в Хельсинки до конца еще не осознали стремительно надвигавшейся угрозы для страны. Об этом свидетельствовали продолжавшиеся колебания в правительстве Финляндии. Когда на его заседании 28 ноября обсуждался вопрос о принятии советского предложения об отводе войск от границы на 20–25 км, часть министров сочли это возможным, но большинство были против. К отказу от отвода войск склонялся также президент К. Каллио. Военное руководство вообще предлагало в столь критический момент «отдать приказ войскам, находившимся вне пограничной зоны, выдвинуться вперед»². Но беспомощность и неспособность влиять на развитие событий толкали руководство страны пойти на согласие с Советским Союзом. Однако это решение оказалось запоздавшим.

Факт денонсации договора о ненападении показывал, что положение стало безнадежным. Полпред в Англии И. М. Майский писал в своем дневнике 29 ноября: «Итак, пакт о ненападении денонсирован! Когда 21 января 1932 года я его подписывал вместе с Ирье-Коскиненем... никак не думал, что этому пакту будет уготовлен такой конец... Не могут же не понимать финны, что в случае беды они не могут ниоткуда ждать помощи. Кто им поможет? Шведы? Англичане? Американцы? Черта с два!»³

Хотя время уже было окончательно упущено, финляндское правительство все же решило, что, дав согласие на отвод войск от границы, сможет спасти положение. Поэтому 29 ноября в направленной Ирье-Коскинену секретной телеграмме давалось указание, чтобы он продолжил переговоры об отводе войск, затягивая вместе с тем по возможности решение этой проблемы⁴. Однако тактика затяжек уже потеряла всякий смысл. Для Ирье-Коскинена это стало совершенно очевидно, когда он встретился с Потемкиным. Заместитель наркома иностранных дел так воспроизвел в своем служебном дневнике итоговую часть беседы с Ирье-Коскиненем: «Посланник спросил меня, не считаем ли мы возможным сегодня же получить от него прибывшую ноту финляндского правительства? Я ответил, что, по моему мнению,

¹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. Л. 18. Д. 181. Л. 16; Зимняя война. С. 216.

² *Pakaslahti A.* Talvisodan poliittinen näytelmä. S. 183; *Hokkanen K.* Kyösti Kallio. Os. 2. S. 281.

³ Документы внешней политики. Т. XXII. Кн. 2. С. 350.

⁴ *Pakaslahti A.* Talvisodan poliittinen näytelmä. S. 183.

врученная посланнику нота т. Молотова исчерпывает все вопросы, которые стояли между Советским правительством и нынешним правительством Финляндии...» Беседа закончилась сообщением Потемкина, что уже даны указания сотрудникам советских представительств в Хельсинки «выехать оттуда немедленно»¹.

Между тем нота финского правительства была все же доставлена в Наркомат иностранных дел, и Молотов с ней ознакомился. Судя по тому, как он прошелся красным карандашом по тексту, в центре внимания оказались два положения. Первое из них — это заявление правительства Каяндера, что оно «готово договориться с Советским правительством об отводе войск, охраняющих Карельский перешеек, за исключением пограничных войск и таможенной охраны», а второе — о готовности Финляндии передать возникший конфликт с СССР «на решение нейтрального арбитра»². Но как желания, так и возможности что-либо изменить у Молотова, судя по всему, уже не было.

В правительственных кругах в Хельсинки обстановка в это время была чрезвычайно сложная. Узнав, что СССР разорвал дипломатические отношения с Финляндией, Маннергейм дословно заявил, что политики и прежде всего Каяндер, основательно ослабившие оборону государства, довели теперь дело до войны, к которой страна не готова³. Позвонив премьер-министру по телефону, маршал, по свидетельству присутствовавшего при этом начальника Генштаба генерала К. Л. Эша, говорил с ним исключительно резко, используя при этом самые грубые выражения.

Из-за рубежа вместе с тем делались попытки приостановить опасное развитие процесса. Правительство США предложило свое посредничество⁴. Однако времени, чтобы осуществить его, уже просто не осталось. Таким образом, того, что СССР разорвет дипломатические отношения с Финляндией до предъявления ультиматума⁵, в Хель-

¹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 18. Д. 184. Л. 16; Зимняя война. С. 217.

² Там же. П. 18. Д. 188. Л. 23. Нота посланника Финляндии, 29.11.1939.

³ *Kuulin Suomi taisteli*. S. 24.

⁴ *Helsingin Sanomat*. 1939. 30. 11; *Manninen O. Suomi toisessa maailmansodassa*. S. 282.

⁵ В литературе имеется, однако, суждение, что требование советского правительства об отводе финских войск на 20–25 км от границы на Карельском перешейке являлось своего рода ультиматумом, но в Финляндии этого не поняли и упорствовали (см.: *Донгаров А. Г. Предъявлялся ли Финляндии ультиматум? // Военно-исторический журнал*. 1990. № 3. С. 46).

синки не ожидали. Расчет там делался на урегулирование конфликта и на продолжение обмена мнениями по дипломатическим каналам. Но на пороге уже была война.

Еще до того, как финляндскому посланнику была вручена последняя нота СССР, 29 ноября в полдень войскам Красной армии, сосредоточенным на границе с Финляндией, поступило сообщение, что ориентировочно сигнал о начале наступления поступит в ночь на 30 ноября в 0 часов 00 минут. Вскоре этот срок отодвинули на 6 часов и, наконец, установили на 8 часов утра. Тогда в войска прибыла телеграмма-«молния», где сообщалось: «К 8.00 30.11 первым эшелонам занять исходное положение для атаки. С 8 часов до 8.30 вся артиллерия коротким мощным огневым налетом подавляет противника на переднем крае и в глубину. Атака в 8.30 30.11.39 года»¹.

В результате все последние распоряжения перед началом войны были отданы. Но в Министерстве иностранных дел Финляндии имелись тем не менее успокаивающие сведения, что положение на границе «не очень напряженное»². Однако это было обманчивое представление. Советские войска уже выходили на исходные позиции, чтобы в указанное время развернуть наступление.

¹ РГАВМФ. Ф. Р-92. Он. 2. Д. 507. Л. 7. Дневник боевых действий КБФ, 29.11.1939, Ф. Р-970. Оп. 2. Д. 152. Л. 51. Переписка штаба СФ с командованием 14-й армии; РГВА. Ф. 25888. Оп. 11. Д. 20. Л. 482. Телеграмма-«молния» ВС 7-й армии, 29.11.1939 (21²⁵).

² *Pakaslahti A.* Talvisodan poliittinen näytelmä. S. 188.

ГЛАВА II

«ЗИМНЯЯ ВОЙНА»

Начало «финской войны» — первые результаты

30 ноября 1939 г. в назначенное время, в 8 часов утра, по всей линии государственной границы с Финляндией началась мощная артиллерийская подготовка. Так на смену дипломатии пришла сила оружия.

День, когда началась драма «финской войны», оказался мрачным: стояла сырая, промозглая погода, в лесу лежал уже успевший выпасть мокрый снег. Войскам, перешедшим границу, предстояло безостановочно, быстро продвигаться вперед, чтобы сокрушить части прикрытия финской армии и выйти на оперативный простор. Начальник Главного политуправления Красной армии Л. З. Мехлис, находясь в боевых порядках 7-й армии, наступавшей на Карельском перешейке, с пафосом телеграфировал Сталину: «Территория противника запылала заревом пожара огромной силы»¹. Текст этого сообщения должен бы, очевидно, вселить в Кремле уверенность в дальнейшем стремительном продвижении советских войск.

Что же происходило в это время в Финляндии? Какие решения принимались государственным и военным руководством?

Наибольшую дееспособность в создавшейся обстановке проявляли те государственные и военные деятели, которые опасались возникновения войны и стремились к локализации конфликта с Советским Союзом. В их числе был прежде всего К. Г. Маннергейм. С рассветом 30 ноября, когда к нему поступили первые сведения о том, что советские войска перешли государственную границу, он без промедления

¹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1384. Л. 27. Донесение начальника Главного политического управления РККА, 1.12.1936.

прибыл в президентский дворец и доложил об этом К. Каллио¹. Естественно, вопрос о поданом ранее маршалом прощении об отставке теперь был снят.

Каллио принял решение объявить «о вступлении в силу военного положения Финляндской Республики» в целях «обеспечения безопасности государства»², а на Маннергейма возложил обязанности главнокомандующего вооруженными силами страны. В свою очередь маршал, уже как главком, отдал приказ о начале военных действий финской армии.

Но произошел казус: официальное заявление президента о введении в Финляндии военного положения было истолковано рядом зарубежных стран как объявление войны СССР. Получалось, что Советский Союз не объявлял состояния войны с Финляндией, тогда как из Хельсинки сообщалось, что страна вступила в войну. Одним из первых прибыл запрос в МИД Финляндии из Вашингтона. У финского правительства выяснялось: является ли решение президента «объявлением войны»?

Следовательно, допускалась мысль, что Финляндия в тех условиях могла пойти на принятие самостоятельного решения об объявлении войны Советскому Союзу. Поэтому пришлось срочно отправить в зарубежные страны разъяснение, что «Финляндия не объявляла войны и не является воюющим государством»³. В дополнение к этому чуть позднее из Хельсинки поступила развернутая информация (через военных атташе за рубежом) о переходе советскими войсками государственной границы с Финляндией и бомбардировках ряда ее городов. Тем самым подтверждалось, что именно СССР совершил акт агрессии⁴.

Удивительной была инертность, с которой правительство Каяндера действовало в столь чрезвычайной обстановке. Когда министр внутренних дел У. К. Кекконен, получив первую информацию о бомбардировке советской авиацией финской территории, потребовал немедленного проведения заседания правительства, Каяндер отреагировал довольно спокойно. Он спросил министра: «Означает ли это, что мы

¹ *Mannerheim G.* Muistelmat. Os. II. S. 139.

² UM. 109 B 1. Suomen julistaminen sotatilaan. 30.11.1939.

³ Ibid. UM:n ilmoitus ulkomaanedustustoissa, 2.12.1939; UM:n vastaus USA:lle Suomen julistaminen sotatilaan, 30.11.1939.

⁴ SA. Ulko hto (YE pääll. PY1-PY PE, 1939–40, 21908) 1. Tilannetiedotus Suomen ulkomailla oleville sotilasiasiamiehille, 1.12.1939.

собираемся еще до начала рабочего времени?»¹ Столь вяло реагируя на центральное в это время для его страны событие, Каяндер, очевидно, ничего особенного в полученной информации не заметил.

Нетрудно в этом факте видеть всю парадоксальность складывающейся для Финляндии ситуации. Единственным врагом Финляндии всегда считался Советский Союз, и лишь к военным действиям против Красной армии реально готовились финские вооруженные силы. Но как только война началась, она была воспринята руководством страны либо как неожиданное, либо как обыденное, ничего особо не значившее для судьбы страны событие.

При допущенном просчете в оценке военно-политической ситуации правительство Финляндии не имело к тому же ясности, со стороны каких сил на Западе оно может рассчитывать на активную поддержку, поскольку два блока — Англия и Франция, с одной стороны, и Германия, с другой, — находились в состоянии войны, а Скандинавские страны придерживались политики нейтралитета.

Уже 30 ноября в Хельсинки был получен отрицательный ответ от шведского правительства относительно возможности отправки шведских войск в Финляндию². Это сразу же развеяло надежды, имевшиеся у финского правительства, и прежде всего у Эркко, по поводу позиции Стокгольма. По словам А. Пакаслаhti, являвшегося ближайшим сотрудником Э. Эркко, здесь был допущен «просчет, который никак не ожидался»³. Вместе с тем такая позиция, конечно, не означала, что симпатии в Швеции не были на стороне Финляндии. Стокгольм, конечно, не мог себе позволить в данной ситуации проводить политику полного нейтралитета и готов был оказывать Финляндии негласную поддержку. Эта поддержка, как затем станет ясно, была значительной. Но шведское руководство явно не хотело открыто становиться участником советско-финляндского конфликта и рисковать быть втянутым в «финскую войну».

Тем не менее в Хельсинки все же почувствовали поддержку, которая явно исходила со стороны Соединенных Штатов Америки. Она проявилась не только в том, что американское правительство предложило свои услуги посреднического характера, но и выразило готовность

¹ *Pakaslahti A.* Talvisodan poliittinen näytelmä. S. 187.

² *Manninen O.* Suomi toisessa maailmansodassa. S. 299; *Кан А. С.* Внешняя политика Скандинавских стран в годы Второй мировой войны. М., 1967. С. 56.

³ *Pakaslahti A.* Talvisodan poliittinen näytelmä. S. 225.

направить в Финляндию боевую технику — партию военных самолетов¹. 30 ноября президент США Ф. Д. Рузвельт послал телеграмму И. В. Сталину, в которой решительно настаивал на прекращении бомбардировок советской авиацией гражданских объектов в Финляндии². Это, безусловно, имело существенное политическое значение, поскольку приковало всеобщее внимание за рубежом к «финляндскому вопросу»³ и имело крайне неблагоприятный для СССР резонанс в мире⁴.

Что касалось моральной поддержки Финляндии другими странами Запада, то она также выражалась самым очевидным образом. Это особенно ощутили советские представительства за рубежом. «...Я пережил немало антисоветских бурь, — писал полпред СССР в Лондоне И. М. Майский, — но то, что последовало после 30 ноября 1939 г., побило всякие рекорды»⁵. Однако только моральной поддержки для Финляндии было, конечно, мало.

Показательно, что наибольшую сдержанность в оценках возникшей войны проявляла нацистская Германия. В циркуляре статс-секретаря рейха Э. Вайцзеккера, направленном во все зарубежные дипломатические представительства, давалась строгая установка: «Прошу в ваших разговорах, касающихся российско-финляндского конфликта, избегать какого-либо антирусского тона»⁶. Стало быть,

¹ *Pakaslahti A.* Talvisodan poliittinen näytelmä. S. 208; Aftonbladet. 1939.30.12.

² *Visuri P.* Talvisodan vaikutus sotilaalliseen ja strategisen ajattelun Euroopassa // *Kanava.* 1989. № 6. S. 357.

³ КА. АА StS. Finland, 30.11.1939. Bd. 1. 8.003171.

⁴ Действительно, в самом начале войны советская авиация начала наносить бомбовые удары по финским городам, включая налеты на Хельсинки. В результате 30 ноября 1939 г. погибло около 100 жителей финской столицы, а разрушения города от этих бомбардировок оказались наиболее сильными за весь период войны (См.: *Kun Suomi taisteli.* S. 32; *Зимняя война 1939—1940.* Кн. 1: Политическая история. С. 152, 228). Именно на основе этих действий в глазах мировой общественности Советский Союз сразу же был представлен в крайне невыгодном свете. Причем наиболее разрушительным оказался налет на Хельсинки советской морской авиации, который произошел в пять часов вечера 30 ноября. Имея задачу «уничтожить флот Финляндии», морская авиация тем не менее нанесла удар по самой густонаселенной части Хельсинки. Эта была ярко выраженная ошибка советских пилотов, которые, не видя цели, в условиях наступавшей темноты, сбросили бомбы на район между Техническим университетом и автобусным вокзалом, а также в районе Парламента и Зоологического музея.

⁵ *Майский И. М.* Воспоминания советского посла. Война 1939—1945. М., 1965. С. 40.

⁶ КА. АА StS, Finland, 2.12.1939. Bd. 1, B.0031197; Documents on German Foreign Policy. Ser. D. Vol. VIII. P. 479.

даже моральная поддержка Финляндии в официальном порядке считалась недопустимой. Естественно, такая индифферентная позиция с немецкой стороны была весьма неприятна для Хельсинки.

Что же касается финляндского руководства, то в первый же день войны в правительственных кругах Финляндии ясно ощущалась растерянность¹. Многие из тех, кто разделял мнение Э. Эркко относительно того, что Советский Союз «блефует», сразу увидели, чего стоило их заблуждение и проявление «твердости».

Вечером было срочно созвано заседание парламента. В связи с проникновением советской авиации в район Хельсинки оно проходило в необычном месте — в рабочем доме «Валлила». Эркко старался сгладить в своем выступлении впечатление от происшедшей катастрофы, ссылаясь на то, что через посредников еще можно поправить положение. Правительство США, заявил он парламентариям, «предложило посреднические услуги», и Финляндия «приняла предложенную Соединенными Штатами помощь»². Но вряд ли у самого Эркко была в это время уверенность, что удастся приостановить военные действия.

Хотя в ходе обсуждения сложившейся обстановки парламент не потребовал отставки правительства, было совершенно очевидно, что в дальнейшем руководство не могло эффективно выполнять свои функции. Настоятельно добивались смены кабинета Маннергейм, Паасикиви, Таннер и другие влиятельные политики, а социал-демократы вообще решили отозвать своих министров из правительства³. Таким образом, уже в первый день войны в стране возник правительственный кризис. Кабинету ничего не оставалось, как в полном составе уйти в отставку. Особенно очевидным был провал внешней политики страны. Маннергейм тогда по-военному прямолинейно заметил, что «если бы Эркко был мужчиной, то он удалился бы в лес и застрелился»⁴. Но Эркко «просто-напросто оставил свое рабочее место и сбежал из страны»⁵. Он переехал в Стокгольм. В такой ситуации правительство действительно не могло функционировать.

¹ *Manninen O.* Suomi toisessa maailmansodassa. S. 295.

² УМ. А 10. Е. Erkon puhe eduskunnassa, 30.11.1939.

³ *Julkunen M.* Tuhon partaalla — ensimmäiset reaktiot talvisodan syttymiseen // Kansakunta sodassa. Os. I. S. 124–126.

⁴ Цит. по: *Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г.* Финляндия во Второй мировой войне. С. 78.

⁵ *Мери В.* Карл Густав Маннергейм — маршал Финляндии. М., 1997. С. 153.

Обращаясь к политическим событиям первого дня войны, важно подчеркнуть, что отставка всего состава правительства А. Каяндера была в конечном итоге оценкой его деятельности, поскольку именно оно несло на себе немалый груз ответственности за начало войны. Членами правительства не было проявлено необходимых качеств, чтобы предотвратить сползание страны к драматической развязке. Кроме того, смена кабинета показала, что в Хельсинки сделали серьезные выводы из случившегося. Новое правительство Р. Рюти сразу же решило возвратиться к переговорам с Советским Союзом, но в то же время не ослаблять военных усилий на фронте и искать помощи за рубежом¹. В финском Генеральном штабе принимались меры к тому, чтобы приостановить наступление советских войск, не дав им прорваться на Карельском перешейке через линию укреплений².

Задачи, вставшие перед новым правительством Финляндии, были крайне сложными. У советского руководства существовала полная уверенность в достижении легкой победы. Поэтому возможность мирного урегулирования пока совершенно исключалась.

Действительно, боевые действия между советскими и финскими войсками уже набирали обороты. На Карельском перешейке для осуществления быстрого прорыва были сосредоточены сразу два корпуса (19-й и 50-й) 7-й армии командарма 2-го ранга В. Ф. Яковлева. Им предстояло действовать против II и III корпусов финской армии «Перешеек» генерал-лейтенанта Х. Эстермана.

Войскам, перешедшим государственную границу после тридцатиминутной артиллерийской подготовки, ставилась задача безостановочно продвигаться вперед, чтобы сокрушить противостоящую финскую армию. Причем вначале советские войска столкнулись с предпольем перед основными укреплениями. Но уже при их преодолении стало ясно, насколько трудным являлось осуществление начавшейся операции³. Темп наступления советских войск, в сравнении с предполагавшимся командованием Красной армии, был явно недостаточным. В начале войны он составил лишь 5–7 километров в сутки⁴.

¹ Tanner V. Olin ulkoministerinä talvisodan aikana. S. 114; Myllyniemi S. Suomi sodassa 1939–1945. S. 82–83.

² Vuorenmaa A. Defensive strategy and basis operational decisions in the Finland Soviet Winter War 1939–1940. № 62. P. 75.

³ Архив штаба Ленинградского военного округа (далее — АШ ЛВО). Ф. 352. Оп. 3. Кор. 141. Д. 13. Л. 17; Мерецков К. А. На службе народу. 183.

⁴ АШ ЛВО. Ф. 352. Оп. 3. Кор. 141. Д. 13. Л. 5.

В то же время в Ставке Маннергейма принимались дополнительные меры по усилению группировки своих войск, прежде всего на Карельском перешейке, поскольку у финского командования имелись явные опасения, что основная линия укреплений может быть с ходу прорвана. В ночь со 2 на 3 декабря К. Г. Маннергейм, характеризуя создавшееся положение, прямо заявил Х. Эстерману, что его части слишком легко отходят со своих позиций¹. Маршал категорически потребовал срочно вернуть утраченные позиции у реки Вammelсуунйоки (Черная речка). Но действовавший на этом участке II армейский корпус не был готов к нанесению контрудара, и его командир Х. Эквист так и не смог отдать приказ о начале финского контрнаступления.

Тем не менее Маннергейм лично прибыл в штаб армии «Перешеек» и подверг резкой критике действия его командования за то, что войска прикрытия проявляют «недопустимую медлительность». Обсуждение сложившейся обстановки достигло такой степени накала, что генерал Эстерман заявил о готовности уйти со своего поста². Командование армии «Перешеек» считало, что без дополнительных сил сложно будет решать задачу обеспечения обороны и на самой линии укреплений. Для усиления ее войсками стали выдвигаться находившиеся в резерве части. Вместе с тем предпринимались меры по дополнительному созданию искусственных препятствий непосредственно на подходе к основным укреплениям. Особенное внимание обращалось на противотанковую оборону³. Эти мероприятия проводились решительно и быстро, поскольку «для Ставки и штаба армии “Перешеек” была совершенно ясной картина действий противника и направления его основных ударов»⁴.

Успешной организации финской обороны против советских войск способствовало еще и то, что Красная армия вначале действовала крайне неуверенно. Как свидетельствовал известный военный специалист полковник Н. А. Таленский, анализирувавший боевые действия 7-й армии, «штабы плохо управляли войсками», а части «наступали скопом вдоль дорог»⁵. Это же отмечал и финский военный историк А. Вуоренмаа. «В начальной стадии войны, — писал он, — советские войска придерживались, к счастью для финнов, очень осторожной

¹ Talvisodan historia. Osa 2. S. 40; Tiede ja Ase. 1969. № 27. S. 125.

² Tiede ja Ase. 1969. № 27. S. 125.

³ Talvisodan historia. Osa 2. S. 50.

⁴ Ibid. S. 44.

⁵ РГВА. Ф. 34980. Оп. 1. Д. 131. Л. 4.

наступательной тактики, продвижение проходило, прежде всего, вдоль дорожных магистралей...»¹

Тем не менее уже первые бои на Карельском перешейке носили весьма ожесточенный характер. В предполье главных укреплений финская армия потеряла 1,5 % численности своей группировки. Эти потери, однако, не помешали частям армии «Перешеек» вполне организованно отойти к основному рубежу обороны на линию Маннергейма и подготовиться к отражению дальнейшего советского наступления. Таким образом, в отрезок времени со 2 по 6 декабря финское командование смогло весьма успешно закончить отвод своих войск к главной полосе обороны². Части армии «Перешеек» не были деморализованы, они сохранили общий высокий боевой дух и способность оказывать сопротивление, выполняя главную задачу — остановить наступающие части Красной армии на приграничных рубежах своей обороны.

Наиболее быстро советские войска продвигались к линии Маннергейма лишь на приладожском участке, где на третий день боев они уже вышли к реке Тайпаленйоки (Бурная). Там у ее левого берега находились долговременные укрепления. Более того, в Москву поступила первая информация, что наступавшей на этом участке 142-й стрелковой дивизии 50-го корпуса удалось форсировать реку.

Сталин в это время особо внимательно следил за ходом продвижения частей Красной армии на Карельском перешейке. Он считал необходимым прежде всего придерживаться максимального темпа наступления, чтобы в кратчайшее время завершить проведение операции³. Поэтому, чтобы усилить натиск в помощь 142-й стрелковой дивизии, форсировавшей реку Тайпаленйоки, из резерва была переброшена 250-я дивизия⁴. Чуть позже был отдан приказ начать массированные бомбардировки с целью разрушения железнодорожных станций на Карельском перешейке. Причем в приказе было строго указано: «Бомбить через каждые три часа, дабы не дать противнику производить восстановления»⁵. Кроме того, было принято решение дополнительно перебросить на Карельский перешеек еще две дивизи-

¹ Vuorenmaa A. Talvisota oli taitoa ja taktiikka // Sotilasaikakauslehti. 1989. № 11. S. 785.

² Talvisodan historia. Osa 2. S. 40, 47.

³ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1376. Л. 3.

⁴ Там же. Л. 9.

⁵ РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 235. Л. 11.

зии¹. Так советское военное командование стремилось не допустить общего срыва темпов планировавшегося наступления, используя при этом тактику наращивания своих войск в зоне боевых действий.

Однако, наблюдая за очевидным отставанием в продвижении советских войск на Выборгском направлении по сравнению с ранее предполагавшимся, в Москве стали предпринимать и «жесткие административные меры». В Военный совет ЛВО 4 декабря поступила телеграмма Ворошилова и Шапошникова об отстранении от должности начальника штаба 19-го стрелкового корпуса. Ему ставилась в вину утрата штабом «связи корпуса с дивизиями»². Вскоре последовали новые суровые приказы, касавшиеся смещения с занимаемых должностей ряда других командиров, обвинявшихся в неумелом руководстве войсками.

Тем не менее 5 декабря командованию 7-й армии поступил приказ о прорыве основной линии укреплений финской армии³. Причем первая серьезная попытка по его исполнению была предпринята сразу же на следующий день — 6 декабря, и не на Выборгском, а на Кексгольмском направлении. Наступление здесь велось специально организованной для прорыва особой группой комкора В. Д. Грендаля, главными силами которой были 49, 142 и 150-я стрелковые дивизии. Под интенсивным огнем финских войск наступавшие смогли переправить через реку Тайпаленйоки до шести стрелковых батальонов и захватить плацдарм на ее северном берегу.

Одновременно с целью расширения начавшегося наступления советское командование 7 декабря предприняло также попытку захватить еще один плацдарм, форсировав Вуоксинскую водную систему у станции Кивиниеми (Лосево), где проходила важная железнодорожная магистраль на Кексгольм (Приозерск). В результате еще два батальона советских войск сумели переправиться на противоположный берег, но развить этот успех так и не удалось. Попытка продолжить наступление на этом направлении со стороны озера Сувантоярви (Суходольское) тоже не дала желаемого результата⁴. Попытка наступления на этом направлении на следующий день также была безрезультатной. Финское командование мобилизовало максимум

¹ РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 251. Л. 93.

² РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 505. Л. 300.

³ РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 232. Л. 32; Ф. 33987, Оп. 3. Д. 1376. Л. 14.

⁴ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 521. Л. 60.

усилий, чтобы предотвратить попытки прорыва обороны советскими войсками. Части 10-й пехотной дивизии III армейского корпуса не пропускали наступавших через линию своей обороны. Решающую роль при этом играло огневое воздействие в районах, где части Красной армии уже форсировали водный рубеж¹. В итоге наступление явно захлебывалось.

Понимая бесперспективность на этом участке фронта дальнейших попыток с ходу прорвать линию Маннергейма, советское командование вынуждено было временно приостановить эту операцию, а ее организация была признана в целом «неудовлетворительной»². Неудача с прорывом советскими войсками линии Маннергейма на приладожском участке вызвала неудовольствие прежде всего у Сталина. В результате 9 декабря было заменено руководство 7-й армии. Во главе ее был поставлен командующий войсками Ленинградского военного округа К. А. Мерецков. Решением Главного военного совета Красной армии войска на фронте переходили в непосредственное подчинение Ставке Главного командования, образованной тогда в составе К. Е. Ворошилова, Н. Г. Кузнецова, Б. М. Шапошникова и И. В. Сталина³. Сам факт предпринятых мер относительно дальнейшего руководства боевыми действиями частей Красной армии являлся показателем начавшегося переосмысления прежних представлений о противнике и возможности молниеносного осуществления операции по разгрому финской армии.

Тем не менее, не сумев развить наступление на кексгольмском направлении, советское командование обратило особое внимание на перспективу возможного прорыва обороны финских войск в центральной части Карельского перешейка. Однако и здесь эта задача оказалась весьма сложной. К этому времени стало очевидным, что у наступавших отсутствуют точные данные разведки, которые не раскрывали финскую систему обороны⁴. В результате уже по оперативным сводкам, которые тогда давал штаб 7-й армии, можно было ясно понять, что войска приступили к интенсивному изучению системы укреплений, которые необходимо было прорвать⁵. Более того, в состав этой армии дополнительно были переброшены еще три дивизии.

¹ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 521. Л. 66.

² АШ ЛВО. Ф. 7043. Оп. 1. Кор. 152. Д. 2. Л. 12; РГВА. Ф. 34980. Оп. 1.

³ РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 233. Л. 8; РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 670. Л. 156.

⁴ РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 252. Л. 62.

⁵ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 521. Л. 71–96.

Таким образом начался новый этап концентрации войск для решающего прорыва финских укреплений в центре Карельского перешейка на Выборгском направлении. Начало прорыва линии Маннергейма было намечено на 13 декабря¹. До этого фактически в течение целой недели части Красной армии лишь пытались активно подготовиться к проведению данной операции.

Конкретный план готовящейся операции подразумевал силами 19-го и 50-го корпусов общей численностью до пяти стрелковых дивизий прорвать линию Маннергейма на Выборгском направлении в районе озера Муоланярви (Глубокое) — поселок Сумма (Солдатское)². Это наступление должно было вестись против частей II армейского корпуса армии «Перешеек», который состоял из трех дивизий. Кроме того, в резерве на этом направлении у финских войск находилась еще одна пехотная дивизия³. В результате перед советскими войсками ставилась задача прорвать весьма хорошо подготовленный в инженерном отношении участок линии Маннергейма⁴, не имея при этом подавляющего превосходства в численности войск. Тем не менее для облегчения данной операции советское командование предполагало нанести также вспомогательный удар, который планировалось осуществить силами войск группы Грендаля на кексгольмском направлении⁵.

Таким образом, советским войскам следовало начать две весьма сложные операции. Причем центральным оставался прорыв советских войск на Выборгском направлении, к которому части 7-й армии в срочном порядке старались подготовиться. Но одновременно советское командование требовало не прекращать активных наступательных действий на кексгольмском направлении. 10 декабря Ставка поставила задачу «развития прорыва на северном берегу Тайпаленйоки... имея цель — овладеть железной дорогой на Кексгольм и самим городом Кексгольмом»⁶. Объективно бои за расширение плацдарма на

¹ АШ ЛВО. Ф. 7043. Оп. 1. Кор. 152. Д. 2. Л. 14.

² Там же.

³ Talvisodan historia. Osa 2. S. 20–25.

⁴ *Балашов Е. А., Степакон В. Н.* Линия Маннергейма и система финской долговременной фортификации на Карельском перешейке. СПб., 2000. С. 18–194; *Балашов Е. А.* Линия Маннергейма. Оборонительный щит Финляндии: от идеи до воплощения. СПб., 2010. С. 91–111.

⁵ АШ ЛВО. Ф. 7043. Оп. 1. Кор. 152. Д. 2. Л. 14.

⁶ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 670. Л. 173.

северном берегу Тайпаленйоки, по существу, вообще не прерывались и носили изнурительный характер. Советские войска несли здесь очень большие потери. В одной из оперативных сводок за 11 декабря, например, сообщалось, что 649-й стрелковый полк был вынужден вывести в резерв, поскольку в нем «выбыло из строя значительное количество командиров, в том числе комполка, начальник штаба и три комбата»¹.

Для финских войск, противостоявших наступлению на этом участке фронта, держать оборону также было нелегко. Потери изо дня в день увеличивались. В сложившейся обстановке по личной просьбе был заменен командир 10-й пехотной дивизии. Но вместе с тем стойкость и боевой дух у финских солдат повышались по мере того, как с помощью эффективно действовавшей артиллерии им удавалось выдержать натиск наступавших².

Тем не менее кровопролитные бои на кексгольмском направлении велись без соответствующей их поддержки в южной части Карельского перешейка на Выборгском направлении. Начать главное наступление командование 7-й армии никак не могло. Находившийся здесь на передовых рубежах К. А. Мерецков 14 декабря срочно был вынужден сообщить в Москву, что приступить к операции на Выборгском направлении в определенное время невозможно. Ставка вынуждена была с этим согласиться. Но с оговоркой, что делается это «в последний раз»³.

Лишь 17 декабря в 12 часов дня после продолжительной артиллерийской подготовки общее наступление на Выборгском направлении все же началось. Советские войска решительно пошли на штурм укреплений линии Маннергейма. Уверенность в достижении успеха придавало использование значительного количества танков. Однако за два дня начавшихся боев удалось лишь в нескольких местах преодолеть противотанковые оборонительные сооружения. С приближением вплотную к дотам и дзотам противника наступавшие оказались под их губительным огнем и не могли продвигаться вперед. Подразделения финских войск умело отсекали пехоту от танков и заставляли ее отходить на исходные позиции с большими потерями.

Кульминация в развитии событий произошла уже на третий день наступления. В тот день, 19 декабря советские войска вновь пошли

¹ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 521. Л. 78.

² Talvisodan historia. Osa 2. S. 91–92.

³ АШ ЛВО. Ф. 7043. Оп. 1. Кор. 152. Д. 2. Л. 14.

на прорыв финских укреплений в районе Сумма, где находился сильный Хотиненский узел обороны с железобетонными укреплениями. По приказу советского командования авиация нанесла «массированный бомбовый удар на железнодорожные станции, резервы и укрепленный узел у Хотинен»¹. Одновременно артиллерия в течение четырех часов вела непрерывный огонь по финским укреплениям, пытаясь разрушить доты и дзоты и вывести их из строя. Но полностью подавить огневые точки финских войск наступавшим так и не удалось. Тем не менее, преодолевая сильное сопротивление противника, части 138-й стрелковой дивизии 50-го корпуса смогли все же вклиниться вглубь финской обороны. Казалось, что наступил переломный момент в ходе мощной советской атаки.

Командование 7-й армии с пристальным вниманием следило за дальнейшим развитием наступления. Оно мгновенно сообщало обо всех происходивших изменениях сразу же в Москву. В половине третьего утра 20 декабря Мерецков передал командиру 50-го стрелкового корпуса комдиву Ф. Д. Гореленко строжайшее предостережение, полученное им из Москвы: «Народный комиссар главком тов. Ворошилов приказал Вам под личную ответственность обязательно занять пехотой Хотинен... Предупреждаю, что в случае невыполнения этого приказа Вы будете привлечены к судебной ответственности»².

Вполне понятно, какая реакция на это могла быть у командира корпуса. Он потребовал предпринять новые атаки на укрепления. Результатом явились бессмысленные и очень большие потери. Район наступления хорошо простреливался оборонявшимися, и это не позволяло выполнить поставленные руководством задачи. Действительно, финское командование искусно сумело организовать огонь артиллерийских орудий в сочетании с перекрестными обстрелами местности из минометов и пулеметным огнем. Все это давало оборонявшимся возможность, не используя резервы даже в самый критический момент, отстаивать свои позиции³. Штурм захлебывался, а атаки постепенно ослабевали. К тому же многие танки, которые участвовали в этой операции, были выведены из строя. Это означало, что дальнейшие попытки взять приступом финские укрепления становились бессмысленными. В итоге командование 7-й армии

¹ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 521. Л. 118.

² РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 237. Л. 97.

³ Talvisodan historia. Osa 2. S. 59.

пришло к заключению, что далее «бесполезно продолжать операции с этими силами»¹.

20 декабря Военный совет 7-й армии отправил Сталину и Ворошилову донесение, в котором сообщалось, что без разрушения основных долговременных укреплений противника и без проведения ряда инженерных работ, которые могли бы обеспечить подходы к переднему краю, успешная атака пехоты и танков невозможна. Предлагалось провести перегруппировку частей и начать активные действия тяжелой артиллерии по разрушению выявленных долговременных сооружений линии Маннергейма². В тот же день из Москвы командованию 7-й армии было приказано временно перейти к обороне. Срок, предусматривавшийся для возобновления наступления, отодвигался на неделю, до 27 декабря³.

Финское военное руководство, в свою очередь, убедившись в слабости готовности Красной армии к ведению боевых действий, склонялось к тому, чтобы самим перейти в контрнаступление. Руководство этой операцией было возложено на командира II армейского корпуса генерала Х. Эквиста, который должен был начать операцию по окружению советской ударной группировки 50-го стрелкового корпуса в районе Муоланярви⁴.

Рано утром 23 декабря финские войска приступили к осуществлению своего замысла. Контратаковав части 70-й и 138-й стрелковых дивизий, они несколько потеснили их. Информация, поступившая об этом в Москву, вызвала в Ставке бурную реакцию. Командующему 7-й армии Мерецкову пришлось держать серьезный ответ за случившееся. Но этим дело не ограничилось. 25 декабря ему по прямому проводу было передано распоряжение, подписанное Сталиным, Ворошиловым и Шапошниковым: «Командира 138-й стрелковой дивизии комбрига Пастеровича и временно командующего 70-й стрелковой дивизией полковника Алябушева... немедленно судить»⁵.

¹ АШ ЛВО. Ф. 7043. Оп. 1. Кор. 152. Д. 2. Л. 17.

² Там же. Ф. 352. Оп. 3. Кор. 141. Д. 13. Л. 24.

³ РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 253. Л. 54.

⁴ Talvisodan historia. Osa 2. S. 71; Tuntematton sota. Hels., Porvoo. 1991. S. 20.

⁵ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1396. Л. 162; Ф. 37977. Оп. 1. Д. 233. Л. 72. Очевидно, что данный документ рождался в невероятной спешке, поскольку полковник Ф. Ф. Алябушев руководил 123-й стрелковой дивизией, которая также наступала на данном направлении. И именно он сменил на этом посту в декабре 1939 г. полковника В. Ф. Стеньшинского. Сам же Алябушев после окончания войны был даже

В такой обстановке командование 50-го стрелкового корпуса и 7-й армии начало принимать экстренные меры, чтобы отбить контратаки финских войск. Сюда была переброшена 1-я танковая бригада. В конечном счете перелом в развитии событий все же наступил. 25 декабря 70-я стрелковая дивизия «перешла в наступление с целью овладения оставленной 23.12 территории» и через два дня «почти восстановив утраченное положение и подойдя к сильно укрепленному краю противника, продолжила наступление»¹.

Таким образом, операция, проведенная II армейским корпусом, окончилась неудачей. Финские части были оттеснены на свои прежние позиции. В исторической литературе Финляндии провал операции объясняется тем, что «войска еще не созрели для ведения крупных наступательных боев», а у командного состава отсутствовал должный опыт руководства своими подразделениями и частями в ходе их контрнаступления. К тому же считалось, что силы II армейского корпуса были недостаточны (он потерял до этого в оборонительных боях более 2000 человек). Неудачно проведенная операция стоила финской армии 1328 погибших, раненых и пропавших без вести².

Вместе с тем общий итог боевых действий на Выборгском направлении в декабре со всей очевидностью свидетельствовал о провале плана наступления советских войск на главном, стратегическом направлении. В результате 24 декабря от имени Ставки Ворошиловым, Сталиным и Шапошниковым в разговоре по прямому проводу с командующим 7-й армией Мерещковым ему и всему Военному совету 7-й армии был объявлен выговор³. Реабилитироваться руководство 7-й армии могло лишь успешным прорывом линии Маннергейма.

К этому времени уже разрабатывался план наступательной операции под кодовым названием «Ладoga»⁴. В готовящемся плане расчет делался на то, что на кексгольмском направлении удастся форси-

удостоен звания Героя Советского Союза. Командиром 70-й стрелковой дивизии с 28 августа до 25 декабря 1939 г. являлся Ф. А. Прохоров, которого на этом посту заменил М. П. Кирпонос. В документе также содержится неточность в написании фамилии командира 138-й стрелковой дивизии А. И. Пастревича. Его также не снимали с должности, и он до 15 февраля 1940 г. продолжал командовать этой дивизией.

¹ РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 253. Л. 64. РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 521. Л. 161.

² Talvisodan historia. Osa 2. S. 82; Tunteaton sota. S. 23.

³ Барышников Н., Барышников В. «Зимняя война» // Аврора. 1990. № 2. С. 43.

⁴ РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 237. Л. 269; АШ ЛВО. Ф. 352. Оп. 3. Кор. 141. Д. 13. Л. 25.

ровать Вуоксинскую водную систему и выйти в тыл финских войск, прочно прикрывавших центральную часть Карельского перешейка. Это, по мысли разработчиков плана, позволило бы избежать новых больших потерь, которые могли произойти в случае возобновления штурма линии Маннергейма на участке укреплений в Сумма. В свою очередь, Ставка решила преобразовать группу войск комкора Грендаля в 13-ю армию с непосредственным подчинением ее главному. Соответствующий приказ Ворошилова об этом был отдан 25 декабря. В тот же день был утвержден план переброски на фронт (преимущественно на Карельский перешеек) дополнительных сил, а 13-й армии была поставлена задача во что бы то ни стало прорвать «укрепленную полосу» и наступать на Кексгольм¹.

В четыре часа ночи 4-я стрелковая дивизия 13-й армии под покровом темноты и снегопада сделала попытку прорваться по льду между Вуоксой и озером Сувантоярви. Ей удалось захватить плацдарм на противоположном берегу и даже навести понтонные мосты. Грендаль при этом получил «категорическое указание» развить дальше наступление вглубь финской обороны и «ни в коем случае не допускать отвода частей на западный берег озера Сувантоярви»².

Это распоряжение 27 декабря было усилено оперативной директивой Ставки командующему 13-й армией о необходимости продолжать наступление на Кексгольм. Подобная директива в это же время была отдана и руководству 7-й армии, где подтверждалось, что для нее остается главной задачей «нанести решительный удар по противнику и овладеть городом Виипури [Выборг. — В. Б.]»³. Однако реально выполнить эти распоряжения просто было невозможно.

Уже в первый день нового советского наступления войска III финского армейского корпуса сумели ликвидировать два из трех захваченных частями 13-й армии плацдармов, а к исходу 28 декабря в ожесточенных боях они овладели и последним из них. Тем самым очередная попытка совершить прорыв финской обороны на кексгольмском направлении закончилась неудачей. Также оказалась безрезультатной и попытка прорыва, которую предприняла на выборгском направлении 70-я стрелковая дивизия⁴. Было ясно, что с ходу без длительной

¹ Тайны и уроки зимней войны 1939–1940. По документам рассекреченных архивов. С. 215. РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 403. Л. 43; Ф. 34980. Оп. 6. Д. 107. Л. 8.

² РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 521. Л. 165.

³ Тайны и уроки зимней войны 1939–1940. С. 219–220.

⁴ РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 253. Л. 69.

подготовки финские укрепления на Карельском перешейке взять невозможно.

Поэтому уже 28 декабря вечером Шапошников направил срочную телеграмму в штаб 7-й армии. В ней говорилось: «Ввиду недостаточной подготовленности 7-й армии и неизвестности, сколько дотов разбито, если они разбиты вообще, предлагаю наступление 7-й армии отложить до особого распоряжения»¹. В равной степени это указание распространялась и на 13-ю армию. Вызванные в Москву Мерецков и Жданов отправились туда 29 декабря. Им предстоял тяжелый разговор в Кремле. 1 января 1940 г. последовало отстранение от должности начальника штаба 7-й армии, крупного специалиста в области оперативного искусства комдива Г. С. Иссерсона². Теперь после принятия решения о приостановке наступления от командования войсками на Карельском перешейке потребовали более обстоятельной подготовки к новому штурму. Для этого было необходимо прежде всего детальное вскрытие на основе тщательной разведки системы финских укреплений и определение способов уничтожения железобетонных сооружений. Кроме того, ставилась задача разработать новый план проведения операции по прорыву линии Маннергейма.

Тем не менее события, происходившие на Карельском перешейке, являлись лишь одной из составляющих начавшейся войны, поскольку Красная армия развернула боевые действия на всем протяжении советско-финляндской границы. На других участках фронта тоже шла упорная борьба, которая также не давала советскому командованию позитивных результатов.

Наибольшего успеха в начале войны Красная армия достигла лишь в Лапландии, где частям 14-й армии, под командованием комкора В. А. Фролова удалось при поддержке кораблей Северного флота полностью овладеть полуостровами Рыбачий и Средний, а также занять город Петсамо (Печенга), выйдя далее к границе с Норвегией. В результате здесь в начале декабря 1939 г. советские войска практически выполнили первоначально поставленную им по плану главную боевую задачу. Более того, наступая в южном направлении от Петсамо, они в общей сложности продвинулись по территории Северной Финляндии более чем на 150 км³.

¹ РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 253. Л. 64.

² РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1385. Л. 47, 49.

³ Зимняя война 1939–1940. Кн. 2: И. В. Сталин и финская кампания. С. 99.

Стремительное наступление советских войск в этом районе было обусловлено тем, что финское командование на севере не располагало сильной группировкой войск. Там была развернута так называемая группа «Лапландия» под командованием генерал-майора К. М. Валлениуса. Она состояла лишь из войск, прикрывавших Петсамо, численностью не более одного батальона и еще ряда соединений, которые должны были прикрывать южное от Петсамо направление¹. Фактически поэтому вместе с пограничниками подобная группировка представляла собой лишь небольшие силы прикрытия границы. Естественно, части Красной армии значительно превосходили их по своей мощи.

К тому же здесь финскому командованию был преподнесен своего рода сюрприз, поскольку вся система обороны района Петсамо создавалась из расчета отражения нападения противника с моря и не предполагалась возможность наступления на финскую территорию через границу «из тундры». В результате две полосы укреплений, созданных для защиты этого района, были взяты войсками Красной армии практически без боя². Тем не менее благоприятных условий для расширения зоны прорыва у советского командования тоже не было. Более того, на стремительность дальнейшего наступления серьезно влияли практическое отсутствие в финской Лапландии сети хороших дорог и крайне короткий в это время года на севере световой день, переходящий в полярную ночь³. Это требовало от войск навыков ведения боевых действий не только в условиях сильных морозов, но и в полной темноте, в ночное время, поскольку светлое время суток длилось в этом районе не более двух часов. Естественно, что подобные условия серьезно затрудняли возможность активного применения авиации и другой современной боевой техники. В результате уже 18 декабря наступление на Крайнем Севере Финляндии приостановилось.

С подобными же проблемами столкнулись и части Красной армии, которые вели наступление несколько южнее. Здесь разворачивали боевые действия под командованием комкора В. П. Духанова подразделения 9-й армии. Конкретно в финской Лапландии в направлении Рованиеми из района Кандалакши наступала 122-я стрелковая дивизия. Она также начала действия без серьезных столкновений с про-

¹ Kansakunta sodassa. Os. 1. S. 136.

² См.: Зимняя война 1939–1940. Кн. 2: И. В. Сталин и финская кампания. С. 99.

³ Там же. С. 97.

тивником, перейдя «границу на широком фронте». В итоге за первую половину декабря части дивизии продвинулись по финской территории до 150 километров и создали очевидную угрозу выхода к важным коммуникациям Северной Финляндии¹. Но поскольку наступление велось вдоль немногочисленных дорог, то для советских войск возникла перспектива возможного окружения, поскольку противник активно применял тактику подвижной обороны. В результате дальнейшее наступление здесь также вынужденно приостановилось, и с 19 декабря войска перешли к обороне.

Но особое беспокойство у финского командования вызывало наступление трех других стрелковых дивизий 9-й армии (163, 54 и 44-й), которые из районов Северной Карелии двинулись в направлении Ботнического побережья Финляндии к городу Оулу. Здесь, как отметил известный историк А. Вуоренмаа, «командование финскими вооруженными силами было вынуждено признать, что советские войска преподнесли им в начале войны стратегический сюрприз и составленный на этом направлении оборонительный план не был основан на правильной оценке советского потенциала»².

Действительно, это наступление было крайне опасным для Финляндии. В случае прорыва частей Красной армии они могли за короткий срок выйти к побережью Ботнического залива, разрезав, таким образом, финскую территорию на две части. В случае успеха этой операции Южная Финляндия оказалась бы отрезана от всех своих сухопутных коммуникаций с Западом. И это казалось вполне реальным, поскольку командование Красной армии сумело добиться накануне наступления соответствующей концентрации сил и имело здесь значительное превосходство над противником в численном составе своих войск. В начале войны советским дивизиям противостояли только четыре финских батальона³.

Тем не менее эффективно использовать имеющееся преимущество 9-й армии так и не удалось. Общее отсутствие на границе хорошо развитой сети дорог и сложная лесисто-болотистая местность не позволяли в полной мере использовать имеющийся боевой потенциал для стремительного наступления. Первыми вступили на финскую терри-

¹ См.: Зимняя война 1939–1940. Кн. 2: И. В. Сталин и финская кампания. С. 118.

² *Vuorenmaa A.* Defensive strategy and basis operational decisions in the Finland-Soviet Winter War 1939–1940. P. 81.

³ Зимняя война 1939–1940. Кн. 1: Политическая история. С. 163.

торию части 163-й и 54-й дивизий, которые накануне войны советское командование начало развертывать в крайне сложных условиях на расстоянии до 280 километров от железных дорог¹.

Плохо обученные для ведения боевых действий в суровых условиях Европейского Севера войска в результате сложного марша подошли к границе и вынуждены были буквально с ходу вступить на территорию Финляндии. Но далее они продвигались крайне медленно. Лишь на десятый день войны они смогли углубиться на финскую территорию, заняв район Суомуссалми и Расти². Именно отсюда началась достаточно хорошая сеть шоссейных дорог, позволяющая перейти к быстрому продвижению вглубь страны. Однако к этому времени финское командование сумело подтянуть на это направление все возможные резервы, образовав в зоне наступления 54-й дивизии отдельную бригаду подполковника А. Вуокко, а в районе наступления 163-й стрелковой дивизии еще одну бригаду, которая затем была преобразована в отдельную группу войск под командованием полковника Х. Сииласвуо³.

При этом уступавшие по численности войскам Красной армии финские части наладили единственно возможную в данных условиях систему обороны, при которой были организованы отряды подвижных, преимущественно лыжных боевых групп, не нуждавшихся в использовании дорог и активно использовавших сложный рельеф местности для нападения на наступающие части Красной армии. Эти весьма эффективные, маневренные отряды стремились блокировать концентрировавшиеся вдоль немногочисленных дорог советские части, нередко оказываясь в тылу продвигавшихся на запад колон, перерезая их коммуникации и навязывая им мелкие боевые действия, напоминая партизанские операции. В результате не подготовленный для боев такого характера личный состав частей 9-й армии, оснащенный малоприспособленной для данного театра военных действий тяжелой боевой техникой, начал терпеть неудачи. Бригада А. Вуокко сумела блокировать наступление 54-й дивизии, а 30 декабря группа войск под командованием полковника Х. Сииласвуо нанесла серьезное поражение 163-й стрелковой дивизии. В начале января 1940 г. финнами была окружена двинутая ей на помощь к Суомуссалми 44-я дивизия.

¹ Зимняя война 1939–1940. Кн. 2: И. В. Сталин и финская кампания. С. 102.

² РГА ВМФ. Ф. Р-2045. Оп. 1. Д. 69. Л. 5.

³ Зимняя война 1939–1940. Кн. 1: Политическая история. С. 164.

Причем эти поражения в Северной Финляндии стали вполне логическим результатом непродуманного по своей сути первоначального плана войны. Об этом, естественно, уже догадывались в Москве. Там с большим опозданием — 28 декабря была, наконец, отдана директива, где говорилось, что не следует «увлекаться» быстрым продвижением вперед, двигаться лишь после хорошей подготовки и по мере обеспечения тыла от обходов со стороны противника¹. Однако ситуация на суомуссалменском направлении сложилась чрезвычайно напряженная. 1 января 1940 г. финские подразделения полностью отрезали 44-ю дивизию от остальных частей Красной армии, блокировав единственную дорогу, соединявшую ее с тылами 9-й армии. Фактически дивизия оказалась в безвыходном положении.

В итоге спустя несколько дней боев 6 января командир дивизии комбриг А. И. Виноградов отдал приказ начать организованный прорыв кольца окружения, уничтожая при этом всю тяжелую боевую технику дивизии², поскольку она не позволяла в данных условиях осуществлять маневренные операции. Но прорыв оказался неудачным. Он совпал с общим наступлением финских войск на позиции дивизии. В результате началось паническое отступление, при котором значительная часть личного состава вместе с командованием сумела прорвать кольцо окружения и выйти в расположение войск 9-й армии. При этом дивизия потеряла не только всю свою тяжелую технику. Ее общие потери достигли 2500 человек убитыми и ранеными. Приблизительно такое же количество советских военнослужащих пропало без вести. В результате это составило в общей сложности около 35 % всего личного состава данного соединения³.

Подобный финал стратегической операции являлся несомненным результатом общей неготовности войск к наступлению на данном направлении. Об этом прямо указывали, когда началось разбирательство случившегося в следственных структурах 9-й армии и в штабе 44-й дивизии. Действительно, дивизию лишь в первой половине декабря стремительно перебросили из состава Киевского особого военного округа к границе с Финляндией. Причем 60 % ее личного состава были призваны в армию на Украине только осенью 1939 г.⁴ Тем не менее

¹ Кузьмин Н. Ф. На страже мирного труда. М., 1959. С. 238.

² РГВА. Ф. 34980. Оп. 5. Д. 46. Л. 5.

³ Там же. Л. 1, 11.

⁴ Там же. Л. 1.

части дивизии буквально с ходу, после их передислокации с юга, двинули в бой. Первое соприкосновение с финскими войсками произошло буквально сразу же после выгрузки, уже 16 декабря, в 25 километрах от границы. К тому же подход к границе с Финляндией проходил в условиях одновременного сосредоточения всех частей дивизии для начала их общего наступления. Фактически они поэтапно попадали в зону боевых действий, где им не давали никакого отдыха после столь сложной передислокации и сразу же отправляли на линию огня¹.

Всю вину за случившееся, однако, возложили сугубо на руководство самой дивизии. Поэтому срочно 11 января перед строем вышедших из окружения бойцов были расстреляны командир 44-й дивизии, а также начальник штаба и начальник политотдела. Их судили за постигшую катастрофу «по суровым законам военного времени»². Наказаниям, но не столь суровым, было подвергнуто и все командование 9-й армии. По распоряжению К. Е. Ворошилова и Б. М. Шапошникова еще 22 декабря был смещен командующий армией комкор М. П. Духанов. На этом посту его заменил комкор В. И. Чуйков. 7 января 1940 г. в армии был назначен и новый начальник штаба³. Так в советском военном руководстве пытались найти виновных за срыв первоначальных замыслов.

Причем, что было весьма печально для высшего командования Красной армии, события, которые происходили в районе Суомуссалми, фактически повторились севернее Ладожского озера, где начали наступать части 155, 139, 18 и 168-й стрелковых дивизий 8-й армии.

Задача наступающих здесь войск заключалась в том, чтобы сокрушить мощь IV финского армейского корпуса и «наступать в юго-западном направлении в тыл группировки противника, действующей на Карельском перешейке», то есть, обойдя Ладожское озеро с севера, оказаться в тылу линии Маннергейма⁴.

Первые операции на этом направлении также принесли советским войскам определенный успех. Красная армия сумела вклиниться до 80 км вглубь финских оборонительных позиций. Более того, соединения 8-й армии смогли нанести поражение 155-й пехотной дивизии

¹ РГВА. Ф. 34980. Оп. 5. Д. 47. Л. 137.

² РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1386. Л. 124.

³ РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 232. Л. 73; Ф. 34980. Оп. 5. Д. 47. Л. 137.

⁴ РГВА. Ф. 25888. Оп. 14. Д. 2. Л. 3; Тайны и уроки зимней войны 1939–1940. С. 55.

финских войск, которая впоследствии была практически полностью разбита¹.

Однако высшее военное руководство Финляндии на данном направлении приняло ряд экстренных мер, которые привели к стабилизации достаточно сложного положения. В частности, 5 декабря была развернута особая войсковая группа генерала П. Талвела. Этой группе в районе Толваярви удалось нанести ряд поражений 139-й стрелковой дивизии Красной армии, а затем и выдвинутой из резерва 8-й армии 75-й стрелковой дивизии². Кроме того, в этом направлении во второй половине декабря финские войска сделали попытку организовать контрнаступление. Завязались ожесточенные бои, в которых финская армия также несла существенные потери, лишившись тогда до 25 % личного состава³. Но части Красной армии при этом были окончательно остановлены, и, таким образом, на этом участке фронта первоначальный план наступления был сорван. В середине декабря это отразилось на смене руководящего состава 8-й армии. В частности, командующий армией комдив Н. И. Хабаров 13 декабря был заменен командармом 2-го ранга Г. М. Штерном⁴. Но данные перестановки больших изменений в характере боевых действий не создали. Было абсолютно ясно, что советские войска пока не в состоянии решать поставленные перед ними накануне войны задачи.

В итоге уже на практике стало понятно, что война против Финляндии советским военным руководством реально не готовилась, а те скороспелые решения, которые принимались в конце октября 1939 г., не основывались на конкретных возможностях частей и соединений Ленинградского военного округа. Тем более оказались не готовы к этой войне те дивизии и войсковые подразделения, которые направлялись на фронт из других районов Советского Союза. При этом финская армия, наоборот, продемонстрировала свою способность оказывать сопротивление превосходящим силам противника, что во всем мире было расценено как «чудо “зимней войны”».

В целом общее неудачное для Красной армии начало войны вызвало весьма большое недоумение как в Москве, так и в столицах других государств. Для многих было трудно объяснить происходящее.

¹ *Talvela P.* Sotilaan elämä. S. 170.

² *Ibid.* S. 166; *Mannerheim G.* Muistelmat. Os. II. S. 162.

³ *Vuorenmaa A.* Defensive strategy and basis operational decisions in the Finland-Soviet Winter War 1939–1940. S. 80; *Mannerheim G.* Muistelmat. S. 165–170.

⁴ РГВА. Ф. 24980. Оп. 4. Д. 197. Л. 4.

СССР уже в первых приграничных сражениях, обладая гигантскими возможностями, не смог, как планировал, сокрушить финские вооруженные силы. Но здесь является очевидным, что на военный результат начавшихся боевых действий оказала влияние не только неготовность Красной армии к «финской войне». В данном случае тут существовал уже целый комплекс обстоятельств, сказавшихся на первых итогах начала войны.

В результате после окончания «финской войны» возникшие в Красной армии достаточно серьезные проблемы подробнейшим образом обсуждались на совещании всего советского военного руководства. Это совещание, как известно, состоялось 14–17 апреля 1940 г., то есть спустя всего месяц после завершения боевых действий¹. Причем перед организацией разбора итогов войны было проведено еще одно специальное заседание комиссии Главного военного совета, где руководитель военной разведки комдив И. И. Проскуров неожиданно заметил, что нужно «не дать противнику раскусить наши замыслы»².

Более того, участники боевых действий уже на самом совещании недоумевали, почему финны были очень хорошо осведомлены о конкретном местоположении советских подразделений и нахождении их командных пунктов³. Очевидно, что многое могло раскрыться при соответствующем анализе результатов деятельности финской военной разведки. Но тогда в Москве об эффективности ее работы могли только лишь гадать.

Тем не менее по мере увеличения количества доступных для исследователей источников содержащиеся в выступлениях в апреле 1940 г. советских военачальников мрачные наблюдения и предположения начали находить подтверждение. Роль финской разведки в ходе «зимней войны» была очень существенной.

Парадокс складывающейся ситуации заключался в том, что весьма решительное наступление советских войск в начале войны против Финляндии для Хельсинки оказалось достаточно неожиданным. Большой комплекс научно-исследовательской и мемуарной литературы, а также опубликованные документы указывают на то, что тогда получить точные сведения о подготовке СССР к войне

¹ См.: Зимняя война 1939–1940. Кн. 2: И. В. Сталин и финская кампания.

² «Зимняя война»: работа над ошибками (апрель — май 1940 г.). Материалы комиссий Главного военного совета Красной Армии по обобщению опыта финской кампании. С. 361.

³ Зимняя война 1939–1940. Кн. 2. С. 33, 85.

явно не удавалось. Как отмечалось, «в мирное время важным источником для разведки являлась информация, поступающая из печати, радио, а также из сведений, которые содержались в данных о движении транспорта и т. п.»¹. Но эти данные, естественно, были малоинформативными. В итоге представители финской военной разведки прямо и не без основания указывали, что в Советском Союзе «при Сталине контролировался каждый шаг»². В таких условиях не совсем эффективной оказалась и деятельность финской агентурной разведки.

Единственное, что было очевидно накануне войны и что финские представители визуально фиксировали, являлись факты сосредоточения советских войск на границе с Финляндией³. Но все это скорее оценивалось как одна из форм давления СССР на финское правительство. По наблюдениям финского военного разведчика капитана У. А. Кякёнена, в Финляндии в военных кругах тогда вообще царил оптимизм, в основе которого, как он указывал, лежала уверенность, что конфликта с СССР уже удалось избежать⁴. Да и по линии финской разведки шла достаточно успокаивающая информация. В частности, в канун начала войны, 25 ноября, по линии финской военной разведки четко сообщали, что «нападение на Финляндию маловероятно»⁵. Единственным подтверждающим фактом готовящегося со стороны Советского Союза в ноябре 1939 г. нападения являлось, как уже отмечалось, полное радиомолчание советских военных радиостанций. Это являлось достаточно показательным, поскольку «означало, — как впоследствии подчеркнул исследователь Ю. Л. Мякеля, — что начало войны уже является очень близким»⁶.

¹ *Mäkelä J. L. Salaista palapeliä. Tiedustelupalvelua ja tapahtumia talvisodan ja jatkosodan vaiheilta. Porvoo; Hels., 1962. S. 33.*

² *Käkönen U. A. Sotilasasiamiehenä Moskovassa 1939. Hels.; Keuruu, 1966. S. 49.*

³ *Paasonen A. Marsalkan tiedustelupäällikkönä ja hallituksen asiamiehenä. S. 60; Käkönen U. A. Sotilasasiamiehenä Moskovassa 1939. 107–108, 111, 138–141; Mäkelä J. L. Salaista palapeliä. Tiedustelupalvelua ja tapahtumia talvisodan ja jatkosodan vaiheilta. S. 134.*

⁴ *Käkönen U. A. Sotilasasiamiehenä Moskovassa 1939. S. 125.*

⁵ Цит. по: *Rislakki J. Erittäin salainen. Vakoilu Suomessa. Hels., 1982. S. 237; См. также: Lehtonen L., Liene T., Manninen O. Sanomansieppaajia ja koodinmurtaajia. Suomen radiotiedustelu sodassa. Jyväskylä, 2016. S. 54; Лайдинен Э. П., Веригин С. Г. Финская разведка против Советской России. С. 218–219.*

⁶ *Mäkelä J. L. Salaista palapeliä. Tiedustelupalvelua ja tapahtumia talvisodan ja jatkosodan vaiheilta. S. 134.*

Тем не менее 29 ноября советское эфирное молчание прекратилось¹. А на следующий день, как известно, началась война. Причем К. Г. Маннергейм произошедшее вообще расценивал как катастрофу. Он, как и советское военное руководство, считал, что финская «армия с ее оснащением и вооружением могла продержаться всего, возможно, пару недель, после чего, — как мрачно заметил Маннергейм, — наступит конец»².

Тем не менее из мемуаров маршала известно, что «в первый день войны в наши руки попал приказ русских, который показывал весь замысел наступления»³. Сейчас нет точных сведений, каким образом этот приказ оказался известен финскому командованию. Но очевидно, что, по мнению военного историка П. Килкки, финское командование имело достаточно «ясное представление» о наступающих советских частях. Причем «эти сведения поступали прежде всего от подразделений переднего края», которые уже с первого дня боев стали давать весьма точную информацию об «общей численности» советских войск⁴.

В целом источники информации финского командования могли быть самыми разнообразными. Причем они, безусловно, строились на заранее созданной, еще с 1920-х гг., достаточно налаженной системе финской военной разведки⁵. В период боевых действий разведка, естественно, опиралась на сведения, получаемые как по традиционным агентурным данным, так и от военнопленных, а также перебежчиков. При этом трудно предположить, что уже в первый день войны у финской военной разведки в одночасье образовалась обширная сеть осведомителей, которые мгновенно все узнали о конкретных советских военных планах. Более того, Особый отдел НКВД Ленинградского военного округа зафиксировал, что к 1 декабря 1939 г. в наступающих частях Красной армии наблюдались лишь самые незначительные «факты трусости и попытки к измене родины»⁶.

¹ *Mäkelä J. L.* Salaista palapeliä. Tiedustelupalvelua ja tapahtumia talvisodan ja jatkosodan vaiheilta. S. 141.

² *Lehmus K.* Tuntematon Mannerheim. Hels., 1967. S. 20.

³ *Mannerheim G.* Muistelmat. Osa II. S. 158.

⁴ *Kilikki P.* Talvisodan suojajoukkotaistelut Karjalan kannaksella // Tiede ja Ase. 1969. № 27. S. 127.

⁵ См.: *Лайдинен Э. П., Веригин С. Г.* Финская разведка против Советской России. С. 73–127; *Mäkelä J. L.* Salaista palapeliä. Tiedustelupalvelua ja tapahtumia talvisodan ja jatkosodan vaiheilta. S. 33–68.

⁶ Зимняя война 1939–1940 гг. Исследования, документы, комментарии. С. 218.

В данном случае финская разведка опиралась тогда на совершенно иную форму добываемого о наступающих частях фактического материала. Дело в том, что в этот момент в Финляндии смогли развернуть надежную систему перехвата направляемых по радио в советские войска шифрограмм. В частности, известно, что уже 29 ноября оказался перехвачен и расшифрован приказ по советским бронетанковым соединениям, касающийся необходимости «подготовиться к продвижению» на территорию Финляндии¹. Более того, было перехвачено радиосообщение советского командования по Балтийскому флоту, которое содержало лишь одно слово — «факел». Но этот сигнал 30 ноября «повторялся всю ночь». В результате в финском руководстве «в конце концов, он был воспринят как сигнал к началу войны»². Действительно, в Финляндии правильно поняли значение передаваемого кораблям КБФ закодированного слова, поскольку действительно оно являлось зашифрованным приказом к началу боевых действий. Этим шифрованным сигналом флоту объявлялось, что началась война и, таким образом, разрешалось применять оружие³.

Тем не менее в отечественной литературе уже обращалось внимание на существующие в финских архивах записи расшифрованных «переговоров между частями РККА, ВВС и РККМ». В частности, в работе исследователя Б. К. Иринчеева приведены определенные выдержки из этих материалов за период с 30 ноября по 27 декабря 1939 г.⁴ Из приводимых в книге сведений становится ясно, что финская разведка систематически перехватывала отдельные фрагменты радиообмена командования советским Балтийским флотом, а также сообщения, отправляемые авиационным соединениям. Кроме того, с началом войны четко «прочитывался» и ряд переговоров, которые осуществлялись на Карельском перешейке командованием 10-го танкового корпуса и 20-й танковой бригады, а также 43, 70, 90, 123, 138 и 142-й стрелковых дивизий. Далее, уже во второй половине декабря, судя по приведенным Б. Иринчевым сведениям,

¹ *Rislakki J.* Erittäin salainen. Vakoilu Suomessa. S. 237.

² *Lehtonen L., Liene T., Manninen O.* Sanomansieppaajia ja koodinmurtajia. Suomen radiotiedustelu sodassa. S. 55. См. также: *Лайдинен Э. П., Веригин С. Г.* Финская разведка против Советской России. С. 218.

³ РГВА. 25888. Оп. 14. Д. 1. Л. 14. Приказ командующего КБФ. 23.11.1939; РГА ВМФ. Ф. Р-1529. Оп. 1. Д. 57. Л. 154. Приказ командующего КБФ № 5.

⁴ *Иринчеев Б.* Оболганная победа Сталина. Штурм Линии Маннергейма. С. 420–451.

стали перехватываться отдельные распоряжения и радиообмен с 50, 19 и 13-м стрелковыми корпусами, а также радиogramмы командования 7-й армии¹. Чуть позже стали расшифровываться некоторые записи переговоров с группой Грендаля и даже со штабом Ленинградского военного округа².

Однако если рассматривать конкретные сведения, содержащиеся в опубликованной книге Б. К. Иринчеева, то расшифрованные финской разведкой сведения имели весьма невысокую степень информативности. Вне всякого сомнения, эти данные не могли создать ясной картины хода тех или иных наступательных действий советских войск. Опубликованные Б. К. Иринчевым данные позволяли лишь подтвердить единственный очевидный факт, что финская радиоразведка научилась расшифровывать передававшиеся через советские армейские радиogramмы отдельные и весьма разрозненные сообщения.

Тем не менее возникает вопрос, насколько эффективно финские разведчики научились перехватывать и расшифровывать радиоэфирную военную корреспонденцию, а также как эти навыки в действительности использовались? И здесь не вызывает никакого сомнения, что осведомленность военного руководства Финляндии о советских войсках была значительно выше, чем свидетельствуют опубликованные Б. К. Иринчевым материалы.

Хорошо известно, что еще в 1920–1930-е гг. финская военная радиоразведка накопила весьма богатый опыт прослушивания и расшифровки советской военной радиокорреспонденции³. По мнению финских исследователей, это позволило добиться в период «зимней войны больших успехов»⁴. В Финляндии, как отмечалось, тогда процесс расшифровывания и прочитывания советских радиogramм «оказался даже быстрее, чем в России»⁵.

¹ Там же. С. 437, 438.

² Там же. С. 440, 448.

³ См.: *Лайдинен Э. П., Веригин С. Г.* Финская разведка против Советской России. С. 212–213; *Барышников Н. И., Лайдинен Э. П.* Избранное. Из истории советско-финляндских отношений. СПб., 2013. С. 368–369.

⁴ *Lehtonen L., Liene T., Manninen O.* Sanomansieppaajia ja koodinmurtajia. Suomen radiotiedustelu sodassa. S. 60.

⁵ *Ibidem*; В донесениях НКВД по Ленинградскому военному округу также отмечается крайняя медлительность отдельных служб в расшифровании получаемых материалов или даже их «грубейшие искажения» (см.: *Зимняя война 1939–1940 гг.* Исследования, документы, комментарии. С. 308, 544).

Причем созданная финской радиоразведкой структура была достаточно разветвленной. Только ее центральный аппарат состоял из четырех отделений, занимавшихся дешифровкой перехваченных сообщений, а также контролем за радиосвязью советских вооруженных сил и войск НКВД. Кроме того, в центральный аппарат входили также техническая группа обеспечения деятельности радиоразведки и специальное учебное подразделение, которое готовило непосредственных специалистов для этой достаточно специфической работы¹. Одновременно наряду с центральным аппаратом финская радиоразведка обладала собственными подразделениями на границе с СССР. Это были отдельные пункты радиоперехвата, а также точки радиоперехвата и пеленгаторные станции².

В результате в финском военном руководстве изначально, как уже отмечалось, создавалась достаточно «ясная картина развития событий», а разведка уже «на ранних этапах войны перехватывала и расшифровывала сообщения весьма высокого уровня», передававшиеся частями советских войск³. Таким образом, сведения, содержащиеся в работе Б. К. Иреничева, являются только небольшим фрагментом получаемой тогда Финляндией информации о действиях Красной армии.

Более того, особенно важным для финского командования стал успешный перехват и расшифровка сообщений, которые поступали от передовых советских танковых частей⁴. Это доказывают и сведения Б. К. Иреничева. Именно передовым танковым соединениям непосредственно ставилась важная задача — организация связи наступающих полевых подразделений с командованием войск и «вся координация действий командиров стрелковых взводов, рот и батальонов шла только через командиров танковых» частей⁵. Таким образом, передававшиеся командирами танковых соединений сведения могли быть сразу же доступны и для финской радиоразведки.

¹ Лайдинен Э. П., Веригин С. Г. Финская разведка против Советской России. С. 125.

² Там же. С. 126.

³ Lehtonen L., Liene T., Manninen O. Sanomansieppaajia ja koodinmurtajia. Suomen radiotiedustelu sodassa. S. 74.

⁴ Ibidem.

⁵ См.: Сейдин И. И. Линия Маннергейма и Красная Армия (30 ноября 1939 — 22 июня 1941). С. 219. См. также: Зимняя война 1939—1940 гг. Исследования, документы, комментарии. С. 403.

Облегчалась деятельность радиоразведки еще и тем, что специальные диверсионные отряды финских войск целенаправленно занимались нарушением армейской проводной связи, «обрезая все телефонные линии коммуникаций советских войск, с которыми они могли сталкиваться»¹. Это, естественно, фиксировалось советским командованием². Более того, передача сведений по телефону считалась достаточно рискованной. Как докладывал высшему советскому руководству Л. П. Берия, «передовые части 7-й армии пользуются в большинстве случаев однопроводными телефонными линиями, проходящими часто вблизи расположения противника». Далее же он особо подчеркнул, что «это дает возможность без особого труда противнику включиться в телефонную сеть наших частей», а это, по мнению Берии, создавало условия, когда «телефонные разговоры наших частей хорошо прослушиваются»³.

Кроме того, отмечались и крайне безответственные действия в отношении телефонной системы связи и в самих войсках. Существовали, в частности, удивительные примеры, когда «постоянные линии [телефонной связи. — В. Б.] подвергались безжалостному разрушению самими же советскими частями». Разрушались прежде всего деревянные опоры, посредством которых прокладывали эту связь. Как фиксировало советское командование, их «сшибали танки, автомашины, различные повозки», кроме того, «столбы пилили на дрова»⁴. Еще больше страдали те проводные линии, которые прокладывались без каких-либо опор, «по дороге, на земле». «В результате, — как отмечалось в докладной записке Л. П. Берии, — проходящие танковые соединения и артиллерийские части рвут провода»⁵.

Таким образом, проводная связь в наступающих частях считалась ненадежной⁶. Более того, в самом начале войны, к 3 декабря, были

¹ *Lehtonen L., Liene T., Manninen O. Sanomansieppaajia ja koodinmurtajia. Suomen radiotiedustelu sodassa. S. 69.* См. также: Тайны и уроки зимней войны 1939–1940. С. 184.

² Зимняя война 1939–1940 гг. Исследования, документы, комментарии. С. 249, 373.

³ Там же. С. 435. Этот доклад был основан на организованной в январе 1940 г. проверке телефонных линий связи ряда дивизий, наступавших на Карельском перешейке (см.: Там же. С. 562).

⁴ Зимняя война 1939–1940. Кн. 2. С. 84.

⁵ Зимняя война 1939–1940 гг. Исследования, документы, комментарии. С. 290. См. также: Там же. С. 331, 563.

⁶ См.: Там же. С. 438.

зафиксированы случаи, когда, например, командование 19-го стрелкового корпуса, наступавшего на Выборгском направлении, вообще не имело возможности наладить связь со своими подразделениями и даже не знало, «где находятся его части и соединения»¹. Далее, с началом наступления связь была утрачена у 10-го танкового корпуса, а также у 20-й танковой бригады². Именно в эти подразделения срочно направлялись новые радиостанции³. Причем показательно, что собственно те части, которые с началом войны потеряли связь, после ее восстановления оказались наиболее уязвимы с точки зрения прослушивания их сообщений в радиоэфире финской разведкой.

В целом факты нарушения проводной связи на линии фронта были настолько частыми, что это потребовало от командования Ленинградским военным округом «особой директивы». В ней говорилось о необходимости «восстановления и охраны линий связи»⁴. Более того, 6 декабря последовало еще одно директивное распоряжение, призывавшее к более активному использованию именно радиоэфира⁵. Данное указание далее уточнялось и на более высоком уровне. Высшее военное руководство СССР потребовало «соблюдать секретность» и «не передавать секретных распоряжений по телефону», а «если будут передаваться по радио и телеграфу, то обязательно в зашифрованном виде»⁶.

Все это делало передачу секретной оперативной информации с помощью радиogramм одним из приоритетных форм армейской связи. К тому же 12 декабря последовала еще одна, новая директива Ставки. В ней говорилось о необходимости в действующих частях еще «шире использовать имеющиеся радиосредства» и «установить для подчиненных штабов и особенно при организации маршей время для работы радиостанций». Это указание распространялось вплоть «до командиров и политруков рот включительно». Кроме того, было приказано давать распоряжение командованию «на атаку обороняющегося противника заблаговременно»⁷. Безусловно, «заблаг-

¹ Тайны и уроки зимней войны 1939–1940. С. 148.

² Зимняя война 1939–1940. Кн. 2. С. 84; Зимняя война 1939–1940 гг. Исследования, документы, комментарии. С. 238, 249, 270.

³ Зимняя война 1939–1940. Кн. 2. С. 84.

⁴ Там же. С. 160.

⁵ Там же. С. 152.

⁶ Там же. С. 156, 184, 224.

⁷ Там же. С. 184.

временно», таким образом, об этом узнавали и в финских войсках. Все это к середине декабря, по информации, поступавшей высшему советскому руководству, делало радиосвязь крайне «перегруженной сведениями по различным направлениям», причем нередко дублирующего характера¹.

Таким образом, перехватить постоянно повторяющиеся сообщения становилось несложно. К тому же, по признанию советских командиров, «рацией владели плохо», а «шифровые отделы штабов» вообще «работали неудовлетворительно»². В результате состояние и формы передаваемой в частях Красной армии информации позволяли финской разведке своевременно перехватывать армейские сообщения и быстро их затем расшифровывать. Как следствие этого, финские войска получали возможность правильно и грамотно налаживать сопротивление наступающим частям.

Что же касается конкретных результатов деятельности финской радиоразведки, то ее достижения наблюдались еще накануне войны, поскольку финская радиоразведка опиралась на весьма хорошие технические возможности и на не менее хорошую подготовку ее сотрудников. В результате уже к середине 1930-х гг. в Финляндии криптоаналитикам удалось подобрать соответствующие ключи к важным средствам радиокommunikации войск Красной армии. Конкретно финской радиоразведке удалось расшифровать шифросистему советской военной радиосвязи, состоявшую из двухзначного принципа кодирования. Эта система, однако, была достаточно простой и считалась весьма легкой для расшифровки³. Затем в Финляндии удалось раскрыть методы шифрования более сложного трехзначного уровня, а далее взломать еще более трудный четырехномерной код шифрограмм. Данные результаты были достигнуты благодаря тому, что пункты радиоперехвата и пеленгаторные станции финское командование разместило по всей линии государственной границы с СССР, а сам радиоперехват стремились осуществлять круглосуточно⁴. В итоге

¹ Зимняя война 1939–1940 гг. Исследования, документы, комментарии. С. 313.

² Зимняя война 1939–1940. Кн. 2. С. 34, 83; Зимняя война 1939–1940 гг. Исследования, документы, комментарии. С. 543, 564.

³ Зорихин А. Г. Деятельность дешифровальных органов стран фашистского блока против СССР // Военно-исторический журнал. 2016. № 2. С. 56; Лайдинен Э. П., Веригин С. Г. Финская разведка против Советской России. С. 124, 212.

⁴ Лайдинен Э. П., Веригин С. Г. Финская разведка против Советской России. С. 126.

это позволило «опознавать различные радиостанции по голосам, почеркам и системе позывных».

Причем финская разведка, как считают отечественные и зарубежные исследователи, уже «в мирное время в полной мере научилась контролировать системы советской радиосвязи»¹. К тому же для разведки было важно, что дешифрованием занимались люди, которые хорошо владели русским языком². Эти достижения позволяли прочитывать сообщения, которые передавались по оперативной военной радиосвязи, но лишь по линии войскового управления дивизия — полк³. Именно это, как считают некоторые исследователи, «позволило финской стороне без промедления читать советские радиোগраммы на начальном этапе советско-финляндской войны»⁴.

Естественно, что начало войны резко повысило количество информации, получаемой финской радиоразведкой. Причем наиболее важным ее достижением стала возможность взломать наиболее сложный и практически универсальный для Красной армии «Общевойсковой командирский код — 5». Он применялся советскими войсками во многих боевых ситуациях. Это являлось безусловным успехом финского командования, и данное достижение, несомненно, являлось следствием разгоревшихся тогда боевых действий.

Более того, для финской разведки очевидным «подарком» стало то, что в районе Суомуссалми в декабре 1939 г. от убитого советского командира удалось заполучить оригинальную кодовую книгу⁵. Эта книга в командном составе 9-й армии, наступавшей на данном направлении, имелась только в восьми экземплярах⁶. Данный материал полностью раскрывал сложную систему пятизначного шифрования и, таким образом, оказался, вероятно, самым существенным трофеем, который был добыт с фронта финской разведкой⁷. Естественно, что эта важная информация сразу же была широко использована.

¹ Лайдинен Э. П., Веригин С. Г. Финская разведка против Советской России. С. 205. См.: Lehtonen L., Liene T., Manninen O. Sanomansiappaajia ja koodinmurtajia. Suomen radiotiedustelu sodassa. S. 57.

² Лайдинен Э. П., Веригин С. Г. Финская разведка против Советской России. С. 127.

³ Там же. С. 213; Lehtonen L., Liene T., Manninen O. Sanomansiappaajia ja koodinmurtajia. Suomen radiotiedustelu sodassa. S. 63.

⁴ Лайдинен Э. П., Веригин С. Г. Финская разведка против Советской России. С. 213.

⁵ Lehtonen L., Liene T., Manninen O. Sanomansiappaajia ja koodinmurtajia. Suomen radiotiedustelu sodassa. S. 62.

⁶ Зимняя война 1939–1940 гг. Исследования, документы, комментарии. С. 428.

⁷ Lehtonen L., Liene T., Manninen O. Sanomansiappaajia ja koodinmurtajia. Suomen radiotiedustelu sodassa. S. 62.

Теперь, опираясь на получаемые расшифрованные сведения, финское командование, в частности, сумело окружить 44-ю советскую стрелковую дивизию. А проведенные затем операции по разгрому этой дивизии, как считают некоторые исследователи, стали «самыми известными в мире сражениями зимней войны»¹.

Показательно, что когда в советском руководстве заметили «пропажу» кодовой книги, то не смогли вовремя кардинально изменить раскрытую тогда противником общую систему шифрования. Более того, в январе 1940 г. на Карельском перешейке финской разведке удалось добыть ключ к советской общевойсковой переговорной таблице (ОПТ-39). Это, по мнению сотрудников НКВД, давало возможность продолжать расшифровывать «существующий секретный код», используемый советским командованием². Модернизация, проводившаяся в советском шифровании в годы войны, как считают финские исследователи, не оказала серьезного влияния на расшифровку, поскольку существовавшие «тактические коды были еще настолько просты», что позволяло их легко взламывать³.

В целом финская радиоразведка играла весьма заметную роль в правильном определении текущих замыслов советского командования, и это, несомненно, влияло на общее неудачное развитие наступления частей Красной армии и вело к определенным срывам основных первоначальных планов СССР, связанных с организацией боевых действий против Финляндии в 1939 г.

Но не меньшим разочарованием для советского руководства стало то, как складывалась тогда международная ситуация вокруг СССР. Политический сценарий начала войны тоже стал разваливаться.

На политической арене

Неудачи, которые постигли советские войска в Финляндии, не могли не повлиять на внешнеполитическую обстановку, которая стала приобретать для Москвы весьма запутанный характер. В разрабатываемом накануне войны военно-политическом сценарии, как известно, большую роль играла именно политическая составляющая

¹ Раунио А., Килин Ю. Сражения зимней войны. С. 122, 140.

² Зимняя война 1939–1940 гг. Исследования, документы, комментарии. С. 561.

³ Lehtonen L., Liene T., Manninen O. Sanomansieppaajia ja koodinmurtajia. Suomen radiotiedustelu sodassa. S. 60.

подготовки вторжения советских войск на финскую территорию. Здесь ключевым моментом являлась необходимость сразу же после начала войны провозгласить образование «подлинного, народного правительства» Финляндии, работой над созданием которого активно занимались в СССР еще в ноябре 1939 г. Более того, даже успех военных операций в советском руководстве во многом связывался именно с необходимостью создания этого «правительства». В Москве учитывали некую перспективную иллюзию, что благодаря созданию марионеточного правительства будет повсеместная поддержка частей Красной армии финским населением.

Требовалась быстрая реализация данного проекта, поскольку, как тогда полагали, это позволило бы отвергнуть утверждение, что СССР совершил акт агрессии против Финляндии, так как Красная армия лишь оказывала бы «братскую помощь» восставшему против существующей власти финскому народу, а ее военные операции на финской территории сугубо оборонительного характера и направлены на то, чтобы предотвратить новые «провокации» на границе. В связи с этим войну с Финляндией в СССР так и не объявили. Поэтому в дипломатической переписке между сотрудниками Наркомата иностранных дел СССР начало войны определялось такими формулировками, как «вхождение советских войск в Финляндию», «военное продвижение» и т. д.¹

Изначально советским руководством предусматривалось с момента перехода границы частями Красной армии создать общее представление о начале в Финляндии «революционного движения». Вследствие этого 30 ноября 1939 г. средства массовой информации СССР передали заранее подготовленное обращение ЦК Коммунистической партии Финляндии к «трудовому народу». В нем действительно содержалось воззвание свергнуть существующее финское правительство, поскольку оно не может «оберегать национальные интересы», «защищать дело мира» и «является правительством поджигателей войны», и затем был выдвинут призыв образовать новые — истинно народные органы власти².

Все делалось очень быстро. Место, где решили официально провозгласить создание «народного правительства», было выбрано прямо рядом с границей на Карельском перешейке в курортном поселке

¹ Документы внешней политики. 1939 год. М., 1992. Т. XXII. Кн. 2. С. 396, 400.

² Правда. 1939, 30 нояб.

Терийоки (ныне город Зеленогорск), который тогда как нельзя лучше подходил для этой цели. Поэтому еще накануне начала войны, 29 ноября 1939 г., был отдан приказ начальника Особого отдела Ленинградского военного округа о создании специальной оперативной группы из 30 человек, которая должна была «после занятия передовыми частями Красной Армии населенного пункта Терийоки прибыть в Терийоки, занять все государственные здания»¹. Причем показательно, что эту оперативную группу НКВД нужно было подготовить к 12 часам ночи, хотя само распоряжение поступило в Особый отдел лишь в 23.45. Таким образом, данный приказ нужно было выполнить за 15 минут, что указывало, с какой поспешностью это распоряжение готовилось.

Самым же важным в этом документе являлось, как представляется, другое. Группе ставилась задача по прибытии в Терийоки «немедленно выбрать два лучших здания, освободить и привести в порядок». Далее же объяснялось, для чего это нужно сделать — «для размещения народного Финляндского правительства»². Таким образом, в советских спецорганах были хорошо проинформированы о том, что произойдет в Финляндии в момент начала войны. Из этого также явствует, насколько тогда была незначительна роль самих финских коммунистов в создании «народного правительства».

Кроме того, тогда же НКВД разработал план мероприятий «по охране Народного Правительства Финляндии», который был составлен начальником Управления НКВД по Ленинградской области С. А. Гоглидзе. Этот план показывал, как детально продумывалась сама операция. Объективно здесь речь шла об организации безопасности еще не провозглашенного и не существующего «правительства». Из плана видно, что 29 ноября было принято решение перевести один батальон 13-го мотострелкового полка оперативных войск НКВД в город Сестрорецк, то есть на границу с Финляндией. Этот батальон, где служило порядка 300 человек, с началом войны и захватом советскими войсками поселка Терийоки должен был срочно переместиться в данный населенный пункт, который с этого момента становился основным местом его дислокации. Силами этого батальона нужно было также обеспечить безопасность переезда членов будущего «правительства» в Терийоки³.

¹ Зимняя война 1939–1940 гг. в документах НКВД. С. 115.

² Там же.

³ Там же. С. 116.

Одновременно в указаниях С. А. Гоглидзе говорилось о необходимости организации правительственной связи для членов «народного правительства»¹. И вообще к контактам с будущим «народным правительством» в Терийоки в руководстве СССР относились весьма серьезно. Неслучайно даже начальник Главного политического управления РККА Л. З. Мехлис сообщал, что 1 декабря намерен лично «попасть в Терийоки, куда собирался приехать Куусинен»². Следовательно, все указывало на то, что место, где должна была размещаться временная резиденция «народного правительства», было заблаговременно определено в Москве.

Далее, на второй день войны, утром 1 декабря в поселок Терийоки вступили подразделения 70-й стрелковой дивизии³. Как лаконично было отмечено по этому поводу в военном дневнике Ставки Маннергейма, «II-й АК [армейский корпус. — В. Б.] на правом фланге противодействует наступлению противника. 1-й пехотный полк ко второй половине дня отошел на линию Сайайоки [западнее поселка Рошино. — В. Б.]. Терийоки оставлены»⁴. Так, добившись достаточно быстро первоначальной задачи, советскому руководству было важно как можно раньше доставить в Терийоки членов будущего «народного правительства», которое уже в полном составе находилось в это время в Ленинграде. Неслучайно поэтому председатель Ленинградского обкома и горкома партии А. А. Жданов в своей служебной записной книжке отметил: «Терийоки заняли утром. Деревья с проволокой... Железная дорога разобрана на 1½ километра»⁵. Иными словами, он обращал внимание на те препятствия, которые были созданы отступающими войсками и что могло помешать быстро добраться до поселка.

В целом, несмотря на то что оставленный финскими войсками Терийоки все же пострадал в ходе боевых действий, в нем сохранилось значительное количество жилых построек и общественных зданий, а также ряд небольших производственных и торговых предприятий.

¹ Зимняя война 1939–1940 гг. в документах НКВД. С. 116.

² РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1384. Л. 19, 27.

³ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 521. Л. 12; Бои в Финляндии. Воспоминания участников. Ч. 1. С. 65.

⁴ Цит. по: *Барышников Н. И., Барышников В. Н.* Рождение и крах «терийокского правительства» (1939–1940 гг.). СПб.; Хельсинки, 2003. С. 101–102.

⁵ Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 77. Оп. 3. Д. 163. Л. 5.

Населения там не было. Большинство его жителей уже заблаговременно, в октябре — ноябре 1939 г., было эвакуировано вглубь Финляндии. Тех же, кто еще остался в Терийоки, с началом войны 30 ноября также финские власти срочно вывезли, специально выделив для этого сразу три поезда¹.

Вот именно в такой обстановке 1 декабря во второй половине дня в Терийоки на автомашинах прибыли из Ленинграда О. В. Куусинен и все те, кто должен был участвовать в намечавшемся официальном провозглашении «народного правительства». Их безопасность, как и предполагалось, естественно, полностью обеспечивалась силами НКВД.

В результате сразу же по их приезде 1 декабря в Терийоки состоялось формальное «учредительное заседание», на котором в противовес официальному правительству Финляндии, находившемуся в Хельсинки, было провозглашено «народное правительство». Затем участники заседания утвердили приложенную к протоколу Декларацию². В ней конкретно указывалось, что образованное «правительство» «считает себя временным»³, но сообщалось о формировании первого «финского корпуса», который должен стать ядром «народной армии Финляндии», а также провозглашался курс на установление дружественных отношений с Советским Союзом. Это «правительство», как и предполагалось, возглавил председатель Коммунистической партии Финляндии О. В. Куусинен. Его «министрами» стали прежде всего «красные финны», эмигрировавшие ранее в СССР. Причем военным министром стал тоже бывший «красный финн» комдив РККА А. Анттила.

Разумеется, не все «министры» были хорошо известны в самой Финляндии⁴, а само распределение «министерских постов» носило формальный характер. В частности, поэт А. Эйкия, ставший «министром земледелия», вообще раньше не соприкасался с сельским хозяйством. Единственная женщина в составе «правительства» И. Лехтинен категорически возражала против того, чтобы возглавлять «министерство социальных дел», и ее назначили «министром просвещения». Нелепым являлось включение в состав «правительства» П. Прокконена (в действительности его фамилия Прокофьев), который стал «министром по делам Карелии». Он вообще никогда не был гражда-

¹ *Salokas W.* Terijoelta viimeisellä junalla // *Kun Suomi taisteli.* S. 27.

² РГАСПИ. Ф. 522. Оп. 1. Д. 46. Л. 1.

³ *Марков М.* Финляндия. М., 1940. С. 48.

⁴ См.: *Барышников Н. И., Барышников В. Н.* Рождение и крах «терийокского правительства» (1939—1940 гг.). С. 277—284.

нином Финляндии и ранее там не жил. Но на это тогда в Москве обращали мало внимания.

Далее, после первого своего заседания, вечером 1 декабря 1939 г., официальная информация о создании в Терийоки «народного правительства Финляндии» была срочно передана в части наступавших войск Красной армии¹. Одновременно эти сведения поступили еще и в средства массовой информации Советского Союза. Причем когда они передавалась по советскому радио, то давалось пояснение, что это является «радиоперехватом» и «переводом с финского». Как выяснилось позднее, это очевидное искажение являлась личным изобретением А. А. Жданова².

Но с другой стороны, изменения, которые произошли в самой Финляндии, где был образован новый кабинет, возглавляемый Р. Рюти, объективно создавали для советского руководства достаточно выгодную политическую ситуацию. Действительно, в данный момент возникла весьма запутанная политическая обстановка: правительство Рюти было сформировано в тот же самый день, когда и «народное правительство».

Характерно, что реакция за рубежом на произошедшие изменения тоже оказалась весьма любопытной. В большинстве лондонских газет, например, тогда расценивали сложившуюся обстановку как катастрофу для официальных финских властей, а Министерство иностранных дел Великобритании сочло, что Финляндия уже практически утрачена для западного мира³.

В этой ситуации для Советского Союза было важно с помощью «правительства Куусинена» максимально изолировать Финляндию от других государств и, наоборот, постараться добиться международного признания «народного правительства». И это казалось вполне достижимым. Из поступавшей тогда в Москву информации становилось ясно, что ни одно из государств не проявило желания оказывать действительную помощь Финляндии. В Наркомате иностранных дел отме-

¹ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 507. Л. 34.

² См.: *Барышников Н. И., Барышников В. Н.* Рождение и крах «терийокского правительства» (1939–1940 гг.). С. 113.

³ См.: *Nevakivi. J.* *Apu jota ei pyydetty.* S. 68–69. Документы внешней политики. 1939 год. Т. XXII. Кн. 2. С. 363–364, 418, 423, 444; Полпреды сообщают... Сборник документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией. Август 1939 — август 1940 г. С. 187–188, 206, 208; От пакта Молотова — Риббентропа до договора о базах: Документы и материалы. С. 213–214.

чали лишь усиление за рубежом антисоветских настроений, особенно после известия о создании «народного правительства». Заметными были и проявления страха у правительств малых европейских стран, граничивших с СССР¹.

Тем не менее политически начало войны создавало советскому руководству определенные надежды. Отдельные иностранные официальные представители в связи с начавшейся войной между СССР и Финляндией начали выражать заверения советским дипломатам в нейтралитете своих государств. В частности, 30 ноября шведское руководство уведомило советского полпреда А. М. Коллонтай о неизменном соблюдении их нейтрального курса в будущем. «За политику Швеции не беспокойтесь, — сказал ей премьер-министр П. А. Ханссон, — мы по традиции нейтральны»². В беседе с В. Н. Потемкиным 3 декабря французский посол в Москве П. Наджиар счел также необходимым подчеркнуть, что «Франция не имеет никаких интересов в Балтийском море». Касаясь Финляндии, французский дипломат выразил лишь «сожаление по поводу крутого оборота», который приняли отношения СССР с финнами³.

В этой ситуации в Советском Союзе, естественно, решили сделать первый шаг и официально признать «правительство» О. В. Куусинена. В результате руководство СССР приступило к действиям, призванным продемонстрировать, что в Москве не считают существующую в Хельсинки власть законной. В советской печати 5 декабря было опубликовано сообщение, что Верховный Совет СССР получил еще 1 декабря обращение от «финского народного правительства» предложение установить с Советским Союзом дипломатические отношения и Президиум Верховного Совета постановил «признать Народное Правительство Финляндии и установить дипломатические отношения»⁴. Еще до этого в средствах массовой информации СССР сообщалось, что 2 декабря Советский Союз уже заключил с «правительством» Куусинена Договор о взаимопомощи и дружбе⁵.

¹ Документы внешней политики. 1939 год. Т. XXII. Кн. 2. С. 363–364, 418, 423, 444; Полпреды сообщают... Сборник документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией. Август 1939 — август 1940 г. С. 187–188, 206, 208; От пакта Молотова — Риббентропа до договора о базах: Документы и материалы. С. 213–214.

² Цит. по: Коллонтай А. «Семь выстрелов» зимой 1939 года. С. 204.

³ Документы внешней политики. 1939 год. Т. XXII. Кн. 2. С. 360.

⁴ Правда. 1939, 5 дек.

⁵ Там же. 3 дек.

Все эти действия четко указывали на то, что в Москве образованию в Терийоки «правительства» придавали международное звучание. Уже 2 декабря, как сообщалось в советской печати, с «премьером народного правительства» в Москве прошли «переговоры». Участвовали в них Сталин, Молотов, Ворошилов и Жданов. Таким образом, мгновенно де-факто «народное правительство Финляндии» было признано в СССР на самом высоком уровне.

Кроме того, в Советском Союзе это «правительство» тогда же было признано и де-юре, поскольку сразу же по итогам «переговоров» с только что возникшей «Финляндской Демократической Республикой» СССР официально подписал Договор о дружбе и взаимопомощи. Как известно, все положения этого соглашения были выработаны и согласованы еще до войны. Теперь их нужно было как можно скорее и предельно официально декларировать. Поэтому неслучайно подписание договора состоялось непосредственно в Москве, а не, как ранее планировалось, в занятом советскими войсками в Финляндии городе Кексгольме (Кякисалми)¹. Это, естественно, затянуло бы процесс, да и Кексгольм, кстати, так и не был занят советскими войсками в ходе боевых действий «финской войны».

Очевидно, что со столь стремительным появлением данного договора и объявлением о признании «народного правительства», по идее советского руководства, менялся сам характер начавшейся войны. Дело в том, что в подписанном договоре содержалось еще одно важное положение, по которому стороны брали на себя обязательство оказывать друг другу помощь². В результате с этого момента части Красной армии уже не воевали с Финляндией, а оказывали «братскую помощь восставшему финскому народу». А что касается финского правительства Р. Рюти, то 4 декабря в средствах массовой информации СССР уже появились сведения, что оно «в неизвестных целях» покинуло Хельсинки³.

В целом в Москве всеми своими действиями показывали стремление решать важнейшие дипломатические вопросы только непосредственно с «правительством Куусинена». В частности, 7 декабря непосредственно «кабинету Куусинена» официально сообщалось об установлении Военно-морским флотом СССР блокады побережья

¹ Ныне город Приозерск.

² См.: Известия. 1939, 3 дек.

³ См.: Ленинградская правда. 1939, 4 дек.

Финляндии¹. Тем самым делались попытки создать за рубежом представление о реальной значимости «народного правительства».

Важным в данном случае могло стать официальное признание «народного правительства» другими странами. Однако возникал вопрос, какие страны могли поддержать данную линию СССР?

Здесь, конечно, не все было просто. Первое, что сразу бросалось в глаза, это то, что провозглашенное в Терийоки «правительство» «появилось ниоткуда», причем с декларируемой масштабной «миссией сделать Финляндию счастливой»². Это не могло не вызывать общего удивления и весьма критического отношения. Более того, законное правительство в Хельсинки открыто продемонстрировало свою дееспособность. С этой целью в финской столице 6 декабря, в День независимости, был организован официальный прием, на котором присутствовали члены правительства и были приглашены представители иностранных государств. Этот прием, несмотря на войну, проходил в центре города в фешенебельных апартаментах гостиницы «Кемп»³.

С другой стороны, в Наркомате иностранных дел поняли, что именно после сообщения о создании «народного правительства» за рубежом стало наблюдаться усиление антисоветских настроений. Как справедливо отметил известный финский исследователь, профессор К. Рентола, «если бы Советский Союз начал наступление без марионетного правительства, ссылаясь лишь на вопросы безопасности Ленинграда... положение было бы иным и на международной арене, и в самой Финляндии»⁴. Историк в данном случае имел в виду, что военная уязвимость Ленинграда была достаточно очевидной, в том числе и за рубежом⁵. Создание «народного правительства», естественно, приводило к тому, что за рубежом стало стремительно нарастать откровенное недоверие к СССР. Это особенно сильно проявлялось в руководстве соседних с СССР малых европейских государств⁶.

¹ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 93. Л. 16; АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 18. Д. 188. Л. 34.

² См.: *Tanner V. Olin ulkoministerinä talvisodan aikana*. S. 172.

³ См.: *Ibid.* S. 180.

⁴ *Rentola K. Stalin ja suomen kohtalo*. Hels., 2016. S. 33.

⁵ *Ibid.* S. 28.

⁶ Документы внешней политики СССР. С. 363–364, 418, 423, 444; Полпреды сообщают... Сборник документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией. Август 1939 — август 1940 гг. С. 187–188; От пакта Молотова — Риббентропа до договора о базах. Документы и материалы. С. 213–214.

Тем не менее буквально через день после подписанного с Куусиненом договора Молотов лично принял у себя шведского посланника в СССР О. В. Винтера и в беседе с ним окончательно развеял иллюзии о возможности установления каких-либо контактов с правительством Рюти, а также вообще отверг какие-либо перспективы прекращения военных действий. Подчеркивая значение для СССР нового «правительства» в Терийоки, Молотов со всей категоричностью заявил: «Мы считаем, что это определяет наше отношение к тем лицам, которые называют себя правительством Финляндии, но таковым не являются [кабинет Р. Рюти. — В. Б.]»¹. Указывалось также, что «Советский Союз не считает себя находящимся в состоянии войны с Финляндией» и «не претендует на финляндскую территорию»². Иными словами, советское руководство действовало строго в рамках того сценария, который был разработан еще до начала войны, четко воплощая его в жизнь.

В продолжение состоявшихся переговоров со шведским дипломатом 4 декабря Молотов сообщил и германскому послу Шуленбургу, что военные действия в Финляндии будут иметь место как помощь, оказываемая Красной армией «народному правительству Финляндии», и добавил: «...наши части планомерно и, как мы считаем, достаточно быстро продвигаются вперед»³. Одновременно 4 декабря сказанное Шуленбургу Молотов, по существу, официально еще раз подтвердил и Генеральному секретарю Лиги Наций Ж. Авенюлю. Это было сделано в ответ на приглашение участвовать в заседаниях Совета и Ассамблеи Лиги Наций, на которых должны были непосредственно рассматриваться «финляндские проблемы». Молотов в ответном письме Ж. Авенюлю вновь подтвердил, что «Советский Союз не находится в состоянии войны с Финляндией», а те военные операции, которые проводят части Красной армии, являются лишь помощью Финляндской Демократической Республике «для того, чтобы совместными усилиями возможно скорее ликвидировать опасный очаг войны, созданный в Финляндии ее прежними правителями». В заключение в письме говорилось, что советское правительство отказывается рассматривать «финляндский вопрос» в Лиге Наций и не собирается присутствовать этой связи на ее заседаниях⁴.

¹ Зимняя война. С. 218.

² Там же.

³ Документы внешней политики. 1939 год. Т. XXII. Кн. 2. С. 366.

⁴ Там же. С. 364–365.

Теперь уже ни у кого не могло быть сомнений, что Москва ни на какие мирные контакты с Хельсинки идти не намерена и целенаправленно собиралась проводить линию признания образованного в Терийоки «народного правительства Финляндии». Это подтверждалось еще и тем, что 4 декабря секретариат Исполкома Коминтерна направил зарубежным компартиям шифровку о необходимости организации кампании солидарности с «правительством О. Куусинена». В отправленном указании предлагалось подготовить «приветствие в адрес финского народного правительства и Красной Армии, подчеркивающее ее освободительную миссию»¹.

Но оставалась еще проблема, связанная с признанием «правительства Куусинена» за рубежом. Это, естественно, резко усилило бы политические позиции СССР на международной арене. Причем существовала перспектива возможного международного признания «народного правительства» странами Прибалтики. В Москве не могли не учитывать договоры СССР и Прибалтийских стран, подписанные накануне войны в Кремле. Также существовали особые надежды на эффективность советско-германского договора о ненападении, а точнее секретного протокола. Несомненно, советское руководство полагало, что Берлин сможет как-то поддержать «народное правительство» Финляндии на международной арене.

Эта уверенность подтверждается тем, что уже в первый день войны нарком иностранных дел В. М. Молотов решил «проинформировать» германского посла в СССР Ф. В. Шуленбурга, что «не исключено, что в Финляндии будет создано другое правительство — дружественное Советскому Союзу»². Однако прямого обращения к рейху с предложением признать провозглашенное в Терийоки «правительство» так и не последовало. Таким образом в Москве лишь обозначили перспективу возможных дальнейших переговоров по данному вопросу.

В СССР продолжали сомневаться в надежности заключенных с Германией договоров. К тому же, по мнению известного финского историка профессора М. Якобсона, в Берлине тоже могли полагать, что «уже заплатили Сталину гораздо дороже за то, чтобы не воевать на два фронта»³. Таким образом, как утверждает историк, в Германии не

¹ Коминтерн и Вторая мировая война. М. 1994. Ч. 1. С. 201.

² Документы внешней политики. 1939 год. С. 351; Зимняя война // Международная жизнь. 1989. № 12. С. 217.

³ *Jakobson M.* The Diplomacy of the Winter War. An Account of the Russo-Finnish War, 1939–1940. Cambridge; Massachusetts, 1961. P. 185.

собирались поддерживать какие-либо масштабные советские внешне-политические инициативы.

Тем не менее последние исследования этой проблемы показывают, что не все во внешней политике рейха было так однозначно, как это полагает М. Якобсон. Определенные перспективы в данном направлении у Москвы все же существовали. Как свидетельствует польский исследователь С. Дембски, 12 декабря в МИД Германии был получен запрос, который исходил от Г. Геринга, считавшегося в нацистском руководстве «куратором скандинавских вопросов». Он конкретно интересовался, «собирается ли германский МИД признавать “финское народное правительство”»¹. В немецком МИД, однако, дали вполне канцелярский ответ. В нем указывалось на то, что Берлин не собирается выступать с какими-либо инициативами по признанию «кабинета Куусинена». Герингу просто сказали, что «о существовании этого правительства мы формально ничего не знаем»². Это действительно «формально» было именно так. Москва никаких официальных переговоров с немецкими дипломатами по поводу действий германской стороны в отношении «правительства Куусинена» так и не стала вести. Как подчеркнули в нацистском МИД, «русские не требовали от нас нотификации по этому правительству»³.

Но тут очень важно понимать, как действовали бы в рейхе, если бы советское руководство все же решило обратиться с просьбой о признании «терийокского правительства»? В этом отношении линия немецкого МИД тоже была выработана вполне конкретная. В Берлине посчитали, что если СССР все же поставит этот вопрос, то «мы будем затягивать время с формулировкой своей позиции»⁴. Таким образом, в случае успешных операций Красной армии на финском фронте и официального обращения советского руководства к германской стороне Берлину ничего бы не оставалось, кроме как после проволочек признать «кабинет Куусинена».

Любопытными представляются и мнения, которые тогда высказывали американские дипломаты. В соответствии с перехваченным советской разведкой в конце декабря 1939 г. разговора в американском посольстве в Москве там обсуждали перспективу замены «народ-

¹ Дембский С. Между Берлином и Москвой. Германо-советские отношения в 1939–1941 гг. М., 2017. С. 324.

² Цит. по: Там же. С. 324.

³ Цит. по: Там же. С. 324–325.

⁴ Цит. по: Там же. С. 324.

ного правительства» на законный финский кабинет. Этот кабинет, по мнению американских дипломатов, мог бы возглавить умеренный буржуазный государственный деятель Финляндии Ю. К. Паасикиви, к которому, как утверждалось, Молотов «остается благосклонным». По сложившимся тогда представлениям второго секретаря американского посольства Чарльза Болена, именно таким образом «сохранился бы вид преемственности народного демократического правительства Финляндии и Советский Союз получил бы все то, что предусмотрено в договоре с правительством Куусинена»¹.

Но эта идея тоже, как известно, не получила развития. В целом было очевидно, что признание «правительства Куусинена» никоим образом не входило в планы Запада. Там существующую в Финляндии власть продолжали рассматривать в качестве единственной и законной. Однако и СССР этот вопрос тоже не поднимал.

Все, конечно, завесило от дальнейшего хода военных действий. Причем в Москве сохраняли некоторые надежды на будущую возможную дипломатическую поддержку Куусинену. Это хорошо заметно при изучении отношений, которые складывались у Советского Союза с тремя Прибалтийскими республиками. Существование у СССР военно-политических договоров со странами Прибалтики позволяло создавать условия для перспективы международной поддержки «терийокского правительства». К тому же некоторые исследователи даже утверждают, что советские дипломаты уже начали негласно побуждать прибалтов именно к этому дипломатическому шагу². Однако прямых доказательств такой политики Наркомата иностранных дел пока не обнаружено.

Единственным более заметным шагом здесь стало неофициальное заявление И. В. Сталина в момент визита в Москву главнокомандующего эстонской армией Й. Лайдонера, который с 11 по 12 декабря провел в столице СССР ряд официальных и неофициальных переговоров и лично встречался со Сталиным. С эстонским генералом действительно вели «прозрачные» беседы о «финском народном правительстве». Причем, как свидетельствуют источники, на Й. Лайдонера произвели большое впечатление слова И. В. Сталина, произнесенные им на торжественном ужине. Так, во время одного из тостов советский лидер неожиданно предложил эстонскому генералу выпить «за

¹ Зимняя война 1939–1940 гг. Исследования, документы, комментарии. С. 398.

² *Странга А.* Гибель государства // Даугава. 1990. № 5. С. 86.

независимость» и «народное правительство Финляндии»¹. Это, несомненно, потрясло Й. Лайдонера. Он явно почувствовал определенную опасность уже для своей страны.

Однако ход «финской войны» не создавал больших перспектив для международной деятельности «народного правительства». Части Красной армии наступали медленно. При этом, как заметил финский исследователь К. Рентола, функционирование «правительства Куусинена, основанного на идеологических представлениях и вере в быструю победу, которая позволила бы превратить театральное представление в реальность», не складывалось². Никакого восстания по мере продолжения войны в Финляндии не произошло. В этих условиях и новое «правительство», естественно, не получило никакой особой поддержки ни за рубежом, ни у финского населения.

Наоборот, официальная финская пропаганда, естественно, начала активно распространять информацию о том, что Советский Союз намеревается с помощью «правительства Куусинена» ликвидировать государственную независимость Финляндии³. Это, безусловно, лишь усиливало единство финского народа в начавшейся войне против СССР. В итоге образование «терийокского правительства» стало весьма негативно влиять на отношение к СССР как в широких кругах финской общественности, так и за рубежом, существенно осложняя для Советского Союза международную обстановку в условиях начавшейся войны. К тому же, поддерживая «правительство» Куусинена, Советский Союз отрезал всякие пути к возобновлению каких-либо мирных контактов с Хельсинки. Это на Западе могли почувствовать буквально сразу после появления договора с «Финской Народной Республикой».

В результате именно факт создания «народного правительства Финляндии» вызвал всплеск резкого осуждения СССР во всем мире. Несостоятельность замысла представить события так, будто бы в Финляндии развернулось широкое массовое движение против существующей

¹ Documents on German Foreign Policy 1918–1945. Ser. D (1937–1945). P. 687. Конкретно И. В. Сталин сказал следующее: «Я поднимаю свой бокал за здоровье честного и работающего финского народа, но я поднимаю бокал также за здоровье правительства демократической Финляндии» (см.: Вынужденный альянс. Советско-балтийские отношения и международный кризис 1939–1940 гг. Сборник документов. М., 2019. С. 188).

² *Rentola K.* Stalin ja suomen kohtalo. S. 33.

³ *Paasikivi J. K.* Toimintani Moskovassa ja Suomessa 1939–41. Os. I. S. 124.

шего строя, становилась в дальнейшем по мере продолжения войны и общей консолидации финского населения в борьбе против советских войск все более и более очевидной. Отказ руководства СССР вернуться за стол переговоров с финским правительством и создание своего марионеточного «кабинета Куусинена» вызывали усиление антисоветских настроений и квалифицировались зарубежной печатью как попытка СССР осуществить осужденную им прежде идею экспорта революции. В этом отношении Министерство иностранных дел Финляндии четко сообщило своим представительствам за рубежом, что «правительство Куусинена типичная затея Коминтерна», и предлагало решительно «протестовать против заключенного московского договора с Куусиненом»¹. Данное указание было вполне осуществимо. В донесениях, поступивших затем от финляндских посланников, отмечалось, что большинство зарубежных стран выразили поддержку официальному руководству Финляндии, а так называемое народное правительство воспринимается совершенно определенно как марионеточное. В числе сообщений была также информация, которая тогда поступила в Хельсинки из Берлина. Из нее финское руководство сделало вывод, что в рейхе продолжают оставаться «на финской стороне». В частности, в МИД докладывали, что «среди населения проявляются большое понимание и симпатии по отношению к нам». То же самое фиксировали финские представители и в Париже. Как сообщалось, во Франции вообще иронизировали по поводу мотивов отказа советского правительства участвовать в рассмотрении вопроса о конфликте с Финляндией в Лиге Наций. «Все смеются над ответом Молотова», — докладывали 6 декабря из финского представительства в Париже². Вместе с тем высказывалось общее мнение, что появление «правительства Куусинена» сделало весьма сложным мирное урегулирование конфликта с СССР³. В целом для Хельсинки по данному вопросу все было ясно. В сообщении МИД от 13 декабря, адресованном дипломатическим представительствам в Финляндии, пояснялось, что с финляндской государственной точки зрения «вообще нет оснований вести речь о “правительстве” Куусинена»⁴.

¹ УМ. 109 В 5 а. Телеграмма МИД дипломатическим представительствам Финляндии в различных странах, 6.12.1939; Телеграмма МИД представительству Финляндии в Вашингтоне, 3.12.1939.

² Ibid. 109, В2а. Pariisin-lähetystön sähke, 6.12.1939.

³ Ibid. 109, С. 1. Berlinin-lähetystön raportti, 7.12.1939.

⁴ Ibid. 109, В 5 а.

Таким образом, идея советского руководства, связанная с созданием «финского народного правительства», потерпела политический крах. Первоначальный сценарий быстрого и победоносного окончания войны, при которой к власти так же быстро пришли бы финские коммунисты, ставшие при этом грантами победы, оказался не реализован. «Терийокское правительство» оставалось, но практического позитивного для советского руководства результата от его «работы» становилось все меньше и меньше.

Вся последующая деятельность «народного правительства» объективно ограничивалась только теми территориями, которые контролировали советские войска. Так, после подписания О. В. Куусиненом договора и его возвращения из Москвы в Терийоки внешне могло показаться, что работа «правительства» даже несколько активизировалась. Но фактически большинство его «министров» не имели реального «фронта работ». Куусинен, как вспоминали члены «правительства», делал почти все сам. «Мы же, — отмечал член “кабинета” Т. Лехен, — изо дня в день сидели вместе и обсуждали...»¹

Естественно, на заседаниях «правительства», проводившихся Куусиненом, приходилось в основном рассматривать вопросы «общезначимого характера». Протоколов в большинстве случаев вообще не велось. Следующее после официального провозглашения «кабинета» запротоколированное заседание состоялось лишь спустя десять дней — 21 декабря. Из составленного протокола видно, что «правительство» приняло решение направить И. В. Сталину приветственную телеграмму по случаю его 60-летия². Этот шаг членов «правительства» говорил лишь только о том, что каких-либо серьезных, кардинальных вопросов «кабинет» в Терийоки не решал. Все сводилось к чисто внешним, показным мероприятиям.

В тот период основным являлось участие членов «кабинета» в налаживании издания пропагандистских газет на финском языке. Выпуск их начал осуществляться на базе полиграфических предприятий Ленинграда, а куратором в области издательской деятельности стал «министр внутренних дел» Тууре Лехен³. И вначале финские газеты, издававшиеся «правительством» Куусинена, выходили весьма большим тиражом. Он доходил до 80 тысяч экземпляров. Но затем

¹ Kansan Uutiset, 1984, 22.12.

² РГАСПИ. Ф. 522. Оп. 1. Д. 46. Л. 2.

³ РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 894. Л. 5.

постепенно произошло его снижение до 15 тысяч, а в конце декабря вообще до 5 тысяч экземпляров¹. Основной причиной этого являлось то, что газеты «не доходили до своего читателя»: на территории, занятой Красной армией, почти не было населения. А именно ему и должно было предназначаться в первую очередь то, что издавалось. Перебрасывание газет с помощью авиации в тыловые районы Финляндии не давало особого результата. Чаще всего у читавших эти материалы появлялась отрицательная реакция по отношению к «народному правительству»². Действительно, многие из положений, содержащихся как в этих газетах, так и в пропагандистских листовках, не имели для финского населения никакой притягательной силы³.

Если говорить о реальной практической работе «кабинета» Куусинена, то здесь наибольшей конкретностью и целеустремленностью отличалась, пожалуй, деятельность «военного министра» А. Анттила. Под его руководством шел процесс наращивания численности войск «народной армии» и подготовки ее частей к боевым действиям. Конкретно еще до начала войны, в течение 29–30 ноября, уже созданные заранее в Петрозаводске воинские формирования начали перебрасываться в Ленинград, а затем непосредственно на Карельский перешеек.

Именно там начал функционировать штаб 1-го корпуса «народной армии», который создавался на базе ранее образованного в Петрозаводске управления 106-й стрелковой дивизии. Командование корпуса разместили на восточной окраине Терийоки, в самом корпусе тогда развернули две дивизии. Однако эти части заняли позиции во втором эшелоне советских войск и поэтому ни в каких боевых действиях не принимали участия. Их, очевидно, готовили к финальной стадии войны, когда в Хельсинки, как говорилось в Декларации «правительства Куусинена», нужно будет «знамя Финляндской демократической республики... водрузить... на крыше президентского дворца, на радость трудящимся...»⁴. Тем не менее ряд подразделений «финской народной армии» дислоцировался на Крайнем Севере, а также в Карелии. Но поскольку Терийоки являлся местом пребывания «военного министра» и командующего 1-го корпуса «народной

¹ РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 894. Л. 5.

² *Mustonen T.* Sota ilman aseita // *Maailma ja Me.* 1989. № 9. S. 74.

³ *Julkunen M.* Talvisodan kuva. Ulkomaisten sotakirjeenvaihtaja kuvaukset Suomesta 1939–40. Hels., 1975. S. 167.

⁴ Цит. по: *Марков М.* Финляндия. С. 48.

армии» А. Анттилы, то именно здесь сосредоточилось все управление ее войсками.

Первая встреча членов «народного правительства» с командно-политическим составом корпуса состоялась 16 декабря. О. В. Куусинен изложил в своем докладе задачи «правительства» и «армии»¹. Встречи, на которых должны были присутствовать члены «народного правительства», естественно, были заранее спланированы².

Но особое внимание уделялось подготовке к принятию солдатами и командирами частей корпуса военной присяги. В результате этого акта должно было фактически измениться положение военнослужащих. Из граждан СССР, призванных в армию на советской территории, они автоматически становились гражданами «зарубежного государства». Сам процесс подготовки текста «Военной присяги Народной армии Финляндии» тоже был весьма показателен. Этим опять-таки непосредственно занимались не «красные финны», а А. А. Жданов. Им за основу было взято содержание «Военной присяги РККА» и заменены лишь отдельные фразы. Вместо «СССР» и «РККА» указывались соответственно «Финляндская Демократическая Республика» и «Финская Народная армия», а слово «трудящиеся» заменялось «народом»³.

Формально вопрос о присяге окончательно рассматривался 22 декабря на очередном и последнем запротоколированном заседании «народного правительства». На этот раз на нем выступил А. Анттила. Он просто предложил утвердить положение о военнообязанных для службы в «финской народной армии» и, собственно, текст присяги⁴. Естественно, эти формальные процедурные моменты не потребовали большой затраты времени. Вскоре проходило уже общее принятие присяги в войсках «финской народной армии».

Однако все эти действия были оторваны от реальной обстановки в самой Финляндии. Более того, на той части Карельского перешейка, который был занят советскими войсками, как известно, практически отсутствовало гражданское население. В результате ни о какой конкретной деятельности министров «народного правительства» среди населения не могло быть и речи.

¹ РГВА. Ф. 34980. Оп. 9. Д. 1. Л. 12.

² РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 891. Л. 1.

³ Там же. Оп. 3. Д. 163. Л. 120.

⁴ РГАСПИ. Ф. 522. Оп. 1. Д. 46. Л. 4–7.

Несколько иначе, тем не менее, дело обстояло в Карелии и Заполярье, где наступали 8, 9 и 14-я армии. Там в некоторых районах финские жители не эвакуировались. В начале войны они не смогли или отказались выехать из прифронтовой зоны при отходе финских войск¹ и в результате теперь превратились в «подданных народного правительства». Поэтому вся последующая работа с этим населением осуществлялась уже под руководством прибывшего туда «министра по делам Карелии» П. Прокконена. В итоге довольно стремительно там образовались новые органы местной власти², которые должны были решать прежде всего самые насущные вопросы, связанные с экономической жизнью местного населения.

При этом следует учитывать, что все мероприятия, проводившиеся с местными жителями на занятой советскими войсками финской территории, осуществлялись по единой программе. О ходе проводимой там работы регулярно информировали А. А. Жданова. Он продолжал играть весьма активную роль. Что же касается Прокконена, то по результатам своей поездки в Карелию он составил для Куусинена специальную справку. К 22 декабря, отмечалось в ней в частности, образовано 10 комитетов «трудового народного фронта». Кроме того, Прокконен сообщил, что он также занимался решением проблем по «пополнению полков Народной Армии, находящихся в Восточной Финляндии и в районе Карелии». Указывалось при этом, что уже «призвано 720 человек», но добровольцев из карелов и финнов оказалось всего 62 человека³. Это свидетельствовало о том, что ситуация для «правительства» по данному направлению была далеко не самой перспективной.

Проведение «правительством» пропагандистских мероприятий, решение вопросов, связанных с увеличением численности «народной армии», и, наконец, преодоление проблем, касающихся создания местных органов власти в восточной части финской Карелии, становились все более и более сложным делом. К тому же продвижение советских войск ко второй половине декабря не только было приостановлено, но наступавшим пришлось вскоре отойти в районах Толварви — Иломанси и Суомуссалми, понеся ощутимые потери. Это являлось ударом и для «народного правительства», деятельность кото-

¹ Helsingin Sanomat. 1990, 9.9.

² Карельский государственный архив новейшей истории. Ф. 3. Оп. 5. Д. 278. Л. 9.

³ РГАСПИ. Ф. 522. Оп. 1. Д. 46. Л. 17.

рого не получила в конечном результате дальнейшего развития. Таким образом, первоначальный политический сценарий советского руководства, касающийся войны с Финляндией, тоже потерпел неудачу.

Лига Наций и Советско-финляндская война

В международных отношениях после первых дней общей неясности политической обстановки все достаточно быстро определилось. Запад, конечно, без всяких колебаний принял сторону Финляндии. И этого следовало ожидать. Для СССР негативная реакция западных держав, конечно, не являлась неожиданной. Советские дипломаты считали, что это «в порядке вещей»¹. Но первые выступления против войны усиливались, а антисоветская волна, начавшаяся тогда за рубежом, стала только нарастать. Она была намного мощнее, чем во время вступления Красной армии на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии или размещения советских военных гарнизонов в Прибалтике. 11 декабря в донесении Молотову полпред в Лондоне И. Майский отмечал: «Подведя итоги развитию советско-английских отношений за минувшие три с половиной месяца, необходимо констатировать их серьезное ухудшение»². Далее советский полпред обратил внимание на речь Э. Галифакса, произнесенную им 5 декабря в британском парламенте. В ней, как заметил Майский, министр иностранных дел Великобритании «выступил против СССР с еще небывалой для него резкостью»³. Подобного рода новости поступали и из других советских представительств за рубежом. Из Парижа, в частности, сообщалось: «Мы сейчас зачислены в число прямых врагов». При этом подчеркивалось, что «больше всего ярости вызвало появление на сцене правительства Куусинена». Советский полпред во Франции Я. Суриц придерживался мнения, что создание «народного правительства» произвело впечатление «даже большее, чем сами военные действия»⁴.

Иными словами, образование «правительства Куусинена» явно имело обратный эффект, далеко не тот, на который рассчитывали в Москве. Создание «народного правительства» привело лишь к уси-

¹ Полпреды сообщают... С. 188.

² Документы внешней политики. 1939 год. Т. XXII. Кн. 2. С. 201.

³ Там же. С. 394.

⁴ Там же. С. 634.

лению изоляции СССР на международной арене и росту поддержки Финляндии.

Тем не менее и в Хельсинки наконец увидели всю глубину тех последствий, которые были вызваны началом войны. Там стали понимать, что эта война оказалась во многом прямым следствием их неудачной внешней политики в отношении СССР. В этих условиях Финляндия стремилась просто «отыграть все назад» и вновь вернуться за стол переговоров. Но поскольку возможные дипломатические связи с Москвой были утрачены, оставалось лишь одно — обратиться в деле мирного урегулирования к посредническим услугам ведущих государств Запада. В результате 7 декабря новый министр иностранных дел В. Таннер подписал обращение финского правительства к Соединенным Штатам Америки. В нем содержалась просьба, чтобы США выступили посредником и стали представлять интересы Финляндии в СССР¹.

Но главную ставку в Хельсинки по-прежнему делали на Третий рейх. Уже 5 декабря на заседании финского государственного совета был поставлен вопрос о необходимости сделать Берлину официальное предложение взять на себя посредничество в мирном урегулировании конфликта². В этих целях выдвигалась идея установить контакты либо непосредственно с А. Гитлером, либо с Г. Герингом. Кроме того, 6 декабря финский МИД направил телеграмму в свое представительство в Будапеште. В ней говорилось: «Попытайтесь повлиять на правительство, чтобы с его помощью в Германии и в государствах Южной Европы поддержали стремление Финляндии продолжить переговоры с Советским Союзом».

В развитии выдвинутых задач 11 декабря финский посланник А. Вуоримаа посетил германский МИД и рассказал о выдвигаемых Советским Союзом требованиях на осенних переговорах в Москве, а также изложил финскую точку зрения. Как свидетельствуют немецкие документы Министерства иностранных дел, «Вуоримаа сказал, что он имеет только указание передать эти соображения. Никаких пояснений к этому он не сделал»³.

Скорее всего, это было вызвано стремлением найти в Берлине поддержку финской позиции. В пользу этого также говорило то, что

¹ UM. 109, С. 1. Budapestin-lähetystön sähke, 6.12.1939; UM — Prokope. 7.12.1939.

² KA. A. E. Tudeerin kokoelma. Pöytäkirjoja valtioneuvoston, 5.12.1939.

³ Ibid. AA SS, Finland, 11.12.1939. B 003265.

через день тесно связанный в Германии с финскими дипломатами посланник Венгрии встретился с И. Риббентропом, чтобы обсудить финляндскую проблему. Он пытался убедить имперского министра поспособствовать тому, чтобы «Германия провела переговоры об урегулировании отношений между Россией и Финляндией». Поясняя данную инициативу, венгерский посланник уточнял: «Сейчас финны желают удовлетворить требования русских и заключить мир с Россией»¹. Однако Риббентроп уклонился от такой миссии.

Вместе с тем в Хельсинки все решительнее стали раздаваться голоса о необходимости отправить в Германию специального представителя, который взял бы на себя функцию проведения с немецким руководством переговоров относительно войны. В частности, известный политический и общественный деятель, писательница Х. Вуолийоки настойчиво ставила вопрос о том, чтобы именно ей разрешили выезд в Германию с целью «добиваться посредничества для достижения мира»². Однако в Берлин был отправлен более именитый и известный политик — бывший премьер-министр Финляндии Т. Кивимяки. Эту поездку санкционировал лично Р. Рюти. В результате действительно Кивимяки смог встретиться с Г. Герингом, но вопрос о посредничестве так и не был решен. Разговор свелся лишь к возможности в целях оказания Финляндии помощи в войне организовать неофициальные поставки в страну немецкого вооружения³. Таким образом, хотя в Хельсинки и почувствовали определенные симпатии со стороны Берлина, идея с германским посредничеством не была реализована.

Не удалось также использовать в качестве возможных посредников и страны Прибалтики. Во время визита в Москву 11–12 декабря главнокомандующего Вооруженными силами Эстонии генерала Й. Лайдонера, который, как известно, имел личную беседу со Сталиным, он от имени президента Эстонии предложил помощь в мирном разрешении конфликта с Финляндией⁴. Однако Сталин не принял предложение и лишь подчеркнул, что СССР вовсе не имел намерений осуществить «захват Финляндии»⁵.

Таким образом, инициативы Финляндии наталкивались на серьезные препятствия. Об этом также можно судить по тому, что для

¹ Documents on German Foreign Policy. Ser. D. Vol. VIII. P. 529–530.

² KA. Kivimäen T.M. kokoelma, 3. T. M. Kivimäki kertanut, 4.4.1960.

³ *Kivimäki T. M. Suomalaisen poliitikon muistelmat*. S. 124–125.

⁴ *Zatis V. Talvisota ja Baltian entente // Historiallinen Arkisto*. 1991. № 95. S. 305–306.

⁵ Полпреды сообщают... С. 203.

налаживания мирных переговоров с Советским Союзом в Хельсинки решили использовать также каналы Лиги Наций.

Эта международная организация с самого начала войны энергично включилась в обсуждение конфликта между СССР и Финляндией. В результате в финском руководстве возникла надежда, что из Женевы могут повлиять на Москву. Более того, В. Таннер на заседании Государственного совета высказался за то, чтобы перед тем, как отправить в Лигу Наций обращение Финляндии с просьбой помочь организовать начало мирных переговоров, опубликовать предложение об этом в финской печати¹. В конечном счете в развитие данного предложения в Женеву ушла секретная телеграмма. Она была адресована финляндскому представителю в этой организации. В телеграмме говорилось: «Считаем целесообразным проводить следующую линию: вы должны просить Лигу относительно требования вывода войск и начала переговоров»².

Что касалось руководства Лиги Наций, то оно занимало еще более жесткую позицию, чем та, на которую рассчитывали в правительственных кругах Хельсинки. Опираясь на более раннее обращение Финляндии от 3 декабря 1939 г. относительно необходимости «принятия мер к агрессору»³, Генеральный секретарь Лиги Наций Ж. Авеноль развил невероятно кипучую деятельность. Вся его работа была направлена на то, чтобы, используя международный статус этой организации, добиться не мирного разрешения советско-финляндского конфликта, а напротив, принять жесткие решения, вплоть до исключения СССР из числа членов Лиги.

Тем временем представитель Финляндии в Женеве Р. Холсти 9 декабря посетил заместителя Генерального секретаря Лиги Наций Т. Агнидеса и, руководствуясь последней полученной из Хельсинки инструкцией, выразил надежду, что эта международная организация все же сможет выступить в качестве посредника в переговорах с СССР⁴. Но новая финская инициатива не получила никакой реальной поддержки. В Женеве решили, что Финляндия просто не учитывает всей складывающейся в данный момент международной обстановки.

Отсутствие желания у руководства Лиги Наций действительно взять на себя миротворческую роль совпало с категорическим проти-

¹ КА. А. Е. Tudeerin kokoelma. Pöytäkirjoja valtioneuvoston, 5.12.1939.

² УМ. 109, В2а. Sähke UM — Geneven-lähetystö, 9.12.1939.

³ Ibid. 15, Assamblee 20. Ilmoitus Genevestä, 3.12.1939; Suomen sinivalkoinen kirja. S. 74.

⁴ См.: Ходнев А. С. Закат Лиги Наций // Вопросы истории. 1993. № 9. С. 171.

водействием советской стороны. В Москве в это время открыто выступали против любого вмешательства извне в конфликт между СССР и Финляндией. Негативная реакция Советского Союза на любые инициативы Лиги Наций, очевидно, была связана еще и с резким падением значения Лиги в решении многих международных вопросов.

Международная роль этой организации стремительно сокращалась. Показательно, что, например, в начале Второй мировой войны Лига Наций не смогла собраться и обсудить на своей Ассамблее или на заседании Совета вопрос о принятии каких-либо срочных мер, вызванных войной. Это происходило несмотря на то, что именно для этого в 1919 г. данная организация, собственно, и создавалась. Тем не менее в декабре 1939 г. руководство Лиги, наоборот, принялось активно рассматривать локальный финляндский вопрос, и это делалось в условиях, когда в Европе перестали существовать несколько государств, а на континенте бушевала мировая война.

В такой ситуации жертвы германской агрессии — Чехословакия и Польша, сохранившие своих представителей в Женеве, вправе были тоже потребовать рассмотрения в Лиге Наций их проблем. И это казалось вполне реальным. Неслучайно возможность подобного развития событий в женевском Дворце Наций вынудила вмешаться в данный процесс рейх. 4 декабря Берлин направил в свое представительство в Швейцарии телеграмму, в которой отмечалось, что если на Ассамблее Лиги «будут подняты вопросы Польши и Чехословакии, а Англия и Франция используют Совет и Ассамблею против Германии», то Берлин будет это рассматривать как недружественный жест со стороны правительства Швейцарии, на территории которой проводится такое мероприятие¹. Накануне рассмотрения вопроса об остром советско-финляндском конфликте указание, дававшееся рейхом своим дипломатам в Швейцарии, звучало просто угрожающе.

Тем не менее никто проблему Польши и Чехословакии в Женеве не стремился изучить. Наоборот, 9 декабря в половине шестого вечера состоялось заседание Совета Лиги Наций исключительно по финляндскому вопросу. Оно проходило под председательством бельгийца графа К. де Виара, который изложил суть первоначального финляндского обращения в Лигу, а также сообщил о реакции советского правительства на приглашение обсудить возникшую проблему. Затем слово получил представитель Финляндии Р. Холсти, который

¹ Ходнев А. С. Закат Лиги Наций // Вопросы истории. 1993. № 9. С. 171.

фактически повторил обвинения в адрес СССР. Показательным было то, что вопроса о посреднической инициативе Лиги Наций в целях прекращения начавшейся войны Холсти больше так и не коснулся¹. Наоборот, на заседании Лиги Наций он стал подчеркивать совсем другое. Представитель Финляндии в этой организации прямо указывал, что «народу Финляндии нужна вся возможная практическая поддержка и помощь, а не только ободряющие слова»². Причем речь шла о военной помощи, поскольку, как подчеркнул Холсти, «мы не можем защищать народ Финляндии от пуль, гранат, осколков снарядов и газа³ международными решениями»⁴. Таким образом, «финляндский вопрос» рассматривался четко по той схеме, которую уже наметили в руководстве Лиги.

После выступления Холсти было принято постановление вынести рассмотрение «финляндского вопроса» на обсуждение Ассамблеи. Таким образом, даже чисто формальную функцию посредника в деле прекращения войны Лига Наций рассматривать не стала. Она просто сняла с себя всякую ответственность в вопросе о посредничестве. С этого момента стало ясно, что будет осуществлен план демонстративного разрыва этой организации с Советским Союзом.

В результате Финляндия оказалась соучастником перекрытия важного дипломатического канала, с помощью которого следовало предпринять усилия для прекращения войны. Так уже в самом начале войны идея возможности начала мирных переговоров была откровенно похоронена в Женеве. Причем прямо в кабинетах Лиги Наций. По этому поводу довольно прямо высказывался, в частности, представитель Швеции Э. Унден, прибывший в Женеву 10 декабря. Как сообщал Холсти, «канцлер Унден был очень неудовлетворен» постановкой Финляндией вопроса о созыве Совета и Ассамблеи Лиги Наций⁵. Естественно, Унден выражал точку зрения своего правительства, которое

¹ UM. 15, Couseil, 106. Raportti Genevestä, 11.12.1939.

² Suomen sinivalkoinen kirja. S. 90.

³ Упоминание Холсти в Лиге Наций о том, что Советский Союз применял в войне против Финляндии боевые отравляющие вещества (газы), явно было рассчитано на то, чтобы усилить на Западе ненависть по отношению к СССР и добиться его максимальной дипломатической изоляции, поскольку, как известно, Красная армия не использовала в «финской войне» оружие массового поражения, включая, конечно, и боевые отравляющие газы.

⁴ Suomen sinivalkoinen kirja. S. 90.

⁵ KA. R. Holstin kokoelma, 68. Holstin raportti, 16.12.1939.

почувствовало, что действия Финляндии в Лиге Наций не способствовали поиску путей к скорейшему завершению войны.

По информации, которая тогда пришла из Женевы, в Хельсинки стало хорошо понятно, что на заседании Ассамблеи намечено рассмотреть три вопроса: о признании СССР агрессором, об исключении его из Лиги Наций и о материальной помощи Финляндии¹. Именно в такой последовательности и шло реальное обсуждение. Опять выступил Р. Холсти. Анализируя его речь, И. И. Майский в своем дневнике отметил, что «Холсти произнес резкую филиппику против СССР»². Иного от финляндских представителей в Москве и не ожидали. Избранный на Ассамблею «Комитет тринадцати» для рассмотрения финляндско-советских отношений сформировали таким образом, что было трудно рассчитывать на его способность уладить возникший конфликт мирным путем. Ряд стран, представители которых вошли в Комитет, даже не имели дипломатических отношений с СССР, что, естественно, сразу заметили советские представители³.

12 декабря от «Комитета тринадцати» в Москве было получено специальное обращение, содержащее призыв «прекратить военные действия и начать при посредничестве Ассамблеи немедленные переговоры для восстановления мира»⁴. На ответ советской стороне отводился один день. Это показывало, что в Женеве вряд ли ожидали положительной реакции Советского Союза, но стремились создать видимость желания уладить конфликт мирным путем. То, что происходило тогда в Лиге Наций, было хорошим доказательством, что все решения уже были приняты заранее. Отлично знавший «кухню» Лиги И. И. Майский отметил в этот день: «Не сегодня завтра ожидается решение... Вероятно, принято будет “исключение”»⁵.

В последовавшем из Москвы ответе Молотова весьма сухо сообщалось, что правительство СССР «не считает возможным» принять предложение Комитета⁶. Таким образом, в Москве не собирались менять свою позицию и не выражали беспокойства по поводу того, что про-

¹ УМ. 109. В2а. А. Pakaslahden muistio, 10.12.1939.

² Документы внешней политики. Т. XXII. Кн. 2. С. 413.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 401; УМ, 15. League of Nations Assembly. Appeal by the Finnish Government.

⁵ Документы внешней политики. Т. XXII. Кн. 2. С. 400.

⁶ Там же. С. 401; УМ, 15. League of Nations Assambly. Appeal by the Finnish Government.

изоидет окончательный разрыв с Лигой Наций. Но, с другой стороны, пока не было очевидно, что страны Запада готовы оказать эффективную поддержку Финляндии и помочь ей в вооруженной борьбе против Советского Союза.

В таких условиях говорить о возможном прекращении войны было просто нереально. В лучшем случае в Хельсинки могли рассчитывать, не прекращая своих военных действий, на получение какой-либо неопределенной пока еще помощи от стран Запада. Причем, конечно, Лига Наций как международная организация осуществлять военные поставки и, конечно, направлять в Финляндию войска не могла. Ее задача заключалась в том, чтобы начать активное содействие в организации помощи, которая касалась всевозможных форм политической, экономической, военной, а также моральной поддержки финского руководства.

В результате в принятой на Ассамблее резолюции отмечалось, что Советский Союз «не только грубо нарушил положения Лиги, но своими действиями поставил себя вне Лиги Наций». По поводу образования «народного правительства Финляндии» указывалось, что оно «ни де-юре, ни де-факто не было признано народом Финляндии»¹. Разрывая отношения с Советским Союзом, Лига Наций одновременно призывала всех членов Лиги оказывать всемерную поддержку Финляндии.

Против этого решения не проголосовал никто. Несколько государств просто воздержались. Это, однако, позволило окончательно решить вопрос об исключении СССР. Данную проблему вновь поставили на обсуждение Совета Лиги, персональный состав которого, однако, несколько изменился. Теперь в нем усилились позиции сторонников решительных действий, направленных против Советского Союза. В конечном итоге 14 декабря Совет Лиги Наций принял решение об исключении СССР из числа ее членов².

С юридической точки зрения данное решение было довольно уязвимым. На что сразу же отреагировали в Советском Союзе. В сообщении ТАСС отмечалось: «Как известно, Совет Лиги Наций состоит из 15 членов, за резолюцию же об “исключении” СССР было подано только 7 голосов из числа этих 15, то есть резолюция принята меньшинством членов Совета Лиги Наций. Остальные 8 членов Совета

¹ См.: UM. 15. League of Nations Assembly. Appeal by the Finnish Government.

² Suomen sinivalkoinen kirja. S. 109.

относятся либо к числу воздержавшихся, либо к числу отсутствовавших...» Подача менее пятидесяти процентов голосов членов Совета формально не позволяла исключить СССР из состава данной международной организации. В силу этого советское руководство решило сообщить через свои средства массовой информации, что в Москве сочли возможным самым порвать с Лигой Наций и уйти от «моральной ответственности» за ее дела. Как говорилось в заявлении, СССР желает «иметь отныне свободные руки»¹. Такое решение избавляло советских дипломатов от излишних осложнений, связанных с какой-либо деятельностью в Лиге Наций. 15 декабря И. И. Майский записал в своем дневнике по поводу произошедшего в Женеве: «Плакать нечего! Пожалуй, это может даже оказаться для нас выгодным»².

Однако исключение Советского Союза из Лиги Наций таило для Москвы и серьезную опасность. СССР оказывался в еще большей международной изоляции. Такое решение также способствовало расширению возможностей для Запада направить в Финляндию самую разнообразную военную помощь. Причем даже Эстония, Латвия и Литва, на которых Запад смотрел тогда как на «русских агентов», не решались выступать против решений Лиги Наций. Это не могло не озадачить советское руководство³.

Находившийся в это время в Женеве советский дипломат Я. Суриц телеграфировал в Москву относительно атмосферы, которая царила на заседаниях Лиги Наций. «Здесь я застал, — сообщал он 14 декабря, — такую картину: антисоветская волна продолжает стоять очень высоко...» При этом он считал необходимым весьма серьезно предостеречь: «Мы, бесспорно, подходим к поворотному моменту в отношениях между Францией, Англией и СССР»⁴.

В соответствии с принятыми в Женеве решениями теперь перед финской дипломатией вставала первоочередная задача: опираясь на вердикт Лиги, добиться получения как можно более обширной и всесторонней помощи от зарубежных государств. Оценивая решение Совета Лиги Наций, президент Финляндии К. Каллио в своем обращении 17 декабря к вооруженным силам выразил надежду на помощь извне: «Мы глубоко удовлетворены этим постановлением и продол-

¹ Известия. 1939. 16 дек.

² Документы внешней политики. Т. XXII. Кн. 2. С. 414.

³ *Zatis V. Talvisota ja Baltian entente* S. 301–303.

⁴ Документы внешней политики. Т. XXII. Кн. 2. С. 408.

жаем ожидать, к каким мерам прибегнут государства — члены Лиги Наций против агрессии»¹.

С самого начала войны финские дипломаты действительно искали возможность получения иностранной помощи в виде боевой техники, оружия и боеприпасов. Весьма активно действовал в этом направлении посланник Финляндии в Вашингтоне Х. Прокопé, стремившийся договориться относительно закупки оружия в США². Вместе с тем правительство Рюти 5 декабря приняло решение послать в ведущие государства Европы специальных представителей, которые должны были непосредственно добиваться получения широкой военной поддержки.

10 декабря финский парламент официально обратился к западным странам с призывом оказать эффективную помощь. Конкретно в этом обращении было озвучено то, что, вероятно, уже долгие годы держали в своем сознании деятели, отвечавшие за политику Финляндии. Именно те, кто не раз уже мысленно представлял свою страну в виде форпоста, бастиона Запада на границах с Советским Союзом. В обращении парламентариев открытым текстом было сказано: «Наш народ как авангард западной цивилизации вправе рассчитывать на активную помощь со стороны других цивилизованных народов»³. Подобная формулировка, естественно, должна была «упасть на благодатную почву», способствуя в международном масштабе расширению кампании всемерной поддержки Финляндии.

Наибольшие надежды в Хельсинки возлагались в данном случае на помощь со стороны Швеции. По сведениям, которые передавал в начале декабря посланник в Стокгольме, коим теперь стал бывший министр иностранных дел Э. Эркко, там существовало мнение, что если Швеция не сделает всего возможного для Финляндии, то дружбе наступит конец⁴.

Сама Финляндия, заявлял тогда премьер-министр Р. Рюти, не намерена капитулировать ни при каких обстоятельствах. «Мы будем сражаться до конца и даже после конца». Так он открыто сказал, выступая по финскому радио. В этом выступлении Рюти также особо выделил некую исторически предначертанную миссию Финляндии,

¹ Presidentti Kyösti Kallion puheita. Porvoo; Hels., 1942.S. 330.

² АВП РФ. Ф. Об. Оп. 1. П. 15. Д. 159. Л. 233. Донесение полпреда СССР в США К. Уманского В. М. Молотову, 13.12.1939.

³ Suomen sinivalkoinen kirja. S. 85; Heisingin Sanomat. 1939. 11. Dec.

⁴ UM. 109, C 1. Salasähke Tukholmasta, 9.12.1939.

находящуюся на границах западной цивилизации, — бороться со своим восточным соседом. Он сказал: «Воспользовавшись плачевным положением, сложившимся сегодня в мире, когда цивилизованные народы Европы сокрушают друг друга в ожесточенной братоубийственной войне¹, Советский Союз пытается реализовать многовековые империалистические амбиции России, направленные на создание русского господства в Европе». И далее четко указал на то, что «из-за своего географического положения Финляндия стала одной из первых жертв этой трагедии человечества», и в результате теперь уже «мы боремся за все, что является до сих пор постоянным и ценным в мировом развитии»².

Действительно, финляндское руководство, стремясь представить Финляндию в качестве защитника «западных ценностей», уже начало прикидывать, какую конкретно можно получить в этом случае помощь от Запада. По соображениям Маннергейма, которые он изложил 11 декабря на заседании Государственного совета, от Швеции, в частности, зависело очень многое. «Если получить в помощь пять дивизий шведских войск и иметь достаточно снарядов, — говорил он на Совете, — то военные действия можно вести с большей уверенностью». Рюти же, развивая эту мысль, добавил, что тогда главнокомандующий «имел бы резервы и мог бы в один счет разбить русские войска»³.

Тем временем из ряда стран Европы в Хельсинки начали поступать сообщения о желании оказать помощь Финляндии в самое ближайшее время. Особое значение придавалось переменам в позиции Великобритании и Франции. Об этом четко информировали свое правительство финские дипломаты из Лондона и Парижа⁴.

В Швеции одновременно разворачивалась кампания по сбору средств и вербовке добровольцев для участия в войне на стороне Финляндии. Этим занимался специально созданный финляндский комитет. По оценке одного из шведских генералов, для успешного ведения боевых действий требовалось направить на фронт до 20 тыс. добровольцев⁵. Тем не менее правительство Швеции заявляло, что оно

¹ Речь шла о «странной войне» Великобритании и Франции против Германии.

² Suomen sinivalkoinen kirja. S. 77–78.

³ KA. Tudeerin A. K. kokoelma. Pöytäkirjoja valtioneuvoston, 11.12.1939.

⁴ *Gripeberg G. A. Lontoo — Vatikaani — Tukholma*. Hels., 1960. S. 89; *Paasonen A. Marsalkan tiedustelupäällikkona ja hallituksen asiamiehenä*. S. 82.

⁵ *Pakaslahti A. Talvisodan poliittinen näytelmä*. S. 236.

намерено и впредь придерживаться политики нейтралитета¹. Иными словами, Стокгольм не предусматривал своего прямого участия в оказании военной помощи Финляндии.

Официально Швеция оставалась вне конфликта. Но ее территория превратилась в «перевалочную базу» для транспортировки в Финляндию зарубежной военной техники, оружия и боеприпасов. Сама она также поставляла для финской армии разнообразное снаряжение.

При оценке складывающейся обстановки финны пока еще исходили из того, что не следует окончательно отказываться от достижения с советским руководством договоренности о прекращении войны. В правительственных кругах считали, что «Сталину надо будет напрягаться во всем, чтобы русская армия не потерпела поражения в боях против маленькой Финляндии, в противном случае авторитет большевизма падет в глазах всего мира»². Поэтому если с финской стороны еще раз будет проявлена воля к достижению мира, то СССР может в ответ сделать шаг навстречу, шаг в сторону прекращения войны.

Поэтому 15 декабря, на следующий день после принятия Советом Лиги Наций решения об исключении СССР из этой организации, министр иностранных дел Финляндии В. Таннер предпринял попытку наладить прямой контакт с советскими руководителями. Он выступил по финскому радио на русском языке с обращением, адресованным непосредственно В. М. Молотову. В нем выражалось стремление Финляндии к тому, чтобы возобновить переговоры с Советским Союзом³. Вместе с тем Таннер все же не удержался и от таких высказываний, которые никак не могли способствовать достижению взаимопонимания с СССР. По словам его ближайшего помощника А. Пакаслаhti, «речь носила все же временами острую направленность и обличала...»⁴.

Судя по всему, в Москве сочли нецелесообразным как-либо реагировать на обращение Таннера. К тому же А. Коллонтай, наблюдая из Стокгольма за действиями финляндского правительства, пришла к заключению, что «Рюти не склонен искать мира с Москвою»⁵. Не исключено, что эта точка зрения докладывалась Молотову. Но глав-

¹ Кан А. С. Внешняя политика Скандинавских стран в годы Второй мировой войны. С. 59.

² KA. Tudeerin kokoelma. Pöytäkirjoja valtioneuvoston, 11.12.1939.

³ Suomen sinivalkoinen kirja. S. 109–112.

⁴ Pakaslahti A. Talvisodan poliittinen näytelmä. S. 219.

⁵ Кан А. С. Внешняя политика Скандинавских стран в годы Второй мировой войны. С. 206.

ным было то, что советское руководство не собиралось отказываться от уже признанного им «народного правительства» Куусинена.

Заметим, что и в Финляндии начали высказывать идеи создания марионеточного антисоветского правительства по аналогии с «терий-окским». Как свидетельствует А. Пакаслаhti, маршал Маннергейм лично звонил из Ставки В. Таннеру и высказывал ему свои соображения относительно создания «русского правительства» из числа эмигрантов у «восточной границы». Объясняя данную идею представителям финского МИД, Маннергейм указал, что «русское правительство» важно прежде всего для того, чтобы «повлиять каким-то образом на народ России и на посылаемые против Финляндии войска»¹.

Иными словами, Маннергейм опять вспомнил о проигранной белыми Гражданской войне в России и в новых условиях решил продолжить борьбу с существующим в СССР строем. В этом он, очевидно, рассчитывал на наличии «враждебных советскому правлению эмигрантов». Неслучайно несколько позже, во время Великой Отечественной войны, он прямо написал одному из представителей русского Белого движения, что «свержение большевистского ига также является, как я надеюсь, целью русских эмигрантов» и его «очень радует то, что... эмиграция восстает против тех кровопийц, которые в течение четверти века угнетали русский народ»².

Таким образом, идея развала соседнего государства вполне укладывалась в общую концепцию борьбы против СССР. В этом отношении уже начали подыскивать соответствующих кандидатов на руководство будущей «новой Россией». Причем этим занимался далеко не только лично Маннергейм. «Немного позднее, — указываем Пакаслаhti, — один профессор университета посетил меня и, не зная ничего о мысли маршала, пояснил, что можно было бы поставить вопрос о сотрудничестве с Керенским»³. Это соображение также докладывалось министру иностранных дел Таннеру.

Кроме того, наряду с вниманием, проявленным в Хельсинки к бывшему главе Временного правительства России А. Ф. Керенскому, который 4 декабря резко выступил против начатых Советским Союзом военных действий в Финляндии⁴, другой фигурой, привле-

¹ *Pakaslahti A.* Talvisodan poliittinen näytelmä. S. 221.

² Густав Маннергейм и белая эмиграция. История в письмах. СПб., 2008. С. 41.

³ *Pakaslahti A.* Talvisodan poliittinen näytelmä. S. 222.

⁴ *Heisingin Sanomat.* 1939. 5. Dec.

кавшей к себе интерес финляндского правительства, стал отнюдь не «белый эмигрант», а бывший большевик — Л. Д. Троцкий. На заседании Государственного совета 15 декабря Рюти прямо говорил именно о нем: «Выдвинута мысль пригласить сюда Троцкого для формирования альтернативного российского правительства»¹.

Столь разные по взглядам «кандидаты» на руководство Россией, возникавшие в процессе обсуждения в руководстве Финляндии, появлялись далеко не случайно. Колебания, очевидно, были связаны с тем, что идеи русского Белого движения не до конца соответствовали той политике, которую проводила Финляндия. Это наглядно продемонстрировало, что в правительственных кругах Финляндии не было единства и были даже те, кто готов был скорее пойти на контакт с бывшими советскими политическими деятелями, нежели с представителями Белой эмиграции. Как отметил по этому поводу известный политический и государственный деятель Финляндии Ю. К. Паасикиви, в безнадежном положении «мы приняли бы помощь хоть от черта»².

Но в любом случае как «белую» Россию, так и большевистскую в Финляндии воспринимали с достаточной долей подозрительности. В Хельсинки очень хорошо понимали, что присутствие в любом виде сильной России никоим образом не устроило бы финское руководство. В целом идея с «альтернативным правительством» не получила последующего масштабного развития и практической реализации³. И во многом это было связано с тем, что само осуществление подобных радикальных и масштабных мер могло произойти только при условии широкого контрнаступления, то есть переноса боевых действий на советскую территорию. Однако начало масштабной успешной наступательной операции финской армии в этот период осуществить было практически невозможно. Нужна была активная военная поддержка со стороны Запада и, более того, непосредственное участие западноевропейских войск в военных операциях против Красной армии. В результате реализация идеи формирования «русского правительства» во многом зависела от степени военного участия в «финской войне» стран Запада. В целом очевидно, что идея образовать

¹ KA. Tudeerin kokoelma. Pöytäkirjoja valtioneuvoston, 15.12.1939.

² Цит. по: Trotski vasta hallituksen johtoon? 15.12.1939 // Talvisota kronikka. Jyväskylä; Hels., 1989. S. 46.

³ См. подробно: *Барышников Н. И., Барышников В. Н.* Рождение и крах «терий-окского правительства» (1939—1940 гг.). С. 212—224.

«правительство» для будущей «новой России» должна была в корне изменить характер начавшейся войны. Но время, когда это могло осуществиться, пока еще не пришло.

Тем не менее кроме разработки проекта, связанного с созданием «русского правительства», отдельные политические деятели и дипломаты Финляндии были настроены на то, чтобы использовать в борьбе с СССР также «русских добровольцев». В частности, Маннергейм первые предложения об этом стал получать уже накануне войны. В момент резкого обострения советско-финляндских отношений «известные русские офицеры-эмигранты, — как считает финский исследователь К.-Ф. Геуст, — обратились к маршалу Маннергейму и выразили желание перейти на добровольную службу в Финляндию»¹. Также с началом войны появилась более масштабная идея привлечь к этой службе еще и советских военнопленных. Однако в декабре 1939 г. все это находилось в стадии раздумий и обсуждений в финском руководстве.

Весьма примечательно, однако, что в Хельсинки тогда начали рассматривать вопрос о возможности привлечь к активной борьбе против Советского Союза и украинских националистов². Причем обращение к их конкретной помощи могло ставить для них не такую мотивированную задачу, какая была, скажем, у Белой эмиграции, выступавшей за реставрацию прежней России. Здесь речь уже шла о «программе максимум» — развале существующего на восточных границах Финляндии государства. Расчет делался именно на антирусских настроениях, которые, как полагали, тогда уже проявлялись на Украине. Конкретно в Хельсинки надеялись, что с помощью украинцев можно будет наладить диверсионную деятельность в тылу Советского Союза и начать организацию «саботажа на военно-промышленных предприятиях юга России»³. Сторонником этого был, в частности, известный финский политик, бывший посланник в Москве, а затем и министр иностранных дел Финляндии в 1930-е гг. А. Хакцель. В целом позиция Финляндии в отношении украинских националистов более ясно раскрывала цели общей «финской победы» для будущего «новой» России.

¹ *Gtust C.-F. General Vlasov's army — the Finnish connection* // Труды кафедры истории Нового и Новейшего времени. 2017. № 17 (2). Р. 84.

² См. подробно: *Барышников В. Н. Маннергейм и украинские националисты в период «зимней войны»* // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2022. № 23 (1–2). С. 44–52.

³ *Pakaslahti A. Talvisodan poliittinen näytelmä. S. 223.*

Но в декабре 1939 г. все это являлось сугубо «перспективным проектом» финского руководства.

Естественно, что о подобного рода замыслах стало известно уже после войны. Тем не менее в Москве все же располагали определенными сведениями о наблюдавшейся в Финляндии активности троцкистов. Однако тогда это вызывало лишь настороженность по отношению к официальной финской внешней политике и тем публичным заявлениям в финских правительственных кругах, в которых звучало некое стремление к достижению мира¹.

Тем временем в Москве провал плана нанесения молниеносного поражения Финляндии к середине декабря 1939 г. стал очевидным и имел значительный резонанс международного характера. Никто не предполагал, что небольшая страна устоит перед Красной армией, хорошо оснащенной боевой техникой и имевшей численное превосходство перед противником. На Западе это стало основанием для переоценки силы Советского Союза и его военных возможностей. По-иному стал представляться и финляндский театр боевых действий.

Москва начала получать сведения об активизации поддержки Финляндии странами Запада в связи с успешными оборонительными действиями финской армии. Так, по закрытым каналам поступила информация о заявлении второго секретаря посольства США в Москве Ч. Болена. «Ввиду такого неожиданного поворота дел, которого никто фактически не ожидал, — констатировал он, — в ряде стран возникает сильная тенденция увеличить активную помощь финнам. В частности, американское правительство предлагает наладить регулярное снабжение финнов последними моделями самолетов»².

К оказанию помощи Финляндии непосредственно подключилось и руководство Лиги Наций. Государствам — членам Лиги были направлены подписанные Ж. Авенолем телеграммы, в которых настоятельно требовалось оказать максимум возможной материальной и моральной поддержки Финляндии. В течение декабря 1939 — января 1940 г. в Лиге Наций было получено 25 положительных ответов относительно принятия соответствующих мер в этом направлении³. В целом ряде стран стали создаваться комитеты по оказанию помощи Финляндии.

¹ Документы внешней политики. Т. XXII. Кн. 2. С. 423.

² РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1221. Л. 6. Информация НКВД, декабрь 1939 г.

³ League of Nations. Official Journal. 1940. Vol. 21. № 1–2. P. 11–17; Ходнев А. С. Закат Лиги Наций. С. 172.

Также развернулась активная вербовка добровольцев для отправки их на финский фронт. Наибольший размах такая деятельность приобрела в Швеции. При этом в некоторых шведских кругах настойчиво требовали оказания помощи регулярными войсками. Коллонтай писала в своем дневнике 18 декабря, что в Швеции окрепли голоса, требующие оказания Финляндии «эффективной помощи, т. е. военной»¹.

По данным, которые получила в то время советская разведка, в Швеции было образовано около 100 вербовочных пунктов для желающих отправиться на фронт. Стало также известно, что между Швецией и Финляндией начала функционировать специально созданная трасса по льду Ботнического залива².

Из сведений, которые публиковались в зарубежной печати, следовало, что первые шведские добровольцы отправились в Финляндию 21 декабря³. Но процесс их вербовки не ослабевал. Финский историк М. Туртола считает, что в этот период в шведском правительстве не полностью исключалась возможность отправки на финский фронт и регулярных войск⁴. Об этом в Москве знали. По информации, которой располагал Л. П. Берия, 25 декабря английский посланник в Стокгольме сообщил в Лондон, что шведский Генштаб настаивает на вооруженном вмешательстве Швеции в военные действия Финляндии против Советского Союза⁵.

Первый шаг в этом направлении был сделан, когда в Швеции был разрешен выезд военнослужащих в Финляндию в качестве добровольцев. Требовалось, однако, соблюдать формальность — уволиться из шведской армии⁶. Сама суть от этой маскировки, конечно, не менялась.

Активизация по линии вербовки добровольцев наблюдалась и в других Скандинавских странах — в Норвегии и Дании, а также в Прибалтийских государствах. Советской разведке было известно,

¹ АВП РФ. Ф. 521. Оп. 2. П. 3. Д. 13. Л. 17. Дневник А. Коллонтай, тетрадь № 15, 18.12.1939.

² РГА ВМФ. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 1269. Д. 4; Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 768. Л. 19. Доклад начальника Первого управления Наркомата Военно-морского флота об оказании помощи Финляндии со стороны правительств Англии, США, Франции и других стран за декабрь 1939 и январь 1940 г. Бюллетень иностранной прессы.

³ Frankfurter Zeitung. 1939. 23. Dez.

⁴ *Turtola M. Tie rauhaan // Kansakunta sodassa. S. 195.*

⁵ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1296. Сообщение Л. П. Берии, 5.1.1940 г.

⁶ *Кан А. С. Внешняя политика Скандинавских стран в годы Второй мировой войны. С. 60.*

в частности, как формировались и отправлялись на фронт по льду Финского залива добровольческие отряды из Эстонии¹.

Весьма заметная активность в наборе добровольцев для помощи финской армии наблюдалась также в Соединенных Штатах Америки. В определенной мере этому способствовала позиция, которую в деле осуществления поддержки Финляндии занимал президент Рузвельт. Советское полпредство в США докладывало в Москву: «Рузвельт позвал к себе республиканских и демократических лидеров Сената и палаты представителей и предложил им в несколько необычном порядке своего рода “межпартийное перемирие” по вопросу о помощи Финляндии и выступлении против СССР»². При этом речь шла о разнообразной поддержке — политической, экономической и военной. Что касается участия в боевых действиях на финском фронте американских добровольцев, то наибольшее их число составляли финские переселенцы в Америку. В зарубежной печати сообщалось, что первая партия добровольцев прибыла на пароходе в Швецию 21 декабря³.

Несомненно, отношения Советского Союза с США и странами Европы в результате стремительно ухудшались. Явно демонстративным был отъезд из Москвы ряда послов европейских государств. Во второй половине декабря покинул СССР, отправляясь «в отпуск», посол Италии. Соответственно выехал из Рима и советский полпред. Это объяснялось «как акт протеста против ряда антисоветских демонстраций, проходивших в Италии с началом русско-финского конфликта»⁴. Не менее сложными становились отношения СССР с Францией и Великобританией. Как докладывал 22 декабря советский полпред в Париже Суриц, «финляндская операция в своем теперешнем виде не является, как это можно было первоначально предполагать, операцией “местного порядка”» и «вводит фактически СССР в круг воюющей против Антанты коалиции». Он откровенно писал, что на практике идея с «правительством Куусинена» не дала никакого положительного результата, а наоборот, облегчает странам Запада консолидацию против СССР.

¹ РГА ВМФ. Ф. Р-1877. Оп. 1. Д. 672. Л. 334. Шифровка командования КБФ Наркомату ВМФ.

² АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 15. Д. 158. Л. 233. Донесение полпреда К. Уманского В. М. Молотову, 13.12.1939 г.

³ Frankfurter Zeitung. 1939. 23. Dez.

⁴ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 768. Л. 7. Бюллетень иностранной прессы.

Советский дипломат подчеркивал, что возможен даже разрыв дипломатических отношений¹. Суриц сообщал о намерении Франции оказать Финляндии самую широкую поддержку, включая военные поставки и помощь в разработке направленных против СССР военных операций. Рассматривался даже такой вариант, как вовлечение в антисоветский блок под эгидой Франции ряда стран (в том числе Италии, Балканских государств и Турции)². Советский полпред использовал в своих докладах весьма резкие выражения по поводу политики Парижа, указывая, что «французы совершенно распоясались»³.

Довольно тревожные сообщения шли в Наркомат иностранных дел и из Лондона. 23 декабря Майский телеграфировал в Москву, что правительство Великобритании «находится в поисках новой ориентации» по «русскому вопросу». Не исключался и разрыв дипломатических отношений с СССР. Полпред в Лондоне подчеркивал, что окончательного мнения пока еще не сложилось, но ситуация довольно быстро меняется и «зависит во многом от обстоятельств, которые сейчас еще трудно аккумулируются»⁴. Международная обстановка требовала, по мнению Майского, внести определенные коррективы в советскую линию в связи с войной в Финляндии. «Состояние англо-советских отношений в настоящее время таково, — подчеркивал он, — что если тенденция, определявшая их развитие с начала войны, останется в силе и если в игру в ближайшем будущем не войдут какие-либо новые факторы, нельзя исключить перспективы острых конфликтов и даже открытого разрыва между обеими странами»⁵.

Однако Молотов оставался на прежних позициях. 25 декабря он направил Майскому совершенно секретную телеграмму, в которой подчеркивал, что советское руководство не изменит взятый ранее внешнеполитический курс и будет действовать решительно. Он подчеркивал: «Если же Советский Союз попробуют затянуть в большую войну, то на деле убедятся, что наша страна подготовлена к ней как следует. Будучи вызван на войну, Советский Союз поведет ее до конца со всей решительностью»⁶. Заявление наркома иностранных

¹ Документы внешней политики. Т. XXII. Кн. 2. С. 438.

² Там же. С. 439–440, 455.

³ Там же. С. 439.

⁴ Там же. С. 441–442.

⁵ Там же. С. 395–396; 436.

⁶ Там же. С. 446.

дел не вполне учитывало реально складывавшуюся обстановку, хотя в Москве и понимали, что для СССР важно было не допустить втягивания в «финскую войну» великих держав.

В тот день, когда Молотов направил телеграмму в Лондон, у Майского состоялась беседа с авторитетным политическим деятелем, бывшим британским премьером Д. Ллойд Джорджем. Последний подтвердил, что англо-советские отношения «вступили в очень опасный период». Но вместе с тем он подчеркнул, что не все потеряно и «положение еще может быть исправлено». При этом Ллойд Джордж посоветовал «возможно скорее ликвидировать финские события», то есть закончить войну. Сделав это на такой компромиссной основе, которая бы в большей степени могла удовлетворить советское руководство, Ллойд Джордж подчеркнул, что «СССР, конечно, имеет все основания располагать необходимыми базами, островами» в пределах финской территории и «добиваться того, чтобы означенные управлялись дружественным СССР правительством»¹. Возможно, что эти советы могли подвигнуть Москву к началу новых подходов в решении «финляндской проблемы».

В целом к концу декабря для Советского Союза вырисовывалась явно неблагоприятная ситуация. К советскому руководству поступали сведения об обсуждении англо-французскими союзниками возможности отправки своих войск в Финляндию. Вместе с тем советская разведка по линии НКВД доносила: 25 декабря английский посланник в Стокгольме сообщил в Лондон, что шведский Генеральный штаб настаивает на открытом вооруженном вмешательстве Швеции в военные действия в Финляндии².

Развитие событий требовало, чтобы в Москве начали думать, как завершить начатую войну, сохранив при этом свой престиж, решить стоящие перед СССР геополитические задачи. Сохранившиеся записи о приеме Сталиным в конце декабря представителей командования Красной армии³ свидетельствуют о том, что в Кремле продолжали дальнейшее планирование боевых действий. Это же подтверждают и оперативные документы.

Тем временем Запад, опираясь на принятые в Женеве решения, начал активно оказывать Финляндии как можно более эффективную

¹ Документы внешней политики. Т. XXII. Кн. 2. С. 448.

² РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1296. Сообщение Л. П. Берии.

³ Горьков Ю. А. Кремль. Ставка. Генштаб. Тверь, 1995. С. 245.

помощь. Действительно, на севере Европы возник сложный узел противоречий. В нем переплелись интересы как вступивших во Вторую мировую войну государств, так и нейтральных стран. Более того, явно обозначился вопрос о возможности участия на стороне Финляндии Вооруженных сил Великобритании и Франции. При этом сразу же возникал вопрос о том, какие стратегические цели преследовали Лондон и Париж, готовясь вступить в прямую конфронтацию с СССР.

И первое, что очевидно следует учитывать: перспектива оказания прямой военной помощи Финляндии в войне против Советского Союза во французском и британском правительствах претерпела соответствующую эволюцию. Очевидно, что, когда началась война, большинство зарубежных политиков и военных специалистов глубоко сомневались, что финская армия вообще будет способна выдержать натиск советских войск. Поэтому в первой половине декабря 1939 г. западные государства, с учетом собственных интересов и возможных последствий, определяли лишь степень своего вмешательства в войну.

Однако очевидные неудачи Красной армии на начальной стадии войны подтолкнули западных союзников к более радикальным действиям. «Неожиданный поворот» — так оценил У. Черчилль ход войны в Финляндии¹ — побудил Великобританию и Францию по-иному взглянуть на свои возможности в Северной Европе. По словам финского посланника в Лондоне Г. Грипенберга, интерес англичан к Советско-финляндской войне через неделю после ее начала «возрос так, что они забыли о своей собственной»². В Форин-офисе считали, что «Финляндию надо было сковать длительным по времени конфликтом с Советским Союзом, а Скандинавию предохранить от нападения русских и, возможно, немцев...»³. Причем способ «предохранить» страны Северной Европы «от нападения» виделся в том, чтобы самим постараться занять скандинавский плацдарм. В этом плане определяющей в политике Лондона и Парижа становилась идея попытаться отвлечь внимание Гитлера от Западного фронта, перенаправив его интересы на север. Появление войск союзников «для помощи» Финляндии на севере Европы, несомненно, изменило бы отношение Германии к этому региону, что неминуемо вовлекало бы Скандинавские

¹ Churchill W. The Second World War. London 1948. Vol. 1. P. 429.

² Gripenberg G. A. Lontoo — Vatikaani — Tukholma. S. 89.

³ Nevakivi J. Apu, jota ei pyydetty. S. 100.

страны в мировой конфликт. Но это могло произойти только в том случае, если бы «финская война» длилась как можно дольше, что во многом зависело от стойкости финских войск, которым требовалось усилить оказание помощи.

Наиболее благоприятным для перспектив эскалации войны могли стать решения Лиги Наций. В результате, используя обращение финляндского правительства в Лигу и принятые в Женеве решения, западные государства взяли курс на применение жестких санкций по отношению к Советскому Союзу, что явно затрудняло любую возможность использовать какие-либо попытки мирного урегулирования конфликта. При этом линия, которую западные страны теперь проводили через Лигу Наций, была достаточно очевидной. По мнению, высказанному одним из германских дипломатов в Швейцарии, если бы Лига санкционировала необходимость объявления всеми ее членами войны Советскому Союзу, то это в первую очередь «принудило бы северные государства включиться в войну, главная тяжесть которой легла бы тогда на них — новых союзников» западных стран¹.

В Скандинавии, конечно, все это хорошо понимали. Поэтому, не желая участвовать в войне, они стремились все же добиться мирного разрешения возникшей непростой ситуации.

То, что Советский Союз был исключен из Лиги Наций, безусловно, дало возможность западным державам более активно поддерживать Финляндию. Еще за день до исключения СССР английский посланник в Хельсинки уже информировал свое правительство, что в финском руководстве проявили явную заинтересованность в активной военной поддержке Финляндии со стороны Запада. Он тогда указал, что В. Таннер выразил твердую надежду на получение военной помощи от западных стран, в частности, посылку в Петсамо польских военных кораблей².

Эти корабли покинули Польшу в момент ее капитуляции перед Германией и оказались на Британских островах. Теперь Запад стал задумываться, как наиболее эффективно использовать эти боевые суда. Этим и решили воспользоваться финны. По распоряжению своего правительства Грипенберг тогда начал переговоры о том, чтобы находившимся в Британии кораблям прежнего польского военно-

¹ KA. Auswärtiges Amt, Bufo des Staatssekretärs. B18/B 3221. (Далее — KA.AA.StS).

² Цит. по: *Nevakivi J.* Ару, jota ei pyydetty. S. 133.

морского флота «дали распоряжение начать боевые действия, направив их в район Петсамо и Мурманска»¹.

Иными словами, финское руководство энергично подержало стремление западных союзников к оказанию Финляндии более весомой и эффективной военной помощи, что было вполне естественно. С другой стороны, это полностью устраивало и Лондон, и Париж. Там активно пытались использовать в своих интересах начавшуюся войну, имея в данном отношении соответствующую поддержку со стороны Лиги Наций.

Вечером 14 декабря французский посол в Великобритании поставил вопрос о совместных англо-французских действиях для содействия в войне Финляндии, что позволило бы далее «связать на Севере силы Советского Союза»². На следующий день премьер-министр Франции Э. Даладье принял финских представителей в Париже — посланника Х. Холма и полковника А. Паасонена, заявив им о готовности «разорвать отношения с Советским Союзом, если англичане сделают то же самое»³. Премьер-министр Франции выразил, кроме того, готовность направить Финляндии 30 новых истребителей и предложить Швеции и Норвегии поддержать предоставление ей военной помощи⁴.

Более того, через Лигу Наций 16 декабря Финляндии было предложено «представить соответствующие “секции” картографированной части России для возможного их использования». Как было объяснено финскому руководству, «это облегчит вооруженным силам всех государств противостоять агрессии»⁵. В тот же день в Хельсинки из Женевы пришла еще одна телеграмма, в которой финское руководство просило «как можно быстрее предоставить необходимые сведения о том, какую помощь» Финляндия хотела бы конкретно получить⁶.

В последующие дни активность правительств Франции и Великобритании в этом направлении только нарастала. Причем ставился уже вопрос о прямом вооруженном вмешательстве этих стран в Советско-финляндскую войну. 19 декабря на заседании Высшего военного

¹ UM. 109. С 2е. Телеграмма в Лондон из МИДа, 14.12.1939; *Gripenberg G. A. Lontoo — Vatikaani — Tukholma*. S. 94.

² *Nevakivi J. Apu, jota ei pyydetty*. S. 94.

³ *Ibid.* S. 105; *Paasonen A. Marsalkan tiedustelupäällikkona ja hallituksen asiamiehenä*. S. 84.

⁴ *Nevakivi J. Apu, jota ei pyydetty*. S. 106.

⁵ UM. 109. С 6а. Телеграмма Холсти в МИД, 16.12.1939.

⁶ *Ibid.* Телеграмма из Женевы в Хельсинки, 16.12.1939.

совета в Париже Э. Даладье прямо выступил с предложением направить в Финляндию англо-французские экспедиционные войска. Что, кстати, не вызвало особых возражений. Но реализация этой инициативы тем не менее требовала подготовки. Участники заседания не могли не отдавать себе отчета в том, что такая акция кардинально изменила бы военно-политическую обстановку в Европе, превратив Скандинавию в важный театр мировой войны. К тому же западным державам пришлось бы вести одновременно боевые действия на двух фронтах: против Германии и против Советского Союза.

Очевидно, что Великобританию и Францию данная перспектива пока отнюдь не пугала. В обеих странах практически одновременно начали обдумывать планы оккупации ключевых районов Скандинавии. 20 декабря в Париже в развитие решений, принятых Высшим военным советом союзников, рассматривался уже вопрос о захвате Северной Швеции, что должно было привести к противодействию германской армии и ускорить ход всей войны¹. Хотя конкретно вопрос о посылке в Финляндию войск западных держав еще не был решен², но это не помешало поставить в известность о достигнутых договоренностях финского посланника в Париже Х. Холма, который в свою очередь передал эту информацию в Хельсинки. В телеграмме указывалось, что «Высший совет Франции и Англии единодушно постановил направить в помощь Финляндии французские и английские войска, если Швеция и Норвегия примкнут к финляндской войне»³.

Из этого текста финское руководство могло понять только одно: вооруженная поддержка Финляндии гарантирована, и остается только «в первый и последний раз запросить у Британии и Франции прямую военную помощь»⁴. Ответ из Хельсинки последовал 22 декабря. Посланникам в Лондоне и Париже указывалось на необходимости «выяснить, как далее будут развиваться упомянутые планы и в чем их важнейшее содержание». Также запрашивалось, что со стороны «Хельсинки можно сделать»⁵. Иными словами, в финском руководстве пытались определить, насколько принятое западными союзниками решение реально могло быть воплощено в жизнь и какова будет в этом роль Финляндии. Поэтому Х. Холма и А. Паасонен, встретившись на

¹ *Nevakivi J. Ару, jota ei pyydetty. S. 109.*

² *Ibid. S. 110.*

³ УМ. 109. С 2е. Телеграмма в МИД, 19.12.1939.

⁴ *Nevakivi J. Ару, jota ei pyydetty. S. 107.*

⁵ УМ. 109. С 2е. Телеграмма в Лондон и Париж из МИДа, 22.12.1939.

следующий день с премьер-министром Э. Даладье, проинформировали его о заинтересованности Финляндии в получении более конкретных сведений о предполагаемой ей помощи¹. Как докладывали в Хельсинки финские посланники в Британии и Франции, они «хотели выжать еще больше прежнего сведений о помощи нам и о давлении на Стокгольм и Осло»². Но Даладье «абсолютно доверительно сказал», что он только намеревается на следующий день выехать в Лондон «для нового обдумывания помощи морским путем». Это явно указывало на отсутствие у западных союзников окончательного решения по данному вопросу. Хотя как выяснили Холма и Паасонен, в стратегические планы Даладье тем не менее входило общее желание «нанести решительное поражение Красной армии»³. Для этого, как надеялся французский премьер, будет достаточно использовать лишь ограниченные силы «польских, а возможно, и канадских альпийских егерей», а также испанских добровольцев. Объясняя все это, Даладье подчеркнул, что «Англия не хочет разрывать отношений с Москвой»⁴.

Таким образом, ближайшие перспективы получения военной помощи от стран Запада оставались для Финляндии призрачными. Единственное, что казалось несомненным, было довольно деятельное участие в решении этого вопроса руководства Франции. Даладье в Париже на заседании Совета министров, как докладывалось в Хельсинки 24 декабря финскими представителями, дал «жесткие указания поспешить с помощью»⁵. Но в проведении своей политики Париж твердо стремился достигнуть согласованной линии по данному вопросу с англичанами и явно старался осуществить предполагаемую операцию «малой кровью», используя для посылки в Северную Европу военные формирования других государств. Причем этот своеобразный курс французского руководства в тот момент был наиболее решительным с точки зрения поддержки Финляндии в войне, поэтому «активная позиция Д[аладье], — по мнению финских дипломатов, — была весьма ценна» для них⁶.

Что же касается общей согласованной линии по «финскому вопросу», то пока она была еще не выработана. Это могли почувство-

¹ *Paasonen A.* Marsalkan tiedustelupäällikkona ja hallituksen asiamiehenä. S. 96.

² УМ. 109. С 2а. Телеграмма Холма и Паасонена в МИД, 23.12.1939.

³ *Ibid.*

⁴ *Ibid.*

⁵ *Ibid.* С 2е. Телеграмма из Парижа в МИД, 24.12.1939.

⁶ *Ibid.*

вать финские представители в Париже, когда встретились с заместителем председателя Высшего военного совета, а также главнокомандующим союзными войсками во Франции М. Г. Гамеленом. На встрече французский генерал обещал лишь «изучить, можно ли увеличить обещанную военную помощь», и подтвердил, что союзники пока еще «не приняли никакого окончательного решения»¹.

При такой постановке вопроса Хельсинки трудно было пока надеяться на серьезную военную поддержку. Там оставалось только ожидать дальнейших радикальных действий Лондона и Парижа. Единственное, что вселяло уверенность в финское руководство, стало стремление Британии и Франции все-таки отправить в Финляндию военных экспертов для определения возможных перспектив высадки их войск на севере Европы.

Так, уже 23 декабря в Ставку к Маннергейму был отправлен представитель французских вооруженных сил, который должен был «изучить обстановку»². Из Парижа в Финляндию в конце декабря прибыл подполковник Ж. Ганеваль. Он стал «при маршале Маннергейме личным представителем главнокомандующего вооруженными силами страны генерала М. Гамелена»³.

Также в это время в Хельсинки последовал запрос из Великобритании. Он касался сведений «о новых местах базирования для самолетов и морских пристаней для высадки войск»⁴. Чуть позже, 27 декабря поступила уже срочная информация о том, что из Лондона в Финляндию также направляется «генерал Генштаба, который должен будет обсудить с Маннергеймом обстановку, чтобы иметь ясное представление, что может сделать Англия для оказания помощи»⁵. Впоследствии выяснилось, что английским представителем стал генерал К. Линг. Ему, как докладывал финский посланник в Лондоне, давалось задание «побеседовать с Маннергеймом не только о военных материалах и десантировании на кораблях у Мурманска, но также и о политическом давлении на Советы»⁶.

¹ Ibid. С 2а. Телеграмма Холма и Паасонена в МИД, 23.12.1939; Донесение Холма из Парижа министру иностранных дел В. Таннеру, 31.12.1939.

² Ibid. С 2е. Телеграмма из Парижа в МИД, 23.12.1939.

³ *Nevakivi J. Ranskan Suomelle talvisodan 1939–1940 aikana tarjoamista sotilasavusta // Tiede ja Ase. 1976. № 34. S. 100.*

⁴ УМ. С 2е. Телеграмма из Стокгольма в МИД, 23.12.1939.

⁵ Ibid. С 2с. Телеграмма из Лондона в МИД, 27.12.1939.

⁶ Ibid. Телеграмма из Лондона в МИД, 31.12.1939.

Однако все это показывало, как небыстро, более того, нерешительно на Западе готовили военную помощь Финляндии. Пытаясь разобраться в складывающейся обстановке, в финском МИД пришли к мнению, что Великобритания и Франция скорее готовы были «побуждать Швецию и Норвегию всеми силами помогать Финляндии»¹, чем сами вступать в войну против СССР. Таким образом, объективно Лондон и Париж к осуществлению активных военных действий собственными силами приступать не спешили. Да и стремления оказывать жесткое давление на Скандинавские страны также не наблюдалось. По оценкам финских дипломатов, работавших в Париже, Даладьё вообще «не собирался предъявлять окончательного демарша в Стокгольм и Осло прежде, чем не будет уверенным, что Англия поступит так же»².

Не придавали финскому руководству большого оптимизма и перспективы получения реальной военной поддержки от Скандинавских стран. Так, в частности, в то же день, когда Холма и Паасонен в Париже пытались выяснить возможности получения военной помощи, в Стокгольме министр иностранных дел Швеции К. Гюнтер встретился с финским посланником и заявил, что «Швеция с тревогой рассматривает намерение Англии и Франции направить войска [на финский фронт. — *Ред.*], опасаясь, что от этого будет больше ущерба, чем выгоды, поскольку помощь все же не станет эффективной и сузит для Швеции ее возможности»³. И хотя данное заявление еще не носило характер официального ответа на возможность высадки союзников на территории Скандинавии, было ясно, что Швеция «опасается расширения войны»⁴.

В конечном счете чуть позже Швеция и Норвегия уже договорились между собой о проведении общей линии, суть которой заключалась в том, чтобы не предоставлять Великобритании и Франции права десантировать свои войска на их территорию. Но с другой стороны, решили не препятствовать транзитному передвижению через их страны в Финляндию иностранных военных грузов и «специалистов» в штатской одежде⁵.

¹ Ibid. С 2е. Телеграмма из МИДа в Париж, 28.12.1939.

² Ibid. Донесение Холма из Парижа министру иностранных дел В. Таннеру, 31.12.1939.

³ Ibid. Телеграмма из Стокгольма в МИД, 23.12.1939.

⁴ Ibid.

⁵ *Manninen O. Suomi toisessa maailmansodassa. S. 301.*

Тем временем к концу декабря 1939 г. положение на советско-финляндском фронте окончательно стабилизировалось. Части Красной армии прекратили наступление. Такая ситуация в ходе продолжающейся войны открывала для западных союзников широкие возможности для реализации обозначенных ранее планов.

При этом, однако, внешнеполитический курс правительства СССР пока не менялся. Хотя появились и первые симптомы того, что советское представительство в Стокгольме во второй половине декабря стало более заметно реагировать на возможность посредничества в целях прекращения войны. Но до мирных переговоров было еще далеко... Имелись только некоторые признаки того, что Молотов начинает менять внешнеполитические акценты. 8 января он сказал посланнику Латвии в Москве Ф. Коциньшу: «...особенно раздувать события в Финляндии мы не намерены, так как мы с Финляндией воевать не собирались. Но финны вынудили пойти на этот шаг»¹. Из этого вытекало, что советское руководство хотело отойти от прежней непримиримой позиции и могло сделать определенные шаги к компромиссу, к мирным переговорам. Можно считать, что период с конца декабря 1939 до начала января 1940 г. стал определенным рубежом, после которого появились надежды на сближение позиций Москвы и Хельсинки в целях достижения мира.

В результате за весьма короткий отрезок времени, в течение декабря 1939 г., советская дипломатия претерпела весьма существенную эволюцию в финляндском вопросе. В первые две недели войны, когда казалось, что события развиваются в благоприятном для СССР направлении, советская сторона проводила жесткую политику и отказывалась от предложений Хельсинки достигнуть мирного урегулирования. В последующем военно-политическая обстановка резко ухудшилась. В конце декабря Москва столкнулась с процессом консолидации стран Запада на антисоветской платформе и на базе решений, принимаемых Лигой Наций. С этого момента началось открытое развертывание разнообразной помощи Финляндии и обозначилось очевидное нарастание угрозы западного вооруженного вмешательства в советско-финляндский конфликт. В этой обстановке прежняя политика по отношению к мирным инициативам Хельсинки явно себя исчерпала.

С началом нового, 1940 г. перед советским руководством встала очевидная альтернатива: либо завершить войну дипломатическим

¹ Полпреды сообщают... С. 219.

путем, либо продолжать ее до победного конца, наращивая свою военную мощь, но имея перспективу втягивания в боевые действия стран Запада. Это неминуемо бы означало вступление СССР во Вторую мировую войну. Что же касается Лиги Наций, то эта организация так и не смогла выполнить свою главную задачу, связанную с борьбой против возможного возникновения и дальнейшей эскалации войны. Своими действиями она, наоборот, лишь подогрела ситуацию, четко проводя политику Запада и создавая условия для очевидной эскалации возникшего на севере Европы военного конфликта.

ГЛАВА III

НЕСОСТОЯВШЕЕСЯ ВСТУПЛЕНИЕ ВО ВТОРУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ

На фоне мировой войны

К началу 1940 г. политическая ситуация для Советского Союза по-прежнему складывалась весьма неблагоприятно. Война становилась затяжной. И главное — появилась тенденция втягивания в нее западных держав. Как известно, эта тенденция появилась уже к концу декабря 1939 г., а зимой и ранней весной 1940 г. она превратилась в попытку военно-политического планирования западными союзниками боевых действий на севере Европы. В результате для Советского Союза возникла реальная опасность оказаться в числе непосредственных участников Второй мировой войны и не на той стороне, на которой затем будет воевать СССР.

2 и 3 января 1940 г. заседания британского Военного кабинета были посвящены обсуждению перспектив намечавшейся интервенции в Скандинавию. При этом вопрос о защите Финляндии в качестве первостепенной задачи не рассматривался. Считалось, что только после установления надежного контроля над норвежским портом Нарвик, а также еще несколькими районами Северной Норвегии западные союзники смогут оказать поддержку Финляндии. «Если рекомендации начальников штабов будут приняты, — говорил 3 января на заседании Военного кабинета британский маршал авиации С. Ньюолл, — то Скандинавия будет рассматриваться в настоящее время как решающий театр военных действий»¹.

¹ Цит. по: *Носков А. М.* Северная Европа в военных планах империализма. М., 1987. С. 38.

Кроме того, Лондон в это время стремился дать понять Советскому Союзу, что Великобритания намерена действовать решительно. Посол У. Сидс покинул Москву. Официально было заявлено, что он отправился в отпуск «по состоянию здоровья», но в комментариях об этом решении в британской прессе явно просматривались намеки на возможность разрыва дипломатических отношений с Советским Союзом¹.

В складывавшейся ситуации многое зависело от того, какое окончательное решение примут Скандинавские страны. К 3–4 января Париж и Лондон получили, наконец, официальный ответ от правительства Швеции по вопросу о вводе войск в Северную Европу. В нем было заявлено о нежелании Швеции поддерживать такого рода акции. При принятии этого решения учитывалась вероятность вмешательства Германии уже на стадии подготовки союзников к высадке своего десанта на скандинавский плацдарм.

В это время в кругах государственного и военного руководства Финляндии с напряженным вниманием следили за тем, в каком направлении станут развиваться дипломатические события, и со своей стороны также пытались влиять на их ход. Становилось очевидным, что теперь многое будет зависеть уже от позиции Швеции и Норвегии, и финские дипломаты перешли к более решительным действиям.

1 января министр иностранных дел Финляндии В. Таннер сделал, в частности, заявление, адресованное премьер-министру Швеции Ханссону и министру обороны П. Э. Шёльду. В нем он прямо обратился к шведскому государственному и военному руководству с просьбой оказать содействие в ускорении процесса поставок из Великобритании в Финляндию вооружения, используя при этом военный потенциал Швеции². Подобные просьбы очевидно демонстрировали желание Хельсинки склонить шведское правительство к более активной позиции в поддержке Финляндии в войне и одновременно приблизить эту страну к реалиям англо-французского военного планирования на севере Европы. Более того, как сообщили 4 января К. Г. Маннергейму, помощь, которую могли оказать Британия и Франция, предусматривалась как для Финляндии, так и «в интересах Швеции и Норвегии»³. Однако самое главное оставалось неясным. В Хельсинки никак

¹ См.: Вопросы истории. 1950. № 3. С. 29–30.

² УМ. 109. В2в. Телеграмма В. Таннера. Стокгольм, 1.1.1940.

³ Ibid. С2е.

не могли понять, как конкретно Запад намеревался осуществлять «эффективную военную помощь» Финляндии.

Судя по соображениям, высказанным в начале января в руководстве Финляндии, оно было заинтересовано прежде всего в таком повороте событий, при котором Запад вступил бы в войну против СССР вне зависимости от позиции Скандинавских стран, а высадка войск западных стран должна была произойти не на территории Скандинавии. Наиболее благоприятным для Финляндии в Хельсинки видели перспективу высадки экспедиционных сил прямо на территории СССР. Конкретно речь шла о районе Мурманска.

Об этом ясно свидетельствует финская дипломатическая переписка начала января 1940 г. В ней четко обсуждался именно этот аспект возможной англо-французской операции на севере Европы¹. Показательно в этом отношении и заседание 2 января финского Государственного совета. На нем вполне определенно говорилось о целесообразности и возможности «высадки англичан в Мурманске»². Этот план предложил рассмотреть сам Маннергейм. Его поддержал генерал Р. Вальден. «Если Британия направит войска в Мурманск, — сказал он на этом заседании, — то мы сами сможем держать фронт здесь, южнее». Серьезных аргументов против таких соображений не оказалось. В итоге было решено считать «вопрос о мурманской экспедиции представляющим интерес и хорошим»³.

После заседания Государственного совета в вопросе с «мурманской экспедицией» точка не была поставлена. На переговорах с находившимся в Финляндии британским генералом К. Лингом Маннергейм убеждал его, что операция по захвату Мурманска «могла бы быть крупномасштабной, имеющей решающее значение, если бы она планировалась в глубину [советской территории] через Архангельск»⁴.

Финской стороной было выражено мнение, что высадка в Мурманске англо-французских войск (двух дивизий) могла бы в корне изменить обстановку в Европе. Отмечая целесообразность десанта непосредственно на советской территории, начальник Генштаба финской армии генерал К. Л. Эш аргументировал это следующим соображением: «Самостоятельная операция на архангельском направлении, осуществ-

¹ См.: Ibid. C2d. Телеграмма из МИДа в Вашингтон, 2.1.1940.

² KA. Tudeerin kokoelma. Pöytäkirjoja valtioneuvoston ja sen valiokuntien istunnoista 5.12.1939–21.03.1940.

³ Ibidem.

⁴ UM. 109. C2e.

ляемая далеко от наших границ, имела бы для нас значительно большее значение, не позволяя тем самым втянуть нас в мировую войну»¹.

Возвратившись в Лондон, генерал Линг доложил высшему военному и государственному руководству о финских предложениях. Он также сообщил, что Маннергейм поставил вопрос о необходимости направить на помощь Финляндии как минимум 30 тыс. войск. Представитель французских вооруженных сил Ж. Ганеваль, также вернувшийся из Финляндии, подтвердил в Париже, что маршал весьма серьезно озабочен недостатком войск. Он «дал мне понять, — сообщал Ганеваль, — что сопротивление финской армии начинает иссякать»². Все эти сведения, полученные из первых рук в Финляндии, требовали от Великобритании и Франции ускоренного принятия решений.

Более того, 13 января финские представители лично встретились с премьер-министром Франции Э. Даладье и подробно, «используя карту, докладывали о военной обстановке»³. При этом в ходе беседы посланник Х. Холма сделал весьма примечательное заявление. Он сказал: «Несколько нелогично, с одной стороны, разъяснять, что показываемый Финляндией путь для парализации сил Красной армии может быть задачей почти мировой истории и, с другой стороны, говорить также, что нежелание Швеции является препятствием для реализации этой исторической задачи!» И далее Холма заметил: «Следовательно, необходимо использовать опыт, дающий возможность парализовать российскую армию и без Швеции, а для этого предлагается использовать морскую операцию с Северного пути [то есть против района Мурманска. — В. Б.]»⁴. Реакция Даладье на это заявление была в целом позитивная. Но он опять отметил, что данные действия должны быть скоординированы с англичанами, хотя и «Лондон, — подчеркнул французский премьер, — явно склонился на это дело»⁵.

Идея военной операции подобного характера начала активно обсуждаться на страницах зарубежной печати⁶. Более того, финским представителям говорили о своей поддержке и депутаты французского парламента, утверждая, что союзникам прежде всего необхо-

¹ УМ. 109. С2е.

² Цит. по: *Nevakivi J.* Ару jota ei pyydetty. S. 127.

³ УМ. 109. С2е. Донесение посланника Х. Холма из Парижа В. Таннеру, 14.01.1940.

⁴ *Ibidem.*

⁵ Цит. по: *Ibidem.*

⁶ *Ibid.* Сба. Донесение Р. Холсти из Женевы, 11.01.1940.

димо «овладеть Мурманской железной дорогой... полностью перерезав ее»¹. Иными словами, западные державы начали уточнять свои планы, сосредоточив усилия на разработке идеи десантирования войск в Заполярье и на север Финляндии.

Естественно, что начавшаяся фаза активного планирования странами Запада военной операции на территории СССР не могла не фиксироваться также и в Москве. В начале января на стол Сталина, Молотова и Ворошилова уже легло сообщение о начавшемся планировании боевых действий против СССР, где «объединенные силы Англии, Франции и Финляндии от порта Петсамо поведут наступление на Мурманск»². Подобные сведения и в дальнейшем предоставлялись советскому руководству³, что говорило о необходимости для Москвы решать возникшую проблему уже в новой плоскости, учитывая угрозу возможного разрастания войны и втягивания СССР в масштабный мировой конфликт.

В результате в этот период главной целью советского руководства оставалась задача победоносного и скорейшего завершения войны. Но теперь в Москве наряду с прежней проблемой сокрушительного разгрома финских вооруженных сил появилась еще и новая — быстрого достижения на приемлемых для Москвы условиях мира. Эта задача предполагала установление прямых контактов с финляндским руководством. Поэтому дальнейшая деятельность «народного правительства» стала сворачиваться, и о его существовании в Советском Союзе старались теперь не вспоминать⁴.

Тем не менее прежде всего в СССР значительно более серьезно стали подходить к разработке нового плана продолжения боевых операций. Теперь он в корне менялся, поскольку в Москве уже пришли к заключению о необходимости нанесения одного, но мощного удара на главном, стратегическом направлении, то есть на Карельском перешейке. Здесь началась стремительная концентрация войск. В состав 7-й и 13-й армий направляются дополнительные соединения, а с 7 января эти армии вошли в созданный Северо-Западный фронт, командующим которым был назначен командарм 1-го ранга

¹ УМ. С2в. Донесение Х. Холма из Парижа В. Таннеру, 18.01.1940.

² Зимняя война. 1939–1940 гг. в рассекреченных документах Центрального архива ФСБ России и архивов Финляндии. С. 408–409.

³ См.: Там же. С. 432–433,

⁴ См.: *Барышников Н. И., Барышников В. Н.* Рождение и крах «терийокского правительства» (1939–1940 гг.). С. 181–211.

С. К. Тимошенко¹. Всего в подготовительный период боевой состав фронта был усилен десятью дивизиями. Численность войск на Карельском перешейке достигла чуть менее 440 тыс. человек².

Одновременно начали производиться систематическая разведка всей системы финских укреплений на Карельском перешейке и подготовка войск к их штурму. К тому же с помощью тяжелой артиллерии и бомбардировочной авиации советское командование приступило к уничтожению долговременных опорных пунктов обороны противника, а 16 января Ставка отдала приказ командующим 7-й и 13-й армиями «представить конкретно разработанный план операции». Этот план имел цель разгрома основных сил финской армии «Перешеек» и выхода советских войск на линию Кексгольм — станция Антреа (Каменогорск) — Выборг. Реализация этой задачи должна была предрешить исход войны³.

В условиях развернувшейся подготовки к осуществлению масштабной фронтовой операции советское руководство одновременно перешло к проработке возможности проведения мирных переговоров с финским руководством. Наиболее приемлемым в данном случае было проведение секретных советско-финляндских переговоров на территории Швеции. Однако достаточно большой проблемой являлось то, что финскую дипломатическую миссию в Стокгольме возглавлял бывший министр иностранных дел Э. Эркко. В Советском Союзе он тогда подчёркнуто именовался «послом белофиннов в Швеции»⁴, что само по себе подразумевало невозможность наладить с ним какие-либо контакты.

Тем не менее взаимодействие между Москвой и Хельсинки началось именно в Стокгольме. Это произошло после того, как советское руководство 6 января направило в Швецию достаточно резкую дипломатическую ноту, в которой призвало правительство этой страны к сохранению политики нейтралитета. Заверения в верности нейтральному политическому курсу со стороны шведов последовали 10 января⁵, что позволяло надеяться на незаинтересованность шведского руководства в эскалации Советско-финляндской войны.

¹ РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 233. Л. 105; Тайны и уроки зимней войны 1939–1940. С. 260.

² РГВА. Ф. 34980. Оп. 1. Д. 10. Л. 5; Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1380. Л. 223.

³ РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 233. Л. 138–139; Тайны и уроки зимней войны 1939–1940. С. 289; История ордена Ленина Ленинградского военного округа. С. 156

⁴ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1301. Л. 8.

⁵ Кан А. С. Внешняя политика Скандинавских стран в годы Второй мировой войны. С. 68.

Сами же советско-финляндские контакты вначале осуществлялись неофициально и строились не по обычной дипломатической линии, а через достаточно известного общественного деятеля Финляндии, писательницу Хеллу Вуолийоки. 10 января она была отправлена финским руководством в Стокгольм с заданием «узнать через советского полпреда, какую цель в войне преследует Советский Союз, каким видит госпожа Коллонтай путь к миру»¹. Вуолийоки действительно тогда установила связь с главой советской миссии в Швеции и с 14 января стала встречаться с А. М. Коллонтай, которая, по мнению В. Таннера, «приняла ее как старую подругу и согласилась сделать нужные запросы в Москве»².

В целом начавшиеся тогда переговоры, несмотря на их тайный формат, имели достаточно высокий государственный уровень. О ходе начавшихся переговоров систематически информировался премьер-министр Р. Рюти, а министр иностранных дел В. Таннер не только получал соответствующие письменные сообщения от Хеллы Вуолийоки, но также регулярно и оперативно разговаривал с ней по телефону³. Кроме того, о начавшихся тогда беседах знал, естественно, и Э. Эркко. Притом он был в основном в тени во время этих переговоров, но являлся одним из наиболее хорошо осведомленных финских дипломатов. Об этом свидетельствуют его регулярные сообщения в МИД Финляндии, в которых Э. Эркко не просто пересказывал министру иностранных дел В. Таннеру содержание встреч Вуолийоки с Коллонтай, но и давал свои рекомендации. В результате можно говорить, что он также оказался центральной фигурой в ходе наметившегося тогда процесса нового диалога Хельсинки с Москвой. Его корреспонденция, представляющая собой как личные и секретные донесения, так и обычные дипломатические рапорты, стала весьма ценным источником, раскрывающим ход этих переговоров с финской стороны⁴.

Причем для руководства Финляндии являлось наиболее важным, что уже в самом начале переговоров, на основе состоявшейся беседы с А. М. Коллонтай, у Х. Вуолийоки сложилось впечатление, что с советской стороны появилось определенное стремление к миру⁵.

¹ *Tanner V.* Olin ulkoministerinä talvisodan aikana. S. 202.

² *Ibidem.*

³ *Ibid.* S. 201–202; *Pakaslahti A.* Talvisodan poliittinen näytelmä. S. 246–247.

⁴ См.: *Барышников В. Н.* Роль Э. Эркко в окончании советско-финляндской войны 1939–1940 гг. (По материалам архива Министерства иностранных дел Финляндии) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2005.

⁵ *Wuolijoki H.* Luottamukselliset neuvottelut Suomen ja Neuvostoliiton välillä. Helsingi, 1945. S. 9; УМ. 109 G 1. Yksityinen ja salainen kirjelmä Erkolta V. Tannerille Tukholmasta, 16.01.1940.

Подобную информацию тогда донес своему руководству и Э. Эркко¹. В результате в Хельсинки был получен сигнал, указывающий на то, что политика Советского Союза в отношении продолжения войны начинает меняться. По мнению финского посланника в Стокгольме, начавшиеся встречи являлись «хорошим признаком», поскольку «показывают, что все-таки дело обдумывается»².

Действительно, уже достаточно быстро в финских дипломатических кругах стало известно заявление В. М. Молотова, сделанное им 27 января о том, что с советской стороны «в принципе не против соглашения с правительством Рюти — Таннера»³. И хотя при этом было подчеркнуто, что обещанное финнам по договору с Куусиненом «не может быть дано правительству Рюти — Таннера»⁴, было очевидно, что возникала определенная перспектива мирного урегулирования конфликта⁵.

Далее, по мере развития мирного зондажа, в Стокгольм из Советского Союза прибыли два сотрудника НКВД. Это был уже хорошо знакомый финнам Б. Н. Ярцев (Б. А. Рыбкин) и А. Н. Грауер. Оба они вместе с А. М. Коллонтай продолжали беседы с Х. Вуолийоки⁶. Причем, как заметил Эркко, советские представители были «крайне осторожны, что особенно проявлялось, когда вопрос касался престижа великой державы». Но Коллонтай, замечал Эркко, была исключительно приветлива, «создавая погоду на переговорах»⁷. Размышляя над этими сведениями, полученными от Эркко, В. Таннер пришел к такому заключению: «похоже, советская сторона хотела убедиться в серьезности наших намерений»⁸.

¹ UM. 109 G 1. Yksityinen ja salainen kirjelmä E. Erkolta V. Tannerille Tukholmasta, 16.01.1940.

² Ibidem.

³ АВП РФ. Ф. 521. Оп. 2. П. 3. Д. 13. Л. 39; *Донгаров А. Г.* Война, которой могло не быть // Вопросы истории. 1990. № 5. С. 42.

⁴ «Правительство О. В. Куусинена», однако, просуществовало до самого окончания «финской войны», и только затем в Москве было объявлено о том, что оно «самораспустилось» (см.: Шестая сессия Верховного Совета СССР. Стеногр. отчет. М., 1940. С. 36).

⁵ *Коллонтай А. М.* Дипломатические дневники 1922—1940. С. 491—492.

⁶ *Tuomioja E.* Häivähdyks punaista. Hella Wuolijoki ja hänen sisarensa Salme Pekka vallankumouksen palveluksessa. S. 256—267.

⁷ UM. 109. G1, 22.01.1940.

⁸ *Таннер В.* Зимняя война. Дипломатическое противостояние Советского Союза и Финляндии 1939—1940. М., 2003. С. 165.

Действительно, в Москве лишь прошупывали перспективы будущего мирного диалога. Как по этому поводу 29 января отметил нарком внутренних дел Л. П. Берия, «наши работники» пришли к выводу, что пока об официальных «переговорах не может быть и речи»¹. У Коллонтай, которая была горячим сторонником окончания войны, такая ситуация вызывала лишь явную озабоченность. 26 января она с горечью записала в своем дневнике: «...Все больше эти совещания за моей спиной» и далее прямо заметила, что Ярцев и Грауер, не совсем разбираясь в ситуации, «строчат часами донесения в Москву, а о чем — не говорят»².

При этом Коллонтай считала, что и Вуолийоки не совсем способна выполнить поставленную перед ней миссию, выступая фактически как «посредница в сношениях с Хельсинки и здешним шарже [франц. *harge d'affaires* — поверенный в делах. — *Ред.*] Эркко»³. Таким образом, в данной фразе, записанной у нее в дневнике, сквозила уже очевидная презрительность по отношению как к финскому посланнику в Стокгольме, с которым советские представители явно не хотели иметь дело, так и к Вуолийоки. Коллонтай прямо тогда заметила: «Зачем ее прислал сюда Таннер? Мне она не помощь, а эти совещания за моей спиной в секретной части меня нервируют и злят»⁴. Иными словами, советский посланник была крайне недовольна тем, как развивается процесс поисков путей выхода Финляндии из войны.

Э. Эркко, видимо, улавливал суть происшедшего. 29 января, в тот день, когда Берия информировал о переговорах в Стокгольме высшее советское руководство, финский дипломат отправил очередное личное письмо В. Таннеру. В нем он отметил, что «Россия, по-видимому, не хочет все же оставлять добычу». Но при этом обратил внимание на то, что Х. Вуолийоки, возможно, является не самым подходящим человеком для выполнения этой весьма сложной миссии. Эркко писал, что она «чрезвычайно нервничала и плакала», и в итоге откровенно заявил, что «не чувствует надобности в ней». Главное же, как это видел Эркко, заключалось лишь только в том, что «беседы начались» и их «приветствовала Коллонтай»⁵.

¹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1301. Л. 17. Сообщение Берия Ворошилову 29 января 1940 г.

² Коллонтай А. М. Дипломатические дневники 1922–1940. С. 489.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ UM. 109 G 1. Yksityinen kirjelmä E. Erkolta V. Tannerille Tukholmasta, 29.01.1940.

Тем не менее 29 января Э. Эркко отправляет еще одно «совершенно секретное донесение», которое было доставлено в Хельсинки специальным курьером, поскольку, как отметил Эркко, не надеялся «даже на секретность телеграмм»¹. В нем финский дипломат сообщил о том, что через шведского министра иностранных дел К. Э. Гюнтера финскому руководству был передан текст советской телеграммы, в которой выражалась готовность начать мирные переговоры и запрашивалось, «какие уступки правительство Рюти — Таннера готово сделать»². Пришедшую из Швеции информацию В. Таннер расценил как то, что «в ходе переговоров в Стокгольме произошел перелом»³.

Со своей стороны Э. Эркко сразу же выдвинул ряд предложений, которые могли бы, по его мнению, удовлетворить советское руководство. В частности, он предположил, что в СССР «хотели получить себе часть территории района Петсамо, которая ими оккупирована», и добиться гарантий «нейтрализации Финского залива»⁴. Именно это предложение, считал финский дипломат, «надо было держать в тайне». Но дальнейшее развитие событий не вполне соответствовало тем рекомендациям, которые Эркко давал своему руководству.

На следующий день он вынужден был отправить новое сугубо «личное письмо» Таннеру, в котором сообщал, что, по мнению советского руководства, «переговоры должны вестись с ведома шведского правительства»⁵. В силу этого, как заметил Эркко, переговоры уже было «невозможно считать происходящими в тайне»⁶. Высказанное финским посланником в Стокгольме соображение, очевидно, хорошо коррелировалось с мнением А. М. Коллонтай, которая считала, что контакты с финскими представителями типа секретной уполномоченной Х. Вуолийоки или самого Э. Эркко являются неприемлемыми. Она записала тогда в своем дневнике, что ею может быть использован только шведский канал, поскольку «иных путей передачи ответа Москвы финнам у меня нет»⁷.

¹ UM. 109 G 1. Yksityinen kirjelmä E. Erkolta V. Tannerille Tukholmasta, 29.01.1940.

² Ibidem; Коллонтай А. М. Дипломатические дневники 1922–1940. С. 491.

³ Таннер В. Зимняя война. Дипломатическое противостояние Советского Союза и Финляндии 1939–1940. С. 166.

⁴ UM. 109. G1. E. Erkon erittain salainen raportti Tukholmasta V. Tannerille, 29.01.1940.

⁵ Ibid. E. Erkon yksityinen kirje Tukholmasta V. Tannerille 30.01.1940; Таннер В. Зимняя война. Дипломатическое противостояние Советского Союза и Финляндии 1939–1940. С. 168.

⁶ UM. 109. G1. E. Erkon yksityinen kirje Tukholmasta V. Tannerille, 30.01.1940.

⁷ Коллонтай А. М. Дипломатические дневники 1922–1940. С. 491.

Э. Эркко по-прежнему был убежден, что Коллонтай занимает некую особо благожелательную позицию в отношении финнов. Он тогда сообщил в Хельсинки, что Коллонтай продолжает оставаться сторонником умеренных претензий к Финляндии, советуя при этом финским политикам «сделать имитацию уступок» и «призывать русских к использованию возвышенных слов, так же как и самим употреблять вежливую тональность». Трудно сказать, насколько соответствовало сказанное реальному положению вещей и линии советского посланника, но здесь мы можем заметить некоторые явные преувеличения, которыми Э. Эркко прославился еще до начала «финской войны». Преemptивность в его политике также просматривалась и в совете, который он дал Таннеру: «продвигаться не спеша, когда принимается нужное решение»¹.

В конечном счете финское руководство, используя рекомендации Э. Эркко, решило для начала мирных переговоров «взять в качестве отправной точки то положение, на котором закончились переговоры в Москве», но при этом «сделать дополнительные уступки», позволявшие добиться возможности «нейтрализации Финского залива»². Более того, с ответом договорились не спешить. Курьером в Стокгольм для доставки выработанного финским руководством ответа посчитали возможным просить стать самого премьер-министра Р. Рюти, который через несколько дней должен был направиться в Швецию для решения вопросов о поставках Финляндии вооружения. По этому поводу Таннер сообщал Э. Эркко в своем письме: «Наш ответ был составлен без особого выражения покорности, поскольку мы, как нам представляется, не являемся понесшей поражение страной»³.

Однако столь оптимистические представления о возможности достижения мира были очевидной ошибкой, при которой Э. Эркко и вообще финское дипломатическое руководство опять недооценивало ситуацию, поскольку в данном случае престиж Советского Союза, подорванный в результате неудач начавшейся войны, требовал увеличения «уступок» со стороны Финляндии. Об этом финский посланник в Стокгольме узнал достаточно быстро. Когда 2 февраля, наконец, Э. Эркко официально вручил шведскому министру иностранных дел выработанный в Хельсинки ответ, Гюнтер, который имел более реалистические

¹ УМ. 109. G1. E. Erkon yksityinen kirje Tukholmasta V. Tannerille? 30.01.1940.

² Таннер В. Зимняя война. Дипломатическое противостояние Советского Союза и Финляндии 1939–1940. С. 169.

³ Цит. по: Вехвиляйнен О., Барышников В. Н. Две стратегии мира // Зимняя война 1939–1940. Кн. 1: Политическая история. С. 285.

представления о советской позиции, сразу заметил, ознакомившись с полученным документом, что «Советский Союз не может отказаться от Ханко»¹. Эркко затем докладывал в Хельсинки, что «вздрогнул от такого заявления». Ведь, рассуждал он, «все понимают, что Финляндии тяжело отказаться» от Ханко. «В конце концов и русские не могут не понимать это дело», — пояснил Эркко². Но все оказалось далеко не так просто. Как лаконично записала в своем дневнике Коллонтай, «ответ финнов получен и не удовлетворил Москву»³. Объективно произошел провал тех построений, которые финское руководство пыталось осуществлять для достижения мира между СССР и Финляндией.

Что же касается А. М. Коллонтай, то она также оказалась в весьма трудном положении. Негласные посреднические услуги между Москвой и Хельсинки дали очевидный «сбой». «Что делать дальше? — запишет она в своем дневнике и далее заметит: — Здесь в Стокгольме все еще находится Хелла Вуолийоки. Она поверенная Таннера. Я вызвала ее, чтобы получить информацию и посоветоваться. Решили пригласить самого Таннера в Стокгольм для свидания со мной»⁴. Иными словами, первоначальная миссия Эркко и Вуолийоки как организаторов процесса выхода Финляндии из войны себя исчерпала.

3 февраля Э. Эркко опять отправил Таннеру «личное донесение», в котором сообщалось: «...На основе полученных... сведений я считал необходимым обратить внимание Рюти, который звонил мне, что было бы особенно важно, если бы Вы смогли сами прибыть сюда совершенно инкогнито и получили возможность побеседовать с Коллонтай»⁵. Иными словами, финский посланник, снова выполняя функцию негласного посредника между Коллонтай и Таннером, передал просьбу, которая исходила от советского дипломата. Единственное, он не раскрыл тогда полностью источник «полученных сведений». Он упомянул лишь об имеющихся данных о возможности «реорганизовать» их и о наличии контакта, «ценность которого в том, что появились все возможности выяснить суть дела». По его словам, «беседы можно вновь начать»⁶.

Действительно, уже 5 февраля первая встреча Коллонтай и Таннера состоялась. Но исходные позиции обеих сторон при этом полностью

¹ УМ. 109. G1. E. Erkon raportti V. Tannerille Tukholmasta? 2.02.1940.

² Ibidem.

³ Коллонтай А. М. Дипломатические дневники 1922–1940. С. 492.

⁴ Там же. С. 493.

⁵ УМ. 109. G1. Yksityinen E. Erkon raportti V. Tannerille Tukholmasta, 3.02.1940.

⁶ Ibidem.

сохранялись¹. В результате дело об окончании войны путем мирных переговоров не продвигалось. В Москве не хотели отступать от своей жесткой позиции, поскольку Молотов, по словам немецкого посла в СССР, тогда заявил, что «пролито слишком много крови», чтобы не принимать это во внимание². В Финляндии также не все были уверены, что в складывающейся военно-политической обстановке нужно ускоренным темпом идти на подписание мирного договора с СССР на советских условиях. В частности, Маннергейм в беседе с Рюти отметил, что пока неизвестно, как закончится война, «но положение в настоящий момент хорошее и не следует поддаваться паническому настроению». Он также подчеркнул, как отметил Рюти, что «с миром спешить не надо»³.

Действительно, переговоры о прямой военной поддержке Финляндии со стороны Великобритании и Франции шли полным ходом. Тогда, как сообщалось из финского представительства в Париже, дела, связанные с военным планированием союзников, серьезно ускорились. «Мы знаем, — было передано в Хельсинки 14 января, — что Д[аладь] после нашего посещения пригласил к себе Гамелена и Дарлана и призвал их поспешить с корабельной операцией, изучив отправку войск в виде международной бригады»⁴. Далее, уже 15 января главнокомандующий французской армией генерал М. Гамелен отправил премьер-министру Э. Даладь записку, в которой изложил свои соображения о высадке союзных войск в финской Лапландии в районе Петсамо (Печенги), занятом в это время уже советскими войсками. Но одновременно Гамелен по-прежнему продолжал считать важными для союзников контроль над портами, а также аэродромами на западном побережье Норвегии и возможное распространение операции на территорию Швеции⁵.

Ясно, что этот документ был тогда в основном согласован с адмиралом Ф. Дарланом. Во французском военно-морском ведомстве с декабря 1939 г. уже рассматривали перспективу «пытаться через Петсамо помочь Финляндии». Здесь также понимали всю опасность проведения подобной операции и поэтому к началу января 1940 г. твердо считали, что при осуществлении этих военных действий необходимо

¹ См.: *Вехвиляйнен О., Барышников В. Н.* Две стратегии мира. С. 285–287.

² Документы внешней политики. Т. XIII. Кн. 1. М., 1995. С. 132.

³ Цит. по: *Tanner V. Olin ulkoministerinä talvisodan aikana.* S. 203.

⁴ УМ. 109. С2е. Телеграмма из Парижа в МИД, 14.01.1940.

⁵ *Liddel Hart B. H.* History of the Second World War. London, 1970. P. 54–55.

иметь контроль над «важнейшими норвежскими портами, который бы гарантировал быструю переброску войск в Финляндию»¹.

Таким образом, в Париже «петсамская идея» получила поддержку, и уже на следующий день во французском Генштабе приступили к ее конкретному планированию². Основой для операции послужило одобрение финской стороной действий англо-французских сил на ее территории и резолюция, принятая ранее в Лиге Наций. При этом не требовалось срочного согласия Скандинавских стран. Успешное проведение десантной операции должно было, по мнению французских военных, «подтолкнуть тех [скандинавов. — *Ред.*] к совместной борьбе»³.

В результате на данном этапе Париж всерьез взялся за идею проведения Петсамской операции. Очевидно, что добиться согласия финского руководства на высадку экспедиционных войск в Северной Финляндии было нетрудно. Представитель Маннергейма во Франции полковник А. Паасонен даже представил командующему французским флотом адмиралу Ф. Дарлану подготовленные финской Ставкой соображения о плане проведения операции в Петсамо⁴. В них к тому же излагались цели Финляндии, выходявшие далеко за пределы чисто военных вопросов. Предусматривалось, что совместное наступление экспедиционных сил и финских войск на восток будет осуществляться на Кольском полуострове и в Советской Карелии. Успешный исход данной операции должен был привести к «постепенному объединению» Финляндии и Карелии⁵. Паасонен считал, что для осуществления Петсамской операции требовалось значительно увеличить мощь воздушных сил объединенных войск и направить для поддержки финской армии 3–4 полнокровные дивизии, способные вести боевые действия в зимних условиях⁶.

Отношение адмирала Ф. Дарлана к изложенному финской стороной предложению оставалось, по всей видимости, вполне позитивным. По крайней мере посланник Х. Холма прямо утверждал, что «Дарлан пребывает в исключительном вдохновении от этой акции»⁷.

¹ УМ. 109. С2в. Донесение посланника Х. Холма из Виши («Беда с адмиралом Дарланом»), 28.01.1941.

² См.: Вооруженный конфликт с Финляндией и его мирное урегулирование. С. 265; *Nevakivi J. Apu jota ei pyydetty*. S. 134.

³ *Носков А. М.* Северная Европа в военных планах империализма. С. 40.

⁴ *Nevakivi J. Apu jota ei pyydetty*. S. 135.

⁵ *Ibid.* S. 135–136.

⁶ *Ibidem.*

⁷ УМ. 109. С2в. Донесение посланника Х. Холма из Парижа В. Таннеру, 18.01.1940.

С учетом рекомендаций Паасонена, он предусмотрел в разрабатываемом плане доставку в район Петсамо 13—17 тыс. войск. Для этого планировалось использовать кроме специальных десантных судов еще польские военные и торговые корабли, находившиеся в Британии, а также отчасти и финские транспорты. Десант должен был состоять не из регулярных частей британской и французской армий, а из имевшихся на Западе бывших польских военнослужащих и других иностранных легионеров. Иными словами, предполагалось осуществлять наиболее ответственную первоначальную часть замысла сомнительными силами и «чужими руками».

Наступление из района Петсамо намечалось вести на юг и юго-восток в направлении Кандалакши и Мурманской железной дороги, чтобы ее перерезать. К тому же предполагалось в результате проведенной операции окружить до четырех советских дивизий. Далее, в случае успеха англо-французское командование рассчитывало направить в Петсамо еще дополнительные «добровольческие войска»¹. Причем само планирование данной операции в Париже шло, очевидно, весьма интенсивно. Об этом свидетельствовал факт французского запроса 21 января 1940 г. у Финляндии «сведений для морской операции, направленной против России, и укрепления в Северном Ледовитом океане, а также о метеорологической обстановке, о состоянии аэродромов и о возможностях наращивания авиационных сил». Таким образом, все говорило о реальной подготовке масштабной операции в поддержку Финляндии. При этом, как указывалось в составленном тогда документе, нужно направить «сведения нам и в Лондон»².

Намечавшийся план операции не мог, естественно, считаться окончательным, поскольку он должен был быть согласован с англичанами. Поэтому еще 17 января Даладье направил французскому послу в Британии указание изложить Галифаксу суть предлагавшейся операции³.

В Лондоне в то время также все больше внимания уделяли обстановке в Северной Европе. Как указывает финский историк профессор Ю. Невакиви, середину января можно вообще рассматривать «поворотной» в политике Великобритании по отношению к «зимней войне»⁴. «Я чувствовал в эти дни, — подтверждал в своих мемуарах

¹ *Nevakivi J.* Apu jota ei pyydetty. S. 135—136.

² УМ. 109. С2е. Телеграмма из Парижа в МИД, 21.01.1940.

³ *Gripenberg G. A.* Lontoo — Vatikani — Tukholma. S. 112.

⁴ *Nevakivi J.* Apu jota ei pyydetty. S. 128.

посланник Грипенберг, — как возрастало внимание официальных кругов к Финляндии»¹. 22 января о перспективах отправления экспедиционных войск в Финляндию с ним уже вели непосредственные переговоры в Министерстве обороны Великобритании².

То, что в Лондоне начали задумываться о реальной возможности проведения десантной операции в Лапландии, свидетельствует также факт доставки сюда из Финляндии 27 января морских карт района Петсамо³. Это могло произойти только вследствие начала военноморской разработки операции на финском северном побережье против советских войск. Более того, 29 января на заседании Кабинета министров Чемберлен откровенно заявил, что «события, видимо, ведут к тому, что союзники открыто вступят в боевые действия против России»⁴.

Иными словами, разработка операции по высадке союзников на севере Европы вступала в Париже и Лондоне в фазу конкретного обсуждения. Неслучайно тогда началась и новая череда обмена визитами военных экспертов. Так, в Ставку Маннергейма опять был командирован британский генерал К. Линг. Также запрашивалась возможность приезда туда из Франции и маршала А. Ф. Петена⁵. Кроме того, в Париж финское военное руководство отправило своего генерала О. Энкеля⁶. Он, очевидно, должен был по поручению Маннергейма продолжить переговоры с высшим военным руководством Франции о перспективах действий экспедиционных войск.

В целом ситуация для финского правительства становилась все более конкретной. По крайней мере это можно было определить из характера состоявшейся 29 января беседы между Холма, Паасоненом и премьером Франции Даладьё. Глава французского правительства тогда передал финским представителям информацию, согласно которой уже «запланировано» отправить в Финляндию «несколько дивизий» в численном составе около 50–60 тыс. человек, которых, как он отметил, будут десантировать «как можно быстрее» в районе Петсамо 50–60 транспортными кораблями⁷. Причем также указывалось, что

¹ *Gripenberg G. A. Lontoo — Vatikaani — Tukholma. S. 113.*

² *Ibid. S. 98.*

³ УМ. 109. С2е. МИД посольству в Лондоне (Доставка морских карт), 27.01.1940.

⁴ Цит. по: *Носков А. М. Северная Европа в военных планах империализма. С. 41.*

⁵ УМ. 109. С2с. Письмо В. Таннера в Ставку, 30.01.1940.

⁶ *Ibid. С2в. Донесение Х. Холма из Парижа, 30.01.1940.*

⁷ *Ibidem.*

«если Швеция и Норвегия все еще против, то войска в Петсамо придут на кораблях под флагами Финляндии»¹.

Однако как докладывали финские дипломаты, более подробных сведений им получить у французского премьера так и не удалось. Финским представителям лишь «стало ясно, что Гамелен сам взялся составлять часть плана и что этот план затем будет на столе у Даладье»². Только через несколько дней из Парижа в финское Министерство иностранных дел ушла еще одна совершенно секретная телеграмма. В ней сообщалось, что, по мнению Даладье, «подготовка к отправке сил осуществится в течение месяца»³. Финны же со своей стороны пытались заручиться поддержкой Даладье, чтобы «осуществить по возможности быстро морскую операцию в Петсамо, которая отрезала бы Петсамо от Мурманска и к которой присоединились бы авиационные соединения, а также с южного направления свежие финские подразделения, вторгнувшиеся в Северную Финляндию и отчасти в очищаемую [от советских войск. — *Ред.*] Северную Карелию»⁴.

В целом, подводя итог состоявшихся переговоров, финские представители указали на то, что они проходили «при большом взаимопонимании и под знаком желания нам помочь»⁵. Единственное, что несколько настораживало в перспективах осуществления этого плана, было утверждение, что «все еще против адмиралитет Англии и ее военное министерство», но «Даладье пытается энергично влиять на них»⁶.

Тем не менее точка зрения об особой позиции Великобритании находила свое подтверждение на переговорах, которые проходили с представителем британского военного ведомства генералом Лингом в Ставке Маннергейма. Он тогда сообщил финскому военному руководству, что «английская операция против Мурманска будет, вероятно, невозможной». Все доводы, что «операция была бы крупной и имела бы решающее значение, если бы ее начали планировать ближе к Архангельску», вообще не возымели никакого эффекта⁷. Естественно, что в Хельсинки со своей стороны пытались еще как-то

¹ Ibidem; С2е. Телеграмма из Парижа в МИД, 30.01.1940; *Gripenberg G. A. Lontoo — Vatikaani — Tukholma. S. 117.*

² УМ. 109. С2в. Донесение Х. Холма из Парижа В. Таннеру, 30.01.1940.

³ Ibid. 109. С2е. Телеграмма из Парижа, 4.2.1940.

⁴ Ibid. С2в. Донесение Х. Холма из Парижа В. Таннеру, 30.01.1940.

⁵ Ibidem.

⁶ Ibid. С2е. Телеграмма из Парижа в МИД, 30.01.1940.

⁷ Ibid. Сообщение из Ставки министру иностранных дел, 6.02.1940.

повлиять на британцев. Неслучайно поэтому в финское представительство в Лондоне ушла соответствующая телеграмма с заданием посланнику Грипенбергу довести до сведения британского руководства, что «поскольку наша война показывает крепость общества и готовящиеся планы могут вестись длительное время, мы надеемся, что это будет способствовать подготовке Британии, которая в выгодный момент приведет в этом процессе к их реализации»¹.

Более того, из Парижа не только Даладье, но и Гамелен также энергично стремились добиться реальной поддержки британцами проведения Петсамской операции. В частности, по предложению генерала Гамелена, сделанному 31 января, британскому командованию четко предложили окончательно решить вопрос о высадке экспедиционных войск в Петсамо, чтобы затем развернуть активные боевые действия совместно с частями финской армии².

Пытались влиять на принимаемые решения союзников и в Финляндии. Финское руководство подчеркивало важность проведения Петсамской операции и указывало на ее необходимость для ослабления напряженности на фронте, поскольку операция западных войск дала бы возможность финскому командованию «высвободить 3–4 дивизии»³. Таким образом, в Хельсинки продолжали еще рассчитывать на победу.

В этом финское правительство уверенно поддерживали французы. Они по-прежнему, и это было весьма заметно, активно выступали за открытие нового фронта в Заполярье. Причем самую решительную позицию в этом вопросе занимали именно политические и военные руководители Франции. Однако, выступая за то, чтобы начать активные боевые действия против Советского Союза, они не ставили вопроса об объявлении СССР войны. Главнокомандующий французскими вооруженными силами генерал М. Вейган подтвердил 31 января: «Я не говорю, чтобы объявлять войну. Теперь это уже вышло из моды»⁴. Тем не менее развертывание войны против Советского Союза неизменно планировалось французским руководителям в самом широкомасштабном плане. 3 февраля командованию ВВС Франции было отдано распоряжение готовиться к бомбардировкам

¹ УМ. 109. С2е. Телеграмма из МИДа, 3.02.1940.

² Носков А. М. Северная Европа в военных планах империализма. С. 40.

³ *Nevakivi J.* Ranskan Suomelle talvisodan 1939–1940 aikana tarjoamasta sotilasavusta. S. 107.

⁴ Цит. по: Носков А. М. Северная Европа в военных планах империализма. С. 41.

советских нефтепромыслов¹. В Москву начала поступать информация о стремлении западных держав вовлечь в свои планы даже Японию².

В Лондоне, однако, занимали более осторожную позицию. Там явно не забывали об объективной реальности: рядом находился главный противник — Германия, а увлечение фантастическими планами вело лишь к распылению сил³. Этим объяснялась определенная сдержанность Британии. В Военном министерстве не было единого мнения насчет Петсамской операции. Приводился такой довод: «Война будет заканчиваться, очевидно, не в Финляндии»⁴. 3 февраля в Лондоне была получена настораживающая информация, из которой следовало, что для Германии первостепенный противник не Франция, а «владычица морей» Великобритания⁵.

В такой обстановке 5 февраля на заседании Высшего военного совета позиция Великобритании была выражена довольно определенно. Когда Даладье сообщил, что, по информации Маннергейма, финский фронт без подкреплений в размере 20 тыс. человек сможет продержаться лишь до весны⁶, Чемберлен изложил точку зрения британского правительства. Обратив внимание на «трудности высадки в Петсамо», он настаивал на необходимости проведения десантной операции в Нарвике⁷. Главная цель, по его словам, заключалась не в широкомасштабной помощи Финляндии, а в вовлечении в войну против Германии Скандинавских стран. Что же касалось Финляндии, заметил он, то в данном случае требуется лишь не допустить ее разгрома⁸.

В конечном счете Даладье согласился с доводами Чемберлена и вопрос об осуществлении Петсамской операции отошел на второй план. Было решено, что главные десантные операции следует проводить в Северной Норвегии (в районе Нарвика) и затем в ее центральной и южной частях, а также еще в Южной Швеции. При этом необходимо было как-то достигнуть согласия Скандинавских стран на проведение этих операций.

¹ *Безыменский Л.* Великая Отечественная в... 1940 году // *Международная жизнь*. 1990. № 8. С. 109.

² РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1302. Л. 69.

³ *Nevakivi J.* *Apu jota ei pyydetty*. S. 136.

⁴ *Grippenherg G. A.* *Lontoo — Vatikaani — Tukholma*. S. 117.

⁵ См.: *Носков А. М.* Северная Европа в военных планах империализма. С. 42.

⁶ Там же. С. 41.

⁷ *Liddel Hart B. H.* *History of the Second World War*. P. 55.

⁸ *Носков А. М.* Северная Европа в военных планах империализма. С. 42.

Кроме того, общее руководство в проведении данной операции также переходило к Великобритании. У французского генералитета, активно готовившего до этого Петсамскую операцию, это вызвало, естественно, лишь очевидное раздражение. По крайней мере адмирал Ф. Дарлан, говоря о необходимости «ускорения помощи» Финляндии, тогда неизменно встречал холодный ответ со стороны генерала М. Гамелена, который ему сумрачно замечал: «Скажите англичанам, ведь у них главнокомандование»¹. Действительно, теперь только часть сил десанта предполагалось отправить в Финляндию в район Петсамо. И эти войска посылались туда исключительно потому, что без подкреплений финский фронт «не сможет продержаться дольше весны»².

В Хельсинки, естественно, о результатах этих переговоров союзников знали весьма мало. Поэтому в финском руководстве начали требовать от своих дипломатов добиться детальной информации «о плане и об его исполнении»³. Однако в Лондоне и Париже не спешили проинформировать своих финских партнеров о выработанном решении. Об этом было поручено сообщить финскому руководству лично через генерала Линга, который только собирался в очередной раз отправиться в Ставку Маннергейма в Финляндию⁴.

Тем временем, предчувствуя что-то недоброе, 9 февраля Маннергейм сам направил в Лондон телеграмму посланнику Грипенбергу с указанием разъяснить британскому правительству серьезность положения Финляндии и подчеркнуть, насколько ей «необходима всяческая помощь». Выполняя это указание, финский дипломат срочно встретился с министром иностранных дел Великобритании Э. Галифаксом⁵. Но беседа опять не внесла должной ясности для финнов. Конкретно финскому представителю сообщили, что «правительства Великобритании и Франции единодушны в том, что гибель Финляндии означала бы катастрофу для всех»⁶. Действия же, которые западные союзники в этом случае собирались предпринять, по мнению Галифакса, должны были «придерживаться двух линий». Одна из них предполагала оказание Финляндии помощи, когда ее «положение

¹ Цит. по: УМ. 109.С2в. Донесение посланника Х. Холма из Виши («Беда с адмиралом Дарланом»), 28.01.1941.

² Churchill W The Second World War. Vol. 1. P. 442–443.

³ УМ. 109. С2е. Телеграмма из МИДа в Париж, 9.02.1940.

⁴ Ibid. С2с. Телеграмма из Лондона в МИД, 11.02.1940.

⁵ Gripenberg G. A. Lontoo — Vatikaani — Tukholma. S. 118, 119.

⁶ УМ. 109.С2е. Донесение Гипенберга из Лондона Таннеру, 10.02.1940.

действительно будет критическим» и высадка союзных войск «станет необходимой». Другая — «приступить к таким действиям, которые сделают Швецию и Норвегию готовыми помочь Финляндии». В результате, как подчеркнул Галифакс, «принятие планов будет зависеть: 1) от общей ситуации, 2) от отношения Швеции и Норвегии»¹.

Таким образом, предоставление прямой военной помощи Финляндии становилось затруднительным и многое завесело от дальнейшей ситуации на фронте и от того, как будут развиваться советско-финляндские переговоры о мире. При этом в любом случае Финляндия продолжала чувствовать поддержку стран Запада, которая ошутимее всего проявлялась в экономическом плане.

Реальная помощь, которую получила Финляндия

В условиях продолжения «зимней войны» важным для Финляндии моментом являлось не только то, как складывалась ситуация на фронте, но и то, как экономически страна могла продолжать ведение войны. В финской исторической литературе существует утверждение, что экономика Финляндии в целом справилась с возникшей серьезной нагрузкой, которая обрушилась на страну в 1939—1940 гг.² И это можно было бы в принципе охарактеризовать как «чудо “зимней войны”». Тем не менее в российской историографии данный вопрос до сих пор специально не исследовался, хотя он, несомненно, представляет большой научный интерес.

Очевидно, что действительно экономика Финляндии добилась весьма позитивного результата и не развалилась в сложных условиях войны с СССР. Возникает вопрос, почему это произошло, поскольку в начале Второй мировой войны положение в Финляндии давало мало шансов надеяться на способность этой страны выдержать серьезные экономические испытания, которые надвигались на нее и были связаны с возможностью ведения широкомасштабных боевых действий. Так, по крайней мере, оценивали данную ситуацию перед войной

¹ УМ. 109.С2е. Донесение Гипенберга из Лондона Таннеру, 10.02.1940.

² См.: *Seppinen I.* Talvisodan talous — ensimmäinen askel rauhasta sotaan // Kansakunta sodassa. Os. I; *Seppinen I.* Sodan talous // Talvisodan. Pikkujättiläinen. Hels., 2002; *Вихавайнен Т.* Экономика и общество Финляндии военного времени // Зимняя война 1939—1940. Кн. 1: Политическая история. С. 204 и др.

советские эксперты¹. Очевидно, в Москве учитывали это обстоятельство, когда осенью 1939 г. приняли решение о необходимости немедленно начать войну против Финляндии.

Несомненным фактом являлось то, что в преддверии «зимней войны» экономическая ситуация в стране была далеко не блестящей. Вспыхнувшая 1 сентября Вторая мировая война сразу же очень серьезно сказалась на экономических возможностях Финляндии. Как заметил исследователь И. Сеппинен, «с началом мировой войны международные условия торговли ухудшились быстро и резко»². Прежде всего начало войны воздействовало на общий торговый оборот. Уже в сентябре он серьезно уменьшился. Это было вызвано очевидными сложностями, связанными с невозможностью сохранения прежних торговых связей с государствами, которые в это время уже вступили в войну. При этом страны, изначально принявшие участие во Второй мировой войне, являлись для Финляндии главными внешнеторговыми партнерами. Так, в частности, финский экспорт в Германию и Великобританию составлял в 1939 г. более чем 40 %. Более половины всего импорта также шло в Финляндию именно из этих стран³. Однако как было отмечено, с началом войны «вопрос заключался не только в торговле, но и в политической ориентации противоборствующих сторон»⁴. 3 сентября 1939 г. Великобритания объявила блокаду Германии, что сказалось на надежности внешнеторговых операций рейха. В Берлине со своей стороны тоже стремились перекрыть торговые коммуникации Великобритании, что выразилось, в частности, в активном минировании северных морских торговых путей⁵. В результате осенью 1939 г. пострадало 8 финских кораблей и погибло 24 моряка⁶. Это были первые финские жертвы Второй мировой войны, и Финляндия, естественно, теперь была не в состоянии в прежнем объеме сохранять внешнюю торговлю.

Кроме того, финское правительство само искусственно начало сворачивать экспорт. 2 сентября в Хельсинки было принято решение с целью

¹ АВП РФ. Ф. 0135. Оп. 22. П. 145. Д. 1. Л. 22. Из письма поверенного в делах Елисеева [Синицына. — В. Б.] заместителю наркома Деканозову, 12 ноября 1939 г.; См.: Синицын Е. Резидент свидетельствует. С. 37.

² *Seppinen I. Suomen ulkomaankaupan ehdot 1939–1944.* Hels., 1983. S. 33.

³ *Lehtinen A. Sotatalous 1939–1945 // Itsenäisen Suomen taloushistoriaa 1919–1950.* Porvoo; Hels., 1967. S. 216.

⁴ *Seppinen I. Suomen ulkomaankaupan ehdot 1939–1944.* S. 33.

⁵ *Ibid.* S. 26.

⁶ *Ibidem.*

экономии ресурсов запретить вывоз из страны всех необходимых для нее товаров¹. Таким образом, стал сворачиваться экспорт, который упал в 1939 г. на 14 %². Вслед за этим произошло естественное сокращение объемов производства продукции всех внешнеторговых предприятий Финляндии. В итоге выпуск экспортных видов товаров уже в конце октября 1939 г. сократился вдвое³. Это, соответственно, привело к стремительному снижению притока в страну валюты из-за рубежа⁴.

Также весьма серьезной проблемой, которая тоже оказалась во многом следствием начала Второй мировой войны, стал возникший тогда дефицит энергоносителей. Прежде всего это касалось запасов каменного угля и жидкого топлива. Их в Финляндии накануне войны было немного. Причем начать срочные закупки этого сырья за границей в новых условиях стало довольно сложной задачей⁵. Единственным выходом из возникшей ситуации являлся возможный перевод отдельных отраслей экономики на потребление более доступной в Финляндии древесины и торфа. Но полностью решить эту проблему путем повсеместного отхода от применения важных для экономики энергоносителей так и не удалось⁶. Считалось, что осенью 1939 г. запасов, в частности бензина, необходимого для авиационных двигателей, оставалось только на один месяц⁷. Требовалось срочно наладить его жесткую экономию. Поэтому было принято решение лицензировать внутреннюю торговлю и начать строгое нормирование любого вида жидкого топлива, смазочных материалов, а также каменного угля с тем, чтобы приступить к активному накоплению этих продуктов в качестве государственных резервов⁸. Причем все эти мероприятия осуществлялись в соответствии с принятым еще весной 1939 г. законом, который предполагал формирование резервных госу-

¹ *Seppinen I.* Suomen ulkomaankaupan ehdot 1939–1944. S. 33. S. 20–21; *Lehtinen A.* Sotatalous 1939–1945. S. 213; *Seppinen I.* Sodan talous. S. 704.

² *Lehtinen A.* Sotatalous 1939–1945. S. 214.

³ *Ibid.* S. 216.

⁴ *Seppinen I.* Talvisodan talous — ensimmäinen askel rauhasta sotaan. S. 173; *Вихавайнен Т.* Экономика и общество Финляндии военного времени. С. 204.

⁵ *Seppinen I.* Talvisodan talous — ensimmäinen askel rauhasta sotaan. S. 174; *Seppinen I.* Sodan talous. S. 705.

⁶ *Seppinen I.* Sodan talous. S. 705.

⁷ KA. Mannerheimin G. kokoelma. 125. Taloudelliset puolustusvalmistelut ennen talvisotaa.

⁸ *Seppinen I.* Sodan talous. S. 704; *Seppinen I.* Suomen ulkomaankaupan ehdot 1939–1944. S. 21–22.

дарственных запасов на случай вступления страны в период военного времени¹.

Более того, заранее, еще 16 июня 1939 г., был доработан и принят закон об укреплении обороноспособности Финляндии в случае возникновения опасности начала войны. В соответствии с ним президент К. Каллио получил право «при особых обстоятельствах», вызванных появлением серьезной опасности для государства, ввести в стране военное положение без официального его объявления, после чего начать общее государственное регулирование экономики. 8 сентября режим регулирования в Финляндии начал активно осуществляться². Это, несомненно, дало определенные результаты.

К тому же свертывание экспортных отраслей производства естественным образом сокращало потребность предприятий этих отраслей в энергоносителях. В итоге к концу октября расходы в потреблении уменьшились уже наполовину³. Но с другой стороны, дефицит каменного угля и нефтепродуктов, а также их лицензирование вели к росту цен. Это тоже создавало условия для регулирования потребления энергоносителей и экономии данных ресурсов для нужд государства⁴.

Не менее серьезной проблемой, с которой столкнулась тогда Финляндия, была необходимость бесперебойного обеспечения населения страны продуктами питания. В частности, достаточно сложным оказалось положение с запасами зерна⁵. Срочно требовалось создание дополнительного резервного фонда зерновых. Однако, несмотря на то, что летом 1939 г. был издан ряд законов об организации складов с так называемым неприкосновенным запасом, к масштабному заполнению специально создаваемых еще с конца 1920-х гг. зернохранилищ смогли приступить, естественно, лишь к началу осени⁶. При этом урожай зерна в 1939 г. оказался значительно ниже, чем в предшествующий период⁷. В результате стало очевидно, что «продовольственных резервов страны могло хватить только на полгода, то есть до весны 1940 г.»⁸.

¹ *Niukkanen J.* Talvisodan puolustusministeri kertoo. S. 41.

² *Ibidem.*

³ *Seppinen I.* Sodan talous S. 705.

⁴ *Ibidem.*

⁵ *Seppinen I.* Talvisodan talous — ensimmäinen askel rauhasta sotaan. S. 174.

⁶ *Jokipii M.* Jatkosodan synty. Hels., 1987. S. 63, 51.

⁷ См.: *Lehtinen A.* Sotatalous 1939–1945. S. 208.

⁸ *Jokipii M.* Jatkosodan synty. S. 51.

Поэтому с осени стали предпринимать энергичные меры по организации непрерывных закупок хлебного зерна за границей¹. Но и здесь возникли серьезные трудности, поскольку пополнение запасов за рубежом в условиях войны в Европе становилось весьма непростой задачей. К тому же покупка импортного зерна требовала серьезных валютных вложений, рост цен усугублялся еще и транспортными проблемами, вызванными все той же войной². Вследствие этого в Финляндии опять начали изыскивать сугубо внутренние ресурсы. С этой целью 20 сентября 1939 г. было образовано специальное Министерство народного снабжения. В его обязанности входили регламентация потребления и организация карточной системы³. В итоге в стране заблаговременно стали решаться непосредственные вопросы распределения продуктов питания с помощью внедрения системы рационирования. Причем нормированное распределение товаров касалось практически всех важнейших видов продуктов питания⁴, а их распределение по карточкам стало в последующее время колебаться от 20 до 60 %⁵.

Что же касается непосредственно хлеба, то здесь руководство страны пошло на искусственное ограничение общего потребления этого продукта. Это осуществлялось путем активного использования для приготовления хлеба муки крайне низкого качества, но «пригодной для употребления»⁶. Эти экстренные и сверхординарные действия тем не менее дали соответствующие результаты. Государственные запасы зерна начали расти, создавая хорошую перспективу для удовлетворения текущих потребностей вплоть до получения в 1940 г. нового урожая.

Таким образом, еще до начала «зимней войны» руководство Финляндии осуществило ряд мер, характерных для жизни государства в режиме военного времени. Более того, финское правительство заблаговременно позаботилось о возможности быстрого перевода экономики на расширенное производство, связанное с военными заказами и общей перестройкой промышленных предприятий в усло-

¹ *Seppinen I.* Talvisodan talous — ensimmäinen askel rauhasta sotaan. S. 174.; *Seppinen I.* Sodan talous. S. 705–706.

² См.: *Leppänen S.* Kuljetuslaitos 1919–1950 // *Itsenäisen Suomen taloushistoriaa 1919–1950.* S. 134.

³ *Mitä, missä, milloin 1952.* Hels., 1951. S. 121; *Финляндский капитализм.* М., 1983. С. 38.

⁴ См.: *Jokipii M.* Jatkosodan synty. S. 51.

⁵ *Lehtinen Ai.* Sotatalous 1939–1945. S. 232.

⁶ *Seppinen I.* Sodan talous. S. 706.

виях войны. Так, еще за десять лет до начала войны, в 1929 г. стал функционировать Экономический совет обороны. Он занимался планированием и осуществлением предварительных работ в области экономики, которые были необходимы для мобилизации промышленности в мирное время¹.

Экономический совет обороны отвечал прежде всего за решение вопросов, касающихся обеспечения военного производства сырьем, горючим и электроэнергией, а также закупкой для финской армии вооружения. Подобную деятельность он осуществлял в непосредственном взаимодействии с созданным в 1936 г. при Министерстве обороны военно-хозяйственным отделом, сыгравшим не менее важную роль в подготовке экономики страны к военному времени. Этот отдел, по мнению маршала К. Г. Маннергейма, «сделал большой шаг вперед в наращивании военных приготовлений в области развития экономического хозяйства и промышленности»².

Более того, в феврале 1937 г. страна была разделена на пять экономических округов, в которых были образованы соответствующие штабы, позволяющие обеспечить оперативное руководство страной в военно-экономическом отношении в мирное время³. Причем, как отметил военный министр Финляндии Ю. Ниукканен, «подготовительная работа позволила добиться того, что наша [финская. — В. Б.] промышленность в соответствии с планом оказалась в состоянии за очень короткий отрезок времени перейти на чисто военное производство»⁴.

Основная военная программа в области развития экономики тоже была разработана в 1937 г. Она предусматривала активное перевооружение войск и оснащение военной промышленности новейшим оборудованием с полным обеспечением необходимым для него сырьем⁵. Программа реально предполагала развертывание расширенного производства военных материалов, оружия и боеприпасов на базе новых и модернизированных предприятий, а также организацию допол-

¹ *Tirronen E. O. Sotatalous // Suomen sota 1941–1945. Os. XI. Hels., 1975. S. 1–2; Niukkanen J. Talvisodan puolustusministeri kertoo. S. 36; Финляндский капитализм. С. 38; Вихавайнен Т. Экономика и общество Финляндии военного времени. С. 202.*

² *Mannerheim G. Muistelmat. Osa II. S. 65.*

³ *Ibidem; Tirronen E. O. Sotatalous S. 1; Niukkanen J. Talvisodan puolustusministeri kertoo. S. 37; Финляндский капитализм. С. 38.*

⁴ *Niukkanen J. Talvisodan puolustusministeri kertoo. S. 39.*

⁵ *КА. Mannerheimin G. kokoelma. 125. Taloudelliset puolustusvalmistelut ennen talvisotaa.*

нительных закупок за рубежом всего вооружения и стратегического сырья, которого могло не хватать армии Финляндии. Программа была одобрена парламентом 20 мая 1938 г. Она была рассчитана на четыре года, с общим государственным финансированием в 2 млрд 710 млн финских марок¹. Причем, как отмечает в своих воспоминаниях К. Г. Маннергейм, тогда было принято «принципиальное решение размещать за рубежом только такие заказы, которые не могла выполнить отечественная промышленность»². В целом, согласно принятой программе, доля военных расходов государства должна была составить в 1938 г. 25 % всего финского бюджета, причем тогда явно уже предполагалось ее возможное дальнейшее увеличение³.

С началом 1939 г., «когда стало ясно», что Финляндия «находится на пороге большой войны», Министерство обороны, по мнению его руководителя, начало работать «с высочайшим напряжением»⁴. По предложению Экономического совета обороны была одобрена новая дополнительная программа широких закупок за рубежом новейших видов вооружения. Более того, в августе 1939 г. военный министр Ю. Ниукканен назначил специальную комиссию, которая должна была проверить экономическую готовность страны к возможной войне, поскольку «многие признаки указывали на то, что Финляндия находилась в опасной зоне»⁵.

Хорошим смотрам многолетней работы в области развития военной промышленности явились также проведенные в августе 1939 г. самые масштабные за всю историю Финляндии военные учения. К ним военное ведомство готовилось с весны, и в них приняли участие до 20 тыс. человек. Премьер-министр даже назвал их «национальной проверкой сил»⁶.

Действительно, в период проведения этих маневров стала ясна степень реального оснащения вооружением финских войск. Для командования армии тогда четко стало понятно, какие сферы требуют срочного вмешательства со стороны государства. Как отметил в своих воспоминаниях К. Г. Маннергейм, «чувству удовлетворения, вызванного выполне-

¹ KA. Mannerheimin G. kokoelma. 125. Taloudelliset puolustusvalmistelut ennen talvisotaa. *Tirronen E. O.* Sotatalous. S. 2; Финляндский капитализм. С. 38.

² *Mannerheim G.* Muistelmat. S. 78.

³ См.: *Вухавайнен Т.* Экономика и общество Финляндии военного времени. С. 203.

⁴ *Niukkanen J.* Talvisodan puolustusministeri kertoo. S. 45.

⁵ *Ibidem.*

⁶ Цит. по: *Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г.* Финляндия во Второй мировой войне. С. 55.

нием задач войсками во время самих учений... мешало осознание того, сколь были малы результаты в области вооружения»¹. В частности, оказалось, что личного оружия в подразделениях было достаточно, но явно не хватало снарядов для артиллерии и боеприпасов для минометов, которых после соответствующих подсчетов хватило бы лишь на первые 20 дней активных боевых действий². Военный министр, в свою очередь, также вынужден был мрачно констатировать, что армия все же «плохо оснащена и существует явный дефицит важных компонентов вооружения»³.

В результате с осени 1939 г. начался процесс срочной ликвидации обнаруженного дефицита, это выразилось в стремительном увеличении военных расходов. Только в октябре они возросли на 50 млн финских марок⁴. С этого времени начались масштабные закупки нового вооружения за рубежом. Даже Германия, связанная договором с СССР, все же «с полным пониманием» отнеслась к военно-экономическому положению Финляндии⁵ и готова была вести переговоры о продаже ей большой партии вооружения. Речь шла о возможности закупки в рейхе 374 артиллерийских орудий, а также ряда кораблей и торпед⁶. Причем, как заметил финский исследователь И. Сеппинен, тогда в Финляндии «только вооруженные силы снабжались всем необходимым вне зависимости от существующего у страны импорта»⁷. Это, конечно, был вынужденный шаг. Но и он тоже до конца не устраивал военные круги страны. Несколько позже, 27 ноября 1939 г. К. Г. Маннергейм в своем послании президенту страны К. Каллио отметил, что руководству Фин-

¹ *Mannerheim G.* Muistelmat. S. 108.

² *KA. Mannerheimin G. kokoelma.* 125. Taloudelliset puolustusvalmistelut ennen talvisotaa; *Seppinen I.* Talvisodan talous — ensimmäinen askel rauhasta sotaan. S. 176.

³ *Niukkanen J.* Talvisodan puolustusministeri kertoo. S. 36.

⁴ *Ibid.* S. 214. Именно это, вероятно, имел в виду советский представитель в Хельсинки Е. Т. Синицын, когда докладывал в СССР о суммах финансовых вложений, которые «финны сейчас тратят на армию».

⁵ *Seppinen I.* Suomen ulkomaankaupan ehdot 1939–1944. S. 37.

⁶ *Ibid.* S. 35. Эти поставки Германия в полном объеме осуществить не смогла, поскольку немцы вынуждены «избежать впечатления, что они занимаются вооружением Финляндии... против Советского Союза» (*Ibid.* S. 36). Поэтому до начала войны Финляндия из рейха получила лишь 40 орудий (*Вихавайнен Т.* Иностранная помощь Финляндии // *Зимняя война 1939–1940.* Кн. 1: Политическая история. С. 193). Тем не менее, как отмечают исследователи, «за исключением экспорта меди и покрытых глубокой тайной поставок вооружения финляндско-германская торговля продолжалась “без сучка и задоринки”» (*Seppinen I.* Suomen ulkomaankaupan ehdot 1939–1944. S. 36–37).

⁷ *Seppinen I.* Suomen ulkomaankaupan ehdot 1939–1944. S. 22.

ляндии явно не следовало по-прежнему «полагаться на совершенно ограниченные возможности отечественного производства». В своем послании он, в частности, настаивал на еще бóльших срочных закупках «всего необходимого для укрепления обороны» и для этого требовал от президента «дать максимальную свободу действий военному ведомству»¹. Причем предлагаемые маршалом Финляндии экстренные меры действительно стали уже осуществляться, что позволило в последующем усилить огневую мощь финской армии в два раза².

В целом организация военных учений в августе 1939 г., которые затем в октябре подкрепились масштабной мобилизацией значительной части мужского населения, оказались серьезной проверкой не только степени оснащения армии вооружением, но и показали, что может произойти в экономике страны после массового призыва трудовых ресурсов в вооруженные силы. Для руководства Финляндии раскрывалась общая картина того, что могло возникнуть с человеческими ресурсами непосредственно в период войны. В итоге проведенные тогда сборы обнаружили, по каким направлениям следует обеспечить перераспределение трудовых ресурсов. Очевидно, что с окончанием сельскохозяйственных работ осенью 1939 г. и сокращением объема производства в лесной промышленности, вызванного началом мировой войны, именно из этих отраслей экономики могли наиболее активно призываться в армию резервисты³.

К началу «зимней войны» Финляндия подошла весьма организованно с экономической точки зрения. И хотя маршал К. Г. Маннергейм в своих мемуарах критиковал способность финской экономики обеспечить войска всем необходимым и даже горестно заметил, что «мы вынуждены были довольствоваться заранее не подготовленной и слабо организованной военной экономикой, которая, несмотря на свою военную профилизацию, оказалась недостаточно эффективной»⁴, тем не менее общий экономический результат, как показала сама война, оказался весьма позитивным. Критическое мнение Маннергейма в отношении организации финской военной экономики, возможно, было вызвано тем, что в 1930-е гг. правительство не всегда поддерживало большинство выдвигавшихся маршалом инициатив,

¹ *Mannerheim G.* Muistelmat. S. 131–133.

² *Seppinen I.* Talvisodan talous — ensimmäinen askel rauhasta sotaan. S. 176.

³ *Вихавайнен Т.* Экономика и общество Финляндии военного времени. С. 205.

⁴ *Mannerheim G.* Muistelmat. S. 150–151.

связанных с увеличением военного финансирования и расширением военных закупок за рубежом¹. Более того, у маршала возникли тогда серьезные противоречия с «экономической политикой» военного министра Ю. Ниюкканена. Маннергейм считал, что военное ведомство действует недостаточно эффективно, поскольку «у армии отсутствует должная оснащенность»². Это прежде всего относилось к предлагаемым им масштабным закупкам вооружения за границей.

Действительно, как отмечают отдельные финские исследователи, у руководства страны объективно «не было согласованного плана или предварительно продуманной политики» в отношении военных закупок³. Но тем не менее «внешнеторговая политика с началом Второй мировой войны была существенно изменена»⁴, а меры, которые были приняты осенью 1939 г., позволили все же начать наращивание поставок вооружения из-за рубежа. Также с помощью жесткого государственного регулирования создавались дополнительные условия для того, чтобы быстро поднять военный потенциал страны. К началу ноября к военному производству было привлечено уже более 100 промышленных предприятий⁵. И несмотря на недовольство Маннергейма неэффективностью действий правительства и парламента в этом направлении, все же был достигнут хороший результат. Благодаря заранее принятым мерам в стране за короткий срок удалось серьезно расширить производство оружия, боеприпасов и различных видов военных материалов, а также приступить к широким закупкам для нужд армии отсутствующего у нее вооружения. Но, естественно, это происходило на фоне общего свертывания финской внешней торговли и сокращения выпуска товаров гражданских отраслей производства. Как заметил исследователь Р. Брюммерт, перевод экономики Финляндии на военные рельсы «уменьшил ту часть общественного продукта, который мог бы быть использован в промышленном производстве и в торговле»⁶.

В итоге с имеющимся у Финляндии экономическим потенциалом страна достигла, как представляется, оптимального результата, а боевые действия финской армии против СССР, по мнению исто-

¹ *Mannerheim G.* Muistelmat. S. 129–133.

² *Sélen K. C. G. E.* Mannerheim ja hänen puolustusneuvostonsa 1931–1939. S. 333.

³ *Seppinen I.* Suomen ulkomaankaupan ehdot 1939–1944. S. 231.

⁴ *Ibid.* S. 232.

⁵ *Niukkanen J.* Talvisodan puolustusministeri kertoo. S. 133.

⁶ *Brummert R.* Statsbeskatningen som medel för krigs finansieringen j Finland Åren 1939–1945. Hels., 1956. S. 201.

рика И. Сеппинена, стали для Финляндии примером осуществления ярко выраженной «тотальной войны»¹. Более того, парадокс складывающейся тогда ситуации заключался еще и в том, что предварительные приготовления оказались настолько удачными, что начавшаяся 30 ноября война не повлияла серьезно на экономическую обстановку в стране. В Финляндии с точки зрения экономики ничего не изменилось, поскольку к этому времени уже сложилась стройная система государственного регулирования. Начавшаяся война не отразилась, как это неверно предсказывали советские эксперты, и на финансовом положении. Меры правительства, связанные с необходимостью экономии денежных средств, были четко отработаны и апробированы в предшествующий период жесткой финансовой политики государства. В итоге перед войной в Финляндском банке были произведены соответствующие валютные ограничения, которые позволили сохранить и перераспределить валютные резервы².

Тем не менее война потребовала колоссальных финансовых расходов, которые прежде всего были вызваны, как уже отмечалось, необходимостью расширения военного производства и масштабными закупками вооружения и боевой техники за рубежом. Однако в этом плане для Финляндии складывалась достаточно благоприятная ситуация. Ряд ведущих государств Запада в условиях начавшейся «зимней войны» были готовы предоставить финскому руководству кредиты. В частности, Финляндия получила кредиты от США, Великобритании и Швеции. Более того, с целью приобретения кредитов 5 декабря 1939 г. в Соединенных Штатах была образована Финско-американская торговая корпорация, через которую уже 15 декабря в Финляндию поступил первый крупный денежный транш на сумму 1 млн 700 тыс. долларов. Он выделялся для покупки боевой техники и вооружений, необходимых финской армии³. К тому же после того, как финская армия сумела выдержать первый удар советских войск и остановить их наступление, Финско-американская торговая корпорация использовала складывающуюся ситуацию и добилась увеличения кредита. В январе 1940 г. Финляндия получила денежный транш чуть ли не в десять раз крупнее планировавшегося⁴. Но это

¹ *Seppinen I. Sodan talous. S. 697.*

² *Seppinen I. Suomen ulkomaankaupan ehdot 1939–1944. S. 232.*

³ *Seppinen I. Sodan talous. S. 707.*

⁴ *Ibidem.*

влекло за собой рост государственного долга, который в 1939 г. по сравнению с 1938 г. увеличился вдвое, а в 1940 г. в целом составил 528 % довоенного¹. Более того, Финляндия вынуждена была начать активную распродажу золотовалютных резервов. В результате финского золота было продано в 1940 г. на сумму около 600 млн марок². Это составляло почти 60 % золотого запаса страны. В итоге валютные и золотые резервы в стране практически были исчерпаны³.

Естественно, что получаемые тогда Финляндией средства шли на обеспечение военных расходов. На армию работала практически вся финская экономика. Таким образом, масштабные расходы, как заметил И. Сеппинен, стали «беспощадно обстреливать» государственный бюджет⁴ и приобрели тогда просто гигантские размеры. В 1939 г. они составили 140 %, а в последующем увеличились еще почти вдвое⁵. Все это создавало реальный финансовый дефицит, поскольку если в 1938 г. Финляндия тратила на программы, связанные с обороной страны, 1,1 млрд финских марок, то в 1939 г. сумма расходов увеличилась уже втрое. В 1940 г. она достигла уже 13,4 млрд финских марок⁶.

Однако эти расходы были достаточно эффективно использованы, поскольку финское военное производство тогда не просто выдержало возникшее в результате начавшихся боевых действий напряжение, но и добилось серьезных позитивных результатов. Более того, в конце войны армия оказалась значительно лучше оснащена, чем до этого, что являлось несомненным показателем достигнутого тогда положительного результата. Предприятия, работавшие на военные заказы, по сравнению с 1938 г. увеличили объем выпускаемой продукции в 1939 г. на 96 %, а в последующий 1940 г. в целом сразу на 313 %⁷.

Подобный итог хорошо заметен, если произвести сравнение показателей по количеству вооружения в финской армии за весь период «зимней войны»⁸:

¹ *Pihkala E.* Sotatalous 1939–44 // Suomen taloushistoria. Os. 2. Hels., 1982. S. 325.

² *Seppinen I.* Suomen ulkomaankaupan ehdot 1939–1944. S. 37.

³ *Ibid.* S. 37, 233.

⁴ *Seppinen I.* Sodan talous. S. 708.

⁵ *Pihkala E.* Sotatalous 1939–44. S. 325.

⁶ *Seppinen I.* Sodan talous. S. 709.

⁷ *Lehtinen A.* Sotatalous 1939–1945. S. 212.

⁸ См.: *Niukkanen J.* Talvisodan puolustusministeri kertoo. S. 173, 174, 176, 181, 194, 195.

Вооружение	Начало войны (30.11.1939)	Конец войны (12.03.1940)
винтовки	254,5 тыс.	416 тыс.
пистолеты	18,3 тыс.	32,3 тыс.
автоматы	4 тыс.	7,7 тыс.
пулеметы	2,4 тыс.	3,5 тыс.
гранатометы	360 шт.	788 шт.
артиллерийские орудия	1134 шт.	2641 шт.

В целом экономические успехи, достигнутые в годы «зимней войны», позволяли надеяться на хороший результат работы финской военной экономики и в дальнейшем¹. Многие в руководстве страны рассчитывали, что Финляндия после окончания «зимней войны» будет в состоянии взять реванш у СССР. Неслучайно поэтому современные финские историки указывают на то, что Финляндия показала способность «успешно преодолевать трудности зимней войны в значительной мере за счет внутренних резервов»².

Тем не менее оптимистические результаты, которые были достигнуты в оснащении финской армии, были связаны прежде всего не с потенциальными возможностями финской экономики, а с масштабной помощью, которая была оказана Финляндии из-за рубежа. Руководству страны в то время требовалось прежде всего осуществить срочную закупку дополнительных вооружений³. Поэтому большую роль в обеспечении финской армии сыграли реальные военные поставки, направляемые тогда из-за границы. В частности, в годы войны страна получила 1132 артиллерийских орудия и 376 самолетов⁴. Не меньшее количество другого вооружения поступило в Финляндию из-за рубежа, и география этих поставок была весьма разнообразна. Это видно из соответствующей сводной таблицы, которая была составлена на основе данных, приведенных в своих воспоминаниях финским военным министром⁵.

¹ *Niukkanen J.* Talvisodan puolustusministeri kertoo. S. 200.

² *Vихавайнен Т.* Экономика и общество Финляндии военного времени. С. 206.

³ *Seppinen I.* Sodan talous. S. 706.

⁴ *Niukkanen J.* Talvisodan puolustusministeri kertoo. S. 168–172, 194–195.

⁵ *Ibidem.*

Страна	Орудий	Снарядов (тыс.)	Гранат (тыс.)	Пагронов (млн)	Тягачей, танков	Торпед	Мин	Тор. кагеров	Самолетов
Франция	210 ⁽¹⁾	346	20	11	—	—	—	—	156
Британия	121	211	40	20	28	20	450	4	99
США	232	350	150	68	—	—	—	5	44
Швеция	200 ⁽²⁾	225	—	17	—	—	—	—	38
Норвегия	12	7	—	—	—	—	—	—	—
Дания	178	—	—	—	—	—	—	—	—
Венгрия	40	11	300	—	—	—	—	—	—
Италия	60	408	—	—	—	35	150	5	—
Германия	30	-	—	100	—	—	—	—	—
Бельгия	13	300	—	—	—	—	—	—	—
Испания	36	36	—	—	—	—	—	—	—
ЮАР	—	—	—	—	—	—	—	—	25 ⁽³⁾
ИТОГО	1132⁽⁴⁾	1 млн 993 тыс.	510	216 млн 100 тыс.	28	55	600	14	397⁽⁵⁾

¹ Следует учитывать, что в финской исторической литературе существуют различные сведения об оказании помощи Финляндии. Так, известный финский историк профессор Ю. Невакиви указывает, что Франция в годы войны поставила Финляндии 352 артиллерийских орудия (см.: *Nevakivi J. Ranska Suomelle talvisodan 1939–40 aikana tarjoamasta sotilasarvustusta*. S. 104–105).

² Профессор Т. Вихавайнен отмечает помощь Швеции лишь в 101 артиллерийском орудии (см.: *Вихавайнен Т. Экономика и общество Финляндии военного времени*. С. 196).

³ Южноафриканский Союз, являясь доминионом Великобритании, передал Финляндии бесплатно 25 истребителей английского производства Глостер «Гладиатор».

⁴ Исследователь Т. Вихавайнен указывает только 595 артиллерийских орудий (см.: *Вихавайнен Т. Экономика и общество Финляндии военного времени*. С. 196).

⁵ Многие поступавшие в Финляндию в годы войны военные самолеты передавались финской армии без всякой денежной компенсации, в виде дара (см.: *Peltonen M. Ilmasota talvisodassa // Talvisodan. Pikkujättiläinen*. S. 619). Однако число полученных самолетов у разных историков различается. Так, исследователь М. Пелтонен указывает на 194 переданных в годы войны Финляндии самолета (см.: *Peltonen M. Ilmasota talvisodassa*. S. 619), у Т. Вихавайнена их количество еще меньше — 134 (см.: *Вихавайнен Т. Экономика и общество Финляндии военного времени*. С. 197).

Характерно при этом, что значительная часть иностранных военных поставок на сумму около 2 млрд финских марок поступали в Финляндию в виде дарения¹. Общее же зарубежное снабжение Финляндии за три с половиной месяца войны достигло в денежной форме рекордной цифры — 4,6 млрд финских марок, что можно было сравнить с иностранными закупками Финляндии за семь предшествовавших этому лет². Причем больше всего товаров в пересчете на деньги направлялось из Швеции³, которая, по меткому выражению А. С. Кана, «явилась своего рода арсеналом Финляндии в “зимней войне”»⁴. В результате, по мнению известного финского историка-экономиста Э. Пихкалы, «можно сказать, что зимняя война велась непринужденно из-за отсутствия экономических проблем»⁵.

Этот в целом позитивный показатель тем не менее означал, что Финляндия, практически не имевшая до войны внешнего долга, превратилась в годы «зимней войны» в финансовом отношении в зависимое от Запада государство. Ярким показателем этого является то, что более половины всех финских внешних займов, которые страна получала за весь период Второй мировой войны (1939–1945 гг.), приходилось именно на время «зимней войны» (1939–1940 гг.)⁶.

Другим негативным проявлением получаемой из-за рубежа помощи являлось некоторое искажение реальной картины экономического развития Финляндии. Благоприятные экономические результаты, достигнутые с помощью импортных поставок и мобилизации внутренних ресурсов, не могли гарантировать стабильное поступательное развитие в дальнейшем. Более того, путь максимального регулирования экономики и попытка широкомасштабного расширения военного производства за счет гражданских отраслей не позволяли рассчитывать на то, что в случае продолжения войны финская экономика сможет без массивной помощи извне избежать полного краха.

В целом цифры общего объема производства в 1940 г. говорили о том, что экономический кризис в Финляндии на самом деле уже

¹ *Seppinen I.* Suomen ulkomaankaupan ehdot 1939–1944. S. 37.

² *Häikiö M.* Suomi jäi yksi talvisodassa — vai jäikö? S. 339.

³ *Ibidem.*

⁴ *Кан А. С.* Внешняя политика Скандинавских стран в годы Второй мировой войны. С. 61.

⁵ *Pihkala E.* Kuinka jatkosota kestiin taloudellisesti // *Jatkosodan kujanjuoksu.* Ppvoov; Hels.; Juva, 1982. S. 89.

⁶ *Lehtinen A.* Sotatalous 1939–1945. S. 228.

наступил. Объективно объем выпуска промышленных товаров в стране быстро сократился. По основным показателям его падение в 1940 г. было стремительным и самым мощным за все годы Второй мировой войны¹. Предприятия, которые в предшествующий период являлись ключевым и базовыми в финской промышленности, давая ранее до 67,86 % всего объема промышленного производства (бумажная, пищевая, машиностроительная, деревообрабатывающая, химическая, энергетическая отрасли), теперь резко уменьшили выпуск своей продукции. Так, производство продукции лесной отрасли, которая традиционно работала на экспорт, составила лишь 45 % довоенного (1938 г.)². Особенно стремительное сокращение выпуска товаров всех видов происходило в гражданских отраслях промышленности. Их показатели упали сразу и даже вместе с предприятиями, обеспечивающими военное производство, сократились на 27 % от довоенного уровня³. Также в кризисном положении оказался транспорт. Он работал на 88 % своей прежней мощности. В целом национальный доход страны в 1940 г. сократился на 14 %. Это был самый низкий показатель за весь период Второй мировой войны⁴. В катастрофическом положении, как уже отмечалось, оказался экспорт вывозимой из Финляндии продукции. В 1940 г. он по сравнению с 1939 г. уменьшился на 69 %. Такого финская экономика не знала даже в период наибольшего экономического упадка 1944 г.⁵ Таким образом, как отметили финские историки, «зимняя война стала тяжелым бременем»⁶, которое не могло не оказывать влияние на экономическое развитие страны в дальнейшем.

Тяжелая экономическая ситуация усугублялась ухудшающимся финансовым положением. Стремление государства с начала войны, в интересах обороны и потребностей национального обеспечения, а также для общей стабилизации всей экономической жизни в условиях военного времени, обеспечивать регламентацию валютных сделок банковских учреждений, не дало масштабного эффекта. За годы «зимней войны» стала быстро развиваться инфляция, которая составила тогда 22 %⁷.

¹ См.: *Lehtinen A.* Sotatalous 1939–1945. S. 212.

² *Pihkala E.* Sotatalous 1939–44. S. 321.

³ *Lehtinen A.* Sotatalous 1939–1945. S. 212.

⁴ См.: *Pihkala E.* Sotatalous 1939–44. S. 321.

⁵ *Ibid.* S. 322.

⁶ *Pihkala E.* Kuinka jatkosota kestettiin taloudellisesti. S. 89.

⁷ *Seppinen I.* Sodan talous. S. 708; См. также: *Lehtinen Artturi.* Sotatalous 1939–1945. S. 229.

Следует также добавить то, что в условиях войны неизбежно создается дефицит рабочей силы. Это явление непосредственным образом влияло на перспективу дальнейшего экономического развития страны. Количество рабочих, связанных с производством, в период мобилизации и военных действий стало стремительно сокращаться. Если в 1938 г. в промышленности было занято 214 400 рабочих, то в 1939 г. их количество уменьшилось на 23 400 человек¹. Когда же финская армия стала быстро увеличиваться из-за ее масштабного развертывания и в начале 1940 г. насчитывала уже около 385 000 солдат², это неминуемо повлекло за собой значительную нехватку рабочих рук на производстве. В результате в то время на работавших в Финляндии 3896 промышленных предприятиях находилось лишь 175 622 рабочих³.

Дефицит рабочей силы требовал привлечения к сугубо мужским формам труда женщин, а также постепенному введению в стране обязательной трудовой повинности. Поэтому еще перед войной, 16 июня 1939 г. было принято решение о введении трудовой повинности, которая предусматривала возможность мобилизации всего населения на нужды обороны страны⁴. В конечном итоге каждый гражданин Финляндии в возрасте от 16 до 60 лет был обязан выполнять работу, необходимую для ведения войны. Одновременно также выросла продолжительность рабочего дня. В промышленности тогда она могла увеличиться до 9–10 часов в сутки⁵.

Все это требовало от общества колоссального напряжения сил, совпадающего с резким падением уровня жизни, где нормирование товаров широкого потребления сочеталось со стремительным ростом цен на товары и услуги. В 1939–1940 гг. в Финляндии, при условии неизменной заработной платы для рабочих, стоимость жизни возросла на 20 %⁶. При этом наиболее стремительно цены выросли на продукты питания, одежду, а также на отопление и свет⁷. Причем, естественно, в условиях войны многие невзгоды и трудности экономического

¹ *Lehtinen A.* Sotatalous 1939–1945. S. 212.

² *Pihkala E.* Sotatalous 1939–44. S. 326; *Lehtinen Artturi.* Sotatalous 1939–1945. S. 206.

³ Suomen taloushistoria. Os. 3. Historiallinen tilasto. Hels., 1983. S. 109–110.

⁴ *Niukkanen J.* Talvisodan puolustusministeri kertoo. S. 41; *Lehtinen Artturi.* Sotatalous 1939–1945. S. 206.

⁵ *Pihkala E.* Sotatalous 1939–44. S. 326; *Saraste E.* Totaalinen liikekannalepano // Suomi 1941. Hels., 1985. S. 9.

⁶ *Pihkala E.* Sotatalous 1939–44. S. 327; *Lehtinen A.* Sotatalous 1939–1945. S. 203.

⁷ *Lehtinen A.* Sotatalous 1939–1945. S. 203.

характера коснулись прежде всего малоимущих слоев населения. Правительство со своей стороны приняло ряд мер, предусматривавших ограничение прав на забастовки и демонстрации, запрещение перехода рабочих с одного предприятия на другое, а также обязательное нормирование заработной платы.

Иными словами, в Финляндии наблюдались определенные перспективы накапливания социального напряжения, которые скрывались под общими идеями необходимости национальной борьбы против «советской агрессии».

В целом экономический аспект участия Финляндии в боевых действиях против СССР в 1939–1940 гг. является ярким примером уникальности Советско-финляндской войны. Действительно, небольшое государство смогло выдерживать мощные удары своего соседа. Финская армия оставалась не разгромленной и продолжала отстаивать государственную независимость. Безусловно, это было следствием героических усилий всего населения страны. Экономические показатели военного времени также являлись хорошей иллюстрацией произошедшего тогда «чуда». Однако именно в экономике очень хорошо заметно и то, что Финляндия не осталась в одиночестве¹ перед мощью великой державы. Она получала достаточно эффективную поддержку из-за рубежа, и эта поддержка, несомненно, сыграла важную роль в достижениях в финансово-экономическом положении страны, произошедших в годы «зимней войны».

В этом отношении, конечно, советское народное название «финская война» имело достаточно условный характер. В этой войне СССР реально боролся с большей частью Западного мира, который финансово и экономически стремился оказать Финляндии такую поддержку, которая бы позволила этой стране продолжать войну, затягивая ее и Советский Союз в орбиту Второй мировой войны.

Финляндия, Советский Союз и Запад в финальной стадии 105-дневной войны

Вторая неделя февраля 1940 г. для финского руководства была временем, когда начался пересмотр определенных представлений, связанных с продолжением войны. После принятых 5 февраля на заседании Высшего военного совета союзников решений об отказе

¹ Yksin suurvaltaa vastassa. Talvisodan poliittinen historia.

в широкомасштабной военной помощи Финляндии и оказании ей лишь помощи, которая должна была не допустить ее разгрома, в Хельсинки поняли, что мечта финского руководства добиться прямого участия стран Запада в войне против СССР не осуществится. Единственное, что для Финляндии было ясно, это то, что союзники продолжали оказывать очевидную моральную поддержку, отправляли в Финляндию добровольцев и обеспечивали финансово-экономическую подпитку, необходимую для продолжения «финской войны». Эти стандарты сотрудничества в достижении общего позитивного результата в продолжении войны, вероятно, становились для Хельсинки недостаточными.

Финское руководство особенно смущало то, что откровенно изменилась ситуация с получением прямой англо-французской военной помощи. Неслучайно поэтому сразу же после выяснения позиции Запада в Ставке финского главнокомандующего состоялось совещание, в котором участвовал узкий круг лиц. Кроме К. Г. Маннергейма там присутствовали премьер-министр Р. Рюти, министр иностранных дел Р. Таннер и генерал Р. Вальден. Проанализировав события, участники этого совещания пришли к выводу о трех возможных путях решения вопроса, связанного с продолжающейся войной. Либо стать без промедлений на путь достижения мира, либо продолжать войну при активной помощи Швеции. Наконец, альтернативой оставалась надежда вести дальше военные действия, но при ожидании реальной поддержки западных держав¹. В конечном счете на этой встрече посчитали целесообразным, не игнорируя мирные переговоры с СССР и не связывая себя планами с Западом, постараться добиться расширения помощи именно со стороны Швеции. Имея в виду свои размышления в эти дни, Маннергейм написал затем в мемуарах: «Я все более сомневался, смогут ли западные державы помочь нам»².

В такой ситуации правительство Финляндии прежде всего предпринимало меры, чтобы расширить поддержку со стороны Скандинавии. Для этого Р. Рюти выехал в Стокгольм, где встречался с премьер-министром П. Ханссоном. Речь велась о перспективах помощи Финляндии шведскими войсками и войсками западных держав, поскольку, как он сообщал, над финской армией нависла угроза быть

¹ *Tanner V. Olin ulkoministerina talvisodan aikana. S. 238; Mannerheim K. G. Muistelmat. S. 250.*

² *Mannerheim K. G. Muistelmat. S. 217.*

полностью обескровленной¹, и об этом нужно было прямо проинформировать Запад. Конкретно Рюти просил направить в Финляндию регулярные части хотя бы под видом добровольцев. Подобное обращение об отправке 30 тыс. шведских солдат последовало уже от Таннера. Но в Швеции опять не захотели рисковать своим нейтралитетом².

Ситуация на фронте тем не менее в момент поиска финским руководством новых форм военной помощи начала стремительно меняться. После тщательной подготовки 11 февраля 1940 г. на Карельском перешейке началось решительное наступление частей Красной армии. В приказе Военного совета Северо-Западного фронта была поставлена задача сокрушить линию Маннергейма и «навсегда обеспечить безопасность северо-западных границ Советского Союза и Ленинграда»³.

В районе намеченного прорыва 7-й армии, которая стала развертывать наступление против частей II корпуса и созданного под командованием генерал-майора Т. Лаатикайнена нового I армейского корпуса, было сосредоточено значительное количество боевой техники: более тысячи орудий и столько же танков. Главный удар наносился 19-м и 50-м стрелковыми корпусами на 17-километровом участке в направлении железнодорожной станции Лейпясуо.

В результате массированного артиллерийского удара и последовавшей за ним ожесточенной атаки советских войск части II армейского корпуса финнов оказались в крайне сложном положении. В районе Суммы наметился прорыв. Особенно кровавые бои разгорелись 13 февраля у местечка Ляхде, где оборонялись части 5-й пехотной дивизии II армейского корпуса. Там, писал впоследствии К. Г. Маннергейм, «положение стало критическим». Финские войска, занимавшие укрепленный район, несли огромные потери⁴. Несмотря на введенные в бой резервы, финскому командованию так и не удалось стабилизировать положение.

В ходе трехдневных ожесточенных боев наступавшие войска вклинились в финскую оборону, расширили прорыв и овладели Суммским укрепленным районом. В то же самое время упорные бои разгорелись за Хотиненский узел обороны линии Маннергейма. К исходу 14 фев-

¹ *Myllyniemi S.* Suomi sodassa 1939–1945. S. 157.

² *Pakaslahti A.* Talvisodan poliittinen näytelmä. S. 249.

³ РГВА. Ф. 34980. Оп. 1. Д. 10. Л. 106–109.

⁴ *Mannerheim K. G.* Muistelmat. S. 201–202.

раля в результате стремительной атаки советской 100-й стрелковой дивизии сопротивление частей 5-й пехотной дивизии было сломлено, мощные укрепленные позиции, имевшие 13 железобетонных сооружений, полностью перешли в руки советских войск¹.

На следующий день наступавшие части уже вышли к Лейпясую, а 16 февраля вступили в Кямря (Гаврилово) — важный опорный пункт на пути к Выборгу. Характеризуя действия частей Красной армии, участник этих боев финский военный историк В. Х. Халсти отмечал, что в отличие от первого периода боевых действий теперь наблюдалась иная картина в наступлении советских войск: их четкая слаженность, взаимосвязь между пехотой, танками и артиллерией. «Русские напоминали как бы оркестр, где каждый исполнял свою роль и мелодию», — писал он в книге «Зимняя война 1939–1940 гг.»².

В сложившейся обстановке финское командование, опасаясь, что часть сил II армейского корпуса окажется отрезанной в юго-западном (прибрежном) районе Карельского перешейка, начало их отводить на второй оборонительный рубеж. В результате 18 февраля главная полоса финской обороны от озера Муоланярви (Глубокое) до Финского залива оказалась полностью прорванной.

Одновременно 17 февраля в полосе наступления 13-й армии также обозначился отход частей III финского армейского корпуса. В течение 18–21 февраля подразделения 15-го и 23-го стрелковых корпусов Красной армии устремились вперед и подошли к главной линии укреплений финских войск в районе реки Вуокса в центре Карельского перешейка. К этому времени соединения 7-й армии также вышли уже ко второй полосе линии Маннергейма. Тогда же, во второй половине февраля, на прибрежном участке Финского залива частям 7-й армии во взаимодействии с отрядами моряков с кораблей советского Балтийского флота удалось овладеть в районе Койвисто (Приморска) рядом островов Бьеркского архипелага (Березовые острова).

Серьезное поражение финских войск и прорыв главной линии укреплений линии Маннергейма привели к тому, что был отстранен от командования армией «Перешеек» генерал-лейтенант Х. Эстерман. Его заменил командир III армейского корпуса генерал-майор Э. Хейнрикс. Одновременно Ставка финского главного командования стала принимать меры, чтобы с помощью подвижных групп приккры-

¹ АШ ЛВО. Ф. 7043. Оп. 1. Кор. 152. Д. 2. Л. 44.

² *Halsti W. H.*. Suomen sota 1939–1945. Osa 1. Hels., 1957. S. 163.

тия приостановить наступление Красной армии. Однако моральный дух финских солдат в это время существенно изменился. Командир 1-й пехотной дивизии, прикрывавшей Выборгское направление, полковник А. Е. Мартола писал: «Солдаты были уставшие, длительное время не спали. Настроение у всех было далеко не блестящее»¹.

Не лучшим образом складывалось положение для финской армии и на других направлениях. В Карелии также началась общая концентрация советских войск для дальнейшего их наступления. Здесь части, действовавшие вдоль северного побережья Ладожского озера, были сначала объединены в Южную оперативную группу 8-й армии, а затем, после доукомплектования, 11 февраля преобразованы «для удобства управления войсками, действовавшими на северном побережье Ладожского озера», в 15-ю армию². Она перешла в подчинение Ставки, и ее возглавил командарм 2-го ранга М. П. Ковалев.

Усложнилось положение Финляндии и на севере, где 2 февраля в составе 9-й армии была образована Ребольская оперативная группа под командованием комдива Д. Н. Никишева, предпринявшая в это время попытки наступательных действий.

Тем не менее нарастающая советская военная активность на фронте сочеталась с параллельно осуществлявшейся инициативой, выдвинутой Москвой, относительно возможности окончания войны и подписания мирного договора. С другой стороны, усиливалась дипломатическая активность со стороны стран Запада, которые опять начали демонстрировать желание оказать действенную военную помощь Финляндии в ее войне против СССР.

Естественно, ни в Лондоне, ни в Париже не были заинтересованы ни в военном поражении Финляндии, ни в окончании «финской войны». Поэтому Генеральные штабы западных держав продолжали заниматься подготовкой операций в Северной Европе. Это опять почувствовали в Хельсинки. 15 февраля из Парижа вновь последовал запрос о необходимости срочной доставки во Францию очередной партии карт Финляндии и прежде всего северной части страны³. Это, как было объяснено финскому руководству, было связано с началом подготовки союзниками конкретного расчета сил и сроков высадки десантов в Скандинавии. По предварительным расчетам тогда пред-

¹ *Martola A. E.*. Sodassa ja rauhassa. Muistelmia. Keuruu, 1973. S. 133.

² РГВА. Ф. 34980. Оп. 8. Д. 32. Л. 1.

³ УМ. 109. С2с. Донесение из Парижа в МИД, 15.02.1940.

усматривалось осуществление двух десантных операций. Одна предполагала высадку экспедиционных сил в Норвегии (около 5 тыс. человек) и наступления оттуда в направлении Северной Финляндии, а другая — десантирование колоссального количества войск в Южной Швеции (свыше 100 тыс. человек). Причем непосредственно на финляндском направлении должен был действовать весьма ограниченный контингент войск — не более 13 тыс. человек¹.

Что же касается Петсамской операции, то тогда были тоже намечены два ее варианта. Ограниченный — только для действий в районе Петсамо и широкомасштабный — для наступления в направлении Мурманской железной дороги. Оба варианта предполагали захват железорудных районов Швеции. После соответствующего обсуждения, состоявшегося 15 февраля, был подготовлен единый план под названием «Операции помощи Финляндии путем высадки десанта в районе Петсамо весной 1940 г.». При этом в плане Петсамской операции не считалось возможным задействовать значительное количество войск, поскольку союзники учитывали отсутствие в районе десантирования необходимых природно-географических условий. Реально, при тесном взаимодействии с финскими войсками, по мыслям составителей плана, там могла высадиться только одна дивизия. Все это плохо соотносилось с большими задачами, ставившимися перед ограниченными экспедиционными силами Запада. Заняв Петсамо, десантные войска должны были в ходе наступления соединиться с финскими частями в районе Салла, затем прорвать оборону Красной армии и быстро продвигаться в направлении Кандалакши. После этого планировались блокада и захват Мурманска. Отправка десантных войск из Великобритании намечалась не ранее 15 марта, а прибытие их в район Петсамо — до 21 марта².

Но из-за того что для проведения десантных операций надо было получить общее согласие Швеции и Норвегии, а также иметь официальный запрос о помощи со стороны Финляндии, Комитет начальников штабов Великобритании предложил 17 февраля Военному кабинету оказать давление на северные страны вплоть до предъявления Швеции и Норвегии ультиматума. По поводу же Финляндии вопрос ставился так: «Финнов надо убедить, чтобы они опубликовали обращение к нам с просьбой о помощи»³.

¹ Носков А. М. Скандинавский плацдарм во Второй мировой войне. С. 50–56.

² Там же. С. 54.

³ Там же. С. 56.

О том, что к процессу «убеждения» северных стран Запад уже приступил, свидетельствует информация, которую финские дипломаты срочно передали 17 февраля из Парижа. В ней говорилось, что в представительстве стало известно о решении Даладьё в течение десяти дней предоставить помощь Финляндии¹. Эта информация не могла соответствовать действительности. Но для Запада распространение подобных сведений было очень важно, чтобы тем самым «помочь» финнам прийти к окончательному выбору и принять «правильное» решение.

Работа с дипломатами Финляндии с целью подтвердить серьезность намерений Запада вмешаться в Советско-финляндскую войну активно продолжалась. Посланник Холма был, в частности, вызван в Министерство иностранных дел Франции, где в ходе переговоров ему рассказали, что «подготовительные работы» по организации высадки войск «идут нормально», «по расписанию» и «все должно быть готово» для отправки к 28 февраля. Причем в Париже уже прямо утверждали то, что было наиболее важно для финского руководства, что задачей Запада теперь было уже «направить в Финляндию регулярные войска», и «те войска, которые отправятся отсюда, являются лучшими альпийцами», которые умеют воевать в условиях «сильных морозов»².

Подобного характера беседы с финскими представителями продолжались³, что свидетельствовало о предпринятой Западом дипломатической атаке, имевшей целью убедить финское руководство в том, что помощь будет быстрой и реальной и в Хельсинки никто не должен быть «против прибытия им на помощь войск»⁴. Но для финского руководства по-прежнему оставались не до конца понятными военные планы союзников. Не внес окончательной ясности в суть «больших планов» союзников и визит 22 февраля в Ставку Маннергейма английского генерала Линга. Тогда он «объяснил маршалу, что англичане не хотят продвигаться дальше Северной Финляндии»⁵. В итоге в финском руководстве «создалось впечатление, что эти планы весьма неопределенные»⁶. К тому же в Хельсинки хорошо понимали, что

¹ УМ. 109. С2е. Телеграмма из Парижа в МИД, 17.02.1940.

² Ibid. Донесение Холма Таннеру, 20.02.1940.

³ Ibid. Донесение Холма Таннеру, 21.02.1940; Донесение Холма Таннеру, 23.02.1940; Донесение Грипенберга Таннеру, 25.02.1940.

⁴ Ibid. Донесение Холма Таннеру, 21.02.1940.

⁵ *Heinrichs E.* Mannerheim Suomen kohtaloissa. Os. II. Hels.; Keuruu, 1959. S. 156.

⁶ *Таннер В.* Зимняя война. Дипломатическое противостояние Советского Союза и Финляндии 1939–1940. С. 224.

и сама высадка союзных войск в Петсамо выглядит крайне проблематичной, учитывая, что «петсамский рейд представляется совершенно непригодным» для масштабной военной операции. Помощь, как представлялось в финском руководстве, также выглядела «не очень большой», поскольку в результате данной операции «мы получим некоторые отдельные дивизии, но при их поддержке мы еще не сможем достигнуть победы»¹.

Эти мысли на заседании Внешнеполитической комиссии правительства 25 февраля высказал тогда сам премьер-министр Р. Рюти. Он откровенно заявил, что пытался лично выяснить у представителей западных держав вопрос о возможности помощи, но не получил удовлетворительного ответа². И это происходило в условиях того, что 24 февраля британское правительство само обратилось к финскому руководству с меморандумом. В нем Финляндия была официально призвана выразить отношение к готовящейся Британией и Францией военной операции³.

Единственное, что удалось Финляндии точно тогда установить, была пришедшая из Парижа информация «о готовности в различных портах транспортных кораблей» для переброски войск в Северную Европу. Полученные сведения срочно из МИД были переправлены в Ставку Маннергейма⁴, но дальнейшего подтверждения этой информации финское руководство не получило.

С другой стороны, пока Великобритания и Франция обсуждали с финским руководством план расширения боевых десантных операций, советское правительство на фоне успешного штурма частями Красной армии линии Маннергейма 12 февраля 1940 г. уведомило Финляндию о своем желании продолжить мирные переговоры⁵. Эта информация поступила в финский МИД из Стокгольма, где шведский министр иностранных дел сообщил посланнику Э. Эркко, какую СССР видит основу для начала переговорного процесса. Условия, переданные из Москвы, были весьма жесткие. Прежде всего совет-

¹ УМ. 109. В6. Протокол заседания Внешнеполитической комиссии правительства Финляндии, 23.02.1940.

² Ibid. Протокол заседания Внешнеполитической комиссии правительства Финляндии, 25.02.1940.

³ Ibid. Меморандум английского правительства, 24.02.1940.

⁴ Ibid. Телеграмма из МИДа в Ставку, 24.02.1940.

⁵ УМ. 109 G 1. E. Erkon raportti R. Ryttille Tukholmasta 12.02.1940; *Jakobson M. Diplomaattien talvisota*. S. 364.

ское руководство настаивало на передаче СССР всего Карельского перешейка. Также ставился вопрос о создании на полуострове Ханко советской военно-морской базы.

Получив эти сведения, Э. Эркко был ими буквально потрясен. Он совершенно не ожидал подобного исхода «мирных инициатив» и срочно, но весьма сбивчиво вынужден был их прокомментировать и передать в Хельсинки. Причем он особо отметил, эта информация готовилась «в страшной спешке, поскольку нет возможности ее вообще комментировать». Единственное, что Эркко тогда «успел» заметить, было то, что «мы... совершенно не осведомлены о предложении в целом». Это фраза затем была отмечена в тексте читавшего документ человека. Им был, по всей видимости, премьер-министр Р. Рюти, которому, собственно, и был адресован этот документ¹. В Хельсинки посчитали, что на данных условиях заключение мира с СССР становится «призрачной перспективой»².

С другой стороны, Советский Союз продолжал наращивать дипломатическое давление. 16 февраля полпред в Лондоне И. М. Майский со своей стороны предложил британскому правительству выступить в качестве посредника в деле прекращения «финской войны». Предложение СССР, естественно, было отклонено, что расценили в Москве как заинтересованность Великобритании в продолжении войны и подготовке интервенции на севере Европы. Об этом советская разведка получала тогда все новые и новые сведения³. Поэтому, несмотря на информацию, которая поступила 18 февраля по линии НКВД И. В. Сталину, В. М. Молотову и К. Е. Ворошилову «об отказе Швеции от военного выступления на стороне Финляндии»⁴, по мнению Москвы, Швеция все же могла быть втянутой в войну. Поэтому Советский Союз начал планировать соответствующие контрмеры. 22 февраля нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов отдал новое распоряжение командованию Балтийского флота. В нем говорилось: «Для того чтобы возможное выступление Швеции против Советского Союза не стало для нас неожиданностью, необходимо теперь же приступить к раз-

¹ UM. 109 G 1. E. Erkon raporti R. Rytille Tukholmasta 12.02.1940.

² Tanner V. Olin ulkoministerina talvisodan aikana. S. 253.

³ См.: Nevakivi J. Ару jota ei pyydetty. S. 194; См.: РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1302. Л. 79, 82, 84, 86, 93–95, 97.

⁴ Зимняя война. 1939–1940 гг. в рассекреченных документах Центрального архива ФСБ России и архивов Финляндии. С. 475.

работке оперативного плана действий против Швеции»¹. Советское командование делало вывод, что «с весны 1940 года боевые действия будут проводиться в расширенном масштабе»². Такой ход событий никак не был в интересах СССР. Но отступать от своих условий мирных переговоров в Москве явно не собирались.

Поэтому 23 февраля, спустя десять дней после сделанных Финляндии предложений о заключении мира, советское руководство вновь повторило свои условия окончания войны. Новым теперь являлось то, что Хельсинки предлагалось перейти к обсуждению возможности заключения договора Финляндии с Эстонией о совместной обороне Финского залива³. Также выражалась готовность передать Финляндии занятый советскими войсками район Петсамо.

В Хельсинки, однако, новые предложения продолжали считать нереалистичными. Хотя, как тогда предупреждал финское руководство относительно позиции В. М. Молотова посланник Э. Эркко, «едва ли он в своих требованиях может дать задний ход»⁴. 25 февраля премьер-министр, рассматривая на заседании Внешнеполитической комиссии правительства советские условия подписания мирного договора, особо заострил внимание на предложении СССР заключить с Финляндией договор о взаимопомощи. Рюти тогда высказался следующим образом: «Договор о взаимопомощи является опасным пунктом условий. Он ведет нас к войне с Германией, поскольку между ней и Советским Союзом дружба долго не продержится»⁵.

Из этого утверждения, по всей видимости, вытекало следующее. Первое было то, что Рюти скептически оценивал те договоры, которые были подписаны летом-осенью в 1939 г. между СССР и Германией. Другой вывод, который можно было сделать, сводился к тому, что премьер-министр Финляндии допускал неизбежность советско-германского конфликта в будущем.

В целом слова, сказанные финским премьер-министром, оказались достаточно показательными. С одной стороны, финское руководство тогда стояло перед выбором: либо ждать помощь от Запада и продолжать войну, либо быстро, не дожидаясь возможного разгрома

¹ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Он. 2. Д. 502. Л. 17.

² Там же. Д. 542. Л. 38.

³ УМ. 109. В6. Muistipanoja ulkoasiainvaliokunnan hallituksen kokouksesta. Istunto 1940, 23.02.

⁴ Ibid. G1. E. Erkon raportti V. Tannerille Tukholmasta 26.02.1940.

⁵ Ibid. В6. Tanerin kokoelma. 25.02.1940.

на поле боя, заключить с СССР весьма жесткий мирный договор. Однако и в эту непростую для принятия решения ситуацию неожиданно вмешалось еще одно государство. В это время по финляндскому направлению стала наращивать дипломатическую активность Германия. Третий рейх долгое время занимал выжидательную позицию, однако теперь также перешел к энергичным, но скрытным и неофициальным действиям.

Конкретно это проявилось в том, что в Хельсинки стали поступать определенные сведения, что в противовес возможной военной помощи Финляндии со стороны Запада рейх начинает готовить собственную военную поддержку Финляндии. Так, посланник в Стокгольме Э. Эркко 3 февраля 1940 г. отправил личное донесение В. Таннеру, где проинформировал его о существовавших в шведском руководстве представлениях, что «Германия все-таки будто бы планирует вмешательство в финские дела и предпринимает усилия, чтобы прекратить конфликт между Финляндией и Советским Союзом». При этом, по мнению шведской стороны, настроения в рейхе становились более радикальными и, по имевшимся сведениям, на Балтийском море в районе Кенигсберга уже началась концентрация войск для дальнейшей переброски в Финляндию. Ссылаясь на разговор со шведским министром иностранных дел К. Гюнтером, Эркко подчеркнул, что «финская война сильно мешает Германии и ее планам», хотя, по его мнению, в действительности Берлин выступает «за помощь Финляндии в войне против Советского Союза» и стремится в стратегическом плане «контролировать Юго-Западную Финляндию»¹. Показательным во всей этой информации было то, что особо подчеркивалась необходимость Берлина получить от финского руководства «гарантии, что союзники [Великобритания и Франция. — В. Б.] не смогут помочь Финляндии»².

Из других сообщений, которые именно тогда стали поступать в Хельсинки, становилась известно, что рейх также советует «продержаться до июля либо путем противостояния, либо с помощью перемирия», а Германия, «с победой на Западе, осуществит поворот в своих действиях, направив их против Востока»³. Иными словами, подоб-

¹ UM/ 109. Y G1. E. Erkon raportti V. Tannerelle. Tukholma, 3.02.1940.

² Ibidem.

³ *Manninen O. Väli rauha — olemassaolon säilyttämiseksi // Historiallinen Aikakauskirja. 2004. № 1. S. 98.*

ными сведениями Хельсинки предлагалось сделать еще один выбор и определиться на дальнейшую перспективу борьбы против СССР, опираясь уже на немецкую военную мощь.

Естественно, что обострение ситуации на финском фронте было совершенно невыгодно для Германии. Более того, в момент начавшегося советского наступления немецкому посланнику В. Блюхеру в Хельсинки начали открыто говорить: «Война проиграна. Русские прорвались сквозь линию Маннергейма»¹. При таком повороте в Берлине стали понимать, что для Финляндии теперь наиболее выгодным становится только одно — постараться как можно раньше, то есть быстро завершить войну, добившись мирного урегулирования с Советским Союзом. Но стать реальным посредником в деле достижения мира Германия не собиралась. Слабые попытки немцев взять на себя роль миротворца не давали желаемого результата. Более того, было «совершенно ясно, что Москва не хотела позволить Германии действовать от имени Финляндии»².

Характерным было еще и то, что Берлин явно уклонялся от какого-либо давления на советское правительство с целью помочь Финляндии смягчить условия возможного мирного договора³. Это происходило даже несмотря на то, что финское руководство всячески пыталось довести до сведения Берлина, что «Советский Союз в ультимативной форме выдвинул свои требования, которые невозможно принять»⁴. Но с германской стороны подчеркивалось лишь одно: «Договоренность возможна, если Финляндия готова на уступки»⁵. Иными словами, правительство рейха было склонно согласиться поддержать идею окончания войны, но при этом само не собиралось непосредственно участвовать в процессе мирного урегулирования и, очевидно, не предполагало оказывать какую-либо серьезную дипломатическую поддержку Финляндии.

Даже А. Гитлер позволил себе тогда сделать заявление, что советские требования в отношении Финляндии «являются естественными и умеренными». Он прямо подчеркнул: «Вопрос стоит о территории [передаваемой Финляндией Советскому Союзу. — В. Б.], которая

¹ *Manninen O.* Väli rauha — olemassaolon säilyttämiseksi // *Historiallinen Aikakauskirja*. 2004. № 1. S. 98.

² *Таннер В.* Зимняя война. Дипломатическое противостояние Советского Союза и Финляндии 1939–1940. С. 162.

³ См.: *Paasikivi J. K.* Toimintani Moskovassa ja Suomessa 1939–41. Os. I. S. 139–140.

⁴ УМ. 109, В 6. Sähkesanama УМ:lta Romaan, 25.02.1940.

⁵ *Ibid.* Ulkoministerin lausunto, 11.02.1940.

прежде принадлежала русским»¹. Эти слова являются весьма показательными, поскольку буквально через несколько месяцев Германия будет активно провоцировать финское руководство на возвращение утраченных Финляндией в ходе «зимней войны» этих же территорий.

В результате рейх начал отчетливо демонстрировать финскому руководству, что, собственно, наступило время, когда следует прекратить войну. Более того, в Берлине стали торопить Финляндию с принятием этого решения. Как сообщил на заседании Государственного совета В. Таннер, «во всяком случае Германия заинтересована в окончании сражений в Финляндии до того, как союзники успеют добиться принятия их предложений»².

Именно в этот период, 22 февраля 1940 г., один из наиболее высокопоставленных чиновников рейха Г. Геринг ясно высказал находившемуся тогда в Берлине финскому представителю Т. Кивимяки очень важную мысль. Эта мысль затем станет одной из определяющих в проведении дальнейшей политики Финляндии. Геринг сказал: «Мир надо заключить даже на тяжелых условиях, потери можно будет возратить в будущем»³. Характерно, что подобные заявления финским дипломатам скрытно делали тогда и другие представители Третьего рейха⁴. Вообще, тот факт, что в это время Германия поменяла тактику и придерживалась мнения, что для Финляндии необходимо подписать с Советским Союзом мирный договор, был в какой-то степени известен даже противникам немцев в мировой войне. Французский посланник в Хельсинки тогда недвусмысленно заявил В. Таннеру, что «если Финляндия приступит к переговорам о мире, это будет рассматриваться как ее окончательный переход на сторону Германии»⁵.

В этой ситуации финляндскому руководству предстояло принимать соответствующие решения, от которых зависела будущая внешнеполитическая перспектива и возможное окончание войны. К тому же советские войска уже готовились к новому этапу наступления, что

¹ Речь шла о Выборгской губернии, которая по итогам Северной войны, с 1721 г., входила в состав России. Цит. по: Зимняя война 1939–1940. Кн. 1: Политическая история. С. 350.

² Цит. по: *Nevakivi J.* Apu jota ei pyydetty. S. 167.

³ Цит. по: *Peltovuori R.* Saksa ja Suomen talvisota. S. 110.

⁴ См.: *Ibid.* S. 107, 109; *Menger M.* Deutschland und Finnland im Zweiten Weltkrieg. S. 66–67; *Manninen O.* Väli rauha — olemassaolon säilyttämiseksi. S. 97.

⁵ Цит. по: Зимняя война 1939–1940. Кн. 1: Политическая история. С. 339.

в складывающейся ситуации могло закончиться полным разгромом финской армии.

Действительно, в соответствии с приказом командующего Северо-Западным фронтом наступление на Карельском перешейке 28 февраля возобновилось. Причем войскам 7-й армии была поставлена непосредственная задача прорвать вторую полосу финской обороны и овладеть городом Выборгом¹. Для штурма финских укреплений на главном, выборгском, направлении были сосредоточены после перегруппировки войск 19, 50, 10 и 34-й стрелковые корпуса². Наступление началось мощной полуторачасовой артиллерийской подготовкой. Двинувшаяся затем на прорыв укреплений пехота поддерживалась танками и авиацией. Сломив сопротивление противника, войска 7-й армии на второй день наступления вышли на линию Хейнниоки (Вещево) — Аласяйние (Верхнечеркасово) — Лиханиеми (район побережья Финского залива) и полностью овладели юго-западной частью Карельского перешейка. Финские части стали отходить на широком участке фронта — от реки Вуоксы до Выборгского залива.

Начавшееся тогда отступление заставило финское правительство уже 29 февраля отправить в Стокгольм ответ СССР о готовности в принципе принять его условия. Этот ответ 1 марта в шведской столице должны были передать советским представителям³. Но одновременно в финском руководстве сохранялись надежды на получение помощи от союзников, хотя по-прежнему не представляли себе весь объем возможной поддержки Запада.

Как докладывал 28 февраля членам правительства министр иностранных дел В. Таннер, «из Лондона сообщили, что после переговоров со Ставкой стало известно, что в течение третьей-четвертой недели апреля планируется произвести сосредоточение войск, которые в конце апреля в количестве 12 000—13 000 человек придут сюда полностью оснащенными, причем значительная их часть будет поступать со стороны Швеции». Однако его вывод по данной информации не носил оптимистического характера. Он с горечью подчеркнул: «Группировка, следовательно, будет меньше заявленной». При этом Таннер тогда же заметил, что его попытки выяснить, «может ли

¹ РГВА. Ф. 34980. Оп. 3. Д. 230. Л. 25.

² Там же; АШ ЛВО. Ф. 7043. Оп. 1. Д. 2. Приложение 5.

³ УМ. 109 В 6. Muistipanoja ulkoasiainvaliokunnan hallituksen kokouksesta. Istunto 1940, 29.02 (23¹⁵).

правительство Англии гарантировать независимость Финляндии и ее границы, а также что мы вообще получим для себя при достижении окончательного мира, если мы запросим у западных держав помощь», не дали никакого результата. Как сказал тогда финский министр иностранных дел, «определенного ответа “да”» он не получил¹. Премьер Р. Рюти, разделяя пессимизм Таннера, тоже заметил на заседании, что военная помощь, предлагаемая Западом, «в данное время недостаточная для принятия выгодного для нас решения»².

Очевидно, что в складывающейся обстановке в Хельсинки хотели добиться более ясного представления о предполагаемой помощи. Но финские посланники на Западе ничего нового сообщить своему руководству не могли³. Так, 29 февраля в Хельсинки из Парижа поступила информация, что, по мнению премьер-министра Э. Даладье, «конец марта будет временем прибытия» в Северную Европу союзных войск. Такое сообщение вызвало у министра иностранных дел В. Таннера лишь одну-единственную реакцию. Выражая свое отношение к полученным сведениям о сроках начала операции, он отметил: «Это, вероятно, невозможно». Премьер-министр Р. Рюти назвал заявление Даладье «практически неосуществимым»⁴. К тому же в присланной ему из Парижа телеграмме подтверждалось, что «время отправки зависит от Лондона»⁵. Из других источников, близких к французскому руководству, финские дипломаты выяснили, что в армейских кругах Франции нацелены «лишь на отправку альпийских егерей». И вообще, «первая группа войск помощи будут волонтеры»⁶. Все это только укрепило уверенность Хельсинки в отсутствии на Западе единого скорректированного плана совместных действий по оказанию реальной поддержки финским вооруженным силам.

В целом поступающая в Хельсинки информация о военной помощи Запада никак не вселяла уверенность, что она действительно будет эффективной, способной хоть что-нибудь изменить на фронте. В результате в складывающейся ситуации 1 марта из финского МИД

¹ УМ. 109 Иб. Протокол заседания Внешнеполитической комиссии правительства Финляндии, 28.02.1940.

² Ibid.

³ См.: Ibid. 109. С2е. Донесение Холма Таннеру, 27.02.1940.

⁴ Ibid. Протокол заседания Внешнеполитической комиссии правительства Финляндии, 29.02.1940.

⁵ Ibid. 109. С2е. Телеграмма Холма Рюти, 29.02.1940.

⁶ Ibid.

в свои представительства в Лондон и Париж ушла новая телеграмма. В ней указывалось, что «нам для принятия решения в спешном порядке необходимы сведения: может ли быть отправлено сразу небольшое количество солдат» и «могут ли участвовать на всех фронтах» войска, направляемые в Финляндию западными союзниками. Кроме того, запрашивалась возможность получения «не менее 100 экипажей летчиков бомбардировочной авиации»¹. Причем необходимые сведения теперь планировалось получить, сообщив одновременно союзникам, что у Финляндии появилась перспектива начала мирных переговоров, и об условиях, которые СССР предложил подписать Финляндии².

Информация о мирных переговорах, разумеется, вызвала в Лондоне и Париже нескрываемое раздражение. Там «вышли из своего оцепенения и поняли, что необходимо предпринять конкретные действия для образования нового фронта в Финляндии»³. Начальник Политического департамента МИД Финляндии А. Пакаслаhti отметил в своих воспоминаниях впоследствии: «Франция и Англия волновались. Предложения западных держав о помощи вступали в решающую стадию»⁴. Поэтому, как докладывал на заседании правительства 1 марта В. Таннер, французский посланник в Хельсинки «еще вечером посетил меня... и патетически говорил, что во Франции появилась тревога относительно наших намерений» заключить мир с СССР. Далее он, по словам финского министра иностранных дел, также заявил, что «войска поддержки будут здесь в течение марта» и что «действительный объем помощи составляет около 20 000 особых войск»⁵.

Однако далее, как отметил Таннер, уже «ночью начало раздаваться большое количество телефонных звонков из Лондона и Парижа, которые побуждали всеми путями воспрепятствовать началу переговоров». Причем общее количество войск, которые Запад собирался отправить на помощь Финляндии, стало стремительно расти. Таннер проинформировал членов Внешнеполитической комиссии финского правительства, что его даже

¹ УМ. 109. С2е. Телеграмма из МИДа Грипенбергу и Холма, 1.03.1940.

² *Pakaslahti A.* Talvisodan poliittinen näytelmä. S. 259; *Таннер В.* Зимняя война. Дипломатическое противостояние Советского Союза и Финляндии 1939–1940. С. 229.

³ *Таннер В.* Зимняя война. Дипломатическое противостояние Советского Союза и Финляндии 1939–1940. С. 247.

⁴ *Pakaslahti A.* Talvisodan poliittinen näytelmä. S. 263.

⁵ УМ. 109. В6. Протокол заседания Внешнеполитической комиссии правительства Финляндии, 1.03.1940.

разбудили в половине второго ночи. Посланник в Париже по телефону срочно сообщал: «Даладье подтвердил, что в марте до 50 000 отборных войск уже придут и что Англия и Франция обеспечат их транзит». Единственное, что в этих условиях просил французский премьер от финского руководства, «чтобы Финляндия не продолжала переговоры»¹.

Все это опять изменило складывавшуюся для Хельсинки ситуацию. В. Таннер в своих воспоминаниях отмечает, что «информация, поступившая в течение этой ночи, дала много новых поводов для размышления»². Ими он поделился на заседании правительства: Таннер прямо заметил, что для него «эта заваруха возникла неожиданно». Поэтому, по его предложению, «нужно приложить нож к горлу западных держав» и просить «официально подтвердить, что сюда в марте придут 50 000 войск, а после этого еще больше»³. На заседании правительства эту тактику решили одобрить.

В итоге из финского МИД ушли в Лондон и Париж телеграммы, в которых указывалось, что «нам для принятия решения в спешном порядке необходимы сведения», которые касаются того, может ли быть отправлено «сразу небольшое количество солдат» и могут ли они «участвовать [в боях. — *Ред.*] на всех фронтах». Кроме того, запрашивалась возможность получения «не менее ста самолетов бомбардировочной авиации с обученными для этого экипажами летчиков»⁴. Естественно, что прибытие в Финляндию даже «небольшого количества солдат» означало бы неминуемое объявление Францией и Великобританией войны СССР. Это хорошо понимали в Хельсинки. Это также понимали и на Западе.

Ответ из Парижа пришел уже на следующий день. Однако в нем не говорилось о готовности немедленно направить в Финляндию войска. Сообщалось лишь то, что Даладье сказал финскому дипломату: «Запрашиваемые войска придут» и, по его мнению, будут подчинены Маннергейму. Далее французский премьер-министр заверил, что союзники также намерены направить в Финляндию до пятидесяти самолетов⁵. Подобные оптимистические сведения пришли и из

¹ УМ. 109. В6. Протокол заседания Внешнеполитической комиссии правительства Финляндии, 1.03.1940.

² Таннер В. Зимняя война. Дипломатическое противостояние Советского Союза и Финляндии 1939–1940. С. 247.

³ УМ. 109. В6. Протокол заседания Внешнеполитической комиссии правительства Финляндии, 1.03.1940.

⁴ Ibid. С2е. Телеграмма из МИДа Грипенбергу и Холма, 1.03.1940.

⁵ Ibid. С2b. Телеграмма из Парижа в МИД, 2.03.1940.

Лондона. «Галифакс сегодня заявил, — сообщалось в Хельсинки, — что телеграфировал в Стокгольм и Осло относительно того, чтобы получить согласие на транзит». Кроме того, британский министр иностранных дел сообщил финскому дипломату, что «союзники направят в Финляндию войска в таком количестве, в каком порты и железнодорожная связь позволят»¹.

В результате для Финляндии обозначилась более приемлемая перспектива получения от стран Запада военной помощи. Хотя опять было не ясно, когда именно союзники собираются послать на север Европы свои войска, но полученные от Запада сведения могли создать весьма благоприятную обстановку для финских дипломатов во время обозначаемых переговоров с СССР. Было очевидно, что в Москве не могли не опасаться разрастания начавшейся войны. Поэтому даже Маннергейм начал настаивать на том, чтобы умножить действия, направленные на ускорение подготовки и осуществления этой помощи с Запада². В правительственных кругах вообще начали рассуждать, что «мы можем продолжать и усиливать ведение войны, “бомбить Петербург”»³.

Но финское руководство, несомненно, смущала разница в заявлениях Великобритании и Франции об их помощи. Было очень хорошо заметно, что «заявления, получаемые из Лондона, были более осторожными, чем из Парижа»⁴. Более того, бросались в глаза откровенные неконкретность и противоречивость в сведениях «относительно крупной помощи войсками»⁵. В итоге в правительстве сразу же стали раздаваться голоса о том, что «помощь западных держав является блефом». На заседании правительства 3 марта были прямо озвучены имевшиеся сомнения: «...Они не помогали Польше, хотя обещали. И Чехословакию они побуждали к капитуляции»⁶. Поэтому, как заметил в своих воспоминаниях В. Таннер, в финском руководстве решили «оценить добросовестность предложений о помощи, исходящих от Запада»⁷,

¹ УМ. 109. С2е. Телеграмма из Лондона в МИД, 2.03.1940; 109. В6. Протокол заседания Внешнеполитической комиссии правительства Финляндии, 3.03.1940.

² *Heinrichs E.* Mannerheim Suomen kohtaloissa. S. 158.

³ Цит. по: *Pakaslahti A.* Talvisodan poliittinen näytelmä. S. 266.

⁴ *Таннер В.* Зимняя война. Дипломатическое противостояние Советского Союза и Финляндии 1939—1940. С. 252.

⁵ УМ. 109. С2е. Телеграмма Маннергейма в МИД, 3.03.1940.

⁶ *Ibid.* В6. Протокол заседания Внешнеполитической комиссии правительства Финляндии, 2.03.1940.

⁷ *Таннер В.* Зимняя война. Дипломатическое противостояние Советского Союза и Финляндии 1939—1940. С. 253.

поскольку уже слышали, что Запад готовит «тотальную войну», где «Англия и Франция будут рассматривать Советский Союз как вражеское государство с момента отправки их войск, но декларации об объявлении войны они публиковать не будут»¹.

При этом события на Карельском перешейке не давали финскому правительству возможность выслушивать лишь обещания и восторженно встречать жесткие фразы западных союзников в отношении СССР. Советское наступление продолжало стремительно развиваться. Начал весьма успешно действовать 50-й стрелковый корпус под руководством комкора Ф. Д. Гореленко. Его части в трудных условиях, двигаясь по глубокому снежному покрову, 2 марта вышли к тыловой оборонительной полосе финских войск северо-восточнее Выборга, перерезав железную дорогу, связывавшую его со штабом армии «Перешеек», находившемся в Антреа (Каменногорск)². Одновременно 34-й стрелковый корпус комдива К. П. Пядышева передовыми частями достиг южных окраин Выборга³. В течение 2–6 марта дивизии обоих корпусов развернули ожесточенные бои на ближних подступах к городу, медленно охватывая его с северо-востока. Однако советскому командованию становилось ясно, что с ходу взять Выборг не удастся. Поэтому обоим корпусам было приказано подготовиться к штурму города, и эту операцию решили начать 11 марта⁴.

Но в то же время не прекращались наступательные действия на других направлениях Карельского перешейка. Так, в частности, активно разворачивались наступательные операции 13-й армии. Еще 28 февраля в 11.00 после мощной артиллерийской подготовки части этой армии по всей линии фронта перешли в решительное наступление. Преодолевая отчаянное сопротивление финских войск, армия начала медленное продвижение вперед и сумела прорвать главную оборону противника, выйдя к 29 февраля на линию Пахкола — Ристсеппяля (Житково) — Хейнниоки. В результате этой успешной для советских войск операции финские части вынуждены были начать быстрый отход на север и северо-запад, а командование 13-й армии сразу же поставило задачу организовать преследование отступающих войск.

¹ Цит. по: *Суполс В. Я.* Тайны дипломатические: Канун Великой Отечественной, 1939–1941. С. 193.

² РГВА. Ф. 34980. Оп. 1. Д. 134. Л. 73.

³ Там же.

⁴ Там же.

3 марта части 15-го стрелкового корпуса этой армии вышли к реке Вуоксе и в двух местах ее форсировали. Разгорелись ожесточенные бои. Об их характере дает весьма яркое представление доклад командиру корпуса генералу П. Талвела командира 2-й пехотной дивизии полковника Э. Р. Коскимиеса: «Сегодня еще живы, завтра — на грани гибели, а послезавтра 2-й дивизии больше не будет, если во всяком случае не получим помощи от III армейского корпуса»¹. Преодолевая ожесточенное сопротивление, части 13-й армии с большим трудом начали продвигаться в общем направлении на Антреа. Потери на этом направлении у советских войск были весьма значительными. Особенно серьезные они были у частей и подразделений именно 15-го стрелкового корпуса².

В целом положение для финского командования становилось критическим. Более того, в ночь на 3 марта советские войска сумели форсировать Выборгский залив. В результате они оказались в тылу всего укрепленного района. Эта операция носила очень сложный характер, но при этом имела огромное значение. Действительно, снежный покров на льду, по которому продвигались войска, достигал глубины до полуметра. Высокие торосы преграждали путь наступающим войскам. Но тем не менее советские части сумели выполнить поставленную задачу³. Сначала части 10-го, а затем и 28-го армейских корпусов устремились на созданный плацдарм, обходя Выборг через залив с запада. Все последующие дни там шли тяжелые бои. В конечном итоге соединения 7-й армии смогли овладеть 40-километровой прибрежной полосой западного побережья залива и закрепиться на достигнутом рубеже. Причем в течение нескольких дней финское командование предпринимало огромные усилия, чтобы приостановить наступление советских войск на прибрежном плацдарме и не допустить их прорыва в город.

Одновременно по направлению Выборг — Хельсинки создавался еще один заслон в виде особой группы «Хамина» под командованием генерал-майора Э. Ф. Ханелля. Ей придавались части, находившиеся к западу от Выборгского залива и составлявшие береговую оборону города Котка. В это же время в районе Выборга сосредоточивались значительные силы за счет переброски войск с других участков фронта⁴.

¹ *Talvela P.* Sotilaan elämä. Muistelmat. S. 202–203.

² РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 526. Л. 40.

³ Советско-финляндская война 1939–1940 гг. на море. Ч. 1. Кн. 3. С. 27.

⁴ *Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г.* Финляндия во Второй мировой войне. С. 119.

И тем не менее командование финской армии не видело какого-либо внутреннего потенциала для того, чтобы стабилизировать положение. В докладе К. Г. Маннергейму командующего войсками на Карельском перешейке генерала Э. Хейнрикса делался неутешительный вывод о невозможности продолжать войну¹.

События на фронте, безусловно, играли большую роль в выработке руководством Финляндии важных политических решений и окончательного определения всей стратегической линии, от которой зависела дальнейшая судьба страны. В этом отношении было важным то, что еще 25 февраля министр иностранных дел В. Таннер четко проинформировал членов Внешнеполитической комиссии правительства о неофициальной позиции Германии в отношении продолжения войны. Он обратил внимание руководства страны на то, что в Берлине считают, что помощь Финляндии со стороны «западных держав будет слабой», и более того, в рейхе могут прийти к выводу, что «если западные державы направят [сюда. — *Ред.*] регулярные войска, то Германии следует приступить к военным действиям» на севере Европы². Это заявление было подкреплено рассуждениями премьер-министра о перспективе войны между СССР и Германией, поскольку в отношениях между ними долго «дружбе не продержаться»³. Из этого утверждения можно понять, что Р. Рюти уже надеялся на возможность войны между Советским Союзом и рейхом, что позволило бы подумать о будущем реванше за определенные неудачи, которые неминуемо потерпит Финляндия в случае, если она не сможет одержать победу в «зимней войне».

В целом на заседаниях комиссии тема общих итогов мировой войны, которые, естественно, пока находились вне зависимости от результатов Советско-финляндской войны, становилась достаточно популярной. В частности, говоря о перспективе получения западной помощи, В. Таннер отметил: «В такой линии есть неприятная сторона, мы тем самым попадаем в мировую войну»⁴. Помощь же, по мнению участников заседаний, непременно должна была привести к эскалации боевых действий на всей финской территории. При этом первое, что являлось вполне очевидным, война в случае расширения ее масштабов не могла

¹ Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г. Финляндия во Второй мировой войне. С. 119.

² УМ. 109. В6. Протокол заседания Внешнеполитической комиссии правительства Финляндии, 25.02.1940.

³ Ibidem.

⁴ Ibidem.

не затянуться, приобретая все больший размах. Как по этому поводу вполне разумно заметил на одном из заседаний влиятельный финский политик М. Пеккала, в таком случае «большая часть страны как на фронте, так и в тылу окажется разрушенной», а окончательный результат может «стать трагическим, если Россия овладеет всей страной»¹.

С другой стороны, в отношении к позиции Германии в финском руководстве проявляли нескрываемый интерес. Это стало хорошо заметно 28 февраля во время отчета Т. Кивимяки о его поездке в Берлин. Тогда в выступлении перед членами правительства он объективно донес им мнение нацистских верхов, указав на необходимость Финляндии «проявить мудрость с тем, чтобы, заключив мир на как можно лучших условиях, ожидать окончания мировой войны». При этом Кивимяки особо подчеркнул, что, по мнению тех, с кем он встречался в Германии, уже «настал тот момент, когда нужно договориться» с СССР об окончании войны².

Любопытно, что идеи этого достаточно неконкретного по своей сути доклада, где не назывались лица, с которыми в рейхе говорил Кивимяки, и в котором полностью не были изложены все судьбоносные взгляды Г. Геринга на возможность финского реванша в будущем, все же открыто поддержал премьер-министр страны Р. Рюти. Он тогда произнес крайне пылкую речь, в которой заявил: «Поскольку нет возможности рассчитывать на получение помощи и по причине того, что мы в политическом смысле не можем опираться на общие мировые события [имеется в виду начавшаяся мировая война. — В. Б.], поддержка которых могла бы нас спасти... мы вынуждены стремиться к миру, хотя бы даже на тяжелых условиях». А в конце выступления Рюти намекнул, что в случае принятия финским руководством советских условий окончания войны наступивший мир будет недолгим и Финляндия вернет все то, что потеряла в войне, и даже «с лихвой». По словам премьера, было «лучше сохранить боеспособной армию, а страну от разгрома, в противном случае мы не будем в состоянии сражаться даже при благоприятных условиях и потеряем свое значение как государство». Этой впечатляющей фразой Р. Рюти закончил свою речь: «Лучше начать освобождение страны от Выборга, чем от Торнио», то есть от границы с Швецией³.

¹ УМ. 109. В6. Протокол заседания Внешнеполитической комиссии правительства Финляндии, 25.02.1940.

² Ibid. Istunto 28.02.1940.

³ Ibidem.

Вторя ему, министр иностранных дел Вяйне Таннер также совершенно определенно заявил, что, когда наступит подходящий момент, необходимо будет вернуть обратно утраченную территорию¹.

Иными словами, люди, которые очевидно в полном объеме владели информацией, полученной от Кивимяки, о позиции Германии по поводу окончания «зимней войны», теперь видели в достижении мира возможную перспективу для своего государства в будущем взять реванш. Таким образом, премьер-министр и министр иностранных дел Финляндии начали среди членов правительства проводить мысль о возможности близкой новой войны против СССР, опираясь уже на силу Третьего рейха.

Что же касается других членов руководства Финляндии, участвовавших тогда в заседании, то, очевидно, они не до конца поняли все то, о чем Г. Геринг мог говорить в Берлине Т. Кивимяки. Из выступления дипломата они лишь почувствовали, что Германия готова активно воспрепятствовать переброске войск западных союзников на север Европы. Эту же мысль активно развил министр иностранных дел В. Таннер. Тогда он прямо указал, что Финляндия переживает «последний момент, когда мы можем вести переговоры» с СССР. Далее он сказал: «Сошлюсь на то, что Германия готова вмешаться рывком, если Финляндия не согласится пойти на мир»². Вот именно эти слова в итоге и услышали представители Внешнеполитической комиссии правительства.

Оценивая ситуацию, участники заседания сосредоточились на мысли, что «немцы придут сюда раньше, чем западные державы», а сама «помощь западных держав... будет означает лишь только то, что и Германия станет нашим противником». Более того, подчеркивалось, что «если Германия начнет нас бомбить, это будет иное, чем то, что мы видим теперь, и парализует помощь западных держав». При этом в выступлениях членов комиссии подчеркивалось, что Финляндии «надо помнить о судьбе Польши»³, намекая, очевидно, на то, что Лондон и Париж тоже обещали этому государству свою поддержку, но реально ее не оказали. Все звучавшие во Внешнеполитической комиссии высказывания говорили о том, что в финском руководстве позицию Третьего рейха тщательно проанализировали и учитывали для определения своих дальнейших действий.

¹ УМ. 109. В6. Протокол заседания Внешнеполитической комиссии правительства Финляндии, 25.02.1940.

² Ibidem.

³ Ibid. Istunto 1.03.1940; 3.03.1940.

Но рассуждения о незавидной участи Финляндии в случае, если она станет местом столкновения армий великих держав, не могли не подвести к мысли о том, что для их страны выгоднее связать свою судьбу с Германией. Этот переход произошел в самом начале марта 1940 г., когда советскими войсками был предпринят штурм Выборга. Очевидно, именно в тот период для Рюти и Таннера наступило время, когда стоило уже «вспомнить» о словах Г. Геринга, высказанных Т. Кивимяки о будущем реванше, а вывод из этого сделать соответствующий — принять решение и направить, наконец, делегацию в Москву для начала мирных переговоров.

Особенно показательным в этом отношении стало заседание, которое проходило 3 марта. На нем в ответ на замечание Ю. К. Паасикиви о том, что «в силу недостаточности помощи войсками и неясности позиции Швеции, а также существования опасности, что страна окажется в конфликте с Германией, Финляндии надо стремиться к мирным переговорам», последовали достаточно примечательные заявления. Прозвучала мысль о том, что необходимо «официально повернуть на сторону Германии»¹. Причем министр иностранных дел В. Таннер, отвечая уже на это соображение, откровенно и ничего не стесняясь, заметил: «Я не понимаю предложение, чтобы мы повернули на сторону Германии. Ведь мы это делаем...» Далее, раскрывая суть этой позиции, он назвал финскую политику «двойной игрой», сославшись на проводившиеся параллельно с германскими контактами «переговоры о помощи западных держав»².

И вот тогда на заседании начался откровенный обмен мнениями по данному вопросу. Большинство государственных деятелей страны, принимавших в нем участие, четко высказывались за то, чтобы Финляндия «осуществила поворот на сторону Германии». Выступавшие с жаром подчеркивали, что «в интересах Германии, чтобы война закончилась», что у рейха существуют «общие интересы» с Финляндией, что Германия «единственная, кто может предоставить помощь». Военный министр Ю. Ниукканен, в частности, даже предложил зафиксировать каким-то образом такой перспективный поворот реальными внешнеполитическими акциями. С целью еще более заинтересовать Берлин в сотрудничестве с Финляндией он посчитал возможным предложить произвести в пользу рейха определенные территориальные уступки.

¹ UM. Tanerin kokoelma. 3.03.1940.

² Ibidem.

«Может быть, предложить Германии, — заявил Ниукканен, — в качестве платы Аландские острова... Это будет мстостью западным державам и Швеции за их слабую позицию»¹.

Идея передачи Аландских островов Германии не получила поддержки. Премьер-министр Р. Рюти особо подчеркнул свое отношение к этому. Он сказал кратко: «Это нам невыгодно». Но сама дискуссия все же являлась весьма показательной. Она реально дает возможность понять скрытые мотивы тех перемен в политике Финляндии, которые произошли после окончания «зимней войны». Подводя итог возникшему откровенному обмену мнениями, президент К. Каллио смог выделить в нем лишь две прозвучавшие тогда точки зрения. Одна, как он указал, заключалась в том, чтобы уже теперь в Финляндии «повернули на сторону Германии», а другая — что резко разворачиваться в сторону рейха «сейчас не надо... а нужно позднее». В любом случае, по словам Ю. Ниукканена, окончание войны и достижение с СССР мира лишь «означало переход на линию Германии»². Как уже показали последующие события, именно так и стала складываться внешняя политика Финляндии после заключения Московского мирного договора.

Что же касается западной военной помощи Финляндии, то в начале марта ее уже воспринимали с очень большой подозрительностью. На заседании Внешнеполитической комиссии правительства 2 марта 1940 г. Ю. К. Паасикиви прямо сказал, что западные державы просто «не хотят здесь мира, а хотят продолжения войны и этим создают мнение, что помогают нам». Затем он добавил, что «не верит в эффективность помощи западных держав»³. К тому же в Хельсинки начали обращать внимание на откровенную неконкретность и противоречивость в сведениях «относительно крупной помощи войсками» с Запада⁴. Никаких четких ответов в Финляндию с Запада не поступало.

Более того, количество войск, которые, по мнению союзников, должны были быть направлены в Финляндию, начало сокращаться. По информации, полученной в это время от британского посланника в Хельсинки, Р. Рюти и В. Таннер узнали, что эта помощь вначале должна была составить всего лишь около шести тысяч солдат⁵. Но с другой

¹ УМ. Tanerin kokoelma. 3.03.1940.

² Ibidem.

³ Ibid. 2.03.1940.

⁴ УМ. 109. С2е. Телеграмма Маннергейма в МИД, 3.03.1940.

⁵ Таннер В. Зимняя война. Дипломатическое противостояние Советского Союза и Финляндии 1939—1940. С. 258.

стороны, во Франции и в Великобритании получение этой помощи, а также ее конкретизацию стали увязывать с официальным обращением Хельсинки к западным странам за поддержкой¹. В частности, 5 марта финскому правительству предложили публично обратиться к руководству Великобритании и Франции за военной помощью. После этого Запад должен был оказать воздействие на правительства Швеции и Норвегии, чтобы они дали согласие на высадку в течение 11–15 марта на их территории англо-французских войск.

В целом складывавшаяся ситуация с получением эффективной военной поддержки выглядела все более непонятной. По мнению, высказанному тогда премьер-министром, все говорило лишь о том, что помощь союзников «не сможет решающим образом повлиять» на ход боевых действий и не приведет Финляндию к победе². В итоге на заседаниях Внешнеполитической комиссии правительства после 3 марта уже меньше рассматривались вопросы, связанные с получением военной помощи от стран Запада, поскольку на практической основе решался вопрос о необходимости срочного окончания войны. Речь шла о заключении тяжелого для Финляндии мира с Советским Союзом.

В такой политической атмосфере в финском руководстве было принято окончательное решение отправить делегацию в Москву. 7 марта мирные переговоры начались. Финляндия на переговорах с СССР была представлена премьер-министром Р. Рюти, министром Ю. К. Паасикиви, председателем Парламентской комиссии по иностранным делам В. Войонмаа и генералом Р. Вальденом. С советской стороны в переговорах участвовали В. М. Молотов, А. А. Жданов и комбриг А. М. Василевский. Как писал впоследствии Василевский, «после общих указаний И. В. Сталина мне под руководством В. М. Молотова и Б. М. Шапошникова пришлось готовить все предложения относительно новых границ, которые и вносились на обсуждение при переговорах»³.

Тем не менее, пока шли переговоры, последняя неделя войны (с 7 по 13 марта) оказалась самой сложной в противостоянии сторон. На Западе ни в коем случае не хотели прекращения войны. Теперь,

¹ УМ. 109. С2е. Телеграмма из Лондона в МИД, 5.03.1940; Телеграмма из Парижа в МИД, 7.03.1940.

² Ibid. 109. В6. Протокол заседания Внешнеполитической комиссии правительства Финляндии, 2.03.1940.

³ *Василевский А. М.*. Дело всей жизни. С. 98.

по словам В. Таннера, ему со всей категоричностью заявлялось, что «Финляндии суждено сыграть роль важной шахматной фигуры в стратегических планах западных держав» и финны должны понять, что «помощь предложена» им «не за голубые глаза»¹.

В результате, когда финская делегация прибыла в Москву для переговоров и когда об этом узнали в Лондоне и Париже, там опять произошел очередной всплеск желания срочно оказать Финляндии военную поддержку. В начале переговоров финскому руководству снова напомнили, что Великобритания и Франция намерены послать в Финляндию до 50 000 своих солдат. Даладьё тогда патетически заявил финским дипломатам: «Мы находимся на пороге огромных событий»². Из Лондона и Парижа потоком пошли заверения, что посылка войск будет осуществляться без промедления, лишь бы Финляндия официально их запросила. Причем эти утверждения, как сообщали финские дипломаты, стали распространяться «в некоторых газетах и по радио»³. Премьер-министр Великобритании Н. Чемберлен также открыто заявил в парламенте, что все зависит от правительства Финляндии и «в случае его обращения с просьбой об оказании дальнейшей поддержки мы немедленно придем на помощь финнам всем чем возможно»⁴. Аналогичное заявление было сделано премьер-министром Франции Э. Даладьё⁵. Военно-морской министр Британии У. Черчилль срочно прибыл в Париж, где совместно с премьер-министром Даладьё заявил финляндским представителям, что если Финляндия пожелает, «акция Запада будет начата немедленно; Норвегию и Швецию больше не спросят, их только проинформируют»⁶.

Но в финском руководстве тогда «царила неосведомленность относительно того, желают ли действительно западные государства быстро оказывать достаточную помощь»⁷, хотя давление Запада на Финляндию все же влияло на поведение финляндской делегации

¹ *Tanner V.* Olin ulkoministerinä talvisodan aikana. S. 311.

² *Ibid.* Донесение Х. Холма премьер-министру Р. Рюти, 8.03.1940.

³ *Ibid.* 109. Се. Телеграмма, адресованная в МИД, 9.03.1940; 109. В6. Протокол заседания Внешнеполитической комиссии правительства Финляндии, 12.03.1940.

⁴ *The Times*, 1940, 12.03; *Heinrichs E.* Mannerheim Suomen kohtaloissa. S. 160; УМ. 109. С2е. Телеграмма из Лондона в МИД, 12.03.1940.

⁵ УМ. 109. С2е. Телеграмма в МИД, 13.03.1940.

⁶ Цит. по: *Pakaslahti A.* Talvisodan poliittinen näytelmä. S. 285; Вооруженный конфликт с Финляндией и его мирное урегулирование. С. 273.

⁷ УМ. 109. С2е. Телеграмма из МИДа в Лондон, 11.03.1940.

в Москве. Финские участники мирных переговоров, ссылаясь на необходимость консультаций с Хельсинки, не давали никакого ответа на советские предложения, и более того, даже появились предложения прекратить переговоры и покинуть Москву. В этом отношении обсуждалось даже время отлета самолета¹.

Учитывая характер московских переговоров, советским командованием перед 7-й армией была поставлена задача в максимально короткий срок взломать третью (тыловую) оборонительную полосу и овладеть Выборгским укрепленным районом. Параллельно готовясь к штурму Выборга, советские войска также продолжали расширять прибрежный плацдарм юго-западнее города, создавая перспективу его полного окружения. В данных условиях Маннергейм прямо сообщил своему правительству: «Положение тяжелое. Новые войска перебрасываются через Выборгский залив... Мы не можем отбросить их назад... Это последняя наша линия...»² Более того, финский маршал стал очень хорошо понимать, что обещанная западная помощь, если она все же случится, «не даст желаемого облегчения, вместо этого произойдет включение Германии в войну», причем против войск западных союзников на финской территории, и это «в действительности не будет способствовать возможности обретения нами мира»³.

Объективно, положение у Выборга для финских войск становилось все более тревожным. Советское командование из резерва начало подтягивать дополнительные части, и 11 марта началось общее наступление. После мощной артиллерийской и авиационной подготовки части 7-й армии пошли на штурм укреплений. Одновременно подразделения 28-го стрелкового корпуса с захваченного плацдарма устремились далее на запад и прорвались к шоссе Выборг — Хельсинки, перерезав его. В результате обстановка на фронте достигла кульминации.

В такой ситуации 11 марта финский главнокомандующий К. Г. Маннергейм открыто высказал свое мнение: «Выборг через день придется сдать. Нельзя будет после этого держать оборону больше месяца, а предполагаемая западными странами помощь может быть на месте лишь к концу недели, поскольку не получено разрешение

¹ *Pakaslahti A.* Talvisodan poliittinen näytelmä. S. 276.

² *Tanner V.* Olin ulkoministerinä talvisodan aikana. S. 351.

³ *Heinrichs E.* Mannerheim Suomen kohtaloissa. S. 180.

на транзит» через Скандинавию¹. В итоге финскому руководству, не имевшему никакой гарантии, что западная помощь может поспеть вовремя, оставалось лишь одно — дать полномочия своей делегации в Москве, чтобы заключить мир. В противном случае перед Финляндией вставал бы лишь один вопрос: куда сместится фронт, когда англо-французские войска вступят на территорию страны?²

Так подписание мира с СССР стало для Финляндии единственной альтернативой. А перед Западом Хельсинки оставалось только раскляняться и, как тогда говорилось на заседаниях Внешнеполитической комиссии правительства, «поблагодарить их за хорошее расположение»³. 11 марта делегация действительно получила из столицы Финляндии указание подписать мирный договор.

Причем историческое по своей сути решение принималось в обстановке, когда ожесточенные боевые действия на фронте не прекращались. В то время пока в Москве шли последние консультации и согласовывались условия мира, 123-я дивизия продолжила обход Выборга с севера, 100-я и 95-я дивизии прорывались на северо-восточные и восточные его окраины, а 7-я дивизия наступала в направлении южной части города. Причем части советских войск вынуждены были штурмовать буквально каждую улицу, каждый дом, постепенно двигаясь к центру города. Особенно серьезной проблемой при этом являлось большое количество финских снайперов, которые, умело используя тактику уличных боев, серьезно препятствовали быстрому продвижению советских войск⁴. В итоге даже в последний день войны из числа наступающей прямо по улицам города 7-й стрелковой дивизии были выведены из строя сразу два командира полка. Один был убит, а другой во время продолжающегося сражения получил тяжелое ранение⁵.

Однако полностью взять Выборг советские войска так и не смогли. Во время штурма 12 марта в 22 часа между Финляндией и СССР был подписан мирный договор. Согласно ему 13 марта в 12.00 военные действия между Советским Союзом и Финляндией должны были прекратиться. К этому времени части 7-й армии все еще вели ожесточенные бои в южной и восточной частях Выборга.

¹ УМ. 109. В1. Телеграмма из МИДа в Стокгольм, 11.03.1940.

² *Pakaslahti A.* Talvisodan poliittinen näytelmä. S. 301.

³ УМ. 109. В6. Протокол заседания Внешнеполитической комиссии правительства Финляндии, 12.03.1940.

⁴ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д. 527. Л. 1, 5.

⁵ Там же. Д. 526. Л. 162.

Так закончилась «финская война»...

Что же касается подписанного мира, то, согласно ему, СССР смог существенным образом обеспечить военную безопасность Ленинграда. Новая граница на Карельском перешейке устанавливалась по линии севернее Выборга и Сортавалы. Она оказалась значительно дальше того рубежа, на котором осенью 1939 г. настаивало советское руководство. Фактически Сталин посчитал новую границу вполне приемлемой для безопасности Ленинграда. Она прошла теперь там, где ее после основания Санкт-Петербурга прочертил Петр Великий в результате победы России над Швецией в Северной войне.

Кроме того, Советский Союз получил право на создание на полуострове Ханко своей военно-морской базы. Это, несомненно, укрепляло позиции Балтийского флота на дальних рубежах южного побережья Финляндии, ограничивая возможности быстрого прорыва военно-морских сил противника к Ленинграду. Эта же задача решалась и с помощью советского военного контроля над стратегически важными островами, находящимися на единственном фарватере, ведущем к Кронштадту в центре Финского залива.

Среди других положений договора содержалось важное требование: «не заключать каких-либо союзов или участвовать в коалициях, направленных против одной из Договаривающихся Сторон»⁶. Этим положением, вероятно, советское руководство стремилось не допустить дальнейшего процесса сползания Финляндии в лагерь врагов СССР. Но через год и три месяца Финляндия, проигнорировав это обязательство, вступит в войну на стороне Германии против Советского Союза, став уже непосредственным участником Второй мировой войны, прочно обосновавшись в лагере нацистов.

⁶ Документы внешней политики. Т. XIII. Кн. 1. С. 140–143.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Финская война» стоила колоссальных жертв, причем как для Советского Союза, так и для Финляндии. Количество погибших за три с половиной месяца боевых действий было потрясающим. В рядах Красной армии, как и в финских войсках, потери фиксировались не только на фронте. Многие умирали в госпиталях, от ран, от обморожений. В СССР изначально после окончания войны говорилось о 48 745 советских военнослужащих, погибших на фронте и о 158 863 раненых в результате боевых действий¹. Эта цифра считалась тогда вполне официальной². Далее, уже в самые последние годы существования СССР, стараниями отдельных отечественных исследователей число погибших было определено в количестве 53 522 человек, к которым приплюсовывались еще 16 208 красноармейцев, пропавших на фронте без вести и 176 000 раненых³. Однако перерасчеты продолжались. Общая цифра потерь продолжала расти. Далее она составила 72 408 убитыми и умершими от ран, 17 520 пропавшими без вести⁴.

По последним данным, которые были опубликованы после тщательного пересчета всех цифр с учетом использования ранее секретных сведений советских военных архивов, установлено, что в Красной армии потери в «финской войне» составили 126 875 человек⁵. Причем число погибших на фронте, а также умерших от ран на этапах санитарной эвакуации приблизительно соответствовало предыдущим. В результате по полученным, а затем сверенным архивным

¹ Ильинский Я. Финляндия. М., 1940. С. 183.

² Правда. 1940. 30 марта.

³ Семиряга М. И. Советско-финляндская война (к 50-летию окончания). С. 26.

⁴ См.: Носков А. М. Северный узел // Военно-исторический журнал. 1990. № 3. С. 9.

⁵ Гриф секретности снят. Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование. М., 1993. С. 121.

документам потери Красной армии убитыми составили 71 214 человек¹. Кроме того, к этой цифре добавили еще всех тех красноармейцев, которые затем умерли от ран и болезней в тыловых госпиталях. Их было выявлено еще 16 292 человека². Далее к числу погибших добавили еще и тех, кто, по данным советского командования, пропал в ходе боев без вести. Таких за время войны было больше, чем считалось ранее, — 39 369 человек³. Однако, рассматривая критически эти данные, можно заметить, что все потери трудно объединить в общий список. Военнослужащих, которые считались без вести пропавшими, автоматически причислять к числу погибших некорректно. Судьба этих людей, очевидно, складывалась по-разному, и такой формальный подход, несомненно, является необъективным. Таким образом, если подойти более объективно к последним данным о числе погибших в «финскую войну», то Красная армия в целом потеряла погибшими на фронте или умершими от ран и болезней в тылу по итогам войны 87 506 человек.

Данная цифра вполне сопоставима и с финскими потерями. Согласно официальным данным, общие потери финских войск составили 66 400 человек⁴. Причем непосредственно на фронте погибшими считалось 21 396, а ранены были еще 43 557 солдат⁵. При этом, как указывает историк О. Маннинен, в Финляндии сведений «о направленных в госпитали больных данных нет»⁶. В результате в Финляндии тоже существуют определенные расхождения в подсчетах погибших. Так, есть конкретные данные о том, что всего за время войны в Финляндии погибло несколько больше — 24 114 человек⁷. В это число вошли солдаты, убитые на фронте, — 23 157 человек и гражданское население — погибшие в тылу 957 человек⁸.

¹ Гриф секретности снят. Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование. М., 1993. С. 121.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Маннинен О. Мощное советское наступление // Зимняя война. Кн. 1: Политическая история. С. 325. См.: Talvisodan historia. Osa IV. Porvoo; Hels.; Juva, 1979. S. 406. В данном фундаментальном исследовании вообще подчеркивается, что в Финляндии «человеческие потери в зимней войне вряд ли когда-либо могут быть точно определены» (Ibidem).

⁵ Маннинен О. Мощное советское наступление. С. 325.

⁶ Там же.

⁷ Waris H. Suomalaisen yhteiskunnan rakenne. Hels., 1952. S. 106.

⁸ Ibidem.

«В целом, — как отмечает профессор О. Маннинен, — вооруженные силы Финляндии в ходе войны потеряли 20 % своего личного состава», и эти потери для населения страны, как он подчеркивает, «составили 1,8 % от его общей численности, тогда как Советского Союза — всего 0,15 %»¹. К этому мнению финского историка, вероятно, стоит добавить, что потери Финляндии усугублялись еще и тем, что страна в результате боевых действий проиграла войну. Поэтому ее итог для населения страны выражался в глубоком чувстве общей подавленности. Особенно это проявлялось у более чем 400 тысяч переселенцев, депортация которых, организованная финскими властями еще до войны осенью 1939 г.², привела к колоссальному количеству перемещенных лиц, оказавшихся во внутренних районах страны.

В целом финское население с огромной горечью переживало то, что в результате войны за пределами государственной границы оказались города Выборг, Сортавала и Кексгольм. В стране в день вступления в силу мирного договора были приспущены государственные флаги. Для Финляндии, безусловно, финал войны был трагедией.

Сейчас уже не могут не возникнуть вопросы, касающиеся того, насколько «финская война» была фатально неизбежной для двух государств и какие были ее последствия для них в дальнейшем.

Ответы на эти вопросы, как представляется, тоже не могут быть исключительно односложными или прямолинейными.

До сих пор первой и, может быть, даже главной задачей является необходимость дать ответ на вопрос о реальной причине «фатальной неизбежности» «финской войны». И здесь, вероятно, следует помнить, какую историческую роль в мировой политике того времени отводила себе сама Финляндия. В 1920 — начале 1940-х гг. это, как известно, была попытка представить Финляндию в виде некоего «стражника» на границах европейской цивилизации, находящегося перед «ужасным» восточным «монстром».

В этом отношении совершенно понятно, почему советско-финляндский переговорный процесс конца 1930-х гг., касавшийся проблемы военной безопасности, не мог дать какого-либо позитивного для Москвы результата. Финская сторона к принятию советских предложений была не готова. Это было связано, конечно, с особенностями восточной политики Финляндии, а также с теми истори-

¹ Маннинен О. Мощное советское наступление. С. 325.

² Зимняя война 1939—1940. Кн. 1: Политическая история. С. 362.

ческими персонажами, которые находились в тот период во главе финляндского государства. Все это, естественно, сочеталось с общим страхом перед угрозой, нависавшей над страной с востока, а также недоверием к большевистской Москве, которые, бесспорно, существовали в финском обществе. Важной являлась и та позиция, которую Финляндия стремилась занимать с точки зрения ее общей цивилизационной миссии. Финские установки в этом плане были вполне продуманными. Здесь ее роль «передового западного рубежа» на границах с Востоком Финляндию полностью устраивала. Запад, к которому эта страна себя, естественно, причисляла, полностью поддерживал эту линию в отношении к СССР, что, несомненно, усиливало уверенность Хельсинки в оправданности проводимой в отношении Москвы политики.

Что же касается Советского Союза, то в отношениях с Финляндией во второй половине 1930-х гг. главным было представление о неизбежности мировой войны и желание обеспечить необходимую для государства военную безопасность на севере. При этом если оценивать конкретные оттенки отношений СССР с Финляндией, то можно сказать, что с начавшихся в 1937 г. переговоров по вопросу безопасности советской границы на севере четко просматривается тактическая эволюция советских инициатив. Общим при этом оставалось явное стремление добиться того, чтобы территория Финляндии не могла быть использована главными противниками СССР для нападения на Ленинград и на другие жизненно важные северо-западные районы Советского Союза.

В целом основные тактические стадии советских инициатив хорошо улавливаются. Их можно проследить, начиная со стремления получить от Финляндии только гарантии, что ее территория не превратится в «плацдарм» для нападения на Советский Союз. Об этом, в частности, особо говорилось в 1937 г. во время визита в Москву финского министра иностранных дел Р. Холсти.

На следующей стадии, когда к переговорам был подключен второй секретарь полпредства в Хельсинки Б. А. Рыбкин (больше известный под псевдонимом Б. Н. Ярцев), вопрос уже ставился о заключении секретного военного соглашения между двумя государствами, которое позволяло бы СССР в случае войны с Германией ввести на территорию Финляндии советские войска. Эта стадия переговоров продолжалась до 18 августа 1938 г. и была абсолютно безрезультатной. Финское руководство всячески избегало участия в переговорах по данному

вопросу, что и побудило в конечном счете перейти к новой ступени переговорного процесса.

Третья стадия переговоров длилась с конца лета до 7 декабря 1938 г. В ходе ее снимался вопрос о военном союзе и решение проблемы об оказании действенной помощи северному соседу. Определялась лишь перспектива возможных поставок Финляндии советского вооружения, а также усиления охраны морских границ. Но при этом предусматривалось, что со стороны Финляндии последует письменное обязательство быть готовой к отражению возможного нападения на нее третьей страны. Причем на этой стадии выдвигалось уже принципиально новое предложение о возможности СССР создать в восточной части Финского залива на острове Суурсаари (Гогланд) военно-воздушную и военно-морскую базы, а также участвовать в возведении укреплений в стратегически важном районе Балтийского моря, на входе в Ботнический залив на Аландских островах.

Эти переговоры продолжались путем обмена мнениями между Рыбкиным и ответственными финскими государственными деятелями и закончились конфиденциальной встречей финской делегации (У. Тойвола, А. Пакаслаhti и А. С. Ирье-Коскинен) в Москве в декабре 1938 г. Однако эти переговоры не продвинули в целом решение всего комплекса вопросов, которые были поставлены советской стороной.

Тем не менее, если характеризовать процесс советско-финляндских переговоров, который поэтапно проходил в 1937–1938 гг., то становится очевидным, что в тот период реально вырабатывались лишь основы последующих переговоров, состоявшихся уже в канун «финской войны» — весной и осенью 1939 г.

Кульминация переговорного процесса, очевидно, приходится на октябрь — ноябрь 1939 г. Тогда начали обсуждать все поставленные прежде вопросы, но уже в более жестком и в достаточно концентрированном виде. При этом ускорение начавшегося переговорного процесса, безусловно, было связано с начавшейся Второй мировой войной. Теперь Сталин считал, что прежние вялотекущие переговоры в новых условиях малоэффективны. К тому же со стороны СССР добавились новые, весьма сложные для выполнения требования, касавшиеся прежде всего создания на финской территории советской военно-морской базы. Все это свидетельствует о том, что в период, предшествующий осенним переговорам 1939 г., в Кремле уже был выработан основной подход к решению так называемой финляндской проблемы.

Он характеризовался нескрываемой со стороны СССР обеспокоенностью безопасностью своих северо-западных рубежей. Это проявилось и в ходе англо-франко-советских переговоров в Москве весной — летом 1939 г. и в заключении 23 августа 1939 г. советско-германского договора о ненападении (особенно в его секретном протоколе, касающемся раздела сфер влияния Советского Союза и рейха в Восточной Европе). Причем следует учитывать, что в Москве даже после 23 августа продолжали негласно рассматривать Германию в качестве основного противника СССР. Единственное, что в новых условиях изменилось: теперь советское руководство рассчитывало на то, что, действуя более энергично на западном направлении в преддверии приближающейся Второй мировой войны и открытого столкновения двух держав, Берлин не станет мешать СССР занимать более выгодные в военном отношении позиции на своих западных рубежах.

В целом заключенный Германией пакт с СССР являлся по отношению к Финляндии для Берлина весьма циничным, поскольку в Хельсинки еще надеялись «на твердость Гитлера к большевикам». Касаясь немецкой позиции в этот период, известный финский исследователь М. Юлкунен отметил: «С общеполитических позиций Германии Финляндия имела сравнительно малое значение», так как «в конце 1930-х гг. Финляндия оставалась в стороне от общих территориальных целей военного характера, относившихся к Центральной Европе и Скандинавии»¹.

Иными словами, к осени 1939 г. в Москве уже существовали элементы откровенного недоверия к финской внешней политике, и с другой стороны, Германия обманывала финнов, создавая у них иллюзию некой заинтересованности рейха в военно-политических проблемах Хельсинки, особенно с точки зрения значения Финляндии в качестве страны — форпоста Запада на советских границах. В результате для финского руководства сложилась достаточно запутанная ситуация. Уже после окончания «зимней войны» в финском МИД, пытаясь разобраться в сложившемся до ее начала положении, пришли к парадоксальному выводу о причинах этой войны. Тогда там посчитали во всем виновным (!!!) посланника в Берлине А. Вуоримаа, у которого, как отмечалось в документах МИД, «не было никаких предпосылок для того, чтобы сблизать и укреплять внешнеполитические отноше-

¹ *Julkunen M.* Perinteet ja realismi. Suomen puolustusvoimat saksalaisarvioissa 1930-luvulla. S. 199.

ния между Германией и Финляндией». Ответ на вопрос о возможности для Финляндии избежать этой войны был дан достаточно смелый: «По-видимому, да, если бы наши отношения с Германией и при ее посредничестве с Москвой велись бы лучше»¹.

Таким образом, наряду с существующими национальными интересами собственной безопасности в политике Финляндии присутствовал образ некоего защитника интересов Запада, который она и демонстрировала западноевропейским государствам. Это стало одной из главных предпосылок особой позиции Финляндии в ее отношениях с Советским Союзом. В Хельсинки четко видели, какой плацдарм Финляндия занимала на границах СССР, и в этом отношении рассчитывали на соответствующую поддержку и понимание как со стороны рейха, так и со стороны держав «западной демократии».

В целом дипломатические хитросплетения, которыми были опутаны тогда страны, в конечном итоге привели к резкому обострению советско-финляндских отношений и к началу «финской войны». Причем, как показали первые же дни этой войны, Вооруженные силы Советского Союза к ее ведению оказались практически не готовы. Как ход боевых действий, так и развивавшаяся на его фоне ожесточенная международная борьба ясно показывали, что война для советского руководства явилась во многом вынужденным средством решения геополитических проблем на северо-западе.

Таким образом, Финляндия оказалась в пучине этой войны в результате сложившейся в 1939 г. международной обстановки, где коллективный Запад продолжал морально поддерживать финское руководство в его политическом противостоянии СССР, а в Хельсинки продолжали видеть в глобальной мировой политике свою уникальную роль своеобразного «форпоста западной цивилизации» на советской границе. Традиционно Советский Союз в финском обществе рассматривался как единственный враг, с которым предстояло бороться, и эта борьба началась...

Финская армия хорошо подготовилась к начавшейся войне, и в данном случае финские солдаты проявляли истинную преданность своей родине, мужественно сражаясь против численно превосходившей их Красной армии. Но и идея «финского форпоста» тоже продолжала сохраняться. Запад хотя формально и не включился в боевые действия на стороне Финляндии против Советского Союза, тем не менее активно

¹ УМ. 12/К.

поддержал финское руководство, и СССР вынужден был сражаться на финской территории не только с финской армией, но и с коллективным Западом. При этом пикантность складывавшейся тогда обстановки заключалась еще и в том, что западные страны сами были разделены на враждующие между собой группировки. Но все они в той или иной степени поддерживали борьбу Финляндию против СССР.

Для СССР начало «финской войны» явилось высшей степенью определения того, что Москва хотела добиться по ее итогам. Создание марионеточного «финского народного правительства» четко подсветило эти цели. Причем договор, который был подписан 2 декабря 1939 г. в Москве советским руководством и главой этого «правительства» О. В. Куусиненом, ясно указывал на весь комплекс целей, преследуемых СССР в отношении Финляндии. Главным здесь было стремление искусственным путем превратить Финляндию в дружественное Советскому Союзу государство. Об этом свидетельствует Конфиденциальный протокол к подписанному договору, имеющий по своей сути сугубо военный характер¹.

Тем не менее ход боевых действий на фронтах «финской войны» не позволил советскому руководству решить поставленные задачи. Это стало понятно уже на исходе первого месяца войны. Это потребовало от Москвы отступить от первоначального политического и военного сценария ее ведения, ограничиваясь лишь перспективой изменения границы и обеспечения военной безопасности Ленинграда с севера.

В это же время Финляндия сохраняла надежды на активную поддержку ее борьбы против Советского Союза со стороны Запада. Это подкреплялось решением об исключении СССР за начавшуюся войну из числа членов Лиги Наций, а также активной финансовой и военнотехнической поддержкой, которую Запад оказывал финскому руководству. Кроме того, на фронт, на сторону Финляндии устремились потоки добровольцев из различных стран, а в Париже и Лондоне, используя начавшуюся «финскую войну», приступили к разработке плана военной операции по высадке своего экспедиционного корпуса на севере Европы. Причем реальная военная поддержка Финляндии со стороны Великобритании и Франции была обусловлена далеко не желанием помочь «маленькой» Финляндии, а намерением решить свои геополитические задачи, включая их борьбу против Германии.

¹ См.: Копия Конфиденциального протокола в кн.: Зимняя война 1939–1940. Кн. 1: Политическая история.

Рассчитывая на помощь Запада, финская армия героически продолжала сражаться. Одновременно финское руководство стремилось направить военную мощь своих западных «доброжелателей» непосредственно против СССР. Более того, в Хельсинки начали разрабатывать план в случае успеха западного военного вмешательства в начавшуюся войну организовать внутренний кризис в СССР путем создания на занятой советской территории альтернативного советскому «правительства России». Также предполагалась возможность активно привлечь к борьбе против Советского Союза украинских националистов. Иными словами, Финляндия старательно продолжала исполнять роль «форпоста» в общеевропейской драме Второй мировой войны.

Однако «финская война» приобрела весьма динамичный характер, что выразилось в очевидном желании руководства СССР во внешнеполитическом плане найти общий язык с правительством Финляндии и завершить войну. Одновременно в феврале — марте 1940 г. произошел общий перелом в ситуации на фронте, и советские войска, прорвав линию Маннергейма, приступили к штурму Выборга. В этой ситуации для Хельсинки становилось достаточно сложным придерживаться прежней стратегии, создавшей очевидную перспективу распространения боевых действий на всю территорию Финляндии, которую страны Запада в случае высадки там их войск превратили бы в обыкновенный военный полигон для испытания новейшего вооружения. Причем при весьма сомнительных для населения страны результатах этих боевых действий. В складывающейся ситуации в финском руководстве усомнились в возможности получения западной помощи в нужное для перелома в войне время и сочли, что «помощь западных держав является блефом». Это мнение имело историческое обоснование, поскольку, как отмечали тогда в Хельсинки, на Западе в 1938—1939 гг. «не помогали Польше, хотя обещали» и «Чехословакию они побуждали к капитуляции»¹.

В итоге функцию форпоста Запада на границах с Советским Союзом выполнить было затруднительно, а победить СССР самостоятельно Финляндия, конечно, просто не могла. Учитывая эти обстоятельства, финское руководство пошло на подписание Московского мирного договора.

¹ УМ. 109. В6. Протокол заседания Внешнеполитической комиссии правительства Финляндии, 2.03.1940.

Мир был подписан. Финляндия войну проиграла. Но это не означало поражения прежней финской внешней политики. Все оказалось значительно сложнее, что хорошо было заметно в отношении судеб тех в Финляндии, от кого многое завесело в принятии решений, связанных с началом «зимней войны». Тех, кто в действительности реально повлиял на начало этой войны. Удивительно, но о дальнейшей деятельности финского президента К. Каллио, предвоенных премьер-министра А. Каяндера и министра иностранных дел Э. Эркко мало что известно. Единственным, кто остался на своем посту как в период самой войны, так и после заключения мирного договора, был президент К. Каллио. Однако в послевоенное время его полномочия были серьезно ограничены. Более того, внезапно получивший инсульт Каллио в 1940 г. скончался. Что касается премьер-министра А. Каяндера, то он после своей отставки оставался депутатом парламента, но тоже достаточно быстро отошел в мир иной. Он скончался от сердечного приступа в своем рабочем кабинете в парламенте в январе 1943 г. Э. Эркко дольше всего находился на государственных должностях, но совершенно отошел от дипломатической деятельности. В период новой войны против СССР в 1941 г. он отвечал за содержание советских военнопленных, проходя военную службу в штабе тыловых войск. Именно тогда колоссальное количество содержащихся в финских лагерях военнопленных погибло от невыносимых условий их содержания. Сам Э. Эркко скончался уже после войны.

Таким образом, государственные деятели в Финляндии, которые подвели страну к войне, отошли от дел или довольно быстро были лишены возможности влиять на внешнеполитические решения своего государства. Самое важное, что прежняя внешнеполитическая линия сохранилась. Теперь просто поменялись «главные действующие лица». Сформировался новый «внутренний круг» финского руководства, от которого, собственно, и зависела внешняя политика государства¹. В него вошли К. Г. Маннергейм, Р. Рюти, В. Таннер, Р. Вальден, Р. Виттинг и другие известные государственные деятели страны, но в их понимании значение Запада для Финляндии никоим образом не менялось и не утрачивалось. Прежним оставалось и отношение к Советскому Союзу.

Разница теперь заключалась лишь в том, что после окончания «финской войны» на политическую арену резко вышла нацистская

¹ Подробно см.: *Барышников В. Н.* Вступление во Вторую мировую войну.

Германия. И именно в ее объятия, собственно, и устремилось теперь «новое» финское руководство. Таким образом, период с 13 марта 1940 по 26 июня 1941 г. стал временем, когда Финляндия вполне сознательно и целеустремленно двигалась к новой войне с СССР, начало которой для финского руководства было далеко не случайным, также как и то, на стороне какого государства в ней сражалась Финляндия.

Таким образом, новый период 1940—1941 гг. в финской историографии получил наименование «перемирие»¹. Но, воспринимая идеи агрессии гитлеровской Германии против Советского Союза и создавая благоприятные условия для нападения на советскую территорию, финское руководство сделало в этом направлении решительный шаг вперед. В Хельсинки пошли на то, чтобы заранее, уже в сентябре 1940 г., позволить разместить на территории Финляндии регулярные немецкие войска.

Тем не менее Финляндия в ее подготовке к новой войне против СССР, конечно, имела свои собственные интересы. Они явились реальным отображением истинной сути финской политики в отношении Советского Союза в 1920—1930-е гг. и, таким образом, раскрывали не объявляемые никогда до этого мотивы жесткой позиции Финляндии в ходе переговоров с СССР в 1937—1939 гг. Это были тайные надежды, связанные с созданием «великой Финляндии». Естественно, Финляндия не могла их осуществить без полной победы над Советским Союзом. Именно новая война в содружестве с нацистской Германией могла бы эти задачи решить. Неслучайно поэтому совместную с рейхом агрессию против СССР в финской пропаганде в 1941 г. стали именовать «война-продолжение», то есть продолжение «зимней войны». Но наиболее агрессивные замыслы финским руководством, как и прежде, всячески скрывались.

Тем не менее, вступая в 1941 г. во Вторую мировую войну, государственное и военное руководство Финляндии ставило совершенно определенные задачи. Основой для определения конкретных задач в войне была вера в быструю победу Германии. Ставившаяся рейхом цель уничтожения СССР вполне отвечала устремлениям и руководителям Финляндии. Но при этом у Финляндии присутствовали и свои исключительные интересы. Здесь особо выделялась великофинляндская направленность националистических идей. Они предусматривали отторжение от Советского Союза значительной территории

¹ Подробно см.: *Барышников В. Н.* Вступление во Вторую мировую войну.

с выдвиганием к «стратегическим границам» до Белого моря и Онежского озера, а также к рекам Свирь и Нева¹.

Данные цели, связанные с практической реализацией идеи создания «великой Финляндии», легли тогда прежде всего на плечи Маннергейма. В итоге именно он официально озвучил главные геополитические задачи участия Финляндии в войне. Они были четко изложены 10 июля 1941 г. в приказе № 3, отданном им о переходе финских войск в наступление. В нем четко указывалось, что «свобода Карелии и Великая Финляндия мерцают перед нами в огромном водовороте всемирно-исторических событий»². Так, стремясь облечь в красивую фразу одну из главных задач начатой войны, маршал во всеуслышание, открыто подтвердил замысел относительно цели создания «великой Финляндии».

Теперь наряду с распространявшейся пропагандой идеи о необходимости возврата Финляндии к рубежам 1939 г. в качестве главной задачи выдвигалась великофинляндская идея, связанная именно с организацией «новых границ». В целом создание «великой Финляндии» с провозглашением этого приказа оказалось на практике государственной политикой. С этого момента в финляндском руководстве достаточно открыто мечтали, как и в Германии, о «жизненном пространстве» («*Finnlands Lebensraum*»³). Оно, естественно, распространялось значительно дальше прежних государственных границ этой страны.

Единственным, что существенно мешало реализации идеи «великой Финляндии», являлось то, что на территории, которую заняли финские войска, проживало значительное количество русского населения. В результате финская армия стала осуществлять в Советской Карелии жесткие этнические чистки, где в отношении славянского населения проводилась ярко выраженная расовая политика. Причем эта политика для Германии и всего нацистского блока была вполне естественной.

В целом близость политики Германии и Финляндии в отношении гражданского населения на захваченных территориях была очень хорошо заметна. Но наиболее выразительно расовая политика Фин-

¹ *Manninen O.* Suur-Suomen ääriiviivat. Kysymys tulevaisuudesta Suomen Saksan politiikassa. Hels., 1980. S. 157–158, 295.

² Цит. по: *Jatkosodan kujanjuoksu.* S. 46.

³ См.: *Auer V., Jutikkala E.* Finnlands Lebensraum. Hels., 1941.

ляндии и ее схожесть с аналогичной политикой Германии иллюстрируется тем, как тогда обращалась финские власти с советскими военнопленными. Как подчеркнул финский исследователь Э. Пиэтола в опубликованной им работе «Военнопленные в Финляндии 1941–1944», «по статистическим данным получается, что из всей массы пленных в наших лагерях погибло 29,1 процента», и далее прямо указал, что «это одна из самых высоких цифр в мире»¹.

Однако в условиях, когда войска Германии начали терпеть одно поражение за другим, становилось понятно, что рейх может войну проиграть. В итоге финское руководство опять начало изменять свои внешнеполитические ориентиры. Стало понятно, что в новых условиях нужно выйти из войны. Действительно, именно в этот момент в близких к правительству кругах был поставлен вопрос о необходимости окончания войны. Тогда начала оформляться политическая оппозиция, получившая довольно выразительное наименование — «мирная оппозиция». Причем эта оппозиция считала необходимым не только разорвать отношения с рейхом, но и постараться возродить прежние партнерские отношения с «демократическим Западом». Теперь именно с ним опять стали связывать весьма большие надежды. Иными словами, функции «защитника западных ценностей» сохранялись, но менялся сам финский сюзерен. Враг, с которым нужно было, собственно, затем заключить мир, оставался прежним.

Финляндское руководство в изменившейся военно-политической обстановке пытаясь изображать «активное стремление к миру», теперь уже рассчитывало на поддержку прежде всего Соединенных Штатов Америки. Причем в Финляндии опять начали рассматривать возможность предоставления своей территории уже для американских войск. Практическое обсуждение данного вопроса началось в ходе тайных финско-американских переговоров, которые проходили на нейтральной территории в Португалии летом 1943 г. Здесь США пытались выяснить конкретные условия возможного проведения десантной операции на севере Европы.

Таким образом, уже Соединенные Штаты в свою очередь решили с помощью своих войск обозначить и зафиксировать свое влияние в Северной Европе. Причем что касается финляндского руководства, то оно в целом не возражало против перехода страны в зону американ-

¹ *Пиэтола Э.* Военнопленные в Финляндии 1941–1944 // Север. 1990. № 12. С. 92.

ского влияния. Поэтому в Хельсинки полагали, что нет смысла противодействовать высадке американских войск на финской территории¹. Расчет делался на то, чтобы постараться с помощью США создать своеобразный барьер против СССР.

Но как известно, замысел с проведением десантной операции в Финляндию тогда не был реализован. Как указывал занимавшейся этой проблемой американский адмирал У. Д. Леги, «задача применения англо-американских войск с двойной целью: оказания помощи в изгнании из Финляндии немецких войск и предоставления гарантий от невмешательства России, помимо других серьезных возражений, с военной точки зрения была бы невыполнима». Поясняя это заявление, он также подчеркнул, что в предлагаемой операции одни «только логистические факторы помешали бы ее выполнению»².

Это мнение окончательно поставило крест на идее возможности проведения десантной операции американских войск в Северной Финляндии. Армия США оказалась не в состоянии проводить во время Второй мировой войны боевые операции на финском направлении. Поэтому Соединенные Штаты заняли позицию, предполагающую ограничение своих амбиций, направленных на возможность активного влияния на «финляндском плацдарме». В данном отношении, очевидно, прав финский профессор Т. Полвинен, который отметил, что Финляндия «предпринимала все усилия, чтобы привлечь западные державы к распутыванию клубка». Но далее историк вынужден был признать, что итоговые их «результаты оказались совсем не обнадеживающими»³. Что же касается конкретно США, то здесь можно согласиться с мыслью американского исследователя М. Берри, который утверждал, что тогда «Соединенные Штаты выступали за финскую политику приспособления к интересам советской безопасности». Поясняя эту позицию, историк заметил: «Вашингтон понимал, что не будет советско-американского сотрудничества... если Советский Союз останется обеспокоен своей будущей безопасностью в приграничных районах»⁴. США в годы Второй

¹ *Linkomies E.* *Vaikea aika.* S. 265.

² *Foreign Relations of United States. Diplomatic Papers.* 1943. Vol. III. Washington, 1963. P. 296.

³ *Polvinen T.* *Barbarossasta Teheraniin. Suomi kansainvälisessä politiikassa.* I: 1941–1943. Porvoo; Hels.; Juva, 1979. S. 240.

⁴ *Berry R. M.* *American Foreign policy and the Finnish exception. Ideological Preference and Wartime Realities.* P. 435.

мировой войны проявляли определенный естественный интерес к взаимодействию с СССР, что делало перспективу осуществления финской внешней политики «западного форпоста» крайне сложной задачей.

В этих условиях 3 сентября 1943 г. на закрытом заседании парламента часть депутатов социал-демократической фракции выдвинули принципиально важное положение о необходимости нормализации отношений с Советским Союзом. Более того, 25 сентября бывший министр и депутат парламента У. К. Кекконен в памятной записке, направленной президенту страны, прямо подчеркнул, что для Финляндии уже достигнута такая стадия, когда «необходимо от имени правительства... официально предложить Советскому Союзу начать переговоры о мире»¹.

Таким образом, в недрах Второй мировой войны начало проби-вать себе дорогу совершенно новое для Финляндии направление внешней политики, согласно которому роль «защитника» Запада уже не считалась главной. Предпринималась попытка концептуально пере-смотреть основы внешней политики своей страны. Неудачный опыт участия Финляндии в войнах против СССР должен был сказаться на взглядах политической элиты. 7 декабря 1943 г. У. К. Кекконен в столице Швеции в здании риксдага выступил с публичной лекцией, в которой коснулся внешней политики своего государства. Он тогда сказал очень мудрые слова, которые, очевидно, рождались с учетом опыта всего предшествующего периода внешнеполитической страте-гии Финляндии. Кекконен заявил, что уже после окончания войны «нам следует открыто и без предрассудков исходить из того что, если Советский Союз останется великой державой, как мы предполагаем, присоединение к антисоветскому лагерю не будет соответствовать нашим национальным интересам». Далее он подчеркнул: «Не в инте-ресах Финляндии быть союзником какой-либо великой державы в качестве форпоста у советской границы». Кекконен тогда четко отметил: «Национальные интересы Финляндии не позволяют ей свя-зывать себя с политической линией, направленной против Советского Союза, или даже думать о такой линии»². Таким образом, Кекконен предложил отказаться от образа Финляндии, исполняющей роль

¹ Кекконен У. К. Финляндия: путь к миру и добрососедству. Статьи, речи, письма 1943–1978 гг. М., 1979. С. 12.

² Там же. С. 15–16.

«благородного рыцаря», защищающего «цивилизованную» Европу от СССР, и учитывать Советский Союз в качестве сверхдержавы.

Для того времени это было чрезвычайно смелое заявление. Ни один из легальных политических деятелей Финляндии, выступавших за выход Финляндии из войны, не решился на такой шаг. В этом отношении У. К. Кекконен был более откровенным политиком, чем будущий послевоенный президент Финляндии Ю. К. Паасикиви, который тоже поддерживал контакты с «мирной оппозицией» и являлся сторонником быстрого прекращения войны с Советским Союзом.

Тем не менее концептуальная линия Урхо Каллево Кекконена уже начала пробивать себе дорогу. В утверждении этой линии, безусловно, большую роль сыграли победы советских войск в июне — июле 1944 г. на Карельском перешейке и в Карелии. Тогда вопрос о выходе страны из войны все чаще объединялся уже не с проблемой отношений Финляндии с США, а прежде всего с поисками приемлемого подхода к политике в отношении СССР.

В этой обстановке, находясь в безвыходном положении и понимая, что страна оказалась после летнего военного поражения 1944 г. на грани катастрофы, финское руководство вынуждено было пойти на заключение 19 сентября соглашения о перемирии. Причем, подписывая это соглашение в Москве, финская делегация фактически уже закладывала основы новых отношений с Советским Союзом, в которых все больше проявлялись мысли, изложенные Кекконеном в декабре 1943 г.

Именно в это время К. Г. Маннергейм, который как раз тогда стал президентом Финляндии, начал выступать за коренной пересмотр всех основ финляндско-советских отношений. Маршал хорошо представлял сложившуюся для Финляндии внешнеполитическую обстановку, поэтому тоже вынужден был отказаться от прежних своих убеждений. В январе 1945 г. он сам лично предложил руководству СССР заключить военно-политический договор о сотрудничестве¹.

Это, безусловно, было крахом прежней внешнеполитической концепции Финляндии как «крестоносца» Запада на советских границах. Маннергейм полностью отстранился или даже отрекся от всех своих прежних внутренних союзников или единомышленников, начиная со шюцкора, Белой гвардии, с которой он пришел к победе в граждан-

¹ См.: *Tervasmäki V. Mannerheim — valtiomies ja sotapäällikkö talvi ja jatkosotien käännekohtissa. Hämeenlinna. 1987.*

ской войне, и заканчивая своим «узким кругом» руководства страны, с которым он управлял Финляндией во время Второй мировой войны¹. Уже в ноябре 1944 г. Маннергейм поздравил советское руководство с очередной годовщиной победы Октябрьской революции, с итогами которой Маннергейм всю свою жизнь стремился бороться. Тогда он просто выразил «искреннее желание финского народа укреплять прочные и дружественные, на обоюдном доверии основанные, добрососедские отношения Финляндии с ее великим соседом»².

Таким образом, исторический выбор в отношениях Восток — Запад, который Финляндия сделала на исходе Второй мировой войны, рождался на основе серьезного переосмысления всего прежнего ее исторического опыта. Причем это переосмысление осуществлялось практически теми же политическими и государственными деятелями, которые до этого в той или иной степени стремились представить Финляндию в образе «защитника» Запада.

Итог «финской войны» в марте 1940 г. для СССР такого результата не дал. Но в дальнейшем своей цели Москва все же добилась. Финалом этого противостояния стал уже 1948 г., когда советское руководство подписало с Финляндией договор о Дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, что позволило превратить эту страну в уникального партнера Советского Союза на Западе. Причем военную статью этого договора собственноручно подготовил в 1945 г. первый и единственный маршал Финляндии К. Г. Э. Маннергейм. Вероятно, для него было уже тогда значительно меньше военных и политических тайн, в которых в 1939 г. рождалась «финская война» и которые сейчас историки еще пытаются разгадать.

¹ Барышников В. Н. Маннергейм и Советский Союз. М., 2021. С. 335–353.

² Известия. 1944, 10 нояб.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Аалто, см. *Егоров Ф. И.*
Авеноль Ж. — 297, 310, 322
Агнидес Т. — 310
Айро А. — 183
Алябушев Ф. Ф. — 268
Андреев А. М. — 239
Анттила А. М. — 227–229, 292, 304, 305
Аримо Р. — 248
Асмус Э. А. — 35–41, 52
- Батлер Р. О. — 216
Бережков В. М. — 230
Берия Л. П. — 62, 147, 171, 173, 182, 235, 240–242, 250, 284, 323, 326, 344
Берри М. — 416
Блюм Л. — 217
Блюхер В. фон — 37, 75, 77, 82, 89, 105, 111, 112, 117, 125, 130, 138, 139, 142, 150–152, 384
Болен Ч. — 300, 322
Бонне Ж. — 118
Бржезовский Г. — 52
Брюммерт Р. — 365
- Вайцеккер Э. — 258
Валлениус К. М. — 272
Вальден Р. — 338, 374, 398, 412
Варанга — 171
Василевский А. М. — 17, 398
Вашугин Н. Н. — 204, 227–229
Вейган М. — 353
Виара де К. — 311
Виноградов А. И. — 206, 275
Винтер О. В. — 116, 189, 297
Вирмавирга Я. — 181
Виттинг Р. — 412
Вихавайнен Т. — 128, 369
Возгина-Васара В.-Т. — 87
- Войонмаа В. — 62, 65, 89, 398
Воронов Н. Н. — 17, 211
Ворошилов К. Е. — 42, 45, 53, 65, 122, 147, 155, 171, 173, 185, 207–209, 215, 223, 224, 227, 229, 236, 240, 250, 263, 264, 267–270, 276, 295, 340, 344, 381
Воскресенская З. И. — 52
Вуокко А. — 274
Вуолийоки Х. — 59, 309, 342–345, 347
Вуоренмаа А. — 123, 137, 261, 273
Вуоримаа А. — 47, 98, 116, 130, 131, 149, 150, 216, 308, 408
Вяхя Т. — 229
- Галифакс Э. — 105, 115, 118, 141, 178, 217, 307, 350, 355, 356, 390
Гальдер Ф. — 111–113
Гамелен М. Г. — 332, 348, 352, 353, 355
Ганеваль Ж. — 332, 339
Геббельс Й. — 236
Геринг Г. — 45, 172, 299, 308, 309, 385, 394–396
Геуст К.-Ф. — 321
Гитлер А. — 31, 46, 47, 98, 113, 124, 127–129, 149, 151, 308, 327, 384, 408
Гоглидзе С. А. — 290, 291
Гореленко Ф. Д. — 267, 391
Грауер А. Н. — 343, 344
Грендаль В. Д. — 263, 265, 270, 282
Грипенберг Г. А. — 96, 103–105, 115, 142, 148, 178, 327, 328, 351, 353, 355, 379, 388, 389
Гюллинг Э. — 223
Гюнтер К. Э. — 333, 345, 346, 383
- Даладьё Э. — 329–331, 333, 339, 348, 350–354, 379, 387, 389, 399
Дарлан Ф. — 348, 349, 355

- Дембски С. — 299
 Деревянский В. К. — 52, 65, 68–71, 74, 85, 113, 119, 120, 130, 133, 134, 136, 146, 158, 222, 232
 Дреев С. Ф. — 239
 Духанов В. П. — 272, 276
- Егоров А. И. — 33, 42
 Егоров Ф. И. (псевд. Аалто) — 227
 Елисеев Е. Т., см. *Синицын Е. Т.*
- Жданов А. А. — 106, 210, 223, 226, 227, 237, 238, 271, 291, 293, 295, 305, 306, 398
 Жуков Г. К. — 128
- Иванов П. И. — 37, 52
 Иванов, комбриг — 205
 Идман К. Г. — 120, 130
 Икес Г. — 179
 Инкиля А. — 59, 60, 173
 Иринчиев Б. К. — 281–283
 Ирье-Коскинен А. С. — 63, 66–70, 72, 74–78, 100, 108, 110, 116, 124, 130, 133, 134, 136, 142, 143, 145, 146, 153, 166, 218, 234, 249–252, 254
 Исотало С. — 245, 246
 Иссерсон Г. С. — 271
- Каллио К. — 84, 88, 100, 170, 252, 256, 315, 359, 363, 397, 412
 Кан А. С. — 370
 Канарис В. — 110, 111, 139
 Каяндер А. — 55, 59, 60, 76, 84, 88, 125, 155, 168, 183, 194, 197, 220, 232, 253, 256, 257, 260, 412
 Кекконен У. К. — 256, 417, 418
 Керенский А. Ф. — 319
 Кивимяки Т. — 35–40, 129, 150, 170, 309, 389, 394–396
 Килкки П. — 280
 Кин, см. *Рыбкин Б. Н.*
 Кирке У. — 103
 Кирпонос М. П. — 269
 Клейст П. — 127
 Ковалев М. П. — 377
 Козырев С. П. — 225, 249
 Коллонтай А. М. — 66, 71, 76, 81, 82, 92, 113, 118, 120, 149, 155, 184, 185, 187, 198, 294, 318, 323, 342–347
 Корхонен К. — 36, 37, 82, 100, 106, 126, 129
- Коскимиес Э. Р. — 392
 Коциныш Ф. — 334
 Крайнов П. И. — 210
 Кузнецов Н. Г. — 157, 185, 264, 381
 Кулик Г. И. — 211
 Куусинен О. В. — 122, 123, 223, 224, 226, 230, 241–243, 291–295, 297–307, 319, 324, 343, 410
 Кякёнен У. А. — 279
- Лаатикайнен Т. — 375
 Лайдонер Й. — 300, 301, 309
 Лахтинен И. (псевд. Штрам М.) — 229
 Леги У. Д. — 416
 Лехен Т. — 229, 303
 Лехтинен И. — 292
 Лехтосари Ю. — 223
 Линг К. — 332, 338, 339, 351, 352, 355, 379
 Линкомиес Э. — 174, 183
 Литвинов М. М. — 41–43, 66, 67, 72–74, 76–81, 83, 90–94, 162
 Ллойд Джордж Д. — 326
- Магню К. — 137
 Майский И. М. — 90, 92, 101, 141, 216, 252, 258, 307, 313, 315, 325, 326, 381
 Маленков Г. М. — 241
 Малмберг Л. — 45
 Маннер К. — 223
 Маннергейм К. Г. — 45, 59, 84, 85, 109, 111, 136, 138, 143, 144, 168, 174, 181, 182, 234, 248, 253, 255, 256, 259, 261, 280, 291, 317, 319, 321, 332, 337–339, 348, 349, 351, 352, 354, 355, 361–365, 374, 375, 379, 380, 389, 390, 393, 397, 400, 412, 414, 418, 419
 Маннинен О. — 237, 238, 404, 405
 Мартола А. Е. — 45, 377
 Меландер Л. — 139
 Мельников — 135
 Менгер М. — 44, 46, 48, 49, 97
 Мерещков К. А. — 17, 121–123, 135, 203, 204, 210, 214, 243, 249, 250, 264, 266–269, 271
 Мехлис Л. З. — 211, 224, 255, 291
 Микоян А. И. — 63, 64, 68, 90
 Молотов В. М. — 42, 53, 88, 91, 92, 94, 96, 97, 100, 101, 105, 106, 108, 109, 113–115, 117, 118, 120, 123, 124, 126–128, 133, 136, 139, 142, 143, 145–147, 155, 158, 166, 171, 173, 177, 178, 180, 184, 185, 187–189, 191, 192, 195, 196, 198, 199, 216, 218, 219, 222–225,

- 227, 240, 241, 243, 249, 250, 251, 253, 295, 297, 298, 300, 302, 307, 313, 316, 318, 324–326, 334, 340, 343, 348, 381, 382, 398
 Мякеля Ю. Л. — 279
 Мякинен Х. — 223
- Наджиар П. — 294
 Невакиви Ю. — 350, 369
 Никишев Д. Н. — 377
 Ниукканен Ю. — 76, 144, 168, 182, 183, 361, 362, 396, 397
 Ньюкопп Ю. — 153, 158
 Ньюолл С. — 336
- Окуневич С. Л. — 242
- Паасикиви Ю. К. — 8, 10, 24, 144, 146, 152–154, 161, 164–168, 175–178, 181–183, 191–194, 198, 199, 259, 300, 320, 396, 397, 398, 418
 Паасонен А. — 153, 158, 164, 175, 329–333, 349, 350, 351
 Пакаслаhti А. — 63, 169, 170, 175, 188, 257, 318, 319, 388, 407
 Пастерович — см. *Пастревич*
 Пастревич А. И. — 268, 269
 Пауль Х., см. *Эйкия А.*
 Пеккала М. — 394
 Пелтонен М. — 369
 Петен А. Ф. — 351
 Петр Великий — 402
 Петров П. В. — 12
 Пихкала Э. — 370
 Пиэтола Э. — 415
 Плотников В. А. — 199
 Полвинен Т. — 106, 148, 416
 Понтиков Б. — 197
 Потемкин В. П. — 69, 134, 156, 158, 251–253, 294
 Прокконен П., см. *Прокофьев*
 Прокопé Х. — 105, 148, 155, 179, 184, 316
 Прокофьев П. (псевд. Прокконен) — 292, 306
 Проскуров И. И. — 213–215, 278
 Прохоров Ф. А. — 269
 Пядышев К. П. — 391
- Раппе А. — 217
 Рентола К. — 296, 301
 Риббентроп И. фон — 98, 129, 139, 151, 309
- Рикерт А. — 149
 Рузвельт Ф. Д. — 148, 155, 178, 179, 217, 258, 324
 Рыбкин Б. А. (Рывкин Б. А., псевд. Ярцев Б. Н., Кин) — 25, 50–62, 67, 68, 70–73, 76, 157, 343, 406, 407
- Салын С. — 85
 Сандлер Р. — 81, 82, 149, 170
 Свинхувуд П. Э. — 45, 129, 150
 Селен К. — 169
 Семиряга М. И. — 19
 Сеппинен И. — 357, 363, 366, 367
 Сидс У. — 94, 95, 108, 115, 116, 141, 166, 337
 Сииласвуо Х. — 274
 Синицын Е. Т. (псевд. Елисеев) — 221, 357, 363
 Сихво А. — 59
 Сноу Т. М. — 95, 109, 117, 138, 147
 Соболев А. А. — 225
 Соколов Б. В. — 242
 Соланко А. — 235
 Сталин И. В. — 24, 47, 50, 52–54, 58, 59, 69, 73, 77, 83, 90, 92, 99, 122, 123, 127, 128, 142, 147, 156, 158, 161–167, 171, 173, 176, 182, 185, 191, 192, 195, 198, 203, 214, 215, 219, 222–227, 231, 240–243, 250, 255, 258, 262, 264, 265, 268, 269, 279, 295, 298, 300, 301, 303, 309, 318, 326, 340, 381, 398, 402, 407
 Стеньшинский В. Ф. — 268
 Стомоняков Б. С. — 37
 Судоплатов П. А. — 51–53
 Суоми Ю. — 37
 Суриц Я. З. — 141, 307, 315, 324, 325
- Талвела П. — 183, 277, 292
 Таленский Н. А. — 261
 Таннер В. — 27, 50, 51, 57, 60, 61, 67–70, 76, 84, 128, 151, 152, 175, 179, 182, 184, 188, 193–195, 198, 199, 259, 308, 310, 318, 319, 328, 332, 333, 337, 339, 340, 342–347, 349, 351, 352, 355, 374, 375, 379, 383, 385–390, 393, 395–397, 399, 412
 Тимошенко С. К. — 13, 341
 Тихомиров П. Г. — 200, 205, 209, 243
 Тойвола У. — 63, 232, 407
 Тойкка Э. В. — 228, 229
 Томмола Т. В. — 229
 Троцкий Л. Д. — 320
 Тудеер А. Е. — 27

- Туоминен А. — 230
Туртола М. — 323
- Уйттио А. — 214
Уманский К. А. — 316, 324
Унден Э. — 312
Уоллес С. — 105
- Фляйшхауэр И.
Фриновский М. П. — 53
Фрич К. О. — 8, 163, 174
Фролов В. А. — 271
- Хабаров И. Н. — 210, 277
Хакцель А. — 36–38, 74, 129, 321
Халсти В. Х. — 376
Ханелль Э. Ф. — 392
Ханнула У. — 76, 97, 98
Ханссон П. А. — 170, 171, 179, 294, 337, 374
Хейдин С. — 149
Хейндрикс Г. — 156
Хейнрикс Э. — 376, 393
Холма Х. — 96, 329–333, 339, 340, 349, 351, 352, 355, 379, 387–389, 399
Холсти Р. — 41–43, 46, 49, 55–58, 61, 62, 65, 66, 85, 89, 139, 310–313, 329, 339, 406
Хрушев Н. С. — 223, 240–242
- Чемберлен Н. — 94, 96, 351, 354, 399
Черчилль У. — 31, 93, 140, 216, 327, 399
Чибисов Н. Е. — 206
Чуйков В. И. — 276
- Шабалов С. И. — 210
Шапошников Б. М. — 122, 135, 205, 206, 263, 264, 268, 269, 271, 276, 398
Шварц Э. — 180
Шёлъд Л. Э. — 125, 337
Штейн Б. Е. — 25, 66, 72–79, 81–84, 89–92, 157
Штерн Г. М. — 277
Штрам М., см. *Лахтинен И.*
Шуленбург Ф. В. — 116, 120, 126, 130, 133, 172, 177, 196, 218, 297, 298
- Эйкия А. (псевд. Пауль Х.) — 229, 292
Эквист Х. — 112, 261, 268
Энкель О. — 351
Эркко Э. — 24, 65, 70–72, 74–90, 92, 95, 99–101, 103–105, 109, 111, 117, 119, 125, 129, 133, 136, 137, 139, 142, 144–151, 153, 155, 165, 168–173, 175, 177, 179–183, 187–190, 194, 196–200, 218, 219, 257, 259, 316, 341–347, 380–382, 412
Эрфурт В. — 111
Эстерман Х. — 46, 47, 112, 182, 260, 261, 376
Эш К. Л. — 188, 253, 338
- Юданов М. Г. — 180, 215, 216
Юлкунен М. — 44, 171, 181, 408
Юссила О. — 236
- Якобсон М. — 39, 50, 82, 89, 103, 126, 197, 298, 299
Яковлев В. Ф. — 260
Ярцев Б. Н., см. *Рыбкин Б. Н.*

БИБЛИОГРАФИЯ

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ДОКУМЕНТЫ

ФОНДЫ РОССИЙСКИХ АРХИВОВ

Архив внешней политики Российской Федерации (Москва)

Секретариат наркома иностранных дел. Ф. 06

Референтура НКВД по Финляндии. Ф. 0135

Архив президента Российской Федерации (Москва)

Документы личного архива И. В. Сталина. Ф. 45

Российский государственный архив Военно-Морского Флота (Санкт-Петербург)

Главный морской штаб, оперативное управление. Ф. Р-1877

Главное управление политпропаганды ВМФ. Ф. Р-1549

Исторический отдел Главного морского штаба. Ф. Р-1529

Ладожская военная флотилия. Ф. Р-952

Морской генеральный штаб. Ф. Р-342

Наркомат ВМФ. Ф. Р-1678

Политическое управление КБФ. Ф. Р-34

Политическое управление Северного флота. Ф. Р-971

Разведывательный отдел штаба КБФ. Ф. Р-1883

Управление морских сил ВМФ. Ф. Р-1483

Штаб КБФ. Ф. Р-92

Штаб Северного флота. Ф. Р-970

Российский государственный военный архив (Москва)

Главное оперативное управление. Ф. 37977

Секретариат наркома обороны. Ф. 33987

Оперативное управление Ленинградского военного округа. Ф. 2588
Управление Северо-Западного фронта. Ф. 349810

Российский государственный архив социально-политической истории (Москва)

Коллекция документов А. А. Жданова. Ф. 77

Коллекция документов О. В. Куусинена. Ф. 522

Центральный государственный архив историко-политических документов

Санкт-Петербурга (Санкт-Петербург)

Городской комитет ВКП (б). Ф. 25

Областной комитет ВКП (б). Ф. 24

Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (Санкт-Петербург)

Петроградский совет. Ф. 1000

ФОНДЫ ФИНЛЯНДСКИХ АРХИВОВ

Kansallisarkisto (Helsinki) (Национальный архив, Хельсинки)

Auswärtiges Amt, Büro des Staatssekretärs, Finnland (микрофильм)

Hackzellin A. kokoelma

Holman H. kokoelma

Holstin R. kokoelma

Kivimäen T. M. kokoelma

Mannerheimin G. kokoelma

Svinhufvudin P. E. kokoelma

Tannerin V. keokoelma

Sota-arkisto (Helsinki) (Военный архив, Хельсинки)

Katsaus sotilaspoliittisen asennan kehitykseen. T-2862

Puolustusministeriö sanomatoimisto. 1346/8

Suomen sotilasasiamies Berliinissa, SArk 2139

Tilannetiedotus Suomen ulkomaille oleville sotilasasiamiehille, 30 H/E 5-n

Ulkoasiainministeriön arkisto (Helsinki)

(Архив Министерства иностранных дел, Хельсинки)

Berliinin-lähetystön raportit, 5 C 5

Moskovan-lähetystön raportit, 5 C 18

Saksa, 7 E.

Sota 1939–1940, 109

Suomen ulkoasiainministerit, 5 D

Suomen ulkopoliitiikka ja ulkopoliittinen asema yleensä, 12 K
Suomen ulkopoliitiikka maittain, 12 L
Ulkomaaaneduston tiedotukset, 5 C 1
Valtioneuvoston salaiset pöytäkirjat UM:n esittelystä, Ca 8
Washingtonin-lähetystön raportti raportti, A 10 b

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ДОКУМЕНТЫ

Акт о приемке Наркомата обороны Союза ССР тов. Тимошенко С. К. от тов. Ворошилова К. Е. // Известия ЦК КПСС. 1990. № 1.

Борьба СССР за коллективную безопасность в Европе в 1933–1935 гг.: Подборка документов // Международная жизнь. 1963. № 6–8, 10.

Внешняя политика СССР: Сборник документов. Т. III–IV. М., 1945–1946.

Военная разведка информирует. Документы Разведуправления Красной Армии. Январь 1939 — июнь 1941 г. М., 2008.

Вокруг пакта о ненападении (документы о советско-германских отношениях 1939 года) // Международная жизнь. 1989. № 9.

XVII съезд ВКП (б): Стенографический отчет. М., 1934.

Вынужденный альянс. Советско-балтийские отношения и международный кризис 1939–1940 гг. Сборник документов. М., 2019.

Год кризиса 1938–1939. Т. 1–2. М., 1990.

Документы внешней политики СССР. Т. XVI. М., 1970.

Документы внешней политики СССР. Т. XVIII. М., 1973.

Документы внешней политики СССР. Т. XX. М., 1976.

Документы внешней политики. Т. XXII. Кн. 1–2. М., 1992.

Документы внешней политики. Т. XXIII. Кн. 1. 1995.

Документы и материалы кануна Второй мировой войны 1937–1939. Т. 1–2. М., 1981.

Документы и материалы кануна Второй мировой войны. М., 1948.

Зимняя война (документы о советско-финляндских отношениях 1939–1940 годов) // Международная жизнь. 1989. № 8, 12.

«Зимняя война»: работа над ошибками (апрель-май 1940 г.). Материалы комиссий Главного военного совета Красной Армии по обобщению опыта финской кампании. М., 2004.

Зимняя война 1939–1940 гг. в документах НКВД. СПб., 2010.

Зимняя война 1939–1940. Кн. 2: И. В. Сталин и финская кампания: Стенограмма совещания при ЦК ВКП (б). М., 1998 (издание на фин. яз.: Puna-armeija. Stalinin tentissä. Hels., 1997).

Зимняя война. 1939–1940 гг. в рассекреченных документах Центрального архива ФСБ России и архивов Финляндии. М., 2009.

- Канун и начало войны: Документы и материалы. Л., 1991.
- Кен О. Н., Рунасов А. И. Политбюро ЦК ВКП (б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920—1930-х гг.): Проблемы. Документы. Опыт комментария. Часть I: Декабрь 1928 — июнь 1934 г. СПб., 2000.
- Коминтерн и Вторая мировая война. Ч. 1. М. 1994.
- Коминтерн и Финляндия 1919—1943. М. 2003.
- КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 4—5. М., 1970—1971.
- Мальков В. Л. Секретные донесения военного атташе США в Москве накануне мировой войны // Новая и новейшая история. 1982. № 4.
- На роковом пороге (из архивных материалов 1939 года) // Вопросы истории. 1989. № 11; 1990. № 3.
- Накануне войны (1936—1940). Доклады и записки в ЦК ВКП (б) // Известия ЦК КПСС. 1990. № 3.
- «Не представляли себе... всех трудностей, связанных с этой войной». Доклад наркома обороны СССР К. Е. Ворошилова об итогах советско-финляндской войны 1939—1940 гг. // Военно-исторический журнал. 1993. № 4—6.
- От пакта Молотова — Риббентропа до договора о базах. Таллинн, 1990.
- Пограничные войска СССР. 1939 — июнь 1941: Сборник документов и материалов. М., 1970.
- Политические переговоры СССР, Великобритании и Франции 1939 г. в свете французских дипломатических документов // Новая и новейшая история. 1989. № 6.
- Полпреды сообщают... Сборник документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией. Август 1939 — август 1940. М., 1990.
- Посетители кремлевского кабинета И. В. Сталина. Журналы (тетради) записи лиц, принятых первым генсеком 1924—1953 // Исторический архив. 1995. № 2, 3, 4, 5—6.
- Правительство Куусинена: эпизод советско-финляндской войны 1939—1940 годов // Вестник Министерства иностранных дел СССР. 1989. № 22.
- Прибалтика вступает в Союз (документы об отношениях СССР со странами Прибалтики в 1939—1940 годах) // Международная жизнь. 1990. № 2, 3.
- Приказываю решительно пресекать предоставление таких разведсводок... Разведывательные сводки 5-го Управления НКО СССР за период советско-финляндской войны. М., 2018.
- Роковые годы, 1939—1940: События в Прибалтийских государствах и Финляндии на основе советских документов и материалов. Таллинн, 1990.
- Секретные документы из особых папок // Вопросы истории. 1993. № 1.
- Советско-германские документы 1939—1941 гг. из Архива ЦК КПСС // Новая и новейшая история. 1993. № 1.
- Советско-нацистские отношения. 1939—1941. Документы. Париж; Нью-Йорк, 1983.

- Советско-финляндская война // Военно-исторический журнал. 1990. № 1.
СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны (сентябрь 1938 г. — август 1939 г.). Документы и материалы. М., 1971.
СССР — Германия. 1939—1941: Сборник документов. Т. 1—2. Вильнюс, 1989.
Тайны и уроки зимней войны 1939—1940. По документам рассекреченных архивов. СПб., 2000.
Уроки войны с Финляндией. Неопубликованный доклад наркома обороны СССР К. Е. Ворошилова на пленуме ЦК ВКП (б) 28 марта 1940 г. // Новая и новейшая история. 1993. № 4.
Финляндия. Описание маршрутов. Ч. I—II. М., 1939.
Фролов Д. Д. Из истории зимней войны 1939—1940 гг. Сборник документов. Петро-заводск, 1999.
Шестая сессия Верховного Совета СССР. Стенографический отчет. М., 1940.
Akateemisen Karjala-Seuran vuosikertomukset 1932—39. Hels., 1933—40.
Documents on British Foreign Policy. Ser. III. Vol. V. London, 1952
Documents on German Foreign Policy. Ser. D. Vol. V. London, 1953.
Documents on German Foreign Policy. Ser. D. Vol. VI. London, 1954.
Documents on German Foreign Policy. Ser. D. Vol. VII. London, 1956.
Documents on German Foreign Policy. Ser. D. Vol. VIII. Washington, 1954.
Puhtain asein. Suomen marsalkan päiväkäskyjä vuosilta 1918—1944. Hels., 1970.
Salaiset keskustelut. Eduskunnan suljettujen istuntojen pöytäkirjat 1939—1944. Lahti, 1967.
Suomen Kommunistinen puolue. Puoluekokouseten ja keskikomitean plenumien päätöksiä. Os. I. Leningrad, 1935.
Suomen sinivalkoinen kirja. Osa I. Hels., 1940.

ВОСПОМИНАНИЯ, ДНЕВНИКИ

- Ванников Б. Л.* Из записок наркома // Новая и новейшая история. 1988. № 1.
Василевский А. М. Дело всей жизни. М., 1975.
Воронов Н. Н. На службе военной // Новая и новейшая история. 1991. № 6.
Воскресенская З. И. Под псевдонимом Ирина: Записки разведчицы. М., 1997.
Воскресенская З. И. Теперь я могу сказать правду: Из воспоминаний разведчицы. М., 1993.
Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Т. 1. М., 1975.
Захаров М. В. Генеральный штаб в предвоенные годы. М., 1989.
Коллонтай А. «Семь выстрелов» зимой 1939 года // Международная жизнь. 1989. № 12.
Коллонтай А. М. Дипломатические дневники. 1922—1940. Т. 2. М., 2001.
Краминов Д. Ф. В орбите войны. М., 1986.

Майский И. М. Англия и советско-финляндская война // Вопросы истории. 1965. № 4.

Майский И. М. Воспоминание советского посла. Война 1939–1945. М., 1965.

Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева // Вопросы истории. 1990. № 7.

Мерецков К. А. На службе народу. М., 1968.

Мерецков К. А. Укрепление северо-западных границ СССР // Вопросы истории. 1968. № 9.

Синицын Е. Резидент свидетельствует. М., 1996.

Сквирский Л. С. В предвоенные годы // Вопросы истории. 1989. № 9.

Судоплатов П. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М., 1996.

Тойка Э. Сквозь грозные годы. Петрозаводск, 1980.

Blücher W. Gesandter zwischen Diktatur und Demokratie. Erinnerungen aus den Jahren 1935–1944. Wiesbaden, 1951 (издание на фин. яз.: *Blücher W.* Suomen kohtalonaikojä. Muistelmia vuosilta 1933–44. Porvoo; Hels., 1951).

Churchill W. S. The Second World War. Vol. I. London, 1948.

Erfurth W. Der finnische Krieg 1941–1944. Wiesbaden 1950 (издание на фин. яз.:

Erfurth W. Suomi sodan myrskyssä 1941–1944. Hels., 1951; издание на рус. яз.: *Эрфурт В.* Финская война 1941–1944. М., 2005).

Frietsch C. O. Suomen kohtalonvuodet. Hels., 1945.

Gripenberg G. A. Lontoo — Vatikaani — Tukholma. Suomalaisen diplomaatin muistelmia. Porvoo, 1960.

Heinrichs E. Mannerheim Suomen kohtaloissa. Os. II. Hels.; Keuruu, 1959.

Ickes H. The Secret Diary. Vol. III. New York, 1954.

Kalela A. Isäni A. K. Cajander kirjeiden ja muistikuvien valossa. Jyväskylä, 1985.

Kivimäki T. M. Suomalaisen poliitikon muistelmat. Porvoo, 1965.

Käkönen U. A. Sotilasasiamiehenä Moskovassa 1939. Hels.; Keuruu, 1966.

Käkönen U. A. Sotilasasiamiehenä Moskovassa // Uusi Maailma. 1965. № 24.

Lehmus K. Tuntematon Mannerheim. Hels., 1967.

Linkomies E. Vaikea aika. Hels., 1970.

Mannerheim K. G. Muistelmat. Os. II. Hels., 1952 (издание на рус. яз.: Маннергейм К. Г. Мемуары. М., 1999; Маннергейм К. Г. Воспоминания. Минск, 2014).

Martola A. E. Sodassa ja rauhassa. Muistelmia. Keuruu, 1973.

Metzger H. Kolmannen valtakunnan edustajana talvisodan Suomessa. Hels. 1984.

Niukkanen J. Talvisodan puolustusministeri kertoo. Porvoo, 1951.

Nykopp J. Paasikiven mukana Moskovassa. Hels., 1976.

Paasikivi J. K. Toimintani Moskovassa ja Suomessa 1939–42. Os. I–II. Hels. 1958. (издание на рус. яз.: *Паасикиви Ю. К.* Моя работа в Москве и Финляндии в 1939–1941 гг. М., 2022).

Paasonen A. Marsalkan tiedustelupäällikkönä ja hallituksen asiamiehenä. Hels., 1974.

- Pakaslahti A.* Talvisodan poliittinen näytelmä. Porvoo, 1970.
- Rudolf Holstin muistelmia vuosilta 1936–1940 // Suomen Kuvalehti. 1984. № 51–52.
- Talvela P.* Sotilaan elämä. Muistelmat. Os. 1. Jyväskylä, 1976.
- Tanner V.* Olin ulkoministerinä talvisodan aikana. Hels., 1951. (издание на англ. яз.: *Tanner V.* The Winter War. Finland against Russia. 1939–1940. Standford, 1957; издание на рус. яз.: *Таннер В.* Зимняя война. Дипломатическое противостояние Советского Союза и Финляндии 1939–1940. М., 2003).
- Tuominen A.* Kremlin kellot. Muistelmia vuosilta 1933–1939. Hels., 1957.
- Wuolijoki H.* Luottamukselliset neuvottelut Suomen ja Neuvostoliiton välillä. Hels., 1945.
- Wuorimaa A.* Lähettiläänä Hitlerin Saksassa. Keuruu, 1967.
- Öhgvist H.* Talvisota minun näkökulmastani. Porvoo, 1949.
- Ölander R.* Finland och Ryssland. Hels., 1945.
- Österman H.* Neljännen vuosisata elämästäni. Porvoo, 1966.

РЕЧИ, ВЫСТУПЛЕНИЯ, ПЕРЕПИСКА, ПУБЛИЦИСТИКА

- Аптекарь П.* Советско-финские войны. М., 2004.
- Архинов Д. И.* Финляндия. М., 1952.
- Балашов Е. А.* «Освобождение» Финляндии. 1939–1940. СПб., 2020.
- Балашов Е.* Терийокские пленники 1939–1940. СПб., 2018.
- Барышников Н., Барышников В.* «Зимняя война» // Аврора. 1990. № 2–3.
- Бои в Финляндии. Воспоминания участников. Ч. 1–2. М., 1941.
- Бои на Карельском перешейке. М., 1941.
- Борьба финского народа за свое освобождение. М.; Л., 1939.
- Галкин А.* Международный характер финляндских событий. М., 1940.
- Густав Маннергейм и белая эмиграция. История в письмах. СПб., 2008.
- Добродомова Л.* Финляндская демократическая республика. Л., 1940.
- Ильинский Я.* Финляндия. М., 1940.
- Ильинский Я.* Финляндия. М., 1947.
- Ильинский Я.* Финляндия. М., 1949.
- Ильинский Я.* Финляндия. Петрозаводск, 1943.
- Кекконен У. К.* Дружба и добрососедство: Речи и выступления. 1963–1967. М. 1968.
- Кекконен У. К.* Финляндия и Советский Союз: Речи, интервью 1952–1975 гг. М., 1975.
- Кекконен У. К.* Финляндия и Советский Союз: Статьи и речи. М., 1960.
- Кекконен У. К.* Финляндия и Советский Союз: Речи 1960–1962 годов. М., 1963.
- Кекконен. У. К.* Финляндия и Советский Союз. Добрососедство, сотрудничество и взаимопонимание: Речи 1967–1972 годов. М., 1973.
- Кекконен. У. К.* Финляндия: путь к миру и добрососедству: Статьи, речи, письма 1948–1978 гг. М., 1979.

Козлов А. И. Советско-финляндская война 1939–1940 гг.: Взгляд с «той» стороны. Рига, 1997.

Койвисто М. Вехи пути: взгляды на внешнюю политику Финляндии. М., 1987.

Куйттинен К. Была ли «Зимняя война» неизбежной? // За рубежом 1989. № 48.

Куусинен О. Накануне парламентских выборов в Финляндии // Коммунистический интернационал. 1939. № 6.

Куусинен. О. Избранные произведения (1918–1964). М., 1966.

Лаке Л. Зимняя война // Политика. 1989. № 1.

Линия Паасикиви: Статьи и речи 1944–1956 гг. / Ю. К. Паасикиви. М., 1958.

Литвинов М. Внешняя политика СССР: Речи и заявления. М., 1935.

Литвинов М. М. Внешняя политика СССР: Речи и заявления. М., 1937.

Литвинов М. Против агрессии. М., 1938.

Марков Н. Финляндия. М., 1940.

Носков А. Незнаменитая война // Красная звезда. 1989. 30 нояб.

Петров В. Была такая война // Аргументы и факты. 1988. № 39.

Полвинен Т. Накануне // За рубежом. 1989. № 48.

Раткин С. Тайны Второй мировой войны. Минск, 1995.

Ржевская Е. Геббельс. Портрет на фоне дневника. М., 1994.

Романов П. Финляндия я ее армия. М., 1937.

Рысаков П. Советско-финляндские отношения. М., 1948.

Сандлер Г. Ф. Зимняя война. М., 2012.

Семиряга М. И. «Незнаменитая война» // Огонек. 1989. № 22.

Семиряга М. И. На той войне незнаменитой // Выборгский коммунист. 1989. 29, 30 нояб.

Семиряга М. И. Советско-финляндская война (к 50-летию окончания). М., 1990 (издание на фин. яз.: *Semiŕjaga M. Talvisota. Näkemys 50 vuoden kuluttua*. М., 1990).

Советско-финляндская война 1939–1940 гг. Минск, 1999.

Советско-финляндские отношения: Стенограмма публичной лекции Б. Е. Штейна. М., 1944.

Соколов Б. В. Тайны финской войны. М., 2000.

СССР и Финляндия: Сборник материалов и статей в помощь пропагандистам и агитаторам. Л., 1940.

Странга А. Гибель государства // Даугава. 1990. № 5.

Холодковский В. Эта зимняя война // Ленинская правда. 1990. 4, 5, 6 янв.

Хяйкиё М. Миф об одиночестве // За рубежом. 19819. № 48.

Чудаков А. Реквием карельских болот // Комсомольская правда. 1989. 12, 14 нояб.

Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева. М., 1991.

Широкопад А. Б. Финляндия — Россия. Три неизвестные войны. М., 2006.

Широкопад А. Б. Три войны «Великой Финляндии». М., 2007.

Широкопад А. Б. Финляндия через три войны к миру. М., 2009.

Энгл Э., Паананен Л. Зимняя война: Советское нападение на Финляндию 1939–1940. М., 2006.

Энгл Э. Советско-финская война: прорыв линии Маннергейма, 1939–1940. М., 2008.

Яковлев Л. И. Финляндия. М., 1940.

Auer V., Jutikkala E. Finnlands Lebensraum. Hels., 1941.

Hentilä S. Ajopuusta «uppotukiksi» // Sosialistinen Aikakauslehti. 1971. № 11–12.

Jakson J. H. Finland. New York, 1940.

Jussila O. Terijoen hallitus // Maailma ja Me. 1989. № 9.

Kahk J. Vaaleat läiskät Neuvostoliiton ja Suomen suhteiden historiassa // Helsingin Sanomat. 1989. 30.6.

Kallio K. Presidentti Kyösti Kallion puheita. Porvoo; Hels., 1942.

Kekkonen U. Puheita ja kirjoituksia. Os. I. Puheita vuosilta 1936–1956. Tapiola, 1967.

Mustonen T. Sota ilman aseita // Maailma ja Me. 1989, № 9.

Paasikiven linja (Paasikivi J. K.). II. Juho Kusti Paasikiven puheita ja esitelmiä vuosilta 1923–1942. Porvoo, 1956.

Presidentti Kyösti Kallion puheita. Porvoo; Hels., 1942.

Rislakki J. Erittäin salainen. Vakoilu Suomessa. Hels., 1982.

Ruutu Y. Suomen politiikassa 1923–44. Olisiko sodat Suomen ja Neuvostoliiton välillä voitu välttää? Hels., 1944.

Salomaa M. Kuusisen hallitus kyseli kadonneista SKP:n jäsenistä // Kansan Uutiset. 1984. 22. 12.

Sandler R. Strömväxlingar och lärdomar. Utrikespolitiska anföranden 1937–1939. Stockholm, 1939.

Siikala K. Kansallinen realismi. Jyväskylä, 1960.

Simpura J. Talvisodan syyt ja tausta neuvostoliittolaisesta näkökulmasta // Kansan Uutiset. 1969 30.11.

Stepakov V., Orehov D. «Pараатимарсси Суомеен». Talvisota venäläisin silmin. Porvoo; Hels.; Juva, 1992.

Ståhlberg K. J. Puheita 1927–1946. Hels., 1946.

Svento R. Suomen ulkopoliittikka. Jyväskylä. 1938.

Takala I. Uusia näkemyksiä Suomen kansan armeijasta // Carelia. 1990. № 7.

Tanner V. Itsenäisen Suomen aika. Kokoelma puheita. Hels., 1956.

Uitto A. Suomensyöjä Otto Wille Kuusinen. Juva, 2013 (издание на рус. яз.: *Yummo A.* «Финноед» Отто Вилле Куусинен. СПб., 2017).

Uotila M. Turvallisuusuhka Suomen 30-luvun ulkopoliittikan poutimena // Maailma ja Me. 1989. № 9.

Vihavainen T. Stalin ja suomalaiset. Hels., 1998 (издание на рус. яз.: Вихавайнен Т. Сталин и финны. СПб., 2000).

Viltala H. M. SKP marssilla Terijoelle // *Kansan Uutiset*. 1989.25.7.

Wahlström J. Talvisota ja Terijoen hallitus on arvioitava uudelleen // *Kansan Uutiset*. 1989.9.3.

Waltari M. Neuvostovakoilun varjossa. Helsingin neuvostolähetystö kiihoitus — ja vakoilutoiminnan keskuksena. Hels., 1942.

СПРАВОЧНЫЕ ИЗДАНИЯ

Горьков Ю. А. Кремль. Ставка. Генштаб. Тверь, 1995.

Гриф секретности снят. Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование. М., 1993.

Петров П. В. Зимняя война 1939–1940 гг. Библиография 1939–2011. Jyväskylä, 2013.

Принимай нас, Суоми-красавица. «Освободительный поход» в Финляндию 1939–1940 гг. СПб., 2000.

Россия и СССР в войнах XX века. Статистическое исследование. М., 2001.

Советско-финляндская война 1939–1940 // Советская военная энциклопедия. Т. 7. М., 1979.

Historiallinen tilasto. Hels., 1983.

Mitä, missä, milloin 1952. Hels., 1951.

Suomen historian käsikirja. Os. I. Porvoo, 1949.

Talvisota kronikka. Jyväskylä; Hels., 1989.

Uusi tietosanakirja. Os. 19. Hels., 1965.

Waris H. Suomalaisen yhteiskunnan rakenne. Hels., 1952.

ИСТОРИКО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ РАБОТЫ

Книги

Антигитлеровская коалиция — 1939. Формула провала. М., 2019.

Артиллерия в советско-финляндской войне (1939–1940 гг.) // История отечественной артиллерии. Т. III. Кн. 8. М.; Л., 1964.

Балашов Е. А. Линия Маннергейма. Оборонительный щит Финляндии: от идеи до воплощения. СПб., 2010.

Балашов Е. А., Степаков В. Н. Линия Маннергейма и система финской долговременной фортификации на Карельском перешейке. СПб., 2000.

Бартеңьев Т., Комиссаров Ю. Тридцать лет добрососедства. М., 1976.

Барышников В. Н. Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. СПб., 2005.

Барышников В. Н. Маннергейм и Советский Союз. М., 2021.

Барышников В. Н. От прохладного мира к зимней войне: Восточная политика Финляндии в 1930-е годы. СПб., 1997.

Барышников В. Н. Финны на службе в войсках СС в годы Второй мировой войны. СПб., 2014.

Барышников Н. И., Барышников В. Н. Рождение и крах «терийокского правительства» (1939–1940 гг.). СПб.; Хельсинки, 2003.

Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г. Финляндия во Второй мировой войне. Л., 1989.

Барышников Н. И., Лайдинен Э. П. Избранное. Из истории советско-финляндских отношений. СПб., 2013.

Барышников Н. И. На защите Ленинграда. Обеспечение безопасности и оборона города с севера в годы Второй мировой войны. Л., 1978.

Барышников Н. И. Пять мифов в военной истории Финляндии 1940–1944 гг. СПб., 2007.

Барышников Н. И. Финляндия: Из истории военного времени 1939–1944. СПб., 2010.

Будко А. А. Военная медицина СССР и Финляндии в советско-финляндской (зимней) войне 1939–1940 гг. СПб., 2005.

В суровых зимних боях // Ордена Ленина Ленинградский военный округ. Исторический очерк. Л., 1968. С. 145–168.

Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 2: Происхождение и начало войны. М., 2012.

Веригин С. Г., Лайдинен Э., Кямярйнен Ю. Заложники зимней войны. Интернированные финны на территории Калевальского района Советской Карелии в период зимней войны 1939–1940 годов. Петрозаводск — Йоэнсуу — Суомуссалми, 2004.

Веригин С. Г. Карелия в годы военных испытаний: Политическое и социально-экономическое положение Советской Карелии в период Второй мировой войны 1939–1945 гг.

Веригин С. Г. Предатели или жертвы; Коллаборационизм в Карелии в годы Второй мировой войны 1939–1945 гг. Петрозаводск, 2012.

Вооруженный конфликт с Финляндией и его мирное урегулирование // История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. Т. I. М., 1963.

Германия и Прибалтика. Рига, 1988.

Геуст К.-Ф. ВВС РККА на финской войне. СПб., 2014.

Дембский С. Между Берлином и Москвой. Германо-советские отношения в 1939–1941 гг. М., 2017.

Зимняя война 1939–1940. Кн. 1: Политическая история. М., 1998 (издание на фин. яз.: *Yksin suurvaltaa vastassa. Talvisodan poliittinen historia.* Jyväskylä, 1997).

Иринчеев Б. Забытый фронт Сталина. М., 2008.

Иринчеев Б. Штурм Линии Маннергейма. Оболганная победа Сталина. М., 2015.

История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 2. М., 1973.

История дипломатии. Т. 3. М., 1965.

- История ордена Ленина Ленинградского военного округа. М., 1988.
- Кан А. С.* Внешняя политика Скандинавских стран в годы Второй мировой войны. М., 1967.
- Килин Ю.* Карелия в политике советского государства 1920–1941. Петрозаводск, 1999.
- Колтакиди А. И., Прохоров Д. П.* Империя ГРУ. Кн. 1. М., 2000.
- Краснознаменный Северо-Западный пограничный округ. Л., 1973.
- Лайдинен Э. П., Веригин С. Г.* Финская разведка против Советской России. Специальные службы Финляндии и их разведывательная деятельность на Северо-Западе России (1914–1939 гг.). Выборг, 2019.
- Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в начале Второй мировой войны. М., 1990.
- Мери В.* Карл Густав Маннергейм — маршал Финляндии. М., 1997.
- На страже границ Отечества. Т. 3. М., 2000.
- Некрич А. М.* Внешняя политика Англии. 1939–1941. М., 1963.
- Николаев Н. Н.* Внешняя политика правых лейбористов Англии (1935–1940 гг.). М., 1953.
- Николаев Н. Н.* Политика правых лейбористов Англии (1935–1940 гг.). М., 1953.
- Носков А. М.* Северная Европа в военных планах империализма. М., 1987.
- Носков А. М.* Скандинавский плацдарм во Второй мировой войне. М., 1977.
- Овсяный И. Д.* Тайна, в которой война рождалась. М., 1975.
- От Мюнхена до Токийского залива. Взгляд на трагические страницы истории Второй мировой войны. М., 1992.
- Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. М., 1997.
- Петербургский, Петроградский, Ленинградский военный округ (1864–1999). СПб., 1999.
- Петров П.* Балтийский флот. Финский гамбит. М., 2005.
- Петров П. В.* «Зимняя война». Балтика 1939–1940. Хельсинки, 2008.
- Петров П.* Краснознаменный Балтийский флот накануне Великой Отечественной войны: 1935 — весна 1941 гг. М., 2016.
- Пограничные войска СССР. М., 1970.
- Попов Д. А.* Финский излом. Финская интервенция в Карелии в 1918–1922 гг. Т. 1. От Кеми до Тарту 1918–1920 гг. Выборг, 2023.
- Похлебкин В. В.* СССР — Финляндия: 260 лет отношений. 1713–1973. М., 1975 (издание на фин. яз.: *Pohltbkin V. V. Suomi vihollisena ja ystavana 1744–1967. Porvoo. 1969*).
- Раунио А., Килин Ю.* Сражения зимней войны. Петрозаводск, 2014.
- Севостьянов П. П.* Перед великим испытанием. М., 1981.
- Сейдин И. И.* Линия Маннергейма и Красная Армия (30 ноября 1939 — 22 июня 1941). СПб., 2012.

- Семиряга М. И.* Тайны сталинской дипломатии 1939–1941. М., 1992.
- Сиполс В.* Тайная дипломатия. Рига, 1968.
- Сиполс В.* Тайны дипломатические. Канун Великой Отечественной войны. 1939–1941. М., 1997.
- Сиполс В. Я.* Внешняя политика Советского Союза 1936–1939. М., 1987.
- Сиполс В. Я.* Дипломатическая борьба накануне Второй мировой войны. М., 1979.
- Сиполс В. Я.* Советский Союз в борьбе за мир и безопасность 1933–1939. М., 1974.
- Советско-финляндская война 1939–1940 гг. Боевые действия на море.* СПб., 2002.
- Советско-финляндская война 1939–1940 гг. на море. Ч. 1. Кн. 1–3. М.-Л., 1945–1946.*
- Советско-финляндская война 1939–1940. Т. I–II.* СПб., 2003.
- 105 дней «зимней войны».* СПб., 2000.
- Типпельскирх К.* История Второй мировой войны. Т. 1. СПб., 1994.
- Тыл Красной армии в советско-финляндской войне (1939–1940).* М., 2008.
- 1939 год: Уроки истории.* М., 1990.
- Укрепление северо-западных границ. Военный конфликт с Финляндией // История Второй мировой войны. Т. 3. М., 1974.*
- Финляндский капитализм.* М., 1983.
- Фляйшхауэр И.* Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии. 1938–1939. М., 1991.
- Шейнис З. С.* «Путь к вершине»: Страницы жизни А. М. Коллонтай. М., 1984.
- Шейнис З. С.* Максим Максимович Литвинов: революционер, дипломат, человек. М., 1989.
- Якимович К.* Тайпале. Сто дней кровопролитного сражения советско-финской войны 1939–1940 гг. СПб., 2009.
- Arimo R.* Suomen linnoittamisen historia 1918–1944. Keuruu, 1984.
- Berry M. R.* American Foreign Policy and the Finnish Exception. Ideological preferences and wartime realities. Hels., 1987.
- Brotherus H.* Eljas Erkko, legenda jo eläessään. Porvoo; Hels., 1973.
- Brummert R.* Statsbeskattningen som medel för krigs finansieringen i Finland Åren 1939–1945. Hels., 1956.
- Carlgren W. M.* Svensk utrikespolitik 1939–1945. Stockholm, 1973.
- Eskelinen H.* Itsenäisyytemme vuosikymmenet 1917–1959. Hels., 1970.
- Finland and World War II 1939–1944.* New York, 1948.
- Gtust C.-F.* Vlasovin armeija. Stalinin sotilaat Suomen palveluksessa. Juva, 2017.
- Haataja L.* Kun kansa kokosi itsensä. Suomalaisten talvisota. Hels., 1989.
- Halski W. H.* Suomen sota 1939–1945. Osa 1. Hels., 1957.
- Hartikainen P.* Hugo Viktor Österman. Sotaväen päällikkö — rakentaja ja puolustaja. Hels., 2001.

- Hämäläinen P. K.* Kielitaistelu Suomessa 1917–1939. Porvoo, 1968.
- Hiedanniemi B.* Kulttuuriin verhottua politiikkaa. Kansallissosialistisen Saksan kulttuuripropaganda Suomessa 1933–1940. Keuruu, 1980.
- Hietalahti A.* Talvisodan salainen strategia. Nikkelillä Saksan rinnalle. Hels., 2016.
- Historian kosto. Suomen Talvisota kehyksissään. Hels., 2015.
- History of the Second World War. Vol. 1. London, 1970.
- Hokkanen K.* Kyösti Kallio Os. 2. Porvoo; Hels.; Juva, 1986.
- Hovi K.* Interessensphären im Baltikum. Hels., 1984.
- Itsenäisen Suomen taloushistoriaa 1919–1950. Porvoo; Hels., 1967.
- Jonas M.* Kolmannen valtakunnan lähettiläs. Wipert von Blücher ja Suomi. Juva, 2010.
- Jakobs T. V.* America and the Winter War. New York, 1980.
- Jakobson M.* Diplomaattien talvisota. Porvoo; Hels., 1968. (издание на англ. яз.
- Jakobson M.* The Diplomacy of the Winter War. An Account of the Russo-Finnish War, 1939–1940. Cambridge; Massachusetts, 1961).
- Jakobson M.* Paasikivi Tukholmassa. J. K. Paasikiven toiminta Suomen lähettiläänä Tukholmassa 1936–39. Hels.; Keuruu, 1978.
- Jatkosodan kujanjuoksu. Porvoo; Hels.; Juva, 1982.
- Johansson A. W.* Finland sak. Svensk politik och opinion under vinterkriget 1939–1940. Stockholm, 1973.
- Jokipii M.* Jatkosodan synty. Hels., 1987.
- Julkunen M.* Talvisodan kuva. Ulkomaisten sotakirjeenvaihtaja kuvaukset Suomesta 1939–40. Hels, 1975.
- Junnila T.* Suomen taistelu turvalliisuudesta ja puolueettomuudesta. Porvoo; Hels., 1964.
- Jussila O.* Terijoen hallitus 1939–1940. Porvoo; Hels.; Juva, 1985.
- Jussila O.* Venäläinen Suomi. Porvoo, Hels.; Juva, 1983.
- Jääskeläinen M.* Itä-Karjalan kysymys. Hels., 1961.
- Kallenautio J.* Suomi katsoi eteensä. Hels., 1985.
- Kansakunta sodassa. Osa: 1 Sodasta sotaan. Hels., 1989.
- Kivimäki V.* Murtuneet mielet. Taistelu suomalaissotilaiden hermoista 1939–1945. Hels., 2013.
- Kleemola P.* Helsingin Sanomat sananvapauden monopoli. Hels., 1981.
- Korhonen K.* Turvallisuuden pettäessä. Suomi neuvostodiplomatiassa Tartosta talvisotaan. Osa II. 1933–1939. Hels., 1971.
- Krohn A.* 30.11.1939 talvisodan ensimmäiset tunnit. Hels., 1979.
- Kronlund J.* Suomen puolustuslaitos 1918–1939. Puolustusvoimien rauhan ajan historia. Porvoo, 1989.
- Kun sota syttyi 30.11.1939. Jyväskylä, 1979.
- Kun Suomi taisteli. Hels., 1989.
- Laurila B.* Tie talvisodan rauhaan. Mikkeli, 1986.

Lehtonen L., Liene T., Manninen O. Sanomansieppaajia ja koodinmurtajia. Suomen radiotiedustelu sodassa. Jyväskylä, 2016.

Lundin C. L. Finland in the Second World War. Broomington, 1957 (издание на фин. яз.: *Lundin C. L.* Suomi toisessa maailmansodassa. Jyväskylä, 1961).

Mäkelä J. L. Salaista palapeliä. Tiedustelupalvelua ja tapahtumia talvisodan ja jatkosodan vaiheilta. Porvoo; Hels., 1962.

Manninen O. Molotovin cocktail — Hitlerin sateenvarjo. Toisen maailmansodan historian uudelleenkirjoitusta. Painatuskeskus. Hels., 1994.

Manninen O. Suur-Suomen ääriviivat. Kysymys tulevaisuudesta Suomen Saksan politiikassa. Hels., 1980.

Manninen O. The Soviet Plans for North Westeer the Theatre of Operations in 1939–1944. Hels., 2004.

Manninen O., Salokangas R. Eljas Erkko. Vaikenematon valtiomahti. Hels., 2009.

Mazaur A. Finland between East and West. Princeton, 1956.

Menger M. Deutschland und Finnland im Zweiten Weltkrieg. Berlin, 1988.

Myllyniemi S. Baltian kriisi 1938–1941. Keuruu, 1977.

Myllyniemi S. Suomi sodassa 1939–1945. Hels., 1982.

Nevakivi J. Apu jota ei pyydetty. Hels., 1972. (издание на англ. яз.: *Nevakivi J.* Appeal that Was Never Made. London, 1976).

Paasivirta J. Suomen diplomaattiedustus ja ulkopoliitiikan hoito. Porvoo; Hels., 1968.

Paasivirta J. Suomi ja Eurooppa 1914–1939. Hels., 1984 (издание на англ. яз.: *Paasivirta J.* Finland and Europe. Hels., 1988).

Paavolainen J. Väinö Tanner — sillanrakentaja. Hels., 1984.

Peltola J., Vehviläinen O. Yksi sota — monta näkemystä. Tampere, 1990.

Peltovuori R. O. Saksa ja Suomen talvisota. Keuruu, 1975.

Pihkala E. Sotatalous 1939–44. // Suomen taloushistoria. Os. 2. Hels., 1982.

Polvinen T. Barbarossasta Teheraniin. Suomi kansainvälisessä politiikassa. I: 1941–1943. Porvoo; Hels.; Juva, 1979.

Polvinen T. J. K. Paasikivi: Valtiomiehen elämäntyö. 2 osa: 1918–1939. Porvoo; Hels., 1992.

Raunio A. Sotatoimet. Suomen sotien 1939–45 kulku kartoin. Porvoo, 2004.

Rautkallio N. Kansakunnan syllisyys. Talvisotaan 1939–1940. Hels., 2002.

Rentola K. Kenen joukoissa seisot? Suomalainen kommunismi ja sota 1937–1945. Porvoo; Hels.; Juva, 1994.

Rentola K. Stalin ja suomen kohtalo. Hels., 2016 (издание на рус. яз.: *Рентола К.* Сталин и судьба Финляндии. М., 2020).

Salomaa M. Punaupseerit. Porvoo; Hels.; Juva, 1992.

Schwartz A. J. America and Russo-Finnish War. Washington, 1960.

Selén K. C. G. E. Mannerheim ja hänen puolustusneuvostonsa 1931–1939. Hels., 1980.

- Selén K.* Genevestä Tukholmaan. Suomen turvallisuuspolitiikan painopisteen siirtyminen kansainliitosta pohjoismaiseen yhteistyöhön 1931–1936. Helsingi, 1974.
- Seppälä H.* Itsenäisen Suomen puolustuspolitiikka ja strategia. Porvoo, 1974.
- Seppinen I.* Suomen ulkomaankaupan ehdot 1939–1944. Helsingi, 1983.
- Skyttä K.* Isänmaat etsimässä. Helsingi, 1961.
- Sobel R.* The Origin of interventionism. The United States and Russo-Finnish War. New York, 1960.
- Soikkanen T.* Kansallinen eheytyminen — myytti vai todellisuus? Porvoo; Helsingi; Juva, 1984.
- Suomen historia. Os. 7. Espoo, 1987.
- Suomen historian Pikkujättiläinen. Porvoo; Helsingi; Juva, 1995.
- Suomen kansanedustuslaitoksen historia. Os. VII. Helsingi, 1973.
- Suomen laivasto 1918–1968. Osa I. Helsingi, 1968
- Suomen taloushistoria. Os. 3.
- Suomi 1941. Helsingi, 1985.
- Suomi J.* Talvisodan tausta. Neuvostoliitto Suomen ulkopoliitikassa 1937–1937. Os. 1. Holstista Erkkoon. Helsingi, 1989.
- Suomi J.* Urho Kekkonen 1936–1944. Myrrysmies. Keuruu, 1986.
- Suomi sodassa. Keuruu, 1983.
- Suomen historia. Os. 7. Espoo, 1989.
- Talvisodan historia. Osa I–IV. Porvoo; Helsingi; Juva, 1977–1979.
- Talvisodan. Pikkujättiläinen. Helsingi, 2002.
- Talvisota, Venäjä ja Suomi. Helsingi, 1991.
- Talvisota. Jyväskylä, 1989.
- Tarkka J.* Ei Stalin eikä Hitler. Suomen turvallisuuspolitiikka toisen maailmansodan aikana. Keuruu, 1987.
- Tervasmäki V.* Mannerheim — valtiomies ja sotapäällikkö talvi ja jatkosotien käännekohtissa. Hämeenlinna. 1987.
- Tirronen E. O.* Sotatalous // Suomen sota 1941–1945. Os. XI. Helsingi, 1975.
- Travis B. J.* American and the Winter War. 1939–1940. New York; London, 1981.
- Tuntematon sota. Helsingi, Porvoo. 1991.
- Tuomioja E.* Häivähdys punaista. Hella Wuolijoki ja hänen sisarensa Salme Pekka vallankumouksen palveluksessa. Helsingi, 2006 (издание на рус. яз.: *Туолия Э.* Лёгкий розовый оттенок. Хелла Вуолийоки и её сестра Салме Пеккала на службе у революции. М., 2014).
- Turtola M.* Tornionjoelta Rajajoelle. Suomen ja Ruotsin salainen yhteistoiminta Neuvostoliiton hyökkäyksen varalle vuosina 1923–1940. Juva; Porvoo, 1984.
- Uitto A., Geust C.-F.* Mannerheim-linja. Talvisodan legenda. Helsingi, 2016.
- Uitto A., Geust C.-F.* Taistelu Suomenlahden ulkosaarista. Jyväskylä, 2016.
- Uitto A.* Puna-armeijan marssiopas Suomeen 1939. Hämeenlinna, 2011.

Uola M. Suomen ilmavoimat 1918–1939. Helsingi, 1975.

Vainu H. Jääraku põhja. Soome välispoliitika Teise maailmasõja aastatel. Tallinn, 1983 (издание на фин. яз.: *Vainu H.* Kuin syvä rotko. Suomen ulkopolitiikka toisen maailmansodan aikana. Helsingi; Rallma, 1983).

Valtioneuvostonhistoria. Os. 1. Helsingi, 1976.

Vares V. Viileää veljeyttä. Suomi ja Saksa 1918–1939. Helsingi, 2018.

Vihavainen T. Itäraja häviää: Venäjä ja Suomen kaksi vuosisataa. Helsingi, 2011 (издание на рус. яз.: *Вихавайнен Т.* Столетия соседства. Размышления о финско-русской границе. СПб., 2017).

Vihavainen T. Marssi Helsinkiin. Suomen talvisota neuvostolehdistössä. Helsingi, 1990.

Vladimirov V. Kohti talvisotaa. Helsingi; Keuruu, 1995.

Wahlbäck K. Finlands-frågan i svensk politik 1937–1940. Stockholm. 1964.

Wahlbäck K. Veljeys veitsen terällä. Suomen kysymys Ruotsin politiikassa 1937–1940. Porvoo, 1968.

Wuorinen J. H. Nationalism in Modern Finland. New York, 1931.

Ylikangas H. Tulkintani talvisodasta. Juva, 2001.

Yksin suurvaltaa vastassa. Talvisodan poliittinen historia. Jyväskylä, 1997.

СТАТЬИ В ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ

Барышников В. Н. Аншлюс Австрии и проблема советско-финляндских отношений накануне начала Второй мировой войны // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2011.

Барышников В. Н. Безопасность Ленинграда: к вопросу о времени принятия в Москве решения о начале войны против Финляндии // Университетские Петербургские чтения. СПб., 2003.

Барышников В. Н. «Б. Н. Ярцев» и его роль в секретных советско-финляндских переговорах 1938 года // Личность в истории: Материалы международной научной конференции, декабрь 2009 г. СПб., 2011.

Барышников В. Н. Внешняя политика Советского Союза 30-х гг. глазами финляндских дипломатов в Москве: по материалам Архива Министерства иностранных дел Финляндии // Актуальные проблемы и источники по истории северных стран и их связей с северо-западным регионом России. СПб., 2001.

Барышников В. Н. Военный аспект проблемы Ленинграда в советско-финляндских отношениях конца 30-х годов // Петербургские чтения 98–99. Материалы Энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург-2003». СПб., 1999.

Барышников В. Н. Дипломатия А. Ирве-Коскинена (Петербург — Хельсинки — Москва) // Россия и Финляндия в XIX–XX вв. СПб., 1998.

Барышников В. Н. К вопросу о ксенофобии: была ли советско-финляндская война 1939–1940 гг. «войной Эркко»? // Труды кафедры истории Нового и Новейшего времени. № 7. СПб., 2011.

Барышников В. Н. К вопросу о «советской военной угрозе» Финляндии в 1935 г. и полпред в Хельсинки Э. А. Асмус // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2017. № 17 (1).

Барышников В. Н. К вопросу о планировании Советским Балтийским флотом военных действий против Финляндии в 1930-е гг. (расчеты и реальность) // Россия и Финляндия в XX веке. СПб.; Vaduz; Liechtenstein, 1997.

Барышников В. Н. К истории начала Советско-финляндской войны 1939–1940 гг.: пограничный инцидент у деревни Майнила // Петербургская историческая школа. Альманах. Третий год выпуска. СПб., 2004.

Барышников В. Н. К проблеме отношений СССР с Финляндией накануне «зимней войны»: секретная миссия Б. Ярцева в 1938 г. // Вторые Петербургские чтения по новистике. СПб., 1999.

Барышников В. Н. К проблеме скандинавской ориентации Финляндии в 1930-е годы // Скандинавские чтения 1998 года. СПб., 1999.

Барышников В. Н. «Кратковременная оттепель» или перспективная программа сотрудничества? (к итогам визита министра иностранных дел Финляндии в СССР в 1937 г.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2007.

Барышников В. Н. Маннергейм и украинские националисты в период «зимней войны» // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2022. № 23 (1–2).

Барышников В. Н. Начало зимней войны // Война и политика 1939–1941. М., Наука, 1999.

Барышников В. Н. Начало политического кризиса 1939 г. в Европе и Финляндия // Скандинавские чтения 2004 года. СПб., 2006.

Барышников В. Н. О совокупности факторов, оказавших отрицательное влияние на решение Советским Союзом и Финляндией проблемы взаимной безопасности в конце 30-х годов // Исследования по русской истории. СПб.; Ижевск, 2001.

Барышников В. Н. Переписка Генштаба Красной Армии с командованием Ленинградского военного округа как источник по истории подготовки СССР осенью 1939 г. войны с Финляндией // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2012.

Барышников В. Н. Проблема обеспечения безопасности Ленинграда с севера в свете осуществления советского планирования 1932–1941 гг. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2002.

Барышников В. Н. Роль А. А. Жданова в создании и деятельности так наз. «терий-окского правительства» // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2003.

Барышников В. Н. Роль международной финансово-экономической помощи Финляндии в войне против СССР 1939–1940 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 2014. Вып. 3.

Барышников В. Н. Роль субъективного фактора в принятии руководством СССР решения накануне начала «зимней войны» (по материалам военной и политической разведки) // Исторические чтения на ул. Андоропова, 5. История органов безопасности. Петрозаводск, 2014.

Барышников В. Н. Роль Э. Эркко в окончании советско-финляндской войны 1939–1940 гг. (По материалам архива Министерства иностранных дел Финляндии) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2005.

Барышников В. Н. Секретная переписка Министерства иностранных дел Финляндии с дипломатическим представительством в Москве (октябрь — ноябрь 1939 г.) как источник по изучению проблем кануна «зимней войны» // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2008.

Барышников В. Н. Советские архивные документы о «плане Жданова» накануне начала «зимней войны» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. Вып. 3. 2013.

Барышников В. Н. Сравнительный анализ особенностей идеологического и культурного воздействия ведущих и малых стран Европы на примере отношений в 1920–1930 гг. Германии и СССР с Финляндией // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. Вып. 3. 2011.

Барышников В. Н. СССР и Финляндия в 1920–1930-е годы: к проблеме начала «зимней войны» // От войны к миру: СССР и Финляндия в 1939–1944 гг. Сборник статей. СПб., 2006.

Барышников В. Н. Финляндия и Советский Союз: к вопросу об обстоятельствах и времени принятия в СССР решения о начале войны против Финляндии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. Вып. 2. 2016.

Барышников В. Н. Эволюция во взглядах Советского Союза на финско-германские связи в 1920–1930 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета, Сер. 2, Вып. 1 (№ 1), 2001.

Барышников В. Н. Этапы изучения советско-финляндской войны 1939–1940 гг. в отечественной историографии // Мавродинские чтения. Сборник статей. СПб., 2004.

Барышников В. Н., Пленков О. Ю. Дипломат Б. Е. Штейн и советско-финляндские отношения середины 1930-х гг. // Труды кафедры истории Нового и Новейшего времени. 2015. № 15.

Барышников Н. И. Советско-финляндская война 1939–1940 гг. // Новая и новейшая история. 1989. № 4.

Безыменский Л. А. «Второй Мюнхен»: замысел и результат (из архивов Форин офиса) // Новая и новейшая история. 1989. № 4–5.

Безыменский Л. Великая Отечественная война в... 1940 году? // Международная жизнь. 1990. № 8.

Васара В.-Т. Некоторые взгляды на вопрос о происхождении ненависти ко всему русскому в Финляндии // Труды кафедры истории Нового и Новейшего времени. 2010. № 4. С. 246.

Ващенко П. Ф. Если бы Финляндия и СССР // Военно-исторический журнал. 1990. № 1.

Вирмавирта Я. Карл Густав Эмиль Маннергейм // Вопросы истории. 1994. № 1.

Волкогонов Д. А. Драма решений 1939 года // Новая и новейшая история. 1989. № 4.

Донгаров А. Г. Война, которой могло не быть // Вопросы истории. 1990. № 5.

Донгаров А. Г. Предъявлялся ли Финляндии ультиматум? // Военно-исторический журнал. 1990. № 3.

Дудорова О. Д. Неизвестные страницы «зимней войны» // Военно-исторический журнал. 1991. № 9.

Ерусалимский А. Из истории англо-финских отношений в новейшее время // Исторический журнал. 1942. № 6.

Зорихин А. Г. Деятельность дешифровальных органов стран фашистского блока против СССР // Военно-исторический журнал. 2016, № 2.

Калинин Н. Советско-финская война и предательская политика английских лейбористов // Вопросы истории. 1950. № 3.

Маннинен О. Выстрелы были // Родина. 1995, № 12.

Медведев Р. А. Дипломатические и военные просчеты Сталина в 1939–1941 гг. // Новая и новейшая история. 1989. № 4.

Менгер М. О значении Финляндии для военного руководства Германии во Второй мировой войне // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1991.

Менгер М. Цели и результаты политики Германии в отношении Финляндии перед Второй мировой войной // Скандинавский сборник. XXIII. Таллинн, 1978.

Нестеров А. В. «Советский фактор» в датской политике и «зимняя война» // Северная Европа. М., 1995.

Носков А. Советско-финляндская война 1939–1940 гг. // Украинский исторический журнал. 1990. № 1.

Носков А. М. Северный узел // Военно-исторический журнал. 1990. № 3.

Орлов А. Можно ли было избежать конфликта? // Родина. 1989. № 8.

Панкрасова М. И. В канун Второй мировой войны. 1939 // Новая и новейшая история. 1985. № 5.

Полвинен Т. Финляндия в международной политике до «зимней войны» // Вопросы истории. 1990. № 10.

Рейнольдс Д. Великобритания и «Третий рейх». 1933–1940 // Новая и новейшая история. 1991. № 3.

Севостьянов П. Накануне великой битвы. Сентябрь 1939 — июнь 1941 // Международная жизнь. 1980. № 6.

Севостьянов П. Перед великим испытанием (внешняя политика СССР в 1939–1941 гг.) // *Международная жизнь*. 1972. № 10–11.

Сиполс В. Я. Тайные документы «странной войны» // *Новая и новейшая история*. 1993. № 2.

Степаков В. Н. Легенды и мифы советско-финляндской войны // *Вопросы истории*. 1997, № 3.

Федоров В. Г. Финляндия и империалистические державы накануне мировой войны // *Новая и новейшая история*. 1964. № 6.

Фляйшхауэр И. Пакт Молотова — Риббентропа: германская версия // *Международная жизнь*. 1991. № 7.

Ходнев А. С. Закат Лиги Наций // *Вопросы истории*. 1993. № 9.

Чевела П. П. Итоги и уроки советско-финляндской войны // *Военная мысль*. 1990. № 4.

Шейнис З. С. Александра Коллонтай — советский дипломат // *Новая и новейшая история*. 1985. № 4.

Шейнис З. С. Полпред Б. Е. Штейн (штрихи к биографии) // *Новая и новейшая история*. 1991. № 1.

Эдмондс Р. Начало войны. 1939 год // *Международная жизнь*. 1989. № 10.

Яacobсон М. «Зимняя война»: взгляд из Финляндии // *Родина*. 1989. № 8.

Ahto S. Ajatuksia talvisodasta // *Sotilasaikakauslehti*. 1985. № 2.

Arimo R. Osapuolten näkemys erot talvisodasta // *Sotilasaikakauslehti*. 1985. № 12.

Arimo R. Vapaussodan päämajasta talvisodan päämajaa // *Sotilasaikakauslehti*. 1989. № 11.

Baryshnikov N. The Soviet-Finnish War of 1939–1940 // *The Soviet Union and Second World War. Soviet Studies in History*. Winter, 1990–91. Vol. 29. № 3.

Baryshnikov V. The USSR's Decision to Begin the 'Winter War', 1939–40 // *Mechanisms of Power in the Soviet Union*. London; New York, 2000.

Baryšnikov N. Eräitä Neuvostoliiton ja Suomen sodan 1939–1940 syntyyn ja kulkuun liittyviä poliittisia ja sotilaallisia näkökohtia // *Yksin sota — monta näkemystä*. Tampere, 1990.

Baryšnikov V. Neuvostoliiton ja Suomen sisaisten kehitystekijöiden vaikutuksesta keskinaisten turvallisuusongelmien ratkaisemiseen 1930-luvun lopulla // *Talvisota. Suomi ja Venäjä* // *Historiallinen Arkisto*, 1991, № 95.

Dilks D. Great Britain and Scandinavia in the «Phoney War» // *Scandinavian journal of History*. 1977. № 2.

S. E. (Seikko Eskola). Talvisota // *Kanava*. 1989. № 6.

Grandell L. Poliitiikka ja puolustuslaitoksen perushankinnot ennen talvisotaa // *Sotilasaikakauslehti*. 1962. № 11, 12.

Gust C-F. General Vlasov's army — the Finnish connection // *Труды кафедры истории Нового и новейшего времени*. 2017. № 17 (2).

- Hyvämäki L.* Fasistiset ilmiöt Baltian maissa ja Suomessa 1920-luvun lopussa ja 1930-luvulla // Historiallinen Arkisto. 1977. № 72.
- Häikiö M.* Suomi ja yksin talvisodassa — vai jäikö? // Kanava. 1989. № 6.
- Jakobson M.* Talvisodasta 50 vuotta // Kanava. 1989. № 6.
- Julkunen M.* Myytti Saksan vaikutusvallasta Suomessa 1930-luvun lopulla // Historiallinen Aikakauskirja. 1989. № 3.
- Julkunen M.* Perinteet ja realismi. Suomen puolustusvoimat saksalaisarvioissa 1930-luvulla // Tiede ja Ase. 1981. № 39.
- Julkunen M.* Saksan vai Englannin vaikutusvalta Suomessa 1930-luvulla. Unkari Suomen kansainvälisen aseman vertailukohtana // Turun Historiallinen Arkisto. 1987. № 42.
- Jussila O.* Neuvostolainen jälkikuva Terijoen hallituksesta // Historiallinen Aikakauskirja. 2002. № 1.
- Jussila O.* Punainen paperipeto // Historiallinen Aikakauskirja. 1992. № 1.
- Jussila O.* Talvisota Stalinin päiväunissa // Kanava 1989. № 6.
- Kalela J.* Näkökohtia pohjoismaisesta yhteistyöstä Suomen ulkopoliitikassa maailmansotien välisenä aikana // Historiallinen Aikakauskirja. 1971. № 3.
- Kalela J.* Ulkoministeri Enckell ja reunavaltiopoliittikka vuonna 1922 // Historiallinen Aikakauskirja. 1966. № 4.
- Kiljunen K.* Epäluottamusta luottamukseen — Suomen linja 1941–1947 // Ulkopoliittikka. 1982. № 2.
- Kilkki P.* Talvisodan suojajoukkotaistelut Karjalan kannaksella // Tiede ja Ase. № 27. 1969.
- Korhonen K.* Suomen ulkopoliittinen ja kansainvälisen aseman tutkimuksesta // Historiallinen Arkisto. 1978. № 71.
- Kronlund J.* Kuva talvisodasta — 50 vuotta valintaa // Sotilasaikakauslehti. 1989. № 11.
- Manninen O.* Väli rauha — olemassaolon säilyttämiseksi // Historiallinen Aikakauskirja. 2004. № 1
- Manninen O.* Suomi oli miehitetty // Sotilasaikakauslehti. 1990. № 4.
- Menger M.* Von Stalin unterschätzt // Wochenposten. 1989. № 50.
- Myllyniemi S.* Talvisota Suomen ja Neuvostoliiton historiassa // Historiallinen Aikakauskirja. 1990. № 4.
- Nevakivi J.* Ranskan Suomelle talvisodan 1939–1940 aikana tarjoamasta sotilasavusta // Tiede ja ase. 1976. № 34.
- Nevakivi J.* Suominen kysymys Kansainliitossa joulukuussa 1939 // Historiallinen Aikakauskirja. 1971. № 4.
- Nurek M.* Great Britain and the Scandinavian Countries before and after the Signing of the Munich Agreement // Acta Poloniae Historica. 1989. № 59.
- O. M. (Manninen O.).* Käkisalmen hallitus on kuultakoon toista puolta // Historiallinen Aikakauskirja. 1991. № 3.
- Oesch K. L.* Talvisotaa edeltäneet neuvottelut Moskovassa ja Suomen puolustusvalmius // Tiede ja Ase. 1960. № 18.

- Polyvinon T.* USA ja Suomen talvisota // Historiallinen Aikakauskirja. 1984. № 4.
- Salomaa M.* Terijoen hallituksen mysteeri // Historiallinen Aikakauskirja. 1985. № 1.
- Saraste E.* Talvisodan taloudelliset edellytykset // Sotilasaikakauslehti. 1989. № 11.
- Selén K.* Mannerheimin toinen tuleminen // Valvoja. 1967. № 2.
- Selén K.* The main lives of finnish security policy between the World War // Revue Internationale d'Histoire Militaire. 1985. № 62.
- Soikkanen H.* SKP:n ja muiden vasemmistoradikaalien turvallisuuspoliittisen asennoitumisen kolme vaihetta 1919–1939 // Historiallinen Aikakauskirja. 1978. № 4.
- Suing D.* Stalin ja talvisota // Ulkopoliitiikka. 1989. № 4.
- Suomi J. A. K.* Cajanderin «punamulta hallituksen» syntyvaiheet // Historiallinen Aikakauskirja. 1971. № 2.
- Turtola M.* Syyllinen vai syytön? Talvisodan tulkintoja tutkimuksissa ja muistelmissa // Ulkopoliitiikka. 1989. № 4.
- Uino A.* Kokoomuspuolueen tie talvisotaan // Historiallinen Aikakauskirja. 1989. № 3.
- Vehviläinen O.* Toisen maailmansodan ajopuu keskustelun jälkeen kysymyksiä, tuloksia, tavoitteita // Historiallinen Arkisto. 1986. № 88.
- Vihavainen T.* Neuvosto Lehdistö ja «Suomen kriisi» talvella 1939–40 // Historiallinen Aikakauskirja. 1984. № 1.
- Vihavainen T.* Leningradin turvaaminen stalinismin näkökulmasta // Kanava. 1989. № 6.
- Vihavainen T.* Neuvostoliiton sisäinen kehitys ja talvisota tulkinnat // Ulkopoliitiikka. 1989. № 4.
- Vihavainen T.* The Soviet Decision for War against Finland. November 1939. A comment // Soviet Studies. Vol. XXXIX. 1987. № 2.
- Visuri P.* Talvisodan strateginen kehitys // Sotilasaikakauslehti. 1989. № 11.
- Visuri P.* Talvisodan vaikutus sotilaalliseen ja strategiseen ajatteluun Euroopassa // Kanava. 1989. № 6.
- Vuorenmaa A.* Talvisota on taitoa ja taktiikkaa // Sotilasaikakauslehti. 1989. № 11.
- Vuorenmaa A.* Defensive strategy and basis operational decisions in the Finland Soviet Winter War 1939–1940 // Revue Internationale d'Histoire Militaire. 1985. № 62.
- Vuorenmaa A.* Finland's Defence Forces: the Years of Construction 1918–1939 // Revue Internationale d'Histoire Militaire. 1985. № 62.
- Wahlbäck K.* Finland, Sverige och Sovjet 1938–1939. Från vinterkriget för historia // Ulkopoliitiikka. 1987. № 4.
- Zatis V.* Talvisota ja Baltian entente // Historiallinen Arkisto. 1991. № 95.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие от издателей	3
Предисловие.....	7
Часть I. ПОЛИТИКА СССР В ОТНОШЕНИИ ФИНЛЯНДИИ в 1937–1939 гг. И СТРАНЫ ЗАПАДА	29
Глава I. СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В КАНУН ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	31
От официальных встреч к секретным переговорам.....	31
Тайная миссия Б. Е. Штейна.....	66
В тени европейских интриг	91
Глава II. В ОБСТАНОВКЕ НАЧАЛА МИРОВОЙ ВОЙНЫ	132
Предчувствие надвигающейся катастрофы	132
Первый этап советско-финляндских переговоров.....	158
Срыв переговоров	177
Часть II. ВОЙНА	201
Глава I. НОЯБРЬ 1939 г.	203
Советский Союз накануне войны	203
Майнилавский инцидент	231
Глава II. «ЗИМНЯЯ ВОЙНА»	255
Начало «финской войны» — первые результаты	255
На политической арене	288
Лига Наций и Советско-финляндская война.....	307
Глава III. НЕСОСТОЯВШЕЕСЯ ВСТУПЛЕНИЕ ВО ВТОРУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ	336
На фоне мировой войны.....	336
Реальная помощь, которую получила Финляндия.....	356
Финляндия, Советский Союз и Запад в финальной стадии 105-дневной войны.....	373
Заключение	403
Именной указатель	420
Библиография	424

Владимир Николаевич Барышников

ФИНСКАЯ ВОЙНА

Выпускающий редактор *Е. Р. Секачева*
Художественное оформление
и компьютерная верстка *В. В. Забковой*
Корректор *Л. А. Куртова, Н. И. Натальина*

ООО «Издательство «Кучково поле»
Москва, 117312, ул. Вавилова, д. 53, к. 1, помещ. 1Н.
Тел.: (495) 256 04 56; e-mail: info@kpole.ru
www.kpole.ru

Подписано в печать 04.05.2023
Формат 165×235 мм. Печ. л. 28
Тираж 1000 экз. Заказ № 3183

ISBN 978-5-907171-89-3

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, тел. 8(499)270-73-59